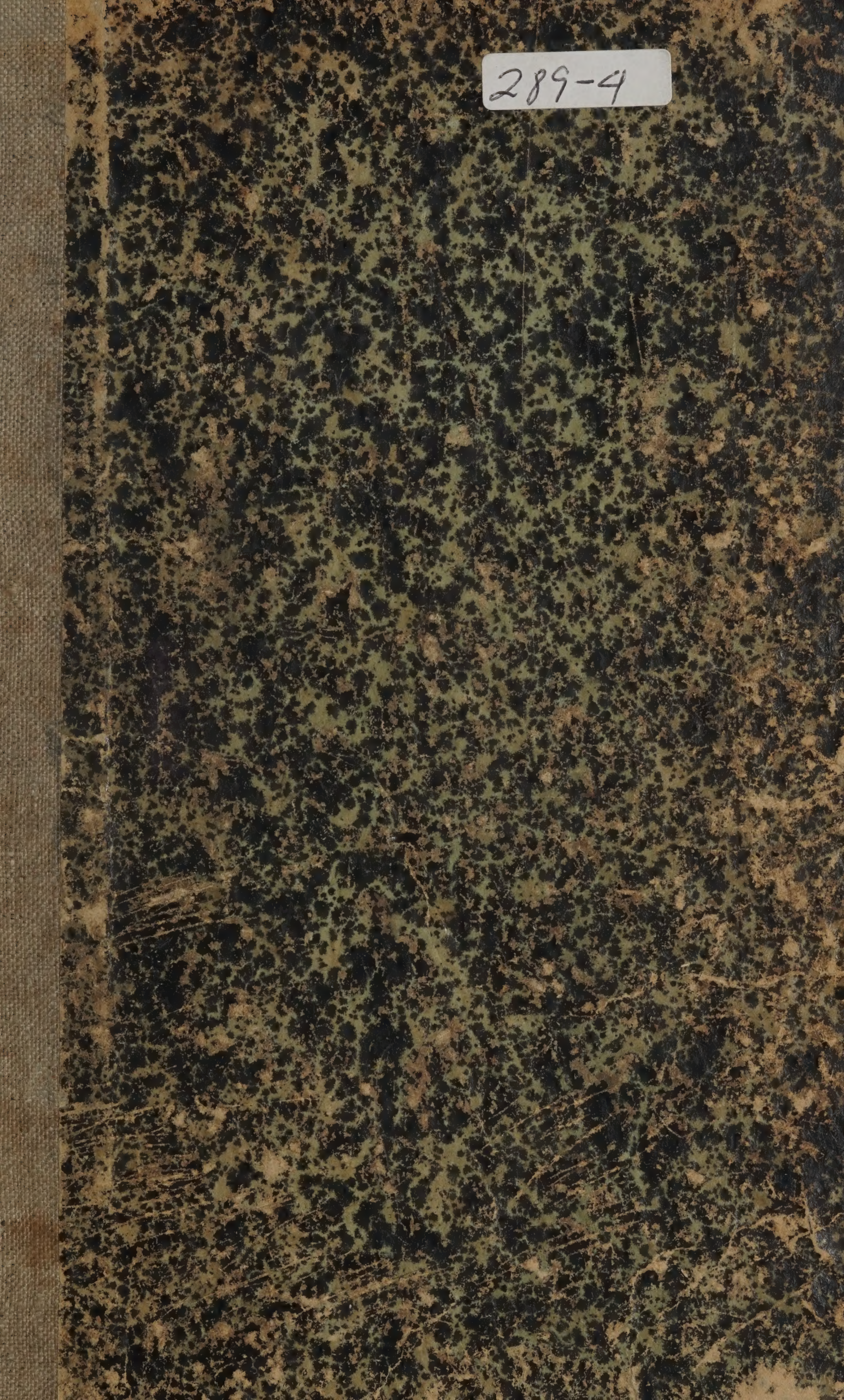
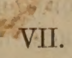

289-4

СЧАСТЬЕ ПОНЕВОЛѢ [1].

VII.

УШНЫЙ день смѣнился прохладной ночью. Дулъ свѣжій вѣтерокъ съ поля. Кругомъ не на чемъ глаза остановить: все поля и поля, а дальше за ними темный горизонтъ.

Они ѣхали по широкой пыльной дорогѣ, которая часто развѣтвлялась въ разныя стороны. Всякій разъ, когда это случалось, кучеръ непремѣнно останавливалъ лошадей и говорилъ, обернувшись къ отцу Гурію:

— Ужъ я тутъ и не знаю... Давно не бывалъ въ этихъ мѣстахъ, что-то не припомню... Чи направо, чи налѣво, отецъ дьяконъ... Богъ его знаетъ, еще не туда возьмешь.

Отецъ Гурій внимательно осматривалъ мѣстность и въ концѣ концовъ тоже ничего не понималъ. Всѣ дороги такъ были похожи одна на другую, всѣ онѣ развѣтвлялись, когда по пути стоялъ какой нибудь хуторъ или небольшое село. Какъ ее упомнишь?

— Да я тоже не знаю, ужъ ты, братецъ, какъ нибудь довези куда слѣдуетъ...

— Да кажись, что направо... Такъ это, самъ не знаю отчего, а кажется мнѣ, что будто направо.

— А сколько верстъ до Коломеевки, не знаешь?

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVIII, стр. 7.

— Верстъ?—переспрашивалъ кучеръ,—кажись, семь либо восемь... Такъ считаютъ. Только я рѣдко въ этихъ мѣстахъ бываю и не могу за вѣрное сказать.

И онъ поворачивалъ направо и опять ѣхалъ. Что-то долго тянулась дорога, ѣхали они, ѣхали, и никакъ не могли добраться до Коломеевки. Вотъ съ лѣвой стороны показался хуторокъ. Въ окнахъ блеснули огоньки. Отецъ Гурій посмотрѣлъ на него съ большимъ сомнѣніемъ.

— Вотъ хоть убей меня,—сказалъ онъ,—не помню я, чтобы въ этихъ мѣстахъ, когда ѣхать въ Коломеевку, былъ хуторъ. Не сбился ли ты съ дороги?

— А Богъ его знаетъ, кажись, что нѣтъ... А, можетъ, и сбился. Никакъ этого знать нельзя...

— Ну, поѣзжай уже, что тамъ... Куда нибудь да пріѣдемъ... Вѣдь не можетъ же такъ случиться, чтобъ мы весь вѣкъ ѣхали и никуда не пріѣхали. Этого, кажется, ни съ кѣмъ еще не случалось.

Спутники, кромѣ этихъ экстренныхъ случаевъ, всю дорогу молчали. Кажется, оба они чувствовали себя въ чемъ-то виноватыми. Отцу Гурію было неловко оттого, что онъ завезъ богослова въ неприличное мѣсто, гдѣ оказались пьянство и драка. Маккавеевъ винилъ себя за то, что вотъ онъ опять не женился. Это начинало страшно удручать его. Приходили въ голову самыя скверныя мысли на счетъ того, что онъ, пожалуй, и вовсе не способенъ жениться... И присутствіе рядомъ отца Гурія обременяло его. Онъ чувствовалъ, что съ нимъ сидитъ человѣкъ, посвятившій ему нѣсколько дней своего драгоцѣннаго времени, съ такимъ жаромъ отнесшійся къ его судьбѣ и въ концѣ концовъ ничего не добившійся.

И теперь, какъ это ни странно, онъ въ душѣ радовался, что вотъ они ѣдутъ къ какому-то отцу Софронію, у котораго вовсе нѣтъ дочки. Это доставляло ему истинное удовольствіе.

Наконецъ, отцу Гурію надоѣло молчать, и онъ первый заговорилъ:

— Вотъ, братецъ ты мой, какъ ни дорого намъ время, а приходится даромъ терять его.

— Почему же даромъ, отецъ Гурій?

— Да какъ же не даромъ? Ну, что ты будешь дѣлать у этого отца Софронія?

— Да оно правда,—согласился Маккавеевъ, и вдругъ неожиданно для самого себя прибавилъ изъ глубины души:—и слава Богу это...

— Какъ такъ слава Богу?—съ изумленіемъ спросилъ отецъ Гурій.

— Да я къ тому это говорю, что... какъ бы это сказать... Надобно хоть передохнуть немного. Знаете, мнѣ уже цѣлый день хочется встрѣтить такого человѣка, на котораго я могъ бы посмотрѣть просто такъ, чтобъ не думать о женитьбѣ... А то на кого ни посмотришь, все думаешь: вотъ у этого дочка, на которой можно жениться,

или прямо вотъ дѣвица, которую можно за себя взять... Иначе и смотрѣть нельзя...

— Гм... передохнуть захотѣлъ,—скажите, пожалуйста. Подумаешь, что его мѣшки заставляли таскать, а ему невѣстъ показывали, только и всего. Такъ, я думаю, это даже пріятно.

— Что-жъ тутъ пріятнаго, отецъ Гурій? Вонъ у Голопузова мнѣ тоже невѣсту показывали, а вышло неособенно пріятное дѣло...

— Ну, ты Голопузовымъ меня не кори, не къ одному Голопузову я тебя возилъ. Это правда, на Голопузовой дочкѣ я бы тебѣ по совѣсти не посовѣтовалъ жениться. Чортъ съ ними и съ двадцатью тысячами. На двадцать тысячъ польстишься, а будешь всю жизнь мучиться. Вонъ отецъ Мемнонъ говоритъ, что она водку пьетъ. Я, положимъ, не вѣрю, потому что вообще отцу Мемнону не вѣрю. А только отчего-жъ бы ей водку не пить, коли у нея такая компанія... И при томъ же—водка у нея своя, ничего не стоитъ... Можетъ, она и пьетъ. Что-жъ, случается, я думаю, и отцу Мемнону иногда правду сказать. Ну, а ежели она водку пьетъ, такъ это, братецъ ты мой, дѣло совсѣмъ пропащее. Это дороже двадцати тысячъ стоитъ. Ну, на счетъ прочаго, что тамъ болталъ отецъ Мемнонъ, то-есть на счетъ распутства, этому я окончательно не вѣрю; не видно этого. Не видно, чтобъ она была такая... Ну, хорошо, а что-жъ дальше-то?

— Какъ дальше?

— Ну, переночуемъ мы у отца Софронія, прекрасно. А потомъ останется всего три или четыре дня до пріѣзда преосвященнаго, слѣдовательно завтра послѣдній день. Если завтра невѣсты не найдемъ, такъ дѣло окончательно пропащее...

— Да я откажусь, отецъ Гурій.

— Что-о? Откажешься? Это какъ же такъ? Не смѣй и думать. Какъ? Преосвященный нарочно назначилъ твое рукоположеніе, чтобы служба торжественнѣе была, чтобы простой деревенскій народъ видѣлъ, какъ рукополагають, а ты вдругъ откажешься? Да за это, знаешь, что тебѣ преосвященный сдѣлаетъ? Онъ прямо тебѣ отъ мѣста навсегда откажетъ. Вотъ оно что... А потомъ Окуневка? Ты думаешь, легко найти такой приходъ? А наконецъ труды наши, что жъ это мы даромъ валандаемся по полямъ сколько дней?

— Такъ нѣту же, нѣту, отецъ Гурій, вѣдь нѣту!

— Будетъ. Изъ земли вырою, а достану. Какъ можно, чтобы богословъ, да еще съ такимъ приходомъ, не досталъ себѣ невѣсту! Да этого еще никогда не бывало. Да куда ты везешь насъ?—вдругъ обратился онъ къ кучеру.—Тутъ и дорога совсѣмъ не такая, что-то странное. Никогда я по этой дорогѣ не ѣздилъ.

— Та самая, отецъ дьяконъ. Откуда ей не такой быть,—довольно вяло отвѣтилъ кучеръ и сильно хлестнулъ лошадей кнутомъ.

Вдали показались частые огни. Ужъ это не могъ быть какой нибудь хуторокъ, а навѣрное что-то большое.

— Ну, вотъ и деревня,—сказалъ кучеръ, указывая кнутомъ по направленію къ огонькамъ.

— Деревня-то деревня, да Коломеевка ли?—спросилъ отецъ Гурій.

— Надо полагать, Коломеевка, а настояще не знаю. Ночь, темнота, не услѣдишь, дорогъ-то много. Если бы хоть столбы стояли на перекресткахъ, чтобы написано было на нихъ: тутъ вотъ Коломеевка, тамъ вотъ Карповка, такъ оно можно было бы знать навѣрняка, а то вѣдь такъ больше, нюхомъ чувствуешь и воротишь.

А огоньки все подвигались ближе; вотъ они въѣхали и въ село. По обѣ стороны широкой улицы ровными рядами идутъ хаты. Слѣва блеститъ довольно широкая рѣчка, окаймленная камышами. Впереди возвышается церковь съ мѣднымъ крестомъ, въ которомъ отражается блескъ звѣздъ.

«Нѣтъ,—подумалъ отецъ Гурій,—что-то не похоже на Коломеевку; это не Коломеевка. Что же это за село такое? Э, что тамъ, все равно, какое село. Церковь есть, значитъ, и попъ есть. Ужъ къ кому нибудь да попадемъ».

Онъ напрягалъ свою память и старался припомнить, нѣтъ ли въ уѣздѣ такого села и такого попа, которыхъ онъ не знаетъ. Можетъ статься, что есть.

— И вдругъ, братецъ ты мой,—сказалъ отецъ Гурій, обращаясь къ Маккавееву,—попадемъ мы къ такому попу, какой мнѣ и въ голову не приходилъ, и у него окажется дочка, и тебѣ она понравится, и тутъ-то именно ты и женишься. Вѣдь бываетъ же такое. Ну, тогда уже значитъ судьба уготовала. И противъ этого ничего не скажешь.

Неподалеку отъ церкви стоялъ длинный невысокій домъ. Должно быть, это и былъ церковный домъ.

Кучеръ оглянулся:—сюда что ли, отецъ дьяконъ?—спросилъ онъ.

— А я почемъ знаю, должно быть, что сюда.

— Такъ повернуть лошадей или какъ?

— Пожалуй, поверни.

Въ домѣ, отдѣленномъ отъ церкви небольшой площадкой, въ окнахъ свѣтились огоньки, но никакого движенія не было замѣтно; подъѣхали къ крыльцу и остановились. Изъ дому никто не выходилъ.

Отецъ Гурій, не давая себѣ труда встать изъ экипажа, вопросилъ:—А есть тутъ хозяева? Ежели тутъ живутъ православные христіане, то впустите странниковъ переночевать.

Онъ подождалъ съ полъ-минуты, но, не получивъ отвѣта, прибавилъ.—Да, должно быть, что есть; коли огни есть, то и люди найдутся. А то кто же бы и зажегъ ихъ? Не сами же они зажглись. А, ну-ка, войдемъ.

Они сошли на землю; отецъ Гурій подошелъ къ окну и посту-

чалъ въ него. Кто-то зашевелился внутри и отворилъ дверь. Оказалось, что это была простая баба.

— Эй ты, баба, кто тутъ живетъ? — спросилъ ее отецъ Гурій.

— Тутъ?—переспросила баба.—Люди живутъ, а то кто же...

— Само собою люди, да кто такіе? Духовное лицо, или нѣтъ?

— А какъ же не духовное, само собою духовное. Тутъ отецъ дьяконъ живетъ.

— Дьяконъ? Ну, ладно, дьяконъ, такъ дьяконъ. И у дьякона переночуемъ, коли впуститъ.

— А для чего не впустить? Люди вы, видно, хорошіе, такъ почему же не впустить? Пожалуйте.

Они вошли сперва въ сѣни, а потомъ баба отворила передъ ними дверь, и глазамъ ихъ представилась довольно большая комната съ множествомъ разставленныхъ у стѣнъ стульевъ. У одной стѣны стоялъ какой-то непонятный для нихъ музыкальный инструментъ въ родѣ органа. Въ углу помѣщались въ большомъ количествѣ иконы, передъ ними на низенькомъ угольникѣ теплилась лампада. Въ сосѣдней комнатѣ слышался сдержанный шопотъ, и, повидимому, не одна пара ногъ осторожно ходила нацыпочкахъ.

Отецъ Гурій остановился передъ образами и перекрестился.

— А хозяевъ что-то не видать,—сказалъ онъ.

— Сейчасъ, сейчасъ выйдутъ,—послышался изъ сосѣдней комнаты чрезвычайно тонкій, но не женскій голосъ.

У отца Гурія какъ-то сами собой приподнялись плечи, и онъ вопросительно посмотрѣлъ на Маккавеева.

— Что за голосъ такой? Что-то знакомое.

У Маккавеева тоже что-то въ этомъ родѣ мелькнуло въ головѣ; но оба они не успѣли сообразить хорошенько. Въ это время изъ внутреннихъ покоевъ вышло духовное лицо,—худенькое и очень маленькаго роста.

— Отецъ Мемнонъ!—почти съ ужасомъ воскликнулъ отецъ Гурій. Этого онъ совсѣмъ не ожидалъ.

— Боже мой,—съ невѣроятнымъ радушіемъ промолвилъ отецъ Мемнонъ,—кого я вижу? Вотъ такъ судьба! Вотъ это воистину судьба... А мнѣ баба говоритъ: подъѣхалъ, говоритъ, какой-то батюшка, такой, говоритъ, изъ себя статный, высокій да красивый. Я и думаю, кто такой можетъ быть? Можетъ, думаю, отецъ Павелъ изъ Мочаловки въ городъ ѣдетъ, да по дорогѣ заѣхалъ, либо, думаю, отецъ Андрей изъ Панфиловки... И вдругъ кого же я вижу? Это—вы, отецъ Гурій... Такъ это же вдвойнѣ пріятно, то-есть это мнѣ такая радость, такая радость... Помилуйте, такіе гости. Охъ, ты, Господи, ужъ я не знаю, какъ и описать вамъ. Садитесь же. Благодарю васъ, то-есть такъ благодарю, такъ благодарю...

Отецъ Гурій стоялъ посреди комнаты огорошенный и смотрѣлъ

то на Маккавеева, то на отца Мемнона. Онъ просто не зналъ, какъ ему быть и что отвѣчать на всѣ любезности хозяина.

Но такъ нельзя было долго оставаться. Какъ—никакъ, а все же они гости, а отецъ Мемнонъ хозяинъ, да къ тому же еще любезный хозяинъ, радость высказываетъ, принимаетъ ихъ, точно архіерея... Одну минуту мелькала у него въ головѣ мысль повернуть обратно къ порогу, да и уѣхать куда нибудь подальше. Но это была совсѣмъ неисполнимая мысль. Какъ же,—хозяинъ передъ ними разсыпается въ любезностяхъ, говоритъ и то, и это, и третье.. И радъ онъ, и не ждалъ такихъ гостей, и всякое прочее... А они просились ночевать, и ночевать ихъ впустили. Какъ же можно такъ обижать человѣка и ни за что ни про что?.. Онъ, положимъ, человѣкъ поганенькій, этотъ отецъ Мемнонъ. Но сейчасъ онъ ничего дурного не дѣлаетъ, а напротивъ ведетъ себя отлично. И отецъ Гурій началъ говорить.

— Да видите, отецъ Мемнонъ, какая съ нами исторія приключилась: ѣхали мы совсѣмъ въ другое мѣсто и по дорогѣ заблудились. Кучеръ-то городской, здѣшнія мѣста не твердо знаетъ, ну, вотъ и заблудились.

— Ну, такъ я возблагодарю Бога за то, что онъ спуталъ вамъ дорогу,—сказалъ отецъ Мемнонъ,—и что привелъ ко мнѣ такихъ дорогихъ гостей. Раздѣвайтесь же, отецъ Гурій, что вамъ въ рясѣ-то сидѣть, въ рясѣ жарко, въ кафтанѣ легче, вы не стѣсняйтесь. Мы люди-то свои.

И онъ снималъ съ отца Гурія рясу, а потомъ дѣятельно усаживалъ его на диванъ и при этомъ говорилъ:—Вотъ сейчасъ жена выйдетъ и молодежь... Чай будемъ пить.—И при этомъ въ его лицѣ, въ тонѣ, въ движеніяхъ выражалась необычайная радость.—Ну, а что же, отецъ Гурій, чѣмъ тамъ кончилось, у Голопузова?—спрашивалъ онъ.—Должно быть, въ конецъ разодрались? Ну, и сыночка же мнѣ Богъ послалъ, нечего сказать. Еще хорошо, что мы во время спохватились. Что-жъ намъ больше оставалось—удрать, только и всего. Развѣ я не такъ разсуждаю, отецъ Гурій? Ну, а они вѣдь еще тамъ помирятся и еще до утра будутъ водку пить вмѣстѣ, еще цѣловаться будутъ, друзьями сдѣлаются. Я знаю ихъ манеру. Вы извините меня, я на минутку выйду... Надо женѣ сказать... Ужъ извините.

И отецъ Мемнонъ ушелъ въ ту самую дверь, изъ которой вышелъ. Отецъ Гурій и Маккавеевъ остались вдвоемъ. Отецъ Гурій сперва подозрительно осмотрѣлъ всѣ углы комнаты, а затѣмъ тихо, шопотомъ, промолвилъ, обратясь къ Маккавееву:

— Что ты объ этомъ думаешь, Егоръ Трофимовичъ? Какъ это такъ странно вышло?

— Не знаю, отецъ Гурій. Оно правда, тутъ есть что-то такое...

— Да, есть. Какъ же это такъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, ѣхали

въ Коломеевку, а очутились тутъ. Оно, положимъ, мы заблудились, это дѣйствительно. А все-таки странно, что, заблудившись, вотъ именно къ отцу Мемнону пріѣхали; это, братъ, штука. Ну, что-жъ, переночевать можно, переночуемъ...

— Переночуемъ,—согласился Маккавеевъ.

— Гм... Какъ это удивительно! Отчего это непремѣнно къ отцу Мемнону? И какъ они скоро пріѣхали, и лошаденки у нихъ прескверныя, а вотъ поди же. Они уже давно дома. Гм... А дѣвицъ-то у него множество, женись-ка на одной, Егоръ Трофимовичъ,—съ усмѣшкой промолвилъ отецъ Гурій и даже какъ-то игриво потрепалъ Маккавеева по плечу.

— Знаете, отецъ Гурій, ей-Богу, мнѣ все равно,—съ глубокимъ равнодушіемъ отозвался Маккавеевъ.—Мнѣ такъ надоѣло, мнѣ такъ надоѣло...

— А мнѣ, думаешь, нѣтъ?

— Такъ вѣдь вы же не женитесь, отецъ Гурій.

— Да ужъ если бы я женился, такъ повѣрь давно бы выбралъ себѣ невѣсту...

— Отецъ Гурій, такъ научите меня, что же дѣлать? Вы знаете, я уже собственно для васъ готовъ жениться, ей-Богу. Ну, хотите, поѣдемте назадъ, и я на Голопузовой дочкѣ женюсь.

— Ого, какой храбрый... Заднимъ умомъ. Ну, нѣтъ, этого я на свою душу не возьму... На Голопузовой дочкѣ я теперь тебя женить не согласенъ.

— Ну, на комъ же, на комъ?

— На комъ? А вотъ у отца Пафнутія былъ большой выборъ дѣвицъ, вотъ тамъ ты и оплошалъ съ своей Леонилой, и далась же тебѣ эта Леонила—изъ шестерыхъ дѣвицъ не могъ одной выбрать. Какой же ты послѣ этого богословъ! Э, да что говорить, я уже четыре дня говорю и никакого толку...

Въ это время на порогѣ показалась жена отца Мемнона. Она вышла вмѣстѣ съ дьякономъ, и эта пара сразу произвела на Маккавеева смѣшное впечатлѣніе. Жена отца Мемнона была высокая, плотная женщина, совершенная противоположность ему. Она и говорила толстымъ голосомъ, какъ бы для того, чтобы уравновѣсить непомѣрно тонкій голосъ отца Мемнона.

Она тоже сейчасъ же сдѣлала умильное лицо и принялась выражать радость по поводу пріѣзда столь дорогихъ гостей. Между тѣмъ, на столѣ стали появляться закуски, два сорта наливки, водка и наконецъ самоваръ. Вслѣдъ затѣмъ въ комнату высыпали знакомые уже Маккавееву дѣвицы и молодые люди, участники хора отца Мемнона.

Но на этотъ разъ вся эта компанія не держалась особнякомъ, а какъ-то сразу окружила и отца Гурія и Маккавеева, и всѣ заговорили съ ними такъ, какъ будто давно уже были знакомы. Но за-

тѣмъ можно было замѣтить одну странность. Дѣвицъ было всѣхъ съ полдесятка. Но четыре изъ нихъ держались отъ Маккавеева въ сторонѣ и какъ будто ухаживали за отцомъ Гуріемъ, хотя знали, что онъ никоимъ образомъ не могъ жениться ни на одной изъ нихъ, а около Маккавеева вертѣлась все одна дѣвица, довольно миловидная, которую называли Мушей, а иногда просто Мушкой. И Маккавеевъ никакъ не могъ догадаться, какъ ее собственно зовутъ.

Она сразу завладѣла богословомъ. Оказалось, что въ городѣ, гдѣ онъ учился, она рѣшительно всѣхъ знаетъ. Она знала, напримѣръ, архіерея не только въ лицо, но могла разсказать про образъ жизни его. Ей также было извѣстно множество анекдотовъ про архіерея, которыхъ вообще бываетъ большое обиліе среди духовенства.

— Я и вашего ректора знаю,—говорила она:—отца Василія. И инспектора знаю. А благочиннаго вы знаете?

— Нѣтъ, не знаю,—отвѣтилъ Маккавеевъ.—Но откуда вы всѣхъ ихъ знаете?

— О, я всѣхъ знаю,—отвѣчала Муша.—Я прежде въ городѣ жила у дяди. Мой дядя священникомъ въ кладбищенской церкви. Такъ и тамъ я и узнала всѣхъ... Я даже одинъ разъ съ дядей у архіе[рея] была... А что-жъ вы не кушаете? Позвольте, я вамъ маринату [по]ложу, у насъ хорошій маринатъ, сама тетя приготовляла. Въ наш[ей] рѣчкѣ крупная рыба водится, такъ мы ее и маринуемъ. А варень[я?] Развѣ вы не любите? Вотъ крыжовникъ, совѣтую вамъ крыжовникъ, я непремѣнно вамъ крыжовнику положу. Это самое мое любимое варенье.

Маккавеевъ машинально ѣлъ и маринатъ и варенье, хотя у него вовсе не было аппетита, и онъ неособенно любилъ сладкое. Онъ, благодаря угощенью Муши, выпилъ цѣлыхъ три стакана чаю и не потому, что у него была жажда, а просто не было силъ отказаться. Наконецъ, она предложила:

— Знаете что, пойдемте на воздухъ. Я такъ люблю на воздухѣ гулять. Я вамъ покажу наши мѣста.

— Ночью-то?—спросилъ Маккавеевъ.

— О, теперь свѣтло ночью... Сколько звѣздъ на небѣ...

Маккавеевъ какъ-то растерялся и почувствовалъ, что у него нѣтъ воли. На него вообще дѣйствовалъ натискъ. Отецъ Гурій слѣдилъ за нимъ во все время, когда его занимала Муша, и когда онъ увидѣлъ, что Маккавеева куда-то влекутъ, то хотѣлъ было остановить его и сказать:—куда это ты, Егоръ Трофимовичъ, вѣдь ты усталъ, скоро спать будемъ, не ходи... Но онъ ничего этого не сказалъ, онъ подумалъ: «а Богъ его знаетъ, можетъ, онъ судьбу свою найдетъ... Зачѣмъ я буду его останавливать... Вѣдь онъ странный... Сколько было дѣвицъ какъ слѣдуетъ, ему не понравились, ну, а вотъ эта мнѣ не нравится, а ему, можетъ, какъ разъ по душѣ придется. Да и надоѣла же эта возня... Ну, пусть его обкрутятъ. Что-жъ, дѣвица

шустрая, она можетъ его обработать. Ну, а ежели влопается, такъ самъ будетъ виноватъ. Что-жъ я съ нимъ подѣлаю, когда онъ такой медвѣдь!

И онъ промолчалъ.

— Такъ пойдемъ?—спросила Муша у Маккавеева.

— Пойдемъ,—покорно согласился Егоръ Трофимовичъ.

Самъ онъ не имѣлъ въ виду никакихъ матримоніальныхъ цѣлей, но ему казалось, что онъ какъ будто не имѣетъ права отказать ей, что онъ долженъ выпить всю чашу до конца.

Онъ взялъ шапку и пошелъ вслѣдъ за Мушей. Они вышли сперва во дворъ. Этотъ выходъ былъ съ другой стороны, не съ той, съ которой они подъѣхали въ экипажѣ.

— Вотъ сюда, направо, въ ворота,—сказала Муша.

Они вышли за ворота, и Маккавеевъ остановился.

— Пойдемте къ рѣчкѣ,—предложила Муша,—тамъ хорошо. Дайте мнѣ руку.

— Руку? Для чего?

Маккавеевъ никогда въ жизни не ходилъ съ дамами и тѣмъ болѣе не пробовалъ ходить съ ними подъ руку; онъ даже не зналъ, какъ это дѣлается, но, желая исполнить просьбу дѣвицы, протянулъ ей руку.

— Нѣтъ, не такъ... А вотъ какъ.

Она крѣпко ухватила его подъ руку и повела впередъ.

— Пойдемте,—сказала она.

Впереди блестѣла рѣка. Маккавеевъ видѣлъ, какъ она изливалась по ровной мѣстности, какъ среди темноты виденъ былъ только ея серебристый блескъ, а потомъ уходила куда-то въ темноту.

— Ахъ, какъ хорошо! — восклицала Муша. — Какое небо, посмотрите, какое небо. Что можетъ быть лучше этого, когда идешь вдвоемъ съ пріятнымъ человѣкомъ?

«Что это она такъ странно заговорила»,—подумалъ Маккавеевъ и промолвилъ вслухъ:—почему же я пріятный?

— Да такъ ужъ, не знаю почему. А только сразу это такъ мнѣ показалось—пріятный, да и только.

— Непонятно. Почему это я могъ бы быть вамъ пріятенъ?

— Ахъ, это всегда бываетъ непонятно; только тогда и хорошо, когда не понимаешь...

Маккавеевъ пожалъ плечами. Но она этого не замѣтила, потому что было темно. Они приблизились къ рѣкѣ; берегъ былъ не особенно высокъ, внизъ вела узенькая, извилистая тропинка. Они стали осторожно по ней спускаться.

Вотъ они уже у самой воды. На берегу лежалъ небольшой и невысокій камень съ довольно гладкой и ровной верхушкой, которая могла замѣнять скамейку.

— Сядемте здѣсь,—сказала она ему.

— Да тутъ негдѣ...—отвѣтилъ Маккавеевъ.

— Какъ негдѣ?.. А на камнѣ.

— Да тутъ вѣдь только одному можно помѣститься, тутъ одно мѣсто.

— Такъ это еще пріятнѣй, когда на одномъ мѣстѣ вдвоемъ сидѣть...

— Нѣтъ, ужъ садитесь вы, а я постою.

Она нѣсколько секундъ помедлила, какъ бы колебалась, но потомъ сѣла.

— Ахъ!—вздохнула она, глядя на рѣку.—Какъ хорошо... Только зачѣмъ вы не хотите сѣсть? Мнѣ какъ-то неловко, что я сижу, а вы стоите. Это даже не любезно, потому что вы гость. Ну, садитесь же... Вотъ тутъ.

Она подвинулась на самый край и освободила небольшую часть камня.

— Вотъ сюда,—прибавила она, указывая ладонью на мѣсто.—Ну, давайте руку и садитесь. Вотъ такъ...

Она подалась нѣсколько впередъ, взяла его руку и начала притягивать къ себѣ. Маккавеевъ слегка упирался, но не очень. Въ сущности ему было все равно, стоять или сидѣть. Ну, если ужъ ей такъ хочется, чтобъ онъ сѣлъ, онъ сядетъ. И онъ съ свойственной ему неловкостью и неуклюжестью помѣстился рядомъ съ ней.

— Ну, вотъ видите, оно и вышло ничего, что одно мѣсто... Вотъ же сидимъ... Ахъ, я бы такъ всю жизнь просидѣла.

— Какъ же это можно всю жизнь просидѣть,—возразилъ Маккавеевъ.—Всю жизнь просидѣть нельзя. Надо ходить и работать.

— Ахъ, не говорите, молчите... Мнѣ такъ хорошо...

Они сидѣли бокъ о бокъ. Мѣста было слишкомъ мало, чтобы между ними могло оставаться какое нибудь разстояніе. Но Маккавеевъ все-таки принималъ съ своей стороны мѣры, чтобы не особенно стѣснять сосѣдку, и подавался немного въ сторону. А она напротивъ, видимо, наклонялась къ нему и какъ бы нажимала на него.

— Ну, говорите же вы что нибудь, а то вы все молчите, а я должна говорить, это даже не любезно,—молвила Муша.

— Да я, знаете, не умѣю говорить,—отвѣтилъ Маккавеевъ.—Я никогда не умѣлъ говорить. Я и въ семинаріи все больше молчалъ.

— Ну, такъ молчите, все равно и такъ хорошо... дайте-ка вашу руку.

Маккавеевъ, не зная еще для чего, выдвинулъ свою руку. Она взяла ее.

— Неужели у васъ сердце не бьется?

— А ужъ, право, не знаю... Я никогда не слушалъ, бьется оно или не бьется.

— Ну, конечно, оно бьется, только я говорю, неужели у васъ не бьется оно сильно, не такъ, какъ всегда?

— И этого не знаю.

— А у меня какъ бьется! Вотъ послушайте...

— Какъ же это я буду слушать?

— А вотъ какъ...

И она довольно неожиданно для него притянула его руку къ себѣ и приложила ее къ своему сердцу.

Маккавеевъ усиленнаго сердцебіенія у нея не слышалъ. Но прикосновеніе къ ея груди вызвало у него дрожь по всему тѣлу и учащенное дыханіе.

— Что это вы дѣлаете? — спросилъ онъ, и голосъ у него какъ будто нѣсколько перемѣнился.

— А что? Сядьте-ка ближе.

— Какъ же это? Съ перваго разу... Съ первой встрѣчи и вдругъ...

— А если съ перваго разу человѣкъ по душѣ пришелся, такъ что-жъ...

И она продолжала держать его руку около своего сердца. Маккавеевъ не протестовалъ. Ему было это пріятно.

— А вы знаете Окуневку, вы были тамъ?—спросила Муша.

— Нѣтъ, не былъ. А вы почему знаете про Окуневку? Развѣ вамъ кто нибудь говорилъ?

— Мнѣ папаша сказалъ... А я тамъ была, я знаю... Тамъ хорошо... И приходъ хорошій и домъ церковный большой... Тамъ цѣлыхъ шесть комнатъ... Мнѣ такъ и представляется, какъ будто я ихъ вижу. Вотъ тутъ сейчасъ была бы прихожая... А тамъ гостиная... А сейчасъ налѣво спальная, а потомъ дѣтская... А сбоку отдѣльная комната, это столовая... А въ самомъ краю кабинетъ...

— На что ихъ столько?—промолвилъ Маккавеевъ.

— Какъ на что? Чѣмъ больше, тѣмъ лучше, пріятнѣе жить... Счастливые мужчины!

— Отчего это они счастливые?—спросилъ Маккавеевъ.

— А какъ же. Хочетъ жениться—и женится. Ему только захотѣть стоитъ..

— Ну, знаете, иной и хочетъ, да не можетъ...

— Какъ не можетъ?

— Такъ и не можетъ. Все ѣздитъ, ѣздитъ, выбираетъ себѣ невѣсту, и никакъ выбрать не можетъ.

— Это вы не можете жениться? съ усмѣшкой спросила она.

— А хотя бы и я..

— Такъ развѣ жъ это трудно? Взялъ и женился. Ну, вотъ такъ, какъ мы сидимъ вотъ здѣсь, а тамъ пошли въ церковь да и обвѣнчались... Ну, сядьте же ближе, что это вы все въ сторону, ей-Богу, даже обидно... Я вамъ не нравлюсь?

— Нѣтъ, отчего-жъ.. Вы... вы красивая...

И онъ какъ-то совсѣмъ безсознательно придвинулся. Его вдругъ повлекло къ ней. Кровь застучала у него въ вискахъ; пребываніе

руки около ея сердца не прошло для него даромъ. Можетъ быть, и она замѣтила, что рука его дрожитъ, и сильнѣе прижала ее къ груди.

Ея високъ касался его виска. Ея волосы щекотали ему лобъ. Ему было это очень пріятно.

— Вамъ хорошо?—спросила она.

— Отчего-жъ мнѣ... Мнѣ хорошо..

Голосъ его прерывался. И вдругъ она положила голову на его плечо, и ея горячія губы коснулись его шеи. Онъ вздрогнулъ, точно черезъ его тѣло пропустили электрическую искру. А она близко, близко пододвинулась къ нему. Ихъ колѣни касались, ея грудь тяжело вздымалась, и изъ груди этой вырвался глубокій вздохъ, полный страстнаго томленія.

Ему захотѣлось обнять ее, и свободная рука уже тянулась къ ней. Но вдругъ какое-то новое, противоположное теченіе прошло черезъ все его тѣло, какой-то холодъ стиснулъ его сердце, онъ остановился и замѣтно отстранился отъ нея.

— Нѣтъ, зачѣмъ... пробормоталъ онъ: — зачѣмъ вы такъ...

— Что?—спросила она не совсѣмъ своимъ голосомъ.

Онъ всталъ.—Уже поздно. Пойдемъ,—какъ-то лѣниво промолвилъ онъ, глядя не на нее, а въ сторону...

— Какой вы, право!

Она вся потянулась съ какой-то глубокой тоской и поднялась.

— Пойдемте... Поздно.. Да, поздно.. какъ-то машинально говорила она. — Вы завтра не уѣдете?

— Завтра?.. Н... нѣтъ... Не знаю... Какъ отецъ Гурій...

— Какой вы странный!

— Да, я странный...

Она опять схватила его подъ руку.

— Не уѣзжайте, не уѣзжайте..

Онъ промолчалъ на это, и они пошли рядомъ. Всю дорогу они молчали. Изъ двора на встрѣчу имъ бросилась собака и довольно свирѣпо залаяла.

— Пошелъ, Волчокъ, пошелъ!—крикнула на нее Муша.

Собака отскочила прочь и замолкла. Они дошли до калитки, около которой была приставлена доска, замѣнявшая скамейку.

— Идите... сказала Муша,—а я сейчасъ приду.—И она сѣла на скамейку.

— А собаки?—спросилъ Маккавеевъ:—онѣ злыя?

— Онѣ не тронутъ васъ... Ихъ нѣтъ во дворѣ, онѣ всѣ за воротами. Идите.

Маккавеевъ пошелъ. Онъ довольно безопасно прошелъ черезъ дворъ, гдѣ дѣйствительно не оказалось собакъ, и знакомымъ уже ходомъ вошелъ въ сѣнцы, а затѣмъ въ большую комнату, гдѣ все общество продолжало еще сидѣть за самоваромъ и закусками.

— А гдѣ же Муша?—спросили его.

— Она тамъ... Она за воротами осталась, сейчасъ придетъ,— отвѣтилъ Маккавеевъ какимъ-то страннымъ неувѣреннымъ тономъ.

Дѣвицы переглянулись. Одна изъ нихъ спросила съ тонкой усмѣшкой:—Хороша у насъ рѣка? Вамъ понравилась?

«Почему это она знаетъ, что мы были около рѣки?»—подумалъ Маккавеевъ и отвѣтилъ:

— Рѣка хороша...

Наступило молчаніе. Отецъ Гурій громко зѣвнулъ.

— Я полагаю, что и спать пора,—промолвилъ онъ,—завтра, знаете, ранехонько вставать надо... Ѣхать...

— Да зачѣмъ же вамъ торопиться, отецъ Гурій?—возразилъ отецъ Мемнонъ.—Выспитесь, попейте чайку, отдохните... А тамъ... а тамъ и поѣдете, коли надо..

— Да оно такъ... какъ-то неопредѣленно отвѣтилъ отецъ Гурій:—а только все пора спать, вѣдь цѣлый день маемся...

Между тѣмъ дѣвицы одна за другой вышли и отправились за ворота. Потомъ онѣ опять всѣ появились, и вмѣстѣ съ ними пришла уже и Муша.

Минутъ черезъ пять поднялась возня. Гдѣ-то въ глубинѣ квартиры готовили постели для пріѣзжихъ. А затѣмъ отецъ Мемнонъ пригласилъ ихъ въ сосѣднюю комнату.

— Спокойной ночи, спокойной ночи,—говорили Маккавееву дѣвицы и уходили одна за другою, а Муша подала ему руку, какъ-то продолжительно подержала его руку въ своей и наградила его на прощанье долгимъ выразительнымъ взглядомъ...

Въ сосѣдней комнатѣ не было ни кровати, ни дивана. Имъ сдѣлали широчайшую постель на полу. Они должны были спать на ней оба. Они уже привыкли къ этому; вездѣ имъ такъ стлали.

Они остались съ отцомъ Гуріемъ вдвоемъ. Отецъ Гурій предусмотрительно плотно заперъ дверь, которая вела въ большую комнату, и другую, которая вела неизвѣстно куда, затѣмъ онъ снялъ съ себя кафтанъ и началъ разспрашивать Маккавеева вполголоса, такъ чтобы не могло быть слышно ни въ одной изъ сосѣднихъ комнатъ.

— Ну, что же, братецъ ты мой, исповѣдуйся...

Маккавеевъ снималъ жилетъ и не отозвался на это ни однимъ словомъ.

«Молчитъ,—подумалъ отецъ Гурій,—это что нибудь особенное означаетъ. Никогда прежде не молчалъ, всегда все выкладывалъ. Можетъ, и сговорились, кто ихъ знаетъ».

— Ну, что жъ, Егоръ Трофимовичъ, такъ ничего мнѣ и не скажешь?—продолжалъ допытываться отецъ Гурій.—Кажись, я тутъ не причемъ. Можетъ, счастье свое нашелъ?

— Знаете, отецъ Гурій,—отвѣтилъ наконецъ Егоръ:—этого со мной еще никогда не бывало...

— А что же такое?

— Да такъ... Не знаю, какъ и разсказать... Даже, знаете, неловко...

— Вотъ какъ. Но неужто тебѣ предо мной неловко? А разскажи, разскажи. Это вдвойнѣ любопытно...

— Да вотъ видите, отецъ Гурій, пошли это мы къ рѣкѣ... Первое дѣло она сейчасъ меня какъ-то подъ руку взяла и руку жать стала повыше локтя...

— Ага! ну, что-жъ, это ничего...

— Да я не говорю... А потомъ пришли къ рѣчкѣ, тамъ камень... Небольшое такое мѣстечко, она и говоритъ: сядемте, говоритъ. А я вижу, что тамъ и для одного мѣста мало, и говорю: садитесь вы, а я постою. Она сѣла, а потомъ мою руку взяла да и тянетъ къ себѣ,—садитесь, да садитесь. Ну, я сѣлъ, знаете... И совсѣмъ близко... Такъ ужъ близко, что ближе и нельзя... А она опять руку беретъ, да къ сердцу своему прикладываетъ... У меня, говоритъ, сердце вотъ какъ бьется... И все, знаете, отецъ Гурій, на меня налегаетъ... Ну, я же не ангелъ, у меня кровь тоже, кровь зашевелилась.

— А, зашевелилась таки... съ усмѣшкой промолвилъ отецъ Гурій.—Ну, ну, что-жъ дальше?...

— А дальше голову на плечо положила и къ самой шеѣ губами... Тутъ я даже закипѣлъ... И чуть было не обнялъ ее. Да какъ-то въ это время ко мнѣ разумъ вернулся... Я вижу, не хорошо это... Какъ же это, дѣвица... въ первый разъ увидѣла и вдругъ такое обращеніе.

— Да, дѣвица, видно, не промахъ...

— Я, отецъ Гурій, никогда съ дѣвицами не бывалъ, такъ и не знаю, можетъ, оно такъ и слѣдуетъ? Не всѣ же дѣвицы такъ..

— Разумѣется, не всѣ.. Ну, и что-жъ, тебѣ это пріятно было?

— Да оно-то пріятно, да только все какъ-то это не такъ...

— А, можетъ, она это отъ души, какъ ты думаешь?

— Можетъ, и отъ души,—лѣниво согласился Маккавеевъ.

— Только знаешь, все-таки странно, больно ужъ скоро... Хотя, правда, у нѣкоторыхъ дѣвицъ бываетъ такая природа воспалительная... Это, конечно, бываетъ, но только хорошо ли это, ужъ я и самъ не знаю... Ты не смотри на меня, что я человѣкъ уже пожилой. Я самъ, братъ, по женской части никакихъ знаній не имѣю. Конечно, въ молодости, когда еще дьячкомъ былъ, случались грѣшки... Ну, да это такъ мимоходомъ.. А потомъ какъ женился на моей Марьѣ... такъ ужъ больше и никакихъ. Да, это ты попалъ... Не знаю, что тебѣ и посовѣтовать..

— Отецъ Гурій, а гдѣ тутъ Богоявленское?—вдругъ неожиданно для отца Гурія спросилъ Маккавеевъ.

— Богоявленское? Да что ты все со своимъ Богоявленскимъ пристаешь?

— Такъ, можетъ, оно близко... Ну, вотъ я и спрашиваю. Все жъ таки... Тамъ знакомые есть.

— Ахъ, да, у тебя этотъ дьячекъ-то... Да я полагаю, что недалеко... Тутъ и твоя Окуневка недалеко... Не знаю я хорошенько, а такъ мнѣ представляется, что Окуневка должна быть верстахъ въ шести... А до Богоявленскаго оттуда рукой подать.

— Значитъ, недалеко...—соображалъ вслухъ Маккавеевъ.

— Да выходитъ, что недалеко... А, можетъ, и вру, не знаю. Охъ, охъ, охъ...

Отецъ Гурій глубоко вздохнулъ, но этотъ вздохъ скорѣе походилъ на зѣвоту сильно уставшаго человѣка.

— Ну, что жъ, спать будемъ, что ли? Ты больше мнѣ ничего не скажешь, богословъ?

— Что жъ я вамъ скажу, отецъ Гурій, я все вамъ разсказалъ.

— А какъ это мы попали сюда? Какого ты на этотъ счетъ мнѣнія?

— Не понимаю какъ. Какъ-то это очень ужъ чудно вышло...

— То-то и есть, что чудно. Тутъ, полагаю я, не безъ штуки со стороны отца Мемнона...

— Я тоже такъ думаю.

— Ну, и штукарь же этотъ отецъ Мемнонъ, вотъ ужъ истинно мастеръ своего дѣла... Жизнь у него, знаешь, такая трудная... Ну, а жизнь всему научаетъ и не на такія штуки пустишься, когда на твоей шеѣ пять дѣвицъ сидитъ... Меня Господь избавилъ отъ этого счастья... У меня дѣтей вовсе нѣтъ. Оно скучновато, да за то заботъ меньше... Ну, что бы я дѣлалъ, ежели бы у меня вотъ этакъ, какъ у отца Пафнутія, полдюжины на шеѣ сидѣло. Охъ, охъ, охъ... Ну, я свѣчку погашу, ложись и ты спать.

Маккавеевъ улегся и прикрылся одѣяломъ. Отецъ Гурій погасилъ свѣчу. Вѣки его очень скоро закрылись. Но прежде чѣмъ уснуть, онъ допустилъ еще нѣсколько размышленій: «А, чего добраго, еще женится, ей-Богу, женится,—думалъ онъ по адресу Маккавеева.—Вотъ какъ надо ловить ихняго брата... Вѣдь до сихъ поръ ни одна не обкрутила, а эта сразу: цапъ-царапъ и готово... Чего добраго, женится».

Это была его послѣдняя мысль, послѣ которой онъ уснулъ и сразу началъ храпѣть.

Казалось бы, ничего особеннаго не случилось. Между тѣмъ Егоръ рѣшительно не могъ заснуть.

Попали они невзначай къ отцу Мемнону, ну, чтожъ изъ этого? Вѣдь ихъ хорошо приняли, радовались, угощали. Ихъ уложили на мягкія постели, дѣвица съ нимъ была ласкова, даже гораздо больше...

Во всемъ этомъ нѣтъ ничего, кромѣ пріятнаго. А между тѣмъ въ груди Маккавеева наростало какое-то совсѣмъ новое чувство, ка-

кого прежде онъ никогда не испытывалъ. Чувство это было тяжелое и скверное, походившее не то на страхъ, не то на отвращеніе.

До сихъ поръ видѣлъ онъ не мало дѣвицъ, и со всѣми ими ему приходилось говорить объ одномъ и томъ же, всегда разговоръ вращался на женитьбѣ и приходѣ. Но никогда еще не было ничего похожаго на то, что случилось здѣсь. И какъ же это такъ? Едва только увидала его въ первый разъ и двухъ словъ еще не сказала и вдругъ сейчасъ уже подъ руку беретъ, и жмется къ нему, и на камнѣ его рядомъ съ собою садитъ, и руку къ сердцу прижимаетъ. Оно, конечно, пріятно. Что и говорить! Это кровь волнуетъ. Точно его поставили на огонь, и вотъ его кровь вскипѣла и вдругъ поднялась и начала бурлить. Но все жъ таки это удивительно. Вѣдь онъ очень хорошо чувствовалъ, что она была не безучастна. У нея тоже шумѣло въ головѣ и голосъ дрожалъ и грудь ея вздымалась. Положимъ, и это пріятно. Оно такъ и надо. Ужъ если люди обнимаются, такъ ужъ чтобъ было съ обѣихъ сторонъ... А только вѣдь это выходитъ вотъ что: сегодня онъ пріѣхалъ, она пошла съ нимъ гулять и руку къ сердцу и голову на плечо и прочее и прочее, и вздыманіе груди и прикосновеніе горячихъ губъ къ его шеѣ... А завтра онъ уѣдетъ и пріѣдетъ другой, тоже богословъ. Она и съ нимъ пойдетъ къ рѣкѣ и его рядомъ съ собой на камень посадитъ и руку его къ груди прижметъ, ну, и все другое. А, можетъ, и вчера пріѣзжалъ кто нибудь, и было то же самое... Значитъ, она ко всякому льнетъ и всякаго на камень сажаетъ и отъ всякаго у нея грудь вздымается. Ну, можетъ, не отъ всякаго; можетъ, отъ не кончившихъ курсъ и исключенныхъ изъ семинаріи она такъ не воспаляется, но уже всякій богословъ ее навѣрно поджигаетъ. Такъ что же это за дѣвица? Ну, и потомъ, когда онъ женится на ней, вѣдь будетъ то же самое. Всякій пріѣзжій будетъ ее воспламенять. Онъ въ церкви всенощную будетъ служить, а тутъ какой нибудь гость пріѣхалъ, она его принимаетъ, и онъ все время долженъ думать о томъ, что тамъ дѣлается дома и какъ жена ведетъ себя. Такъ вѣдь это же ужасно; это невозможная жизнь.

И какъ это у нихъ ловко все сдѣлалось. Очевидно, они ждали и совѣщались. Можетъ, даже жребій бросали, а, можетъ быть, такъ, по старшинству лѣтъ. Очевидно, на долю Мушки выпалъ этотъ жребій, и вотъ она имъ и занялась. А если бы жребій выпалъ на долю другой, другая бы угощала его вареньемъ, сажала бы его на камень и прикладывала бы его руку къ сердцу.

Да, можетъ быть, это еще и случится, ежели онъ не изъявитъ согласія жениться на Мушкѣ. Можетъ быть, онѣ по очереди всѣ пятеро будутъ руку ему къ сердцу прижимать и которая нибудь въ концѣ концовъ таки обкрутитъ его. Отецъ Мемнонъ ловко вымуштровалъ ихъ. Онъ не только ихъ пѣть «Зозулю» научилъ, а и жениховъ уловлять.

И хитрый же человѣкъ отецъ Мемнонъ. Маккавеевъ теперь очень хорошо понималъ, что попали они сюда далеко не случайно. Вспомнилъ онъ весь дневной разговоръ съ отцомъ Мемнономъ. Не такой онъ человѣкъ, чтобы даромъ продѣлать всю эту штуку. Вѣдь до чего дошло?—щекотать сталъ, чтобъ только добиться своего. Взять хотя бы то, что онъ такъ безсовѣстно наболталъ про Аграфену. Какія скверности! Развѣ можетъ человѣкъ добропорядочный такъ говорить про другого, да еще про дѣвицу и про родственницу?

Положимъ, онъ, Егоръ, не имѣлъ никакого желанія жениться на Аграфенѣ. Но, что же изъ этого? Зачѣмъ же распускать такія скверности про человѣка? Вѣдь это гадко.

Ну, а потомъ не даромъ же онъ тогда по ошибкѣ попалъ къ ихъ лошадямъ вмѣсто своихъ. Такой человѣкъ времени даромъ не потратитъ. Онъ просто-напросто переговорилъ тогда съ кучеромъ, заплатилъ ему что нибудь или пообѣщалъ, вѣрнѣе, что пообѣщалъ только и, должно быть, надуетъ. А тотъ повѣрилъ да вотъ и завезъ ихъ сюда.

Заблудились. Ну, какъ же, такъ онъ и повѣрилъ. Ну, если заблудились, такъ почему же попали не къ какому нибудь отцу Софронію, о которомъ была рѣчь, а именно къ нему, къ отцу Мемнону? И вѣдь онъ ждалъ, это сейчасъ видно, что ждалъ. У нихъ и самоваръ кипѣлъ и закуска была готова, и выпивка. Чуть ли и постели для нихъ не были уже приготовлены... Такъ что же это выходитъ? Его хотѣли чуть не обманомъ окрутить... Ей-Богу, это что-то въ родѣ плѣненія Вавилонскаго. И всѣ они сговорились, всѣ сошлись на одномъ: и отецъ Мемнонъ, и баба, которая отворяла имъ дверь, и дѣвицы.

А почемъ онъ знаетъ, что за дѣвица эта Мушка? Можетъ быть, она вовсе уже не дѣвица. Можетъ быть, она какъ разъ то самое и есть, что говорилъ отецъ Мемнонъ про Аграфену: и водку пьетъ и все прочее.

Такъ неужели же онъ, Егоръ Маккавеевъ, такъ долго и тщательно отстаивавшій себя въ эти дни, дастъ провести себя здѣсь, въ этомъ самомъ худшемъ мѣстѣ изъ всѣхъ, въ какихъ они бывали.

И сердце у него заныло. Онъ чувствовалъ себя какъ бы окруженнымъ врагами. Одинъ только отецъ Гурій еще ему не врагъ, такъ однако же въ сущности и онъ готовъ допустить, чтобы его женили на Мушкѣ, или на другой изъ пятерыхъ дѣвицъ. Ему надоѣла возня, это понятно. Такъ вѣдь ему, можетъ быть, придется возиться съ такой женой всю жизнь. Ему, Маккавееву, а не отцу Гурію... А отецъ Гурій въ сущности вѣдь любитъ это занятіе. Очевидно, ему доставляетъ большое удовольствіе ѣздить по попамъ и говорить о женитьбѣ, о приданомъ, о свадьбѣ.

Ишь какъ онъ теперь благополучно храпитъ. Скажи ему теперь Маккавеевъ: женюсь на Мушкѣ, такъ онъ только перекрестится и скажетъ:

— Ну, и слава Богу, и женись, когда охота, желаю счастья.

Такъ выходитъ, что и онъ такой же ему непріятель, какъ и отецъ Мемнонъ и всѣ прочіе.

И не спалось Маккавееву; просто не могъ онъ сомкнуть глазъ и чувствовалъ, что не заснетъ до самаго дня.

Онъ поднялся и подошелъ къ окну. Ставни были закрыты съ улицы, но сквозь широкую щель онъ видѣлъ кусокъ звѣзднаго неба и часть рѣки съ блестящей поверхностью.

Охъ, какъ еще долго будетъ тянуться ночь, подумалъ онъ про себя.

А въ комнатѣ была страшная духота. Отецъ Гурій настоялъ, чтобы окно было плотно прикрыто. Онъ боялся схватить ревматизмъ. И захотѣлось Маккавееву во что бы то ни стало воздуху, и началъ онъ мечтать о томъ, чтобъ какъ нибудь выбраться вонъ изъ комнаты.

Вотъ только одно смущало его—собаки. Онѣ сейчасъ подымутъ страшный лай. А это нехорошо. Разбудятъ и хозяевъ и прислугу, и могутъ, Богъ знаетъ, что подумать.

Но вдругъ его осѣнила мысль. Онъ вспомнилъ, что когда расходились спать, въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ они закусывали, на столѣ остались и хлѣбъ и куски пирога. Потомъ онъ не слышалъ, чтобы кто нибудь прибиралъ все это. Слышалъ, что кто-то входилъ въ комнату, но никакого звона посуды и особеннаго движенія не было.

Изъ этого онъ заключилъ, что хлѣбъ и куски пирога должны лежать на своемъ мѣстѣ. Слѣдовательно, ему стоитъ только пройти въ сосѣднюю комнату, захватить всего этого побольше, и тогда нечего бояться собакъ, ихъ можно подкупить пирогомъ и хлѣбомъ.

«А что если тамъ спитъ кто нибудь?—подумалъ онъ.—Вѣдь въ этомъ домѣ такая масса народу, что, вѣроятно, они во всѣхъ комнатахъ цѣлыми кучами спятъ. Э, ничего, продолжалъ онъ размышлять, они, должно быть, спятъ, какъ убитые. Ихъ, я думаю, выстрѣломъ изъ пушки и трезвономъ во всѣ колокола не разбудишь».

И онъ съ несвойственной ему рѣшительностью началъ одѣваться. Отецъ Гурій все храпѣлъ. Храпъ у него былъ художественный, на всѣ тоны. На столѣ лежала коробочка спичекъ. Онъ нащупалъ ее. Онъ одѣвался, старательно застегивая всѣ пуговицы, чтобы въ случаѣ внезапной встрѣчи съ кѣмъ нибудь было все прилично.

Вотъ онъ готовъ. Онъ тихонько, какъ воръ, пріотворилъ дверь въ сосѣднюю комнату и вошелъ туда нацыпочкахъ. Другого хода, чтобы выйти во дворъ, онъ не зналъ. Войдя въ комнату, онъ зажегъ спичку.

Къ его полному удовольствію, онъ увидѣлъ, что на столѣ все было такъ, какъ онъ оставилъ. Были не только хлѣбъ и куски пирога, но и маслины и селедка и еще что-то съѣстное. Но это его не интересовало, ему нужна была только пища для собакъ.

Спичка уже догорала, когда онъ случайно взглянулъ на диванъ и вдругъ обомлѣлъ.

«Батюшки,—подумалъ онъ,—тутъ отецъ Мемнонъ спитъ».

А спичка въ это время погасла. Въ первую минуту у него явилось движеніе вернуться обратно, но потомъ онъ рѣшилъ все-таки по возможности довести дѣло до конца; онъ нащупалъ хлѣбъ на столѣ и нѣсколько кусковъ пирога и началъ не спѣша всѣмъ этимъ набивать карманы.

Какъ на бѣду, отецъ Мемнонъ въ это время проснулся и, промычавъ что-то себѣ подъ носъ, вдругъ очевидно почуялъ въ комнатѣ присутствіе посторонняго человѣка.

— Кто тутъ?—спросилъ онъ, и въ голосѣ его слышался нѣкоторый страхъ.

— Это... это я,—отвѣтилъ нерѣшительно Маккавеевъ.

— Кто такой?

Отецъ Мемнонъ схватился, вообразивъ, что въ комнату ворвался воръ.

— Да это я, я...

Маккавеевъ не рѣшился назвать себя по имени; онъ почему-то думалъ, что отецъ Мемнонъ не знаетъ его имени, такъ какъ въ сущности отецъ Гурій не представлялъ его. Хотя онъ и читалъ бумагу, но это было сдѣлано такъ спѣшно и при такихъ странныхъ обстоятельствахъ, что онъ легко могъ позабыть. И онъ вмѣсто того, чтобы назвать себя, зажегъ вторую спичку и освѣтилъ себѣ лицо.

— А, вы!—промолвилъ отецъ Мемнонъ, и по тону его было слышно, что онъ нѣсколько успокоился. При этомъ онъ смотрѣлъ на него маленькими, совершенно сузившимися глазами.

— А что вамъ?

— Да я... я хочу выйти...

— А, выйти... Вамъ то-есть... Ага, да... Вамъ выйти... Гм... понимаю... Вамъ значитъ того... такъ, можетъ, я васъ проводилъ бы...

Онъ говорилъ все это какимъ-то отдаленнымъ голосомъ, какъ будто продолжалъ еще спать. И, повидимому, онъ готовъ былъ уже опять заснуть.

— Нѣтъ, нѣтъ, я самъ,—поспѣшно возразилъ Маккавеевъ,—зачѣмъ же, не надо...

— А собаки? Вы развѣ не боитесь собакъ?

— Нѣтъ, онѣ... Я вотъ хлѣба захватилъ...

— Ага, ну, хорошо, идите... Какъ выйдете во дворъ, такъ сейчасъ налѣво, тамъ, знаете, есть такой сарайчикъ. Ну, это сейчасъ видно будетъ.

— Хорошо, хорошо,—успокоительно промолвилъ Маккавеевъ,— спите, отецъ Мемнонъ, спите...

Отецъ Мемнонъ грохнулся головой въ подушки и, кажется, въ ту же минуту заснулъ. Маккавеевъ уже не хотѣлъ терять времени и сейчасъ же направился къ двери, потомъ въ сѣнцы. Когда онъ дошелъ до выходной двери, то убѣдился, что она заперта изнутри на засовъ, но замка не было. Онъ отвернулъ засовъ, и ему удалось отворить дверь.

Вотъ онъ вышелъ на крыльцо. Въ воздухѣ была тишина. Поодаль лежали собаки; онѣ сейчасъ же всѣ разомъ подняли головы, но не начали лаять. Онѣ довѣряли всему, что выходило изъ дому.

Маккавеевъ, чтобы завязать съ ними дружескія сношенія, почмокалъ губами и издалъ звукъ, похожій на то, какъ изображаютъ поцѣлуй. Потомъ бросилъ имъ нѣсколько кусковъ хлѣба.

Собаки вскочили, схватили хлѣбъ и сейчасъ же побѣжали къ нему. Онъ сразу завоевалъ ихъ довѣріе.

У него еще былъ большой запасъ хлѣба и пирога. Но онъ экономилъ. Карманы его отдувались отъ поклажи, а собаки, повидимому, это чуяли и ластились къ нему; но Маккавеевъ ограничился тѣмъ, что гладилъ ихъ по спинамъ и что-то такое дружески бормоталъ имъ. Такимъ образомъ, онъ сразу пріобрѣлъ полное довѣріе собакъ.

Посрединѣ двора стояла водовозная бочка съ торчавшими кверху оглоблями, а на оглобляхъ рядышкомъ сидѣли куры и спали.

Однако звѣзды стали уже тускнѣть. Очевидно, дѣло шло уже къ утру. На заборѣ пропѣлъ пѣтухъ, и десятки другихъ откликнулись ему на деревнѣ. Что за чудная штука лѣтняя ночь, думалъ Маккавеевъ. Онъ никогда еще не видалъ ее какъ слѣдуетъ. Въ семинаріи ложились спать въ одиннадцать часовъ, а вставали въ шесть, ночи тамъ совсѣмъ не было, она пропадала. Да если бы и была, то въ большомъ городѣ вѣдь это совсѣмъ не то, что въ деревнѣ.

Вонъ на крышѣ сарая высится огромное круглое гнѣздо, похожее на чалму какого нибудь гигантскаго турка. Это гнѣздо аиста. Стоитъ онъ всю ночь на одной ногѣ. Какія у нихъ тонкія длинныя ноги! Ихъ двое и стоятъ они по краямъ гнѣзда, какъ часовые на стражѣ. А внутри гнѣзда ихъ молоденькія дѣти, которыя еще не въ состояніи ни стоять, ни летать.

Пѣтухъ своимъ крикомъ разбудилъ взрослыхъ аистовъ, и они застучали носами. Какая странная музыка пошла отъ этихъ носовъ. Въ городѣ онъ ничего подобнаго не видѣлъ и не слышалъ.

Но, однако, зачѣмъ же онъ вышелъ изъ комнаты? Онъ вспомнилъ о томъ, какъ отецъ Мемнонъ проснулся и какими странными глазами смотрѣлъ на него. И что только онъ подумалъ! Ахъ, да, сарайчикъ... Маккавеевъ чуть не разсмѣялся. Хорошо, что онъ не согласился провожать его...

Но все-таки зачѣмъ же онъ вышелъ? Да такъ, ни за чѣмъ, просто

вышелъ, да и только. А теперь вотъ, пользуясь тѣмъ, что собаки его признали, выйдетъ за ворота. Не спится ему, такъ зачѣмъ же сидѣть въ душной комнатѣ? Тамъ за воротами есть скамейка, на которой вчера Мушка сидѣла. Ну, вотъ на этой скамейкѣ онъ и посидитъ.

И онъ пошелъ за ворота. Онъ старался сообразить, который бы теперь могъ быть часъ. У него часовъ никогда не было. У отца Гурія были толстые серебряные часы на массивной серебряной же цѣпи. Онъ любилъ показывать всѣмъ эти часы, говорилъ, что они старинные, и называлъ ихъ то хронометромъ, то цыбулей, смотря, въ какомъ настроеніи находился. А онъ, Маккавеевъ, всегда мечталъ о томъ, чтобы у него были часы. Но это было очень трудно сдѣлать.

Да, такъ который же теперь часъ? Должно быть, еще нѣтъ трехъ. Въ три часа уже начинаетъ явно свѣтать. Онъ сѣлъ на скамейку и смотрѣлъ на рѣку. Какъ она мѣняетъ свой цвѣтъ! Вчера, когда они съ Мушкой сидѣли на камнѣ, рѣка была совсѣмъ темная и такая глубокая, какъ ему казалось. А когда Мушка прижала его руку къ сердцу, и у него пробѣжала дрожь по тѣлу, и захотѣлось обнять ее, рѣка сдѣлалась такой ясной, голубой. Это, должно быть, было одно воображеніе. А теперь она темносѣрая. По ней идетъ зыбь, и звѣзды уже не отражаются въ ней.

Что-жъ будетъ завтра? На него нападутъ и при томъ всѣ разомъ и начнутъ рвать его на части. Отецъ Мемнонъ пристанетъ такъ, что и не отвяжешься отъ него. Пожалуй, Мушка разскажетъ, а, можетъ быть, уже и разсказала, какъ она держала его руку около сердца, и всѣ скажутъ, что послѣ этого ему непремѣнно надо жениться. И женятъ его, обязательно женятъ. Отецъ Мемнонъ очень ловкій человѣкъ и ужъ чего захочетъ, того и достигнетъ.

А онъ не хочетъ тутъ жениться. Съ какой стати? Эти дѣвицы, такъ жадно набрасывающіяся на ѣду, такъ странно хихикающія и перешептывающіяся между собой, внушаютъ ему отвращеніе. А съ Мушкой послѣ вчерашняго онъ не хотѣлъ бы вовсе встрѣчаться.

Что-жъ ему дѣлать? пойти въ комнату, разбудить отца Гурія и сказать:

— Поѣдемъ сейчасъ куда нибудь, поѣдемъ, отецъ Гурій, хоть къ дьяволу въ пекло, только бы поскорѣй отсюда.

Такъ вѣдь это же не удастся; нѣтъ, ни за что не удастся. Вопервыхъ, отецъ Гурій теперь такъ спитъ, что его ни за что не добудиться, а если разбудишь его, такъ онъ выругается, и больше ничего, и опять заснетъ, какъ отецъ Мемнонъ.

А вѣдь можно взять лошадь на току (онѣ стояли тамъ около сѣна подъ открытымъ небомъ всю ночь), сѣсть верхомъ, да и удрать. Эхъ, тоже,—мысленно посмѣлся надъ собой Маккавеевъ,—сѣсть верхомъ, да не только сѣсть, а еще и удрать, такъ вѣдь я же никогда въ жизни не сидѣлъ на лошади и не знаю, какъ на ней сидѣть,

какъ взлѣзть на нее, какъ ноги держать, какъ управлять поводомъ. И при томъ куда ѣхать? Какъ куда? Да куда нибудь, это все равно. Лишь бы только не быть здѣсь.

Но вѣдь тамъ на сѣнѣ спитъ и кучеръ, а ужъ онъ-то не пропуститъ его. Не даромъ отецъ Мемнонъ у Голопузова о чемъ-то шептался съ нимъ. Да если кучеръ пропуститъ, то собаки, не смотря на ихъ недавнюю дружбу, подымутъ адскій лай, принявъ его за конокрада.

Нѣтъ, это все не годится. Положеніе было самое трудное, невыносимое. Видно, придется таки испить чашу до дна и дождаться завтрашняго утра, а тамъ умолить какъ нибудь отца Гурія, во что бы то ни стало ѣхать дальше. Да вѣдь не пуститъ отецъ Мемнонъ, ни за что не пуститъ, уже онъ что нибудь придумаетъ, у него вѣдь голова какая-то особенная и по формѣ странная, остроконечная, точно сахарная. Онъ возьметъ да и отошлетъ лошадей за десять верстъ на пастьбу, а то еще хуже—подпилитъ ось въ экипажѣ и скажетъ—сломалась. Отецъ Мемнонъ на все пойдетъ вѣдь.

Вонъ по дорогѣ ѣдутъ возы, запряженные волами. Мужики и бабы развалились на нихъ и спятъ. Церковный сторожъ проснулся, походилъ, походилъ вокругъ церкви, а потомъ ухватился за веревку, которая спускалась съ колокольни отъ средняго колокола, и принялся отбивать часы. Разъ, два, три, четыре... Ого, онъ набилъ цѣлыхъ семнадцать. Видно, здѣсь и часы какіе-то особенные.

А что если онъ догонитъ какой нибудь возъ и скажетъ:

— Возьмите меня съ собой.

— Куда? Зачѣмъ? Да такъ никуда и ни зачѣмъ. Пожалуй, примутъ за сумасшедшаго.

А уже начинаетъ свѣтать. Уже явственно свѣтаетъ. Рѣчка сдѣлалась совсѣмъ бѣлой. Востокъ порозовѣлъ. Вѣдь скоро, пожалуй, и вставать начнутъ. Въ деревнѣ вѣдь рано встаютъ.

И по мѣрѣ того, какъ ночная тьма прояснялась, у Маккавеева все больше и больше щемило сердце. Онъ чувствовалъ, какъ будто на него надвигается бѣда, и что отъ этой бѣды надо непремѣнно бѣжать.

И было у него такое странное ощущеніе, какъ будто тамъ, гдѣ-то, вдали, можетъ быть, на томъ концѣ неба, на востокѣ, гдѣ появилась розовая полоска, его ждетъ что-то пріятное, что-то такое, что разомъ избавитъ его отъ всѣхъ злоключеній и бѣдъ. И казалось ему, что тамъ душа его вдругъ разомъ отдохнетъ. Чувствовалъ онъ это и не зналъ, что это такое. Кажется, ничего никто ему не обѣщалъ, а только оставаться здѣсь было ему нестерпимо, совсѣмъ невыносимо.

И онъ вдругъ поднялся и пошелъ къ дорогѣ. Собаки оставались во дворѣ и не видѣли его. Появился одинокій возъ; волы ступали тихо и важно. Мужикъ съ короткой бородой не спалъ, а полуле-

жалъ такимъ образомъ, что туловище и голова его были на днѣ воза, а ноги безъ сапогъ упирались въ край и были гораздо выше головы. Онъ курилъ трубку и мурлыкалъ подъ носъ пѣсню.

При видѣ человѣка, одѣтаго въ сюртукъ, мужикъ по привычкѣ приподнялся и снялъ шапку.

— Далеко ѣдешь?—спросилъ его Маккавеевъ, и ему самому показался страннымъ этотъ вопросъ, такъ какъ въ сущности ему было рѣшительно все равно, далеко ѣдетъ мужикъ или близко.

— А нѣтъ, недалеко,—отвѣтилъ мужикъ:—въ Поплюевку, тамъ ярмарокъ теперь, такъ вотъ я и ѣду на ярмарокъ.

Маккавеевъ пошелъ рядомъ съ возомъ.

— А въ какой сторонѣ эта Поплюевка?—спрашивалъ онъ.

— А туда.

Мужикъ показалъ кнутомъ на востокъ.

— А Окуневка въ какой сторонѣ?

— Да, и Окуневка туда же...

— А близко?

— Да, совсѣмъ близко: верстовъ съ пять будетъ.

— Не больше?

— Нѣтъ, не больше. А вамъ туда?

— Да, мнѣ туда,—отвѣтилъ Маккавеевъ, самъ не зная, зачѣмъ ему собственно нужна Окуневка.

— Такъ вы пѣшкомъ?—съ нѣкоторымъ удивленіемъ спросилъ мужикъ.

— Да, если близко, можно и пѣшкомъ,—уклончиво отвѣтилъ Маккавеевъ, какъ будто у него былъ выборъ между тѣмъ, идти ли пѣшкомъ, или ѣхать въ каретѣ.

— Такъ присаживайтесь, пане, я довезу. Мнѣ оттого ничего не убавится.

— А развѣ это по дорогѣ?

— А какъ же не по дорогѣ? Само собою, по дорогѣ. Это всегда, ежели ѣхать въ Поплюевку, такъ Окуневка была по дорогѣ... Въ Окуневкѣ у меня тесть живетъ... Я у него воловъ кормлю...

— Такъ, значитъ, можно доѣхать?

— Да для чего жъ нельзя? садитесь, пане.

Маккавеевъ съ необычною для него ловкостью прыгнулъ въ возъ и очутился на самомъ днѣ его, рядомъ съ мужикомъ. При этомъ онъ оглянулся и посмотрѣлъ на тѣ мѣста, которыя такъ вѣроломно оставилъ. Домъ отца Мемнона все больше и больше исчезалъ изъ виду. Маккавеевъ прищурилъ глаза и убѣдился, что тамъ, у воротъ, не видно никакого движенія. Значитъ, еще спятъ.

— Слушай,—сказалъ онъ мужику,—а ты, можетъ, съ меня плату захочешь взять, такъ у меня нѣтъ ни копейки, я это напередъ говорю...

— Зачѣмъ же плату? Я не нарочно для васъ ѣду, пане, а мнѣ туда дорога лежитъ. А вы, должно быть, по дѣлу въ Окуневку?

— Гм... По дѣлу?—сперва переспросилъ Маккавеевъ, а потомъ отвѣтилъ:—ну, да, да, по дѣлу...—И ему стало смѣшно отъ этого предположенія. Какое же у него дѣло? Онъ и самъ не знаетъ, зачѣмъ ѣдетъ. Надо было о чемъ нибудь спросить мужика, ну, онъ и спросилъ про Окуневку. Онъ ничего не знаетъ въ этихъ мѣстахъ. А знаетъ, что есть тутъ Окуневка, вотъ потому онъ про нее и спросилъ. Ахъ, нѣтъ, знаетъ еще—Богоявленское.

— А Богоявленское далеко? — спросилъ онъ, и въ голосѣ его появилась какая-то ясная нотка.

— Богоявленское? Такъ это-жъ отъ Окуневки рукой подать. А вамъ, можетъ, въ Богоявленское?

— Ну, да, мнѣ собственно въ Богоявленское и надо.

— Такъ, значитъ, туда? Я Богоявленское хорошо знаю, даже лучше, чѣмъ Окуневку. Я въ Богоявленскомъ много лѣтъ жилъ въ работникахъ. Да, такъ вамъ, значитъ, въ Богоявленское... а вамъ кого тамъ надо? Я тамъ всѣхъ знаю. Нѣтъ такого человѣка въ Богоявленскомъ, чтобы я его не зналъ. У васъ тамъ знакомые есть?

— Да, у меня дьякъ тамъ знакомый...

— Дьякъ? Евтихій Павловичъ? Вотъ такъ штука. Дьякъ Евтихій Павловичъ... Такъ я же его знаю, какъ облупленнаго.

«Ага,—подумалъ Маккавеевъ,—это надо замѣтить, что его зовутъ Евтихій Павловичъ, а я и не зналъ».

— Ну, да, этотъ самый,—подтвердилъ онъ.—Такъ ты его знаешь?

— Да какъ же мнѣ не знать его, когда я у него же, у Евтихія Павловича, у дьяка, четыре года въ работникахъ жилъ. Какъ же мнѣ послѣ этого не знать его? Ну, а потомъ женился и сталъ жить вотъ тутъ, недалеко, на хуторѣ... Дьяка я вотъ какъ знаю... Онъ по фамиліи прозывается Проспенко. Такъ вы вотъ къ кому ѣдете...

Мужикъ оживился, привсталъ и сѣлъ. Онъ принялъ ноги съ края воза и протянулъ ихъ передъ собой.

Маккавеевъ разглядѣлъ его. И такое у него оказалось доброе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, смѣшное лицо, съ длинными тонкими усами, спускавшимися гораздо ниже бороды, со вздернутымъ носомъ, съ страшно загорѣлой кожей, что онъ сразу почувствовалъ къ нему безграничное довѣріе.

И почему-то Маккавееву захотѣлось поговорить съ нимъ.

— Такъ ты знаешь дьяка... Ну, что-жъ, какъ онъ, хорошій человѣкъ? а?

— Дьякъ-то? Евтихій Павловичъ? Да онъ не человѣкъ...

— Какъ такъ? А что-жъ онъ такое?

— Онъ? Онъ прямо, можно сказать, ангелъ. Ужъ такой хорошій, такой хорошій, что я, прямо, плакалъ, когда уходилъ отъ него.

«Вотъ оно что,—подумалъ Маккавеевъ.—Да и я же свинья по-

рядочная. Съ какой статьи я сомнѣвался въ немъ, когда онъ ни съ того, ни съ сего мнѣ столько добра сдѣлалъ».

— Вотъ какъ?—сказалъ онъ вслухъ.—Такъ, значитъ, онъ хорошій человѣкъ. Ну, ты и дочку его знаешь?

— Это Вѣру Евтихіевну? А какъ же. Да это прямо золотая дивчина. Вотъ дивчина! чудо дивчина!

— Въ чемъ же это?

— Да, во всемъ. Она и по хозяйству, она и просвиры печетъ, она и за старикомъ, какъ за малымъ дитей, смотритъ, и сердцемъ добра, и всегда такая веселая, и никогда отъ нея строгаго слова не слышалъ. Да, дивчина вся въ отца. А ужъ онъ самъ прямо, говорю вамъ, ангелъ... Я такъ скажу, что между духовными особами такіе очень рѣдко встрѣчаются, а, можетъ, и совсѣмъ такихъ нѣтъ.

У Маккавеева почему-то радостно забилось сердце, какъ будто мужикъ хвалилъ его самого, или, по крайней мѣрѣ, его близкаго родственника. А мужикъ, между тѣмъ, продолжалъ:

— Такъ вы его, выходитъ, не знаете, а только такъ?

— Мало знаю. А только дѣло имѣю къ нему.

«Какое же у меня дѣло къ дьяку?—спросилъ себя Маккавеевъ.—И что это я, должно быть, у отца Гурія врать научился».

Онъ опять оглянулся. Все село исчезло за холмомъ, не видно было даже церкви, и ему показалось, что вся эта надоѣдливая возня, въ которой кипѣлъ онъ нѣсколько дней, вмѣстѣ съ селомъ и съ домомъ отца Мемнона ушла отъ него куда-то далеко. И такъ радостно у него было на душѣ.

Одно только омрачало его утреннее настроеніе. Это—воспоминаніе объ отцѣ Гуріи. Вѣдь онъ, узнавъ о его странномъ бѣгствѣ, огорчится и, пожалуй, страшно обидится.

Но что же ему было дѣлать? Что дѣлать? Что онъ теперь будетъ дѣлать, это другой вопросъ. Онъ не знаетъ, да и знать не хочетъ. Можетъ быть, и ничего не будетъ дѣлать. Можетъ быть, онъ наплюетъ и на Окуневку, и на самую женитьбу. Все это можетъ статься. Онъ теперь неспособенъ ничего обсуждать. Такъ свѣтло, воздухъ свѣжъ и такой густой ароматъ травъ и цвѣтовъ несется съ полей съ обѣихъ сторонъ. Небо яснѣетъ все больше и больше, мужикъ такой добрый попался, ему хорошо и пока ничего не надо.

А все-таки ему тяжело вспомнить про отца Гурія. Не хочется ему обижать этого человѣка—и за что? Положимъ, изъ всей этой возни ничего не вышло, кромѣ огорченія. Но вѣдь огорченіе было обоюдно. Однако же онъ, Маккавеевъ, огорчался ради себя самого, а отецъ Гурій только ради него. Онъ, правда, любитъ эту возню, любитъ ѣздить по іереямъ, гдѣ есть дочки, и заниматься сватовствомъ. Это у него совершенно такъ, какъ иные любятъ на охоту ѣздить или на рыбную ловлю. Но и охота, и рыбная ловля пріятны

только тогда, когда есть пожива, когда охотникъ предвкушаетъ наслажденіе что нибудь принести домой, какую нибудь добычу. А тутъ столько дней ѣздили и ничего.

И, такимъ образомъ, отецъ Гурій, въ концѣ концовъ, оказывается жертвой, и вдругъ онъ его оставилъ, да гдѣ же? въ домѣ отца Мемнона, ненавистнаго отцу Гурію!

И Маккавеевъ представлялъ себѣ, какова будетъ злоба добраго отца Гурія, когда онъ проснется и не увидитъ рядомъ съ собой его, Егора. Онъ подумаетъ, что Егоръ раньше проснулся и вышелъ во дворъ погулять. Навѣрно, у него будетъ такая мысль, что захотѣлось Егору поскорѣе встрѣтиться съ Мушкой. Вѣдь вотъ тоже, какъ это отецъ Гурій могъ подумать, что онъ захочетъ жениться на этой Мушкѣ.

Да, странно устроены ихъ головы, совсѣмъ различно. Вѣдь вотъ отецъ Гурій сколько разъ совѣтовалъ ему жениться. И у отца Софонія, и у отца Пафнутія, и, что хуже всего и о чемъ ему даже вспомнить непріятно, даже у Голопузова. Да, наконецъ, и у отца Мемнона готовъ былъ посовѣтовать. А между тѣмъ, у него, у Маккавеева, ни разу въ головѣ не явилось даже мысли о томъ, чтобы серьезно таки жениться на одной изъ этихъ дѣвицъ.

Ну, а все-таки ему было очень непріятно подумать о томъ, какъ отецъ Гурій будетъ обиженъ, и онъ старался теперь придумать, какъ бы ему поправить дѣло. Но что онъ могъ сдѣлать? Еслибъ онъ придумалъ что нибудь путное, тогда еще отецъ Гурій могъ бы снизойти и простить ему. Но вѣдь онъ, въ концѣ концовъ, просто убѣжалъ и больше ничего. И вотъ теперь ѣдетъ на возу съ какимъ-то неизвѣстнымъ ему мужикомъ, и тащатъ его волы, и куда онъ ѣдетъ, неизвѣстно и, что съ нимъ будетъ черезъ полчаса, тоже неизвѣстно.

— А я знаю, что съ вами дѣлать, пане,—вдругъ перебилъ его мысли мужикъ, и Маккавеевъ поднялъ голову не безъ любопытства, такъ какъ слова мужика случайно очень подходили къ его мыслямъ. Онъ, именно, не зналъ, что съ собою дѣлать. «Что же это онъ со мной сдѣлаетъ?»—подумалъ онъ и вопросительно посмотрѣлъ на мужика.

— Я довезу васъ до Окуневки и завезу къ тамошнему дьяку Пармену... Дьякъ Парменъ—его всякій знаетъ и всѣ такъ называютъ его... Онъ старикъ и пьяненькій...

— Такъ зачѣмъ же ты меня завезешь къ нему?—спросилъ Маккавеевъ.

— Какъ зачѣмъ? А онъ въ большемъ пріятельствѣ состоитъ съ Евтихіемъ Павловичемъ, онъ почти каждый день туда бѣгаетъ, въ Богоявленское.

— Ну, такъ что же?

— Такъ уже онъ васъ туда и предоставитъ.

— Ага, ну, что-жъ, это дѣло...

— А я думаю—дѣло. А то, я вижу, вы здѣшнихъ мѣстовъ совсѣмъ не знаете, такъ это чтобъ вы не потерялись... Вонъ, видите, стоятъ желтыя копны. Это панскій токъ. Здѣшній панъ богатый и важный панъ. Онъ одинъ только и уцѣлѣлъ изъ здѣшнихъ пановъ, а другихъ всѣхъ поѣлъ Голопузовъ.

— Какъ поѣлъ?

— А такъ. Сперва въ долгъ деньги имъ давалъ, а потомъ и повыгонялъ ихъ. И другой еще тутъ въ окружности есть, жидъ Іоська. Его всѣ Іосифомъ Веніаминовичемъ называютъ. А онъ просто Іоська, какъ родился Іоськой, такъ и остался и умретъ Іоськой... Такъ вотъ этотъ самый Іоська тоже много народу покушалъ. Только разница: Голопузовъ все крупныхъ кушаетъ, все больше пановъ... А Іоська, тотъ нашего брата мужика... Іоська ничѣмъ не брезгаетъ. Ну, однако, на конецъ концовъ одно выходитъ, пока Голопузовъ одного большого слопаетъ, Іоська успѣетъ десятокъ маленькихъ глотнуть... Да, пожалуй, что Іоська еще и выгадываетъ. Ужъ я не знаю, какъ это такъ дѣлается, что сперва это деньгами они человѣка обмотаютъ, а потомъ и самого его съ мѣста спихнутъ. Должно быть, законъ такой есть на это... Ежели-бъ закона не было, такъ не дѣлали бы такъ... Да, такъ вотъ это панскій токъ, а тамъ вонъ хаты, это и есть самая Окуневка.

И передъ ними въ самомъ дѣлѣ раскинулось очень большое село. Вонъ и церковь, вся бѣлая, необыкновенно веселаго вида, съ высокой колокольней, съ новой или заново выкрашенной зеленой краской деревянной оградой, изъ-за которой выглядывали густыя верхушки деревьевъ. Видно было, что все это до послѣдняго времени содержалось въ большомъ порядкѣ.

— Церковь здѣсь хорошая,— говорилъ мужикъ,— чудо что за церковь. Такой церкви во всемъ уѣздѣ нѣтъ. На что монастырь, а и тамъ нѣтъ такой церкви... Это сами мужики выстроили. Прежде тутъ была старенькая съ деревяннымъ верхомъ. Бывало, прежній старый батюшка обѣдню служитъ, ежели этакъ осенью, когда дожди идутъ, а съ потолковъ вода льется и лужа посреди церкви стоитъ... И въ той церкви батюшка старый себѣ болѣзнь въ ногахъ схватилъ и чуть ли не отъ той болѣзни померъ. Тяжелая была церковь и такая сумрачная на видъ. А эта вотъ веселая, точно усмѣхается, когда смотришь на нее... Славная церковь. Только вотъ попа тутъ нѣтъ; старый-то батюшка померъ, а теперь, сказываютъ, новаго назначили, изъ молодыхъ будто бы, да что-то не видать, Богъ его знаетъ, гдѣ онъ шляется. Слышно, что архіерей самъ собирается быть въ монастырѣ. Обѣдню будетъ служить, и его какъ разъ въ это время попомъ будутъ дѣлать. Народъ ждетъ, всякому хочется посмотрѣть на архіерейскую службу.

«Значитъ, обо мнѣ уже здѣсь молва пошла,— подумалъ Маккавеевъ.— Какимъ образомъ они все это узнали»?..

— А вотъ мы и пріѣхали,— сказалъ мужикъ,— вонъ тамъ (онъ указалъ кнутомъ направо, гдѣ стояла цѣлая куча хатъ въ безпорядкѣ), вонъ тамъ мой тесть живетъ, а тутъ — видите, вотъ церковный домъ, такъ тутъ дьякъ Парменъ угловую часть занимаетъ. А прочія комнаты для попа... Вотъ я васъ сейчасъ подвезу. Собъ, собъ! — прикрикнулъ онъ на воловъ, и волы чрезвычайно покорно повернули къ церковному дому и, доѣхавъ до воротъ, вдругъ сами безъ всякаго понужденія остановились.

— Парменъ Яковлевичъ! а, Парменъ Яковлевичъ!—кричалъ мужикъ, которому очевидно было лѣнь слѣзать съ воза.

— А-а! — раздался дребезжащій тенорокъ изъ глубины сарая.

— Пажалуйте сюда. Тутъ я вамъ поклажу привезъ...

— Какую поклажу?

— А вотъ поглядите,—живую... Совсѣмъ какъ есть живая поклажа...

При этомъ мужикъ хитро подмигивалъ Маккавееву. Дескать, вотъ какъ мы сейчасъ проведемъ старика.

— Да ты кто такой?—спрашивалъ все изъ того же сарая дьякъ.

— А я—Спиридонъ.

— А, Спиридонъ, сейчасъ выйду.

И вышелъ изъ сарая высокій, тончайшій дьякъ, въ длинномъ засаленномъ кафтанѣ, совсѣмъ лысый и безъ шапки. У него была острая густая бѣлая бородка, красныя вѣки, а верхняя часть спины сгибалась дугой. Кафтанъ былъ у него подтыканъ, какъ юбка у бабы, и весь засыпанъ бѣлой мукой.

— Э, да вы нынче мирошникъ стали, Парменъ Яковлевичъ,—шутилъ Спиридонъ.— А я не зналъ, что вы мукомольнымъ дѣломъ занимаетесь.

— Здравствуй, Спиридонъ,— промолвилъ дьякъ, подойдя къ возу.

Маккавеевъ соскочилъ съ воза, а Спиридонъ отрекомендовалъ его.

— Вотъ, Парменъ Яковлевичъ, на дорогѣ нашелъ и къ вамъ привезъ. Это и есть моя поклажа. Къ Евтихію Павловичу дѣло имѣютъ, такъ ужъ вы ихъ туда и предоставьте, Парменъ Яковлевичъ.

— А, ну, что-жъ, отчего же... И предоставлю. Только ужъ не знаю, лошадку-то я отпустилъ въ степь. Э, да тутъ близко, ну, пожалуйте... Эй, жена, Дарья, гдѣ ты тамъ? Ты въ погребѣ что ли? Тутъ гость прибылъ... Спиридонъ привезъ его. Къ Евтихію желаютъ... Такъ тово, сперва, полагаю, чайку у насъ попьете,— обратился онъ къ Маккавееву,— а тамъ и двинемся. Я самъ къ нему собираюсь.

Маккавеевъ молчалъ. Его удивляло все, что съ нимъ происходило. Правда, что его наблюденія во время поѣздки съ отцомъ Гуріемъ были черезчуръ односторонни. Иначе и не могло быть, по-

тому что таковъ былъ характеръ и такова была цѣль ихъ поѣздки. Все попы, да поповны. Все невѣсты, разговоры о женитьбѣ, о приданомъ, о приходѣ. А тутъ ему встрѣчается мужикъ и, ни съ того ни съ сего, привозитъ его и устраиваетъ его судьбу. Потомъ старый дьякъ, который видитъ его въ первый разъ въ жизни, даже не спрашиваетъ, кто онъ и что, а сразу принимаетъ въ немъ участіе, предлагаетъ свои услуги и даже собирается его чаемъ поить. Развѣ это не чудеса? И чего это онъ боялся ступить шагъ отъ дома отца Мемнона? Очевидно, на свѣтѣ есть добрые люди, и съ ними нигдѣ не пропадешь.

— Ну, такъ я уже поѣду,— сказалъ Спиридонъ,— сдалъ вамъ поклажу и поѣду. Мнѣ еще къ тестю надо... Можетъ, и онъ на ярмарокъ ѣдетъ...

И онъ легонько помахалъ на воловъ кнутикомъ.

— Ну, поѣзжай, Спиридонъ, поѣзжай,— согласился Пармень.

И Спиридонъ такимъ образомъ, не встрѣчая никакихъ препятствій со стороны Пармена, поѣхалъ.

Маккавеевъ остался вдвоемъ съ Парменомъ. Дьякъ посмотрѣлъ на него какимъ-то неопредѣленнымъ взглядомъ, какъ на человѣка, къ которому не знаешь еще, какъ отнестись, и спросилъ:

— Такъ вы къ Евтихію? Ну, ладно. Только рано еще, вонъ и солнце не подымалось... Или, можетъ, торопитесь, а?

— Нѣтъ, я не очень тороплюсь,— отвѣтилъ Маккавеевъ.— Мнѣ нечего торопиться.

— Ну, такъ присядемте на заваленкѣ, вотъ тутъ...

И они присѣли на заваленкѣ, которая шла вдоль всей внѣшней стѣны церковнаго дома. Домъ выходилъ на площадь, шагахъ въ двухстахъ отъ него стояла церковь. Черезъ площадь ежеминутно проходилъ и проѣзжалъ народъ. Пармень говорилъ, глядя на прохожихъ.

— Такое здѣсь мѣсто около церкви, что всякій непремѣнно долженъ черезъ него пройти или проѣхать... куда бы ни держалъ направленіе. Ужъ я такъ полагаю, что ежели бы тутъ пошлину брать, то можно заработать больше, чѣмъ церковнымъ доходомъ.

Проходившіе и проѣзжавшіе мимо мужики и бабы обязательно здоровались съ Парменомъ, и онъ со всѣми заговаривалъ. Онъ рѣшительно всѣхъ зналъ по имени.

— Ну, что, Карпо,— спрашивалъ онъ мужика,— твоей коровѣ легче?—А, будь здорова, Хивря,—обращался онъ къ бабѣ,—а что, помирилась съ сыномъ?

И Карпо и Хивря давали ему самыя подробныя объясненія на счетъ коровы и сына.

— А церковь-то у насъ, смотрите-ка какая, просто картинка,— говорилъ Пармень, обращаясь къ Маккавееву,—одно только жаль, что такъ долго пустуетъ, жаль даже смотрѣть. Вотъ ужъ три недѣли,

какъ похоронили стараго настоятеля... За всякой требой ѣздимъ въ Богоявленское... Оно, положимъ, намъ уже назначили какого-то богослова, и даже бумага есть...

— Бумага есть?—съ непонятнымъ для Пармена любопытствомъ спросилъ Маккавеевъ.

— Есть, а что? развѣ вы что нибудь знаете? Да, есть бумага. Богословъ. Ну, и этотъ богословъ, должно быть, еще по уѣзду ѣздитъ да жену себѣ пріискиваетъ. А мы тутъ должны съ требами по чужимъ людямъ ходить... Вотъ оно выходитъ какое положеніе. Неудобно это, очень неудобно, хоть бы монаха какого назначили временно... А вы сами не изъ семинаристовъ?

— Да, я изъ семинаристовъ.

— А не знали вы тамъ нѣкоего Маккавеева? Вотъ онъ-то и назначенъ.

— Знавалъ.

— Ахъ, знали! Ну, что же это за птица?

— Птица?—спросилъ Маккавеевъ.

— То-есть я въ томъ смыслѣ, что онъ за человѣкъ? Вѣдь мнѣ съ нимъ жить, понимаете... Дарья! а что-жъ самоваръ?—крикнулъ Парменъ, обернувшись къ воротамъ.—Вѣдь гость у насъ, ему еще въ Богоявленское надо...

Маккавеевъ задумался. Вотъ его здѣсь принимаютъ, къ нему относятся довѣрчиво и не разспрашиваютъ его про него самого, не залѣзаютъ ему въ душу, а онъ скрывается передъ этими людьми. Хорошо ли это? Ужъ не открыться ли имъ сразу? Да вѣдь тогда все вдругъ перемѣнится. Сейчасъ пропадетъ Парменъ, простой, добрый хозяинъ и явится новый, почтительный, принизчивый, станетъ на заднія лапки и начнетъ любезничать и всячески угождать. Нѣтъ, ужъ пока онъ такъ останется. Пока возможно, пока не зададутъ ему такихъ вопросовъ, на которые, не солгавши, нельзя будетъ скрыть правду.

— Такъ знаете?—оживленно спрашивалъ Парменъ.—Ну, ну, разскажите про него.

— Кажись, что онъ того... ничего...—отрекомендовалъ себя Егоръ.

— Ничего—говорите? Такъ что, человѣкъ, значитъ, порядочный...

— Мнѣ такъ казалось...

— Не гордъ?

— Ну, нѣтъ. Онъ не гордъ.

— Главное, чтобы носа не задиралъ, это самое главное. А то, знаете, эти ученые—гордецы, ученость гордость внушаетъ человѣку. Вотъ я не ученъ и не гордъ. Такъ, говорите, ничего? Что жъ, это хорошо, это слава Богу.

Вышла изъ двора Дарья, преземистая, широкостая баба, ничѣмъ не отличавшаяся по костюму отъ проходившихъ мимо деревенскихъ бабъ. Она вытирала руки о передникъ.

— Ну, вотъ самоваръ готовъ,—сказала она,—пожалуйте.

Дьякъ всталъ, а за нимъ Маккавеевъ.

— Ну, милости просимъ, пойдемъ, чайку изопьемъ, а тамъ и къ Евтихію проберемся.

Во дворѣ стоялъ небольшой столикъ, на немъ посуда, хлѣбъ и самоваръ. Они сѣли. Дарья наливала чай и при этомъ говорила, обращаясь къ Маккавееву.

— Все утро возилась съ коровой. Не знаю, отчего это и приключилось: вымя у нея распухло страсть какъ... Никогда этого не бывало и вдругъ... и страдаетъ бѣдная, мучится, видно, больно ей... Можетъ, вы знаете—какое средство?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Маккавеевъ,—я не знаю никакого средства...

— Гм. Не знаете... Просто бѣда. У насъ въ деревнѣ есть фельдшеръ коровій, да только я ему не вѣрю. Въ прошломъ году лѣчилъ онъ корову у покойнаго батюшки и до того долѣчилъ, что она издохла.

«Почему же,—думалъ Маккавеевъ,—они у меня ничего не спрашиваютъ обо мнѣ? Вотъ чаемъ угощаютъ, говорятъ о своихъ дѣлахъ и все такъ, какъ будто давно знаютъ меня. А, можетъ быть, я мошенникъ и плутъ? Можетъ быть, я ихъ обворую или ограблю?»

И онъ смотрѣлъ на этихъ людей, въ которыхъ для него было столько новаго. Впрочемъ для него еще и во всемъ было много новаго.

Дарья замѣтила его любопытствующій взглядъ и спросила:

— Что это вы на меня такъ смотрите, словно на мнѣ есть что нибудь особенное: либо рога выросли, либо платокъ на головѣ горитъ?

— Да нѣтъ, не то,—сказалъ Маккавеевъ,—а я смотрю и дивлюсь, что вотъ вы со мной разговариваете и угощаете меня и все прочее... А даже и не спросите, кто я есть такой. А, можетъ, я воръ какой нибудь, можетъ, я васъ ограблю.

— Хе, хе, хе,—разсмѣялся Парменъ.—Ограбите? Да что грабить-то? Вѣдь почти что нечего. Ну, а ежели и есть какое добро, такъ... Ну, что-жъ, ограбите, значитъ, вы дурной человѣкъ, вотъ и все. А я такъ полагаю, ежели вы примѣрно—ну, я не говорю въ самомъ дѣлѣ, а только примѣрно—дурной человѣкъ окажетесь, такъ оттого, что я васъ, какъ любезнаго гостя, принимаю и съ довѣріемъ, такъ отъ этого самаго вамъ и неловко будетъ сдѣлать мнѣ что нибудь худое. Вотъ оно что. А слышишь, Дарья, они знаютъ Маккавеева, который къ намъ назначенъ.

— Знаютъ? — спросила Дарья,—а? Ну, какой же онъ? добрый? Я къ тому спрашиваю, что вѣдь у насъ съ нимъ общій церковный домъ, значитъ, вмѣстѣ жить придется. Съ покойнымъ-то отцомъ Сергіемъ мы сто лѣтъ мирно прожили. И матушка у него добрая была. А новый, Богъ его знаетъ, еще какой будетъ, и матушка у него будетъ молодая и образованная, должно быть...

— Матушка? Гм... да у него... У него, знаете, еще нѣту... какъ-то неожиданно для самого себя сказалъ Маккавеевъ.

— Нѣту? Какъ же это такъ, когда его черезъ четыре дня пресвященный посвящать въ монастырѣ хочетъ? Этого не можетъ быть.

— А нѣту,—подтвердилъ Маккавеевъ,—я знаю достовѣрно, что нѣту. Ужъ онъ нѣсколько дней ѣздитъ да ищетъ невѣсту и никакъ не можетъ найти.

— Вотъ оно что значитъ, переборчивъ. Это не хорошо. Можетъ, онъ за большимъ приданымъ гоняется, такъ оттого?

— Нѣтъ, не то,—уже вполнѣ увѣренно говорилъ Маккавеевъ,— большое приданое ему давали и очень даже большое... И при этомъ Маккавеевъ какъ-то необыкновенно оживился: онъ говорилъ отъ души, и въ голосѣ его слышались искреннія нотки,—да, большое приданое давали ему, да онъ не денегъ ищетъ, а чтобы человѣкъ по душѣ былъ. А развѣ можно выбрать по душѣ, когда и разглядѣть-то, какъ слѣдуетъ, нельзя и двухъ словъ сказать не успѣешь.

— Это такъ, это такъ. Такъ онъ, бѣдняга, еще и жены не нашелъ. Пожалуй, не поспѣетъ уже, а? А мы ему ужъ тутъ комнаты приготовили. Вотъ его комнаты. Эти вотъ пять оконъ—всѣ его...

Маккавеевъ заглянулъ въ растворенныя для вентиляціи окна и увидѣлъ тамъ довольно большія комнаты съ пустыми стѣнами.

— Такія пустыя?—спросилъ онъ.

— А чему жъ тамъ быть?—сказала Дарья,—покойнаго отца Сергія дочка вывезла все, потому она наслѣдница была. А слышь, Парменъ, какъ бы опять безъ попа не остались. Я вамъ скажу, что безъ попа, какъ безъ руки. Весь доходъ отъ насъ уплываетъ, все другимъ отдаютъ. Прямо бѣда. Ну, Парменъ, ты уже тянешь, еще и солнце не взошло, а ты уже прикладываешься,—воскликнула Дарья, видя, что Парменъ наливаетъ себѣ изъ штофика въ рюмку настойку и уже перекрестилъ ее и самъ перекрестился, чтобъ выпить.

— А я, видишь, выпью, чтобъ скорѣе намъ попа прислали. Это помогаетъ,—пошутилъ Парменъ и подмигнулъ Маккавееву. Послѣ этого онъ выпилъ.

— Не можетъ безъ этого,—говорила Дарья,—такъ, чтобы пьянымъ быть, этого нѣтъ. А такъ цѣлый день потягиваетъ. Привычка.

— Это я съ горя,—откликнулся дьякъ.

— Съ какого такого горя?

— Да вотъ, что нашъ будущій настоятель никакъ себѣ жены не найдетъ,—смѣясь, отвѣтилъ Парменъ. Очевидно на него и одна рюмка слегка дѣйствовала, въ глазахъ появилась легкая поволока.

— А я такъ думаю,—съ новымъ одушевленіемъ заговорилъ Парменъ.—Ежели онъ такой человѣкъ, что ему жена по душѣ надобна, и за приданымъ онъ не гоняется, такъ взять бы ему да и жениться на Евтихіевой дочкѣ Вѣрушкѣ. Ужъ это была бы жена, уже это во истину была бы жена.

— Хорошая?—спросилъ Маккавеевъ.

— Ну, какъ же не хорошая? Вѣдь я ее знаю. Она мнѣ, видите, крестницей приходится, такъ я ее знаю. И какая дѣвица! Это, ежели взять ее въ жены, такъ прямо благодать Господню въ домъ принести. А вы ее не видали?

— Видалъ, только недолго.

— Она не красавица писанная, это я не говорю. А только изъ себя пріятная. А ужъ нравъ у нея такой, что не надо и красавицы. Да, вотъ бы нашему настоятелю будущему жениться на ней, хорошо бы.

— А вы сосватайте,—сказалъ Маккавеевъ.

— Да я сосваталъ бы хоть сейчасъ. Ежели, какъ вы говорите, что онъ человѣкъ хорошій. Потому я такъ, за какого нибудь, будь онъ тамъ хоть перенастоятель, я Вѣрушу не отдамъ, и Евтихій не отдастъ... А ежели хорошій человѣкъ, я бы сосваталъ. Да гдѣ онъ, вашъ богословъ Маккавеевъ?

На Егора вдругъ напала рѣшимость. Вдругъ представилась ему Вѣра, старшая дочка Евтихія, вся, съ ея милымъ, простымъ лицомъ и прямымъ взглядомъ, и какъ она тогда заботилась о его наружности, переставляла пуговицы на его сюртукѣ и посылала его къ цирульнику, и онъ почувствовалъ, что какъ будто давно былъ знакомъ съ ней, и что она сродни ему. И вдругъ ему показалось, что еслибъ онъ посватался къ ней, то это было бы такое естественное и простое дѣло, и что такъ именно и слѣдуетъ поступить, и что это сама судьба оберегала его до сихъ поръ, и потому онъ не сыскалъ себѣ жены. Именно потому, что жена его здѣсь, въ Богоявленскомъ. И онъ сказалъ рѣшительно:

— Ну, такъ посватайте.

— Хе, хе. Такъ гдѣ же я его возьму, этого богослова?—промолвилъ Парменъ.

— Да онъ здѣсь.

— То-есть, какъ же это здѣсь?

— А такъ, онъ передъ вами и сидитъ.

Парменъ захлопалъ глазами и смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— То-есть, какъ же это сидитъ?

— Такъ это же я самъ и есть,—открылъ наконецъ свою тайну Маккавеевъ.—Это меня и зовутъ Егоромъ Маккавеевымъ.

— Да ну?

— Да ужъ повѣрьте. Не стану я лгать передъ вами. Ну, а, впрочемъ, если не вѣрите, то вотъ вамъ и бумага.

Егоръ досталъ изъ кармана бумагу и положилъ ее на столъ. Парменъ вскочилъ съ мѣста. Напрасно Маккавеевъ тыкалъ ему въ руки бумагу. Онъ не хотѣлъ на нее даже и глядѣть. На него точно столбнякъ нашелъ. Онъ хлопалъ глазами и не двигался съ мѣста. Казалось, всѣ слова у него вдругъ исчезли...

И. Потапенко.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИСПОВѢДЬ ПОЛЬСКАГО ПОВСТАНЦА.

I

ѢЗДА на пароходѣ въ чудную майскую пору, при обиліи воды въ Волгѣ, составляетъ истинное наслажденіе. Двухъэтажный пловучій дворецъ американскаго типа спокойно и незамѣтно скользитъ по водной поверхности, и только убѣгающіе назадъ береговые предметы обнаруживаютъ быстрое поступательное движеніе. Безчисленное множество судовъ всевозможныхъ формъ и назначеній снуетъ по кормилицѣ-рѣкѣ взадъ и впередъ, безпрестанно оглашая прозрачный воздухъ пронзительнымъ свистомъ. Всѣ пристани кишатъ муравьиною дѣятельностью. А отъ береговъ не хочется глазъ оторвать: по одну сторону разстилаются широкія равнины, покрытыя яркою зеленью сочныхъ травъ и пажитей, среди которыхъ выдѣляются въ отдаленіи сѣрыя пятна деревень и селъ, съ выдвинутыми вверхъ церковными куполами; по другую—на десятки верстъ тянется высокая и крутая стѣна, то образующая въ своихъ каменистыхъ нѣдрахъ глубокія складки, то врѣзывающаяся далеко въ рѣку острымъ ребромъ. Вершины горъ покрыты молодымъ лѣскомъ, отростающимъ послѣ варварской порубки.

Среди такихъ чарующихъ пейзажей я уже третьи сутки плылъ внизъ по Волгѣ на прекрасномъ пароходѣ «Фельдмаршалъ Суворовъ». Не смотря на всѣ внутреннія удобства моей рѣчной квартиры, я весьма рѣдко заглядывалъ въ каюту и залу, но почти все

время, за исключеніемъ немногихъ ночныхъ часовъ, проводилъ на широкой террасѣ парохода, вдыхая бодрящій рѣчной воздухъ. Большинство пассажировъ, которымъ, вслѣдствіе частыхъ плаваній, интересныя картины, очевидно, уже примелькались, занимались на пароходѣ, кто во что гораздъ: одни, захвативъ книги изъ пароходной библіотеки, лѣниво перелистывали потрепанныя страницы, другіе энергически рѣзались въ винтъ, третьи изощряли свои музыкальныя способности на піанино. Только одинъ пассажиръ перваго класса, подобно мнѣ, не сходилъ съ палубы. Когда на другой день пути въ 5 часовъ утра я вышелъ на террасу, онъ уже былъ тутъ. Это былъ господинъ высокаго роста, стройный, лѣтъ пятидесяти, съ продолговатымъ лицомъ, на которомъ выдѣлялся римскій носъ. Глаза его, по временамъ останавливавшіеся на мнѣ, свѣтились мягкимъ добродушіемъ. Если на этого господина когда либо составлялся паспортъ, то въ числѣ особыхъ примѣтъ, безъ сомнѣнія, заносился длинный и узкій, почти черезъ всю правую щеку, шрамъ, очевидно, оставшійся послѣ рѣзаной раны. Судя по типу лица и отвисшимъ внизъ густымъ усамъ, его можно было принять за малоросса или поляка, но великорусская поддевка и высокіе сапоги не совсѣмъ гармонировали съ такимъ предположеніемъ. Я сидѣлъ съ биноклемъ въ рукахъ, а пассажиръ все ходилъ кругомъ да около, изрѣдка поглядывая на меня съ явнымъ намѣреніемъ завести разговоръ.

— Вы, безъ сомнѣнія, большой любитель природы,—сказалъ онъ, остановившись подлѣ меня и приподнявъ свой котелокъ.—Я тоже имѣю эту слабость; сколько разъ ужъ проѣзжалъ здѣсь, а все предпочитаю глазѣть по сторонамъ, чѣмъ сидѣть въ каютѣ.

— Совершенно раздѣляю вашъ вкусъ. Полюбоваться есть на что, особенно, если путешествуешь въ первый разъ, какъ я.

Мы разговорились. Спутникъ мой возвращался изъ Нижняго, гдѣ онъ подыскалъ и нанялъ помѣщеніе подъ шерсть, которая должна быть доставлена туда изъ имѣнія на ярмарку. Когда мы нѣсколько ознакомились, то смѣлѣе стали любопытствовать на счетъ другъ друга.

— Вашъ выговоръ,—замѣтилъ я,—напоминаетъ мнѣ далекую западную окраину, гдѣ я прослужилъ болѣе двадцати лѣтъ.

— Проклятый этотъ выговоръ,—досадливо воскликнулъ онъ,—какъ я ни стараюсь «посбыться» его, никакъ это мнѣ не удается. Дѣйствительно, я родился въ Люблинской губерніи. Позвольте отрекомендоваться: Иванъ Станиславичъ Вшеборъ.

Я назвалъ себя, и мы стали говорить про Польшу. Оказалось много мѣстъ и даже людей, которыхъ мы оба знали. Въ концѣ концовъ открылось даже старое знакомство между нами, хотя мы были и въ противоположныхъ лагеряхъ: онъ въ бандахъ повстанцевъ, во время возстанія 1863 г., я въ преслѣдующихъ отрядахъ.

Когда Вшеборъ разсказалъ, что рубецъ на лицѣ остался у него вѣчною памятью послѣ казацкой шашки, при разбитіи инсургентовъ Землинскаго, Яцковскаго и Красолинскаго у деревни Янувки отрядомъ полковника Шельтинга, то я, съ своей стороны, припомнилъ, что, находясь въ этомъ самомъ отрядѣ, послѣ дѣла при Янувкѣ, останавливалъ сильное кровотеченіе изъ глубокой раны на лицѣ у молодого поляка, котораго санитары подобрали на полѣ битвы, послѣ бѣгства инсургентовъ, и принесли на перевязочный пунктъ. Молодой человѣкъ въ зеленой чемаркѣ находился въ глубокомъ обморокѣ и былъ блѣденъ, какъ смерть, отъ потери крови. Когда послѣ перевязки раненый былъ приведенъ въ чувство, я далъ ему изъ походной фляги порядочную порцію рому и отправилъ вмѣстѣ съ своими ранеными въ полковой лазаретъ, находившійся неподалеку въ уѣздномъ городѣ при штабѣ полка. Въ лазаретѣ онъ оставался въ моемъ пользованіи недѣли двѣ. Теперь я даже припомнилъ общее сходство въ чертахъ лица пожилого знакомца моего съ раненымъ молодымъ инсургентомъ. Радость его, по поводу нашей встрѣчи, была безгранична; онъ не находилъ словъ выразить мнѣ чувства своей признательности.

Съ этого момента мой спутникъ привязался ко мнѣ, какъ къ родному. А такъ какъ онъ былъ словоохотливый и занимательный человѣкъ, видавшій виды, то я пріятно провелъ три дня моего путешествія въ его обществѣ. Между прочимъ, онъ съ полною откровенностью выложилъ предо мной исповѣдь участія своего въ послѣднемъ польскомъ мятежѣ. Этотъ разсказъ показался мнѣ настолько любопытнымъ, что, не надѣясь удержать въ памяти всѣ его подробности, я просилъ Вшебора, при разставаньи съ нимъ, изложить разсказанную исторію на бумагѣ и прислать мнѣ.

Черезъ полъ-года я получилъ отъ него рукопись при слѣдующемъ письмѣ: «съ удовольствіемъ исполняя ваше желаніе, посылаю описаніе моихъ похожденій. Я пробовалъ излагать порусски, но литературная форма мнѣ не дается. Поэтому простите, что написалъ на томъ языкѣ, на которомъ я получилъ школьное образованіе. У меня мысль гораздо легче и правильнѣе облекается въ польскую оболочку. Всѣ собственныя имена, вамъ хорошо извѣстныя, на всякій случай замаскированы, такъ что если кто изъ дѣйствовавшихъ лицъ здравствуетъ, то узнать ихъ нельзя подъ маской. Сами же они могутъ признать себя только по обстановкѣ фактовъ».

Вотъ эта исповѣдь.

Хотя мнѣ съ самаго малолѣтства внушалось, что злѣйшіе враги поляковъ — «москали», но я въ сердцѣ моемъ не питалъ къ русскимъ особенной вражды, такъ что товарищи мои по Маримонту (бывшее земледѣльческое училище, близъ Варшавы), гдѣ я обучался,

даже называли меня москалефиломъ. Такое настроеніе я сохранилъ и въ практической жизни, когда по выходѣ изъ училища принялъ на себя всѣ хозяйственныя заботы въ своемъ фольваркѣ, вслѣдствіе старости и болѣзни моего отца. Матери моей давно уже не было на свѣтѣ, а сестра—моложе меня лѣтъ на пять—училась въ пансіонѣ въ Люблинѣ. Какъ хозяинъ и помѣщикъ, я имѣлъ многоразличныя сношенія съ людьми всякихъ званій и состояній: водилъ знакомство съ казачьими офицерами, людьми весьма добродушнаго свойства, пріѣзжавшими ко мнѣ для покупки овса, и въ свою очередь нерѣдко попадалъ въ такія польскія общества, гдѣ страстно занимались политикой. Въ это время, начиная съ 1861 года, польская шляхта уже порядочно была наэлектризована патріотическимъ азартомъ. Въ обществѣ часто приходилось слышать, что наступаетъ счастливая эра изгнанія «русскаго деспотизма» и возстановленія назависимости Польши. Теперь я вполнѣ убѣжденъ, что если бы насъ не поджигали изъ-за границы наши же братья эмигранты, то поляки сидѣли бы себѣ спокойно въ имѣніяхъ и канцеляріяхъ и не отважились бы поднять оружія, въ виду громаднаго неравенства силъ и средствъ въ борьбѣ съ русскимъ государствомъ.

Нельзя было не замѣтить, что патріотическій энтузіазмъ постепенно разгорался по мѣрѣ того, какъ ослабѣвалъ досмотръ на границахъ, черезъ которыя провозились въ царство Польское цѣлые вороха революціонныхъ изданій, страстно взывавшихъ къ сердцамъ и рыцарству поляковъ и убѣждавшихъ народъ подняться на мнимыхъ притѣснителей во имя религіи, свободы и любви къ родинѣ. Можетъ быть, эти прокламаціи сами по себѣ не привели бы къ печальному результату, если-бъ одновременно съ ними не шныряли по всему краю многочисленные эмиссары парижскаго «жонда народоваго». Отъ этихъ господъ не было спасенія. Мой маленькій фольваркъ, казалось бы, всего менѣе могъ привлекать къ себѣ вниманіе агитаторовъ, потому что скуденъ былъ средствами и находился въ глуши, вдали отъ проѣзжихъ дорогъ, однако-жъ непрошенные гости то и дѣло наѣзжали въ наше захолустье. Какъ уполномоченные отъ «жонда», эти господа деспотически опустошали мою хозяйскую кассу, требуя «офяръ» (пожертвованій) на народное дѣло, и распоряжались нашими рабочими лошадьми для поѣздокъ въ сосѣднія имѣнія. Отказывать имъ не было никакой возможности. Когда вамъ говорятъ, что дѣло идетъ о свободѣ и независимости дорогой «ойчизны», что каждый честный полякъ, какъ истинный сынъ матери-Польши, обязанъ принести на алтарь отечества не только послѣднюю свою рубашку, но и самую жизнь свою, когда патріотическій вихрь, носившійся отъ края до края Польши, захватывалъ въ свой водоворотъ весь нашъ шляхетскій слой, служившій выразителемъ старопольскихъ преданій,— какъ

тутъ устоять противъ стихійнаго напора? Выдѣлить себя одного изъ сферы общихъ интересовъ и остаться среди своихъ измѣнникомъ святому дѣлу, какъ тогда говорилось, значило подвергнуть нешуточной опасности и больного отца, и самого себя, и наше имущественное гнѣздо. Одинъ въ полѣ не воинъ. Если бы кто даже не сочувствовалъ широкимъ планамъ «отбудованія ойчизны» (возстановленія отечества) и вполнѣ ясно предугадывалъ въ этихъ замыслахъ польскую гибель, то онъ и рта не смѣлъ бы раскрыть для выраженія своихъ сомнѣній, а тѣмъ болѣе не рѣшился бы оказать какое либо сопротивленіе лицамъ, взимавшимъ контрибуцію. Не встрѣчая почти никакого противодѣйствія со стороны законныхъ властей, «жондъ народовый» забиралъ все большую и большую силу, такъ что къ концу 1862 года сдѣлался фактическимъ хозяиномъ края. Всѣ чувствовали и знали, что польская нелегальная власть рѣшительно перевѣшивала русскую, потому что декреты «жонда» безпрепятственно приводились въ исполненіе. Появились устрашающіе факты. Пошли таинственные разсказы, что въ одномъ мѣстѣ повѣшенъ или зарѣзанъ «хлопъ» по подозрѣнію въ шпіонствѣ, въ другомъ — сожжена дотла мыза богатаго еврея за то, что, передавъ немало «офяръ» въ разныя руки, онъ на новыя требованія заявилъ, наконецъ, что больше жертвовать не можетъ.

Особенно подавляющимъ образомъ дѣйствовало то, что виновники этихъ подвиговъ оставались для правительства неуязвимыми, потому что подъ вліяніемъ революціоннаго террора никто изъ мѣстныхъ жителей не отваживался не только задерживать ихъ, даже показывать правду при слѣдствіи. На защиту правительства тѣмъ болѣе нельзя было разсчитывать, что русскія войска были расположены въ краѣ рѣдкими оазисами, а гражданскія власти всѣ были на «сторонѣ» жонда съ тою разницей, что чиновники покрупнѣе, изъ осторожности, только покрывали дѣйствія революціоннаго правительства и потворствовали ему, а помельче--служили прямыми органами «жонда». Неудивительно, что беззащитная провинція вся была въ рукахъ подпольной власти, которая деспотически распоряжалась имуществомъ и жизнью каждаго. Да что провинція,—даже изъ Варшавы, гдѣ сосредоточено законное правительство, и гдѣ находилась масса войскъ, постоянно приходили сенсаціонныя вѣсти: то на самой многолюдной — Маршалковской -- улицѣ разнесена вдребезги богатая «цукерня» (кондитерская) за то, что хозяинъ отказался дать крупную сумму сборщику «народовой подати», то зарѣзанъ полякъ-редакторъ офиціальной газеты за слово вразумленія къ полякамъ, то «конфискованы» казенныя деньги на «народное дѣло». Не менѣе яркимъ доказательствомъ польской силы служило въ глазахъ населенія то, что въ самой Варшавѣ издавались революціонныя газеты съ самымъ свирѣпымъ направленіемъ и развози-

лись, для надлежащаго внушенія, по другимъ городамъ и даже глухимъ захолустьямъ.

Вліяніе всѣхъ этихъ факторовъ было огромно и неотразимо. Даже жиды, эти вновь заявленные «поляки Моисеева закона», для которыхъ въ Польшѣ нѣтъ отечества, внѣ эксплоатаціи поляка во всѣхъ его видахъ, даже жиды, подъ страхомъ кинжала и пожарнаго зарева, сдѣлались невольными патріотами и съ болью въ сердцѣ отдавали на революцію свои «злоты» и рубли.

Такимъ-то образомъ и меня порядочно-таки обобрали. Рѣдкая недѣля проходила, чтобъ не явился въ фольваркъ, какъ снѣгъ на голову, какой нибудь совершенно неизвѣстный въ околоткѣ господинъ съ требованіемъ «офяры». Такъ какъ съ самаго начала, подъ видомъ уполномоченныхъ отъ «жонда», появлялись въ разныхъ мѣстахъ простые мошенники, которые собирали контрибуцію въ свою пользу, то впослѣдствіи настоящіе сборщики податей были снабжены круглыми, величиною съ ладонь, знаками изъ двойной шелковой матеріи, съ одноглавымъ польскимъ орломъ и надписью вокругъ: «жондъ народовый». Случалось нерѣдко, что такой не желанный гость налеталъ въ такую минуту, когда во всемъ домѣ не было ни копейки денегъ. Въ малыхъ хозяйствахъ у насъ въ Польшѣ не рѣдкость, что есть всего довольно: зерна, муки, овощей, живности, масла; при всемъ томъ, помѣщикъ не въ состояніи побаловаться даже табакомъ, потому что купить не на что, пока не продалъ какихъ либо продуктовъ. Вотъ, въ такую-то пору сборщикъ является вдвойнѣ карой небесной. Не смотря на всѣ увѣренія, даже клятвы, не только мои, но и моего старика, что дать нечего, эмиссаръ «жонда» ничего и слышать не хотѣлъ: подавай, откуда хочешь. Эти требованія сопровождались такимъ нахальствомъ, такими дерзкими угрозами, что трудно было удержаться отъ искушенія вытолкать «патріотовъ» въ шею. Но, въ виду опасности, приходилось смиряться; иногда просто отчаяніе брало, а бѣдному отцу моему подобныя исторіи каждый разъ стоили тяжкихъ ухудшеній разстроеннаго его здоровья. Обыкновенно кончалось тѣмъ, что сборщикъ волей-неволей оказывалъ милость, отсрочивая взносъ подати на нѣсколько дней, но уже назначалъ ее въ увеличенномъ размѣрѣ, а самъ тѣмъ временемъ отправлялся за добычей въ сосѣднія деревни. Приходилось или везти наскоро на базаръ въ мѣстечко сѣно, рожь, огородные овощи, масло, словомъ, что было уже запасено въ хозяйствѣ, и продавать по такой цѣнѣ, какую дадутъ, или же поклониться жиду и взять у него денегъ подъ адскіе проценты. Эмиссаръ всегда возвращался въ срокъ съ удивительною точностью и получалъ то, чего требовалъ. Слышно было со стороны, что вслѣдъ за неустойкой послѣ отсрочки обыкновенно наступала неумолимая месть въ той или другой формѣ. Хорошо бы еще такъ: заплатилъ и правъ,

а то едва отдѣлаешься отъ одного нахала, какъ налетаетъ другой, съ тѣми же настойчивыми требованіями, и такъ безъ конца.

Хотя существованіе какого-то таинственнаго «жонда» давало себя чувствовать, но въ проявленіяхъ его власти была крайняя неурядица, при которой одному изъ плательщиковъ приходилось отдуваться больше, другому меньше. Обстоятельство это возбуждало ропотъ даже между горячими патріотами. Бывая въ Люблинѣ, гдѣ, по слухамъ, уже учреждена была полная революціонная организація, съ начальникомъ города во главѣ, мнѣ приходилось слышать заявленія, что необходимо обратиться къ высшему «жонду» съ просьбой установить какой либо порядокъ и справедливую равномѣрность относительно раскладки и взиманія «народовой подати», но, видно, это было «жонду» не подъ силу, и все оставалось попрежнему.

Въ концѣ января 1863 года, когда уже вспыхнуло возстаніе, на фольваркъ нашъ сдѣлали набѣгъ трое неизвѣстныхъ молодыхъ людей, одѣтыхъ въ охотничьи костюмы, при сабляхъ и револьверахъ. Они сдѣлали повальный обыскъ во всемъ нашемъ гнѣздѣ съ цѣлью забрать все, что окажется пригоднымъ для банды. Въ результатѣ у насъ отняли пару лучшихъ лошадей съ «нейтычанкой», два моихъ охотничьихъ ружья, кинжалъ и съ десятокъ косъ. При этомъ распоряжался приземистый и широкоплечій брюнетъ, съ курчавыми волосами и еврейскимъ типомъ лица. Остальные двое высказывали ему подчиненіе, постоянно величая паномъ капитаномъ. Вообще замѣтно было, что этихъ господъ тѣшила военная субординація, въ которую они играли.

— Теперь, пане Вшеборъ,—обратился ко мнѣ повстанскій капитанъ, собираясь въ отъѣздъ,—вамъ остается лично послужить отчизнѣ, какъ подобаетъ истинному поляку и патріоту. Сосѣдняя съ вами Вулька, какъ вы знаете, окружена порядочнымъ лѣсомъ. Мѣсто очень удобное въ стратегическомъ отношеніи. Тамъ, въ этой деревнѣ, будетъ формироваться легіонъ стрѣлковъ. Такъ какъ вы охотникъ, знающій стрѣльбу, то правительство наше назначило васъ инструкторомъ для обученія «шереговцевъ» (рядовыхъ) стрѣльбѣ. Поздравляю васъ съ этой «номинаціей» (назначеніемъ) и приказываю отъ имени «жонда» немедленно явиться къ начальнику легіона въ Вульку.

При этомъ, повстанецъ, именуемый капитаномъ, вынулъ изъ бокового кармана книжечку, написалъ въ ней карандашемъ нѣсколько словъ и, оторвавъ листокъ, подалъ мнѣ.

— Съ этимъ документомъ вы должны явиться къ начальнику легіона,—повелительно сказалъ онъ.

Я не могъ удержать своего любопытства и прочиталъ слѣдующее: «предъявитель Иванъ Вшеборъ назначенъ въ формирующійся въ Вулькѣ легіонъ стрѣлковъ инструкторомъ». На бумажкѣ была оттиснута готовая печать съ надписью: «воеводство Люблинское».

— Позвольте спросить,—полюбопытствовалъ я,—въ качествѣ чего я назначаюсь: какъ офицеръ, или «шереговецъ»?

— Это опредѣлитъ на мѣстѣ вашъ начальникъ.

— Я готовъ повиноваться.... только какъ же я явлюсь съ голыми руками? Вы забрали все мое оружіе.

— Объ этомъ не безпокойтесь. Отрядъ съ избыткомъ снабженъ всѣми военными запасами. Кстати, поручикъ,—обратился онъ къ тонкому верзилѣ, согнутая фигура котораго не представляла ничего воинственнаго,—вы когда доставили въ Вульку вашъ транспортъ?

— Ровно пять дней тому назадъ,—отвѣтилъ онъ, приложивъ руку къ непокрытой головѣ.

— Повторяю, я готовъ служить,—отозвался я,—но тотчасъ бросить домъ не могу. У меня на рукахъ больной отецъ, мнѣ необходимо нѣсколько дней для того, чтобъ такъ или иначе его устроить; бросить же его безъ призора на произволъ судьбы не позволяютъ мнѣ сыновнія обязанности.

— Обязанность предъ отечествомъ поглощаетъ всѣ другія обязанности,—сурово возразилъ капитанъ.—Вамъ приказано, и никакихъ разговоровъ.

Въ эту минуту тихо растворилась дверь изъ сосѣдней комнаты, и на порогѣ, придерживаясь за дверной косякъ, показался мой отецъ, блѣдный и изможденный, тяжело дыша съ хрипомъ въ груди. Я бросился поддержать его и усадилъ на ближайшую софу. Старикъ скрестилъ на груди костлявыя руки и умоляющимъ взоромъ скользнулъ по лицамъ незнакомыхъ посѣтителей.

— Будьте милостивы, господа,—чуть слышно заговорилъ онъ,— не отнимайте у меня единственную мою подпору. Пусть онъ закроетъ мнѣ глаза и тогда....

Волненіе помѣшало ему докончить; онъ закашлялся, и по страдальческому лицу покатились слезы.

— Слезы ваши совершено лишнія,—холодно возразилъ капитанъ.—Передъ нами отечество плачетъ. Умрете ли вы раньше или позже, это для святой народной «справы» все равно, а сынъ вашъ нуженъ сейчасъ. Помните, молодой человѣкъ,—обратился онъ ко мнѣ,—что военный судъ караетъ смертью всякаго ослушника «жонда».

При этихъ словахъ отецъ издалъ глухой стонъ и въ обморокѣ повалился на диванъ, а баши-бузуки вышли во дворъ и, усѣвшись въ нашу «нейтычанку», исчезли. Когда вспомню все это, и теперь еще сердце мое обливается кровью. Прошло нѣсколько часовъ, пока мой бѣдный страдалецъ совсѣмъ пришелъ въ себя,—и какъ онъ меня просилъ, какъ умолялъ не покидать его одинокимъ и безпомощнымъ! Онъ силился притянуть мою руку къ своимъ устамъ, чтобы поцѣловать ее, осѣнялъ меня благословеніемъ и въ горячей молитвѣ просилъ помощи и заступничества Спасителя и Матери Божіей отъ напастей вражескихъ. Сцена съ повстанцами такъ сильно подѣйствовала на боль-

ного, что онъ не могъ отдѣлаться отъ ужаса и по временамъ, какъ бы вновь переживая видѣнное и слышанное, спрашивалъ: «гдѣ они, эти убійцы, посмотри: не идутъ ли?».

Я совершенно искренно рѣшилъ уклониться отъ мятежа, во-первыхъ, потому что безгранично любилъ своего отца, котораго не бросилъ бы даже съ пожертвованіемъ собственною жизнью, а, во-вторыхъ, лично я мало былъ расположенъ бросаться въ омутъ приключеній въ угоду какому-то «жонду», который, засѣвъ въ таинственной дырѣ, въ сторонѣ отъ опасностей, хотѣлъ нашими руками жаръ загребать. Чтобы избѣжать опасныхъ встрѣчъ, у насъ на фольваркѣ учреждена была цѣлая система предосторожностей. Наша немногочисленная дворня была намъ очень предана и совершенно раздѣляла отрицательное отношеніе своихъ господъ къ возстанію. Поэтому, какъ только въ раіонѣ фольварка показывалась какая либо подозрительная личность, тотчасъ мнѣ давали объ этомъ знать, и я благополучно скрывался, а слуги научены были говорить, что я или «поступилъ въ польское войско» или уѣхалъ въ Люблинъ. Случалось не разъ, что наѣзжала подвода съ двумя-тремя вооруженными людьми, которые обшаривали всѣ углы въ поискахъ за съѣстными припасами и, наваливъ на телѣгу хлѣбъ, муку, картофель, боченки капусты, увозили все это въ банду; но меня самого не разыскивали и моего больного не безпокоили.

Въ виду такого систематическаго грабежа, обрекавшаго и насъ самихъ на голоданіе, мы ухитрились устроить въ отдаленномъ углу огорода, въ землѣ между кустами, потаенную кладовую, гдѣ и хранили домашніе запасы. Противодѣйствія повстанскому хозяйничанью со стороны правительственныхъ войскъ долгое время въ нашемъ околоткѣ не было замѣтно. Только уже, въ концѣ февраля, въ первый разъ прошелъ черезъ фольваркъ небольшой русскій отрядъ и дѣлалъ у насъ привалъ. Офицеры разспрашивали, не проходила ли здѣсь надняхъ банда, которой мы въ самомъ дѣлѣ не видѣли, и приказали солдатамъ искать оружіе, котораго, разумѣется, не нашли, такъ какъ въ этомъ отношеніи повстанцы предупредили русскихъ. Но о томъ, что поляки уже забрали оружіе, и что они многократно грабили съѣстное, нельзя было и заикнуться, ибо подобные факты признавались правительствомъ за потворство мятежу и влекли за собою денежные штрафы. Положеніе было весьма критическое, и не дай Богъ ему когда либо повториться. Отдыхавшему отряду фольваркъ могъ предложить только молока и сыру, за что аккуратно было заплачено. Само собою разумѣется, что отъ русскихъ мнѣ не только не было надобности прятаться, но даже необходимо было показать имъ свою особу, чтобы видѣли, что я не ушелъ въ банду. Невыносимо трудно было вилять между двухъ огней!

Наступила ранняя весна. Въ мартѣ уже зеленѣла трава на солнечныхъ пригрѣвахъ. Въ воздухѣ запахло теплою влажностью и

смолистымъ ароматомъ вздувшихся древесныхъ почекъ. Жаворонки немолчно оглашали поднебесныя выси своею веселою трескотней. Возрождавшаяся природа въ побѣдной радости послѣ зимняго оцѣпенѣнія готовилась вступить въ праздничную фазу бытія, роскошнаго убранства и всеобщаго ликованія. Только надъ несчастной Польшей висѣлъ сумрачный туманъ политической неизвѣстности. Кто изъ поляковъ всецѣло былъ поглощенъ патріотическимъ энтузіазмомъ, или кому терять было нечего, такіе господа чувствовали себя на вершинѣ мимолетнаго торжества. Но кто старался удержаться въ колеѣ нормальной жизни и дорожилъ мирнымъ трудомъ, тому приходилось жутко, тѣмъ болѣе, что невозможно было даже и приблизительно загадывать о томъ, когда вся эта кутерьма кончится.

Меня подмывало любопытство провѣдать, что творится въ пресловутой Вулькѣ, съ которою связана моя военная «номинація». Я рѣшился пробраться туда инкогнито, какъ будто по совершенно обыденному дѣлу, и мимоходомъ вывѣдать, извѣстно ли тамъ, что мое имя числится въ спискахъ легіона, сформированнаго въ этой деревнѣ. Существуетъ ли еще тамъ этотъ легіонъ или хоть штабъ его, если онъ самъ выступилъ на поле брани? Все это мнѣ полезно было узнать, чтобы приспособляться къ обстоятельствамъ въ дальнѣйшемъ моемъ существованіи. Если я числился въ бандѣ, то неявка моя вопреки распоряженію «жонда» ставила меня въ положеніе дезертира, и тогда опасность для меня удвоивалась. Если же начальство легіона не получало особаго увѣдомленія о моемъ назначеніи, что легко могло случиться при трудности регулярныхъ сношеній между органами «жонда», тогда патріоты могли винить меня только въ томъ, что я замедлилъ вступить добровольцемъ въ польское воинство вслѣдствіе равнодушія къ народной «справѣ», а это еще туда-сюда.

Чтобы не встревожить отца, я сказалъ, что отправляюсь въ поле, а въ дѣйствительности усѣлся верхомъ на невзрачнаго возовика и поѣхалъ въ Вульку. Эта деревня отстояла отъ насъ верстъ на двадцать и была расположена среди лѣсовъ и болотъ. Здѣшнія дебри я исходилъ вдоль и поперекъ съ ружьемъ въ рукахъ и потому хорошо изучилъ ихъ. Лучшей мѣстности нельзя было и придумать для того, чтобы скрываться отъ любопытныхъ глазъ, а въ случаѣ опасности легко было пробраться разными незамѣтными тропинками въ какую либо трущобу и на первый разъ защититься отъ напора войска трудно проходимыми трясинами.

Проѣзжая топкою лѣсною дорогой, я встрѣтилъ недалеко уже отъ деревни сѣдого мужика, увязшаго съ своимъ возомъ и бороной на немъ въ глубокой грязной рытвинѣ.

— Да будетъ благословенъ Іисусъ Христосъ,—произнесъ я старопольское привѣтствіе, всегда употребляемое простонародьемъ,—чтобъ расположить хлопа въ свою пользу,

— На вѣки вѣковъ аминь,—отвѣтилъ онъ, снявъ соломенную

шляпу и сосредоточивъ печальный взглядъ на колесахъ, ушедшихъ по ступицу въ густую грязь.

— Что у васъ въ Вулькѣ дѣлается?

— А что же у насъ можетъ дѣлаться, пане ласковый; вотъ, какъ видите, каждую весну такъ бьемся съ нашими дорогами, чтобъ выбраться какъ нибудь въ поле. По-истинѣ, Божіе наказаніе.

Нужно замѣтить, что крестьяне въ нашей мѣстности, какъ весьма хозяйственные и зажиточные, относились крайне не сочувственно къ политической неурядицѣ, тормозившей обычный ходъ ихъ трудовой дѣятельности. Въ хозяйствѣ нашихъ крестьянъ все напередъ разсчитано и взвѣшено: каждый твердо знаетъ, сколько онъ долженъ вывезти удобренія на ту или другую ниву, сколько нужно ему держать рабочаго и домашняго скота, сколько рукъ требуется для обработки его полей, чтобъ получить извѣстный доходъ, изъ котораго можно бы уплатить подати и оставить деньги въ запасъ на домашнія нужды. А тутъ подошло время, что повстанцы то тянутъ отъ хозяина рубль на «офяру», который стоитъ на счету, то отнимутъ курицу, овцу и даже лошадь, то уведутъ сына или работника въ «косинеры». Вообще говоря, крестьяне наши проклинали въ душѣ мятежъ, но только въ душѣ, а высказываться боялись и держали себя пассивно. Склоняться явно въ русскую сторону значило подвергать себя жестокой мести отъ коноводовъ мятежа, а принять участіе въ повстаніи убыточно для хозяйства и опасно въ отношеніи законнаго правительства. Поэтому крестьяне наши были до крайности осторожны съ неизвѣстными людьми, боясь ступить невпопадъ въ ту или другую сторону.

— Да ты, мой коханый, не хитри, — настаивалъ я, — а скажи прямо, есть ли въ Вулькѣ повстанцы. Я знаю, что были, но не слышалъ, теперь какъ, вышли они куда нибудь или еще у васъ?

— Почемъ мнѣ знать это? Въ Вулькѣ иногда бываютъ разные люди, а кто они, не знаю.

— Послушай, старина, я не принадлежу ни къ повстанцамъ, ни къ москалямъ; ты напрасно меня опасаешься. Мнѣ нужно кое-что справить въ Вулькѣ по хозяйству, а повстанцы могли бы помѣшать мнѣ. Вотъ я почему спрашиваю.

— Мы, пане, сидимъ себѣ въ «халупѣ» или работаемъ въ полѣ, а что дѣлаютъ другіе, того мы не вѣдаемъ.

Такъ я отъ хлопа ничего и не добился. Въ Вулькѣ я зналъ богатаго лѣсоторговца Айзика, къ которому и направился подъ предлогомъ покупки лѣса для постройки избы. Я не узналъ этого деревенскаго креза, еще недавно цвѣтущаго и самоувѣреннаго, съ оттѣнкомъ покровительственнаго тона въ обращеніи съ покупателями. Теперь онъ предсталъ предо мной согнутый, блѣдный, сумрачный. Видно, обстоятельства смутнаго времени порядкомъ пришибли его. Послѣ дѣлового разговора я исподволь подошелъ къ

предмету, который интересовалъ меня. Однако-жъ и Айзикъ старался отдѣлаться отъ меня ничего незначащими фразами. — «Были тутъ, дескать, какіе-то люди. Въ теперешнее время мало ли кто не бываетъ по глухимъ мѣстамъ. Нѣкоторые пришельцы проживали въ Вулькѣ по нѣскольку дней, а кто они—не спрашивалъ». Когда же я приступилъ къ нему съ болѣе рѣшительными вопросами, то Айзикъ съ неудовольствіемъ отвѣтилъ: «я бѣдный еврей, ни во что не мѣшаюсь и ничего сказать вамъ не умѣю». Впрочемъ, онъ далъ мнѣ одно полезное указаніе обратиться къ ксендзу, который вполнѣ можетъ удовлетворить мое любопытство.

Я немного зналъ вульковскаго ксендза, который одинъ разъ былъ даже въ гостяхъ у моего старика, проѣздомъ къ своему коллегѣ въ нашъ приходъ на храмовой праздникъ. Хотя ксендзы представляли въ то время грозную силу для такихъ «лайдаковъ» (бездѣльниковъ), какимъ я могъ казаться, однако-жъ, была-не-была, отправился къ ксендзу. Проѣзжая нѣсколькими улицами къ плебаніи (ксендзовскій домъ при костёлѣ), я видѣлъ самыя мирныя картины деревенскаго затишья: у воротъ шлепались въ лужахъ босоногія дѣтишки, въ колеяхъ дороги наслаждались кейфомъ свиньи, зарывшись по самый хребетъ въ жидкое мѣсиво, попадались бабы съ ведрами; только не видно было взрослаго мужскаго населенія.

Молодой, статный и красивый ксендзъ встрѣтилъ меня съ недоумѣвающею миной. Хотя онъ не удостоилъ меня общепринятаго лобызанія, но указалъ на стулъ и самъ усѣлся напротивъ, уставившись на меня инквизиторскимъ взглядомъ.

— Откуда панъ и какъ попалъ сюда?

— Я, ксенже добродѣю, по порученію отца, — слукавилъ я, — онъ проситъ отслужить «мшу» (мессу) святую за его здоровье.

При этомъ я положилъ на кончикъ стола конвертикъ съ двумя рублями.

— А вашъ ксендзъ развѣ не умѣетъ молиться? — подозрительно спросилъ онъ.

— Мы постоянно пользуемся вниманіемъ своего духовнаго отца... но относительно васъ это ужъ особенное желаніе больного.

— Очень хорошо, — сказалъ ксендзъ смягченнымъ тономъ. — Какъ же вы, молодой человѣкъ, все еще сидите дома за печкой?

— Ксендзу добродѣю извѣстно, что мой батюшка боленъ тяжкою грудною болѣзнію... Къ несчастью, онъ недолго уже протянетъ. Я при немъ одинъ, оставить его въ такомъ положеніи не на кого...

— Гмъ... это не оправданіе, всегда можно найти сидѣлку. Въ настоящее время всякій полякъ, способный носить оружіе, долженъ быть тамъ, куда призываетъ его наша дорогая отчизна, и забыть всѣ другіе интересы.

— Я хорошо сознаю это, — опять слукавилъ я. — Если сказать откровенно, то я для того и пріѣхалъ въ Вульку, что, по слухамъ,

здѣсь находится народовый отрядъ... Я хотѣлъ представиться начальнику и просить о зачисленіи.

— Ну, опоздали, пане Яне, — совсѣмъ ужъ ласково сказалъ ксендзъ, — точно здѣсь были стрѣлки, отрядъ сформировался изъ 200 ружей, но получилось донесеніе, что вблизи проходятъ москали, и наши передвинулись въ Ястрембицы. Осталось здѣсь нѣсколько больныхъ «шереговцевъ» — мѣстность наша крайне нездоровая для новыхъ людей — да одинъ офицеръ, подстрѣленный на «муштрѣ» (ученьи).

— А кто командуетъ стрѣлками?

— Генералъ Красолинскій, энергичный и дѣльный «довудца». Ему необходимо соединиться съ пѣхотой и кавалеріей. Слышно, что въ Козубатскихъ лѣсахъ оперируетъ отрядъ Землинскаго. Туда, вѣроятно, и направится Красолинскій.

Я поблагодарилъ ксендза за свѣдѣнія, а онъ укоризненно замѣтилъ, что «ойчизна» ждетъ отъ меня исполненія долга, и что каждая упущенная минута въ такое время, когда патріоты завоевываютъ себѣ отечество, есть тяжкое преступленіе.

— Теперь вы знаете, куда обратиться, — сказалъ ксендзъ на прощанье. — Пусть васъ Богъ благословитъ и Матерь Божія, святая покровительница Польши, на священный подвигъ.

Мы разстались друзьями. Для меня совершенно выяснилось, что о моей «номинаціи» никому въ Вулькѣ не было извѣстно. Слѣдовательно, мнѣ не грозила непосредственная опасность отъ такъ называемаго военнаго суда, иначе — отъ кинжала или веревки наряженныхъ на убійство «народовыхъ жандармовъ». Дорогой я невольно сравнивалъ вульковскаго ксендза съ нашимъ. Фольваркъ нашъ причисленъ, по приходу, къ деревнѣ Загале въ пятиверстномъ разстояніи. Загальскій ксендзъ жилъ настоящимъ обывателемъ (помѣщикомъ) и семьяниномъ. По народной молвѣ, у него было капитала тысячъ пятьдесятъ, а воочію — двѣсти морговъ пахатной земли (100 десятинъ), большой лѣсной участокъ, четыре мельницы, посѣка и множество всякаго скота. Окруженный, кромѣ того, четырьмя малыми дѣтьми, подъ именемъ племянниковъ и племянницъ, которыхъ ксендзъ очень любилъ, онъ крѣпко дорожилъ своимъ положеніемъ и старался не скомпрометировать себя передъ властями. Правда, онъ не могъ открещиваться отъ польской «справы», и если случалось, что набожный прихожанинъ просилъ у него благословенія на уходъ «до лясу», то онъ давалъ его, но не иначе, какъ у себя въ домѣ; въ «офярахъ жонду» не отказывалъ, но аккуратно сожигалъ выдаваемыя росписки, чтобы не попасться при обыскѣ; если къ этому ксендзу забредетъ, бывало, съ вѣтру завѣдомый повстанецъ, то, накормивъ и снабдивъ чѣмъ либо изъ одежды, онъ поскорѣе выпроваживалъ гостя. Никогда онъ мнѣ ни словомъ не намекнулъ, чтобы я шелъ воевать за «ойчизну». И думалось мнѣ, что если бы наши ксендзы были законнымъ образомъ

женаты, то польская «справа» не располагала бы одною изъ могущественныхъ пружинъ къ заговорамъ и возстаніямъ. А при безбрачіи (целибатѣ) ксендзъ — вольный казакъ. Копить имущество не для кого, дорогихъ связей семейныхъ нѣтъ; онъ легко рискуетъ своею головой. Оттого онъ смѣло проповѣдуетъ революцію съ церковной каѳедры, вербуетъ повстанцевъ и приводитъ ихъ къ присягѣ, освящаетъ революціонное оружіе и, наконецъ, самъ уходитъ въ банду, если не предводительствовать, то подбодрять и поджигать къ храбрости своихъ овецъ духовныхъ.

У насъ въ домѣ, по обыкновенію, ничего не было утѣшительнаго. Послѣ потрясающей сцены, повергшей отца въ обморокъ, силы его быстро угасали, и неизбѣжный конецъ наступалъ. Въ первые годы болѣзни отецъ обращался къ разнымъ медицинскимъ знаменитостямъ и перепробовалъ множество всевозможныхъ средствъ; когда же убѣдился въ безполезности лѣченія, то бросилъ всякія заботы о себѣ и, отдавшись волѣ Божіей, покорно ждалъ своей неизбѣжной участи. Поэтому у насъ обошлось дѣло безъ докторовъ и аптеки, даже и тогда, когда больному стало совсѣмъ плохо. Находясь въ полномъ сознаніи до послѣдняго вздоха, онъ продиктовалъ нашему ксендзу завѣщаніе, по которому все имущество раздѣлилъ поровну между мною и сестрой, и умеръ, какъ герой и христіанинъ. Еще при жизни батюшки я вызвалъ изъ Люблина сестру, которая вмѣстѣ со мною была свидѣтельницей послѣднихъ минутъ дорогого страдальца. Описывать сцену, какъ онъ прощался и благословлялъ насъ на долгую и счастливую жизнь, я не стану. Я безгранично любилъ моего славнаго, добраго и умнаго отца. Я былъ такъ подавленъ, что впалъ въ какое-то автоматическое состояніе, безъ мысли, безъ желаній; одно лишь ощущеніе тяжелаго камня въ груди господствовало надъ всѣми чувствами. И теперь еще я не въ состояніи отдать себѣ отчетъ въ томъ, что дѣлалось кругомъ меня во время похоронъ и въ первые дни нашего сиротства.

Къ удивленію, моя сестренка, этотъ не оперившійся подростокъ, обнаружила гораздо болѣе выдержки, чѣмъ я. Когда мы остались вдвоемъ, она даже старалась утѣшить меня, причемъ приводила такіе доводы, которыхъ я никакъ отъ нея не ожидалъ.

— Чего убиваться? — говорила она, — всякій организмъ, въ которомъ истощился источникъ жизни, будетъ ли это отъ старости или болѣзни, долженъ умереть.

— Ты ли это говоришь, Франуся? Твоя черствость по отношенію къ нашему дорогому отцу оскорбляетъ меня.

— Видишь ли, братишка, оскорбляться нечего, а если ты поразсудишь хорошенько, то самъ согласишься со мной. Вѣдь изучалъ же ты естественныя науки; только, быть можетъ, не усвоилъ ихъ духа. У насъ въ пансіонѣ мы читали такія книжки, которыя раскрыли мнѣ глаза на многое.

Передъ отъѣздомъ въ пансіонъ сестра спросила, что теперь я намѣренъ дѣлать.

— То, что и прежде дѣлалъ: буду хозяйничать.

— Ужели ты такъ и останешься при своихъ плугахъ и боронахъ, когда лучшіе люди Польши проливаютъ кровь свою за святое дѣло?

— Однако-жъ,—замѣтилъ я на это,—тебя тамъ въ пансіонѣ здорово нашпиговали. А подумала ли ты, что если я брошу хозяйство, то за тебя и платить будетъ некому?

— Объ этомъ, коханый Ясю, не безпокойся; отдѣльныя жертвы неизбѣжны; пусть будетъ, что будетъ, а только скажу тебѣ откровенно, что мнѣ стыдно будетъ слушать, когда патріоты станутъ говорить, что мой братъ оказался измѣнникомъ своему отечеству.

Мои резоны не разубѣдили сестры. Она слишкомъ была наэлектризована патріотической пропагандой, которая, очевидно, велась въ пансіонѣ классными дамами и наставницами. Я отвезъ ее въ Люблинъ и отчасти былъ даже доволенъ, что освободился отъ ея докучливыхъ попрековъ. Одного только я опасался, какъ бы дѣвченка не сдѣлала какой либо глупости во имя «ойчизны» и не сгубила бы себя.

Наступилъ май, работы и въ полѣ, и дома было много. Но я такъ отупѣлъ, что ничѣмъ не могъ заниматься. Какая-то тяжелая хандра или, вѣрнѣе, безъисходная тоска овладѣла мною. Я не зналъ, куда себя дѣвать, и положительно тяготился собственнымъ существованіемъ. Словомъ, это было такое душевное состояніе, которое въ милліонъ разъ хуже всякой физической болѣзни. Между тѣмъ, и по слухамъ, и по газетамъ было извѣстно, что революціонное движеніе въ краѣ разгорѣлось до крайней степени напряженія. Битва слѣдовала за битвой, повстанцы шныряли повсюду, и мнѣ безпрерывно приходилось постыдно прятаться отъ нихъ. Положеніе стало критическимъ; оставалось или бѣжать за границу, чтобъ рѣшительно уклониться отъ революціи, или присоединиться къ повстанцамъ. Средней мѣры не было. Въ это жгучее время неизбѣжно предстояло принять то или другое рѣшеніе.

Здѣсь необходимо еще разсказать объ одномъ обстоятельствѣ, которое въ ходѣ моей повѣсти не имѣло до сихъ поръ особеннаго значенія, но которое рѣшающимъ образомъ повліяло своими послѣдствіями на всю мою судьбу.

Лѣтъ пять назадъ, сосѣднее съ нами имѣніе Корстово снялъ въ аренду отставной капитанъ русской службы Свѣнтоховскій, и поселился въ роскошномъ барскомъ домѣ; настоящій же владѣлецъ имѣнія постоянно проживалъ за границей. Мы съ отцомъ очень полюбили своихъ новыхъ сосѣдей, и я у нихъ часто и пріятно короталъ свободное время. Семейство Свѣнтоховскихъ состояло изъ четырехъ душъ. Самъ панъ Ксаверій, человѣкъ лѣтъ подъ пятьде-

сягъ, сохранившій всѣ военныя повадки, отличался живымъ темпераментомъ и любилъ разсыпать блестки своего остроумія. Въ военной службѣ онъ нажилъ себѣ деньги и относился къ ней снисходительно, но это не мѣшало ему остаться ярымъ полякомъ съ непріязнью къ русскому правительству. Пани Ванда Свѣнтоховская, лѣтъ на десять моложе мужа, обнаруживала артистическія наклонности: рисовала акварелью, увлекалась Мицкевичемъ и Шопеномъ; при этомъ была очень набожна. Какъ хозяева, оба были любезны и гостепріимны. Сынъ ихъ, Станиславъ, отставной юнкеръ, принадлежалъ къ породѣ неудачниковъ: гимназіи онъ не кончилъ, въ военной службѣ ушелъ недалеко. Почивъ на лаврахъ отъ понесенныхъ трудовъ, онъ проживалъ у родителей безъ всякаго дѣла; любилъ шататься съ ружьемъ, хвастался своими подвигами на всякихъ поприщахъ и частенько испивалъ горькую. При безалаберности характера, онъ былъ, однако-жъ, добрый малый, и мы съ нимъ находились въ хорошихъ отношеніяхъ. Года за два передъ возстаніемъ, окончила ученіе въ Варшавѣ и пріѣхала въ родительскій домъ панна Софья, и съ тѣхъ поръ домъ Свѣтоховскихъ сдѣлался еще интереснѣе. Панна Зося, миленькая блондинка, съ мелкими, правильными чертами лица и живыми синими глазами, мнѣ очень нравилась, главное, своимъ обаятельнымъ характеромъ. Добродушная, ласковая, всегда ясная и веселая, эта дѣвушка наполняла собою всю усадьбу и владѣла способностью расшевелить и оживить каждаго, кто находился въ ея присутствіи. Не смотря на мой сосредоточенный характеръ, я всегда чувствовалъ себя въ ея обществѣ свободно, широко, весело. Остроумныя выходки Зоси, сопровождаемыя дѣтскимъ смѣхомъ, быстро разгоняли самое мрачное настроеніе духа, и часы летѣли незамѣтно. Мы съ нею подружились. Звуки ея голоса сдѣлались для меня потребностью. Бывало, если я не вижу симпатичную Зосю какую нибудь недѣлю, то мнѣ становилось не по себѣ, и неудержимая сила такъ и тянула меня къ Свѣнтоховскимъ. Зося, съ своей стороны, безъ всякихъ этикетностей, встрѣчала меня радостными восклицаніями и очень мило журила за долгое отсутствіе. Попросту сказать, мы оба такъ привязались другъ къ другу, что въ душѣ каждый изъ насъ порѣшилъ слить навсегда нашу жизненную судьбу. Рѣшительнаго объясненія между нами не произошло, но мы нисколько не стѣснялись говорить обиняками о нашихъ взаимныхъ чувствахъ и заявлять разными способами, какъ мы одинъ другому дороги и необходимы. Наши родители, безъ сомнѣнія, замѣчали сближеніе своихъ птенцовъ и относились къ этому факту одобрительно. Я уже рѣшилъ было сдѣлать формальное предложеніе, какъ вдругъ вспыхнувшая революція встала мертвою стѣной и заставила призадуматься.

Въ послѣдній разъ, передъ смертью отца, я былъ у Свѣнтоховскихъ въ началѣ мая. Молодого Станислава не оказалось дома. Раньше я слышалъ стороною, что онъ ушелъ «до лясу», соблазненный предложеніемъ стать во главѣ небольшой банды въ качествѣ «довудцы». Но на всякій случай Свѣнтоховскіе говорили, что Стась уѣхалъ надолго по дѣламъ въ отдаленную губернію къ родственникамъ, о существованіи которыхъ я прежде совсѣмъ не слышалъ. Несомнѣнно, что панъ Станиславъ, слѣдуя осторожной политикѣ, обставилъ себя ширмами и, по всей вѣроятности, выступилъ въ повстанье подъ какимъ либо псевдонимомъ, какъ это дѣлали многіе «довудцы»,—съ тою цѣлью, чтобъ въ случаѣ неудачи оставить за собой возможность возвратиться, какъ ни въ чемъ не бывало, къ мирнымъ пенатамъ, объяснивъ офиціально свое отсутствіе какимъ либо благовиднымъ обстоятельствомъ. Что Свѣнтоховскіе говорили неправду, это я замѣтилъ по ихъ смущенію и грустной задумчивости на ихъ лицахъ. А панна Зося, прежде довольно беззаботная на счетъ политики, въ этотъ разъ неоднократно заговаривала о страданіяхъ бѣдной «ойчизны», и на ея хорошенькомъ личикѣ отражалась тѣнь глубокаго душевнаго волненія. Въ первый еще разъ за все наше знакомство я чувствовалъ себя неловко у Свѣнтоховскихъ, и хотя всѣ они были радушны и любезны попрежнему, но я поскорѣе ретировался домой.

Затѣмъ, вслѣдствіе домашней катастрофы, прошло недѣли три, что я не былъ у Свѣнтоховскихъ. Подавляемый душевнымъ разстройствомъ, и не находя ни въ чемъ успокоенія, я надумалъ съѣздить въ Корстово и тамъ искать утѣшенія. Я былъ увѣренъ, что въ обществѣ любимой дѣвушки, въ ея чарующей ласкѣ и бодрящемъ смѣхѣ найду цѣлительный бальзамъ измученной душѣ. Но вышло иначе. Старики встрѣтили меня съ несвойственною имъ холодностью. Обращеніе ихъ со мною было такъ сухо, какъ будто они принимали своего недруга. Зося тоже была какая-то нахмуренная и, видимо, насиловала себя, сдерживая свою природную живость. Такъ какъ я, по установившемуся обычаю, пріѣхалъ къ обѣду, то они не могли не посадить меня за столъ; но это былъ не прежній обѣдъ, когда, бывало, панъ Ксаверій сыплетъ остроумные анекдоты, пани Ванда, пользуясь случаемъ, скажетъ à propos четверостишіе изъ «Дзядовъ» или «Гражины», а всѣхъ покрываетъ звонкій голосокъ Зоси,—теперь трапеза шла скучно и вяло, словно поминки по усопшемъ.

Я былъ въ крайнемъ недоумѣніи и тотчасъ послѣ обѣда постарался выманить Зосю въ садъ, чтобы попросить откровеннаго объясненія всей этой мистификаціи.

— Ради Бога, панна Зося, чѣмъ я провинился, что мнѣ оказывается такая немилость?

Она, хотя, безъ сомнѣнія, должна была ожидать этого вопроса,

но, видимо, затруднялась отвѣчать и, молча, выразила страданіе на своемъ миломъ личикѣ.

— Вы сами знаете, — продолжалъ я, — какъ я... привязанъ къ вамъ; скажу прямо, что послѣ смерти отца вы остались для меня единственною радостью въ жизни. Не видѣть, не слышать васъ — выше моихъ силъ. Я формально хотѣлъ просить у васъ себѣ счастья на всю жизнь. И вотъ, кажется, мнѣ отказываютъ отъ дому, за что? Увѣрьте меня, панна Зося, что я ошибаюсь.

Я ужъ не помню, что я говорилъ, но говорилъ горячо, страстно. Куда дѣвалась моя болѣзненная апатія! Я былъ взволнованъ, сердце учащенно билось, навертывались слезы. Я весь былъ проникнутъ однимъ горькимъ чувствомъ обиды. Я ощущалъ посягательство на тотъ священный міръ въ глубинѣ моей души, внѣ котораго самая жизнь теряетъ смыслъ и цѣль.

— Къ несчастію, — проговорила Зося съ видимымъ усиліемъ, — вы, пане Яне, почти отгадали то, что у насъ дѣлается. Мои родители находятъ, что вы ихъ компрометируете своимъ посѣщеніемъ. Не вините ихъ, — поспѣшила Зося, замѣтивъ мое нетерпѣніе, — они любятъ васъ попрежнему. Но теперь такое время, что нельзя даже располагать собственными чувствами.

— Теперь я понимаю, все — эта несчастная политика. Но вѣдь вы, панна Зося, знаете мои убѣжденія. Не страхъ за свою особу, не трусость удерживаютъ меня дома...

— Я тутъ ничего не понимаю. Но изъ... дружбы должна предупредить васъ, что вы — на дурномъ счету, и моимъ родителямъ объ этомъ внушительно дано знать...

— По крайней мѣрѣ, утѣшьте меня вы, панна Зося, скажите, что я не лишился вашего добраго расположенія, что вы позволите мнѣ любить васъ и надѣяться на будущее счастье.

— Очень цѣню ваши чувства, — сказала она, поднявъ на меня влажные глаза, въ которыхъ свѣтилось столько мягкости и ласки. — Вы уже слышали, что намъ запрещено принадлежать лично себѣ. Скажу вамъ то, что мнѣ приказано сказать: я тогда признаю васъ достойнымъ моей руки, когда докажете, что вы — истинный сынъ Польши. Не могу выразить, какъ мнѣ тяжело сказать вамъ это, но отечество требуетъ отъ меня этой жертвы, и нужно принести ее.

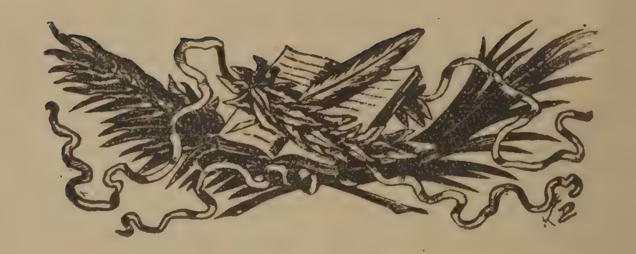
Я покрылъ поцѣлуями горячія ручки дорогой дѣвушки и поклялся быть достойнымъ не только ея любви, но и ея уваженія, и просилъ только одного: помнить обо мнѣ. Не простившись со стариками, я вскочилъ въ сѣдло и помчался на свой фольваркъ, испытывая цѣлый адъ въ душѣ отъ борьбы чувства съ разсудкомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что мнѣ оставалось дѣлать? Рѣшеніе этого вопроса назрѣвало само собою, въ силу обстоятельствъ, независимо отъ моей воли. Я оставался одинокимъ среди всѣхъ, чужимъ среди своихъ, отверженный, презираемый. Мои сограждане напи-

сали на своемъ знамени свободу и независимость и, поднимаемые на высоту патріотическимъ энтузіазмомъ (пусть онъ вытекалъ изъ ложнаго источника), идутъ на борьбу во имя священной въ ихъ глазахъ идеи, проливаютъ кровь, жертвуютъ жизнью. Устраниться отъ того стихійнаго напора можно только путемъ добровольной смерти. Я попробовалъ живымъ отойти въ сторону и дожилъ до того, что дружескій домъ увидѣлъ посрамленіе въ общеніи со мной и съ позоромъ оттолкнулъ отъ себя, а любящая дѣвушка вынуждена наложить узду на свое сердце и признать меня недостойнымъ своего горячаго искренняго чувства. Я смутно сознавалъ, что при моемъ душевномъ угнетеніи, всякая сильная встряска будетъ благодѣтельна, а въ результатѣ ея два исхода: смерть или счастье. Я подчинился общему теченію...

И. Любарскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИДИЛЛІЯ ГРУСТИ.

(Посвящается М. С. Башкирцевой).

> Digne d'éternelles douleurs,
> Digne d'éternelles louanges,
> Elle vécut comme les anges,
> Elle passa comme les fleurs!.

ШЕЛЪ по залитой солнцемъ набережной Ниццы, въ полуденный часъ, когда городъ казался вымершимъ или, по крайней мѣрѣ, погруженнымъ въ глубокій, томительный сонъ.

Ярко синее небо, разстилавшееся надъ такого же цвѣта заливомъ, темная зелень пальмъ, кое-гдѣ опаленная знойными лучами солнца и тронувшаяся желтизною, пестрыя краски глициній, олеандръ и гранатъ, нестерпимо сіяющіе бѣлизною стѣнъ дома — весь этотъ южный пейзажъ, полный лѣтней истомы и дававшій цѣлую гамму красокъ, и веселилъ и угнеталъ въ одно и то же время.

Видъ моря усыпляетъ разумъ и пробуждаетъ мечты; неопредѣленная грусть, тревожащая впечатлительнаго къ красотамъ природы человѣка при созерцаніи этой стихіи, имѣетъ особую прелесть; съ его лазурной поверхности вливается въ душу что-то смутное и далекое, туманное и красивое, что-то такое, чѣмъ волнуется и живетъ безпредѣльная даль...

По этому берегу идетъ цѣлый рядъ виллъ изъ бѣлаго тесаннаго камня, одна другой изящнѣе, одна другой поэтичнѣе; онѣ окружены тѣнистыми садами, въ которыхъ высятся пальмы, зрѣютъ апельсины и лимоны, благоухаетъ густымъ и удушливымъ запахомъ гигантскій цвѣтокъ магноліи, сіяетъ темнымъ блескомъ листва лавра,

и эти сады кажутся символическими садами геніевъ, въ которыхъ растетъ это дерево, предназначенное для вѣнчанія своими вѣтвями ихъ вдохновеннаго чела. Розы и лиліи наполняютъ эти сады, какъ бы напоминая посѣтителю о любви и цѣломудріи—двухъ неизбѣжныхъ спутникахъ возвышенной души генія.

Здѣсь, въ одномъ изъ этихъ садовъ, на берегу этого моря, еще не такъ давно обитала даровитая дѣвушка, изнывая въ мечтахъ о счастьѣ и славѣ. Не одно впечатлѣніе влилось въ ея молодую душу вмѣстѣ съ ароматами розъ и лилій, не одну мечту нашептала ей морская даль, не одна греза отуманила ея сознаніе, когда она своей рано пробудившейся душой внимала шопоту листьевъ, колеблемыхъ теплымъ, ласкающимъ дуновеніемъ вѣтра. Быть можетъ, не разъ, глядя на лавры, думала она о тріумфѣ и, любуясь розами—о любви. И страстно влюбленная въ природу, она полюбила всѣми силами юной души искусство — олицетвореніе природы — и сдѣлалась его преданной жрицей.

Но въ переживаемое нами время живыхъ людей рѣдко вѣнчаютъ розами и лаврами и въ первый разъ ихъ кладутъ на могилу усопшихъ. Розы и лиліи украсили гробъ безвременно угасшей дѣвушки, и лавры, къ которымъ она такъ страстно тянулась при жизни, обвѣяли своей таинственною сѣнью ея могилу, смѣстѣ съ надгробными миртами.

Она умерла десять лѣтъ тому назадъ, сраженная безпощаднымъ недугомъ, держа холодѣющими руками ту кисть, на которую возлагала столько надеждъ, столько мечтаній.

Но красивый садъ, свидѣтель ея грезъ, и вилла, окруженная лаврами, до сихъ поръ стоятъ во всей своей красѣ на этихъ берегахъ, и вотъ тотъ балконъ, съ котораго молодая дѣвушка созерцала заманчивую даль, восходъ луны надъ моремъ, закатъ солнца и звѣздное небо, широкимъ и глубокимъ шатромъ опрокинувшееся надъ нимъ.

Вилла эта была для нея храмомъ, въ стѣнахъ котораго впервые заговорило ея творческое чувство. Теперь этотъ храмъ — покинутъ ею. Но «храмъ оставленный—все храмъ!..» и въ немъ живетъ еще мать этой дѣвушки, и въ немъ живутъ еще воспоминанія о ней.

Массивныя чугунныя ворота отворились, и я вошелъ въ садъ; усыпанная гравіемъ дорожка, обсаженная по бокамъ кустами розъ, вела прямо къ небольшому коттэджу, пріютившемуся въ глубинѣ тѣнистаго сада. Противъ подъѣзда, окруженный мраморнымъ бассейномъ, полнымъ воды, журчалъ фонтанъ, внося струю свѣжести въ этотъ полуденный зной. Надъ фонтаномъ склонилось померанцевое дерево подъ тяжестію его золотыхъ плодовъ, нѣсколько пальмъ вырисовывалось невдалекѣ, на темно-синемъ небѣ, острымъ рисункомъ своей вырѣзной листвы.

Въ саду, у входа въ сѣни, сидѣло небольшое общество, среди

свѣтлыхъ, лѣтнихъ костюмовъ котораго пожилая женщина, вся въ глубокомъ траурѣ, казалась символомъ грусти и вносила ноту печали въ этотъ солнечный день.

Мало-по-малу разговоръ зашелъ о ея покойной дочери. Она заговорила о ней спокойно, и чувствовалось, что она примирилась съ этой жестокой несправедливостью судьбы и гордо замкнулась въ своей материнской печали. Но въ ея тонѣ порой вырывались ноты, страстныя и печальныя, которыя свидѣтельствовали о томъ, что глубокая рана, нанесенная ея материнскому сердцу, все еще свѣжа, все еще не закрылась и, вѣроятно, закроется лишь вмѣстѣ съ ея глазами.

Мы уединились отъ остального общества, и она повела меня въ коттэджъ; здѣсь, среди картинъ ея дочери, затянутыхъ бѣлой кисеей, среди ея засохшихъ и пожелтѣвшихъ цвѣтовъ, среди ея тетрадей, въ бѣлыхъ кожаныхъ переплетахъ съ золотыми обрѣзами, она предалась своимъ жгучимъ и все-таки пріятнымъ для материнскаго сердца воспоминаніямъ.

— О ея наружности,—сказала она мнѣ,—я разскажу вамъ словами Фр. Коппе. Это будетъ вѣрнѣе, и вы не заподозрите меня въ материнскомъ пристрастіи.

Она развернула изящную тетрадь и прочитала пофранцузски:

«Она казалась моложе своихъ двадцати трехъ лѣтъ. Она была небольшого роста, прекрасно сложена; круглое личико превосходнаго контура, свѣтлые, золотистые волосы, темные глаза, въ которыхъ горѣла мысль и свѣтилась неутомимая жажда познанія, энергичный ротъ, добрая и мечтательная улыбка, тонкія нервныя ноздри, какъ у дикаго скакуна Украйны, — вотъ ея портретъ, который, при первомъ же взглядѣ на него, производилъ странное и рѣдкое впечатлѣніе: воли и мягкости, энергіи и граціи. Все въ этомъ очаровательномъ ребенкѣ дышало высшимъ разумомъ, и подъ прелестью женщины чувствовалась желѣзная сила, настоящее мужество... Я ее видѣлъ только разъ и только одинъ часъ... Я ее никогда не забуду».

Кончивъ чтеніе, она встала и повела меня въ другую комнату, гдѣ было нѣсколько портретовъ ея дочери: одинъ фотографическій, почти въ натуральную величину, другой, не очень удачный, написанный съ ея дочери одной изъ ея знакомыхъ барышень. Эта барышня находилась въ то время не въ очень блестящихъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, и ей не съ чѣмъ было уѣхать на родину. Она написала портретъ «Муси», и это поправило ея обстоятельства. Она изобразила дѣвушку съ красной ленточкой почетнаго легіона на груди; Муся протестовала, но молодая художница съ убѣжденіемъ ей отвѣтила:

— У васъ ея нѣтъ, но вы будете имѣть ее несомнѣнно.

Увы, она никогда ея не имѣла и даже не получила золотой медали, которую такъ страстно ждала, на которую такъ сильно на-

дѣялась, основываясь на томъ, что раньше успѣла уже получить «почетный отзывъ». Но жюри Салона не дало ей медали, руководствуясь мыслью: «она молода, она богата, она можетъ подождать». Но она ея не дождалась.

На той же стѣнѣ виситъ картина извѣстнаго художника Ру, тогда еще начинавшаго. Картина называется «L'aparition».

Въ глубинѣ, окутанной густыми сумерками, комнаты вырисовывается лице молодого человѣка, полное ужаса и жгучаго любопытства. Онъ жадно всматривается въ тотъ уголъ, гдѣ стоитъ рояль, и гдѣ, обвѣянная легкой дымкой голубаго флера, вырисовывается воздушная фигурка—видѣніе усопшей художницы. Таинственный фосфорическій полусвѣтъ освѣщаетъ этотъ уголокъ, и легкая, прозрачная тѣнь дѣвушки готова матеріализоваться. Картина полна какого-то мистическаго настроенія и символическаго значенія: да, по мысли художника, «Муся» была кратковременнымъ видѣніемъ, призракомъ, обѣщавшимъ нѣчто небывалое и исчезнувшимъ слишкомъ быстро, не успѣвъ оставить послѣ себя и сотой доли того, что она несла въ міръ.

Этому же художнику заказана была копія съ картины художницы: «Митингъ». Копія вышла не очень удачной и хранится теперь въ весьма небогатомъ, чтобы не сказать жалкомъ «ниццскомъ городскомъ музеѣ». Ру никакъ не могъ найти тѣхъ красокъ, которыми былъ написанъ оригиналъ: «мы, gens du metier, — оправдывался онъ,— все-таки не можемъ знать красокъ другъ друга; это—тайна каждаго изъ насъ, и эту тайну она унесла въ могилу».

Рядомъ съ «L'aparition» находится женская головка, написанная художницей и пожертвованная ея матерью, послѣ ея смерти, для розыгрыша въ tombol'у.

— Вѣрите ли,—говорила Марія Степановна Башкирцева,—когда мнѣ приходится разставаться съ какой нибудь картиной Муси, мнѣ кажется, что я лишаюсь части ея самой; это что-то странное, если хотите, болѣзненное. И я дѣйствительно дѣлаюсь больна. Меня уговорили пожертвовать эту головку, и я это сдѣлала, но послѣ этого я не могла спать; я видѣла во снѣ дочь, которая, казалось, съ укоромъ на меня глядѣла. И я рѣшилась во что бы то ни стало вернуть эту головку домой. Между тѣмъ, она поступила уже въ розыгрышъ. Я сама, всѣ мои знакомые и родные, брали множество билетовъ, въ смутной надеждѣ выиграть эту картинку. Но намъ не везло. Тогда я обратилась письменно къ Directeur de l'Institut des Beaux-Arts съ просьбой предложить выигравшему картинку Муси— продать ее мнѣ. Черезъ нѣсколько дней получаю письмо отъ concierge'а института, Alexandre'а Durand, который пишетъ мнѣ, что выигралъ эту картину, еще не видалъ ея, но готовъ ее продать за глаза, однако, требуетъ за нее «une très forte somme de 500 francs»!

Конечно, эта «forte somme» была ему немедленно вручена, и вотъ эта картина Муси — опять дома.

— А гдѣ же ея другія произведенія?

— Вотъ портретъ ея тетки графини де-Т.-Л. А другія всѣ находятся въ Парижѣ, въ моемъ домѣ.

Подойдя къ шкафу, Марія Степановна открыла его и, указывая на рядъ золотообрѣзныхъ тетрадей, съ грустью сказала:

— Вотъ здѣсь, въ этихъ ста шести тетрадяхъ находится вся ея жизнь, день за днемъ... Она начала писать съ десяти лѣтъ; сначала вотъ въ этихъ синенькихъ тетрадкахъ, которыя она украдкой брала въ кухнѣ — это счетныя книжечки; потомъ вотъ въ этихъ большихъ. Передъ смертью она ихъ пересмотрѣла, исправила, сократила... Здѣсь есть очень интересныя вещи... вотъ тетрадь, цѣликомъ посвященная Гамбеттѣ. Тутъ вся его политическая дѣятельность, частная жизнь, его увлеченія и смерть... въ этомъ обширномъ дневникѣ — все, надъ чѣмъ она сама задумывалась и о чемъ мечтала. Всего ею написано около 260 печатныхъ листовъ, что составляло бы солидныхъ шесть-семь томовъ. Какъ видите, напечатана едва ли десятая часть, да и ту меня почти насильно уговорили выпустить въ свѣтъ. Въ Россіи къ ея дневнику отнеслись не очень сочувственно, — съ ноткой горечи добавила она, — сначала и французскій издатель Шарпантье не хотѣлъ издавать эти выборки изъ «Дневника» — «c'est une personne toute jeune et très peu connue encore», говорилъ онъ, но все-таки «рискнулъ» издать два томика. Онъ платитъ мнѣ по 40 сантимовъ за каждый проданный томъ, и я до сихъ поръ получаю ежегодно по 6 — 7 тысячъ франковъ... Американцы тоже издали переводъ этого дневника, и ихъ изданіе въ 75-ти тысячахъ экземпляровъ... но я не получила отъ нихъ ни одного доллара. Тѣмъ не менѣе издатели очень любезно сообщили мнѣ объ успѣхѣ этой книги, и на мой вопросъ о гонорарѣ тоже очень любезно отвѣтили, что таковаго не полагается, и что если я вздумаю вести процессъ, то я его проиграю. «Mr. Zola nous a fait un procès, et il l'a perdue», назидательно прибавляли они. Въ этомъ же письмѣ сообщалось, что въ Америкѣ собрана была значительная сумма для постановки памятника Мусѣ, тамъ ли или въ Парижѣ, по моему усмотрѣнію. Однако и эта сумма невѣдомо куда исчезла...

— Что вы думаете дѣлать съ остальнымъ дневникомъ?

— Я издамъ его когда нибудь, если найдется издатель... Этимъ дневникомъ очень заинтересовались французскіе писатели: André Theurier, Caro, котораго французскія дамы называютъ «l'ami de nos âmes», Золя, Гюи де-Мопасанъ, Франсуа Коппе... Мопасанъ былъ у меня послѣ ея смерти и просилъ показать ея комнату. Мнѣ хотѣлось знать, открылъ ли онъ тайну своей переписки съ ней, и я его спросила: «видѣли ли вы ее когда нибудь?» — Нѣтъ, никогда.— «И вы ничего не писали ни о ней, ни по поводу ея, никогда?» —

Никогда. Онъ умеръ, такъ и не узнавъ, кто была его таинственная корреспондентка. Онъ хотѣлъ редактировать ея записки. Знакомыя мнѣ дамы подняли шумъ: «Un homme comme Maupassant!.. такой безнравственный человѣкъ!»... Я, конечно, улыбалась. Такъ ли еще онъ безнравственъ, какъ о немъ говорятъ? Талантъ онъ несомнѣнный и человѣкъ съ хорошимъ сердцемъ, а до остального... Коппе тоже навѣстилъ меня; онъ долго стоялъ въ ея дѣвичьей комнатѣ передъ ея узенькой желѣзной кроваткой, «un lit de soldat», сказалъ онъ. Онъ посвятилъ ей много прочувствованныхъ словъ въ предисловіи къ каталогу посмертной выставки всѣхъ ея произведеній, устроенной обществомъ «Union des femmes peintres et sculpteurs». Каталогъ этотъ теперь библіографическая рѣдкость. Коппе описываетъ въ немъ впечатлѣніе, которое она произвела на него въ первое и единственное свиданіе и, между прочимъ, говоритъ: «мнѣ нужно было уходить и, несмотря на это, я одну минуту почувствовалъ какое-то душевное недомоганіе, что-то въ родѣ смущенія, не рѣшаюсь сказать — предчувствія. Передъ этой блѣдной и пламенной дѣвушкой я размечтался, и она мнѣ показалась страннымъ тепличнымъ цвѣткомъ, прекраснымъ и благоухающимъ, и какой-то внутренній голосъ шепталъ мнѣ: ей дано слишкомъ много!»...

Марія Степановна замолчала.

Раскрывъ послѣднюю тетрадь, она сказала:

— Вотъ 20-го октября она еще написала. Это ея послѣднія строки... 31-го — ея не стало. Она заболѣла чахоткой, скоротечной, какъ говорятъ, но это длилось два года. Сначала сдѣлался насморкъ, потомъ кашель; заныла грудь, заболѣло горло. Она не береглась. Въ морозныя утра бродила она по городу, отыскивая темы для своихъ картинъ, сидѣла на росистой травѣ, зарисовывая ландшафты, писала часами цыганскій таборъ въ испанскихъ горахъ, пронизываемая жестокимъ вѣтромъ, вдыхала сырость и смрадъ тюрьмы, въ которую ее допустили, подъ конвоемъ двухъ жендармовъ съ заряженными ружьями, потому что она страстно захотѣла списать голову одного каторжника, приговореннаго къ повѣшенію. Никакая сила не могла удержать ее отъ этихъ безразсудствъ. Elle était éprise de son art. Покойный отецъ ея еще въ юномъ возростѣ удерживалъ ее — онъ былъ противъ ея порывовъ и имѣлъ на это странный взглядъ: «ну, твое ли это дѣло? — говорилъ онъ ей: — дѣвушка хорошей семьи, вполнѣ обезпеченная — и малевать картины? Если хочешь, я тебѣ куплю десять, сто картинъ, только перестань пачкаться». Она прибѣгала ко мнѣ, затыкала уши: «Какіе ужасы говоритъ папа!» — жаловалась она. И эта страсть къ искусству, которому она отдалась пламенно, безраздѣльно, погубила ее. Я всю жизнь мечтала отдать ее замужъ. Но она любила искусство и могла принадлежать только ему. Она — весталка искусства, и ея огонь погасъ вмѣстѣ съ ея жизнью... Когда она наконецъ поняла, что заболѣла

серьезно, было уже поздно. Она начала усердно лѣчиться, лучшіе доктора Парижа лѣчили ее; ей устроили дегтярную комнату, ничто не помогало. Бѣдная дѣвочка не понимала, что сгубила себя сама, и придумывала объясненія своей болѣзни. «Я знаю,—говорила она,—я заразилась отъ своей гувернантки, я чувствовала, когда она наклонялась надо мною, какъ ея больное дыханіе проникало мнѣ въ легкія». Она и вѣрила и не вѣрила, что умираетъ... Иногда она серьезно говорила: «кто умираетъ молодымъ — того любитъ Богъ». Иногда, шутя, она говорила мнѣ»: «Mater dolorosa, pourquoi prenez-vous un air si triste?» Она давно уже предчувствовала свою трагическую кончину, увѣряю васъ; вотъ что она писала въ ноябрѣ 1883 года: «Я чувствую такіе порывы къ чему-то великому, что ноги мои не ощущаютъ подъ собой почвы. Что меня удручаетъ, такъ это страхъ, что не хватитъ времени совершить все это. Это тяжелое состояніе, конечно, но за то счастливое. Я не буду жить долго: знаете, слишкомъ одаренныя дѣти... И потомъ, мнѣ кажется, моя свѣча горитъ съ обоихъ концовъ»... И Муся умерла... Въ послѣднее время она очень похудѣла, очень измѣнилась, и кашель не давалъ ей ни минуты покоя...

Мать Муси умолкла, какъ бы вызывая въ памяти незабвенный образъ дочери. Потомъ, быстро проведя рукою по глазамъ, она продолжала:

— Похороны ея были трогательны и поэтичны. Комната, въ которой лежало бѣдное дитя, была обита бѣлой матеріей и наполнена цвѣтами... Муся ихъ такъ любила и такъ хорошо изображала своей кистью... Она лежала въ бѣломъ обитомъ бархатомъ гробу, вся засыпанная цвѣтами. Неопредѣленная улыбка покоилась на ея блѣдномъ личикѣ, и надъ ней склонялись вѣтви миртъ, пальмъ и лавровъ, о которыхъ она такъ недавно еще мечтала... Вокругъ раздавались сдержанныя рыданія, рождавшіяся и исчезавшія въ благоговѣйной тишинѣ... Осеннее солнце освѣщало своими умирающими лучами эту картину. Вы думаете, я плакала? Нѣтъ... Муся умерла въ субботу; въ четвергъ ее хоронили; я не могла пролить слезинки. Мною овладѣлъ столбнякъ, какое-то ожесточеніе... Теперь, вы видите, я плачу, и никогда, никогда не перестану оплакивать ее...

Она опять замолчала и, собравшись съ силами, продолжала:

— Муся похоронена въ Парижѣ; надъ ея могилой выстроена часовня; цвѣты, лавры и мирты украшаютъ ея внутренность. Въ ней стоятъ образа, бюстъ покойницы, подаренный мнѣ одной родственницей, а въ головахъ ея могилки стоитъ статуя Навзикаи, — ея собственной работы...

Я вспомнилъ трогательную исторію Одиссея и Навзикаи, которая пріютила его послѣ крушенія у береговъ Ѳеакійскихъ; мнѣ вспомнились слова миѳа о красотѣ этой дѣвы, подобной красотѣ Артемиды, и о ея горѣ послѣ его отъѣзда въ «свѣтлую Итаку». Я

взглянулъ на фотографію съ этой статуи «Муси». Какое благородство формъ, какія изящныя линіи, сколько горя въ этой позѣ, сколько настроенія въ этой скульптурѣ! Лица Навзикаи не видно, но все произведеніе одухотворено порывомъ горестной страсти. И мнѣ показалось, что эта статуя у могилы безвременно погибшей дѣвушки нашла себѣ настоящее мѣсто, и эту плачущую Навзикаю можно было бы назвать «Искусствомъ, оплакивающимъ свою жизнь, отозванную въ царство тѣней».

Въ это время вошла горничная и доложила, что хозяйку дома кто-то спрашиваетъ. Извинившись передо мной, она вышла, а я остался одинъ и сталъ перелистывать каталогъ произведеній покойной художницы.

Вотъ знаменитый «Meeting», пріобрѣтенный Люксамбургскимъ музеемъ. Какой точный и твердый рисунокъ, сколько наблюденія и жизни въ этихъ уличныхъ мальчуганахъ, сколько реализма—истиннаго и здороваго и какое проникновеніе въ дѣтскую душу!.. А вотъ еще дѣти — «Jean et Jaques», возвращающіеся изъ школы. Молодая художница быстро шла по стопамъ Генріетты Броунъ и Розы Бонёръ. Кто знаетъ, если бы судьба не остановила этого хода, можетъ быть, она и дошла бы до нихъ? «Jean et Jaques» были выставлены на «Международной выставкѣ» въ Ниццѣ, въ той Ниццѣ, гдѣ она набиралась первыхъ впечатлѣній сознательной жизни, гдѣ море и пальмы, гдѣ лавры и розы дали ей свои краски, а красота природы одухотворила ея творческій даръ... Вотъ та «Парижанка», за которую Alexandre Durand получилъ «la forte somme» въ 500 франковъ! Вотъ ея рисунки: «Endormie»—барыня, заснувшая надъ книгой, «Soirée à Gavronzy (Гавронцы) près Poltawa» — четыре игрока за карточнымъ столомъ, «Paysage», въ которомъ много тихой грусти и поэтической мечтательности... Вотъ сама она въ юныхъ годахъ, съ палитрой въ рукахъ стоитъ около арфы, на которой она недурно играла. Она была и виртуозкой, и композиторшей. «Бываютъ минуты,—пишетъ она незадолго передъ смертью,—когда я наивно считаю себя способной на все. Если бы хватило времени, я бы занималась скульптурой, писала бы, сдѣлалась бы музыкантшей. Какой-то огонь сжигаетъ меня. Но если я—ничто, если ничто не осуществится,—къ чему эти грезы о славѣ съ того дня, какъ я начала мыслить? Зачѣмъ эти вожделѣнія?»...

На этомъ портретѣ ея дѣтское личико полно какого-то недоумѣнія, какихъ-то мучительныхъ вопросовъ. Не тѣ ли это вопросы, которые она задавала себѣ въ своемъ дневникѣ? По этому портрету можно видѣть, что эта дѣвушка,—по выраженію ея друга, «Etincelle», изъ «Figaro»,—«échappée d'un tableau de Greuse, blonde aux yeux bleus, le front volontaire et le regard profond», сдѣлается впослѣдствіи женщиной, которая заставитъ о себѣ говорить...

Вотъ ея «Les trois rires» — три пандана, изображающіе улыбку

въ разныхъ возростахъ; съ перваго взгляда трудно было бы угадать въ этой смѣлой композиціи руку художника-женщины. Вотъ наконецъ картина «Апрѣль 1884», пріобрѣтенная великимъ княземъ Константиномъ Константиновичемъ. «Эта картина меня захватываетъ,—пишетъ она въ «Дневникѣ»,—яблоня въ цвѣту, вся въ свѣтло-зеленыхъ листвахъ, и солнце играетъ своими лучами на этой чудной весенней зелени. Въ травѣ виднѣются фіалки, желтенькіе цвѣточки, сіяющіе, какъ маленькія солнца. Воздухъ напоенъ благоуханіемъ, и дѣвушка, мечтающая подъ деревомъ, «утомленная и опьяненная»—по выраженію Терьё. Если бы хорошо передать эффектъ этой весенней силы, этого солнца—это было бы превосходно...».

И вотъ, наконецъ, ея послѣдняя неоконченная картина—«На улицѣ» («La rue»). Вотъ что по поводу ея читаемъ въ «Дневникѣ»:

«Историческая картина?!.. но столько же стоитъ всякая другая, одна изъ этихъ обыденныхъ, ежедневныхъ сценъ, достоинство которой заключалось бы въ глубокомъ изученіи характеровъ. Скамейка на Батиньольскомъ бульварѣ или даже на avenue Wagram... Наблюдали ли вы ее когда нибудь? Вмѣстѣ съ видомъ улицы и проходящими мимо скамьи людьми? Все, что заключаетъ въ себѣ скамейка! Какой романъ! Какая драма! Проходимецъ, опирающійся на спинку скамьи, другой сидитъ, подогнувъ колѣно, съ блуждающимъ взглядомъ; женщина съ ребенкомъ на рукахъ. Мальчикъ изъ лавочки, присѣвшій, чтобы пробѣжать уличный листокъ; дремлющій рабочій, курящій философъ или разочарованный... Быть можетъ, я вижу черезчуръ много; однако, взгляните внимательнѣе сами, около пяти или шести часовъ вечера... О, наконецъ! Мнѣ кажется, я нашла! Можетъ быть, я ничего не сдѣлаю, но душа моя спокойна... Какъ будто струя жизни коснулась меня... Какія разнообразныя минуты—бываетъ, что я рѣшительно ничего не вижу хорошаго въ жизни, а иногда вдругъ принимаюсь любить все, что меня окружаетъ!.. Какой ужасъ!—скажете вы:—итакъ, ты вѣришь, что «человѣческое» можно найти только въ народѣ? Я этого не думаю, и къ тому же, именно въ этомъ профаны (imbéciles) упрекаютъ людей таланта. Народъ или цари—не все равно; но не закаты и ручейки!.. Очевидно скамейка на наружномъ бульварѣ имѣетъ совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ скамейка на Champs Elysées, на которую садятся лишь консьержи, грумы, кормилицы и gommeux. Тамъ не стоитъ наблюдать, тамъ нѣтъ души, нѣтъ драмы! Манекены или просто частные случаи. Но какая поэзія въ этомъ проходимцѣ на скамьѣ! Здѣсь чувствуется настоящій человѣкъ, тутъ что-то шекспировское...».

Эта картина ее доканала. Въ поискахъ за сюжетомъ, она еще сильнѣе простудилась, и ей не суждено было окончить этотъ холстъ, который, судя по наброску, былъ бы выдающимся художественнымъ произведеніемъ.

«И вотъ,—пишетъ она,—мною овладѣло ужасное безпокойство

при мысли объ этомъ открытомъ мною кладѣ, если это отъ меня ускользнетъ, или мнѣ не удастся ничего исполнить, или не хватитъ времени... Но такъ какъ картина моя уже готова въ сознаніи, — я спокойна»...

Эта картина отъ нея ускользнула...

За ея кратковременную жизнь ею было исполнено сто картинъ, портретовъ, этюдовъ и эскизовъ, шесть пастелей, сто семнадцать рисунковъ, пять скульптуръ. Всего 229 произведеній!

Вошла хозяйка виллы.

— Знаете ли,—сказала она,—кто у меня былъ?.. Это одинъ изъ моделей «Meeting'a»... Одинъ изъ тѣхъ gamin, которые позировали передъ Мусей для ея картины... Онъ теперь уже большой и долженъ поступить въ солдаты. Послѣ ея смерти, много лѣтъ спустя, приходили ко мнѣ ея модели, эти мальчики парижскихъ улицъ. «Je voudrais bien poser,—говорилъ одинъ изъ нихъ:—je suis sérieux maintenant et je ne fairai plus de grimaces»... Они всѣ очень огорчались, когда узнавали, что позировать больше не передъ кѣмъ.

— А тотъ, который поступаетъ въ солдаты?—спросилъ я.

— Онъ приходилъ за небольшою помощью въ память моей покойницы.

Я посмотрѣлъ въ окно и увидѣлъ здороваго парня, очень «корректно» одѣтаго, въ синемъ пиджакѣ и соломенной круглой шляпѣ, съ цвѣткомъ красной гвоздики въ петлицѣ. Мнѣ показалось, что я узналъ въ его лицѣ возмужалыя черты того мальчика-блондина «Митинга», который поставленъ на картинѣ въ профиль. Тѣ же бѣлѣсоватые волосы, тотъ же вздернутый носъ, слегка выдавшіяся скулы. Сапоги его не были прорваны, какъ тогда, когда кисть художницы увѣковѣчивала его на холстѣ, но въ лицѣ его было то же выраженіе «хитринки», «себѣ на умѣ», смягченное возростомъ и обстоятельствами жизни, которое чувствуется на картинѣ.

— Простые люди,—начала опять хозяйка виллы,—очень любили покойницу. Увѣряю васъ, что ея бывшія модели посѣщали меня въ Парижѣ не изъ корыстныхъ цѣлей. Они приходили утѣшать меня и вмѣстѣ погоревать о Мусѣ. Были трогательные случаи, и позвольте вамъ разсказать объ одномъ изъ нихъ. Прежде чѣмъ приступить къ картинѣ «Апрѣль 1884», Муся много ѣздила по окрестностямъ Парижа, отыскивая подходящій пейзажъ. И вотъ близъ Севра она нашла такой уголокъ. За оградой цвѣла яблоня, широко раскинувъ свои вѣтви, полныя блѣдновато-розовыхъ цвѣтовъ; сочная трава и вообще весь пейзажъ ей очень понравились: «вотъ тотъ мотивъ, который я искала!» — вскрикнула она, и направилась къ дому собственника сада. Это былъ одинъ изъ тѣхъ полугорожанъ, полукрестьянъ, которые снабжаютъ рынки Парижа цвѣтами и фруктами. Ему польстило вниманіе художницы къ его любимому дереву, и онъ далъ ей разрѣшеніе «срисовать» его и даже, не смотря на

любовь къ своимъ деревьямъ, любуясь на сильно подвинувшуюся картину, позволилъ ей срубить въ саду два-три деревца, сильно мѣшавшія общему эффекту пейзажа. Муся пріѣхала на слѣдующій же день съ своей «моделью» — молодой деревенской дѣвушкой, которая несла въ корзинѣ ихъ общій скромный завтракъ. Она принялась за работу съ жаромъ — она все дѣлала съ жаромъ — и вложила въ картину всю свою душу. Ее окружила семья хозяина сада. Они принимали ее за бѣдную, скромную художницу, въ ея простенькомъ сѣренькомъ платьицѣ, которая вынуждена работать, чтобы добывать себѣ средства къ жизни. Они любовались ея горячностью и наивно подбадривали и похваливали ее. Картина подвигалась; крестьянка подъ деревомъ удалась какъ нельзя лучше. Оставалось дописать уже немного. Добрые люди искренно восхищались картиной, не меньше самой художницы. Однажды вечеромъ Мусю охватила сильная дрожь; ея ноги, обутыя въ легкія туфельки, слишкомъ долго стояли въ сырой, послѣ дождя, травѣ. Она унесла картину и больше не возвращалась на свою «натуру». Тщетно ждали ее друзья-хозяева сада. Дни шли за днями, цвѣты яблони осыпались, кружились въ воздухѣ, какъ бѣлорозовыя бабочки, и покрыли землю бѣлоснѣжнымъ покровомъ; но Муся не возвращалась. Вмѣсто нея прибылъ однажды объемистый пакетъ на имя садовника; въ немъ заключалась дорогая матерія его женѣ на платье. Они удивились и огорчились; они считали дѣвочку бѣдною, а она прислала имъ роскошный подарокъ; они ее полюбили, какъ свое дитя, а она платитъ имъ за любовь дорогимъ подаркомъ. И они, посовѣтовавшись другъ съ другомъ, рѣшили отправиться въ Парижъ навѣстить ее и возвратить цѣнную матерію. Въ канцеляріи «Салона» узнали они ея адресъ и пришли въ ея отель. Они думали, что ошиблись, и очень смутились: «какъ! ихъ бѣдная художница въ сѣренькомъ, простенькомъ платьицѣ, эта трудолюбивая дѣвочка, живетъ въ такомъ отелѣ? Но они позвонили и ихъ приняли». Муся лежала на своемъ chaise-longue, укутанная въ пенюаръ изъ бѣлаго плюша; по плечамъ ея разметались ея свѣтлые волосы, и она сама вся похудѣла, и на ея болѣзненно-блѣдномъ лицѣ лихорадочнымъ блескомъ горѣли глаза, ставшіе еще больше, еще загадочнѣе. Она радостно вскрикнула, увидѣвъ своихъ гостей, и дружески протянула имъ руку, слегка приподнявшись. «Я счастлива, что вижу васъ», — сказала она, прерывая кашлемъ почти каждое слово. — «Не сердитесь, что я еще не успѣла сама поблагодарить васъ... Мнѣ запрещено выходить... Говорятъ, я надорвалась за работой и простудилась въ сырой травѣ....». Садовникъ и его жена съ горестью на нее посмотрѣли и не осмѣлились вернуть ей матерію. «Мы не сердимся на васъ, — сказала жена, — потому что вы были больны... А все-таки вы обидѣли насъ этимъ платьемъ... Мы были рады видѣть васъ у себя и принимали васъ отъ чистаго сердца. Намъ не нужно было этого

платья... И вотъ мужъ рѣшилъ, что мы вамъ его отнесемъ...» — «Вовсе не я, а ты рѣшила отнести платье», — сказалъ мужъ. — «Вы оба большія дѣти! — сказала Муся, и прежній звонкій, свѣтлый смѣхъ вырвался у нея: — вы меня очень огорчите, если вздумаете мнѣ вернуть платье и отказаться отъ моего подарка. Я желаю, — продолжала она, обращаясь къ женѣ хозяина, — чтобы вы носили его въ воспоминаніе обо мнѣ, когда меня уже больше не будетъ»... Старики пробовали ее успокоить. «Нѣтъ, — сказала она имъ, устало улыбаясь: — со мной кончено, все кончено»... Она все еще старалась улыбаться, но голубые глаза ея вдругъ наполнились слезами, и садовникъ съ женой тоже украдкой утерли свои слезы. Она поспѣшила перемѣнить разговоръ и весело сказала: — «А яблоня? Все такая же славная?» — «О, да! — отвѣтилъ садовникъ: — цвѣты уже опали, но зато завязались плоды, и есть признаки, что ихъ будетъ много. Въ сентябрѣ нужно вамъ будетъ пріѣхать ихъ покушать. Воздухъ Севра васъ живо поправитъ»... Она отрицательно покачала головой и упала ею на подушку, не будучи въ силахъ больше говорить. Въ концѣ октября, въ то время, когда въ Севрѣ, въ саду, осеребренномъ первымъ инеемъ осени, въ вѣтвяхъ могучей яблони съ пожелтѣвшими листьями, запѣли снѣгири, садовникъ-хозяинъ получилъ письмо съ черной каемкой, извѣщавшее его о смерти Муси. Они горько плакали, эти славные, добрые люди... какъ я узнала впослѣдствіи. Въ одно апрѣльское утро, когда прежная печаль съ новою силою овладѣла мною, въ то время, какъ я сидѣла у себя въ гостиной, окруженная картинами и вещицами дорогой покойницы, живо напоминавшими мнѣ ее, позвонили съ улицы, и лакей ввелъ ко мнѣ севрскаго садовника. Онъ былъ изысканно одѣтъ, по-воскресному, и неловко вертѣлъ въ рукахъ, затянутыхъ въ черныя перчатки, свою шляпу; жена была въ дорогомъ черномъ шолковомъ платьѣ и держала огромный пакетъ. «Просимъ прощенья, что обезпокоили васъ, — сказалъ садовникъ, — мы хотѣли провѣдать васъ, чтобы сказать вамъ, какъ часто мы съ женой вспоминаемъ про бѣдную барышню, а въ это время года, весною, еще чаще. И я съ женою придумали вамъ предложить кое-что въ воспоминаніе о ней»... Жена въ это время развязала пакетъ и вынула оттуда цвѣтущую вѣтку яблони. «Это, — сказала она, — первые цвѣты яблони, которую она рисовала, и они вамъ лучше нашего разскажутъ, какъ сжимается наше сердце... И если вы позволите, мы будемъ приносить вамъ эти цвѣты все время, пока будетъ цвѣсти эта яблоня»... Святыя сердца, славные люди!.. Право, эти слова дороже всякихъ хвалебныхъ стиховъ и статей. И старики сдержали свое слово: съ тѣхъ поръ каждую весну передъ портретомъ Муси красуется букетъ цвѣтовъ яблони, которая присылаетъ свои красивые дары бѣдной покойницѣ...

Взволнованная мать продолжала:

— Однажды меня посѣтилъ Андре Терьё и увидѣлъ портретъ

Муси, украшенный цвѣтущими вѣтвями яблони. Я ему разсказала эту простую исторію, и онъ написалъ поэтичный и трогательный разсказъ подъ заглавіемъ «Le pommier». Я его много разъ читала и перечитывала и кое-что передала вамъ почти его словами...

Мы вышли въ садъ. Тамъ за круглымъ столомъ, близъ фонтана, оставленное нами общество пило русскій чай, спасаясь отъ жары.

Я скоро простился съ гостепріимною хозяйкой виллы и вышелъ изъ сада.

Я шелъ по тому же берегу моря. Солнце садилось уже, и красная полоса заката придавала что-то мрачное и тяжелое потемнѣвшей морской дали, и лазурь ея приняла теперь темнофіолетовую окраску... Это былъ цвѣтъ траура. Назади вилла съ ея кущами деревьевъ быстро погружалась въ тьму наступавшаго вечера. Новыми темными тонами расцвѣтилась природа, и въ душу закрадывались печальныя мысли. Никогда не увидитъ бѣдная Муся этихъ красокъ природы, которыя невидимымъ образомъ воспитали ея талантъ, которыя наложили на нею печать жизни и меланхолію смерти.

В. Свѣтловъ.

А. Н. ПЛЕЩЕЕВЪ ВЪ ССЫЛКѢ.

I.

ЗВѢСТНО, что одинъ изъ выдающихся поэтовъ нашихъ, Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ, въ пятидесятыхъ годахъ, находился въ Оренбургскомъ краѣ, гдѣ въ салдатской шинели долженъ былъ испытывать всю тягость несродной и даже ненавистной ему казарменной обстановки, особенно суровой въ былое время.

«По высочайшей конфирмаціи въ 19-й день декабря 1849 года, за участіе въ преступныхъ замыслахъ, происходившихъ на собраніяхъ у преступника Буташевича-Петрашевскаго, и другіе противозаконные поступки, во вниманіе къ молодымъ его лѣтамъ [1]), онъ лишенъ былъ всѣхъ правъ состоянія и отданъ на службу въ отдѣльный Оренбургскій корпусъ рядовымъ» [2]).

Сначала поэтъ былъ сосланъ въ г. Уральскъ и 6-го января 1850 года зачисленъ въ № 1-й Оренбургскій линейный батальонъ, а потомъ 25-го марта 1852 года переведенъ въ Оренбургъ въ № 3-й батальонъ, подъ начальство майора Сушкова.

Но какъ жилось ему въ первое время ссылки въ Уральскѣ, и какъ шла здѣсь его служба, о томъ въ мѣстныхъ архивахъ не

---

[1]) А. Н. Плещеевъ родился 22-го ноября 1825 года. Слѣдовательно въ это время ему было 24 года.

[2]) Изъ аттестата Плещеева, отъ 10-го февраля 1857 года, хранящагося въ Тургайскомъ областномъ архивѣ, въ дѣлѣ за № 35,663, которое мною отыскано въ числѣ приговоренныхъ къ уничтоженію.

имѣется почти никакихъ свѣдѣній, за исключеніемъ, впрочемъ, какимъ-то чудомъ сохранившейся копіи съ отношенія начальника корпуснаго штаба, отъ 27-го января 1850 года, за № 362 [1]), въ которомъ послѣдній сообщалъ начальнику 23-й пѣхотной дивизіи, что имъ «препровождены деньги, принадлежащія назначеннымъ на службу за проступки въ Оренбургскіе батальоны № 1-й Плещееву — 146 рублей; № 5-й — Ханыкову — 8 рублей и № 6-й — Головинскому — 50 рублей,— къ командирамъ сихъ батальоновъ».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что деньги эти были присланы Плещееву матерью, которая, какъ увидимъ ниже, даже пріѣзжала навѣстить его въ этотъ отдаленный край. Очевидно, А. Н. въ средствахъ не нуждался, къ тому же уральцы народъ гостепріимный и особенно для ссыльныхъ сердобольный, такъ что, можно съ нѣкоторой увѣренностью сказать, А. Н. жилось въ Уральскѣ если не особенно весело, какъ въ захолустномъ городѣ, то врядъ ли онъ могъ пожаловаться на равнодушіе къ нему общества. Но въ Оренбургѣ на первыхъ же порахъ ссылки поэту не посчастливилось. Мѣстное «интеллигентное» общество приняло его особенно враждебно и, какъ разсказываетъ мой отецъ, служившій въ то время въ № 1-мъ Оренбургскомъ казачьемъ пѣшемъ батальонѣ писаремъ и слѣдовательно ближе знакомый «съ направленіемъ мыслей» тогдашней военной братіи,— за долго еще до его пріѣзда по городу и среди начальства на разные лады начали циркулировать несбыточные слухи, которые я привожу здѣсь, какъ курьезъ.

«Говорили, что А. Н. былъ сосланъ въ Оренбургъ за какое-то политическое преступленіе. Ихъ было трое, замѣшанныхъ въ заговорѣ противъ государя и правительства: Плещеевъ, Ращеевъ и третій (фамилію коего отецъ позабылъ) тоже изъ извѣстной дворянской семьи. Всѣ они были приговорены къ висѣлицѣ, и конфирмація суда была представлена государю. Узнавъ объ этомъ, мать Плещеева, какъ фрейлина, имѣвшая свободный доступъ ко двору, въ слезахъ бросилась къ императору, моля его о помилованіи. Увы! уже было поздно: Николай Павловичъ утвердилъ приговоръ. Тогда мать Плещеева, съ послѣдней надеждой на благопріятный исходъ, обратилась къ императрицѣ и на колѣняхъ просила сжалиться надъ ней. Государыня сочувственно отнеслась къ ея слезной просьбѣ и сама просила за преступника Плещеева у государя. Николай Павловичъ былъ тронутъ скорбію материнскаго сердца, но какъ помочь горю, когда уже утвержденный приговоръ измѣнить было нельзя. Государь и государыня общимъ совѣтомъ, припомнивъ старинный русскій обычай, когда цари, проѣзжая мимо казнимыхъ преступни-

[1]) Въ дѣлахъ штаба 23-й пѣхотной дивизіи, въ архивѣ Оренбургскаго уѣзднаго воинскаго начальника, по входящему журналу за 1850 годъ, № 338; самое же дѣло уничтожено.

ковъ, могли миловать ихъ,— придумали слѣдующую мѣру помилованія.

«Въ назначенный для экзекуціи день преступниковъ заранѣе въ закрытыхъ повозкахъ привезли къ эшафоту, но по заранѣе же сдѣланному распоряженію долго не начинали казни, какъ бы ожидая кого-то. Наконецъ, народъ заволновался.

— «Государь, государь ѣдетъ!

— «Что тутъ такое? кого казнятъ?—спросилъ императоръ.

«Ему доложили.

— «Дарую имъ жизнь!—сказалъ онъ и проѣхалъ мимо.

«Преступниковъ тотчасъ же отвезли обратно въ казематы, а на конфирмаціи суда государь собственноручно начерталъ: «сослать рядовыми въ линейные батальоны». Такимъ образомъ, согласно этому повелѣнію перваго изъ нихъ—Плещеева, отправили въ Оренбургскій край, Ращеева въ западно-сибирскіе батальоны и послѣдняго въ Восточную Сибирь».

Не смотря на всю неосновательность подобной выдумки, мѣстному обществу было достаточно, чтобы быть предубѣжденнымъ противъ такого политическаго ссыльнаго и избѣгать его. Помимо того, всѣмъ было извѣстно, что Плещеевъ «пишетъ». Одного этого уже было довольно, чтобы сторониться отъ него и видѣть въ немъ человѣка отверженнаго. Даже теперь, при всеобщемъ образованіи, при быстрыхъ успѣхахъ современной цивилизаціи, въ Оренбургѣ очень трудно жить человѣку, болѣе или менѣе развитому и пишущему хотя бы самые невинные разсказы и стишки. Мѣстное общество съ какой-то затаенной ненавистью смотритъ на каждаго писателя и, сколько ни увѣряй, не вѣритъ тому, что иные пишутъ исключительно для того, чтобы имѣть кусокъ хлѣба. «Вретъ, молъ, пишетъ отъ нечего дѣлать, чтобы людей порочить», такъ какъ во всякомъ произведеніи, хотя бы самаго безобиднаго свойства, оренбуржцы видятъ осмѣяніе ихъ пороковъ, осужденіе ихъ недостатковъ. Если еще и теперь существуютъ такіе взгляды, то можно представить, что было 30—40 лѣтъ тому назадъ въ Оренбургѣ, когда здѣсь томился А. Н. Плещеевъ [1]). Легко ли жилось ему въ этомъ Богомъ обиженномъ городѣ, прозванномъ еще покойнымъ В. И. Далемъ (казакъ Луганскій) «чертовой песочницей»?

Переведенный изъ Уральска въ № 3-й батальонъ, Алексѣй Николаевичъ былъ отданъ подъ надзоръ особаго дядьки—унтеръ-офицера, изъ тѣхъ закаленныхъ дядекъ-усачей, для которыхъ «воинскіе артикулы» съ строгой субординаціей составляли всю цѣль жизни. Поэту первое время пришлось особенно много перенести горя и лишеній въ чуждой его характеру суровой обстановкѣ. На-

---

[1]) Какъ смотрѣло оренбургское общество на Плещеева-писателя, особенно рельефно вырисовывается изъ ниже приводимыхъ архивныхъ данныхъ.

равнѣ съ другими онъ долженъ былъ отбывать всѣ обязанности солдата, какъ-то: хожденіе въ караулъ, на дневальство, наряды на казарменныя работы, посылку «на вѣсти» (вѣстовымъ) къ ротному и батальонному командиру и т. п. Но особенно тягостно для него было сидѣть въ четырехъ стѣнахъ душныхъ казармъ: не съ кѣмъ было поговорить, обмѣняться мыслями. Съ солдатами какой же можетъ быть разговоръ, да и за этимъ строго слѣдило батальонное начальство. Затѣмъ и сами солдаты сторонились «поднадзорныхъ баричей». Батальонные же офицеры избѣгали вступать въ бесѣды «съ такими личностями»,— во-первыхъ, изъ боязни навлечь на себя подозрѣніе старшаго начальства, а, во-вторыхъ, и это, кажется, самое, главное, большинство изъ нихъ происходило изъ тѣхъ же рядовыхъ солдатъ, которые, кромѣ службы и уставовъ, не имѣли ни малѣйшаго представленія о чемъ либо иномъ, особенно въ области поэзіи и литературы. Наконецъ, при чрезмѣрно-строгой въ то время дисциплинѣ, невозможно было и подумать, чтобы офицеръ-начальникъ могъ снизойти до степени обыкновеннаго человѣка, могъ сочувственно относиться къ положенію хотя бы образованнаго солдата, а тѣмъ болѣе вести съ нимъ какіе либо частные разговоры, кромѣ служебныхъ.

Въ отпуски А. Н. не ходилъ, да, вѣрнѣе сказать, и не могъ ходить, прежде всего потому, что это было ему запрещено [1]), а затѣмъ и потому, что у него не было въ Оренбургѣ ни одной души знакомыхъ. Такимъ образомъ ни сочувствія, ни ласки, ни привѣта. Это была убійственная жизнь, отъ которой легко можно было сойти съ ума!

Долго и терпѣливо сносилъ А. Н. выпавшія на его долю невзгоды и никому не жаловался на свою судьбу, но, наконецъ, не выдержалъ и въ одномъ изъ своихъ писемъ написалъ о своемъ тяжеломъ положеніи матери. Прочитавъ такую грустную повѣсть, она тотчасъ же пріѣхала въ Оренбургъ [2]), и скоро обстоятельства приняли другой оборотъ.

Мать Плещеева подарила дядькѣ его золотые часы съ цѣпочкой,— важный въ то время для простаго солдата подарокъ, такъ

---

[1]) Какъ строго слѣдило за нимъ начальство, видно по перепискѣ штаба 23-й пѣхотной девизіи за 1852 годъ, № 331: даже для свиданія Плещеева съ его матерью, въ періодъ съ 26-го іюня по 27-е іюля, батальонный командиръ испрашивалъ разрѣшеніе дивизіоннаго начальника, а послѣдній корпуснаго командира.

[2]) Въ № 1 «Тургайской Газеты» какой-то старожилъ увѣряетъ, что мать Плещеева пріѣхала къ нему въ Оренбургъ, послѣ «возвращенія его изъ Перовска», слѣдовательно въ 1856 г.; между тѣмъ изъ вышеприведеннаго дѣла видно, что она была въ Оренбургѣ лѣтомъ 1852 года. Здѣсь не мѣшаетъ также замѣтить, что этотъ старожилъ (а въ № 2 сама редакція «Тургайской Газеты») неправильно показываетъ ссылку А. Н. въ Оренбургъ въ 1849 году, съ зачисленіемъ его въ № 2-й линейный батальонъ, тогда какъ Плещеевъ никогда не служилъ въ этомъ батальонѣ.

какъ часы были чрезвычайно дороги и рѣдко встрѣчались даже у людей чиновныхъ, — и дядька изъ суроваго начальника сдѣлался чуть не слугой молодому ссыльному «баричу». Потомъ она побывала и у батальоннаго командира, майора Сушкова, еще кое у кого изъ вліятельныхъ лицъ мѣстнаго военнаго управленія и, наконецъ, сдѣлала визитъ самому начальнику края, генералъ-адъютанту Василію Алексѣевичу Перовскому [1]), съ которымъ была, кажется, знакома по Петербургу; и этотъ суровый и строгій оренбургскій генералъ-губернаторъ, но отзывчивый на все доброе и особенно покровительствовавшій ученымъ и литераторамъ, очень любезно принялъ Плещееву и охотно согласился взять ея сына подъ свое покровительство [2]).

Вскорѣ послѣ того было сдѣлано распоряженіе, чтобы майоръ Сушковъ, вмѣсто мѣсячныхъ рапортовъ о состояніи и поведеніи рядоваго Плещеева, представлялъ «таковые каждонедѣльно» [3]). Для Алексѣя Николаевича снова возсіяла счастливая звѣзда, и съ этого времени служба его пошла легче. Батальонное начальство уже перестало «наряжать» его на работы и въ вѣстовые, за исключеніемъ посылки на ротныя и батальонныя ученья. Но еще больше было предоставлено ему свободы, когда генералъ-адъютантъ Перовскій, получая все болѣе и болѣе благопріятные о немъ отзывы батальоннаго начальства, сталъ запросто приглашать его къ себѣ чуть не каждый день въ три часа на обѣдъ, а иногда даже посылалъ за нимъ свою карету Само собою разумѣется, батальонное начальство, отъ мала до велика, въ виду такихъ знаковъ вниманія начальника края къ ссыльному рядовому (такой чести рѣдко удостоивались даже немногіе изъ видныхъ представителей мѣстной администраціи), не смѣло уже заикнуться о какихъ либо строгостяхъ и безпрепятственно разрѣшало ему выходъ изъ казармъ, когда угодно и куда вздумается.

Къ большему еще благополучію Алексѣя Николаевича, вскорѣ, весной 1853 года, начались наступательныя движенія нашихъ отря-

---

[1]) Генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи (впослѣдствіи графъ) В. А. Перовскій, управлялъ Оренбургскимъ краемъ съ 1851 по 1857 годъ.

[2]) У многихъ навѣрно явится вопросъ: почему раньше В. А. не взялъ его подъ свое покровительство, зная, что А. Н. сосланъ былъ во ввѣренный ему край? Мнѣ кажется, отвѣтъ на это очень не замысловатъ. Общественное мнѣніе города Оренбурга было настроено враждебно противъ ссыльныхъ, и Василій Алексѣевичъ выжидалъ поэтому только удобнаго случая, «не дразня гусей», избавить Плещеева отъ тяжкой доли. Перовскій былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понимать, какую онъ бралъ на себя тяжелую и отвѣтственную задачу; бороться же съ закорузлыми взглядами общества не всегда было легко.

[3]) Въ то время былъ заведенъ порядокъ—всѣмъ сосланнымъ въ Оренбургскій край политическимъ преступникамъ ежемѣсячно составлялись такъ называемые «кондуитные» списки, которые сначала представлялись командиру корпуса, а этимъ послѣднимъ, чрезъ шефа жандармовъ, государю.

довъ въ глубь киргизской степи для обузданія волновавшихся киргизъ Чиклинскаго рода малой орды, подъ предводительствомъ мятежнаго батыря Исетки Кутебарова, и противъ коканцевъ, оказывавшихъ намъ неповиновеніе, грабившихъ нашихъ подданныхъ киргизъ и покровительствовавшихъ дѣйствіямъ этого степнаго разбойника. Для усмиренія бунтовщиковъ было назначено 2 тысячи пѣхоты и 4 тысячи конницы (казаки и башкиры) при девяти орудіяхъ. Главное начальствованіе надъ отрядомъ этимъ, по высочайшему повелѣнію, принялъ самъ начальникъ края генералъ Перовскій.

Чтобы дать возможность Плещееву выслужиться изъ простыхъ рядовыхъ и выйти изъ тягостнаго положенія поднадзорнаго, Василій Алексѣевичъ 2-го марта 1853 года перевелъ его изъ № 3-го въ № 4-й батальонъ, который назначался въ этотъ походъ [1]).

Войска и обозы, назначенные въ отрядъ, собирались въ Оренбургѣ, Орскѣ и станицѣ Верхнеозерной, откуда, выступая тремя колоннами, должны были соединиться у форта Карабутакъ и подъ начальствомъ наказнаго атамана Оренбургскаго казачьяго войска, генералъ-майора Падурова, слѣдовать далѣе на Сыръ-Дарью и коканскую крѣпость Акъ-Мечеть, главный предметъ похода.

Отряды выступили съ линіи между 10-мъ и 15-мъ мая и, несмотря на сильные жары, 23-го мая соединились въ укрѣпленіи Уральскомъ, пройдя 605 верстъ труднаго степнаго пути отъ Оренбурга [2]). Отсюда выступили далѣе уже двумя колоннами: одна подъ начальствомъ генерала Падурова, другая—подполковника Іоннея. Батальонъ № 4-й, гдѣ былъ Плещеевъ, шелъ въ колоннѣ Падурова и все время, до взятія 28-го іюля Акъ-Мечети, находился въ ней.

Въ шестнадцать дней войска дошли до укрѣпленія Аральскаго (Раимъ) на Сыръ-Дарьѣ, куда прибыли 8-го іюня, а 3-го іюля были уже подъ стѣнами Акъ-Мечети. Здѣсь Алексѣй Николаевичъ принималъ участіе въ осадѣ и штурмѣ крѣпости и «за отличіе въ дѣлѣ при взятіи ея всемилостивѣйше былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры (приказомъ 27-го декабря 1853 года) и награжденъ, не въ зачетъ, годовымъ окладомъ жалованія» [3]).

Послѣ возведенія по Сыръ-Дарьѣ укрѣпленій: № 1-го на истокѣ рѣки Казалы (нынѣ городъ Казалинскъ), № 2-й—на урочищѣ Кармакчи, № 3-го—на Куванъ-Дарьѣ (впослѣдствіи въ 1855 году уничтоженнаго) и форта «Перовскаго», переименованнаго, по высочайшему повелѣнію, въ честь виновника побѣды изъ Акъ-Мечети [4]), начальникъ края, съ частью войскъ, отправился въ Оренбургъ,

---

[1]) См. въ дѣлѣ Тург. обл. арх. № 35,663 аттестатъ Плещеева.

[2]) До Карабутака же отъ Оренбурга считается 428 верстъ.

[3]) Изъ аттестата Плещеева.

[4]) Помимо того, Перовскій, за взятіе Акъ-Мечети, по высочайшему повелѣнію, 27-го декабря того же 1853 года былъ возведенъ въ графское достоинство.

оставивъ для охраненія вновь заведенной сторожевой и оборонительной линіи три роты 4-го линейнаго баталіона, двѣ сотни казаковъ и сотню башкиръ при 7 орудіяхъ. Такимъ образомъ на долю нашего поэта выпало остаться въ Акъ-Мечети и влачить въ ней самое жалкое существованіе.

Одинъ изъ оренбургскихъ старожиловъ, нѣкто Ціолковскій, сынъ извѣстнаго въ свое время сподвижника Перовскаго, пишетъ на страницахъ «Тургайской Газеты» (№ 1-й за 1896 годъ), что, «живя въ фортѣ Перовскомъ, Алексѣй Николаевичъ велъ постоянную переписку съ своими друзьями, оставшимися въ городѣ Оренбургѣ. Письма его были полны задушевности и глубокой грусти». Въ одномъ изъ нихъ, адресованномъ автору воспоминаній, даже было приложено слѣдующее стихотвореніе:

Я молодъ былъ, я увлекался...
Я жилъ несбыточной мечтой,
Я время вѣянью поддался
И сталъ солдатъ совсѣмъ простой...
Мечты прошли, зачахли упованья,
И изъ тюрьмы я въ степь попалъ;
Не слышны здѣсь мои стенанья,
Но какъ страдаю я, страдалъ!

Мы сомнѣваемся, чтобы это стихотвореніе принадлежало перу даровитаго Плещеева, но безспорно, что въ фортѣ Перовскомъ, отдаленномъ и оторванномъ отъ остальной Россіи дикими первобытными киргизскими степями, Алексѣю Николаевичу жилось куда хуже, чѣмъ въ Оренбургѣ, гдѣ онъ уже, съ помощію Перовскаго, успѣлъ найти друзей. Кругомъ одна безбрежная степь, унылая и однообразная, съ скудной растительностью, земляныя стѣны укрѣпленія, суровыя лица солдатъ, киргизы и верблюды—вотъ все, что могъ видѣть его глазъ. Для развлеченія ни одной книги, ни одной газеты. До Оренбурга было слишкомъ 1.000 верстъ, и оказіи ходили туда въ мѣсяцъ или въ два мѣсяца разъ и лишь для того, чтобы отвезти нужныя бумаги или привезти провіантъ.

Почти три года провелъ поэтъ въ этой мрачной обстановкѣ, безъ всякой дѣятельности. Много воды утекло за это время, и много на Руси перемѣнилось событій. Въ 1855 году скончался императоръ Николай Павловичъ, и съ восшествіемъ на престолъ Александра Николаевича наступили новыя времена, болѣе просвѣщенныя, болѣе гуманныя. Графъ Перовскій воспользовался этимъ случаемъ и сталъ ходатайствовать предъ молодымъ императоромъ о смягченіи участи поэта Плещеева. Государь внялъ просьбѣ «стараго слуги августѣйшаго родителя» своего, и «высочайшимъ приказомъ, послѣдовавшимъ въ одиннадцатый день мая тысяча восемьсотъ пятьдесятъ шестаго года», Плещеевъ былъ «произведенъ въ прапор-

щики съ переводомъ въ оренбургскій линейный № 3 батальонъ» [1]), стоявшій въ Оренбургѣ. 15-го іюня А. Н. навсегда распрощался съ Акъ-Мечетью, гдѣ провелъ такъ много томительныхъ дней, и 25-го іюля прибылъ въ Оренбургъ [2]).

Теперь, какъ офицеръ, онъ имѣлъ полный доступъ повсюду, былъ свободенъ, надъ нимъ не висѣлъ, какъ Дамокловъ мечъ, строгій надзоръ; но душа его не мирилась съ военнымъ режимомъ; онъ всѣми мѣрами старался избавиться отъ тягостной ему военной службы, въ которой потерялъ свои лучшіе годы, и которая въ замѣнъ всего дала ему столько непріятностей. Въ концѣ года онъ просилъ графа Перовскаго ходатайствовать объ увольненіи его отъ военной службы. В. А. снесся по этому поводу съ военнымъ министромъ. Просьба Плещеева была доложена государю, и на нее послѣдовало милостивое разрѣшеніе: «По высочайшему повелѣнію (какъ значится въ его аттестатѣ), объявленному въ отношеніи г. военнаго министра, отъ семнадцатаго ноября 1856 г., за № 6.730, Плещеевъ уволенъ отъ военной службы, съ переименованіемъ въ коллежскіе регистраторы и съ дозволеніемъ вступить въ гражданскую службу, кромѣ столицъ» [3]). Кончилась первая эпопея Плещеевской ссылки, началась другая.

II.

Средства у А. Н. были не настолько хороши, чтобы онъ могъ прожить безъ службы или какихъ либо опредѣленныхъ занятій, такъ какъ «имѣнія родоваго и благопріобрѣтеннаго» у него не было, литературный же заработокъ (да и врядъ ли былъ онъ у него въ это время) не могъ дать ему возможность прожить безбѣдно. Такимъ образомъ, въ силу необходимости, ему нужно было искать должности. Зиму 1856—1857 года, однако, за неимѣніемъ, вѣроятно, подходящихъ вакансій онъ прожилъ въ Оренбургѣ безъ дѣла, и только въ мартѣ (5-го) подалъ прошеніе въ оренбургскую пограничную комиссію «объ опредѣленіи его на службу въ штатъ этой комиссіи» [4]), причемъ представилъ и аттестатъ, выданный ему 10-го

---

[1]) Изъ аттестата Плещеева.

[2]) Тамъ же.

[3]) Въ некрологѣ «Историческаго Вѣстника» (1893, XI, 623) неправильно сказано, что онъ перемѣнилъ военный мундиръ на гражданскій въ 1857 г., какъ будто послѣ возвращенія ему правъ потомственнаго дворянства. Какъ увидимъ ниже, послѣднее случилось гораздо позднѣе.

[4]) Дѣло тургайскаго областнаго архива за 1857 г., № 35.663, листъ 1. Необходимо для ясности замѣтить, что бывшая оренбургская пограничная комиссія, вѣдавшая дѣла зауральныхъ киргизъ и Внутренней Букеевской орды, въ 1868 году, при образованіи новой области Тургайской, переименована въ тургайское областное правленіе, гдѣ и остался весь архивъ прежней пограничной комиссіи.

февраля 1857 отъ командира оренбургскаго корпуса, за подписомъ самого Перовскаго, изъ коего, между прочимъ, видно, что онъ «воспитывался въ частномъ учебномъ заведенiи[1]), знаетъ читать, писать, законъ Божiй; исторiю всеобщую и русскую, географiю, логику, статистику и языки: нѣмецкiй и французскiй». «По служенiи въ отдѣльномъ оренбургскомъ корпусѣ, въ домовыхъ отпускахъ, штрафахъ по суду и безъ суда и подъ слѣдствiемъ не былъ. Къ повышенiю чиномъ аттестовался достойнымъ; а къ награжденiю знакомъ отличiя безпорочной службы, хотя не выслужилъ срока, но случаямъ, препятствующимъ къ награжденiю онымъ, во время службы не подвергался».

По сношенiи объ этомъ съ инспекторскимъ департаментомъ гражданскаго вѣдомства, высочайшимъ приказомъ 21 апрѣля 1857 г. за № 84, Плещеевъ былъ зачисленъ въ штатъ комиссiи, а потомъ, по журналу 20 мая, опредѣленъ на должность столоначальника во «временный столъ по управленiю внутренней киргизской ордой». А. Н. принялъ присягу на вѣрность службы и далъ подписку «о непринадлежности къ массонскимъ и другимъ тайнымъ обществамъ»[2]). Вскорѣ затѣмъ, высочайшимъ указомъ, даннымъ за собственноручнымъ его величества подписанiемъ, 17-го апрѣля того же года[3]), было повелѣно: «лишенному правъ состоянiя рѣшенiемъ генералъ-аудиторiата 19 декабря 1849 г. и уволенному отъ службы прапорщику Алексѣю Плещееву, съ прочими, равно законнымъ ихъ дѣтямъ, прижитымъ послѣ произнесенiя надъ отцами ихъ приговора даровать прежнiя права по происхожденiю, то-есть пользовавшимся до приговора потомственнымъ дворянствомъ всѣ права дворянства потомственнаго, а принадлежащимъ къ другимъ состоянiямъ права прежнихъ состоянiй, но всѣмъ безъ права на прежнiя имущества».

На службѣ Плещееву повезло. Въ лицѣ предсѣдателя пограничной комиссiи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Василiя Васильевича Григорьева (1854—1862), извѣстнаго нашего орiенталиста и изслѣдователя Туркестанскаго края[4]), А. Н. нашелъ себѣ новаго

[1]) Во всѣхъ почти некрологахъ Плещеева указывается, что онъ 15-ти лѣтъ былъ отданъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, но потомъ вышелъ изъ военной школы и поступилъ въ Петербургскiй университетъ. Это обстоятельство не внесено съ аттестатъ Плещеева, вѣроятно, потому, что онъ пробылъ въ школѣ недолгое время.

[2]) Г. Старожилъ неправильно доказываетъ, что А. Н. тотчасъ же по возвращенiи изъ Перовска въ Оренбургъ поступилъ на службу въ пограничную комиссiю.

[3]) Въ первый разъ указъ этотъ напечатанъ въ № 33 «С.-Петербургскихъ Сенатскихъ Вѣдомостей» за 1857 годъ. Выдержки изъ указа приводимъ по даннымъ пограничной комиссiи, дѣло № 35,663, листы 17—18.

[4]) См. «В. В. Григорьевъ по его письмамъ и трудамъ», Веселовскаго, изданiе археологическаго общества. Его статья: «Т. Н. Грановскiй, до профессорства въ Москвѣ», напечатанная въ «Русской Бесѣдѣ» за 1856 г., произвела сильный переполохъ въ журнальномъ мiрѣ. Этотъ Григорьевъ благоволилъ также и къ

покровителя, который впослѣдствіи, когда Плещеевъ женился на дочери чиновника Руднева, былъ у него даже посаженнымъ отцомъ.

Вырвавшись, такимъ образомъ, послѣ шестилѣтняго заточенія въ душныхъ стѣнахъ батальонныхъ казармъ, на свѣтъ Божій, тридцатидвухлѣтній поэтъ, конечно, не прочь былъ веселиться и пользоваться тѣми удовольствіями, какія могъ дать тогда Оренбургъ, тѣмъ болѣе, что Плещеевъ былъ не дуренъ собой, уменъ, хорошо воспитанъ и образованъ. Всюду его принимали, какъ желаннаго гостя. Мнѣнія круто перемѣнились, и даже тѣ, которые прежде недовѣрчиво смотрѣли на «политическаго ссыльнаго», открыли ему свои двери и радушно принимали его, особенно у кого были взрослыя дочери, такъ какъ А. Н. во всѣхъ отношеніяхъ являлся завиднымъ женихомъ.

Случайно, на какомъ-то вечерѣ, онъ познакомился съ своей будущей женой. Еликонидѣ Александровнѣ въ то время было только 17 лѣтъ. Стройная, миловидная брюнетка, считавшаяся красавицей по всему Оренбургу, отъ которой, казалось, вѣяло счастьемъ и здоровьемъ, произвела такое сильное впечатлѣніе на Алексѣя Николаевича, что онъ рѣшилъ связать свою судьбу съ ея судьбой; къ тому же, хорошо воспитанная и образованная, Еликонида Александровна имѣла за собой 50 тысячъ рублей приданаго. Не мешаетъ добавить, что отецъ ея, титулярный совѣтникъ Александръ Михайловичъ Рудневъ, служившій надзирателемъ при илецкомъ соляномъ промыслѣ, въ 62-хъ верстахъ отъ г. Оренбурга, въ Илецкой защитѣ, и мать Татьяна Евграфовна, были прекраснѣйшіе люди, типа старосвѣтскихъ помѣщиковъ, и воспитали единственную дочь свою въ духѣ патріархальности и строгой религіозности.

Въ концѣ октября 1857 года состоялось сватовство. Плещеевъ, вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ, капитаномъ артиллеріи Д. П. Пр—вымъ [1]), для этой цѣли отправились въ Илецкую защиту. По пути, на станціи Донгузъ, въ 25 верстахъ отъ Оренбурга, какъ разсказываетъ мой отецъ, служившій въ это время на станціи этой смотрителемъ, съ ними произошелъ такой забавный случай, отчасти характеризующій нашего поэта.

Была убійственная, осенняя погода. Дождь лилъ, какъ изъ ведра, и на дворѣ стояла непролазная грязь. «День выдался почтовый», и поэтому всѣ лошади на станціи были «въ разгонѣ». Проводивъ послѣднюю почту и думая, что въ такую отвратительную погоду не будетъ больше проѣзжающихъ, отецъ мой, отъ нечего дѣлать, захотѣлъ позабавиться чайкомъ. Но только что мамаша

своему тезкѣ А. А. Григорьеву и не разъ снабжалъ его въ займы деньгами. Изъ дѣла № 2.282 Неплюевскаго кадетскаго корпуса видно, что покойный нашъ критикъ, за уплатой ста рублей по заемному письму, остался долженъ ему еще 49 рублей.

[1]) И понынѣ здравствующимъ въ чинѣ отставнаго генерала въ Москвѣ.

приготовила все для чаепитія, вдругъ динь, динь, динь—колокольчикъ! И къ станціонному дому на тройкѣ сытыхъ лошадей подъѣхала почтовая телѣжка, изъ которой вышли офицеръ и господинъ въ статскомъ платьѣ, но въ форменной фуражкѣ пограничнаго вѣдомства.

— Лошадей!—громко крикнулъ статскій, входя въ станціонный домъ.

— Никакъ нѣтъ: всѣ въ разгонѣ!—думая, что предъ нимъ «превосходительная» особа, почтительно отвѣтилъ отецъ.

— Знать ничего не хочу! чтобы черезъ пять минутъ лошади были готовы, а то я тебя... и при этомъ пріѣзжій господинъ разразился потокомъ внушительныхъ словъ.

— Помилуйте, вашество! — взмолился отецъ.—Гдѣ же я ихъ возьму, коли нѣтъ.

— Врешь ты!..

— Постой, братъ! не кричи! —наконецъ вступился за отца офицеръ.—Можетъ быть, онъ правъ. Посмотри сначала станціонную книгу.

Отецъ тотчасъ же подалъ ее.

— А сколько лошадей на станціи?—спросилъ статскій.

— Всего двѣ тройки полагается,—отвѣтилъ отецъ.

Посмотрѣли запись: дѣйствительно всѣ лошади разосланы то съ почтой, то съ эстафетой, то съ проѣзжающими.

— Ну, вотъ видишь,—замѣтилъ военный, указывая на отца,—причемъ же онъ тутъ, а ты его бранишь!

Статскій господинъ немного смягчился.

— Такъ какъ же быть-то? На чемъ же я теперь доѣду до Илецкой защиты?

— Если хотите, вашество, я добуду вамъ лошадей,—предложилъ свои услуги отецъ.

— А откуда?

— Вотъ съ Кордона!.. Казаки за прогоны куда угодно довезутъ.

— Пожалуйста, братецъ, похлопочи!—уже сталъ упрашивать господинъ.—Что будетъ стоить, я заплачу. Чортъ возьми,—проклятая ваша сторона! Я въ Оренбургѣ прогоны до Илецкой защиты заплатилъ, а теперь изволь искать лошадей. Если бы я зналъ, лучше обывательскихъ прямо до Илецкой защиты нанялъ бы.

Отецъ мигомъ сбѣгалъ къ кордоннымъ казакамъ, селеніе которыхъ отстояло всего въ какихъ нибудь 50—100 шагахъ отъ станціоннаго дома. Минутъ черезъ двадцать лошади были готовы, но опять бѣда: не во что было впрягать ихъ, такъ какъ прежняя почтовая повозка уѣхала, а у казаковъ, кромѣ телѣгъ, не было другихъ экипажей. Какъ быть? не ѣхать же въ телѣгѣ, вѣдь въ ней всю душу вытрясетъ. Отецъ и тутъ нашелся.

— Вонъ возьмите, вашество, у меня крытый тарантасъ остался, только не больно завидный.

— Давай скорѣе! все лучше телѣги!—сказалъ господинъ.

Наконецъ все уладилось, лошади были запряжены, господа уплатили казакамъ прогоны, отдали отцу положенныя за почтовый экипажъ 12 коп., записали въ книгу проѣзжающихъ свои фамиліи и уѣхали.

— Фу, ты! — послѣ отъѣзда ихъ вздохнулъ отецъ.—Ну, и задали же они мнѣ жару.

Съ любопытствомъ заглянулъ онъ въ книгу; тамъ значилось: «Коллежскій регистраторъ А. Н. Плещеевъ, столоначальникъ пограничной комиссіи и капитанъ оренбургской артиллерійской роты Дмитрій Петровичъ П—въ».

— Чтобъ имъ пусто было,—невольно выругался отецъ,—а я думалъ, чортъ знаетъ кто. Даже поджилки тряслись, когда съ ними говорилъ.

Недѣли черезъ двѣ въ Илецкой защитѣ состоялась свадьба Плещеева, на которую съѣхалась почти вся оренбургская знать. Затѣмъ, поэтъ съ молодой женой отправился въ Оренбургъ, но по дорогѣ не могъ миновать Донгуза. Съ отцомъ они встрѣтились, какъ старые знакомые.

Пока перепрягали лошадей, А. Н. расхаживалъ по комнатѣ и любезно разспрашивалъ отца о его житьѣ-бытьѣ и службѣ. Отецъ, на сколько могъ, удовлетворялъ его любопытство.

— А это что у тебя? — случайно взглянулъ онъ на столъ, гдѣ между писарскими принадлежностями лежала толстая книга съ оторваннымъ началомъ.

— Пѣсенникъ!

— Что?

— Пѣсенникъ, говорю!—повторилъ отецъ.

— Откуда онъ у тебя?—заинтересовался А. Н. и сталъ его перелистывать.—Развѣ ты что нибудь смекаешь въ поэзіи?

— Нѣтъ... но такъ... иногда пріятно почитать,—уклончиво отвѣтилъ писарь.

Глаза у А. Н. разгорѣлись, точно онъ нашелъ кучу золота.

— Продай мнѣ его?—вдругъ отрѣзалъ онъ.

— Что вы? Онъ мнѣ самому дорогъ... ни за что! Вы въ книжной лавкѣ можете купить.

— Ну, вотъ!.. въ какой еще... не найдешь!.. а сколько стоитъ?— какъ-то лихорадочно говорилъ онъ, держа пѣсенникъ дрожащими руками.

— Да, думаю, гривенъ восемь стоитъ,—глубокомысленно заявилъ отецъ.

— Ну, такъ я возьму его у тебя!

— Позвольте, Алексѣй Николаевичъ!..

— Да на что онъ тебѣ? а мнѣ пригодится.

«Я и такъ, я и этакъ, — заключаетъ свой разсказъ отецъ,—

всякіе резоны ему представлялъ, ничего не беретъ. Вѣдь такъ отъемомъ и отнялъ пѣсенникъ, а жаль, такихъ теперь нѣтъ, старинный былъ пѣсенникъ, и пѣсни все русскія, народныя. И этотъ мнѣ былъ подарокъ отъ батальоннаго сослуживца, когда мы съ нимъ разставались. Выкинулъ мнѣ Алексѣй Николаевичъ 80 коп., какъ сейчасъ помню, четыре двугривенныхъ, лошади были поданы, сѣлъ и былъ таковъ. Ну, что съ нимъ подѣлаешь, ужъ такая «скоропалительная» голова былъ, а все-таки добрѣйшей души человѣкъ!»

Послѣ этого случая они сдѣлались большими пріятелями, и, не разъ встрѣчаясь въ Оренбургѣ, куда отецъ переѣхалъ въ слѣдующемъ году, А. Н. зазывалъ его къ себѣ и подолгу съ нимъ бесѣдовалъ.

По пріѣздѣ «въ столицу степей», Плещеевъ поселился съ женой въ домѣ купца Хохлова, обставивъ квартиру на сколько возможно комфортабельнѣе, но прожилъ здѣсь очень недолго. Надоѣла ему служба, надоѣлъ и Оренбургъ, онъ рвался на волю. Къ тому же мать, которую онъ сильно любилъ, писала ему, что послѣднее время часто прихварываетъ и вызывала его къ себѣ. Общими усиліями стали хлопотать о дозволеніи жить Плещееву въ столицѣ, и ходатайство ихъ увѣнчалось успѣхомъ.

9-го февраля 1858 года (за № 33) оренбургскій и самарскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Александръ Андреевичъ Катенинъ [1]), увѣдомилъ предсѣдателя пограничной комиссіи, что «государь императоръ, по всеподданнѣйшемъ докладѣ ходатайства его, генералъ-губернатора, всемилостивѣйше соизволилъ на увольненіе служащаго въ комиссіи коллежскаго регистратора Плещеева въ четырехъ-мѣсячный отпускъ въ обѣ столицы» [2]).

Но почему-то (можетъ быть, по причинѣ холоднаго времени) А. Н. не воспользовался сейчасъ же этимъ позволеніемъ и только 26-го мая подалъ въ комиссію прошеніе о разрѣшеніи ему отпуска въ С.-Петербургъ и Москву и съ тѣмъ вмѣстѣ, «намѣреваясь пріискать себѣ другой родъ службы», просилъ о выдачѣ ему копіи съ его «формуляра».

Задержки отъ комиссіи, конечно, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ не было, и 29-го мая 1858 года [3]), съ четырехмѣсячнымъ паспортомъ въ карманѣ, Плещеевъ выѣхалъ изъ Оренбурга, вмѣстѣ съ женой, и больше туда не возвращался.

---

[1]) Напомнимъ здѣсь, что Катенинъ смѣнилъ Перовскаго по высочайшему приказу 7-го апрѣля 1857 года.

[2]) Дѣло оренбургской пограничной комиссіи, № 31,064, «о увольненіи Плещеева въ отпускъ». См. реестръ пограничной комиссіи отъ 26-го мая 1858 года № 963—850, журналъ № 53.

[3]) Дѣло тургайскаго областнаго архива, № 31,064, л. 2. Странно, что редакція «Тургайской Газеты», имѣющая подъ руками подлинные документы о Плещеевѣ (впрочемъ, слѣдуетъ оговориться, назначенные «къ уничтоженію»), въ № 2 иллюстрированнаго изданія говоритъ, что Плещеевъ уѣхалъ изъ Оренбурга въ 1857 году.

Незадолго до своего отъѣзда Алексѣй Николаевичъ какъ-то на улицѣ встрѣтилъ отца моего и зазвалъ его къ себѣ. Плещеевъ былъ радостный, сіяющій.

— Ну, братъ, прощай! уѣзжаю! — съ первыхъ же словъ началъ онъ.

— Далеко ли, Алексѣй Николаевичъ?

— Въ Москву пока! Мать при смерти! Вотъ взялъ четырехмѣсячный отпускъ, да все равно я не вернусь.

— Какъ такъ?

— Нечего мнѣ, братъ, здѣсь дѣлать!

— А служба-то?— въ простотѣ душевной спросилъ отецъ, думая, что безъ службы прожить нельзя.

— Э!.. махнулъ Алексѣй Николаевичъ рукой. — Не надо! другую найду!.. «Ты думаешь, я умеръ? Нѣтъ, братъ, я теперь ожилъ, воскресъ!».

Послѣ того, отецъ не получалъ о немъ никакихъ извѣстій. Лѣтъ черезъ десять, должно быть, въ Илецкую защиту къ своимъ роднымъ пріѣхала Еликонида Александровна. Отецъ потомъ слышалъ отъ ея отца, что Алексѣй Николаевичъ съ семьей живетъ въ Петербургѣ «на хорошей должности» и живетъ хорошо. Особенно же поражало многихъ въ Оренбургѣ, что горничная жены Плещеева такъ хорошо говорила пофранцузски, какъ настоящая француженка, лучше «нашей губернаторши», и одѣвалась лучше ея.

III.

Съ отъѣздомъ въ Москву Алексѣя Николаевича переписка о немъ не прекратилась. Но удивительно, ради чего онъ передъ отъѣздомъ своимъ послалъ въ городъ Уфу, оренбургскому гражданскому губернатору[1]), съ приложеніемъ своего послужного списка, прошеніе о зачисленіи его въ штатъ губернскаго правленія, когда совсѣмъ «не хотѣлъ жить» въ Оренбургскомъ краѣ. По прошенію этому, исправляющій должность губернатора дѣйствительный статскій совѣтникъ Барановскій, основываясь «на удостовѣрительной надписи Оренбургской пограничной комиссіи на формулярѣ Плещеева о неимѣніи препятствій къ его перемѣщенію», предложилъ губернскому правленію опредѣлить его въ штатъ «губернаторской канцеляріи», и въ то же время (10-го іюня, № 2745) увѣдомилъ о томъ пограничную комиссію. Послѣдняя въ свою очередь о такой перемѣнѣ донесла генералъ-

---

[1]) Необходимо добавить, что центръ гражданскаго управленія Оренбургской губерніи въ то время (до 1865 года) сосредоточивался въ Уфѣ, гдѣ жилъ гражданскій губернаторъ. Въ Оренбургѣ же было военное управленіе краемъ и пограничной полосой его.

губернатору и въ инспекторскій департаментъ гражданскаго вѣдомства, исключила Плещеева изъ списковъ своихъ чиновниковъ и, закончивъ тѣмъ переписку о немъ, сдала ее въ архивъ. Между тѣмъ, по сдѣланной гражданскимъ губернаторомъ резолюціи, оренбургское губернское правленіе не торопилось зачислять Плещеева въ штатъ. И только черезъ три мѣсяца (9-го сентября) исполнило распоряженіе губернатора, еще разъ увѣдомивъ объ этомъ пограничную комиссію. Произошла путаница. Пограничной комиссіи пришлось выкапывать переписку изъ архива, опять подшивать къ ней «бумаги» и снова составлять и «заслушивать» журналъ. Виновникъ же всей этой кутерьмы, ничего не подозрѣвая, хотя комиссія уже два раза «опредѣляла» объявить ему о томъ «по принадлежности», — спокойно разгуливалъ по улицамъ Петербурга и, какъ видно, не имѣлъ ни малѣйшаго желанія возвращаться въ Оренбургъ или Уфу и не подавалъ о себѣ никакого извѣстія, а между тѣмъ срокъ отпуска близился къ концу, и пограничное начальство терялось въ догадкахъ о причинѣ подобнаго замедленія, намѣреваясь уже произвести розыски «безъ вѣсти пропавшаго», такъ какъ оренбургское губернское правленіе «неукоснительно» требовало «явки къ мѣсту новаго служенія чиновника Плещеева».

Прошло такимъ образомъ около мѣсяца въ неизвѣстности, и вдругъ пограничная комиссія получаетъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ (отъ 4-го октября 1858 года, № 3551) слѣдующее «отношеніе» [1]).

«Служащій въ Оренбургской пограничной комиссіи коллежскій регистраторъ Плещеевъ, уволенный на основаніи высочайшаго повелѣнія въ четырехмѣсячный отпускъ въ обѣ столицы, для свиданія съ матерью и устройства домашнихъ дѣлъ, обратился въ III отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи съ просьбою, въ коей объяснилъ, что срокъ его отпуска истекаетъ 29-го сентября, между тѣмъ его дѣла, вопреки ожиданія его, не приведены еще до сихъ поръ къ окончанію, а положеніе прибывшей съ нимъ беременной жены таково, что дальній путь для нея рѣшительно невозможенъ, а потому онъ просилъ объ исходатайствованіи высочайшаго соизволенія на продолженіе его отпуска до окончательнаго выздоровленія жены». По всеподданнѣйшему докладу о томъ государю императору, его величество высочайше повелѣть соизволилъ: «Срокъ отпуска коллежскаго регистратора Плещеева продолжить до поправленія здоровья жены его, послѣ разрѣшенія отъ бремени».

---

[1]) Оренбургская пограничная комиссія, какъ вѣдавшая, помимо киргизъ, еще сношенія съ средне-азіатскими ханствами, подчинялась министерству иностранныхъ дѣлъ до 1859 года, когда была переименована въ «Область оренбургскихъ киргизовъ» и подчинена министерству внутреннихъ дѣлъ.

Такимъ образомъ Алексѣй Николаевичъ остался въ Петербургѣ еще надолго, если не навсегда; по крайней мѣрѣ изъ дальнѣйшей переписки не видно, чтобы онъ пріѣзжалъ «къ новому мѣсту своего назначенія», то-есть въ г. Уфу.

IV.

Обидно и досадно становится иногда, когда наши провинціальные исторіографы и ученые и образованные старожилы въ своихъ воспоминаніяхъ, вмѣсто того, чтобы давать нужные и интересные матеріалы о прежнихъ дѣятеляхъ, часто на страницахъ мѣстныхъ изданій просто переливаютъ изъ пустого въ порожнее и преподносятъ такія свѣдѣнія, которыя или совершенно никому и ни для чего не нужны, или же опровергаются не только архивными данными, но даже здравою логикой.

Не смотря на то, что край Оренбургскій очень богатъ былою стариной и бывшими общественными и административными дѣятелями, — въ немъ побывало и жило много ученыхъ, художниковъ, литераторовъ и поэтовъ, и было бы что поразсказать старичкамъ своимъ дѣтямъ, но у насъ нѣтъ никакихъ воспоминаній даже о такихъ литературныхъ дѣятеляхъ, какъ Даль, оба Григорьевы (В. В. и А. А.), Бронниковъ, Ильминскій, потомъ Н. В. Успенскій, А—ндръ М. Жемчужниковъ, Шевченко и наконецъ Плещеевъ. О художественной дѣятельности въ Оренбургскомъ краѣ Шевченка есть, впрочемъ, нѣкоторыя отрывочныя данныя въ печати («Историческій Вѣстникъ», 1886 г., № 1), но о поэтическомъ творчествѣ А. Н. Плещеева еще до сей поры не повѣдали ничего его бывшіе сослуживцы, его друзья-товарищи, хотя ихъ не мало здравствуетъ въ Оренбургѣ. Только одинъ изъ старожиловъ оренбургскихъ, по истеченіи трехъ лѣтъ со дня смерти поэта, обмолвился словечкомъ и на страницахъ «Тургайской Газеты» (№ 1 за 1896 г.) разсказалъ такой интересный, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма сомнительный анекдотъ.

«Однажды, находясь въ гостяхъ у автора воспоминаній (то-есть старожила), Алексѣй Николаевичъ слышалъ соболѣзнованія одной барышни, по поводу отъѣзда въ киргизскую степь молодого человѣка Ж.[1]), любимца и баловня общества. Ж. былъ командированъ въ укрѣпленіе Раимъ, Сыръ-Дарьинской области (?), и въ Букеевскую орду на Рынъ-Пески, и барышня сильно жалѣла его. Алексѣй Николаевичъ, услышавъ это, вышелъ въ кабинетъ и, спустя немного, вернулся съ листомъ бумаги, который передалъ тосковавшей барышнѣ. На листѣ было написано.

---

[1]) Очевидно, Александръ Михайловичъ Жемчужниковъ, племянникъ Перовскаго и братъ поэта Алексѣя Жемчужникова.

«Онъ ушелъ на Раимъ
«Вмѣстѣ съ сердцемъ моимъ,
«Унесъ душу мою
«За рѣку Сыръ-Дарью.
«Пропадаю съ тоски...
«Онъ ушелъ въ Рынъ-Пески
«Славы, счастья искать
«И киргизокъ плѣнять.
«Ахъ! когда-бъ я могла,
«Я туда-жъ бы пошла,
«Тамъ осталась бы съ нимъ,
«Мнѣ, [illegible] милъ былъ Раимъ».

Прежде всего, въ разсказѣ г. Оренбургскаго старожила является полное незнакомство съ мѣстнымъ краемъ, а тѣмъ болѣе съ Плещеевымъ. Кому же, напримѣръ, неизвѣстно, что Рынъ-Пески находятся въ Астраханской губерніи, а укрѣпленіе Раимъ (или Аральское) существовало на берегахъ Сыръ-Дарьи, на разстояніи minimum въ 1.500 верстъ отъ перваго и совершенно въ противоположной сторонѣ края. Уже по одному этому трудно повѣрить, что «молодой человѣкъ Ж.» былъ командированъ въ одно и то же время и туда и сюда. Мало этого, сомнительность подобнаго разсказа будетъ еще болѣе очевидною, если припомнить, что съ 1853 по 1856 годъ Плещеевъ находился въ Акъ-Мечети безвыѣздно, когда за этотъ періодъ въ 1855 году Раимское укрѣпленіе было уже уничтожено[1]). Слѣдовательно, какимъ же образомъ въ это время могъ быть въ Ораніенбаумѣ Алексѣй Николаевичъ и писать о Раимѣ? Далѣе еще одна подробность. Во время ссылки Плещеева «Сыръ-Дарьинской области» въ Ораніенбаумѣ краѣ еще не существовало. Она была образована уже послѣ отъѣзда изъ Оренбурга Алексѣя Николаевича въ 1859 году и сначала называлась «Областью Сыръ-Дарьинскихъ киргизовъ», и лишь въ 1868 году приняла названіе «Сыръ-Дарьинской».

Впрочемъ, можетъ быть, г. старожилъ пріурочиваетъ разсказъ свой ко времени пребыванія Плещеева въ Оренбургѣ, съ 25-го марта 1852 года по 2-е марта 1853 года, то-есть до того времени, когда онъ былъ переведенъ изъ № 3-го въ № 4-й батальонъ, стоявшій (до выступленія, 15-го мая 1853 года, въ Коканскій походъ) въ крѣпости Илецкой защитѣ. Но и это врядъ ли можетъ быть правдоподобнымъ. Если ужъ Алексѣй Николаевичъ не могъ свободно пользоваться отпусками, живя въ Оренбургѣ, а для этого испрашивалось особое разрѣшеніе корпуснаго командира, то какъ же могли позволить ему писать и сочинять стихи. Состоя во время «солдатчины» подъ строгимъ надзоромъ онъ, какъ и всѣ вообще солдаты, жившіе въ казармахъ, ни въ какомъ случаѣ не имѣлъ

---

[1]) «Русская Старина», 1896 г., VI, 542, в. 1.

даже права держать у себя бумагу, перья и чернила, а для написанія какого нибудь письма долженъ былъ обращаться за этими предметами къ своему дядькѣ или въ крайнемъ случаѣ къ фельдфебелю. Вообще въ данномъ случаѣ трудно провѣрить фактически сказанія оренбургскаго старожила, такъ какъ онъ не указываетъ, хотя бы приблизительно, времени появленія на свѣтъ этого Плещеевскаго экспромта.

Намъ извѣстно, однако, что Алексѣй Николаевичъ ничего не написалъ за время своей ссылки. По крайней мѣрѣ въ періодъ съ 1850 по 1858 годъ ничего не появилось у него въ печати. Этому, конечно, препятствовалъ не только тяжелый гнетъ неволи, но и полное отсутствіе поэтическихъ образцовъ, книгъ, газетъ, журналовъ, по которымъ можно было бы слѣдить за направленіемъ тогдашней литературы, и, наконецъ, отсутствіе разумныхъ руководителей, что всего нужнѣе было молодому еще неокрѣпшему поэту. Такимъ образомъ, все это, вмѣстѣ взятое, невольно должно было отозваться на поэтическомъ творчествѣ Плещеева. Достаточно уже припомнить то, какъ онъ «отъемомъ отнялъ» у моего отца сборникъ старыхъ пѣсенъ русскихъ, чтобы судить о томъ, насколько дорожилъ онъ стихотворными образцами, какъ жаждалъ еще больше просвѣтить самого себя и искалъ себѣ руководствъ, которыя на рѣдкость въ Оренбургѣ и по сію пору.

Какъ увидимъ ниже, въ то время общество оренбургское совсѣмъ не интересовалось литературой, и періодическихъ изданій, не говоря уже о книгахъ, выписывалось такъ мало, что эта причина заставила Перовскаго, для потребности города и края, устроить въ 1854 году при своей канцеляріи публичную библіотеку. Тогда въ Оренбургѣ была рознь повсюду. Въ обществѣ замѣчались три совершенно отдѣльныхъ одна отъ другой корпораціи. Большинство составляло военный элементъ, веселившійся, ни о чемъ серьезномъ не думавшій и имѣвшій конечною цѣлію полученіе чиновъ, наградъ и прибыльныхъ командировокъ. Оно жило особнякомъ отъ другихъ сословій и въ свою среду не допускало никого изъ постороннихъ, за исключеніемъ и то въ рѣдкихъ случаяхъ «чиновнаго» класса. Поэтому различные столоначальники, дѣлопроизводители и прочіе гражданскіе чины не военныхъ управленій составляли свой отдѣльный кружокъ, вели жизнь замкнутую и, кромѣ сношеній, отношеній, рапортовъ и предписаній», не интересовались больше ничѣмъ, развѣ только «рыбалкой», гдѣ лучше—на Уралѣ или Сакмарѣ. Торговый же людъ, преслѣдовавшій только одну наживу и мечтавшій лишь какъ бы получше «надуть» или «обдѣлать» киргиза или хивинца, былъ очень далекъ отъ высокихъ идей и какого либо умственнаго развитія. Достаточно сказать, что въ это время въ Оренбургѣ для воспитанія и образованія лицъ привилегированнаго сословія существовали Неплюевскій кадетскій корпусъ (съ 1824 г.)

и женскій институтъ (съ 1832 г. III класса, а съ 1848 г. II разряда), тогда какъ для прочихъ сословій было лишь одно приходское училище (съ 1832 г.).

Конечно, при такихъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, да еще обремененный службой, Плещеевъ и не могъ подарить ничѣмъ читающую публику въ періодъ своей ссылки. Зато, вырвавшись на волю, онъ въ слѣдующемъ же году описалъ свои оренбургскія впечатлѣнія въ повѣсти «Пашинцевъ» («Русскій Вѣстникъ», 1859 года, ноябрь и декабрь), которая, какъ говоритъ корреспондентъ мѣстныхъ «Губернскихъ Вѣдомостей» [1]), произвела такой сильный переворотъ въ «столицѣ степей», что многіе, не читавшіе никогда журналовъ, стали интересоваться ими.

«Главный предметъ, которымъ занимается въ настоящее время Оренбургъ, — пишетъ онъ, — литература [2]). Оренбургъ превратился въ кабинетъ для чтенія: оренбуржцы читаютъ съ увлеченіемъ, разсуждаютъ, спорятъ, осуждаютъ или одобряютъ прочитанное. Львомъ Оренбурга — Плещеевъ; его «Пашинцевъ» надѣлалъ много шума. «Русскій Вѣстникъ» переходитъ изъ рукъ въ руки, его читаютъ съ жадностію; поля Плещеевской повѣсти носятъ замѣтки и объяснительныя надписи для непосвященныхъ въ тайны общественной жизни Оренбурга. Здѣсь не мѣсто разбирать это произведеніе, повторяю только, что «Пашинцевъ» возбуждаетъ здѣсь живой интересъ. «Русскій Вѣстникъ» теперь зачастую выглядываетъ изъ широкихъ кармановъ военныхъ шинелей; это я замѣтилъ даже въ католическомъ костелѣ».

Значитъ сильно было увлеченіе, что журналъ носили въ церковь. А еще сильнѣе возбуждено было любопытство — кого и какъ «пробралъ» Алексѣй Николаевичъ. Имена и фамиліи дѣйствующихъ лицъ, хотя вымышленныя, поставлены были на столько прозрачно, что даже чрезъ 30 лѣтъ послѣ описываемаго событія, по архивнымъ источникамъ, не трудно угадать нѣкоторыхъ выдающихся дѣятелей административнаго управленія, названной Плещеевымъ, «Ухабинской губерніи». Тутъ фигурировалъ и губернаторъ, «старенькій, сѣденькій, сутуловатый, съ большой лысиной на макушкѣ», и правитель его канцеляріи Глѣбовъ, названный Плещеевымъ «Глыбинымъ», и родственникъ губернатора «Гагинъ», адъютантъ «Бычковъ», извѣстный мѣстный богачъ-помѣщикъ, графъ З. и другіе, фамиліи которыхъ пока не будемъ открывать, дабы «гусей не раздразнить».

Въ сущности повѣсть не представляетъ собой ничего особенно выдающагося. Это, если хотите, даже не повѣсть, какъ мы обыкно-

---

[1]) «Оренбургскія Губернскія Вѣдомости» (1860 г., № 7) въ то время до 1865 г. издавались въ городѣ Уфѣ, какъ центрѣ гражданскаго управленія губерніи.

[2]) Это выраженіе яснѣе всего подтверждаетъ, что до 1860 г. Оренбургъ не интересовался литературой.

венно привыкли понимать, съ бьющей на эффектъ романической завязкой и развязкой. Это просто безыскусственный пересказъ видѣннаго и слышаннаго, плохо, однако, обработанный въ художественномъ отношеніи. Ужъ слишкомъ много попадается въ ней совершенно ненужныхъ персонажей, изъ коихъ нѣкоторые совсѣмъ не играютъ никакой даже косвенной роли въ судьбѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, а особенно героя Пашинцева. Есть длинные, ничего необъясняющіе монологи. Мало удѣлено мѣста характеристикѣ героевъ съ психологической стороны, такъ что нѣкоторые изъ нихъ являются совсѣмъ безцвѣтными.

Судя по содержанію, дѣйствіе происходитъ во времена управленія Оренбургскимъ краемъ генерала Обручева, частію въ областномъ городѣ Ухабинскѣ, частію въ двухъ уѣздныхъ городахъ Крутогорскѣ и Трущобинскѣ (послѣдній пограничный городъ Оренбургской губерніи). Разсказывается самое обыденное, но интересное въ то время явленіе. Герой повѣсти Владиміръ Николаевичъ Пашинцевъ, молодой человѣкъ, испорченный и избалованный, матушкинъ сынокъ, ничему не научившійся, остается послѣ смерти своей матери Лидіи Евграфовны безъ всякихъ средствъ и намѣревается пустить себѣ пулю въ лобъ. На выручку является Павелъ Сергѣевичъ Глыбинъ, старый знакомый семейства Пашинцевыхъ, уговариваетъ молодого человѣка и увозитъ съ собой въ Ухабинскъ, гдѣ жена Глыбина Авдотья Ѳедоровна и дочь Лидія принимаютъ его, какъ родного. Съ помощію Глыбина Пашинцевъ поступаетъ на службу въ канцелярію губернатора. Дочь Глыбина вмѣстѣ съ женихомъ своимъ Яковомъ Петровичемъ Заворскимъ (Загорскій) общими усиліями стараются развить его, вложить ему частицу своихъ познаній и направить его къ добру. Пашинцевъ поддается ихъ воздѣйствію, его принимаютъ всюду въ обществѣ, губернаторъ его любитъ, карьера его упрочена. Но въ то время, когда молодой человѣкъ, казалось, окрѣпъ, и гнѣздившіяся въ немъ порочныя наклонности мало-по-малу угасаютъ, его назначаютъ для производства слѣдствія въ Трущобинскъ, гдѣ онъ знакомится съ дочерью капитана Василькова, Надей, за которою ухаживалъ учитель Сорочкинъ. Дѣвушка влюбляется въ Пашинцева и отказываетъ своему жениху Сорочкину. Тотъ запиваетъ горькую и сходитъ съ ума. Между тѣмъ, проѣздомъ изъ Петербурга въ этомъ городѣ останавливается кузина героя Sophie, вмѣстѣ съ мужемъ, ѣдущимъ на службу въ Ухабинскъ. Пашинцевъ случайно встрѣчается съ ней, бросаетъ Надю и въ тотъ же день съ Софіей и ея мужемъ уѣзжаетъ изъ Крутогорска. Въ Ухабинскѣ онъ всѣми силами старается обратить на себя вниманіе кузины, но та, любящая наряды, предпочитаетъ ему адъютанта Бычкова, отъявленнаго картежника и шулера, человѣка сомнительной репутаціи, но богатаго, который часто снабжаетъ ее деньгами и подарками. Въ погонѣ за средствами Пашинцевъ пу-

стился въ азартную игру, но проигрываетъ Бычкову около 6.000 рублей. Расплатиться ему нечѣмъ, онъ выдаетъ вексель. Въ это время изъ Трущобинска получается жалоба на неправильныя и хищныя дѣйствія откупщика. Губернаторъ, какъ зарекомендовавшаго себя строгимъ исполненіемъ чиновника, посылаетъ произвести слѣдствіе Пашинцева. Послѣдній ѣдетъ нехотя отъ своей возлюбленной Софіи. Гложетъ его злоба, что въ его отсутствіе она достанется другому. На мѣстѣ слѣдствія откупщикъ подсылаетъ ему взятку, онъ отказывается разъ, два. Откупщикъ начинаетъ дѣйствовать чрезъ Бычкова. Послѣдній присылаетъ Пашинцеву угрожающее письмо, съ требованіемъ немедленной уплаты карточнаго долга. Чтобы не быть безчестнымъ человѣкомъ, Пашинцевъ, наконецъ, соглашается принять отъ откупщика взятку и отправляетъ деньги Бычкову по почтѣ. Объ этомъ всѣ узнаютъ въ городѣ, и на него въ канцеляріи губернатора получается доносъ сначала отъ частнаго лица, а потомъ отъ исправника. По молодости лѣтъ, его исключаютъ изъ службы, безъ правъ поступленія въ Ухабинской губерніи. Онъ опять остается безъ всякихъ средствъ. Всѣ отъ него отворачиваются, всѣ презираютъ. Нравственно потрясенный, онъ заболѣваетъ опасно, но передъ послѣднимъ концомъ вспоминаетъ свою первую учительницу и добрую наставницу Лидію Глыбину, вышедшую уже замужъ за Заворскаго, пишетъ ей письмо, кается передъ ней, проситъ у ней прощенія въ своихъ поступкахъ и въ томъ, что онъ не оправдалъ ея надежды, проситъ не осуждать его и хотя когда нибудь помолиться за него.

— Совѣсть еще сохранилась въ немъ,— говоритъ Лидія и роняетъ горячую слезу надъ письмомъ умершаго «ближняго».

Тѣмъ повѣсть кончается. Оренбургскія сентиментальныя барышни, читая ее, не разъ, навѣрно, всплакнули надъ ней и пожалѣли ея героя.

П. Юдинъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ХОДѢ ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ [1].

Ъ САМАГО дѣтства у меня была любовь къ книгамъ, и знаменитыя имена писателей, ученыхъ и философовъ возбуждали во мнѣ благоговѣніе и желаніе познакомиться съ ихъ произведеніями. Тутъ было что-то невольное, какъ бы прирожденное; мнѣ и тогда, и потомъ, почти не случалось встрѣчать людей, у которыхъ эти чувства господствовали бы въ такой мѣрѣ, какъ у меня. Царство ума, новыя и древнія созданія мысли и творчества являлись мнѣ съ дѣтства, какъ далекое небо, обступившее меня со всѣхъ сторонъ и усѣянное прекрасными свѣтилами. Хорошая черта этой идеализаціи состояла въ томъ любопытствѣ, которое постоянно влекло меня ближе

---

[1]) Настоящая неоконченная статья была мнѣ передана Н. Н. Страховымъ 31 іюня 1895 года, наряду съ прочими біографическими матеріалами для составленія обзора его литературной дѣятельности, помѣщеннаго въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1896 года, № 4, стр. 215—268. По возвращеніи Н. Н. изъ его предсмертной поѣздки въ Крымъ, я убѣждалъ его докончить эту работу, но онъ отговаривался и слабостью, и недосугомъ. Такимъ образомъ, одна изъ лучшихъ статей покойнаго осталась недописанной. Тѣмъ не менѣе, однако же, она и въ теперешнемъ своемъ видѣ представляетъ изъ себя въ высшей степени интересное литературное произведеніе, какъ съ точки зрѣнія біографической и исторической, такъ и еще болѣе по оригинальности положенной въ ея основаніе идеи. Только человѣкъ, до такой степени жившій наукой и философіей, какъ Страховъ, могъ написать *воспоминанія* не о своей личной жизни, не о своемъ развитіи, а *о ходѣ философской литературы*. Съ этой точки зрѣнія можно даже пожалѣть, что въ написанной и нынѣ печатаемой части «Воспоминаній» чисто біографическій элементъ нѣсколько преобладаетъ надъ основнымъ содержаніемъ; но отъ этого преобладанія статья, быть можетъ, только выигрываетъ въ занимательности и общедоступности.

Б. Никольскій.

познакомиться съ этими свѣтилами; дурная черта въ томъ, что вниманіе разсѣивалось, и что увѣренность въ своихъ мысляхъ и чувствахъ росла слишкомъ медленно подъ давленіемъ авторитетовъ. Гораздо устойчивѣе и опредѣленнѣе настроеніе тѣхъ умовъ, которые сперва прямо усвоиваютъ себѣ понятія своего времени и окружающихъ людей, и которые отсюда начинаютъ свой собственный трудъ въ исканіи истины, то-есть, или ведутъ эти понятія дальше, или вооружаются противъ нихъ, и въ борьбѣ съ ними ищутъ новыхъ путей. Но представьте другое настроеніе, когда человѣкъ заранѣе увѣренъ, что область истины отъ него далека и трудно ему доступна, но что эта область несомнѣнно существуетъ, богатая и прекрасная, созданная усиліями многихъ вѣковъ и народовъ. Узнать эти сокровища, найденныя другими,—вотъ что нужно сдѣлать, и это важнѣе, чѣмъ пытаться самому рѣшать вопросы, самому подыматься на высшую точку умозрѣнія. Что значитъ отдѣльное лицо въ сравненіи со всею исторіею ума человѣческаго? Глубочайшія истины, конечно, искони были доступны людямъ высокихъ душевныхъ силъ, какъ объ этомъ говоритъ Гёте:

Das Wahre war schon längst gefunden,
Hat edle Geisterschaft verbunden;
Das alte Wahre, fass es an!

Съ такими и подобными мыслями пустился я въ то плаваніе по морю книгъ, которое началъ съ отрочества и продолжаю до сихъ поръ. Царство книгъ, дѣйствительно, можетъ быть названо моремъ,—такъ оно необозримо, такъ много въ немъ однообразныхъ пространствъ, и такія дива можно въ немъ найти или скрытыя въ глубинѣ, или выдающіяся надъ уровнемъ, какъ острова и скалы, давно всѣмъ извѣстные, по крайней мѣрѣ, по слуху. Принадлежа, такимъ образомъ, къ числу людей, въ жизни которыхъ книги значатъ очень много, я задумалъ сдѣлать характеристику книгъ, особенно меня занимавшихъ, и именно книгъ, относящихся къ философіи. Располагая эти замѣтки въ видѣ воспоминаній, то-есть, въ хронологическомъ порядкѣ, я желалъ бы при этомъ уловить хотя нѣкоторыя черты того хода философской литературы, который мнѣ довелось пережить, то-есть и движенія философіи въ Европѣ, и различныхъ явленій философскаго характера въ русской литературѣ.

I.

Формальная логика.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ Костромская семинарія, въ которой я мальчикомъ проходилъ двухгодичный классъ философіи, была очень бѣдна книгами. Даже учебныя книги были очень рѣдки. Общаго употребленія печатныхъ учебниковъ не существовало: такіе

учебники были бы даже не по средствамъ большей части учащихся, дѣтей бѣднаго сельскаго духовенства, которые часто приходили въ классы лѣтомъ въ крашенинныхъ халатахъ, а зимою въ нагольныхъ тулупахъ и лаптяхъ. Обученіе совершалось при помощи тетрадокъ, въ которыя каждый ученикъ списывалъ курсъ профессора (такъ назывались наши наставники).

Въ философскомъ классѣ каждый день былъ двухчасовой урокъ философіи, и въ теченіе двухъ лѣтъ проходилась логика и психологія. Кромѣ того, тотъ же профессоръ два раза въ недѣлю читалъ съ нами De officiis Цицерона. Въ этомъ состояли наши главныя занятія.

Пройденный нами курсъ логики былъ мнѣ очень полезенъ, именно прочно утвердилъ въ памяти основныя понятія формальной логики. Впослѣдствіи я узналъ, что наши тетрадки по логикѣ были простымъ спискомъ съ Руководства по логикѣ Николая Рождественскаго. Это руководство было издано департаментомъ народнаго просвѣщенія, слѣдовательно было въ министерствѣ просвѣщенія офиціальнымъ учебникомъ; оно имѣло пять изданій съ 1826 по 1844 гг. Авторъ самъ указываетъ, что онъ держался въ своей книгѣ сочиненія Готтлиба Эрнста Шульце: Grundsätze der allegemeinen Logik. А этотъ Шульце, какъ извѣстно, былъ скептикомъ и прославился возраженіями противъ Канта.

Скажу сперва о преподаваніи. Изложеніе логики занимаетъ у Рождественскаго меньше полутораста страницъ небольшаго размѣра и крупнаго шрифта. И мы посвящали на ихъ изученіе цѣлый годъ по шести уроковъ въ недѣлю. Понятно, что на урокъ приходилась страница или полторы. Ученики побойчѣе справлялись съ этимъ шутя; они не только ничего не готовили дома, а даже часто не имѣли своихъ тетрадокъ. Передъ классомъ по чужой тетрадкѣ въ пять или десять минутъ прочитывался урокъ, затверживались два-три термина, и все остальное время можно было ничего не дѣлать. Часы классовъ у профессора уходили на лѣнивое спрашиваніе учениковъ, число которыхъ доходило до восьмидесяти, и нѣсколько минутъ посвящалось на объясненіе слѣдующаго урока. Не могу вспомнить объ этомъ безъ жалости и досады на ту праздность, въ которой мы жили. Если бы я не придумалъ себѣ своего особаго занятія—приготовленія къ университету, время у меня оставалось бы совершенно пустымъ.

Но, какъ я сказалъ, преподаваніе логики было мнѣ все-таки полезно. Шульце, какъ скептикъ, не уклонялся за предѣлы формальной логики, а формальная логика, вообще говоря, составляетъ превосходный учебный предметъ, т.-е. можетъ быть усвояема точно и отчетливо. Свойство это зависитъ отъ ея односторонности, отъ того, что она беретъ мышленіе лишь съ одной, строго опредѣленой, точки зрѣнія. И успѣхъ преподаванія зависитъ именно отъ выдерживанія

этой точки, отъ сознательнаго ограниченія себя одною стороною дѣла. Напримѣръ, что такое понятіе? Оно, конечно, есть нѣчто единое, и въ этомъ единствѣ состоитъ его глубочайшая природа, его тайна. Но можно не касаться этой природы, а взять дѣло съ той стороны, что понятіе содержитъ въ себѣ различные признаки, что оно есть какъ бы сумма этихъ признаковъ. Тогда мы сейчасъ получимъ понятія, содержащія много признаковъ, и понятія, содержащія мало признаковъ, понятія, у которыхъ есть одинаковые признаки, въ бо́льшемъ или меньшемъ числѣ, и понятія, не имѣющія одинаковыхъ признаковъ и т. д.

Точно такъ, отношенія между понятіями есть въ сущности вопросъ глубокій, ибо зависятъ отъ ихъ внутренней природы [1]). Но можно взять эти отношенія съ чисто внѣшней ихъ стороны. Каждое общее понятіе приложимо ко многимъ предметамъ. Мы выразили бы это отношеніе очень грубо и несоотвѣтственно сущности дѣла, если бы сказали, что эти предметы суть части своего понятія, напримѣръ, что всѣ люди суть части понятія человѣкъ [2]). Гораздо правильнѣе мы выразимъ это отношеніе, если скажемъ, что понятіе какъ бы обнимаетъ свои предметы, то-есть, представляетъ особое и опредѣленное очертаніе, которое не составляется изъ совокупности предметовъ, въ которое можетъ входить каждый предметъ этого рода и для котораго все равно, много ли, или мало этихъ предметовъ. Если, потомъ, мы станемъ разсматривать различныя понятія, мы увидимъ, что также одни изъ нихъ входятъ въ другія, напримѣръ, въ понятіе животнаго входятъ понятія птицы, рыбы и т. д. Если мы съ этой стороны возьмемъ отношенія между понятіями, то и получимъ цѣлый рядъ положеній и правилъ, которыя и изучаются въ формальной логикѣ.

Не нужно только забывать, что, какъ признаки понятія не составляютъ простой суммы, а имѣютъ между собою внутреннюю связь, такъ и отношенія между понятіями не исчерпываются отношеніями ихъ объемовъ. Птица и рыба не просто входятъ въ понятіе животнаго; онѣ составляютъ нѣкоторое слѣдствіе этого понятія, онѣ изъ него вытекаютъ,—во всякомъ случаѣ имѣютъ съ нимъ не одну внѣшнюю связь.

Шопенгауеръ пишетъ: «Представленіе сферъ понятій посредствомъ пространственныхъ фигуръ есть мысль чрезвычайно счастливая».

---

[1]) Настоящая фраза невольно поражаетъ читателя незаконченностью своей постройки; но она и не единственная въ своемъ родѣ на протяженіи настоящей статьи, которую авторъ не успѣлъ подвергнуть окончательной обработкѣ. Б. Н.

[2]) Натуралисты, увлекаемые объективностью своего предмета, иногда впадаютъ въ эту ошибку. Такъ Викторъ Карусъ говоритъ о «тѣхъ собраніяхъ тѣлъ, которыя называются видами». System der thierischen Morphologie, 1853 г., стр. 4. Конечно, тутъ разумѣются собранія въ умѣ, а не въ дѣйствительности.

Прим. Н. Н. Страхова.

«Эйлеръ первый выполнилъ ее посредствомъ круговъ. На чемъ въ въ концѣ концовъ основывается эта столь точная аналогія между отношеніями понятій и отношеніями пространственныхъ фигуръ, я не умѣю объяснить. Между тѣмъ, для логики очень благопріятно то обстоятельство, что всѣ отношенія понятій даже въ самой ихъ возможности, т. е. a priori, могутъ быть наглядно представлены посредствомъ такихъ фигуръ» [1]).

Разгадка, конечно, заключается въ томъ, что берутся только отношенія, аналогичныя пространственнымъ, чисто внѣшнія. Шопенгауеръ чувствовалъ, что природа понятій есть нѣчто высокое и сложное сравнительно съ пространствомъ; но онъ напрасно думалъ, что отношенія между ними дѣйствительно исчерпываются отношеніями Эйлеровыхъ круговъ.

Преподаваніе психологіи велось все по первой же книжкѣ Рождественскаго; она начиналась «краткими психологическими свѣдѣніями», которыя намъ профессоръ только нѣсколько пополнилъ. Изъ этого курса психологіи я не вынесъ, кажется, никакого твердаго пріобрѣтенія, кромѣ, пожалуй, раздѣленія душевныхъ силъ на умъ, чувство и волю. Это дѣленіе самое ясное и естественное, ибо оно соотвѣтствуетъ той общей схемѣ, подъ которую мы обыкновенно подводимъ явленія отдѣльнаго предмета. Всякій предметъ воспринимаетъ дѣйствія другихъ предметовъ, измѣняется отъ этихъ дѣйствій и, сообразно съ этимъ, самъ воздѣйствуетъ на окружающіе предметы.

II.

Религія и патріотизмъ.

Чтеніе De officiis не оставило во мнѣ никакого живого впечатлѣнія, не заронило никакого зерна философскихъ понятій о нравственности. Причиною этого была не столько безцвѣтность книги Цицерона, сколько самый способъ чтенія, при которомъ и наилучшая книга потеряла бы свой смыслъ и цвѣтъ. Это было какъ бы продолженіе латинскихъ уроковъ. Лѣниво и спотыкаясь переводилось во время урока десять или пятнадцать строкъ, причемъ все вниманіе уходило на опредѣленіе грамматическаго построенія фразы и на точный переводъ отдѣльныхъ словъ и оборотовъ. Теченіе и связь мыслей совершенно пропадала изъ виду. Между тѣмъ никакой красоты рѣчи нельзя почувствовать, если мы не читаемъ текста бѣгло, ничуть не думая о грамматикѣ; никакого развитія мыслей и образовъ нельзя понять и оцѣнить, если прочитываемъ заразъ лишь нѣсколько строкъ, а не нѣсколько страницъ. Вотъ отчего ученики

---

[1]) Die Welt als Wille, 1873, т. I, стр. 50.

классической школы часто не имѣютъ никакого понятія о томъ, что они читали столько лѣтъ для утвержденія себя въ правилахъ латинской и греческой грамматики.

Мнѣ странно вспомнить, что, однако, не смотря на наше бездѣйствіе, несмотря на повальную лѣнь, которой предавались и ученики и учащіе, какой-то живой умственный духъ не покидалъ нашей семинаріи и сообщился мнѣ. Уваженіе къ уму и къ наукѣ было величайшее; самолюбія на этомъ поприщѣ разгорались и соперничали безпрестанно; мы принимались умствовать и спорить при всякомъ удобномъ поводѣ, писались иногда стихи, разсужденія, передавались разсказы объ удивительныхъ подвигахъ ума, совершавшихся архіереями, въ академіяхъ и т. д. Словомъ, у насъ господствовала очень живая любовь къ учености и глубокомыслію, но, увы! любовь почти совершенно платоническая, только издали восхищающаяся своимъ предметомъ.

Наши умы и души имѣли, впрочемъ, свое опредѣленное содержаніе, именно—были проникнуты религіозными представленіями. Невѣрующихъ и вольнодумцевъ у насъ вовсе не было, и мы были твердо убѣждены, что отрицаніе религіи есть крайняя уродливость, чрезвычайно рѣдко встрѣчающаяся въ родѣ человѣческомъ. Такимъ образомъ, мы вполнѣ испытали на себѣ вліяніе религіи, мы были воспитаны подъ ея верховнымъ руководствомъ.

Легко это сказать, легко произнести это слово—религія; но вовсе не легко возсоздать въ своемъ умѣ тотъ смыслъ, который дѣйствительно соотвѣтствуетъ этому слову. Люди обыкновенно привыкають ко всякимъ словамъ. Мы забываемъ понемногу высокое значеніе словъ и сводимъ его на уровень нашей низменности и пошлости, такъ что потомъ намъ трудно бываетъ возстановить то, что мы когда-то понимали, а часто случается, что высшій смыслъ словъ, несмотря на ихъ безпрестанное употребленіе, намъ остается совершенно неизвѣстнымъ.

Религіозныя представленія ставятъ насъ въ такія отношенія ко всему остальному бытію, передъ которыми мелки и ничтожны всякія другія отношенія. Жизнь обращается въ глубокую драму, въ поприще роковой борьбы. Вмѣсто безцѣльнаго существованія, проводимаго среди будничныхъ нуждъ и будничныхъ радостей, человѣку предлагается подвигъ и указывается впереди или постоянная погибель, или безцѣнная награда. И все то, что было, что есть и что будетъ, получаетъ видъ несравненнаго величія и яркости. Даются представленія о существахъ безконечно высокихъ и прекрасныхъ, въ которыхъ самые возвышенные идеалы составляютъ дѣйствительность. Опредѣляется весь ходъ и смыслъ бытія, извѣстно начало всего мірозданія и начало человѣческой исторіи, извѣстенъ и конецъ ея, и то устье, которымъ она нѣкогда впадетъ въ свѣтлый океанъ вѣчности. По истинѣ, религія, если взять ее со стороны чув-

ства и понятій, составляетъ дѣйствительное доказательство благородства души человѣческой, и, если бы мы вообразили себѣ человѣчество безъ религіи, то намъ пришлось бы понизить его почти до степени животныхъ.

Сообразно съ этимъ великимъ содержаніемъ религіозныхъ представленій, всѣ ихъ воплощенія, всѣ попытки выразить ихъ во внѣшнихъ формахъ, имѣютъ наибольшую высоту, какая только возможна для человѣка. Какъ нѣтъ зданій, которыя по красотѣ и величію могли бы соперничать съ храмами, такъ нѣтъ пластики, живописи, музыки, которая подымалась бы выше религіозныхъ гимновъ, картинъ и изваяній. И человѣческое слово никогда не достигало, да и не можетъ достигнуть, большаго могущества и величія, чѣмъ то, которое оно получило въ священномъ писаніи. Если бы у насъ не было Библіи, мы не умѣли бы, кажется, выразить множества нашихъ чувствъ, не находили бы словъ именно для лучшихъ и высшихъ нашихъ мыслей.

Вотъ почему всякій, кто разъ въ жизни дѣйствительно воспринялъ вліяніе религіи, уже навсегда сохранитъ къ ней великое уваженіе, и если потеряетъ вѣру, то не можетъ, однако (по крайней мѣрѣ не долженъ), забыть вершинъ, на которыя восходила его душа, и будетъ употреблять всѣ силы, чтобы отыскать для себя другія, столь же высокія точки, если только такія точки существуютъ. Разумѣется, такъ является дѣло, если будемъ брать его существенную, главную сторону. Но есть темныя черты, неизбѣжныя вездѣ, гдѣ участвуетъ разнообразная и несовершенная человѣческая натура. Къ религіи обыкновенно примѣшиваются суевѣрныя и изувѣрныя представленія, и мы, конечно, не были вполнѣ отъ нихъ свободны. Наше настроеніе не было однимъ чистымъ благоговѣніемъ, а имѣло тотъ оттѣнокъ, который религію любви часто обращаетъ въ религію страха и побуждаетъ людей смотрѣть на себя, не какъ на сыновъ божіихъ, но какъ на отверженныхъ. Но не буду вдаваться въ анализъ какихъ бы то ни было недостатковъ въ нашихъ тогдашнихъ понятіяхъ и чувствахъ относительно религіи; я хотѣлъ только сказать, что существенное, главное содержаніе религіи было тѣмъ высокимъ и незыблемо-твердымъ руководствомъ, подъ которымъ мы жили и развивали свои душевныя силы. Въ одномъ отношеніи идеалъ воспитанія у насъ былъ совершенно осуществленъ; ибо полное право воспитывать не должно ли принадлежать лишь тому, кто знаетъ высшія и неизмѣнныя основы жизни?

И еще въ другомъ отношеніи мнѣ слѣдуетъ помянуть добромъ этотъ Богоявленскій монастырь, гдѣ я прожилъ пять лѣтъ и гдѣ помѣщалась наша семинарія. Это былъ бѣднѣйшій и почти опустѣвшій монастырь,—въ немъ было, кажется, не больше восьми монаховъ; но это былъ старинный монастырь, основанный еще въ XV вѣкѣ. Стѣны его были облуплены, крыши по мѣстамъ оборваны;

но это были высокія крѣпостныя стѣны, на которыя можно было всходить, съ башнями по угламъ, съ зубцами и бойницами по всему верхнему краю. Вездѣ были признаки старины: тѣсная соборная церковь съ темными образами, длинныя пушки, лежавшія кучей подъ нижнимъ открытымъ сводомъ, колокола съ старинными надписями. И прямое продолженіе этой старины составляла наша жизнь: и эти монахи со своими молитвами, и эти пять или шесть сотенъ подростковъ, сходившихся сюда для своихъ умственныхъ занятій. Пусть все это было бѣдно, лѣниво, слабо; но все вмѣстѣ имѣло совершенно опредѣленный смыслъ и характеръ, на всемъ лежала печать своеобразной жизни. Тутъ не было того смѣшенія всякихъ стилей, или, вѣрнѣе, того отсутствія всякаго стиля, которымъ часто отличаются формы нашей городской, особенно петербургской жизни. Люди, растущіе среди этой безцвѣтности (многоцвѣтности), не могутъ вынести изъ нея никакого яснаго склада чувствъ и мыслей, все равно, какъ если бы росли въ гостиницѣ на большой дорогѣ, гдѣ нѣтъ ни опредѣленныхъ нравовъ, ни опредѣленныхъ взглядовъ, и гдѣ смѣшиваются и смѣняются жильцы всякихъ странъ и всякаго рода положеній. Вотъ почему самую скудную жизнь, если она, какъ подобаетъ жизни, имѣетъ внутреннюю цѣльность и своеобразіе, нужно предпочесть самому богатому накопленію жизненныхъ элементовъ, если они органически не связаны и не подчинены одному началу.

Въ нашемъ глухомъ монастырѣ мы росли, можно сказать, какъ дѣти Россіи. Не было сомнѣнія, не было самой возможности сомнѣнія въ томъ, что она насъ породила и она насъ питаетъ, что мы готовимся ей служить и должны оказывать ей повиновеніе и всякій страхъ и всякую любовь. Эти мысли были для насъ столь же естественны и просты, какъ то, что мы дышимъ воздухомъ и пользуемся свѣтомъ солнца. Патріотизмъ очень часто выставляется, какъ узкое чувство народнаго эгоизма, или какъ нелѣпое чувство народнаго самодовольства. Эгоистъ, по существу дѣла, бываетъ расположенъ къ космополитизму, и тотъ, кто любитъ становиться въ своихъ мысляхъ выше своего народа, естественно, считаетъ нелѣпостію авторитетъ «народнаго духа». Если патріотизмъ противенъ такимъ людямъ, то этимъ только указывается, что онъ, наоборотъ, противорѣчитъ эгоизму и самодовольству отдѣльнаго человѣка. Настоящій, глубокій источникъ патріотизма есть преданность, уваженіе, любовь,— нормальныя чувства человѣка, растущаго въ естественномъ единеніи со своимъ народомъ. Хорошо или дурно, много или мало, но именно эти чувства воспитывала въ насъ наша бѣдная семинарія.

III.

Естественныя науки.

Съ самаго начала 1845 года я сталъ ходить въ Петербургскій университетъ, сперва какъ вольно-слушатель, а съ августа мѣсяца, какъ студентъ.

Здѣсь почти съ первыхъ же мѣсяцевъ мнѣ открылось существованіе такихъ мнѣній и ученій, которыхъ и не подозрѣвалъ мальчикъ, начавшій свою умственную жизнь въ глухой провинціи. Первый же товарищъ, съ которымъ я сблизился и съ которымъ даже потомъ жилъ у его матери, А. В. Л—ій, оказался совершеннымъ отрицателемъ, полнымъ нигилистомъ. И отголоски его мыслей я встрѣчалъ постоянно. Въ знаменитомъ университетскомъ коридорѣ доводилось слышать то разсужденія о томъ, что вѣра въ Бога есть непростительная умственная слабость, то похвалы системѣ Фурье и увѣренія въ ея непремѣнномъ осуществленіи. А мелкая критика религіозныхъ понятій и существующаго порядка была ежедневнымъ явленіемъ. Профессора рѣдко позволяли себѣ вольнодумные намеки и дѣлали ихъ чрезвычайно сдержанно; но мои товарищи сейчасъ же объясняли мнѣ смыслъ намековъ. Профессоръ зоологіи (зачеркнуто: Степанъ Куторга) былъ особенно цѣнимъ за то, что считался матеріалистомъ и дѣлалъ иногда едва замѣтныя выходки въ пользу матеріализма.

Пріятель Л—ій былъ очень хорошимъ моимъ руководителемъ въ этой области. Онъ былъ очень боекъ и уменъ. Онъ объяснялъ мнѣ направленіе журналовъ, растолковалъ, какой смыслъ придается стихотворенію

Впередъ, безъ страха и сомнѣнья
На подвигъ доблестный, друзья!

разсказывалъ сужденія и рѣчи болѣе зрѣлыхъ людей, отъ которыхъ онъ научился своему вольнодумству. Наши разговоры онъ постоянно пересыпалъ насмѣшками и издѣвательствомъ надъ тѣмъ, что я уважалъ и считалъ священнымъ.

Такимъ образомъ, уже тогда я вполнѣ познакомился съ этою сокровенною мудростью, и когда, спустя десять или болѣе лѣтъ, она стала все яснѣе и громче высказываться въ литературѣ, она уже ничуть не была для меня новостію. Говорю, конечно, о самомъ принципѣ этого направленія, о немногосложной формулѣ отрицанія; символъ вѣры отрицателей, какъ извѣстно, очень простъ и иногда состоитъ лишь изъ двухъ краткихъ членовъ: Бога нѣтъ, а царя не надо.

Читатель легко представитъ, что все это вольнодумство сильно поразило меня. Не стану разсказывать здѣсь борьбы, которая во

мнѣ поднялась, и разныхъ періодовъ, черезъ которые она проходила. Мнѣ хочется указать только то, что характеризуетъ тогдашнее общее настроеніе. Отрицаніе и сомнѣніе, въ атмосферу которыхъ я попалъ, сами по себѣ не могли имѣть большой силы. Но я тотчасъ увидѣлъ, что за ними стоитъ положительный и очень твердый авторитетъ, на который они опираются, именно, авторитетъ естественныхъ наукъ. Ссылки на эти науки дѣлались безпрерывно; матеріализмъ и всяческій нигилизмъ выдавались за прямые выводы естествознанія. И вообще твердо исповѣдывалось убѣжденіе, что только натуралисты находятся на вѣрномъ пути познанія и могутъ правильно судить о самыхъ важныхъ вопросахъ.

И такъ, если я хотѣлъ «стать съ вѣкомъ наравнѣ» и имѣть самостоятельное сужденіе въ разногласіяхъ, которыя меня занимали, мнѣ нужно было познакомиться съ естественными науками. Такъ я и рѣшилъ сдѣлать и, не смотря на нѣкоторыя препятствія, никакъ не отступалъ отъ этого рѣшенія и понемногу привелъ его въ исполненіе. Въ университетъ я поступилъ на математическій факультетъ ради возможности получать стипендію или быть принятымъ въ число казенныхъ студентовъ. Хотя математическій факультетъ есть ближайшій къ естественному, мнѣ очень жаль было этого отклоненія отъ прямой линіи. Но дѣло, къ счастію, потомъ поправилось и даже съ избыткомъ. Перейдя въ казенные студенты педагогическаго института, я тамъ обязанъ былъ слушать не только полный курсъ математики, но и полный курсъ естественныхъ наукъ. Таковъ былъ въ институтѣ составъ преподаванія на математическомъ факультутѣ, равнявшемся, поэтому, двумъ факультетамъ университета. По окончаніи курса я выбралъ своею спеціальностью зоологію и черезъ пять или шесть лѣтъ получилъ степень магистра этой науки. Зоологію я выбралъ потому, что она всего ближе къ самому узлу вопросовъ; уже вступая въ студенты я зналъ, что именно зоологи считаютъ своимъ дѣломъ рѣшать вопросъ о природѣ человѣка, о его мѣстѣ въ ряду другихъ существъ, и что, далѣе, физіологи приписываютъ себѣ верховной авторитетъ во всѣхъ областяхъ психологіи.

Разсказываю обо всемъ этомъ только для того, чтобы характеризовать тогдашнее умственное настроеніе. Въ своихъ занятіяхъ я просто повиновался, какъ говорится, требованіямъ времени, и въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ голосъ этихъ требованій былъ такъ ясно мнѣ слышенъ, что у меня не было никакихъ колебаній. Преобладающій авторитетъ естестественныхъ наукъ уже въ 1845 году стоялъ твердо и потомъ возрасталъ съ каждымъ годомъ.

IV [1]).

. . . .

Между тѣмъ урывками, въ немногіе дни и часы, я все-таки заглядывалъ и въ философскія книги. Меня особенно интересовали тѣ рѣдкіе случаи, когда натуралисты ссылались на философовъ. Нѣмцы, спасибо имъ, не могли такъ легко отвернуться отъ философіи, какъ это дѣлали французы и англичане. Такъ Шлейденъ, считавшійся тогда первымъ ботаникомъ въ мірѣ, прямо заявлялъ, что онъ слѣдуетъ въ высшихъ вопросахъ метода Канту, или его истолкователю Фрису, и что необходимо держаться этой философіи, чтобы дать правильный ходъ научнымъ изслѣдованіямъ природы. Впослѣдствіи я убѣдился, что эта связь между Кантомъ и ботаникою была у Шлейдена совершенно мнимою. Книга Шлейдена, знаменитые Grundzüge, какъ я потомъ увидѣлъ, вовсе не была проникнута ни научнымъ духомъ вообще, ни кантовскимъ духомъ въ особенности, такъ что я почти напрасно убилъ надъ нею столько времени. Но ссылка на Канта имѣла свое полезное дѣйствіе, показала мнѣ великій авторитетъ этого философа. Другой натуралистъ, Іоганнесъ Миллеръ, считавшійся тогда первымъ свѣтиломъ физіологіи, ссылался на Платона, говоря о зрѣніи, и на Спинозу, говоря о психическихъ явленіяхъ. Эти ссылки были полны высокаго смысла и очень манили меня къ тому, чтобы вполнѣ познакомиться съ этими философами.

Но самое плодотворное впечатлѣніе произведено было все-таки лишь тѣмъ, что еще на студентской скамьѣ я заглянулъ и въ Критику чистаго разума Канта и въ Логику Гегеля. Дѣйствительно, только заглянулъ, потому что и въ той, и въ другой книгѣ я прочелъ развѣ лишь нѣсколько страницъ и съ большимъ трудомъ. И однако, чуть-чуть отвѣдавъ этихъ разсужденій, я уже почувствовалъ ихъ острый и несравненный вкусъ, который привлекъ меня къ себѣ и безъ котораго я уже потомъ не признавалъ никакой книги истинно философскою.

Всего печальнѣе въ этомъ отношеніи вспомнить тѣ лекціи философіи, которыя мы слушали и изъ которыхъ потомъ сдавали экзаменъ. Повидимому, намъ досталось большое счастье: мы еще успѣли выслушать полный курсъ философіи, какъ разъ передъ тѣмъ, какъ во всей Россіи въ свѣтскихъ заведеніяхъ были уничтожены каѳедры философіи, такъ что слѣдовавшія за нами поколѣнія студентовъ лѣтъ десять были лишены этого преподаванія. Но, въ сущности,

---

[1]) Настоящая, неоконченная глава осталась безъ заглавія потому, что Н. Н. Страховъ, очень заботившійся объ озаглавленіи своихъ статей, всегда надписывалъ заголовокъ соотвѣтствующаго отдѣла, лишь дописавъ его до конца, а иногда придумывалъ заглавія отдѣламъ лишь по окончаніи всей статьи или книги.

наше счастіе было совершенно мнимое, ибо ничего философскаго не было въ томъ, что намъ читалось подъ именемъ философіи. Профессоромъ былъ Адамъ Андреевичъ Фишеръ, австрійскій нѣмецъ, католикъ по исповѣданію. Не знаю почему, но онъ имѣлъ тогда въ Петербургѣ какую-то монополію по преподаванію философіи; онъ читалъ философію не только у насъ, но и въ университетѣ и даже въ духовной академіи. Онъ исполнялъ это дѣло исправно, и нельзя его осуждать, если онъ велъ его въ томъ духѣ, въ которомъ, вѣроятно, былъ воспитанъ. Онъ вывезъ изъ Австріи курсъ философіи нѣкотораго I. N. Ehrlich'a, профессора въ Кремсѣ, изложенный въ трехъ небольшихъ книжкахъ (составлявшихъ вмѣстѣ 400 или нѣсколько болѣе страницъ крупнаго шрифта) и напечатанный въ Вѣнѣ въ началѣ сороковыхъ годовъ. Первая книга называлась Гносеологіею, вторая Метафизикой, или Онтологіею, и третья Телеологіею. Этого автора нельзя найти въ самыхъ подробныхъ исторіяхъ философіи; его нѣтъ даже у Ибервега-Гейнце. И вотъ какъ поступилъ А. А. Фишеръ. Былъ изготовленъ для него очень хорошій русскій переводъ этихъ трехъ книгъ, по которому онъ и читалъ лекціи, читалъ почти не заглядывая въ тетрадь, но повторяя буквально то, что стояло въ тетради. Онъ дѣлалъ это даже съ большимъ воодушевленіемъ, произносилъ затверженныя слова громко и рѣзко, съ ужаснымъ нѣмецкимъ акцентомъ, но самымъ убѣдительнымъ тономъ. Вообще онъ былъ очень живъ, бодръ, говорилъ и отъ себя съ большой живостію и бойкостію; если же держался принятаго разъ текста, то очевидно изъ добросовѣстности.

Одно было дурно, — эти лекціи нимало не знакомили насъ съ философіею. Содержаніе ихъ состояло въ томъ, что выдается за философію въ католическихъ училищахъ и католическихъ книгахъ, носящихъ философскія названія. Главная норма, которая тутъ никогда не упускается изъ вида, есть избѣганіе противорѣчія извѣстнымъ и до мелочей опредѣленнымъ ученіямъ. А для этого лучшее средство—не утверждаться самому ни на какомъ опредѣленномъ методѣ, не слѣдовать безусловно никакимъ опредѣленнымъ началамъ. Между тѣмъ, строгость въ развитіи мыслей, послѣдовательность въ выводахъ изъ принятыхъ положеній—есть душа философіи. Авторы того разбора, о которомъ говоримъ, невольно и естественно сбиваются на тотъ путь, на которомъ они могутъ чувствовать себя всего безопаснѣе, то есть, на путь отрицанія разума, совершеннаго невѣрія въ его дѣятельность. Поэтому они любятъ противопоставлять однихъ философовъ другимъ, любятъ для всякаго положенія пріискивать доказательства и за, и противъ, разсматриваютъ каждый пунктъ отдѣльно, безъ связи съ другими и т. д. Получается, такимъ образомъ, механическое, совершенно мертвое скопленіе понятій и сужденій, не имѣющее другихъ достоинствъ, кромѣ отрицательнаго, то-есть, что оно ни въ чемъ не противорѣчитъ... **Н. Н. Страховъ.**

ЗАОКЕАНСКАЯ РУСЬ [1].

(Соціологическо-описательный очеркъ).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Общее современное положеніе Руси въ Сѣверной Америкѣ.

I.

СЕ ПОЧТИ предшествующее изложеніе наше носило характеръ историческій. Мы старались разъяснить, откуда, когда и какъ взялась Русь въ Новомъ Свѣтѣ, какъ она здѣсь постепенно разселялась и осѣдала, какъ приспособлялась къ совершенно новымъ условіямъ существованія—экономическимъ, общественнымъ и политическимъ. Хотя изъ этого изложенія можно было уже вынести нѣкоторое представленіе о современномъ положеніи Руси въ республикѣ сѣверо-американской, тѣмъ не менѣе, однако, представленіе это было бы само по себѣ черезчуръ поверхностно, неопредѣленно и во всякомъ случаѣ недостаточно. Представляется поэтому необходимымъ дать хотя бы самый общій систематическій очеркъ положенія русскаго народа въ Соединенныхъ Штатахъ, по крайней мѣрѣ съ трехъ его сторонъ: церковной, народной и экономической.

Прежде, однако, чѣмъ приступить къ такому очерку, изложимъ нѣкоторыя обстоятельства огромной важности, которыя, относясь къ

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVII, стр. 853.

сравнительно позднѣйшему времени и пополняя вышеприведенныя данныя историческаго характера, облегчаютъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ систематизацію изложенія послѣдующаго.

Какъ мы упомянули уже выше въ надлежащемъ мѣстѣ, «Русскій Народный Союзъ» возникъ въ Пенсильваніи въ февралѣ 1894 года. Въ маѣ того же года созвана была первая его конвенція, т. е. общее собраніе, носившая впрочемъ характеръ общаго собранія учредителей, ибо по смыслу устава этого народнаго учрежденія вообще и существу дѣла его, первое общее собраніе могло быть созвано собственно лишь годъ спустя по его заложеніи. Послѣ засѣданій собранія, происходившаго въ городѣ Шамокинѣ, давался русскій спектакль и русскій концертъ. Шла пьеса «Знѣмченый Юрко» (Онѣмеченный Юренька), концертъ составленъ былъ изъ отборнѣйшихъ малорусскихъ пѣсенъ, исключительно почти хоровыхъ. На эту первую конвенцію «Союза» прибылъ изъ г. Вильксъ-Бэрра о. Алексѣй Товтъ, бывшій русскій уніатскій священникъ, перешедшій въ православіе, исключеніе котораго изъ «Соединенія греко-католическихъ русскихъ братствъ» на конвенціи послѣдняго въ 1893 году вызвало цѣлую бурю, нами выше уже описанную. Православный протоіерей о. Товтъ, въ городъ Шамокинъ прибывшій въ обыкновенномъ платьѣ и остановившійся въ домѣ мѣстнаго русскаго уніатскаго священника о. Констанкевича, тотчасъ облекся въ рясу, камилавку и протоіерейскій наперсный крестъ и всячески старался импонировать всюду этими аттрибутами православія, между тѣмъ какъ всѣ уніатскіе священники «Союза» старались выдвинуть на первое мѣсто начало народности, благодаря чему этотъ православный протоіерей, исключенный изъ «Соединенія» и возненавидѣнный польскими ксендзами и большинствомъ уніатскихъ священниковъ, и былъ принятъ въ «Русскій народный Союзъ». Хотя подобное умышленное импонированіе «Союза» уніатскимъ священникамъ и было нѣсколько непріятно, единственно вслѣдствіе исключенія ими изъ основоначалъ «Союза» всякихъ вѣроисповѣдныхъ оттѣнковъ въ пользу чистаго начала русской народности, тѣмъ не менѣе о. Товтъ принятъ былъ ими вполнѣ радушно и потоварищески. На русскіе спектакль и концертъ явилось также не мало поляковъ, литвиновъ и даже любопытныхъ американцевъ, а также мѣстные священники—словацкій, литовскій и польскій. Когда польскій ксендзъ о. М., такъ же, какъ и всѣ прочіе священники вообще, одѣтый въ партикулярное платье, вошелъ въ залъ и въ первыхъ рядахъ увидѣлъ православнаго протоіерея въ рясѣ и наперсномъ крестѣ, его передернуло. Онъ вскорѣ ушелъ и внизу, надѣвая пальто, разразился громкимъ негодованіемъ на то, что «проклятые москàле» забрались уже и сюда, и «шизматицкій попъ» втерся уже между «русиновъ». Но этимъ дѣло не ограничилось. Несмотря на личную до сего времени дружбу съ о. Констанкевичемъ, онъ поспѣшилъ

основать въ городѣ Шамокинѣ газету «Polska i Litwa» съ спеціальною цѣлью всячески шельмовать этого послѣдняго за склонность къ «шизмѣ» и «проклятымъ москàлямъ». Оказалось, такимъ образомъ, что народническія стремленія и убѣжденія галицко-русскихъ священниковъ, основавшихъ «Союзъ», вообще болѣе просвѣщенныхъ и несравненно болѣе развитыхъ въ общественномъ отношеніи, стоятъ выше пониманія какъ польскихъ ксендзовъ въ Америкѣ, такъ и священниковъ угрорусскихъ, основавшихъ «Соединеніе». «Polska i Litwa», газета еженедѣльная, съ перваго же нумера стала помѣщать систематически, въ видѣ передовыхъ статей, замѣтокъ, пасквили на мѣстнаго русскаго священника о. Константкевича, а затѣмъ на самый обрядъ русскій и русскую церковь. Вотъ образчики этихъ пасквилей:

«Ксендзъ Константкевичъ, москалофильскій настоятель здѣшняго греко-католическаго прихода, выѣхалъ на нѣсколько дней въ Вильксъ-Бэрръ къ извѣстному московскому шпіону Товту. Уѣхалъ не за рублями ли для распространенія кнутового просвѣщенія?»

«Въ Соединенныхъ Штатахъ существуютъ два общества русскихъ. Одно—греко-католическое подъ названіемъ «Соединеніе греко-католическое», органомъ котораго является «Американскій Русскій Вѣстникъ». Общество это, основанное народомъ и священниками греко-католическими, имѣетъ около 3-хъ тысячъ членовъ. Другое общество, какъ будто бы тоже греко-католическое, а въ дѣйствительности шизматицко-московское, есть «Союзъ русскій», основанный тремя низложенными и отлученными отъ церкви попами, которые за рубли московскіе перешли въ шизму, запродавъ свою вѣру и свое достоинство человѣческое и священническое. Люди эти суть: Товтъ, отлученный отъ церкви греко-католическій священникъ, а нынѣ протоіерей въ Вильксъ-Бэррѣ и викарій московскаго архіерея въ Санъ-Франциско; Грушка, также отлученный отъ церкви греко-католическій священникъ, который, совершивъ въ Галиціи не одно преступленіе противъ нравственности, убѣжалъ въ Америку, оставивъ въ страшнѣйшей нуждѣ и бѣдственномъ положеніи жену и дѣтей; безнравственную жизнь эту продолжаетъ онъ и здѣсь за рубли московскіе, заливая виномъ угрызенія совѣсти. Третьимъ, наконецъ, основателемъ и секретаремъ «Союза» есть священникъ (?) Константкевичъ въ Шамокинѣ, паденіемъ котораго всѣ благомыслящіе русины и много стороннихъ людей глубоко огорчены, ибо, какъ человѣкъ высокообразованный, былъ цѣнимъ и любимъ, а нынѣ ни одинъ честный человѣкъ не желаетъ съ нимъ знаться, такъ какъ «съ кѣмъ знаешься, тѣмъ и считаешься».

«Господинъ Побѣдоносцевъ, прокуроръ богохульнаго и дьявольскаго синода московской церкви, узнавъ, что въ Шамокинѣ, въ Пенсильваніи, греко-католическая церковь измѣнена въ московскую, обрадовался неизмѣримо и прислалъ здѣшнему попу свое благосло-

веніе, т. е. «позолоченный кнутъ», которымъ казаки били уніатовъ въ Люблинской губерніи и литвиновъ-католиковъ въ Крожахъ. Кнутъ этотъ, оправленный въ богатую оправу, которой дорогіе камни представляютъ «кровавыя слёзы» москалями замученныхъ и въ Сибирь сосланныхъ уніатовъ, которые не хотѣли перейти въ православіе, будетъ помѣщанъ въ здѣшней оскверненной церкви».

«Кто не знаетъ исторіи Сѣмашка, Попеля, Наумовича, Добрянскаго, Ольги Грабарь, измѣнниковъ и вѣроотступниковъ? Кто не знаетъ о милліонахъ россійскихъ бумажекъ, тонущихъ въ неизмѣримыхъ карманахъ русинскаго духовенства въ Галиціи и даже чистаго русинскаго патріота и царeслава Романчука? Даже до Америки добрались русскіе серебренники Іуды! И здѣсь имѣемъ русинскихъ духовныхъ въ Вильксъ-Бэррѣ, Джерсей Сити, Шамокинѣ и и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, которые запродали честь, вѣру и народность за звенящую царскую монету и которые дѣлаютъ все, что могутъ, чтобы религію единаго Бога разрушить и сбросить съ алтаря Христа, а на ихъ мѣсто поставить портреты царей. Но ихъ усилія ни къ чему не приведутъ, и эти продажные люди вынуждены будутъ воскликнуть вмѣстѣ съ Юліаномъ-отступникомъ: «Галилеянинъ, ты побѣдилъ!»

Кромѣ подобныхъ пасквилей, направленныхъ противъ личности шамокинскаго русскаго уніатскаго священника о. Іоанна Константкевича, главнаго основателя «Русскаго народнаго Союза», стали появляться далѣе въ газетѣ «Polska i Litwa» также и пасквили иного сорта: въ одномъ изругана и очернена была великая княгиня Ольга, въ другомъ осмѣянъ русскій обрядъ. Между тѣмъ, благодаря вышеприведеннымъ пасквилямъ, населеніе города Шамокина, заключающее въ составѣ своемъ чрезвычайно мало интеллигенціи и въ томъ числѣ даже и американцы-католики, собственно американизовавшіеся ирландцы, не будучи въ состояніи къ нимъ отнестись сколько нибудь критически, стали косо поглядывать на мѣстнаго русскаго греко-католическаго священника, а знакомые отъ него какъ-то сторониться. За отдаленностью прочихъ русскихъ священниковъ, членовъ «Союза», и вслѣдствіе кратковременности пребыванія своего въ Америкѣ не имѣя между ними друзей и лицъ близкихъ, стоя совершенно одиноко среди разноплеменнаго общества, противъ него усердно возбуждаемаго польскимъ ксендзомъ и его многочисленными собутыльниками, о. Константкевичъ лишь среди своего народа, противъ него также усердно возбуждаемаго, нашелъ себѣ твердую опору и нравственную поддержку. Редакторомъ газеты «Polska i Litwa» состоялъ, болѣе, впрочемъ, номинально, графъ К—ій, потомокъ захудалаго польскаго графскаго рода, оборвышъ и проходимецъ, какихъ въ Америкѣ великое множество, состоявшій на хлѣбахъ у ксендза М. Возбужденіе между русинами города Шамокина, выходцами изъ Галиціи, отлично понимающими и хорошо говорящими попольски,

вызванное вышеупомянутыми пасквилями мѣстной польской газеты, было настолько велико, что они неоднократно порывались избить ея редактора въ лицѣ графа К. и разнести самую редакцію, помѣщавшуюся въ плохенькомъ деревянномъ домишкѣ. Но личное вліяніе о. Константкевича и благоразуміе солиднѣйшихъ лицъ изъ мѣстной русской колоніи взяли верхъ надъ разыгравшимися страстями, и физическая расправа была предупреждена и устранена. Противъ графа К., какъ редактора газеты, возбуждено было два судебныхъ процесса: одинъ—отъ имени о. Константкевича за оклеветаніе и оскорбленіе его, какъ священника, другой—отъ имени предсѣдателя «Русскаго народнаго Союза» за оскорбленіе въ лицѣ великой княгини Ольги всего русскаго народа. Процессы эти поручены были наилучшему изъ мѣстныхъ адвокатовъ, которому и пришлось штудировать начатки русской исторіи, исторію уніи и ея отличіе отъ римскаго католицизма и православія и т. д. Графъ К., обвиняемый въ двухъ преступленіяхъ—священникомъ Константкевичемъ и предсѣдателемъ «Союза», купцомъ и американскимъ почтмейстеромъ Иваномъ Гловой, былъ отданъ на поручительство въ 900 долларовъ. Однако вскорѣ его поручитель, убѣдившись, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, отъ поручительства отказался, и обвиняемый вслѣдствіе этого былъ арестованъ. Поздней ночью, подъ надзоромъ констэбля (полицейскій), въ сопровожденіи нѣсколькихъ пріятелей, явился графъ К. къ тому же русскому священнику, котораго такъ поносилъ, убѣдительно прося возбужденныя противъ него дѣла прекратить. О. Константкевичъ поставилъ условіемъ напечатаніе въ той же газетѣ «Polska i Litwa», что всѣ взведенныя въ ней ранѣе на него обвиненія и дозволенныя въ ней въ отношеніи русской церкви и русскаго народа поруганія—чистѣйшіе ложь и вздоръ, почему редакція отъ нихъ отказывается. Графъ К. попросилъ времени на размышленіе и удалился въ сопровожденіи тѣхъ же лицъ, отправившись обратно въ джэль (мѣсто заключенія). Между тѣмъ ксендзъ М., узнавъ о случившемся, воспротивился всякой сдѣлкѣ и послѣ усиленныхъ хлопотъ нашелъ графу К. новаго поручителя. Будучи, однако, выпущенъ на поруки, обвиняемый редакторъ скрылся изъ Шамокина и исчезъ безслѣдно. Такъ закончился этотъ достопримѣчательный процессъ, къ величайшей досадѣ американскаго адвоката, который, сразу получивъ впередъ солидное вознагражденіе, подготовилъ прекрасную рѣчь и мечталъ блеснуть передъ своими присяжными засѣдателями совершенно необыкновеннымъ для американца знаніемъ русской церковной и народной исторіи, почерпнутыхъ изъ солидныхъ источниковъ [1]). На процессѣ этомъ мы оста-

---

[1]) Не мало огорченъ былъ также и поручитель, ибо ему пришлось уплатить сумму поручительства и стоимость вызововъ и явокъ свидѣтелей, всего около 1.300 долларовъ, изъ которыхъ лишь часть принялъ на себя ксендзъ М., виновникъ всей этой исторіи.

новились болѣе или менѣе подробно по нѣсколькимъ причинамъ. Во-первыхъ, онъ порожденъ былъ тѣмъ обстоятельствомъ, что при учрежденіи «Русскаго народнаго Союза въ Америкѣ» галицко-русская интеллигенція отбросила вовсе всѣ вѣроисповѣдныя различія и надъ всѣми ними на недосягаемой высотѣ поставила начало русской народности. Конечно, совершить при извѣстномъ положеніи вещей въ Галиціи и на Угорщинѣ столь рѣшительный шагъ могла лишь интеллигенція галицко-русская, а не угрорусская, стоящая неизмѣримо ниже по умственному и нравственному развитію, общественному пониманію и образованію, лишенная почти вовсе національнаго самосознанія. Гоненіе, воздвигнутое польскимъ ксендзомъ, польской газетой и нѣкоторой частью мѣстнаго польскаго общества на этихъ немногочисленныхъ представителей галицко-русской интеллигенціи за такое отдѣленіе религіи отъ народности и поставленіе начала національности надъ началомъ вѣроисповѣднымъ, показываетъ, насколько польское духовенство въ Америкѣ и извѣстная часть мѣстнаго польскаго общества въ этомъ отношеніи ниже интеллигенціи галицко-русской. Не мѣшаетъ при этомъ припомнить, что и у насъ въ Россіи немало имѣется еще людей, которые русскую народность совершенно отождествляютъ съ православіемъ и съ истинно преступнымъ неразумѣніемъ всѣхъ неправославныхъ сыновъ великаго русскаго народа готовы исключить изъ его состава, чѣмъ разрушается его цѣлость и ослабляются его силы. Люди эти стоятъ, очевидно, на той же ступени общественнаго пониманія, на какой пребываютъ и тѣ элементы польскаго общества, которые русскую народность отождествляютъ съ греко-католическимъ и уніатскимъ вѣроисповѣданіемъ. Далѣе, народъ галицко-русскій въ Америкѣ, въ лицѣ своего представителя, предсѣдателя «Русскаго народнаго Союза», возбуждая уголовное преслѣдованіе противъ польской газеты за оскорбленіе всего русскаго народа, въ лицѣ великой княгини Ольги, не смотря на то, что послѣдняя, какъ всякому извѣстно, приняла въ Царьградѣ православіе, а народъ галицко-русскій есть нынѣ народъ исключительно уніатскій, показалъ наглядно, что и онъ, независимо отъ своей интеллигенціи, поднялся уже до той ступени національнаго самосознанія, на которой начало народности покрываетъ и поглощаетъ всѣ вѣроисповѣдныя въ составѣ ея различія. Явленія эти представляются явленіями огромной общественной и народной важности и освѣтятъ намъ путь къ дальнѣйшему изложенію.

Положеніе Руси въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, съ ея церковной стороны, въ значительной степени выяснилось уже изъ предшествующаго изложенія. Изъ 200.000 американской Руси лишь около 1.000 православныхъ, остальные же—греко-католики или уніаты. Въ то время, какъ эта маленькая православная часть Руси имѣетъ лишь два болѣе или менѣе значительныхъ

прихода—въ Санъ-Франциско, въ мѣстѣ пребыванія русскаго православнаго епископа, да въ Чикаго, большая уніатская часть ея, безъ малаго въ двѣсти разъ превосходящая первую, имѣетъ около 30 крупныхъ приходовъ въ славянскомъ штатѣ Пенсильваніи. Видимая непропорціональность крупныхъ русскихъ уніатскихъ приходовъ съ численностью части русскаго народа уніатскаго вѣроисповѣданія въ республикѣ вообще, объясняется тѣмъ, что вышепомянутыхъ два крупныхъ православныхъ прихода состоятъ преимущественно не изъ лицъ русской народности, такъ что собственно русскаго значительнаго православнаго прихода въ Новомъ Свѣтѣ не имѣется ни одного. Православная церковь въ сѣверной Америкѣ, представляемая и руководимая во всемъ Новомъ Свѣтѣ іерархіей россійско-русскаго происхожденія, образованія и посвященія, заключаетъ въ себѣ около 20.000 лицъ разныхъ народностей и даже разныхъ расъ, греко-католическая же здѣсь церковь, представляемая и руководимая такъ же во всемъ Новомъ Свѣтѣ іерархіей австрійско-русскаго происхожденія, образованія и посвященія, заключаетъ въ себѣ около 200.000 лицъ чистой малорусской народности и малорусской же народности, находящейся на разныхъ ступеняхъ ословаченія, кромѣ лицъ народности словацкой [1]). Въ то время, какъ изъ 20.000 своихъ членовъ американская православная церковь имѣетъ лишь около двадцатой части ихъ, принадлежащихъ къ русской народности, церковь греко-католическая или уніатская состоитъ здѣсь сплошь почти изъ русскаго народа, кромѣ него, заключая въ себѣ исключительно членовъ другой славянской же и притомъ весьма близкой народности.

Отсюда обнаруживается, что на почвѣ американской православіе утратило значеніе существеннаго и болѣе или менѣе необходимаго признака русской народности и усвоило себѣ характеръ вселенскій, безнаціональный, даже космополитическій, что и соотвѣтствуетъ положенію православной здѣсь церкви, какъ миссіи, когда-то сосредоточивавшейся въ сѣверо-западномъ углу Сѣверной Америки, а нынѣ обнимающей собой собственно весь огромный американскій материкъ, между тѣмъ какъ вѣроисповѣданіе ґреко-католическое или уніатское является здѣсь безошибочнымъ признакомъ русской народности, тѣмъ болѣе, что словаки греко-католическаго исповѣданія представляются болѣе или менѣе несомнѣнно ословаченными окончательно угроруссами. Такимъ образомъ, вѣроисповѣдный укладъ русскаго народа, сложившійся въ Новомъ Свѣтѣ, совершенно противоположенъ тому, какой имѣетъ мѣсто въ Старомъ Свѣтѣ, гдѣ, какъ извѣстно, православіе является абсолютно преобладающимъ русскимъ вѣроисповѣданіемъ, общимъ, такъ сказать, правиломъ, а уніатство исключеніемъ.

---

1) Которыхъ мы не вводимъ вовсе въ наше исчисленіе.

Въ то время, какъ протестанты, римско-католики и сравнительно совершенно малочисленные православные, прибывъ въ Соединенные Штаты, находили себѣ уже здѣсь церкви, іерархію и церковное устройство своего вѣроисповѣданія, хотя бы и принадлежащія инымъ національностямъ, греко-католики или уніаты очутились въ этомъ отношеніи въ совершенно исключительномъ и необычайномъ положеніи. Одними изъ послѣднихъ явились австро-угорскіе малоруссы въ Новый Свѣтъ. Даже ихъ ближайшіе сосѣди, поляки-мазуры и словаки, значительно опередили ихъ, поляки и евреи изъ царства Польскаго стали прибывать сюда съ ними почти одновременно и лишь малоруссы, бѣлоруссы, поляки и евреи изъ Западнаго края Россіи начали пускаться за океанъ позже ихъ. Не находя здѣсь ни малѣйшаго слѣда своего греко-католическаго вѣроисповѣданія, они наполняли римско-католическія церкви, польскія, словацкія и даже американскія, т. е., собственно говоря, ирландскія. Американскіе римско-католическіе епископы и слышать не хотѣли объ утвержденіи въ Новомъ Свѣтѣ обряда греко-католическаго. Вышеописанная исторія съ первымъ русскимъ греко-католическимъ священникомъ, Волянскимъ, достаточно поучительна въ этомъ отношеніи. Но они оказались, конечно, совершенно безсильными помѣшать распространенію и утвержденію на землѣ американской этого греко-католическаго вѣроисповѣданія. Будучи вынуждены преклониться предъ совершившимся фактомъ и убѣдившись въ своемъ безсиліи, они исхлопотали въ Римѣ распоряженіе, чтобы въ Америку высылались исключительно безженные греко-католическіе священники. Распоряженіе это отдано было папой уніатскимъ епископамъ Австро-Венгріи въ 1889 году, а въ 1891 году послѣдовало изъ Congregatio de propaganda fide въ Римѣ, предсѣдательствуемой кардиналомъ польской народности, монсиньоромъ графомъ Ледоховскимъ, другое распоряженіе, по которому всякій греко-католическій священникъ, желающій поселиться въ Америкѣ, долженъ предварительно подать прошеніе римскому престолу, означивъ, для какой именно надобности и въ какую именно мѣстность Соединенныхъ Штатовъ онъ желаетъ отправиться, дабы мѣстный римско-католическій епископъ былъ о его прибытіи предварительно предувѣдомленъ.

По прибытіи на мѣсто, обязанъ онъ со свидѣтельствами конгрегаціи явиться къ мѣстному эпархіальному римско-католическому епископу и получить отъ этого послѣдняго должную юрисдикцію, которой и самъ подлежитъ непосредственно во все время пребыванія въ Штатахъ. Выходитъ такимъ образомъ, что греко-католическій священникъ, являющійся на территорію сѣверо-американской республики, долженъ, кромѣ юрисдикціи своего греко-католическаго епископа, имъ уже ранѣе полученной, получить еще и юрисдикцію мѣстнаго римско-католическаго епископа, т. е. обязанъ имѣть цѣлыхъ двѣ юрисдикціи, представляя въ этомъ отношеніи единственное

исключеніе среди духовенства всего земного шара. Такъ какъ, однако, вышеприведенныя распоряженія находятся въ прямомъ противорѣчіи съ актами уніи отдѣльныхъ русскихъ епископій Австро-Венгріи съ римскимъ престоломъ, обезпечивающими за русской церковью полную самостоятельность, и многочисленными папскими буллами, подтверждающими ея права и особенности, то они въ значительной степени вовсе не исполняются. Въ то же время мѣстные американскіе римско-католическіе епископы, попреимуществу ирландцы и иногда нѣмцы, употребляютъ всѣ усилія, чтобы подчинить себѣ, если не юридически, то по крайней мѣрѣ хотя фактически, русскую греко-католическую церковь, то незамѣтно вмѣшиваясь въ личные счеты, соперничества и раздоры между русскими уніатскими священниками, то скрытно втираясь въ столкновенія этихъ священниковъ со своими прихожанами. Такимъ образомъ, русская уніатская церковь въ Соединенныхъ Штатахъ, въ двадцать разъ превосходящая своей численностью русскую православную здѣсь церковь безотносительно къ національному составу этой послѣдней и въ двѣсти почти разъ превосходящая своей численностью русскую часть американскаго православія, не смотря на десятилѣтнее официіальное существованіе свое въ этой федеративной республикѣ, до сихъ поръ не имѣетъ никакой организаціи и потому является свободной ареной то для властолюбивыхъ и корыстолюбивыхъ искательствъ американскихъ римско-католическихъ епископовъ, то для личныхъ препирательствъ, соперничествъ и амбицій своихъ греко-католическихъ священниковъ. Всѣ эти искательства, домогательства, препирательства и амбиціозно-доходочные турниры разыгрываются, конечно, на шкурѣ русскаго народа, осуществляя нагляднѣйшимъ образомъ извѣстную, чрезвычайно мѣткую малорусскую пословицу: «паны бьются, а у мужиковъ чубы болятъ». Изъ подобнаго явно ненормальнаго и для русскаго народа крайне вреднаго положенія русской греко-католической или уніатской церкви въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ представляется два исхода. Государство или, точнѣе говоря, правительствво вовсе не вмѣшивается здѣсь въ церковное устройство и церковныя дѣла. Строитъ церкви, созидаетъ церковныя учрежденія, содержитъ какъ ихъ, такъ и духовенство, самъ народъ, и при республиканскомъ строѣ государства ему принадлежитъ верховенство въ строѣ церковномъ. Поэтому стоило бы лишь русскимъ уніатскимъ священникамъ совмѣстно съ представителями своего народа—основать соотвѣтственную организацію, которая взяла бы въ свои руки церковное устройство и управленіе, и было бы безпрепятственно осуществлено древнее и наилучшее устроеніе русской церкви, устранена довольно фиктивная надъ ней власть епископовъ какъ американскихъ, такъ и русскихъ уніатскихъ въ Австро-Венгріи, и наконецъ сама пресловутая унія съ Римомъ безболѣзненно и мирно прекратила бы свое бытіе

и достойно отошла бы въ вѣчность. Но для такого естественнаго и зиждительнаго выхода изъ современнаго церковнаго положенія, которое для русскаго народа, своимъ кровавымъ трудомъ содержащаго свои церкви и свое духовенство, начинаетъ наконецъ становиться совершенно невыносимымъ, главнымъ и почти единственнымъ препятствіемъ являются сами же русскіе уніатскіе священники и главнѣйшимъ образомъ угрорусскіе. Эти послѣдніе, не взирая на свое прославленное великоруссофильство, въ которомъ заключается немало недоразумѣній, являются за рѣдкими исключеніями приверженцами католицизма и сторонниками уніи съ Римомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ падкость къ личнымъ счетамъ, крайняя амбиціозность претензіи играть первую роль, склонность къ интриганству и т. п. свойственны всѣмъ вообще русскимъ уніатскимъ священникамъ въ Соединенныхъ Штатахъ и угрорусскимъ въ особенности. Само собою разумѣется, что полное равенство ихъ между собою, при отсутствіи высшей надъ ними власти церковной и возможности вести свой народъ за собой согласно собственнымъ видамъ, весьма способствуютъ развитію въ русскомъ уніатскомъ духовенствѣ на почвѣ свободной республики этихъ именно отрицательныхъ сторонъ личнаго ихъ характера и общественной ихъ дѣятельности. Сущность и значеніе препятствій къ осуществленію церковнонароднаго устройства и управленія въ русской уніатской церкви въ Сѣверной Америкѣ представляются такимъ образомъ очевидными. Другимъ исходомъ изъ настоящаго столь ненормальнаго положенія этой церкви могъ бы явиться переходъ въ православіе или, правильнѣе говоря, возсоединеніе съ православіемъ. Выше мы очертили уже постепенное движеніе возсоединенія среди американской Руси, обнимающее послѣдніе четыре года. Однако, и этотъ исходъ обставленъ многоразличными тормазами и препятствіями. Не говоримъ уже объ отчаянномъ противодѣйствіи американскаго римско-католическаго духовенства, явныхъ и тайныхъ представителей папскаго престола и іезуитскаго ордена, и наконецъ австрійскаго правительства. Въ самой постановкѣ дѣла возсоединенія въ Соединенныхъ Штатахъ заключается источникъ его безуспѣшности и вредоносности для русскаго здѣсь народа, если только сдѣланныя ошибки не будутъ исправлены, и оно не будетъ безотлагательно направлено на надлежащій путь. Всякій переходъ отъ исконнаго вѣками сложившагося застарѣлаго бытоваго уклада и строя жизни сопряженъ съ немалыми трудностями, вызываетъ напряженіе силъ народныхъ и для осуществленія своего требуетъ, прежде всего, избранія благопріятнаго момента. Между тѣмъ, въ дѣлѣ возсоединенія американской Руси моментъ этотъ опредѣленъ совершенной случайностью—столкновеніемъ греко-католическаго священника съ мѣстнымъ римско-католическимъ епископомъ и временемъ его отозванія обратно въ Австро-Венгрію его эпархіальнымъ епископомъ. Американская Русь еще лишь не-

давно сравнительно стала осѣдать въ Соединенныхъ Штатахъ, еще настолько не окрѣпла ни въ экономическомъ ни въ общественномъ отношеніяхъ, что столь серьезный въ ея общественнонародномъ бытіи переломъ, какъ возсоединеніе съ православіемъ, обставленное великимъ множествомъ многоразличныхъ противодѣйствій, тормазовъ и препятствій, пока представляется еще для нея непосильнымъ. Далѣе, каждое общественное дѣло и въ особенности дѣло первостепенной общественной и народной важности для осуществленія своего требуетъ употребленія надлежащихъ и соотвѣтственныхъ средствъ. Исканіе блага народнаго безошибочно опредѣляетъ и находитъ эти средства, но оно рѣдко является источникомъ дѣятельности и мотивомъ дѣйствій. Но изъ этого источника проистекла и продолжаетъ проистекать агитація по возсоединенію американской Руси съ православіемъ. Источникомъ такимъ является озлобленіе греко-католическаго священника противъ высшей римско-католической іерархіи. Перейдя въ православіе и успѣвъ устроить надлежащій переходъ въ него своего прихода, онъ, исполненный жажды мщенія римско-католическому епископу, для осуществленія такого мщенія съ бурною стремительностью хватается за обращеніе греко-католиковъ или уніатовъ по другимъ приходамъ и, въ извѣстномъ и всеобщемъ консерватизмѣ массъ народныхъ, встрѣчая препятствіе къ быстрому осуществленію своихъ стремленій, теряетъ всякое самообладаніе, забываетъ всякій тактъ, преступаетъ всякія границы, утрачиваетъ всякую осторожность и разборчивость въ средствахъ. Прежде всего отъ прихожанъ различныхъ русскихъ уніатскихъ приходовъ, побуждаемыхъ и склоняемыхъ къ переходу въ православіе, тщательно скрывается истинная сущность такого перехода. До сихъ поръ для подавляющаго большинства русскаго народа существо религіи заключается въ ея обрядности. Ни верховенство церковное, ни догматическая сторона русской греко-католической церкви, эту уніатскую часть русскаго народа нисколько не интересуетъ. Папы римскаго онъ совершенно не знаетъ и его главою своей церкви не сознаетъ, равно какъ не постигаетъ этихъ тонкостей догматическаго различія между католицизмомъ и православіемъ. Такимъ образомъ, религіозно-нравственныя потребности этой части русскаго народа, равно какъ и цѣлаго, находятъ себѣ удовлетвореніе въ обрядѣ церковномъ, а обрядъ этотъ у обѣихъ церквей какъ православной, такъ и греко-католической совершенно вѣдь одинаковъ. Поэтому русскій народъ уніатскаго вѣроисповѣданія, вообще, не чувствуетъ и не сознаетъ почти вовсе различія между уніатствомъ и православіемъ, смутно сознавая лишь по историческимъ преданіямъ, что это послѣднее было вѣрой его прадѣдовъ. На почвѣ американской въ частности и въ особенности все различіе между греческимъ католицизмомъ и православіемъ сводится къ подчиненію или неподчиненію церкви и прихода русскому епископу въ Санъ-Франциско, един-

ственному на всю Америку, какъ Сѣверную, такъ и Южную. Если поэтому пропагандисты православія предлагаютъ русскимъ-уніатамъ въ Соединенныхъ Штатахъ поддаться вѣдѣнію и власти русскаго епископа въ Санъ-Франциско, то, во-первыхъ, эти послѣдніе всегда почти на то готовы идти. Эти постоянныя безурядицы и партійность въ дѣлѣ церковномъ начинаетъ уже становиться для нихъ невыносимыми, и, во-вторыхъ, того, что, съ переходомъ своимъ въ это новое вѣдѣніе и подъ эту новую власть, они переходятъ уже въ иную церковь и измѣняютъ вѣроисповѣданіе, они вовсе почти не сознаютъ. Какъ мы упоминали уже, русская православная миссія въ Америкѣ, удаленная на самый крайній западъ сѣверо-американскаго материка, вовсе и не думала о возсоединеніи русскихъ уніатовъ, сосредоточенныхъ на совершенно противоположной восточной его сторонѣ. Вслѣдствіе своихъ столкновеній съ римско-католическимъ епископомъ и отозванія въ старую епархію въ Австро-Венгріи ставъ неожиданнымъ и болѣе или менѣе невольнымъ иниціаторомъ возсоединенія, о. Алексѣй Товтъ, изъ уніатскаго священника превратившись въ православнаго протоіерея и овладѣвъ довѣріемъ своего епископа, сталъ на собственный страхъ и рискъ вести агитацію возсоединенія, пользуясь для сего временнымъ по разнымъ причинамъ неимѣніемъ и отсутствіемъ священниковъ въ русскихъ уніатскихъ приходахъ Пенсильваніи и употребляя для сего именно пріемъ увѣщанія ихъ прихожанъ поддаться власти русскаго православнаго епископа въ Санъ-Франциско безъ дальнѣйшихъ разъясненій сущности и значенія такого подданія. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что уніатскіе сыны русскаго народа какъ въ церковныхъ моленіяхъ и пѣснопѣніяхъ, общихъ съ церковью православной, такъ и въ ихъ церковной и церковнонародной литературѣ, именуются наравнѣ со всѣмъ народомъ русскимъ «православными христіанами», такъ что въ самомъ даже наименованіи того епископа, власти котораго ихъ увѣщеваютъ поддаться, не представляется для нихъ никакой разницы съ ихъ настоящимъ исповѣданіемъ, а въ наименованіи его «русскимъ» выступаетъ предъ ними столь для нихъ близкій и притягательный признакъ своей народности, столь выгодно отличающій этого «русскаго православнаго» епископа отъ тѣхъ мѣстныхъ римско-католическихъ епископовъ ирландскаго или нѣмецкаго происхожденія, которые своими притязаніями и домогательствами причиняютъ имъ столько хлопотъ и непріятностей. Когда, однако, переходъ свершится, а затѣмъ возвратившійся изъ отлучки или явившійся на вакантный приходъ уніатскій священникъ отпавшей части членовъ греко-католической церкви разъяснитъ сущность ихъ перехода и станетъ укорять ихъ въ измѣнѣ той вѣрѣ, въ какой пребывали ихъ отцы и дѣды (о прадѣдахъ и дальнѣйшихъ восходящихъ политично умалчивается), а также пребываютъ ихъ отцы, жены, братья и сестры въ «старомъ краѣ», тогда между возсоединившимися начинаются

колебанія. Одни остаются въ древне-новомъ православіи, другіе возвращаются въ ново-древнюю унію, представляя себѣ, однако, сущность дѣла такимъ образомъ, что первые остаются при «новомъ православномъ» священникѣ, а вторые возвращаются къ «старому провославному» священнику. Однако, въ средѣ прежняго русскаго уніатскаго прихода появилось уже раздвоеніе, поселилось недовѣріе, водворяется недоброжелательство, зарождается взаимая вражда. Эту послѣднюю раздуваетъ и укрѣпляетъ еще и другой факторъ, другой возсоединительный пріемъ. Не только безъ уполномочія, но даже и безъ вѣдома нашего православнаго епископа въ Санъ-Франциско, о. Алексѣй Товтъ по собственному усмотрѣнію для агитаціи въ пользу возсоединенія пускаетъ въ русскіе и уніатскіе приходы Пенсильваніи особыхъ своихъ агентовъ, набранныхъ изъ самыхъ грязныхъ и отпѣтыхъ личностей русскаго происхожденія, которымъ терять уже нечего и которые поэтому за малую сумму на все готовы. Пустившись въ «народъ», субъекты эти пребываютъ обыкновенно въ такъ называемыхъ салонахъ, содержимыхъ, а потому преимущественно посѣщаемыхъ, лицами русской народности, т. е., попросту говоря, въ русскихъ кабакахъ американскаго покроя, и здѣсь за стаканчикомъ виски (американская водка) либо кружкой пива ловкимъ манеромъ затѣваютъ религіозно-вѣроисповѣдные вопросы и споры. Умѣя ударить по слабымъ струнамъ народнаго характера и разжечь страсти народныя, эти непризванные и непризнанные «миссіонеры» православія доводятъ обыкновенно эти вѣроисповѣдные диспуты до скандала и даже драки. Такимъ образомъ, непріязнь между русскими братьями вообще и между перешедшими въ православіе и оставшимися въ уніи въ особенности,—братьями, до того времени мирно и безмятежно жившими рядомъ другъ съ другомъ и добывавшими хлѣбъ свой насущный, доводится до степени болѣе или менѣе серьезной вражды. Нечего говорить уже о томъ, что подобные «миссіонеры» возсоединенія компрометируютъ и уничтожаютъ религію, исповѣдуемую подавляющимъ большинствомъ русскаго народа, которая можетъ поэтому быть названа русскимъ національнымъ исповѣданіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ среди вѣтви русскаго народа на вольной землѣ американской, еще здѣсь не окрѣпшей ни въ экономическомъ, ни въ общественномъ, ни въ чисто народномъ отношеніяхъ, сѣются уже сѣмена розни, разобщенія и разложенія, а тѣ силы и средства его, которыя еще такъ скудны и такъ ему необходимы для созданія себѣ прочнаго положенія въ странѣ, гдѣ все построено на самодѣятельности и самопомощи, тратятся на безплодные религіозно-вѣроисповѣдные споры и раздоры и вредную и разорительную вѣроисповѣдную борьбу. Вильксъ-бэррскій процессъ между двумя частями прежняго русскаго уніатскаго прихода, перешедшей въ православіе и оставшейся въ уніи, о правѣ собствен-

*

ности на мѣстную церковь, процессъ, о которомъ мы выше уже упоминали, и который находится нынѣ въ самомъ разгарѣ, характеризуетъ въ достаточной степени тотъ путь, по которому поведено возсоединеніе въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ чуть не съ первыхъ дней своего возникновенія, и достаточно вразумительно указываетъ на результаты употребленія въ дѣлѣ церковномъ средствъ нецерковныхъ и мѣръ, граничащихъ со введеніемъ въ заблужденіе и обманомъ меньшого, темнаго бѣднаго брата. Не благо этого брата, не благо всего русскаго народа, а насыщеніе личнаго мщенія, сведеніе личныхъ счетовъ, чаяніе наградъ и отличій, является источникомъ какъ всей этой дѣятельности, такъ и въ особенности употребленія въ ней подобныхъ средствъ. Не слѣдуетъ забывать притомъ, что вѣроисповѣдные скандалы въ кабакахъ и процессуальныя сцены въ вильксъ-бэррскомъ судѣ въ родѣ нижеписанныхъ роняютъ достоинство русской народности и уваженіе къ ней среди американскаго общества. Допрашивается свидѣтель, угроруссъ православнаго вѣроисповѣданія, выставленной протоіереемъ о. Товтомъ, лично присутствующимъ на судѣ. Въ силу состязательнаго характера англо-американскаго процесса допрашиваетъ меръ (адвокатъ).

— Какой вы вѣры?

— Греческой.

— Вы умѣете говорить погречески?

— Какъ же!

— Прочтите молитву Господню.

Свидѣтель начинаетъ читать наше обыкновенное старославянское «Отче нашъ».

— Развѣ это греческій языкъ!—восклицаетъ мэръ и разражается хохотомъ.

Публика хохочетъ, хотя погречески тоже не знаетъ.

— Какіе догматы признаете вы?

— Догматы православной церкви.

— Признаете вы догматъ непорочнаго зачатія Іисуса Христа?

— Признаю.

— Что онъ означаетъ, какъ вы его понимаете?

Мэръ явно желаетъ доставить своей аудиторіи дешевое удовольствіе и продолжаетъ допросъ въ самомъ легкомысленномъ тонѣ, что ставитъ свидѣтеля въ такое положеніе, что онъ теряется, мнется, переступаетъ съ ноги на ногу, почесываетъ въ затылкѣ и отвѣчаетъ несообразностями, возбуждающими смѣхъ.

Въ залѣ засѣданія протоіерей о. Павелъ, выставившій свидѣтеля, мѣняется въ лицѣ отъ досады.

Конечно, подобные допрашивательные пріемы американскихъ адвокатовъ и недобросовѣстны, и возмутительны, но надо имѣть въ виду,

что самымъ ходомъ этого процесса они поставлены въ необходимость ставить въ той или иной формѣ подобные вопросы. О. Товтъ, убѣдившись въ неблагопріятномъ для него положеніи дѣла, построилъ черезъ адвоката, конечно, возраженія свои на томъ, что никакой въ сущности перемѣны съ пріѣздомъ его на вильксъ-бэррскій уніатскій приходъ, какъ вакантный, не произошло, ибо между православіемъ и греческимъ католицизмомъ ни въ Европѣ ни въ Америкѣ никакой разницы нѣтъ и въ сущности это одно и то же исповѣданіе и одна и та же церковь. Истцомъ въ этомъ гражданскомъ процессѣ о правѣ собственности на церковь является вильксъ-бэррскій уніатскій приходъ, а отвѣтчикомъ новообразовавшійся среди него приходъ православный съ протоіереемъ о. Товтомъ, владѣющимъ церковью, во главѣ. Вслѣдствіе подобной постановки возраженій отвѣтчика адвокаты истца поставлены въ необходимость выяснить передъ судомъ различіе между римскимъ католицизмомъ, греческимъ католицизмомъ и православіемъ, какъ со стороны церковнаго верховенства, такъ и со стороны догматической, такъ равно и со стороны обрядовой, хотя, конечно, подобное выясненіе могло бы быть произведено безъ умышленнаго озадаченія и сбиванія съ толку свидѣтелей и даже вовсе безъ опроса ихъ по этимъ предметамъ, ибо для ихъ разъясненія вызывались въ судъ въ качествѣ свидѣтелей-экспертовъ разныя духовныя лица и въ томъ числѣ викарій скрэнтонской римско-католической епархіи епископъ Гиббонъ.

— Кто есть глава вашей церкви? — спрашиваетъ мэръ (адвокатъ) одного изъ свидѣтелей, выставленныхъ о. Товтомъ, угрорусса, изъ уніи перешедшаго въ православіе.

— Іисусъ Христосъ,—отвѣчаетъ свидѣтель.

— Это есть Глава невидимый, долженъ же быть и видимый.

— Нашъ епископъ въ Санъ-Франциско.

— Значитъ, за Христомъ слѣдуетъ сейчасъ же вашъ епископъ?

— Нѣтъ, есть надъ епископомъ высшая власть.

— Какая же?

— Надъ епископомъ стоитъ святѣйшій синодъ.

— Значитъ, послѣ Христа слѣдуетъ непосредственно святѣйшій синодъ?

— А, нѣтъ, есть и надъ синодомъ власть.

— Кто же надъ синодомъ стоитъ?

— Надъ синодомъ стоитъ царь.

— Значитъ, тотчасъ послѣ невидимаго Главы Христа главой видимымъ вашей церкви является царь.

— Нѣтъ.

— Ну, такъ какъ же?

— Надъ царемъ еще стоитъ римскій отецъ.

Общее недоумѣніе, сдержанный смѣхъ.

Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что англо-американскій состя-

зательный процессъ стоитъ страшно дорого, а расходы на процессы, подобные вышеописанному, ложатся на народъ русскій, экономически здѣсь еще не окрѣпшій и живущій на скудные заработки отъ тяжелаго труда.

Такимъ образомъ, дѣло, которое, будучи начато благовременно и своевременно и ведено путями соотвѣтственными и надлежащими, безъ злоупотребленія невѣжествомъ и темнотою отпрысковъ русскаго народа, изъ несчастной Галичины и еще болѣе несчастной Угорщины бѣгущихъ за море искать себѣ лучшей доли, могло бы послужить единству и благу народному, нынѣ служитъ пока лишь поводомъ его разъединенія и разобщенія, тормазомъ его экономическаго преуспѣянія и причиной потери имъ общественнаго уваженія въ новомъ отечествѣ. Не безъ скорби и боли сердечной высказываемъ мы это и открываемъ дѣйствительное положеніе вещей, исполняя тѣмъ какъ обязанность безпристрастнаго изслѣдователя, такъ и нравственный долгъ сына великаго русскаго народа.

Что касается православной части сѣверо-американской Руси, составляющей, какъ мы упоминали уже, лишь двухсотую часть ея, то лишь въ Санъ-Франциско, въ Чикаго, да, пожалуй, еще до нѣкоторой степени въ Нью-Іоркѣ, представляетъ она сколько нибудь замѣтныя общины лицъ русской народности и вмѣстѣ съ тѣмъ православнаго исповѣданія, счетъ которыхъ можетъ все-таки перевалить за сотню и даже за другую, въ остальныхъ же мѣстностяхъ и городахъ она является представленной лишь десятками и даже единицами. Единицы эти, находясь нерѣдко въ большомъ отдаленіи отъ своихъ приходскихъ церквей, посѣщаютъ церкви уніатскія, гдѣ имѣются невдалекѣ эти послѣднія, гдѣ же и этихъ церквей по близости или по крайней мѣрѣ не въ большомъ отдаленіи не имѣется, тамъ онѣ остаются внѣ общенія съ церковью, ожидая для сего особыхъ случаевъ. Представляется небезынтереснымъ, что изъ такихъ заброшенныхъ въ глушь лицъ не только православные, но даже и раскольники, попавшіе сюда изъ Литвы, дѣлали и дѣлаютъ пожертвованія на постройку русскихъ уніатскихъ церквей, какъ церквей «русскихъ», въ которыя они и сами отправляются за отдаленностью православныхъ. Въ явленіи этомъ обнаруживается явно и очевидно національное значеніе славяно-русскаго обряда, возвышающееся надъ церковноустроительными и догматическими различіями между православіемъ, старообрядчествомъ и греческимъ католицизмомъ.

Переходя къ изображенію положенія американской Руси, какъ народности, мы должны отмѣтить прежде всего, что Русь изъ Россіи, то-есть великоруссы, малоруссы и бѣлоруссы, на всемъ пространствѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ составляетъ въ общей сложности всего около 1.000 человѣкъ. Если мы эту двадцатую часть американской Руси выдѣляемъ изъ цѣлаго, то это потому, что какъ великоруссы, такъ и бѣлоруссы, не распро-

страняющіеся вовсе за предѣлы Русскаго государства и въ значительной степени уже овеликоруссившіеся, равно и малоруссы, въ этихъ предѣлахъ находящіеся и также въ большей или меньшей степени овеликоруссившіеся, представляютъ несомнѣнно типъ великаго русскаго народа, отличный отъ австро-угорскаго типа того же народа. Воздѣйствіе государственности, общихъ ея условій и въ особенности языка, школы и управленія, сказывается на всякой народности и даже каждомъ ея типѣ. Эта Русь россійская, отличная отъ Руси австро-угорской, настолько ничтожна численно въ семидесятимилліонной слишкомъ федеративной республикѣ и настолько разбросана на громадномъ ея пространствѣ, что о народномъ ея значеніи не можетъ быть и рѣчи, хотя національное самосознаніе ей присуще въ должной степени. Православіе, исповѣдуемое этой Русью россійской, хотя и имѣетъ уже нынѣ въ Америкѣ значительную іерархію миссіонерскаго характера съ епископомъ во главѣ, на которую, какъ и на дѣла православной миссіи вообще, отпускаются русскимъ правительствомъ значительныя суммы, не подымаетъ еще пока народнаго значенія этой части американской Руси по различнымъ причинамъ. Во-первыхъ, будучи представлено на почвѣ американской девятнадцатью-двадцатью алеутами, колошами, кенайцами, эскимосами сербами, греками и арабами при одной лишь двадцатой русскихъ; имѣя рядомъ съ собой греко-католицизмъ или уніатство, его въ десять разъ превосходящее абсолютно и въ двѣсти разъ относительно русской народности; провозглашая и проповѣдуя сущность свою на языкахъ русскомъ (великорусскомъ), малорусскомъ, англійскомъ, сербскомъ, колошскомъ, алеутскомъ, кенайскомъ и даже эскимосскомъ, наше русское, или, правильнѣе говоря, россійско-русское (есть еще австро-русское въ Буковинѣ) православіе въ значительнѣйшей степени утратило уже въ Новомъ Свѣтѣ, какъ значеніе необходимаго признака русской народности съ одной стороны, такъ и выразителя и проводника русской культуры — съ другой. Во-вторыхъ, пропагандѣ возсоединенія съ православіемъ среди уніатской австро-угорской Руси, составляющей цѣлыхъ сто девяносто девять двухсотыхъ всей американской Руси, пропагандѣ, которая сосредоточена нынѣ пока въ рукахъ вышепомянутаго о. Товта, дано, какъ мы наглядно доказали уже выше, совершенно ложное направленіе, противоестественно превратившее національную религію русскаго народа въ факторъ его разъединенія и тормазъ его преуспѣянія экономическаго и общественнаго въ Новомъ Свѣтѣ. Въ-третьихъ, кромѣ нѣсколькихъ церковныхъ братствъ, образованныхъ по образцу галицкорусскихъ и угрорусскихъ уніатскихъ, православіе въ Америкѣ не имѣетъ никакихъ церковныхъ, церковно-народныхъ просвѣтительныхъ учрежденій, изъ которыхъ отчасти вторыя и въ особенности послѣднія приводятъ инородцевъ и иноплеменниковъ къ общенію съ народомъ русскимъ въ широкомъ

смыслѣ слова и постепенному путемъ его пріобщенію къ русской народности.

Что касается Руси угорской, то, какъ выяснено уже нами въ предшествующемъ изложеніи, ей въ весьма слабой степени присуще національное самосознаніе. Этотъ органическій ея порокъ сказался съ особенною рельефностью въ самое послѣднее время, такъ сказать, надняхъ. Какъ извѣстно, въ нынѣшнемъ году празднуютъ мадьяры тысячелѣтіе мадьярскаго государства. Противъ празднованія этого, основаннаго въ значительнѣйшей степени на явной исторической лжи и нагломъ извращеніи дѣйствительнаго положенія вещей въ современной Венгріи, выступили съ протестомъ представители всѣхъ немадьярскихъ народностей новосозданнаго мадьярскаго государства: сербовъ, хорватовъ, румыновъ, словаковъ и даже нѣмцевъ и рѣшили было даже созвать въ Пештѣ общее собраніе этихъ народностей для провозглашенія всенароднаго протеста противъ торжества мадьярскаго тысячелѣтія, но собраніе это было мадьярскимъ правительствомъ запрещено. Одна лишь угорская Русь, изъ всѣхъ немадьярскихъ народностей Венгріи наиболѣе угнетенная и униченная, хранила глубокое безмолвіе. До крайности возмущенная подобнымъ безмолвіемъ галицко-русская интеллигенція заявила, вмѣсто угорской, протестъ Руси противъ этого лживаго торжества, и онъ разошелся по Европѣ на языкахъ русскомъ (малорусскомъ литературномъ, утвердившемся въ Галичинѣ), нѣмецкомъ, французскомъ и мадьярскомъ. Одинъ уже этотъ фактъ самъ по себѣ показываетъ въ достаточной степени, насколько забита и загнана угорская Русь, и насколько слабо въ ней національное самосознаніе. Далѣе, нынѣ имѣется въ Венгріи великое множество малоруссовъ, уже окончательно омадьяренныхъ. Утративъ совершенно свою народность, они сохраняли еще, однако, до послѣдняго времени свой славяно-русскій греко-католическій обрядъ, остававшійся такимъ образомъ единственнымъ остаткомъ и признакомъ прежней ихъ народности. Нынѣ мадьярское правительство задумало уничтожить и этотъ послѣдній признакъ, еще уцѣлѣвшій отъ его бѣшенаго денаціонализаторскаго натиска. Эта окончательно омадьяренная часть угорской Руси представляется сплошнымъ кускомъ, вырваннымъ изъ ея истерзаннаго тѣла. Она составляетъ нынѣ 52 мадьярскихъ греко-католическихъ прихода съ 864 отдѣленіями и 62 церквами, заключающихъ въ себѣ 69.862 человѣка. Еще недавно сравнительно эти мадьяры грекокатолическаго исповѣданія говорили порусски, нынѣ же даже богослуженіе отправляется помадьярски. Конечно, изгнаніе старославянскаго языка изъ греко-католическаго богослуженія произведено не сразу. Первоначально русскіе греко-католическіе священники, эти главнѣйшіе факторы мадьяризаціи, стали помадьярски отпѣвать покойниковъ, совершать бракосочетанія и т. п., а затѣмъ уже вводить мадьярскій языкъ и въ богослуженіе въ собственномъ смыслѣ.

нынѣ все уніатское богослуженіе переведено со старославянскаго языка на мадьярскій и поднесено къ утвержденію примасу Венгріи, моньсиньору Вассари, а вмѣстѣ съ тѣмъ изъ этихъ мадьяръ греко-католиковъ, еще недавно составлявшихъ неотъемлемую часть русскаго народа, составляется особая епархія, въ которую назначается особый мадьярскій епископъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что такимъ образомъ мадьярское правительство уже даже изъ самаго русскаго богослуженія успѣло сдѣлать орудіе мадьяризаціи несчастнѣйшей угорской Руси. Какія, спрашивается, чувства можетъ возбуждать въ русскомъ народѣ и его интеллигенціи эта разрушительная дѣятельность представителей европейскаго азіатства? Какое русское сердце при видѣ ея не сожмется отъ боли и не воспылаетъ негодованіемъ? Между тѣмъ, въ самый разгаръ мадьярской выставки въ память тысячелѣтія, когда разносится по Европѣ этотъ фальшиво торжественный звонъ казеннаго и обязательнаго ликованія, являющійся погребальнымъ звономъ для растерзанной и поруганной угорской Руси, «Американскій Русскій Вѣстникъ», органъ «Соединенія греко-католическихъ русскихъ братствъ», претендующаго на роль русской организаціи, помѣщаетъ статьи, въ которыхъ восторгается какъ празднествомъ мадьярскаго тысячелѣтія, такъ въ особенности учрежденіемъ мадьярской греко-католической епархіи изъ омадьяренныхъ угроруссовъ. Можетъ ли уже отсутствіе національнаго самосознанія и утрата чувства народнаго достоинства идти еще далѣе? Здѣсь мы поставлены въ необходимость коснуться того руссофильства или великоруссофильства угрорусской интеллигенціи, которое не вяжется до очевидности съ этимъ отсутствіемъ въ ней національнаго самосознанія и ея мадьяризаторской ролью въ современномъ общественномъ укладѣ угорской Руси и такъ легкомысленно расхвалено нѣкоторыми органами нашей петербургской и московской печати. Дѣйствительно въ угрорусской интеллигенціи, состоящей почти исключительно изъ духовенства, существуетъ извѣстная склонность къ нашему русскому литературному языку и извѣстная наклонность къ его усвоенію. Но языкъ этотъ притягиваетъ ее къ себѣ, не какъ языкъ наибольшей части русскаго народа, то-есть великорусскій, даже не какъ средство пользованія богатой русской литературой, а исключительно лишь, какъ языкъ высшаго класса, аристократической среды. Дѣло въ томъ, что подъ воздѣйствіемъ и вліяніемъ многоразличныхъ государственно-общественныхъ условій угрорусская интеллигенція до сихъ поръ еще полна настолько аристократическихъ тенденцій, гордаго презрѣнія къ «простонародью», его быту и его «мужицкому» языку, что въ этомъ отношеніи нынѣ во всей Европѣ можетъ сравняться съ ней лишь польская шляхта въ лицѣ наивысшихъ и наиболѣе затхлыхъ ея сферъ. Постоянно живя мечтами то между старорусскимъ боярствомъ, то между нынѣшними русскими генералами и архіереями, не замѣчая у себя подъ

носомъ своего роднаго народа, пренебрегая его рѣчью, житьемъ-бытьемъ и нуждами, эта деморализованная и свихнувшаяся угро-русская интеллигенція пришла бы въ совершенный ужасъ отъ простонародной рѣчи владимирскаго, олонецкаго или тверскаго велико-русса, либо витебскаго бѣлорусса. Признавая нынѣ «своимъ» языкомъ, языкомъ привилегированнаго, высшаго класса, языкъ мадьярскій литературный и въ огромнѣйшемъ большинствѣ своемъ усердно работая надъ его распространеніемъ среди «простаго» народа, чѣмъ и объясняется эта быстрая мадьяризація угорской Руси, эта жалкая и пошлая угрорусская интеллигенція обнаруживаетъ, однако, склонность этотъ «свой» мадьярскій языкъ замѣнить въ «своемъ» кругу языкомъ русскимъ литературнымъ, тѣмъ языкомъ, на которомъ говорятъ русскіе генералы и архіереи, русскія начальствующія лица, русская аристократія, причемъ сознаніе родственности великорусскаго народа, языкъ этотъ создавшаго, съ народомъ угрорусскимъ въ желаніи такой замѣны не играетъ нималѣйшей роли. Сознаніе могущественности русскаго государства и вѣса и роли въ немъ русской аристократіи является движущимъ мотивомъ этого поползновенія пріобщиться къ этой послѣдней какъ духовно, для чего требуется, конечно, замѣна мадьярскаго литературнаго языка литературнымъ русскимъ, такъ и фактически — путемъ созданія занятія Венгріи русскими войсками, подобнаго тому, какое произведено было Николаемъ Павловичемъ въ 1848 году, которое, закончившись присоединеніемъ угорской Руси къ Россіи, дастъ угрорусской интеллигенціи тепленькія мѣстечки, титулы, званія и знаки отличія. Представляется очевиднымъ, что подобное великоруссофильство не имѣетъ и тѣни культурно-національнаго характера, а слѣдовательно и будущности. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ странный и двусмысленный аристократизмъ, отъ мадьярофильства извѣстнаго сорта переходящій къ руссофильству, или, правильнѣе говоря, великоруссофильству специфическаго характера, связанъ съ не менѣе страннымъ уніатскимъ клерикализмомъ, доходящимъ до дикаго и прямо преступнаго восторженія созданіемъ на угорской Руси чисто мадьярской епархіи, которая должна будто бы возвеличить значеніе и великолѣпіе восточнаго обряда.

Подобное отсутствіе въ угрорусской интеллигенціи національнаго самосознанія и крайній недостатокъ въ ней образованія и просвѣщенности вообще не могли, конечно, не отразиться и на созданной ею въ Америкѣ организаціи, именуемой «Соединеніемъ греко-католическихъ русскихъ братствъ» и нами выше уже описанной. Народъ угрорусскій, составляющій около половины ея членовъ (другую бо́льшую половину составляютъ словаки), изъ года въ годъ понижается въ умственномъ развитіи и общественномъ пониманіи и постепенно дичаетъ. Англо-американскія культура и просвѣщеніе не могутъ предупредить и остановить такого постепеннаго

одичанія, ибо изъ этой культуры и этого просвѣщенія, его окружающихъ, не можетъ онъ черпать почти совершенно, по своимъ экономическимъ и общественнымъ условіямъ съ ними ассимилируясь крайне медленно. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что славянскія народности высылаютъ въ Новый Свѣтъ главнѣйшимъ образомъ наибѣднѣйшіе и наинекультурнѣйшіе свои слои. Заурядный славянскій работникъ въ должной степени усвоиваетъ себѣ англійскій языкъ и приспособляется къ англо-американской общественности лишь въ теченіе десяти лѣтъ. Представляется очевиднымъ, что въ теченіе этого времени національное образованіе и просвѣщеніе должны дѣлать для него то, что для кореннаго работника Соединенныхъ Штатовъ дѣлаютъ образованіе и просвѣщеніе англо-американскія. Въ противномъ случаѣ этотъ славянскій работникъ, будучи лишенъ вовсе знанія и пониманія окружающихъ его условій общественныхъ и экономическихъ, былъ бы лишенъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможности выбирать и пріискивать себѣ соотвѣтственный трудъ и въ особенности выдерживать свободную конкурренцію съ рабочими иныхъ національностей, а такъ же постепенно понижался бы въ образовательномъ и общественномъ отношеніи и дичалъ бы. Это именно глубоко прискорбное народно-общественное явленіе и имѣетъ мѣсто среди двухъ приблизительно тысячъ угорскихъ русиновъ, принадлежащихъ къ «Соединенію». Здѣсь мы должны отмѣтить еще одну крайне характерную черту этого учрежденія, указаніе которой мы умышленно откладывали, чтобы сдѣлать его подъ конецъ. Какъ извѣстно, существуетъ одна изъ первичныхъ формъ національнаго самосознанія, въ которой народность сливается и отождествляется съ религіей, вѣроисповѣданіемъ. Угорская Русь въ Америкѣ, съ одной стороны въ значительной степени утративъ сознаніе своей русской народности еще въ старомъ отечествѣ, съ другой, насколько еще сознаніе это не утрачено вовсе, сущность этой своей народности видитъ въ своемъ греко-католицизмѣ или уніатствѣ съ его славяно-русскимъ обрядомъ. Подобное именно пониманіе существа своей народности американскою угрорусскою интеллигенціей совершенно съ ея стороны безсознательно выразилось при основаніи «Соединенія». Объединяя греко-католиковъ или уніатовъ народности русской, русской же находящейся на разныхъ ступеняхъ ословаченія и словацкой, представляющей Русь, окончательно ословаченную, и не допуская вовсе въ свой составъ словаковъ-протестантовъ и Русь православную, «Соединеніе» вездѣ и всегда именуетъ и заявляетъ этотъ свой спеціально греко-католическій русско-словацкій составъ «народомъ русскимъ», «русской братіей», «малой русской народностью». Само собою разумѣется, что подобное спеціально вѣроисповѣдное пониманіе своей русской народности и вышеописанный уніатскій клерикализмъ исковерканной угрорусской интеллигенціи лишь по ея невѣжеству и

неразумѣнію можетъ вязаться съ ея мечтаніями пріобщиться современемъ къ русской аристократіи, къ русскому правящему классу въ Россіи, гдѣ унія не терпится вовсе.

Остается галицкая Русь. Какъ мы до наглядности разъяснили уже выше, національное самосознаніе находится въ ея средѣ на весьма значительной высотѣ. Не взирая на свое такъ называемое украйнофильство, о которомъ разсѣяно, къ глубокому прискорбію и общенаціональному вреду русскаго народа, столько небылицъ и столько вздора невѣжественными людьми и органами нашей печати, галицко-русская интеллигенція, на свободной землѣ американской, предводимая притомъ однимъ изъ своихъ уніатскихъ священниковъ, рѣзко выступаетъ противъ исключенія русскихъ уніатовъ, принявшихъ православіе, изъ состава «Соединенія» и рѣшительно провозглашаетъ принципъ русской народности, изъ котораго исключаются всякія вѣроисповѣдныя различія и подраздѣленія. Протестъ этотъ былъ собственно первымъ толчкомъ къ будущему образованію «Русскаго Народнаго Союза», а провозглашеніе такое, въ основаніи этого послѣдняго выразившееся, повлекло за собой, какъ мы видѣли уже выше, какъ для представителя галицко-русской интеллигенціи, такъ равно и для представителя новоoснованной первой и донынѣ единственной русской народной организаціи въ Новомъ Свѣтѣ, необходимость вести процессы противъ польской газеты объ оскорбленіяхъ, порожденныхъ несомнѣнно тѣмъ же извѣстной частью польской интеллигенціи смѣшеніемъ народности съ вѣроисповѣданіемъ, въ какомъ повинна и интеллигенція угрорусская, зараженная такимъ же аристократизмомъ и клерикализмомъ, какъ и первая. Уже одна эта высота національнаго самосознанія въ галицкой Руси въ Америкѣ указываетъ на значительный уровень ея просвѣщенія, ибо безъ таковаго она немыслима. И дѣйствительно, галицко-русская интеллигенція поработала настолько для поднятія умственнаго и образовательнаго уровня своего народа, этотъ послѣдній, придя изъ своей Галичины въ Новый Свѣтъ темнымъ и непросвѣщеннымъ, настолько отважно и упорно стремился къ свѣту знанія и сокровищницѣ просвѣщенія, что сравнительно значительная уже часть его, добившись этого просвѣщенія на своемъ національномъ языкѣ и своей народной основѣ, стоитъ на уровнѣ англо-американской культуры и цивилизаціи. Дѣятельность «Русскаго народнаго Союза» и его органа газеты «Свободы» весьма способствовала и способствуетъ этому подъему просвѣтительнаго умственнаго уровня галицко-русскаго народа въ Америкѣ, который и началъ уже постепенно выдѣлять изъ себя свою коренную, русскую народную интеллигенцію. Самая внѣшность, манеры, способъ обращенія, содержаніе и тонъ разговоровъ, рѣзко отличаютъ члена «Русскаго народнаго Союза» отъ члена и соединенія греко-католическихъ русскихъ братствъ. Первый сравнительно съ послѣднимъ предста-

вляется джентельменомъ и интеллигентнымъ человѣкомъ и въ то время, какъ послѣднiй, всегда болѣе или менѣе причастный грознымъ боямъ и свалкамъ въ такъ называемыхъ салонахъ и иныхъ американскихъ кабакахъ разныхъ наименованiй, носитъ у американскаго общества презрительную кличку «hungarian» (гунгерiэнъ, венгерецъ), первый именуется среди того же общества именемъ «russian» (рошiанъ-русскiй), полнымъ симпатiи и уваженiя. Въ общемъ народное положенiе американской Руси въ ея галицкой части настолько успѣло уже выясниться изъ предшествующаго изложенiя, что мы не видимъ надобности прибавлять еще что либо къ уже высказанному.

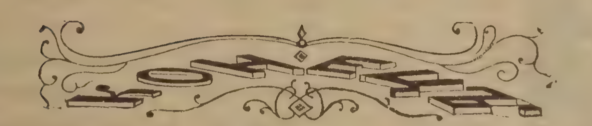
Переходя поэтому къ изображенiю современнаго экономическаго положенiя американской Руси, мы должны указать прежде всего на то, что до начала эмиграцiи Руси австро-венгерской въ Новый Свѣтъ около половины семидесятыхъ годовъ вся Русь на землѣ американской не превышала какихъ нибудь 400 человѣкъ, ибо, по продажѣ русско-американскихъ владѣнiй Соединеннымъ Штатамъ въ 1867 году и закрытiи россiйско-американской компанiи, бо́льшая часть русскихъ, состоявшихъ на службѣ у этой компанiи, возвратилась въ Россiю. Затѣмъ, галицкая и угорская эмиграцiя русскаго племени въ Новый Свѣтъ первоначально около десятилѣтiя почти носила характеръ временнаго лишь отплытiя въ дальнiе края на хорошiе заработки. Добрая часть этихъ заработковъ отсылалась въ «старый край» для поддержанiя нищенствующихъ семействъ и родни, поправленiя хозяйствъ, освобожденiя отъ долговъ старыхъ земель и прiобрѣтенiя новыхъ. Когда же австро-угорская Русь начала уже осѣдать въ Соединенныхъ Штатахъ, вскорѣ начался въ нихъ серьезнѣйшiй экономическiй кризисъ, продолжающiйся уже около восьми лѣтъ и со времени всемiрной выставки въ Чикаго особенно обострившiйся. Такимъ образомъ лицъ, успѣвшихъ задержать въ своихъ рукахъ и сколотить нѣкоторый капиталецъ и съ нимъ завести торговыя предпрiятiя, оказалось среди американской Руси весьма немного. Масса русскаго народа въ Новомъ Свѣтѣ вынуждена нести крайне тяжелую работу въ подземныхъ каменноуглеломняхъ («майнахъ»), своего рода каторжную работу, сопряженную съ постоянными членовредительствами, искалѣченiями и убiенiями наповалъ, не имѣя притомъ по нынѣшнимъ нерѣдко безработнымъ и вообще критическимъ временамъ возможности доработаться хоть до незначительнаго капитальца, съ которымъ можно было бы взяться за какую нибудь торговлишку и такимъ образомъ избавиться отъ этой якобы добровольной и опасной каторжной работы. Слѣдуетъ замѣтить здѣсь, что при сильнѣйшемъ развитiи въ Соединенныхъ Штатахъ фабричнаго производства русскiй ремесленникъ, какъ и всякiй другой, за рѣдкими исключенiями не можетъ здѣсь существовать трудами рукъ своихъ. Такимъ образомъ, всякiй

«майнеръ» (каменно-углекопъ), доработавшійся до нѣкотораго капитальца, не имѣетъ здѣсь иного исхода, какъ взяться за какую либо торговлю. Имѣются два фактора, подрывающихъ экономическое благосостояніе Руси въ Новомъ Свѣтѣ, и безъ того уже неблестящее. Страсть строить церкви и основывать новые русскіе приходы безъ должнаго соображенія съ числомъ будущихъ прихожанъ и ихъ средствами сильно еще развита среди этой Руси. Несмотря на все ея жертволюбіе, доходящее иногда до положительнаго церковно-народнаго самоотверженія, церкви эти иногда до того запутываются въ долгахъ, что попадаютъ въ продажу съ публичныхъ торговъ, давая лишь возможность путемъ ихъ покупки римско-католическимъ епископамъ втираться въ русскія церковныя дѣла и вліять на ходъ ихъ. Подобное безплодное денежное самоотверженіе не можетъ, конечно, не отражаться неблагопріятно на экономическомъ положеніи русскаго народа въ Америкѣ. Другимъ важнѣйшимъ факторомъ, подрывающимъ это положеніе, представляется изолированность и неорганизованность русскаго рабочаго, какимъ является собственно весь русскій народъ въ Новомъ Свѣтѣ. Хотя еще въ 1886—1888 годахъ, когда русская народно-общественная жизнь на другомъ полушаріи сосредоточивалась въ Шенандоа, и тамъ выходила газета «Америка», составилась въ этомъ центрѣ Пенсильваніи «russian brach» (русская вѣтвь) извѣстнаго сѣверо-американскаго рабочаго союза «Knights of labor» (рыцари труда), тѣмъ не менѣе однако образованіе этой вѣтви такъ и осталось единичнымъ случаемъ, и въ общемъ составѣ американской Руси лишь отдѣльныя единицы и притомъ въ ничтожномъ количествѣ принадлежатъ къ американскимъ рабочимъ союзамъ. Въ странѣ самодѣятельности и самопомощи, странѣ, гдѣ ничего не нисходитъ сверху, а все восходитъ снизу, странѣ, гдѣ каждый предоставленъ собственнымъ силамъ и знаніямъ, подобная изолированность и неорганизованность рабочей Руси, какою является вся она, отражается на экономическомъ ея положеніи и благосостояніи самымъ пагубнымъ образомъ. Очевидно, что, если народная организація Руси въ Новомъ Свѣтѣ едва лишь собственно началась, то экономическая ея организація до сихъ поръ вовсе и не начата. На полѣ труда съ его свободной конкурренціей, съ его экономическо-политическими колебаніями, съ его политико-экономическими кризисами, съ его глубокими общественно-экономическими вопросами и задачами, американская Русь ждетъ своихъ организаторовъ и руководителей съ бо́льшей еще настоятельностью и неотложностью, нежели на полѣ народности, народной организаціи и національнаго просвѣщенія. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что эти два поля смежны и неотдѣлимы другъ отъ друга.

Мы дали самый общій соціологическо-описательный очеркъ заокеанской Руси. Не скрываемъ, что этотъ ничтожный трудъ нашъ можетъ быть полонъ всяческихъ недостатковъ. Но мы рѣшились взяться за предметъ, еще никѣмъ до насъ не затронутый, мы осмѣлились пойти по пути, еще никѣмъ не проложенному, и эта новизна и непочатость дѣла можетъ служить намъ нѣкоторымъ оправданіемъ въ этихъ недостаткахъ. Невольно стремится русскій умъ приподнять таинственную завѣсу грядущаго и въ будущихъ судьбахъ великой сѣверо-американской республики прочесть судьбу своего народа. Уцѣлѣетъ ли онъ здѣсь среди совершенно новыхъ государственно-общественныхъ условій и сильнѣйшихъ культурныхъ вліяній, или же потонетъ и расплывется въ морѣ англо-саксонскомъ? Представить данныя для отвѣта на этотъ роковой вопросъ и было цѣлью настоящаго очерка.

Пенсильванія.
Августъ 1896 года.

Графъ Лелива (Е. Н. Матросовъ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОБЪ А. Н. МАЙКОВѢ.

Для созерцающихъ очей
И для внимающаго слуха
Доступенъ тайный образъ Духа
И внятенъ смыслъ его рѣчей.—
Глаголъ, въ пустынѣ вопіющій,
Неумолкаемо зовущій!..

Я. П. Полонскій.

ЕЩЕ какъ будто вижу предъ собой эту сухую, стройную, старческую фигуру, затянутую въ застегнутый на всѣ пуговицы черный сюртукъ, узкое лицо византійскаго типа съ тонкими чертами и длинной сѣдой бородой, мягкой и слегка волнистой. Я еще какъ будто до сихъ поръ испытываю на себѣ острый, проникающій и минутами загадочный взглядъ этихъ умныхъ черныхъ глазъ, горѣвшихъ внутреннимъ огнемъ, ослабляемымъ стеклами очковъ. Я словно до сихъ поръ слышу этотъ тихій голосъ, отчетливо и неторопливо выговаривающій каждое слово, придавая ему тѣмъ большую силу и выраженіе... Такъ все это недавно было, очень недавно, я его встрѣчалъ, говорилъ съ нимъ, слушалъ его, внутренно любовался его бодростью, его нравственной свѣжестью, его отзывчивостью... и вотъ его уже нѣтъ съ нами! Какъ это грустно, какъ это тяжело для людей, лично знавшихъ дорогого покойника и имѣвшихъ счастіе соприкоснуться съ этою высоко симпатичною и не на каждомъ шагу встрѣчающейся личностью.

Я познакомился съ Аполлономъ Николаевичемъ Майковымъ вскорѣ по пріѣздѣ моемъ изъ Москвы на службу въ Петербургъ, въ 1887 году. Въ первый разъ я встрѣтился съ нашимъ славнымъ поэтомъ въ домѣ его стариннаго друга-сослуживца и сверстника,— другого нашего поэта Я. П. Полонскаго. Помню первое, что пора-

зило меня въ то время въ его внѣшности, это почти совсѣмъ черные, безъ сѣдинки, волосы при сѣдой бородѣ. Это придавало тонкой и гибкой фигурѣ поэта, который былъ средняго роста, необыкновенную свѣжесть.

Я помню, при первомъ свиданіи мы заговорили о живописи, въ которой Аполлонъ Николаевичъ былъ большой знатокъ, какъ сынъ извѣстнаго въ свое время художника и какъ самъ готовившійся одно время избрать художественную карьеру. Я узналъ тутъ въ первый разъ, что отецъ Аполлона Николаевича — Николай Аполлоновичъ Майковъ (1796—1873 гг.), сталъ заниматься живописью уже въ зрѣлые годы, открывъ въ себѣ талантъ случайно. Лежа въ постели съ простреленной на вылетъ ногой, въ Бородинскомъ сраженіи, Н. А. Майковъ сталъ отъ скуки копировать висѣвшую надъ его кроватью картину. Опытъ оказался удачнымъ, и это дало толчекъ развитію въ немъ таланта живописца, который былъ настолько крупенъ и силенъ, что далъ возможность его обладателю сдѣлаться извѣстнымъ художникомъ, не получивъ надлежащей подготовки.

— Я и самъ,—прибавилъ Аполлонъ Николаевичъ,—думалъ стать, по примѣру отца, художникомъ; но, во-первыхъ, у меня всегда были слабые глаза, а потомъ я увлекся университетомъ... А знаете ли вы,— сказалъ онъ, улыбаясь,—чѣмъ я въ гимназіи особенно охотно занимался? Математикой... Это, однако, не помѣшало мнѣ—хотя и говорятъ, что математики не поэты,—любить поэзію и писать стихи съ дѣтства.

Въ другой разъ я спросилъ у Аполлона Николаевича, кого изъ современныхъ молодыхъ поэтовъ онъ считаетъ наиболѣе талантливымъ и обѣщающимъ въ будущемъ?

— Несомнѣнно, это Фофановъ, — отвѣчалъ Майковъ,—у него и истинный порывъ и поэтическій размахъ, жаль только, что онъ не самоусовершенствуется и не идетъ впередъ: причиной этому—отсутствіе серьезнаго образованія и незнакомство съ иностранными языками,—а жаль, очень жаль! Изъ него могъ бы, при благопріятныхъ условіяхъ, выработаться хорошій поэтъ!

— А какія изъ его стихотвореній вы находите лучшими?

— Конечно, его первыя стихотворенія... Напримѣръ, его воспоминанія о прошломъ Царскаго Села, или хотя бы его маленькая, изящная вещица, которая начинается словами

Звѣзды ясныя, звѣзды прекрасныя
Нашептали цвѣтамъ сказки чудныя...

Довольно часто сталъ я встрѣчаться съ Аполлономъ Николаевичемъ и у Н. Н. Страхова, нынѣ также покойнаго, съ которымъ Аполлонъ Николаевичъ былъ въ давнишнихъ дружескихъ отношеніяхъ.

Н. Н. Страховъ долгіе годы, до самой кончины своей, жилъ все въ одной и той же квартирѣ, по Крюкову каналу, у Торговаго моста.

Кто изъ посѣщавшихъ его не помнитъ его обширнаго кабинета, съ закопченнымъ отъ времени низкимъ потолкомъ и книжными шкафами, закрывавшими почти сплошь стѣны комнаты?

У Страхова собирались его добрые знакомые и почитатели его таланта обыкновенно по средамъ, вечеромъ. Вотъ въ этомъ-то кабинетѣ, напоминающемъ келью Фауста, котораго, по внѣшности, отчасти олицетворялъ собою нашъ маститый, сѣдобородый философъ, можно было довольно часто встрѣтить, въ числѣ прочихъ, и нашего симпатичнаго поэта. Разговоръ былъ на этихъ «средахъ» оживленный, темы подымались разнообразныя. Говорили о послѣднихъ общественныхъ и политическихъ новостяхъ, о новой какой нибудь книгѣ, затѣвались споры о литературѣ, искусствѣ, музыкѣ. А. Н. Майковъ всегда охотно принималъ участіе въ этихъ, иногда очень интересныхъ, бесѣдахъ. Конечно, присутствующіе слушали его всегда съ особеннымъ вниманіемъ.

Помню, разъ какъ-то заспорили у Страхова о значеніи поэзіи. Одни говорили, что поэзія отнюдь не должна быть «не отъ міра сего», какою является поэзія А. А. Фета, витающая исключительно «надъ грѣшной землею», а служить практическимъ цѣлямъ, проводить извѣстныя идеи. Другіе, не отрицая этого, утверждали, что поэзія не должна опускаться до утилитаризма.

— Знаете ли,—сказалъ по этому поводу Аполлонъ Николаевичъ,— даже убѣжденные сторонники «гражданской службы», такъ сказать, поэзіи, въ глубинѣ души все-таки склонны видѣть въ ней «языкъ боговъ»... Вотъ, напримѣръ, ужъ на что Бѣлинскій ревностно развивалъ теорію утилитаризма музы, а мнѣ прямо сказалъ, чтобы я его «не слушалъ» и шелъ «своей дорогой». Правъ былъ Пушкинъ:

Не для житейскаго волненія,
Не для корысти, не для битвъ,—
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ!

продекламировалъ Аполлонъ Николаевичъ, съ особеннымъ удареніемъ упирая на словахъ: «мы рождены».

Кстати — Аполлонъ Николаевичъ превосходно читалъ стихи, съ большимъ мастерствомъ оттѣнялъ онъ каждую фразу, придавая особый внутренній смыслъ простому иногда съ перваго взгляда слову.

Какъ-то, у Страхова же, который самъ очень любилъ и тонко понималъ поэзію, заговорили о техникѣ, такъ сказать, стихосложенія, о трудностяхъ версификаціи и т. п.

Тутъ же былъ и А. Н. Майковъ.

— Самое важное,—говорилъ онъ,—это найти надлежащій тонъ, размѣръ... Иной разъ начинаешь писать и самъ чувствуешь, какъ все это не то: не тотъ размѣръ, какой нужно. Въ живописи — тоже: не тотъ колоритъ, не та краска и все ни къ чему! Вотъ, напримѣръ, я три раза начиналъ и бросалъ «Кримгильду» — вижу,

что не тотъ размѣръ, и не могу идти дальше... Наконецъ, послѣ большаго перерыва, размѣръ самъ нашелся, и все пошло хорошо.

Не разъ подымался, бывало, у Н. Н. Страхова разговоръ о западникахъ и славянофилахъ.

— Я никогда не могъ,—сказалъ какъ-то разъ по этому поводу А. Н. Майковъ, — всецѣло увѣровать въ теоріи и выводы истыхъ славянофиловъ добраго, стараго времени. Все это было какъ-то неправдиво, фантастично. Отрицаніе Петра и его реформъ, вырвавшихъ насъ изъ узкаго кругозора московской Руси, было мнѣ не по душѣ. Погодинъ и Катковъ были, конечно, тоже своего рода славянофилы, но не имѣли дерзости отвергать Петра и послѣ-петровскую эпоху нашей исторіи. Это я понималъ и всегда имъ искренно сочувствовалъ... Но надѣть на себя старинный кафтанъ боярина, забиться въ пыль московской старины, кончать исторію Алексѣемъ Михайловичемъ и ставить крестъ на всемъ, что сдѣлано великимъ Петромъ и послѣ него, упорно заколачивая «окно въ Европу», — мнѣ всегда казалось это абсурдомъ, заблужденіемъ...

Въ 1888 году, я былъ выбранъ въ члены-сотрудники литературно-драматическаго общества (нынѣ, видоизмѣненное и съ новымъ уставомъ, оно носитъ названіе русскаго литературнаго общества), почетнымъ членомъ котораго былъ, между прочимъ, и А. Н. Майковъ. Онъ часто, бывало, посѣщалъ собранія общества, такъ называемыя «бесѣды», отличавшіяся въ первый періодъ существованія общества оживленіемъ, интересомъ и непринужденностью.

Аполлонъ Николаевичъ всегда очень внимательно слѣдилъ за чтеніемъ или докладомъ, но рѣдко, бывало, вступалъ въ начинавшіяся затѣмъ разсужденія по поводу реферата. Зато онъ охотно и много говорилъ, когда пренія оканчивались, и члены кружка разбивались на группы, предъ тѣмъ какъ разойтись по домамъ. Покойный поэтъ давалъ тогда мѣткія характеристики и дѣлалъ оригинальныя замѣчанія.

Такъ по поводу читанныхъ въ 1890 году однимъ изъ членовъ общества своихъ стихотвореній на восточныя темы, написанныхъ недурнымъ слогомъ, но безъ всякаго, повидимому, изученія авторомъ образцовъ мусульманской поэзіи, по преимуществу мистической, Аполлонъ Николаевичъ выразился, что стихи «гладки», но что восточнаго въ нихъ «ни на іоту», хотя и говорится въ каждой ихъ строчкѣ о Востокѣ.

Про «Крейцерову сонату», читанную въ одномъ изъ засѣданій общества по рукописному списку, Аполлонъ Николаевичъ отзывался съ большой похвалой, но лишь относительно второй ея части, той, гдѣ психологически развивается повѣсть ревности, заканчивающаяся кровавой катастрофой; что же касается общихъ разсужденій графа Л. Н. Толстого о семьѣ, бракѣ и пр., — то они не произвели большого впечатлѣнія на нашего поэта, находившаго ихъ слишкомъ субъективно-пессимитическими и односторонними.

О произведшей сильное впечатлѣніе на слушателей (1891 г.) извѣстной повѣсти Антона Чехова «Припадокъ» (этому впечатлѣнію много способствовало мастерское, художественное чтеніе повѣсти членомъ общества, артистомъ императорскихъ театровъ В. Н. Давыдовымъ), на тему о печальномъ положеніи «падшей» женщины, Аполлонъ Николаевичъ, на мой вопросъ, понравился ли ему психологическій этюдъ автора, сказалъ:

— Трудная эта тема... Герой повѣсти, впечатлительный студентъ, страдаетъ всей душой за участь «погибшихъ» женщинъ и ищетъ для нихъ путей спасенія... Скорбѣть должно, но пока общество таково, какое оно теперь, — борьба со зломъ неравна, борцы потерпятъ пораженіе, да еще, пожалуй, при смѣхѣ самихъ «жертвъ», за которыя они ломаютъ копья... Идеализація «паденій» неблагодарный трудъ... Маргариты Готье и Дуни Мармеладовы встрѣчаются рѣдко! Но напоминать обществу объ этомъ злѣ слѣдуетъ и смотрѣть на него равнодушно нельзя... Повѣсть талантлива и симпатична.

Про молодого поэта К. М. Фофанова, читавшаго у насъ въ обществѣ свои стихотворенія, Аполлонъ Николаевичъ всегда, какъ уже сказано выше, отзывался вообще съ большой похвалой, но прибавлялъ, что талантъ Фофанова, остающійся недостаточно разработаннымъ, вслѣдствіе отсутствія у поэта мало-мальски систематическаго образованія и самовоспитанія, «словно драгоцѣнный камень въ дешевой оправѣ». «Декадентскія» стихотворенія Фофанова Аполлонъ Николаевичъ приписывалъ именно этому недостатку саморазвитія и погонѣ за «модой», идущей къ намъ съ Запада, съ легкой руки Мориса Метерлинка. Однако, и эти «декадентскіе» стихи Майковъ находилъ иногда замѣчательно гармоничными и заставляющими задуматься: такъ ему очень нравилось извѣстное стихотвореніе Фофанова «Тѣни и тайны», давшее собой названіе цѣлому сборнику его стиховъ и начинавшееся словами:

И тѣни и тайны рождаются вмѣстѣ
И мучаютъ сердце тоской непонятной...

30-го апрѣля 1888 года, литературно-драматическимъ обществомъ былъ торжественно отпразднованъ юбилей полувѣковой дѣятельности нашего маститаго поэта. Этотъ литературный праздникъ прошелъ очень оживленно и отличался задушевностью. Аполлонъ Николаевичъ дружески цѣловалъ каждаго подходившаго къ нему, на эстрадѣ, чтобы принести поздравленія. Всевозможныхъ депутацій и лицъ, явившихся чествовать юбиляра, было безъ конца! Особенно тепло и отъ души поздравилъ юбиляра его горячій поклонникъ, одинъ изъ искреннѣйшихъ друзей почившаго поэта,—другой извѣстный нашъ поэтъ, нынѣ здравствующій, графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Ровно за годъ предъ тѣмъ, въ началѣ апрѣля 1887 года, состоялся другой выдающійся юбилей—пятидесятилѣтній юбилей по-

этическаго творчества нашего поэта-ветерана и друга А. Н. Майкова — Я. П. Полонскаго. На этомъ симпатичномъ торжествѣ, начавшемся съ ранняго утра въ квартирѣ юбиляра и закончившемся многолюднымъ обѣдомъ, по подпискѣ, и раутомъ въ обширномъ залѣ Кононова,—Аполлонъ Николаевичъ игралъ выдающуюся роль, какъ ближайшій товарищъ, сослуживецъ и сверстникъ юбиляра. Во время вышеупомянутаго интереснаго обѣда, на которомъ было произнесено множество рѣчей, тостовъ и спичей, Аполлонъ Николаевичъ сказалъ свое превосходное по сердечности и простотѣ тона и тонкой характеристикѣ стихотвореніе, написанное имъ спеціально къ чествуемому дню.

Это небольшое стихотвореніе такъ замѣчательно хорошо, что мы приводимъ его здѣсь цѣликомъ:

Тому ужъ больше, чѣмъ полвѣка,
На разныхъ русскихъ широтахъ,
Три мальчика, въ своихъ мечтахъ
За высшій жребій человѣка
Считая чудный даръ стиховъ,—
Имъ предались невозвратимо...
Имъ рано старыхъ мастеровъ,
Поэтовъ Греціи и Рима
Далось почуять красоты...
Бывало, нѣжный лучъ Авроры
Раскрытыхъ книгъ освѣтитъ горы,
Румяня и ветхіе листы,—
Они сидятъ, ловя намеки,
И ихъ восторгъ растетъ, растетъ,
По мѣрѣ той, какъ трудъ идетъ,
И сквозь разобранныя строки
Чудесный образъ возстаетъ...
И старики, съ своихъ высотъ,
На нихъ, казалося, взирали
И улыбались межъ собой,
И ихъ улыбкой ободряли...
Тѣ трое были. . милый мой,
Ты понялъ?.. Фетъ и мы съ тобой...

Такъ отблескъ первыхъ впечатлѣній
И тотъ же стиль и тотъ же вкусъ
Въ порывахъ первыхъ вдохновеній
Нашъ уготовали союзъ.
Другъ друга мы тотчасъ признали,
Почти на первыхъ же шагахъ,
И той же радостью въ сердцахъ
Успѣхъ другъ друга принимали.
Въ полустолѣтье же нашихъ Музъ
Провозгласимъ мы тостъ примѣрный —
За поэтическій нашъ вѣрный,
Нашъ добрый тройственный союзъ!

Это изящное, произнесенное Аполлономъ Николаевичемъ съ бокаломъ въ рукѣ, стихотвореніе всѣмъ такъ понравилось, что, по

общему желанью, поэтъ повторилъ его со сцены, при громѣ рукоплесканій, куда вслѣдъ за этимъ взошла П. А. Стрепетова и прекрасно продекламировала стихотвореніе юбиляра «Бэда-проповѣдникъ».

Съ 1891 года, ближе познакомившись съ Аполлономъ Николаевичемъ, я сталъ навѣщать его, прося иногда указаній и совѣтовъ въ нѣкоторыхъ моихъ переводныхъ, стихотворныхъ работахъ. Покойный поэтъ очень охотно дѣлалъ это.

Аполлонъ Николаевичъ много лѣтъ сряду жилъ все на одной и той же квартирѣ, на Садовой, какъ разъ напротивъ Юсупова сада.

— Предо мною,—говаривалъ онъ,—садъ, а не скучный фасадъ какого нибудь дома казарменнаго вида. Зимой деревья словно покрыты серебромъ, а въ началѣ весны, предъ отъѣздомъ на дачу, я наблюдаю, какъ они постепенно оживаютъ, какъ на нихъ показываются завязи... Къ тому же много свѣта и небо видно, а это въ Петербургѣ надо цѣнить.

Кабинетъ поэта былъ небольшой, но уютный, съ картинами высокаго достоинства по стѣнамъ.

Очень всегда привѣтливо встрѣчалъ своихъ гостей Аполлонъ Николаевичъ, отличавшійся общительнымъ и симпатичнымъ характеромъ.

Какъ-то разъ, по поводу одного стихотворенія (поэзія была «дѣломъ жизни» Аполлона Николаевича и всего болѣе его интересовала) очень популярнаго въ настоящее время французскаго поэта Хозе Марія Эредіа (Hérédia), Аполлонъ Николаевичъ сказалъ, что стихи, о которыхъ шла рѣчь, по мысли хороши, но недостаточно сильно и, такъ сказать, выпукло выражаютъ идею автора.

— Очень важная въ стихахъ вещь,—говорилъ онъ:—ихъ внѣшняя форма: отъ плохой отдѣлки они несказанно много теряютъ. Прекрасныя мысли, слабо выраженныя въ стихотворной формѣ,—все равно, что самоцвѣтный камень въ мѣдной жалкой оправѣ...

И, призадумавшись немного, какъ бы припоминая, произнесъ слѣдующія прекрасныя строки изъ собственнаго стихотворенія:

Возвышенная мысль достойной ищетъ брони!
Богиня строгая—ей нужны пьедесталъ.
И холмъ, и жертвенникъ, и лира, и кимвалъ,
И пѣсни сладкія, и волны благовоній!

Мысль о неизбѣжной необходимости для каждаго, серьезно смотрящаго на себя поэта постоянной надъ собой работы, непрерывнаго самообразованія, самовоспитанія и саморазвитія была любимой, задушевной идеей покойнаго. Впродолженіе всей своей многолѣтней литературной дѣятельности Аполлонъ Николаевичъ примѣнялъ это прекрасное правило мудреца на себѣ самомъ. Онъ постоянно шелъ впередъ въ сложной, внутренней работѣ духа, постоянно работалъ безъ устали, разработывая данный ему Богомъ талантъ.

— Нельзя, не должно сидѣть, сложа руки, и на себя радоваться! Тогда не будетъ ничего изъ дарованія: его нужно постоянно развивать, расширять, обобщать,—только тогда можно двигаться впередъ. Иначе пойдешь назадъ, что мы частенько и видимъ. Учиться, самовоспитываться надо, а это такъ не часто у насъ встрѣчается, и это жаль...

— Знаете ли,—развивая ту же мысль, сказалъ мнѣ въ другой разъ Аполлонъ Николаевичъ,—что я, будучи ужъ отцомъ семейства и писателемъ сложившимся, сызнова прошелъ, такъ сказать, университетскій курсъ, но ужъ только по другому факультету. Я кончилъ юристомъ, а тутъ вдругъ сдѣлался филологомъ. Это случилось вотъ какъ. Мой сынъ, будучи въ гимназіи, долженъ былъ изучать «Слово о полку Игоревѣ». Мнѣ вздумалось пройти его вмѣстѣ съ нимъ. Началъ—и вижу, обычное дѣленіе этой прелестной народной поэмы неправильно, что все это не то... Сталъ смотрѣть кое-какіе комментаріи,—не доволенъ! Дай, думаю, схожу къ спеціалисту,—онъ объяснитъ, что мнѣ кажется непонятнымъ. Отправился я къ покойному Измаилу Ивановичу Срезневскому, толкомъ все-таки ничего не узналъ... Какая-то, право, монополія знанія у нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ—и они сами находятъ это вполнѣ естественнымъ... Мы таки сильно съ нимъ, помню, какъ сейчасъ, поспорили, даже такъ, что домашніе подумали, что мы и не на шутку поссорились! Ушелъ я отъ него ни съ чѣмъ и принялся самъ за работу, одинъ, самостоятельно. Работалъ я надъ «Словомъ» года четыре, перечелъ все, что можно было найти по этому поводу, и до такой степени освоился съ дѣйствующими лицами поэмы, что вотъ-вотъ, кажется, вижу ихъ лица, даже представляю себѣ фигуры нашихъ удѣльныхъ князей. И вотъ результатомъ моихъ упорныхъ и, не хвастаюсь, вполнѣ добросовѣстныхъ занятій «Словомъ», которое меня сильно заинтересовало,—были: предисловіе къ «Слову», въ которомъ я подробно излагаю свой взглядъ на этотъ интересный памятникъ народнаго творчества, мое собственное стихотворное переложеніе «Слова» и примѣчанія къ нему... Такъ вотъ какъ,—заключилъ Аполлонъ Николаевичъ:—приходится работать... И это хорошо: такія работы приносятъ большую пользу!

— Много, много нужно работать надъ талантомъ,—говаривалъ Аполлонъ Николаевичъ,—и изъ музы не надо дѣлать себѣ кухарку, которая должна васъ кормить. Для этого найдите какое нибудь занятіе, службу—самое лучшее, а съ поэзіей должно обращаться бережно. Аполлонъ Николаевичъ находилъ, что служба, частная или казенная, вообще какое нибудь мѣсто, занятіе необходимы въ жизни: они развиваютъ практическій взглядъ, трезвость мыслей, вырабатываютъ характеръ и помогаютъ познавать и правильно цѣнить людей.

Аполлонъ Николаевичъ любилъ вспоминать своего бывшаго начальника и друга Ѳ. И. Тютчева.

— Это былъ человѣкъ блестящаго ума,—говорилъ онъ про него,— и талантъ его былъ сильный, яркій, онъ подымалъ васъ отъ земли и уносилъ вверхъ, въ небеса... Это былъ человѣкъ обаятельный, любезный, добродушный и благородный. Когда онъ былъ нашимъ начальникомъ, его очень всѣ мы любили. Его бесѣда была такъ всегда жива, интересна, проста. По средамъ, въ дни засѣданій [1]), мы были всегда, бывало, особенно какъ-то оживлены и въ духѣ. Тютчевъ всегда что нибудь интересное разскажетъ, по поводу какой нибудь новой иностранной книги припомнитъ историческій случай, анекдотъ, событіе изъ дипломатической жизни, что нибудь изъ запаса своихъ впечатлѣній... И это все кстати, умно, остроумно... Дочь Ѳ. И. Тютчева — Анна Ѳедоровна Аксакова, покойная вдова извѣстнаго славянофила Ивана Сергѣевича Аксакова, во многомъ была похожа на своего отца... И теперь,— добавлялъ Аполлонъ Николаевичъ,—мы, помня нашего дорогого Ѳедора Ивановича, живемъ дружно [2]). Мы такую всѣ вмѣстѣ гармоническую гамму составляемъ, что просто прелесть!..

Въ августѣ 1893 года я, напутствуемый добрыми пожеланіями Аполлона Николаевича, уѣхалъ на службу въ прибалтійскій край, гдѣ пробылъ три года.

Впродолженіе этого времени я имѣлъ свѣдѣніе объ А. Н. Майковѣ отъ одного моего ревельскаго знакомаго, П. Ѳ. Б., бывшаго въ сентябрѣ 1894 года въ Петербургѣ по дѣлу предпринятаго имъ изданія многосторонняго изслѣдованія вопроса о самовольной смерти и видѣвшагося тамъ съ А. Н. Майковымъ.

П. Ѳ. Б. былъ искренно очарованъ поэтомъ, съ которымъ не былъ знакомъ раньше и которому я подробно писалъ о встрѣченныхъ авторомъ нѣкоторыхъ затрудненіяхъ при выпускѣ его книги въ свѣтъ. При добромъ содѣйствіи Аполлона Николаевича всѣ препятствія, которыя собственно и заставили г. Б. ѣздить въ Петербургъ, были постепенно улажены, къ великому удовольствію автора.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что покойный поэтъ отличался отзывчивостью и добротою, о которой, однако, не всѣ знали. Эту врожденную его доброту и всегдашнюю готовность помочь и дѣломъ и словомъ и я лично и многіе испытали на себѣ и, конечно, хорошо помнятъ, какъ участливо относился Аполлонъ Николаевичъ къ чужой бѣдѣ, къ чужому горю и какъ всѣми силами старался немедленно прійти на помощь.

Кромѣ этой нравственной отзывчивости сердца, Аполлонъ Николаевичъ обладалъ готовностью помочь каждому въ буквальномъ смы-

---

[1]) Въ комитетѣ иностранной цензуры, гдѣ Ѳ. И. Тютчевъ былъ предсѣдателемъ до самой своей смерти.

[2]) А. Н. Майковъ былъ съ 1882 года предсѣдателемъ комитета цензуры иностранной, гдѣ ранѣе служилъ цензоромъ.

слѣ слова и всю свою жизнь дѣлалъ добро матеріально, помогая нуждающимся изъ своихъ совсѣмъ небольшихъ сравнительно средствъ, и при томъ съ трогательною деликатностью, рѣдко теперь встрѣчающейся и, можетъ быть, не всѣми по достоинству оцѣненной... Объ этомъ не многіе знали, сказалъ я выше. Это вполнѣ понятно: Аполлонъ Николаевичъ не дѣлалъ изъ этого рекламы (что случается не рѣдко), а напротивъ всегда въ подобныхъ случаяхъ старался оставаться въ тѣни.

Въ началѣ осени прошлаго года я былъ вновь переведенъ на службу въ Петербургъ и снова увидѣлся съ симпатичнымъ поэтомъ.

Первая встрѣча наша была на «бесѣдѣ» русскаго литературнаго общества.

Аполлонъ Николаевичъ сталъ меня съ интересомъ разспрашивать про Ревель, гдѣ я провелъ двѣ зимы, и полюбопытствовалъ, не былъ ли я въ извѣстномъ замкѣ Фалль, подъ самымъ Ревелемъ, маіоратномъ имѣніи свѣтлѣйшихъ князей Волконскихъ.

Я сказалъ, что былъ, подробно осматривалъ старинный паркъ и достопримѣчательный по множеству художественныхъ произведеній замокъ и даже составилъ и напечаталъ подробное его описаніе.

— Тамъ живалъ въ былые годы прежній владѣлецъ Фалля, графъ Александръ Бенкендорфъ, и у него гостилъ нѣкоторое время человѣкъ, котораго я очень любилъ,—Тютчевъ,—сказалъ Аполлонъ Николаевичъ и прибавилъ:—если бы не Бенкендорфъ, Тютчеву, который самовольно покинулъ свой дипломатическій постъ, пришлось бы, вѣроятно, очень плохо. Бенкендорфъ, однако, оказался совсѣмъ не такимъ безсердечнымъ, какимъ представлялся Пушкину, и выручилъ, вѣрнѣе спасъ, Тютчева.

И Аполлонъ Николаевичъ передалъ мнѣ подробности всей этой исторіи.

Въ январѣ этого года Аполлонъ Николаевичъ былъ совсѣмъ молодцомъ,— бодрымъ и энергичнымъ, какъ всегда. Предъ самой масляницей я видѣлъ его въ домѣ Я. П. Полонскаго. Разговоръ зашелъ сначала о событіяхъ на Востокѣ. Аполлонъ Николаевичъ, бывшій въ Турціи, очень интересно разсказывалъ о своей поѣздкѣ въ Константинополь. Затѣмъ, изъ-за какой-то новой брошюры, разговоръ перешелъ на литературу.

— Я знаю, меня называютъ холоднымъ поэтомъ, пишущимъ умомъ, а не сердцемъ. Какъ это несправедливо! Я не гонялся за «злобами» дня, всю жизнь работалъ надъ собой, глубоко обдумывалъ и отдѣлывалъ все, что печаталъ, все, чѣмъ самъ былъ недоволенъ, рвалъ, и вотъ я сталъ холоднымъ. Я глубоко переживалъ написанное и глубоко имъ волновался. Неужели же и эти, напримѣръ, строки изъ моего стихотворенія, которое называется «В. и А.», то-есть Владимиру и Аполлону, моимъ дѣтямъ, могутъ казаться холодными.

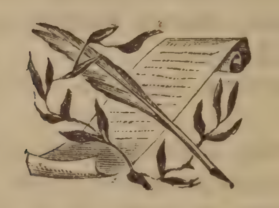
И Аполлонъ Николаевичъ съ жаромъ продекламировалъ, обращаясь къ сидѣвшимъ возлѣ него группой, въ концѣ чайнаго стола, среди которыхъ былъ и я, слѣдующія превосходныя строчки изъ только что названнаго стихотворенія:

Да, крѣпкій вывѣтрится камень,
Литой изржавѣетъ металлъ,
Но влитый въ стихъ сердечный пламень
Въ немъ вѣчный образъ воспріялъ!
Твори, избранникъ музъ, лишь вторя
Чудеснымъ сердца голосамъ;
Твори — съ кумиромъ дня не споря
И строже всѣхъ къ себѣ будь самъ!
Пусть въ испытаньяхъ закалится
Свободный духъ — и образъ твой
Въ твоихъ созданьяхъ отразится,
Какъ общій обликъ родовой.

Вскорѣ бесѣда приняла другое направленіе... Кто могъ думать изъ окружавшихъ поэта въ тотъ памятный вечеръ, что ему уже не долго суждено быть съ ними?

Это было мое послѣднее свиданіе съ Аполлономъ Николаевичемъ Майковымъ.

С. Уманецъ.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

(Разсказъ князя А. Ѳ. Орлова) [1].

ЗВѢСТНЫЙ нашъ оріенталистъ, Николай Владиміровичъ Ханыковъ, скончавшійся много лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ, имѣлъ большія связи, какъ въ средѣ государственныхъ дѣятелей, такъ и ученыхъ, а многосторонность и обширность знаній и вѣрный критическій умъ придавали особенный интересъ его бесѣдѣ, его мѣткимъ и живымъ разсказамъ. Онъ нѣсколько лѣтъ прослужилъ въ Тифлисѣ, при князѣ Воронцовѣ, директоромъ дипломатической канцеляріи, былъ однимъ изъ его любимцевъ и, перейдя отсюда къ другому назначенію, еще до отъѣзда князя съ Кавказа, заѣхалъ опять въ Тифлисъ, въ 1861 году, проѣздомъ изъ Петербурга въ Тегеранъ, и прогостилъ здѣсь нѣкоторое время. Однимъ изъ старинныхъ его тутъ пріятелей былъ М. П. Колюбакинъ, а у того весьма часто сходился по вечерамъ кружокъ еще воронцовскихъ кавказцевъ, близко между собою знакомыхъ, и бесѣда ихъ о вопросахъ дня зачастую затягивалась до 3-хъ, 4-хъ часовъ ночи; Колюбакина звали полуночникомъ, а вечера его — аттическими ночами. На одномъ изъ нихъ и познакомился я съ Ханыковымъ.

То была пора начала реформъ царствованія Александра II, вводилось уже въ дѣйствіе Положеніе 19-го февраля, журналы и газеты

---

[1]) Этотъ разсказъ, записанный со словъ Н. В. Ханыкова недавно скончавшимся К. А. Бороздинымъ, найденъ въ оставшихся послѣ него бумагахъ и сообщенъ намъ его сыномъ.

полны были разнообразными свѣдѣніями о ходѣ дѣла, и любопытство наше, въ высшей степени возбужденное, срывалось въ особенности на пріѣзжавшихъ изъ Петербурга перекрестными ихъ разспросами. Вращавшійся въ центрѣ петербургской дѣловой среды, знавшій и оборотную сторону медали, Ханыковъ былъ поэтому счастливою для насъ находкою. Экзаменовали его на всѣ лады, и онъ не лѣнился отвѣчать.

— Скажите, пожалуйста, Николай Владимировичъ, что же подѣлываетъ теперь извѣстная группа оппозиціи — Орловъ, Муравьевъ, Бибиковъ, Панинъ,— спросилъ его однажды кто-то изъ Колюбакинскихъ гостей.— Сложила ли она наконецъ свое оружіе, или продолжаетъ стоять за крѣпостничество?

— Что думаютъ Муравьевъ, Бибиковъ, Панинъ, не знаю, дальше любезныхъ поклоновъ и общихъ фразъ съ ними не иду,— отвѣчалъ Ханыковъ,— а къ Орлову я близокъ, онъ очень любилъ моего покойнаго отца, а потому и ко мнѣ еще съ дѣтства благоволитъ. Взглядъ его на крестьянскую и другія предстоящія за ней реформы мнѣ извѣстенъ.

— Да развѣ у Орлова можетъ быть какой нибудь заслуживающій вниманія взглядъ? Ему вѣдь не много приходилось думать и размышлять, а только слѣпо выполнять приказанія. Говорятъ, что при всей своей важности онъ и до трехъ не сочтетъ.

— Всякой молвѣ не вѣрьте. Орловъ не доктринеръ, но съ такимъ запасомъ здраваго смысла, опыта, и такою памятью обо всемъ имъ пережитомъ и видѣнномъ, что свернуть его въ сторону не легко. Ко всякимъ теоріямъ онъ имѣетъ отвращеніе, выводы свои черпаетъ только изъ того, что самъ нащупалъ, и на все совершающееся теперь передъ его глазами глядитъ подъ своимъ собственнымъ, не лишеннымъ оригинальности, угломъ. Старикъ далеко не такъ простъ, какъ о немъ принято говорить. Крайне лѣнивъ, апатиченъ, мало сообщителенъ, считаетъ за наказаніе браться за перо,— и очень жаль, мемуары его были бы драгоцѣнны. Впрочемъ, въ послѣднее время, скучая уже полнымъ бездѣйствіемъ, сталъ онъ иногда распахиваться съ людьми, пользующимися его благоволеніемъ, и даритъ ихъ подчасъ чрезвычайно интересными сообщеніями. Такъ нынѣшней весной у себя на дачѣ, въ Стрѣльнѣ, онъ мнѣ высказалъ многое такое, надъ чѣмъ невольно призадумаешься. Да лучше всего я постараюсь подробно передать вамъ содержаніе этой бесѣды.

Пріѣхалъ я въ Стрѣльну до полудня и засталъ князя среди цвѣточныхъ клумбъ прекраснаго его сада. Садовникъ поливалъ ихъ. Князь радушно привѣтствовалъ меня, не отрываясь отъ своего занятія, повелъ потомъ въ оранжерею, гдѣ мы и провозились до тѣхъ поръ, пока не доложили о поданномъ завтракѣ.

— Пойдемъ,— сказалъ онъ мнѣ тогда.— Это очень мило, что ты меня сегодня вспомнилъ. Мои всѣ сегодня въ Царскомъ, и я поневолѣ обреченъ былъ на разговоръ съ природой.

За столомъ бесѣда наша не имѣла въ началѣ никакого опредѣленнаго характера и лишь подъ конецъ завтрака свернула какъ-то случайно на вопросы дня. Орловъ сначала цѣдилъ свои замѣчанія отрывисто, нехотя; но вдругъ, что-то въ словахъ моихъ, чуть ли не фамилія одного изъ тогдашнихъ передовыхъ дѣятелей, задѣла его за живое, онъ пристально взглянулъ мнѣ въ глаза и нетерпѣливо оборвалъ:

— Такъ, такъ, вѣдь и ты, конечно, либералъ. Тебѣ книги въ руки, а мнѣ уже поздно записываться въ вашъ цехъ. Сами засмѣете, коли туда запишусь.

Онъ допилъ стоявшую передъ нимъ рюмку вина, поднялся съ мѣста и прибавилъ:

— Бери-ка чашку кофе въ кабинетъ. Знаю, что ты малый неглупый, и объясню тебѣ тамъ кое-что такое, чего ты въ книгахъ не вычитаешь.

— Служу я третьему по счету императору,— началъ старикъ, усѣвшись въ широкое свое кресло и усадивъ меня противъ себя.— Многое привелось видѣть мнѣ на своемъ вѣку и вотъ частицею того подѣлюсь теперь съ тобою. Слушай же.

— Въ 15-мъ году, когда Александръ I даровалъ Польшѣ конституцію, Варшава ликовала. Изъ сената, гдѣ при собраніи всѣхъ высшихъ чиновъ царства прочитана была хартія, государь, среди густой массы народа, оглашавшей его криками восторга, ѣхалъ во дворецъ въ открытой коляскѣ съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, а я, тогда полковникъ еще и флигель-адъютантъ, сопровождалъ ихъ съ прочею свитою верхомъ. Медленно двигаясь по улицамъ, запруженнымъ толпою, прибыли мы наконецъ ко дворцу, гдѣ государь вскорѣ милостиво насъ отпустилъ отдыхать. Утомленный до крайности, поспѣшилъ я къ себѣ въ комнату, раздѣлся и только что растянулся на постелѣ, какъ вошедшій ко мнѣ ординарецъ отъ цесаревича передалъ мнѣ его приказаніе немедленно къ нему явиться. Дѣлать было нечего, пришлось опять натягивать мундиръ.

Цесаревичъ издавна считалъ меня своимъ человѣкомъ. Служба моя началась въ Конномъ полку, когда онъ имъ командовалъ, въ Отечественную войну я былъ уже эскадроннымъ командиромъ и дѣлалъ всю заграничную кампанію подъ непосредственнымъ его начальствомъ и при всей его взбалмошности держалъ себя съ нимъ такъ сдержанно и серьезно, что онъ, какъ всѣ безхарактерные люди, сталъ самъ во мнѣ заискивать и сошелъ со мною на самыя интимныя отношенія. Вотъ и землю здѣсь въ Стрѣльнѣ онъ мнѣ подарилъ, чтобы держать меня ближе къ себѣ. Золотое сердце былъ

покойникъ, только человѣкъ невозможный... Присланный ординарецъ означалъ что-то черезчуръ важное, и я поспѣшилъ къ нему. Засталъ я его тоже раздѣтымъ и лежащимъ на постелѣ; онъ знакомъ показалъ мнѣ пододвинуть къ нему стулъ и сталъ говорить въ полголоса:

— Изъ всей этой кукольной комедіи, называемой дарованіемъ конституціи, на которую мы съ тобой сейчасъ глядѣли, ничего, конечно, путнаго не выйдетъ; я увѣренъ, что кичливые паны въ концѣ концовъ перегрызутся между собой, не удовольствуются тѣмъ, что имъ дано, и захотятъ бо́льшаго, то-есть невозможнаго. Да чортъ съ ними, о нихъ я и не забочусь, пусть себѣ тѣшатся, какъ знаютъ; но меня поразило совсѣмъ другое, болѣе серьезное обстоятельство. Представь себѣ, что когда мы ѣхали изъ сената, государь обратился ко мнѣ съ такими словами: «скоро и для Россіи наступитъ точно такая же великая и счастливая минута и точно такъ же, какъ теперь, даровавъ ей конституцію, я буду ѣхать въ Петербургѣ съ тобою же изъ сената во дворецъ среди ликующаго моего народа».

— Мысль эта, выраженная въ общихъ выраженіяхъ въ манифестѣ, меня и безъ того уже коробила, а тутъ, когда я услышалъ ее въ такой опредѣленной формѣ изъ устъ самого государя, на меня нашелъ ужасъ... на нѣсколько мгновеній языкъ мой онѣмѣлъ, и я наконецъ съ трудомъ могъ выговорить:

— Слагать вамъ, ваше величество, съ себя самодержавную власть врядъ ли будетъ согласно желаніямъ самого вашего народа.

Государь нахмурился и сухо мнѣ отвѣтилъ:

— Я не спрашиваю вашего мнѣнія, а объявляю вамъ, какъ своему подданному, свою монаршую волю.

Затѣмъ, государь, на всемъ пути до дворца, не сказалъ мнѣ ни слова и, отпуская, еле кивнулъ.

— Каковъ сюрпризъ? Ты поймешь теперь, что я долженъ былъ перечувствовать послѣ такого діалога, и почему я послалъ за тобой, чтобы отвести душу...

Сказавъ это, цесаревичъ вскочилъ съ постели и сталъ въ одномъ бѣльѣ быстро ходить по спальнѣ, повторяя отрывистыя фразы и обращаясь ко мнѣ.

— А? каково! конституція въ Россіи?... какая несчастная мысль... да добро бы, если бы то была только мысль... нѣтъ! ужъ тутъ не одна мысль, а безповоротное рѣшеніе. Какихъ ужасныхъ бѣдствій не только для самихъ себя, а для нѣсколькихъ будущихъ поколѣній должно ожидать отъ этой затѣи. Сознаешь ли ты весь ужасъ ея послѣдствій? Подумай, что тутъ выйдетъ... Простой народъ никогда не повѣритъ, чтобы царь самъ своею доброю волею отнялъ у себя власть. Ему никто не втемяшитъ, что это дѣло не самого царя, а рукъ господскихъ. Они только, по его понятіямъ, могутъ его къ

тому принудить, чтобы захватить власть въ свои руки... И стоитъ только поддержать въ народѣ эти догадки, чтобы пошла рѣзня похуже пугачевщины... Вотъ чѣмъ скажется у насъ на первыхъ же порахъ конституція. Поголовное истребленіе дворянства, а потомъ анархія...

Порывисто шагая по спальнѣ, цесаревичъ долго говорилъ на эту тему, страшно бранилъ окружающихъ государя мечтателей, не имѣющихъ ни малѣйшаго понятія о нашемъ отечествѣ и внушающихъ ему такія мысли. Но времени до параднаго обѣда оставалось уже не много, и онъ отпустилъ меня, взявъ слово молчать обо всемъ отъ него слышанномъ.

Признаюсь, я и самъ крѣпко надъ этимъ задумался и вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе его о конституціи, считая ее для насъ тою же чумою, если не хуже. Долго прислушивался я потомъ къ толкамъ о ней въ Петербургѣ. Сначала слышно было, что проектъ ея пишется уже Новосильцевымъ, что скоро будетъ готовъ, потомъ замолчали; въ Варшавѣ между тѣмъ пошли нелады съ новыми порядками, государь началъ разочаровываться въ Польшѣ и въ совершенствѣ дарованной имъ ей конституціи. Потомъ все стихло.

Прошло пять лѣтъ, служба моя двигалась впередъ, и въ 20-мъ году я уже былъ генералъ-маіоромъ въ свитѣ. Государь ко мнѣ былъ очень милостивъ.

Явившись однажды на дежурство въ концѣ февраля, по обыкновенію прежде чѣмъ государь изволилъ выйти изъ опочивальни, сталъ я просматривать только что полученныя изъ чужихъ краевъ газеты. Онѣ принесли два крупныхъ извѣстія: убійство фанатикомъ Лувелемъ герцога Беррійскаго и возстаніе въ Неаполѣ, вызванное отмѣною конституціи королемъ Фердинандомъ (Бомбою), дарованной имъ же за четыре года передъ тѣмъ. Выходъ государя оторвалъ меня отъ чтенія. Милостиво со мною поздоровавшись и направляясь въ свой кабинетъ, онъ позвалъ меня туда.

— Читалъ новости? — было первымъ его вопросомъ.

— Читалъ, ваше величество.

— Жаль мнѣ отъ души бѣднаго герцога Беррійскаго; я близко его зналъ и любилъ больше всѣхъ Бурбоновъ, онъ былъ рыцаремъ безъ страха и упрека, да и передъ кончиною своею, прося помилованія для своего убійцы, опять же показалъ высокую свою душу. Да, въ теперешней Франціи, раздираемой партіями, людямъ честнымъ не живется.

Государь не много помолчалъ, сидя въ задумчивости, и потомъ снова заговорилъ.

— А вотъ что творится теперь въ Неаполѣ, можно было заранѣе предвидѣть. Этотъ Бомба только и дѣлаетъ однѣ глупости. Никто не толкалъ его на конституцію въ Сициліи—давать ее значило самого себя упразднять, а, давши Сициліи, не могъ не распростра-

нить ее и на Неаполь, и не прошло 4-хъ лѣтъ, какъ онъ же рветъ свою хартію. Теперешнее возстаніе придется ему усмирять развѣ только австрійскими штыками, и надолго ли? Вообще для меня непонятно, какъ можетъ неограниченный государь по собственному, добровольному почину давать конституцію, связывающую его свободную волю. У меня никогда не поднялась бы на то рука. Совсѣмъ другое дѣло—попытка моя съ Польшею; я думалъ лишь возвратить ей прежнюю ея форму правленія, считая раздѣлъ ея величайшею несправедливостію. Къ сожалѣнію, поляки не умѣютъ ею пользоваться въ предѣлахъ благоразумія, и у нихъ, кажется, придется отобрать эту игрушку. Но навязывать конституцію Россіи считалъ бы я безразсудствомъ. Могу ли я касаться до власти, врученной царю всѣмъ народомъ, и въ угоду мечтамъ какой нибудь группы утопистовъ поставить ихъ во главѣ правленія?

Я слушалъ государя съ замираніемъ въ сердцѣ. Передо мною живо воскресли воспоминанія 15-го года въ Варшавѣ, сообщеніе, сдѣланное мнѣ цесаревичемъ, наша общая съ нимъ тревога, и я самъ себя спрашивалъ: тотъ ли это самый передо мною императоръ, который такъ категорично изъявлялъ, пять лѣтъ тому назадъ, свое безповоротное рѣшеніе—даровать Россіи конституцію?

Я сдѣлалъ тебѣ, любезный Ханыковъ, эту длинную интродукцію,— сказалъ князь Алексѣй Ѳедоровичъ,— чтобы ты понялъ, что мнѣ, интимному свидѣтелю подобныхъ вещей, на высотѣ, не для всѣхъ доступной, позволительно глядѣть на нѣкоторыя явленія совершенно по своему и имѣть свою собственную логику. Можно ли меня винить за то, что я недовѣрчиво отношусь къ пылкому реформаторству нынѣшняго государя, котораго когда-то носилъ на рукахъ и люблю, какъ человѣка, больше самого себя.

— Вотъ, господа,— заключилъ Ханыковъ, — какую интересную исповѣдь привелось мнѣ слышать отъ князя А. Ѳ. Орлова.

К. Бороздинъ.

ВОСПОМИНАНІЕ О С. А. БЕРШАДСКОМЪ.

ЕДАВНО минулъ годъ со дня кончины одного изъ лучшихъ, симпатичнѣйшихъ русскихъ людей, профессора Сергѣя Александровича Бершадскаго.

Наша печать своевременно отмѣтила уже на своихъ страницахъ заслуги покойнаго передъ наукой; другъ Сергѣя Александровича—А. Х. Гольмстенъ помянулъ его теплымъ словомъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Безъ сомнѣнія, у многихъ людей сжалось сердце, когда они прочли роковую вѣсть о томъ, что нѣтъ болѣе на свѣтѣ идеалиста-ученаго, беззавѣтно любившаго молодежь, въ свою очередь, пользовавшагося ея любовью, человѣка, совѣсть котораго была чиста и чужда сдѣлокъ съ кумирами современной дѣйствительности!..

Насколько мнѣ извѣстно, однако, изъ среды многочисленныхъ слушателей покойнаго Сергѣя Александровича никто не сказалъ еще о немъ ничего печатно. И мнѣ желательно настоящею замѣткой хотя отчасти пополнить этотъ пробѣлъ—именно теперь, когда годовщина его смерти была пройдена въ печати молчаніемъ...

Я познакомился съ Сергѣемъ Александровичемъ у профессора А. Д. Градовскаго, въ 1885 году, по поступленіи моемъ въ военно-юридическую академію.

Не забуду того впечатлѣнія, какое произвели на меня въ академіи лекціи его по исторіи философіи и энциклопедіи права! Это были, по большей части, вдохновенныя импровизаціи, выливавшіяся изъ сердца, поражавшія мастерскою группировкою матеріала, огромною памятью, смѣлыми выводами. Сергѣй Алексадровичъ не довольствовался одною только сухою передачей мертвыхъ фактовъ. Нѣтъ!

Онъ одухотворялъ эти факты, озарялъ ихъ своей горячею вѣрой въ истину, въ торжество правды, въ нравственный ростъ и совершенствованіе человѣческой личности... Сухія, давно уже отжившія, философскія системы внезапно возставали передъ умственными взорами очарованныхъ слушателей въ ясныхъ, строго логичныхъ, яркихъ и удобо-понятныхъ характеристикахъ... И навѣрно въ памяти еще у всѣхъ слышавшихъ Сергѣя Александровича, напримѣръ, блестящая рѣчь его о христіанствѣ! Слезы дрожали въ его голосѣ, голосъ этотъ крѣпнулъ съ каждою фразой; слезы были на глазахъ у потрясенной аудиторіи... Всѣ мы разошлись молчаливые, сосредоточенные... Подобныя минуты навсегда духовно сближаютъ слушателей съ профессоромъ!..

Какъ теперь вижу Сергѣя Александровича на каѳедрѣ: его плотную, дышащую здоровьемъ фигуру, типичную голову съ черною, окладистою бородой и добродушно, изъ-за очковъ глядящими на насъ, офицеровъ, глазами; особенный, часто повторяющійся во время рѣчи короткій жестъ вверхъ его правой руки... Онъ читалъ свои лекціи всегда стоя, увлекаясь, не заботясь о томъ, всѣ ли офицеры налицо въ аудиторіи, слушаютъ его они или нѣтъ, а думалъ лишь о томъ, чтобы возможно яснѣе формулировать мысль, чтобы не забыть чего либо насущно необходимаго... Кончилась лекція—и Сергѣя Александровича окружали офицеры. Съ необыкновенною готовностью разъяснялъ онъ имъ сомнѣнія, вызванныя его словами, указывалъ на источники для болѣе всесторонняго изученія предмета и говорилъ, говорилъ утомленнымъ, но ровнымъ, задушевнымъ голосомъ... Не разъ долетали до меня фразы, обращенныя къ молодому офицеру, только что покинувшему строй и еще не пришедшему въ себя въ новой для него академической обстановкѣ, въ родѣ: «позвольте съ вами, милостивый государь, не согласиться», «мнѣ кажется, что мы съ вами смотримъ на вопросъ съ различныхъ точекъ зрѣнія»...

Сергѣй Александровичъ не снисходилъ покровительственно до слушателя, а, наоборотъ, поднималъ его до себя. Съ нимъ говорилось легко, безбоязненно: какъ-то сразу забывалась разница въ общественномъ положеніи, въ образованіи...

Онъ самъ вызывалъ на объясненія, тревожилъ сознаніе и пользовался каждымъ случаемъ обмѣна мыслей, чтобы заронить въ молодыя сердца вѣчныя сѣмена правды, добра, сочувствія къ преступному ближнему, хотя и павшему, но способному еще подняться изъ грязи, стать инымъ подъ вліяніемъ добраго слова, хорошаго примѣра, родственнаго участія къ его судьбѣ...

Какимъ уваженіемъ къ чужому мнѣнію, какой искреннею, глубокою симпатіей дышало всегда обращеніе Сергѣя Александровича съ офицерами военно-юридической академіи!... Недаромъ же онъ пользовался въ средѣ ихъ огромною популярностью, въ свою очередь высоко ставя и академію, и ея питомцевъ; недаромъ же на лекціи

его приходили въ свободные часы слушатели другихъ курсовъ, и по просьбѣ обучающихся офицеровъ онъ читалъ даже дополнительныя лекціи по исторіи философіи права внѣ рамокъ академическаго курса, жертвуя безвозмездно своимъ досугомъ для общаго блага...

Это былъ другъ воспитанниковъ академіи, другъ тайный и себя не рекламировавшій, заступавшійся за нихъ на экзаменахъ и конференціяхъ, всегда склонный объяснить тотъ или другой неудачный отвѣтъ офицера несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ... Многіе, обязанные Сергѣю Александровичу своею служебною карьерой, только впослѣдствіи случайно узнавали про доброе слово, сказанное имъ въ ихъ пользу въ трудную для нихъ минуту академической жизни... Доступный въ стѣнахъ академіи, онъ еще болѣе былъ доступенъ на дому: всякій могъ зайти къ нему, достать у него нужныя пособія, выслушать добрый совѣтъ... Для военно-юридической академіи, для военно-судебнаго вѣдомства, смерть Сергѣя Александровича великая потеря.

Въ бумагахъ моихъ сохранилось письмо покойнаго, вполнѣ характеризующее, какъ свѣтлую, безупречную личность его, такъ и отношеніе его къ военно-юридической академіи,—письмо, которое я не считаю себя въ правѣ скрывать, такъ какъ оно касается не лично меня, а всѣхъ имѣвшихъ счастье воспитываться въ академіи.

Вотъ это письмо, написанное ко мнѣ 27 марта 1893 г., по возвращеніи Сергѣя Александровича изъ Вильны съ процесса по дѣлу о наслѣдствѣ графа Манузи:

«Многоуважаемый А. В! Только вчера вечеромъ, до смерти усталымъ, возвратился я въ Петербургъ. Не сѣтуйте, поэтому, на меня зато, что раньше не могъ отвѣтить на ваше любезное письмо!

«Встрѣча съ вами въ Вильнѣ составила одну изъ самыхъ пріятныхъ минутъ въ моей преподавательской дѣятельности. Говорю это съ тѣмъ бо̀льшимъ удовольствіемъ, что никогда не могъ надѣяться на такое вознагражденіе за свой скромный трудъ.

«Я всегда, подобно большинству моихъ товарищей, не только сознавалъ, но и громко заявлялъ объ этомъ всѣмъ и каждому, что изъ всѣхъ аудиторій, въ которыхъ мнѣ приходилось читать, аудиторія военно-юридической академіи была самою выдающеюся, какъ по вниманію слушателей, такъ и по серьезному ихъ отношенію къ предмету [1]).

«Фактъ этотъ тѣмъ болѣе поразителенъ для перваго взгляда, что посѣщеніе лекцій въ академіи обязательно: слѣдовательно ходятъ и обязаны ходить всѣ, а не только желающіе, заинтересованные, какъ, напримѣръ, въ университетѣ.

---

[1]) Невольно вспоминается мнѣ такой же лестный отзывъ о слушателяхъ академіи профессора А. Д. Градовскаго, имѣвшаго неоднократные случаи близко со многими изъ нихъ познакомиться.

«Но если пріятно вспоминать о тѣхъ часахъ, которые проводишь въ духовномъ общеніи съ аудиторіей, то во сто кратъ еще пріятнѣе видѣть, какъ мнѣ не разъ приходилось, что живое слово науки остается крѣпкимъ и среди испытаній будничной жизни: честь и слава тѣмъ, кто не только слышалъ и вѣровалъ въ истину, но кто водворилъ ее въ своей душѣ, сдѣлалъ ее частью своего бытія!..

«Медленно движется человѣчество отъ безсознательнаго бытія къ разумной, сознательной жизни; но каждый шагъ впередъ, какъ бы онъ ни былъ малъ, есть работа на пользу человѣчества.

«Я не знакомъ въ подробностяхъ съ программами другихъ академій и съ положеніемъ въ нихъ профессоровъ и слушателей; но, насколько могу судить по извѣстнымъ мнѣ фактамъ, во всѣхъ другихъ академіяхъ преобладаніе техническаго элемента въ самихъ программахъ должно по необходимости вести къ извѣстной односторонности преподаванія и направленія мыслей у слушателей. Военно-юридическая академія, отводя спеціальнымъ техническимъ дисциплинамъ лишь третью часть своего курса и полагая въ основаніе этихъ наукъ ученіе о правѣ, обществѣ и государствѣ, о человѣкѣ, какъ индивидуумѣ и какъ части организованнаго единства, мнѣ кажется, даетъ своимъ слушателямъ болѣе широкое гуманитарное образованіе и развитіе, чѣмъ какая либо другая изъ военныхъ академій. Вѣдь тѣ порицанія, которыя военные люди въ узко-техническомъ смыслѣ ставятъ военно-юридической академіи, показываютъ достаточно ясно на эту особенность гуманитарной программы нашей академіи: она знаетъ не только солдата, но знаетъ, кромѣ того, еще и человѣка.

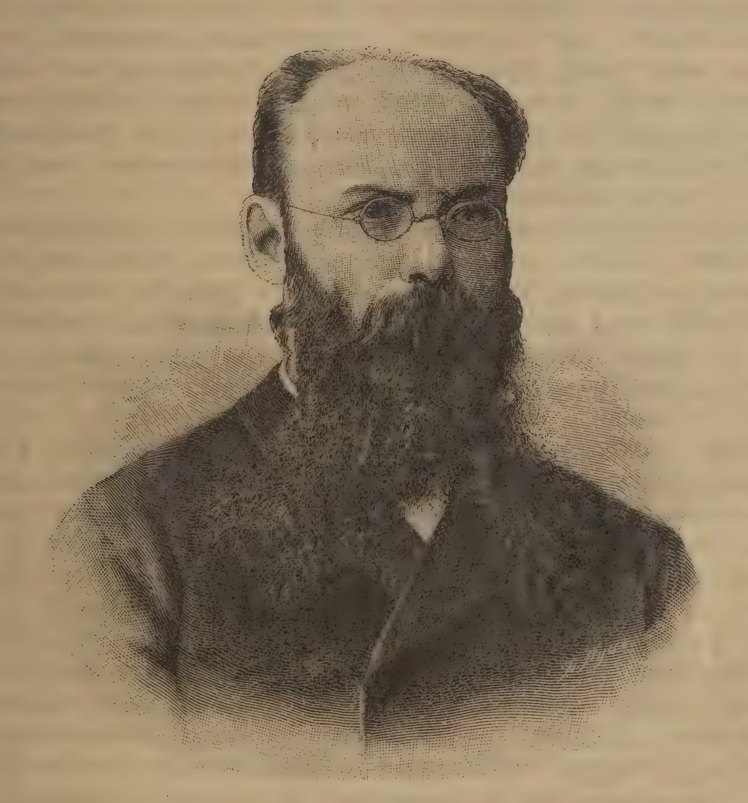
«Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что прохожденіе курса любого, даже узко-специльнаго техническаго училища, не можетъ остаться безслѣднымъ въ душѣ слушателя, разъ преподаваніе поставлено на надлежащую научную почву: вѣдь прежде чѣмъ учить техникѣ, то-есть искусству, необходимо указать на тѣ законы, которые лежатъ въ основаніи той или другой отросли искусства. Разъ этого нѣтъ, нѣтъ и высшаго учебнаго заведенія, а будетъ лишь мастерская, гдѣ не учатся изучать, какъ, что и на чемъ основано, а только механически, безсознательно, повторяютъ то, что видятъ у себя передъ глазами.

«Поэтому-то научное образованіе, даже узко-техническое, будитъ мысль. Но, конечно, огромная разница между исторіей походовъ, осадъ, сраженій и т. п., и исторіей человѣчества; между статистикою, какъ собраніемъ свѣдѣній о пріемахъ собиранія статистическихъ фактовъ, и статистикой, какъ наукой о законахъ общественныхъ, и т. д.

«Всѣ юридическія науки, различаясь между собою особенностью изслѣдуемаго каждою изъ нихъ предмета, тѣмъ не менѣе отправляются отъ предположеній и понятій, наиболѣе близкихъ душѣ человѣка—права и нравственности, а слѣдовательно, по необходимости,

касаются и основныхъ вопросовъ человѣческаго міросозерцанія. Освѣщая и обособляя свои доктрины фактами исторіи, эти науки должны по необходимости расширять умственный кругозоръ лица, ихъ изучающаго, поднимать его надъ узко-техническими рамками его спеціальности.

«Для того, чтобы знать законы и механически ихъ примѣнять, достаточно одной только памяти; но для того, чтобы понимать

Сергѣй Александровичъ Бершадскій.

законы и прилагать ихъ, по ихъ истинному разуму и смыслу, для этого нужно не только знаніе текстовъ, но и духовное развитіе. А въ этомъ отношеніи военно-юридическая академія, программы которой составляютъ слѣпокъ съ программъ юридическихъ факультетовъ, смѣло можетъ считаться наиболѣе широко-отвѣчающею требованіямъ развитія.

«Сердечно сожалѣю, что не могъ еще разъ видѣть васъ на вокзалѣ; но у меня были еще кое-какія дѣла въ казначействѣ и

канцеляріи суда, которыя мнѣ помѣшали выѣхать утромъ, какъ я предполагалъ.

«Привѣтствуя васъ съ наступающими праздниками, прошу передать мой самый искренній привѣтъ и поклонъ вашей супругѣ.

«Искренно васъ уважающій,

«вашъ С. А. Бершадскій».

Знаменитый, надѣлавшій много шума въ научномъ мірѣ и сѣверо-западномъ краѣ, процессъ о милліонномъ наслѣдствѣ, оставшемся послѣ графа Манузи, — процессъ, въ который, въ качествѣ третьей стороны, вступила казна и для котораго Сергѣй Александровичъ вмѣстѣ съ присяжнымъ повѣреннымъ В. Н. Герардомъ въ 1893 году дважды пріѣзжалъ въ Вильну защитникомъ, едва ли не стоилъ жизни покойному...

Какъ ученый, единственно, во имя интересовъ науки, презирая денежный расчетъ, онъ самъ, на свой рискъ, вмѣшался въ это сложное, запутанное дѣло, исходъ котораго зависѣлъ отъ того или иного толкованія литовскаго статута и сеймовыхъ конституцій, и, какъ истинный ученый, весь съ головой ушелъ въ защиту «болѣе слабаго и праваго» (его подлинное выраженіе, употребленное въ бесѣдѣ со мною).

Послѣ долгихъ, мучительныхъ раскопокъ по архивамъ, Сергѣй Александровичъ явился въ засѣданіе виленской судебной палаты, нагруженный кипами документовъ, рукописей, старинныхъ книгъ, запасшись своими научными изслѣдованіями и замѣтками, торжествующій, радостный и просвѣтленный отъ сознанія, что служитъ наукѣ на практической почвѣ и защищаетъ правое дѣло. Онъ прочелъ въ палатѣ блестящую лекцію о нѣкоторыхъ вопросахъ наслѣдованія по литовскому статуту, подавъ примѣръ уваженія къ чужому имѣнію и рыцарски-вѣжливаго отношенія къ противникамъ по процессу, и уѣхалъ, не дождавшись резолюціи въ окончательной формѣ, на половину убѣжденный въ томъ, что дѣло его выиграно. Какъ волновался онъ до мертвенной блѣдности и холоднаго пота на лицѣ, какъ подѣтски вѣрилъ въ невозможность иного исхода процесса... Бѣдный, онъ былъ глубоко жалокъ въ эти минуты сомнѣній и надеждъ, которыя должны были разбиться при столкновеніи съ дѣйствительностью!..

Нечего говорить, что прежніе слушатели Сергѣя Александровича по академіи, воспользовавшись пребываніемъ въ Вильнѣ дорогого профессора, пожелали выразить ему свои горячія, не остывшія съ годами, симпатіи... Такъ какъ онъ рѣшительно отклонилъ всякое оффиціальное чествованіе, то многіе зашли повидаться съ нимъ въ палату, пожать ему руку, просто хоть взглянуть на него, а нѣкоторымъ удалось даже залучить его къ себѣ на квартиру. Вообще пріѣздъ Сергѣя Александровича оживилъ наше военно-судебное

общество, и въ задушевныхъ бесѣдахъ съ нимъ вспоминалась академія, затрогивались вопросы науки и текущей жизни.

Въ это послѣднее свиданіе съ покойнымъ я замѣтилъ въ немъ характерную черту: онъ зорко вглядывался въ бывшихъ своихъ учениковъ, вдумывался въ ихъ рѣчи, взвѣшивалъ ихъ слова, точно желая уяснить себѣ, что сдѣлала съ ними жизнь и практика, много ли осталось въ нихъ вынесеннаго изъ стѣнъ академіи.

Результатомъ подобныхъ наблюденій и было вышеприведенное письмо его ко мнѣ отъ 27-го марта.

23-го ноября, того же года, Сергѣй Александровичъ прислалъ мнѣ взволнованную, скорбную записку, въ которой сообщилъ о томъ, что судебная палата опредѣлила утвердить приговоръ Ковенскаго окружнаго суда, «то-есть, какъ онъ выражался, похоронила въ рѣкѣ забвенія» всю его и В. Н. Герарда работу; просилъ узнать подробности состоявшагося рѣшенія и передать отъ него «сердечный поклонъ и привѣтъ» моимъ «товарищамъ...».

Если бы могъ Сергѣй Александровичъ предвидѣть тогда, что правительствующій сенатъ, въ который переносилось дѣло по жалобамъ сторонъ, отмѣнивъ приговоръ Виленской судебной палаты, передастъ дѣло въ другую палату, положивъ въ основаніе своего рѣшенія тѣ научные выводы покойнаго, въ которые онъ такъ вѣрилъ, то на много сократились бы его душевныя терзанія... Но кто зналъ хорошо Сергѣя Александровича, тотъ представитъ себѣ легко, какія муки вынесъ онъ, убѣдившись, что труды многихъ лѣтъ были напрасны, и что надо начинать работу, какъ говорится, съ начала!.. Въ засѣданіи сената тѣнь покойнаго ученаго встала сенаторамъ передъ глазами во весь ростъ, когда В. Н. Герардъ въ своей рѣчи сослался на его труды и указалъ на то, что хотя Сергѣй Александровичъ являлся въ процессѣ стороной, но что авторитетъ его и научное безпристрастіе, конечно, никѣмъ не будутъ подвергнуты сомнѣнію... Въ память встрѣчи своей въ Вильнѣ Сергѣй Александровичъ прислалъ нѣкоторымъ лицамъ виленскаго военно-окружнаго суда и военно-прокурорскаго надзора брошюру свою «о наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ по литовскому статуту»; обѣщалъ подарить намъ всѣмъ фотографическія карточки...

Изрѣдка я переписывался съ нимъ и имѣлъ о немъ свѣдѣнія отъ общихъ знакомыхъ.

За полгода до своей кончины, 29-го іюня 1895 года, онъ прислалъ мнѣ еще одно письмо, на этотъ разъ послѣднее. Вотъ оно: «Многоуважаемый А. В.! крѣпко виноватъ передъ вами и передъ вашими виленскими товарищами [1]). Сознаю это и прошу извинить великодушно! Въ оправданіе свое, могу привести, однако, слѣдующую причину: весь нынѣшній академическій годъ 1894—1895 я

[1]) Говорится объ обѣщанной и не высланной фотографической карточкѣ.

проболѣлъ, и не особенно, повидимому, тяжелою болѣзнью, но которая характерна въ томъ отношеніи, что тяжело ложится на энергію, волю человѣка. Въ настоящее только время я настолько поправился, что принимаюсь съ нѣкоторою охотой за свои обычныя занятія. Дѣло, проигранное нами въ судебной палатѣ, потребовало для своего возстановленія долгой и скучной работы въ архивахъ. Занимаясь надъ старыми связками, при всѣхъ неудобствахъ, которыя существуютъ для занимающихся въ нашихъ архивахъ, не имѣя возможности оставить другія обычныя занятія, я къ Рождеству дошелъ до такого переутомленія, что мнѣ трудно было не только подняться къ фотографу, но трудно было передвинуть книгу, взять перо въ руки.

«Пришлось серьезно лѣчиться! Но для васъ понятно, что результаты лѣченія не могли быть особенно благопріятны, когда неотложныя занятія продолжались попрежнему; а въ нынѣшнемъ году они даже для меня увеличились, такъ какъ я избранъ въ академіи на каѳедру государственнаго права: слѣдовательно мнѣ приходилось нынѣ читать и второе полугодіе, которое у меня бывало обыкновенно свободнымъ.

«Поэтому извините еще разъ: какъ вскорѣ я вернусь въ Петербургъ, такъ и постараюсь загладить свой невольный грѣхъ передъ вами и вашими товарищами, которымъ пока прошу передать мой сердечный привѣтъ.

«Что касается участія въ предполагаемомъ въ Вильнѣ журналѣ [1]), то я встрѣчаю это предложеніе съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Давнымъ-давно бы слѣдовало имѣть въ Вильнѣ журналъ, который былъ бы посвященъ мѣстной исторіи и мѣстной жизни. Если редакція сумѣетъ поставить надлежащимъ образомъ дѣло и если у нея окажется достаточно средствъ, чтобы выдержать два, три первыхъ трудныхъ года; если дѣло журнала не встрѣтитъ противодѣйствія со стороны какихъ либо внѣшнихъ силъ, то редакторы журнала вправѣ будутъ считать свое время затраченнымъ самымъ производительнымъ образомъ.

«Покамѣстъ не обѣщаю большой статьи, но небольшое изслѣдованіе готовъ приготовить къ Рождеству. Постараюсь по крайности, если только опять не захватитъ болѣзнь...

«До свиданья! Желаю вамъ всего лучшаго!

«Искренно васъ уважающій,

«вашъ С. А. Бершадскій.

«Мой поклонъ вашимъ товарищамъ. Еще разъ прошу извиниться за меня и передать, что обѣщаніе свое я исполню въ ближайшемъ будущемъ непремѣнно».

---

[1]) «Западно-Русское Обозрѣніе»—журналъ, погибшій въ зачаточномъ состояніи, въ Вильнѣ, къ сотрудничеству въ которомъ, по просьбѣ редакціи, я приглашалъ Сергѣя Александровича.

Удивительною бодростью, несокрушимою вѣрой въ свои нравственныя силы вѣетъ отъ этихъ строкъ, набросанныхъ, однако, слабою, усталою рукою!..

«Мы съ вами непремѣнно увидимся и поговоримъ!»—точно звучитъ еще въ ушахъ моихъ голосъ Сергѣя Александровича при нашей разлукѣ въ Вильнѣ.

Самъ онъ, какъ мнѣ передавали, былъ далекъ отъ мысли о смерти, хотя невыносимо и долго страдалъ... Процессъ, проигранный въ двухъ инстанціяхъ, всецѣло поглощалъ его вниманіе: малѣйшимъ улучшеніемъ въ ходѣ болѣзни пользовался онъ для новыхъ экскурсій въ архивы, для новыхъ изслѣдованій и справокъ. Страданія постепенно истощали его тѣло, но не убили бодрости духа: за нѣсколько дней до смерти онъ серьезно сообщилъ одному изъ своихъ друзей о необходимости ѣхать въ Краковъ для сличенія на мѣстѣ текста какихъ-то параграфовъ Литовскаго статута съ рукописями, хранящимися въ Краковскихъ архивахъ,—чуть ли не составилъ въ этомъ смыслѣ прошеніе по начальству объ увольненіи его за границу... Онъ негодовалъ на болѣзнь, удерживающую его въ кровати, волновался, обдумывалъ заранѣе свою рѣчь въ сенатѣ, гдѣ намѣревался выступить защитникомъ...

Среди этихъ-то лихорадочныхъ приготовленій смерть подкралась къ Сергѣю Александровичу незамѣтно и вырвала изъ міра живыхъ эту идеально-чистую, возвышенную, чуждую служебнаго карьеризма, всецѣло отдавшую себя наукѣ и добру, любящую ближняго, душу!..

3 февраля, прошлаго года, я получилъ отъ одного изъ близкихъ Сергѣя Александровича лицъ тревожныя вѣсти о его здоровьи. Мнѣ писали: «Этотъ несчастный человѣкъ уже болѣе полугода находится между жизнью и смертью. У него—чахотка и въ настоящее время—гнойный плевритъ. За послѣдніе дни, послѣ операціи, замѣтно нѣкоторое улучшеніе. Если онъ нѣсколько оправится, то въ мартѣ будетъ увезенъ за границу. Кто бы могъ думать, что у этого атлета можетъ сдѣлаться чахотка?!... Законъ наслѣдственности неумолимъ»!..

Да! Кто бы могъ думать!?.

Уѣзжая 21 февраля въ Петербургъ, я, успокоенный отчасти только что приведеннымъ письмомъ, былъ почти увѣренъ, что застану Сергѣя Александровича въ живыхъ, быть можетъ, даже поправляющимся: мечталъ о свиданіи съ нимъ; готовилъ ему пріятную новость по волновавшему его дѣлу и... попалъ на его похороны!..

Университетская церковь была переполнена профессорами, студентами, знакомыми покойнаго; сверкали мундиры, ордена, звѣзды; представители военно-судебнаго вѣдомства и слушатели военно-юридической академіи, которыхъ такъ цѣнилъ покойный, во главѣ съ начальникомъ академіи П. О. Бобровскимъ, терялись въ этой пе-

строй, блестящей толпѣ... Скромный, старавшійся, по возможности, не выходить на свѣтъ изъ тѣни, Сергѣй Александровичъ послѣ смерти соединилъ у гроба своего все, что было въ столицѣ выдающагося въ научномъ мірѣ и обществѣ: таково обаяніе истиннаго дарованія и безукоризненнаго прошлаго!..

Но вотъ студенты съ пѣніемъ внесли на рукахъ своихъ гробъ и поставили его на возвышеніи среди церкви; по сторонамъ помѣстилось дежурство отъ учащейся молодежи... Сняли крышку: въ клубахъ ладана мелькнули передо мной исхудавшія до неузнаваемости черты лица покойнаго. Началось торжественное отпѣваніе.

И, стоя у открытаго гроба моего незабвеннаго профессора, я невольно ушелъ въ недалекое прошлое: вспомнились мнѣ мои встрѣчи съ Сергѣемъ Александровичемъ, бесѣды, переписка; послѣдовательно встали передо мной—аудиторія военно-юридической академіи, въ которой онъ читалъ свою вдохновенную лекцію о христіанствѣ, кабинетъ А. Д. Градовскаго, гдѣ я впервые съ нимъ познакомился; залъ Виленской судебной палаты на процессѣ, въ которомъ онъ выступилъ убѣжденнымъ защитникомъ «болѣе слабаго и праваго».

И никогда еще смерть не казалась мнѣ такой безсильной, какъ у этого гроба!

«Но смерть не все взяла!»—пришли мнѣ на память слова поэта:

«Средь этихъ урнъ и плитъ
Неизгладимый слѣдъ минувшихъ дней таится—
Всѣ струны порваны, но звукъ еще дрожитъ,
И жертвенникъ погасъ, но дымъ еще струится!».

Вглядываясь въ свѣжія, задумчивыя лица молодежи, собравшейся проводить прахъ своего учителя къ мѣсту его послѣдняго упокоенія, я невольно думалъ:

«Погасъ ярко пылавшій, благоуханный жертвенникъ правды, вѣры, любви!.. Погасъ... Но въ эти молодыя сердца, скорбно сжавшіяся отъ близости безпощадной смерти, навсегда и глубоко запали сѣмена вѣчныхъ идеаловъ, движущихъ человѣчество, — идеаловъ, неустаннымъ сѣятелемъ которыхъ на общественной нивѣ былъ до послѣдняго издыханія, Сергѣй Александровичъ. Вотъ гдѣ начало безсмертія, о которомъ, по скромности своей, никогда не мечталъ покойный, но которое достойно увѣнчаетъ его трудовую, сравнительно короткую, жизнь... Вѣчная же, вѣчная ему память!».

А. Жиркевичъ.

22 февраля 1897 года.
Г. Вильна.

МЕМУАРЫ ГРАФИНИ ПОТОЦКОЙ [1].

V.

Остероде.-Эйлау.-Тильзитъ.

1807—1808.

АЛО-ПО-МАЛУ перестали говорить о войнѣ, и всѣ думали, что императоръ отложилъ военныя дѣйствія до весны, но неожиданно 5-го февраля онъ выбылъ изъ Варшавы, и объявленъ былъ походъ.

Прощаніе передъ разлукой—дѣло очень опасное, но, по счастью, я простилась съ графомъ Ф. при многихъ лицахъ. Потомъ онъ написалъ мнѣ, прося сохранить до его возвращенія портфель съ письмами отъ горячо любимой матери и умоляя, чтобы я, во имя нашей святой дружбы, подарила ему розовый бантъ, который былъ на мнѣ наканунѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что этотъ бантъ сохранитъ его отъ непріятельскихъ пуль. Наконецъ, онъ просилъ позволенія переписываться со мной, чтобы сообщать извѣстія о борьбѣ, имѣвшей цѣлью возстановленіе польской независимости. Розовый бантъ я послала графу по секрету отъ всѣхъ, а относительно переписки спросила совѣта у мужа, и онъ сказалъ, что не имѣетъ ничего противъ.

Въ Варшавѣ остались дипломатическій корпусъ, во главѣ котораго стоялъ Талейранъ, и Марэ, герцогъ Бассано, исполнявшій должность министра государственнаго секретаря. Онъ, быть можетъ,

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVIII, стр. 202.

одинъ изъ всѣхъ приближенныхъ къ императору лицъ, заставлялъ забывать свое скромное происхожденіе прекрасными свѣтскими манерами, удивительнымъ тактомъ и рѣдкимъ благоразуміемъ. Къ тому же онъ былъ честный, безкорыстный человѣкъ, а потому могъ гордо поднимать голову среди наполеоновскаго двора. Онъ находился въ дѣловыхъ отношеніяхъ съ моимъ свекромъ, и мы его часто видали. Послѣ долгихъ занятій со свекромъ въ кабинетѣ, онъ являлся въ гостиную и обворожалъ насъ своею сердечною добротой и готовностью оказать всѣмъ услугу. Я знаю, что его обвиняли въ излишнемъ довѣріи къ недостойнымъ людямъ, но искренно добрый человѣкъ всегда рискуетъ быть обманутымъ.

Еще въ числѣ завсегдатаевъ нашей гостиной находился князь Дальбергъ, о которомъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ. Онъ былъ послѣднимъ представителемъ того знаменитаго нѣмецкаго рода, присутствіе котораго было неизбѣжно, согласно историческимъ преданіямъ, при коронаціи германскихъ императоровъ. Разсказываютъ, что передъ обрядомъ коронованія выступалъ герольдъ и громко произносилъ «Ist ein Dalberg da?» (находится ли тутъ какой нибудь Дальбергъ?). Если получался отрицательный отвѣтъ, то коронованіе не считалось законнымъ. Этотъ послѣдній изъ Дальберговъ по уничтоженіи Германской имперіи удалился во Францію, женился на дѣвицѣ Бриньоль и пользовался славой одного изъ остроумныхъ людей своего времени. Въ Варшавѣ онъ наблюдалъ за событіями въ интересахъ Германіи и, состоя въ дружескихъ отношеніяхъ съ Талейраномъ, позволялъ себѣ открыто называть Наполеона тираномъ и узурпаторомъ. Не смотря на то, что подобныя выраженія не могли не достичь до слуха Наполеона, Дальберга нимало не безпокоили, что вполнѣ опровергало его обычное обвиненіе императора въ чрезмѣрной жестокости.

Главная квартира Наполеона находилась въ Остероде, и черезъ нѣсколько времени туда были вызваны герцогъ Бассано и Талейранъ, а въ Варшавѣ остались только иностранные дипломаты. Извѣстія изъ арміи, естественно, получались довольно часто. Непріятель ретировался, чтобы лучше концентрировать свои силы, а императоръ вполнѣ увѣренный въ своей побѣдѣ, нимало этимъ не тревожился и, повидимому, ждалъ, чтобы его атаковали. Погода была очень суровая, и Наполеонъ не зная, чѣмъ занять свое время, выписалъ графиню Валевскую. Братъ красавицы, неожиданно превратившійся изъ подпоручика въ полковника, привезъ ее по секрету въ главную квартиру, но тотчасъ распространилось извѣстіе, что пріѣхала ночью карета съ опущенными сторами, а потому остался тайной только тотъ фактъ, гдѣ помѣстилась таинственная путешественница. Впослѣдствіи одна подруга графини Валевской разсказала мнѣ слѣдующія подробности.

Императоръ приказалъ приготовить для нея комнату рядомъ со своимъ кабинетомъ, и за исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ минутъ, когда Наполеонъ видался съ нею, она проводила все свое время въ печальномъ одиночествѣ. Одинъ только Бертье, и то лишь однажды, увидалъ ее въ ту минуту, когда она убѣгала изъ кабинета, гдѣ завтракала съ Наполеономъ. Увидавъ на подносѣ двѣ чашки, герцогъ Невшательскій улыбнулся.

— Что такое?—произнесъ Наполеонъ тономъ человѣка, который говоритъ: «не вмѣшивайтесь не въ свои дѣла».

Тотчасъ военный министръ заговорилъ о важномъ вопросѣ, по которому пришелъ, и далъ себѣ слово впредь осторожнѣе пользоваться правомъ—входить къ императору безъ доклада.

Если случалось, что графиня не была готова къ утреннему завтраку, то она кричала Наполеону, чтобы онъ не входилъ въ ея комнату, и онъ, пріотворивъ дверь, подавалъ ей на подносѣ чашку шоколаду.

Во время пребыванія графини Валевской въ Остероде, персидскій посланникъ прислалъ императору подарки отъ шаха. Въ числѣ ихъ находилось большое количество шалей для императрицы Жозефины. Невѣрный ея мужъ настоятельно требовалъ, чтобы графиня выбрала себѣ лучшія изъ шалей, но она упорно отказалась, а когда онъ, видимо, обидѣлся, то графиня взяла самую простую голубую шаль, говоря, что подаритъ ее одной изъ своихъ подругъ, которая обожала голубой цвѣтъ. Наполеону понравилось это гордое безкорыстіе, и онъ сказалъ съ улыбкой:

— Поляки—храбры и преданны, а польки—прелестны и безкорыстны. Дѣйствительно, это—прекрасная нація, и я обѣщаю вамъ рано или поздно возстановить Польшу!

Графиня бросилась передъ нимъ на колѣна и стала пламенно благодарить его.

— Ага!—сказалъ онъ,—этотъ подарокъ вы примите безъ всякихъ церемоній. Но погодите, надо быть терпѣливой; политическія дѣла не совершаются такъ скоро, какъ одерживаются побѣды: они требуютъ и болѣе времени, и болѣе труда.

Какъ только начались военныя дѣйствія, то Наполеонъ немедленно отослалъ графиню Валевскую, и братъ точно также таинственно отвезъ ее домой. Повидимому, Наполеонъ остался увѣренъ, что никто не зналъ о происшедшемъ.

У пріятельницы графини, разсказывавшей мнѣ эти подробности, было письмо Наполеона къ Валевской, написанное позже, именно, когда онъ былъ убѣжденъ, что она подаритъ ему сына. Онъ называлъ ее въ письмѣ то милой Маріей, то графиней и совѣтовалъ ей беречь себя, тономъ болѣе повелительнымъ, чѣмъ нѣжнымъ. Видно было, что онъ скорѣе думалъ о ребенкѣ, чѣмъ о матери. Не такимъ тономъ онъ нѣкогда писалъ Жозефинѣ.

Еще находясь въ Остероде, императоръ получилъ однажды ночью, вмѣстѣ съ депешами изъ Парижа, только что вышедшій романъ госпожи Сталь «Корина». Прочитавъ самыя важныя изъ депешъ, онъ взглянулъ на романъ и приказалъ разбудить Талейрана.

— Ну,— сказалъ онъ,—вы любите эту женщину; надо посмотрѣть, рузумно ли она пишетъ. Прочитайте-ка мнѣ ея новый романъ.

Около получаса онъ терпѣливо слушалъ чтеніе, но потомъ воскликнулъ:

— Это не выраженіе искреннихъ чувствъ, а просто фейерверкъ трескучихъ словъ. У нея башка пошла вверхъ дномъ! Вотъ пустяки-то: она увѣряетъ, что любитъ своего англичанина, потому что онъ холоденъ и равнодушенъ къ ней. Ступайте спать: не стоитъ терять времени на такіе пустяки. Каждый разъ, когда она выводитъ себя на сцену, ея романъ никуда не годится. Доброй ночи!

На слѣдующій день онъ далъ «Корину» герцогу Бассано, а тотъ прислалъ ее мнѣ, полагая, что этой книги нѣтъ еще въ Варшавѣ. Я сохранила ее, какъ историческую диковину.

18-го марта я родила дочь, Наталію, а спустя нѣсколько дней получилось извѣстіе о битвѣ подъ Эйлау. Французы отслужили благодарственный молебенъ, хотя у нихъ убито было тридцать тысячъ человѣкъ, а въ Петербургѣ также праздновали побѣду. Я получила письмо отъ графа Ф., который болѣе разспрашивалъ меня о моемъ здоровьѣ, чѣмъ разсказывалъ о кровавомъ сраженіи. Онъ только заявлялъ, что его спасъ отъ вѣрной смерти розовый бантъ, и совѣтовалъ мнѣ посвятить мою дочь исключительно розовому цвѣту.

Во время кратковременнаго перемирія, послѣдовавшаго за Эйлау, въ Варшаву нагрянуло изъ арміи много французскихъ офицеровъ, отчасти, чтобы отдохнуть, а главное, чтобы повидать своихъ зазнобъ. Почти всѣ изъ нихъ завели интрижку съ польками, которыя почти безъ исключенія подверглись соблазну. Было даже и нѣсколько свадебъ, но тогдашніе французы не имѣли времени обзаводиться семействами. При этомъ нелишне прибавить, что тѣ изъ полекъ, которыя сумѣли устоять отъ соблазна, внушили самую преданную и рыцарскую любовь своимъ поклонникамъ.

Среди вернувшихся знакомыхъ французовъ находился и принцъ Боргезе, который, по приказанію Наполеона, былъ поставленъ со своимъ полкомъ въ такомъ мѣстѣ сраженія, гдѣ можно было болѣе стяжать славы, чѣмъ подвергнуться опасности. Онъ очень хвалился своимъ подвигомъ, говорилъ моимъ знакомымъ: «Да скажите же графини, какъ я дѣйствовалъ саблей», и послѣ кампаніи былъ назначенъ, въ видѣ награды, губернаторомъ Турина.

3-го мая, образованные наскоро три польскіе легіона получили въ Варшавѣ свои орлы и знамена, которыя были вышиты знатными польками. Я впослѣдствіи присутствовала при многихъ болѣе бле-

стящихъ торжествахъ, но никогда не видывала такого искренняго энтузіазма, какъ въ этотъ день на Саксонской площади. Князь Понятовскій, въ качествѣ главнокомандующаго, произнесъ трогательную рѣчь, призывая новобранцевъ къ патріотическимъ подвигамъ, а потомъ, по древнему обычаю, онъ самъ и другія знатныя особы обоего пола прибили знамена къ древкамъ.

Спустя двѣ недѣли, получено было извѣстіе о побѣдѣ Наполеона подъ Фридландомъ и о томъ, что онъ отправился въ Тильзитъ для заключенія мира.

Я скажу немного о знаменитомъ свиданіи между двумя императорами; мой свекоръ, графъ Станиславъ Потоцкій, разсказывалъ мнѣ нѣсколько любопытныхъ и мало извѣстныхъ о немъ подробностей. Онъ былъ вызванъ въ Тильзитъ для составленія, подъ наблюденіемъ Наполеона, необходимыхъ измѣненій въ польской конституціи 3 мая, которая была послѣднимъ проявленіемъ политической жизни Польши, и которой хотѣли придать императорскій оттѣнокъ. Многіе полагали, что этимъ актомъ Наполеонъ хотѣлъ воспользоваться въ видѣ угрозы относительно Александра, которому онъ всегда указывалъ на Польшу, какъ на мертвеца, долженствовавшаго рано или поздно возстать изъ гроба.

Тильзитское свиданіе было, во всякомъ случаѣ, однимъ изъ самыхъ блестящихъ эпизодовъ царствованія Наполеона. Король и королева прусскіе явились туда въ качествѣ смиренныхъ просителей, и они обязаны были Александру сохраненіемъ своего королевства, которое едва не было исключено изъ числа европейскихъ государствъ, чего мы, поляки, желали всей душой. Королева, славившаяся своей красотой, при встрѣчѣ съ Наполеономъ, хотѣла пасть на колѣни, но онъ предложилъ ей руку и проводилъ въ приготовленные для нея покои. Императоръ русскій и король прусскій, прибывшіе съ ней, молча послѣдовали за ними. Королева же потомъ умоляла побѣдителя оказать великодушіе побѣжденнымъ и наконецъ прибѣгла къ слезамъ. Наполеонъ былъ тронутъ ея печалью и смиреніемъ, но не могъ удержаться, чтобы не указать на ея ненависть къ нему, хотя она и оказалась безпомощной. Въ очень любезной формѣ, но онъ все-таки высказалъ, что, увидя ее, онъ понялъ, почему Германія съ такимъ пыломъ возстала противъ него. Александръ почувствовалъ, что необходимо перемѣнить разговоръ, который принималъ опасный характеръ, и съ своей обычной тонкостью замѣтилъ, что всѣ усилія оказать Наполеону сопротивленіе не увѣнчались успѣхомъ, по той простой причинѣ, что онъ былъ геній, и что противъ генія можетъ идти только тотъ, кто его не знаетъ.

Такъ кончилось первое державное свиданіе, а за нимъ послѣдовалъ торжественный банкетъ. Ради него королева сняла трауръ и явилась въ пурпурной мантіи и діадемѣ, которыя она умѣла носить съ величественнымъ достоинствомъ. Наполеонъ повелъ ее къ столу и

посадилъ по правую свою руку. Отличаясь значительнымъ умомъ и привычкой къ государственнымъ дѣламъ, она старалась всячески расположить къ себѣ человѣка, отъ котораго зависѣла судьба Пруссіи. Въ самую минуту ея отъѣзда, Нополеонъ, подъ вліяніемъ ея красоты и смиреннаго раскаянія, а также обворожительнаго обращенія Александра, котораго онъ называлъ красивѣйшимъ и хитрѣйшимъ изъ грековъ,—подарилъ ей Силезію. Этимъ подаркомъ онъ однимъ почеркомъ пера уничтожилъ ту статью трактата, по которой Силезія уже вышла изъ состава Пруссіи, и Талейранъ былъ очень недоволенъ такимъ великодушіемъ побѣдителя.

Что же касается до прусскаго короля, то, благодаря своему ничтожеству, онъ упорно молчалъ. Онъ велъ войну только изъ угожденія самолюбивымъ стремленіямъ королевы и заключилъ миръ при первой возможности, чтобы вернуться къ своей обычной спокойной жизни, не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, что могъ бы выиграть и что потерялъ.

Для насъ, поляковъ, единственнымъ результатомъ всѣхъ этихъ переговоровъ было созданіе скромнаго герцогства Варшавскаго. Мы надѣялись на бо̀льшее, но рѣшили довольствоваться настоящимъ, разсчитывая на будущее.

Уѣхавъ во Францію, чтобы насладиться плодами своихъ побѣдъ, Наполеонъ оставилъ въ Варшавѣ маршала Даву, въ качествѣ губернатора. Хотя его ограниченныя способности не дозволяли Даву имѣть большого политическаго вліянія въ порученной его управленію странѣ, но нельзя не сказать, что это былъ одинъ изъ лучшихъ людей, стоявшихъ во главѣ французской арміи, и, вѣроятно, Наполеонъ, знавшій до тонкости своихъ маршаловъ, выбралъ именно его, потому что могъ разсчитывать на его преданность и нравственную чистоту. Онъ не хотѣлъ, чтобы предали грабежамъ страну, которая могла впослѣдствіи служить ему могущественнымъ оплотомъ отъ враговъ; въ то же время онъ въ короткое свое пребываніе среди насъ понялъ, что можетъ разсчитывать, въ случаѣ надобности, на польскій патріотизмъ, если будетъ поддержана надежда на пріобрѣтеніе національной независимости. Поэтому маршалу Даву было приказано оказывать намъ всякаго рода снисхожденіе, тѣшить насъ обѣщаніями и забавлять насъ всякаго рода удовольствіями. Для исполненія послѣдней обязанности ему дано было княжество Ловичъ, и онъ вызвалъ изъ Франціи свою жену.

Эмэ Леклеркъ, сестра генерала Леклерка, перваго мужа Полины Бонапартъ, была женщина очень красивая и съ большими достоинствами. Воспитанница госпожи Кампанъ, она отличалась прекрасными манерами и тѣмъ блестящимъ тономъ свѣтскаго общества, котораго не доставало ея мужу, но она не сумѣла внушить къ себѣ любви, такъ какъ производила впечатлѣніе сухой, холодной,

суровой женщины. Разсказывали, что ее постоянно терзала ревность къ мужу, который часто ей измѣнялъ и не только, подобно всѣмъ французамъ, сходилъ съ ума отъ полекъ, но возилъ съ собою въ походы француженку, которая такъ походила на его жену, что ее всюду пропускали къ маршалу, что возбуждало негодованіе императора. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, жена Даву не заботилась о томъ, чтобы сдѣлать свой домъ пріятнымъ центромъ варшавскаго общества, а самъ маршалъ искалъ развлеченія вдали отъ семейнаго очага.

Между генералами въ томъ корпусѣ, который занималъ Польшу, былъ одинъ человѣкъ, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательный, и я удивляюсь, что о немъ такъ мало говорятъ. Это генералъ Рикаръ, нѣкогда другъ и товарищъ Наполеона; онъ навлекъ на себя опалу, благодаря своей дружбѣ съ Моро, и тѣмъ обстоятельствомъ, что восторгался Наполеономъ болѣе въ эпоху консульства, чѣмъ со времени его вступленія на императорскій престолъ. Своими блестящими способностями онъ положительно затмевалъ всѣхъ своихъ товарищей, хотя въ числѣ ихъ было очень много способныхъ и пріятныхъ людей.

Французы тогдашняго времени до страсти любили удовольствія и умѣли вносить одушевленіе въ окружавшее ихъ общество. Поэтому въ Варшавѣ, при ихъ содѣйствіи, мы безъ отдыха танцовали, устраивали любительскіе спектакли, пикники и т. д. Надо было пользоваться минутой спокойствія, такъ какъ при Наполеонѣ миръ былъ только краткой передышкой между прошедшей войной и будущей. Впрочемъ, не всѣ французскіе офицеры остались въ Варшавѣ, а многіе печально проводили время на стоянкахъ въ Силезіи. Къ числу ихъ принадлежалъ и графъ Ф., который впалъ въ немилость у Мюрата за отказъ носить какой-то сочиненный имъ, фантастическій нарядъ, нѣчто въ родѣ ливреи, и былъ отправленъ въ полкъ въ то время, какъ самъ Мюратъ вернулся въ Парижъ, гдѣ его ожидала корона.

Бѣдный молодой человѣкъ написалъ мнѣ самое печальное письмо, жалуясь на свою судьбу и все-таки обѣщая принять мѣры, чтобы пріѣхать на нѣсколько времени въ Варшаву, если,—прибавлялъ онъ,—единственный авторитетъ, которому онъ слѣпо подчинится, не запретитъ ему возвращенія. Я поняла, въ чемъ дѣло, и, опасаясь подвергнуть себя новой опасности, отвѣчала ему, по совѣту своей подруги, госпожи Соболевской, въ шутливомъ тонѣ, но ясно дала ему понять, что между нами не можетъ быть никакихъ близкихъ отношеній. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, графъ Ф. былъ вызванъ въ Парижъ, благодаря хлопотамъ одной высокопоставленной женщины, которая давно любила его, хотя онъ этого не зналъ.

Въ началѣ 1808 года тяжело занемогла краковская кастелянша, и я съ мужемъ поспѣшила въ Бѣлостокъ. Она умерла на нашихъ

рукахъ, и я вернулась въ Варшаву, точно очнувшись отъ тяжелаго сна, который, однако, настолько поразилъ мое сердце, что я съ тѣхъ поръ стала смотрѣть на жизнь съ мрачнымъ разочарованіемъ.

VI.

Свадьба Наполеона и Маріи-Луизы.

1810.

Одно горе слѣдовало за другимъ въ нашей семьѣ, и послѣ смерти горячо любимой тетки скончался мой отецъ въ Вильнѣ, но, въ виду безконечной медлительности русской администраціи въ выдачѣ мнѣ паспорта, я опоздала и нашла его уже мертвымъ. Поэтому я сдѣлаю значительный пропускъ въ своихъ воспоминаніяхъ и снова возобновлю ихъ со времени моей поѣздки съ мужемъ въ Вѣну, въ 1810 году. Причиной этой поѣздки было желаніе моей матери, чтобы мы провели зиму въ австрійской столицѣ, куда она обѣщала пріѣхать изъ Бадена, гдѣ она жила послѣ кончины тетки.

Въ то время домъ принца де-Линя былъ центромъ, гдѣ собирались всѣ знатные иностранцы, посѣщавшіе Вѣну. Меня въ этомъ домѣ принимали съ удивительною любезностью и добротой; все въ скромномъ маленькомъ салонѣ этого дома дышало такимъ радушнымъ гостепріимствомъ, что я провела тамъ самые пріятные часы моего пребыванія въ Вѣнѣ, а потому было бы неблагодарнымъ съ моей стороны не сказать нѣсколько словъ о добродушныхъ хозяевахъ и выдающихся гостяхъ этого пріятнаго вѣнскаго кружка.

Знаменитому принцу де-Линю тогда было семьдесятъ лѣтъ, но онъ все-таки былъ самымъ остроумнымъ и блестящимъ украшеніемъ своего салона; при этомъ я не могу не замѣтить, что его разговоръ былъ гораздо замѣчательнѣе его литературныхъ произведеній. Добродушный, любезный, снисходительный, онъ любилъ своихъ дѣтей, потому что они обожали его, и вообще цѣнилъ только то, что доставляло ему удовольствіе, такъ какъ въ удовольствіи онъ видѣлъ единственную цѣль жизни. Если въ молодости онъ стремился къ славѣ, то лишь потому, что она обѣщала ему новые успѣхи въ свѣтѣ, и что иногда очень удобно написать объясненіе въ любви на листѣ изъ лавроваго вѣнка. Расточивъ впродолженіе своей веселой, шумной жизни значительное состояніе, онъ подъ старость съ веселымъ стоицизмомъ переносилъ финансовыя затрудненія. Онъ самъ добродушно смѣялся надъ соломенными стульями, которыми дополняли изъ передней мебель салона, когда собиралось много гостей, а также надъ вѣчной бараниной и безсмертнымъ сыромъ, которые составляли неизбѣжное меню его обѣда.

Принцесса де-Линь далеко не была такимъ философомъ, какъ

ея мужъ, и они, казалось, совершенно не понимали другъ друга. Происходя изъ благородной, но бѣдной нѣмецкой семьи, она была лишена всего, что дѣлаетъ женщину привлекательною, а потому трудно было понять, зачѣмъ онъ женился на ней. Его старые друзья разсказывали, между прочимъ, очень любопытный анекдотъ, который лучше всего рисуетъ его саркастическій умъ и чрезмѣрное легкомысліе. Когда онъ впервые привезъ молодую жену въ Брюссель, гдѣ стоялъ гарнизономъ его полкъ, офицеры немедленно явились нему и просили его представить ихъ принцессѣ.

— Я очень тронутъ, господа, вашей любезностью,— сказалъ онъ, обращаясь къ нимъ,—и вы сейчасъ увидите мою жену; но, предупреждаю васъ, она не хорошенькая, но зато очень добрая и простая, такъ что не будетъ мѣшать никому, даже мнѣ.

Въ ту эпоху, о которой я говорю, она была уже старухой и легко выходила изъ себя, но никто не обращалъ на нее вниманія, и она обыкновенно сидѣла одна за своими пяльцами, вышивая какіе нибудь отвратительные узоры, пока всѣ гости весело окружали ея мужа и дочерей. Я нигдѣ не видывала, чтобы такъ свободно и пріятно разговаривали, какъ въ этой скромной гостиной, гдѣ, по словамъ представителей старой Франціи, нашелъ себѣ пріютъ пресловутый духъ парижскихъ салоновъ, удалившійся, со времени революціи, изъ своего прежняго центра. Я должна также подтвердить, что во время моего посѣщенія Парижа, я тамъ не видала столь пріятнаго салона.

Вообще всѣ въ домѣ принца де-Линь, за исключеніемъ нѣкоторыхъ поляковъ, ненавидѣли Наполеона безъ всякой мѣры. Болѣе другихъ, въ этомъ отношеніи, отличались графъ Шарль де-Дама, оставшійся вѣчнымъ эмигрантомъ, ожидавшимъ возстановленія Бурбоновъ, и корсиканецъ графъ Поццо ди-Борго, быть можетъ, самый пламенный и самый опасный изъ враговъ Наполеона.

Легко понять, въ какое волненіе пришло все это общество, когда, однажды вечеромъ, спокойно сидя за чаемъ, оно было поражено неожиданнымъ появленіемъ русскаго посланника, графа Разумовскаго, который, въ большомъ смущеніи, объявилъ, что только что прибылъ французскій курьеръ, а за нимъ слѣдовалъ маршалъ Бертье съ порученіемъ просить руки эрцъ-герцогини Маріи-Луизы для императора Наполеона. Это необыкновенное событіе было результатомъ тайнаго договора, заключеннаго Меттернихомъ въ Парижѣ, отъ имени императора Франца, и на встрѣчу князю Невшательскому былъ посланъ изъ Вѣны на границу одинъ изъ первыхъ магнатовъ страны, князь Павелъ Эстергази.

Точно молнія упала среди лицъ, окружившихъ графа Разумовскаго при его неожиданномъ появленіи, а, послѣ первой минуты изумленія, всѣ въ одинъ голосъ стали осуждать неприличіе и даже низость такого поведенія австрійскаго правительства, которое отда-

вало за узурпатора первую принцессу въ Европѣ. Даже нѣкоторыя дамы дошли до истерики, а остальныя высказывали самымъ краснорѣчивымъ образомъ свое негодованіе. Одни увѣряли, что послѣ такого явнаго нарушенія справедливости на землѣ слѣдовало бросить Европу и уѣхать въ Америку; другіе полагали, что молодая принцесса умретъ, не рѣшившись на такую жертву; а третьи утверждали, что Наполеонъ сойдетъ съ ума отъ такого счастья, и что небо нарочно допустило такой скандалъ, чтобы погубить современнаго Навуходоносора.

Среди общаго смятенія я одна оставалась спокойна. Мнѣ неожиданно пришла въ голову мысль.

— Какъ бы интересно было теперь съѣздить въ Парижъ и присутствовать на этой блестящей mésaliance!

Весь остальной вечеръ я сидѣла молча и обдумывала свой планъ, а, возвратясь домой, передала его мужу. Онъ вообще, увы, не интересовался ничѣмъ, кромѣ своихъ обычныхъ занятій, и жаждалъ возвращенія въ Польшу. Онъ не только не противился моимъ желаніямъ, но тотчасъ написалъ своимъ родителямъ, и тѣ прислали свое согласіе на мою поѣздку въ Парижъ, при чемъ мнѣ дано было порученіе устроить тамъ одно важное семейное дѣло.

Между тѣмъ дѣло о бракѣ Маріи-Луизы съ Наполеономъ шло своею очередью. Князь Эстергази отвезъ чрезвычайнаго посла Наполеона прямо во дворецъ, гдѣ, вопреки этикету, было приготовлено для него помѣщеніе. Въ тотъ же день императоръ принялъ маршала, и тотъ сдѣлалъ офиціальное предложеніе отъ имени своего повелителя. Вслѣдъ за тѣмъ онъ передалъ эрцъ-герцогу Карлу собственноручное письмо Наполеона, который просилъ эрцъ-герцога быть замѣстителемъ его на брачномъ обрядѣ. Я съ большимъ трудомъ достала копію съ этого письма и прилагаю его при семъ.

«Любезный кузенъ, считаю долгомъ благодарить ваше императорское высочество за ваше согласіе быть моимъ замѣстителемъ при свадьбѣ моей съ эрцъ-герцогиней Маріей-Луизой. Ваше императорское высочество, знаете, что мое давнее къ вамъ уваженіе основано на вашихъ выдающихся достоинствахъ и великихъ подвигахъ. Желая публично доказать мои чувства къ вамъ, я прошу васъ принять ленту Почетнаго Легіона и солдатскій крестъ, который я самъ ношу, и который красуется на груди двадцати тысячъ солдатъ, отличившихся на полѣ брани. Первый орденъ вы вполнѣ заслужили своимъ геніемъ, какъ полководецъ, а второй—вашей храбростью, какъ воинъ».

Спустя два дня, подписанъ былъ свадебный контрактъ, и выдано Бертье обычное приданое эрцъ-герцогини, не превышавшее пяти тысячъ франковъ золотомъ.

11-го марта былъ совершенъ обрядъ вѣнчанія въ церкви Августинскаго братства. Затѣмъ слѣдовалъ торжественный банкетъ во дворцѣ, на которомъ присутствовалъ Бертье, хотя, по этикету, ино-

страны не допускались на семейные банкеты при Габсбургскомъ дворѣ.

Вскорѣ прибылъ графъ Луи де-Нарбонъ, въ качествѣ чрезвычайнаго посла, которому было поручено сопровождать или, скорѣе, предшествовать молодой императрицѣ, строго наблюдая, чтобы во всемъ придерживались этикета, установленнаго для прибытія во Францію Маріи-Антуанеты.

Не отличаясь красотой, Марія-Луиза имѣла только хорошенькую ножку, и Анатоль де-Монтескьё, посланный курьеромъ, чтобы объявить Наполеону о состоявшемся бракѣ, получилъ тайно отъ Нарбона маленькую туфлю новой императрицы, вмѣсто портрета. Этотъ оригинальный подарокъ имѣлъ большой успѣхъ во Франціи, и Наполеонъ положилъ его себѣ на сердце, какъ залогъ любви, увы, эфемерной.

Отличаясь изящными манерами французскаго вельможи стараго порядка, графъ Нарбонъ удачно сглаживалъ передъ австрійской аристократіей грубую вульгарность Бертье, а потому его всюду принимали съ большимъ почетомъ. Я видала его почти ежедневно въ домѣ принца де-Линь, гдѣ онъ основалъ, по его словамъ, свою главную квартиру.

Чрезвычайно любезный и пріятный старикъ, онъ въ молодости славился своими побѣдами надъ женскими сердцами при французскомъ дворѣ, а послѣ революціи онъ искренно присоединился къ императорскому правительству. Это былъ одинъ изъ тѣхъ высокодаровитыхъ людей, которые проходятъ чрезъ исторію, не занимая въ ней того выдающагося мѣста, которое должно было бы имъ принадлежать, въ виду ихъ замѣчательныхъ способностей. Искусный воинъ и ловкій дипломатъ, онъ, конечно, могъ играть одну изъ первыхъ ролей въ бурную эпоху, среди которой жилъ. Слава Наполеона плѣнила его, и онъ преданно служилъ ему, тѣмъ болѣе, что этимъ путемъ могъ удовлетворить своему самолюбію и заплатить громадные долги. Онъ не разъ говорилъ при мнѣ, что Наполеонъ былъ не только первостепеннымъ геніемъ, но и очень умнымъ человѣкомъ, что противорѣчило отзывамъ о Наполеонѣ вѣнскихъ дамъ, которыя доказывали, будто бы, безспорными фактами, что корсиканское чудовище былъ трусомъ и даже идіотомъ, благодаря припадкамъ падучей болѣзни.

Не смотря на подобныя нелѣпости и другія подобныя же выходки, австрійскіе аристократы устроили цѣлый рядъ самыхъ пышныхъ праздниковъ въ честь брака Маріи-Луизы, причемъ, конечно, блескъ ихъ наслѣдственной роскоши заставлялъ блѣднѣть новый лоскъ, которымъ отличались французскіе пиры, стоившіе милліоны Наполеону.

Пользуясь любезностью Нарбона, мой мужъ поручилъ ему отвезти меня въ Парижъ къ теткѣ графинѣ Тышкевичъ, которая жила

тамъ впродолженіе многихъ лѣтъ. Я, конечно, съѣздила въ Баденъ къ моей матери, чтобы проститься съ ней и получить ея благословеніе. Она очень удивилась моей поѣздкѣ во Францію, но, узнавъ о согласіи мужа и его родителей, не выказала никакого противодѣйствія.

Въ назначенный день я отправилась въ путь, близко слѣдуя за графомъ Нарбономъ, который на всѣхъ станціяхъ приготовлялъ мнѣ помѣщеніе и лошадей. Трудно было путешествовать болѣе блестящимъ образомъ. Однако вскорѣ Нарбонъ попросилъ у меня позволенія занять мѣсто въ моей каретѣ, на что я охотно согласилась, потому что помѣщалась одна въ громадномъ экипажѣ, а онъ былъ веселымъ, занятнымъ собесѣдникомъ, такъ что нельзя было подыскать лучшаго товарища для путешествія.

Дѣйствительно, мы доѣхали до Мюнхена самымъ пріятнымъ образомъ, останавливаясь только для завтраковъ и обѣдовъ, которые прекрасно приготовлялъ поваръ Нарбона. Я нимало не подозрѣвала, къ чему клонились всѣ его любезности, и относила ихъ къ врожденной учтивости французскихъ аристократовъ стараго времени.

За двѣ станціи до Мюнхена Нарбонъ поѣхалъ впередъ, чтобы приготовить мнѣ помѣщеніе, но это было не легко, такъ какъ всѣ отели были заняты многочисленною свитой королевы Неаполитанской, присланною Наполеономъ для встрѣчи новой императрицы.

Я прибыла въ Мюнхенъ въ 9 часовъ вечера и получила у заставы записку Нарбона, по словамъ котораго я должна была остановиться въ отелѣ Принцевъ, гдѣ меня ожидали не только элегантное помѣщеніе, но и готовая ванна. Не успѣла я раздѣться и сѣсть въ ванну, какъ тихо отворилась потаенная дверь, закрытая зеркаломъ, и, къ моему ужасу, въ комнату вошелъ Нарбонъ и опустился на колѣни передъ ванною. Я стала громко кричать, и такъ какъ горничная уже удалилась, то, схвативъ колокольчикъ, начала звонить изо всѣхъ силъ. Бѣдный старикъ былъ такъ изумленъ моимъ поступкомъ, что словно приросъ къ землѣ. Мнѣ даже показалось, что онъ сошелъ съ ума, но, разсмотрѣвъ, что онъ былъ изысканно одѣтъ моднымъ франтомъ того времени и не пожалѣлъ румянъ для своего старческаго лица,—я громко расхохоталась. Онъ хотѣлъ было выразить мнѣ свои нѣжныя чувства, но тутъ явилась горничная, и ему пришлось скрыться со стыдомъ.

Конечно, послѣ этого смѣшного пассажа, мы не могли продолжать вмѣстѣ своего путешествія, и на слѣдующее утро, очень рано, я уѣхала въ своемъ экипажѣ, никого не предупредивъ и перемѣнивъ маршрутъ. Я теперь направилась на Страсбургъ, гдѣ мнѣ хотѣлось посмотрѣть знаменитый соборъ и гробницу Морица Саксонскаго. Для меня это было тѣмъ интереснѣе, что я путешествовала впервые и ничего еще не видала, кромѣ Польши и Вѣны.

Моя тетка графиня, Марія Тышкевичъ, урожденная княжна По-

нятовская, наняла для меня въ Парижѣ прекрасную квартиру на площади Людовика XV, въ меблированномъ домѣ. На другой же день, послѣ моего прибытія, она посѣтила меня, главнымъ образомъ для того, чтобы узнать вѣнскія новости. А когда я ей разсказала все, что знала, то она воскликнула:

— Наполеонъ самъ удивляется своему величію, но... таково его счастіе! Все ему улыбается. Перевернувъ свѣтъ вверхъ дномъ, побѣдивъ Австрію и взявъ ея столицу, онъ довелъ несчастнаго императора до униженія—отдать ему дочь.

Тетка не любила Наполеона, и хотя боялась его, но тайно придерживалась аристократическаго общества Сенъ-Жерменскаго квартала, куда ввелъ ее Талейранъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она, чрезъ того же Талейрана, имѣла подробныя свѣдѣнія о томъ, что дѣлалось въ Тюльери. По ея словамъ, императоръ сначала былъ ослѣпленъ блескомъ своего новаго брака, но непонятное поведеніе Маріи-Луизы быстро привело его къ разочарованію, и, спустя два дня, принятая имъ на себя утонченная вѣжливость замѣнилась обычнымъ въ немъ повелительнымъ тономъ. Онъ поѣхалъ навстрѣчу къ своей юной женѣ въ Компьенъ, и тамъ, своею чрезмѣрною уступчивостью, вмѣсто ожидаемой неприступности, она сразу оттолкнула отъ себя и стараго героя, и окружающихъ его лицъ, смотрѣвшихъ на нее, какъ на жертву, принесенную для успокоенія Европы.

Встрѣча въ Компьенѣ занимала парижанъ впродолженіе цѣлой недѣли. Всѣ критиковали азіатскую роскошь, съ которою императоръ украсилъ старинный замокъ для пріема Маріи-Луизы. Увѣряли даже, что ея туалетная комната была драпирована драгоцѣнными индѣйскими шалями Жозефины, но впослѣдствіи было доказано, что Наполеонъ и пальцемъ не прикоснулся къ подаркамъ, нѣкогда сдѣланнымъ своей первой женѣ. Наговорившись досыта о всѣхъ подробностяхъ пріема молодой императрицы, парижане начали шептаться и о вѣроятныхъ его результатахъ. Признаюсь, я съ удивленіемъ слушала ихъ шутки и каламбуры по этому случаю. Между прочимъ, открыто увѣряли, что, въ виду наступавшей Святой недѣли, императрица хотѣла въѣхать въ Парижъ en sainte (то-есть святой—по одному смыслу этой фразы и беременной—по другому). Этотъ грубый каламбуръ ясно доказывалъ, что французы—тонкіе судьи остроумія въ другихъ, сами себѣ позволяютъ очень сомнительное остроуміе.

Свадебная церемонія и слѣдовавшіе за ней праздники, конечно, быстро отвлекли вниманіе Парижа на другой предметъ. Мнѣ слѣдовало выбрать одно изъ двухъ: или видѣть торжественный въѣздъ молодыхъ на Елисейскихъ поляхъ, или присутствовать при церемоніи въ тюльерійской часовнѣ. Я остановилась на первомъ тѣмъ охотнѣе, что мнѣ казалось неприличнымъ занять не принадлежавшее мнѣ при дворѣ мѣсто, такъ какъ я не была еще представлена.

Гражданскій бракъ былъ совершенъ въ Сенъ-Клу, въ воскресенье 1-го апрѣля, а религіозный обрядъ на слѣдующій день, въ тюльерійской часовнѣ. Я смотрѣла на въѣздъ изъ окна своей квартиры. Императоръ и императрица помѣщались въ золотой каретѣ, съ зеркальными стеклами, и запряженной восьмерикомъ гнѣдыхъ андалузскихъ коней, въ великолѣпной сбруѣ. Наполеонъ былъ въ испанскомъ костюмѣ, въ которомъ онъ уже парадировалъ на коронаціи, а Марія-Луиза, осыпанная всѣми бриллiантами Голконды, очень принужденно кланялась толпѣ, которая принимала ее чрезвычайно холодно. Французы, привыкшіе къ нѣжной граціи Жозефины и недовольные бракомъ съ австріячкой, встрѣчали молодыхъ очень равнодушно, не выражая ни малѣйшаго энтузіазма. Говорятъ, Наполеонъ, войдя въ свой кабинетъ, сказалъ:

— Я такъ избаловалъ парижанъ самыми невозможными неожиданностями, что если бы я женился на Мадоннѣ, то они нимало не удивились бы.

Пересчитать всѣхъ маршаловъ и генераловъ, которые въ полной парадной формѣ ѣхали впереди и сзади императорскаго экипажа, такъ же было трудно, какъ назвать королей и королевъ, собравшихся на это великолѣпное зрѣлище, сіявшее блескомъ бриллiантовъ, пышныхъ нарядовъ и женской красоты. Но, по-моему, ничто не могло сравниться съ стоявшею шпалерами старой императорской гвардіей, которая одна искренно привѣтствовала восторженными криками того, кто водилъ ее столько разъ къ побѣдамъ.

На подножкахъ вокругъ кареты красовались молоденькіе, едва вышедшіе изъ дѣтства пажи, въ дорогихъ костюмахъ; они казались бабочками, готовыми улетѣть, и придавали поэтическій оттѣнокъ тяжелому экипажу. Когда рѣшетка Тюльерійскаго сада, отворявшаяся лишь однажды въ годъ при отъѣздѣ императора въ законодательный корпусъ, захлопнулась за императорскимъ кортежемъ, то никому изъ насъ не приходила въ голову мысль, что она больше не отворится для пышныхъ торжествъ. Увы, кончены были свѣтлые дни! Наступала гроза.

До глубокой ночи продолжались иллюминаціи и фейерверки. Нѣсколько фонтановъ били виномъ, а въ толпу бросали золотыя монеты и медали. Все было великолѣпно и роскошно, но не видно было ни искренней радости, ни сердечнаго веселія. Одни сожалѣли Жозефину, которую любила вся нація за ея доброту и любезное обращеніе, другіе считали прибытіе австрійской принцессы за предзнаменованіе несчастій, а большинство, которому надоѣли войны, побѣды и вѣчная рекрутчина, на все смотрѣло съ недовольствомъ. Такимъ образомъ парижская толпа присутствовала при блестящемъ празднествѣ съ какимъ-то машинальнымъ любопытствомъ.

VII.

При дворѣ Наполеона.

1810.

Какъ только молодая императрица водворилась въ Тюльери, начались представленія ко двору. Въ качествѣ иностранки, мнѣ надо было представиться не только императору и императрицѣ, но всѣмъ королевамъ и принцессамъ императорскаго дома. Каждая изъ нихъ имѣла свой пріемный день: поэтому приходилось съ утра надѣвать придворное платье, и только вечеромъ я отдыхала въ театрѣ.

Императоръ принималъ около полудня въ своемъ кабинетѣ. Дѣло начиналось съ троекратнаго присѣданія, а затѣмъ называли по имени представлявшуюся даму. Императоръ стоялъ, облокотясь на свой письменный столъ, и окидывалъ васъ милостивымъ взглядомъ, если вы отличались молодостью и красотой. Удаляясь, вы должны были еще три раза присѣсть, но это было гораздо труднѣе, такъ какъ приходилось пятиться, что было нелегко, въ виду длиннаго шлейфа. Впрочемъ, въ три урока я научилась ловко откидывать шлейфъ незамѣтнымъ граціознымъ движеніемъ ноги.

Наполеонъ принялъ меня съ удивительною добротой, благодаря чему я тотчасъ оправилась отъ овладѣвшаго мною смущенія. Онъ милостиво разспросилъ меня о всѣхъ моихъ родственникахъ, но преимущественно распространился о дядѣ, князѣ Понятовскомъ. Не смотря на все вниманіе, съ которымъ я слушала каждое его слово, я не могла не взглянуть съ восхищеніемъ на великолѣпную картину Гверчино «Сивиллу», висѣвшую надъ письменнымъ столомъ. Императоръ, который все замѣчалъ, улыбнулся и сказалъ, что если я люблю искусство, то мнѣ надо познакомиться съ г. Денономъ и посѣтить съ нимъ музей.

— Но прежде всего,—прибавилъ онъ,—я надѣюсь, что вы приготовитесь къ праздникамъ, которые тотчасъ начнутся, и не пропустите ни одного.

Съ этими словами онъ поклонился, и моя аудіенція была кончена.

Выходя изъ кабинета императора, мы перешли въ пріемную залу императрицы, гдѣ ужъ собралось много дамъ. Она вышла изъ своихъ покоевъ въ сопровожденіи многочисленнаго, блестящаго двора. Благодаря туалету, отличавшемуся большимъ вкусомъ, она казалась не такой уродливой, какъ обыкновенно; но выраженіе ея лица оставалось прежнимъ. Ея деревяная физіономія не оживлялась ни любезною улыбкой, ни тѣнью любопытства. Она обошла всѣхъ дамъ, какъ кукла, приводимая въ движеніе внутреннимъ механизмомъ. Императоръ сопровождалъ ее и шепотомъ подсказывалъ ей, что сказать тѣмъ дамамъ, которыхъ онъ хотѣлъ особенно почтить. Когда

очередь дошла до меня, то я отлично разслышала, какъ онъ промолвилъ: «полна граціи». Императрица повторила эти слова такимъ сухимъ тономъ и съ столь рѣзкимъ нѣмецкимъ акцентомъ, что я нимало не была тронута.

Наполеоновскій дворъ, поражавшій издали своимъ великолѣпіемъ, много терялъ отъ близкаго знакомства. Въ немъ замѣчалась внутренняя разладица, которая мѣшала ему производить то величественное впечатлѣніе, которое невольно ожидалось всякимъ. Рядомъ съ самыми элегантными и изящно одѣтыми дамами стояли жены маршаловъ, не привыкшія къ придворнымъ платьямъ. То же можно было сказать и объ ихъ мужьяхъ, блестящіе мундиры которыхъ представляли контрастъ съ ихъ грубыми манерами. Между ними и представителями старой аристократіи, которые присоединились къ имперіи, существовало рѣзавшее глаза различіе. Казалось, что присутствуешь при репетиціи, на которой актеры примѣряютъ костюмы и повторяютъ свои роли. Эта странная неурядица возбуждала бы смѣхъ, еслибъ главное дѣйствующее лице не уничтожало своимъ величіемъ всякую мысль о насмѣшкѣ.

Сестры Наполеона нимало не походили другъ на друга. Елиза, великая герцогиня тосканская, отличалась чертами брата, но выраженіе ея лица было гораздо суровѣе. Ей приписывали большой умъ и сильную волю, но я никогда не слышала, чтобъ кто нибудь упомянулъ о замѣчательномъ ея поступкѣ или остроумномъ выраженіи. Безмолвіе есть своего рода отрицаніе, и потому она не произвела на меня никакого впечатлѣнія.

Принцесса Полина Боргезе представляла типъ классической красоты, какъ она воплощается въ греческихъ статуяхъ Не смотря на всѣ принимаемыя ею мѣры, чтобъ ускорить вліяніе времени, она вечеромъ при содѣйствіи искусства плѣняла всѣхъ, и ни одна женщина не посмѣла бы отбивать у нея того яблока, которое присудилъ ей Канова; послѣ подробнаго осмотра ея прелестей безъ всякихъ покрывалъ. Къ самымъ тонкимъ и правильнымъ чертамъ она присоединяла пластическія формы, хотя и слишкомъ часто подвергавшіяся поклоненію. Благодаря ея внѣшнимъ чарамъ, всѣ забывали объ ея умѣ и только говорили объ ея романтичныхъ приключеніяхъ, которымъ не было конца.

Самая юная изъ сестеръ, Каролина, жена Мюрата, короля неаполитанскаго, не поражала классическою красотой, но отличалась подвижною физіономіей, блестящимъ цвѣтомъ лица, тонкою таліей, безупречными руками и царственною осанкой. Она, повидимому, родилась для того, чтобы быть королевой. Относительно ея умственныхъ способностей довольно привести слова Талейрана, который говорилъ, что ея хорошенькая головка покоилась на плечахъ государственнаго человѣка. Поэтому никто не удивился, когда императоръ послалъ ее навстрѣчу своей невѣстѣ. Однако между Каролиной и

Маріей-Луизой не было ничего общаго, и онѣ, естественно, не полюбили другъ друга.

Гортензіи, королевы голландской, и ея золовки, жены вице-короля итальянскаго, не было въ то время въ Парижѣ, такъ какъ онѣ уѣхали черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы императора.

Какъ только миновали придворные пріемы, тетка повезла меня къ Талейрану, въ сералѣ котораго она ровно четверть столѣтія состояла рабыней. Самъ Талейранъ былъ въ этотъ день занятъ при дворѣ и приказалъ извиниться передъ нами, что не можетъ насъ лично принять. Это никого не удивило, но мнѣ показалось очень страннымъ, что жена Талейрана отправилась кататься и заставила насъ и другихъ гостей ожидать ее цѣлый часъ. Мало того, вернувшись, она не сочла нужнымъ извиниться и, поздоровавшись со всѣми гостями, величественнымъ образомъ стала, какъ ни въ чемъ не бывало, разговаривать о погодѣ. Впослѣдствіи я старательно избѣгала госпожу Талейранъ, такъ какъ не люблю надменныхъ и дерзкихъ принцессъ, особенно, когда онѣ выскочки. А эта принцесса была извѣстна всему Парижу подъ именемъ госпожи Гранъ, и ничто, даже ея неожиданное возвышеніе, не могло стушевать ея полнаго ничтожества; ея глупыя выраженія также ставились въ примѣръ, какъ остроумныя выходки ея мужа. Въ эту эпоху ей было, по крайней мѣрѣ, шестьдесятъ лѣтъ, но все-таки находились льстецы, которые увѣряли ее, что она красавица, а потому она носила невозможныя прически съ цвѣтами.

Когда Талейрана не было дома, или онъ игралъ въ карты, то въ его пресловутомъ салонѣ царила смертельная скука, и, однако, большинство лицъ, постоянно являвшихся въ этотъ салонъ, были люди очень умные. Но принцесса присоединяла къ своей глупости еще страсть къ величію, побуждавшему ее поддерживать невозможный этикетъ, и по этой причинѣ всѣ люди независимые посѣщали домъ Талейрана только въ его присутствіи.

Разъ въ недѣлю все общество Талейрана собиралось у моей тетки, гдѣ мнѣ не было веселѣе, чѣмъ у великаго дипломата. Она приглашала къ себѣ серіями, то соотечественниковъ, то знатныхъ иностранцевъ. Ея домъ пользовался большою славой въ Парижѣ, но я съ изумленіемъ увидѣла въ первый же вечеръ у тетки, что единственнымъ развлеченіемъ служила крупная картежная игра. Банкъ закладывали неизвѣстныя лица, съ которыми никто не разговаривалъ, хотя они и выкладывали на столъ свои богатства, чтобы соблазнять посѣтителей, но съ ними обращались, какъ съ паріями, и всѣ подозрительно слѣдили за руками банкомета. Любовь къ наживѣ, однако, не одушевляла только этихъ подозрительныхъ лицъ, но и всѣхъ игравшихъ. Мнѣ было противно смотрѣть какъ на тѣхъ, такъ и на другихъ; вообще я не могла понять, чтобы въ порядочномъ домѣ проигрывали состоянія цѣлой семьи, и высказала свое наивное него-

дованіе теткѣ, которая холодно отвѣчала мнѣ, что мое мнѣніе легко объясняется тѣмъ, что я пріѣхала издалека, а въ Парижѣ подобное развлеченіе допущено въ лучшихъ домахъ. Кромѣ того, Талейрану, или, какъ она выражалась, принцу, нельзя было, въ виду его офиціальнаго положенія, вести игру въ своемъ домѣ, а потому она и устраивала ему этотъ отдыхъ отъ тяжелыхъ трудовъ въ своемъ салонѣ.

За зеленымъ столомъ у тетки я впервые увидала старую герцогиню де-Люинь, урожденную Лаваль де Монморанси, которая, напоминая по внѣшности жандарма, одѣтая самымъ вульгарнымъ образомъ, играла съ безумною страстью, грубо хохотала и кричала во все горло. Все это приписывалось ея оригинальности, и многіе восторгались благородствомъ и стойкостью ея характера, но я, признаюсь, никогда не могла привыкнуть къ ея мужскому, чисто солдатскому обращенію.

Присутствуя на этихъ блестящихъ вечерахъ, въ залахъ, сверкавшихъ снопами свѣта и на ужинахъ, приводившихъ въ восторгъ самыхъ прихотливыхъ сибаритовъ, я часто вспоминала скромный вѣнскій салонъ принца де-Линя, гдѣ все дышало добродушіемъ, веселостью и неподдѣльнымъ остроуміемъ, тогда какъ здѣсь царили принужденность, натянутость и скука.

Принцесса Полина первая дала праздникъ въ честь молодыхъ. Былъ май мѣсяцъ, и Нельи, гдѣ она жила, утопалъ въ цвѣтахъ. Экипажи приглашенныхъ лицъ останавливались передъ импровизованнымъ театромъ, подъ открытымъ звѣзднымъ небомъ. Императрица, вообще ничѣмъ не восхищавшаяся, не могла удержаться отъ восторга: такъ мало она ожидала подобнаго сюрприза, а Наполеонъ нѣжно поблагодарилъ сестру и въ теплыхъ выраженіяхъ высказалъ свое удовольствіе. Лучшіе актеры изъ театра Французской комедіи сыграли какую-то пьесу, которую никто не слушалъ, и знаменитѣйшіе танцоры исполнили какой-то балетъ, котораго никто не смотрѣлъ, такъ какъ глаза сосредоточивались на очаровательной обстановкѣ, на обворожительныхъ куртинахъ цвѣтовъ и красавицъ.

По окончаніи спектакля Полина взяла подъ руку свою золовку и повела ее въ бальную залу черезъ весь паркъ, освѣщенный тысячами шкаликовъ и фонарей, скрытыхъ за пахучими цвѣтами. Тамъ и сямъ невидимые оркестры наполняли воздухъ дивной мелодіей. Императоръ и всѣ гости слѣдовали за хозяйкой, переходя отъ одного удивительнаго зрѣлища къ другому. То передъ нами открывался изящный храмъ, въ которомъ граціи прислуживали проснувшемуся отъ сна амуру, то являлась готическая обитель, которая гостепріимно открывала свои двери толпѣ трубадуровъ; всѣ, какъ граціи, такъ и трубадуры, одинаково воспѣвали добродѣтели молодой императрицы и общую радость, возбуждаемую ея пріѣздомъ.

Наконецъ, аллея сузилась, погасла иллюминація, и мы очути-

лись во мракѣ среди густого кустарника. Принцесса Полина стала увѣрять всѣхъ, что она сбилась съ дороги, и даже императоръ, повѣривъ сестрѣ, началъ жаловаться на темноту. Но вдругъ, перейдя черезъ мостикъ и миновавъ узкій лабиринтъ, мы очутились на зеленой полянѣ, такъ блестяще освѣщенной, что было больно глазамъ. На противоположномъ ея концѣ возвышался Шенбрунскій замокъ, который былъ такъ живо воспроизведенъ, что лица, знавшія его, думали, что дѣйствительно они очутились передъ его обширнымъ дворомъ, на которомъ гуляла разряженная вѣнская толпа, пѣли тирольцы, и проѣзжали роскошные экипажи, съ кучерами и лакеями въ императорскихъ австрійскихъ ливреяхъ. Льстецы потомъ увѣряли, что, увидавъ свой родной замокъ, императрица заплакала, но какъ ни были бы естественны подобныя слезы, я должна засвидѣтельствовать, что, когда я взглянула на Марію-Луизу, то на ея вѣчно холодномъ и неподвижномъ лицѣ не было видно и тѣни волненія. Что же касается до императора, то онъ нѣсколько разъ громко выражалъ свою благодарность сестрѣ, за ея заботы о праздникѣ, который, дѣйствительно, былъ самымъ лучшимъ изъ всѣхъ празднествъ, данныхъ въ честь Маріи-Луизы.

Князь Шварценбергъ, австрійскій посланникъ, согласился уступить первенство только сестрѣ императора, и вслѣдъ за праздникомъ въ Нельи слѣдовалъ его балъ, который сдѣлался историческимъ, благодаря страшной катастрофѣ. Помѣщеніе посольства было недостаточно велико для пріема двухъ тысячъ приглашенныхъ, и среди сада выстроили громадную бальную залу, соединявшуюся съ внутренними покоями красивой галлереей. Какъ зало, такъ и галлерея, были сдѣланы изъ досокъ и покрыты просмоленымъ холстомъ, а внутри онѣ были разукрашены изящной драпировкой изъ розоваго атласа и серебряной кисеи. Я находилась въ галлереѣ въ ту минуту, когда начался пожаръ, и, быть можетъ, обязана своимъ спасеніемъ обстоятельству, которое сначала меня очень раздосадовало. На мнѣ было тюлевое платье, убранное на подолѣ букетомъ бѣлой сирени, который соединялся съ таліей цѣпью брилліантовыхъ лиръ; когда я танцовала, то эта цѣпь служила мнѣ большой помѣхой, и графиня Бриньоль, съ которою я пріѣхала на балъ, посовѣтовала мнѣ, прежде чѣмъ вальсировать съ вице-королемъ итальянскимъ, снять злополучную цѣпь, для чего и увела меня въ галлерею.

Пока она любезно отстегивала цѣпь, я увидала, одна изъ первыхъ, легкій дымокъ отъ загорѣвшейся кисеи вокругъ одного изъ канделябровъ и тотчасъ указала на это окружавшимъ насъ молодымъ людямъ. Одинъ изъ нихъ вскочилъ на скамейку и, чтобы предупредить опасность, хотѣлъ сорвать драпировку, но она быстро опустилась на канделябръ, вспыхнула, и огонь мгновенно перешолъ на просмоленный холстъ, служившій потолкомъ. По счастью для

меня, госпожа де-Бриньоль не потеряла головы и, схвативъ меня за руку, побѣжала черезъ всѣ залы къ выходу; даже на улицѣ она не остановилась, пока не достигла дома госпожи Реньо, находившагося противъ посольства. Тамъ она упала въ кресло, съ трудомъ переводя дыханіе, и молча указала мнѣ на балконъ съ очевидною цѣлью, чтобы я отдала ей отчетъ во всемъ происходившемъ. Я не понимала ея страха и охотно продолжала бы танцовать, такъ какъ мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы могло случиться несчастіе тамъ, гдѣ былъ императоръ.

Вскорѣ облака дыма заволокли бальную залу и галлерею, изъ которой мы бѣжали. Музыка замолкла, и вмѣсто нея раздавались вопли, стоны, крики. Въ числѣ жертвъ была невѣстка посланника, княгиня Шварценбергъ, которая, не видя дочери около себя, бросилась въ огонь и была убита обрушившеюся тяжелою люстрой, въ ту самую минуту, какъ ея дочь, не подвергшаяся никакой опасности, тщетно звала ее. Принцесса Лейенъ подверглась той же участи, но прожила еще нѣсколько дней послѣ катастрофы. Погибло множество лицъ обоего пола, но трудно было опредѣлить ихъ имена, такъ какъ въ числѣ гостей находилось значительное число иностранцевъ и провинціаловъ, заплатившихъ жизнью за минутное удовольствіе. У нѣкоторыхъ дамъ были украдены брилліанты и другія драгоцѣнности, такъ какъ мошенники воспользовались смятеніемъ, перелѣзли черезъ стѣну посольскаго сада и на свободѣ тащили все, что попало.

Черезъ нѣсколько минутъ гостиная госпожи Реньо-де-Сенъ-Жанъ-д'Анжели переполнилась ранеными въ бальныхъ платьяхъ, и мы провели большую часть ночи, ухаживая за ними. На разсвѣтѣ мы собрались домой, но наши экипажи и слуги исчезли, такъ что намъ пришлось идти пѣшкомъ въ атласныхъ туфляхъ по улицамъ и подвергаться грубымъ шуткамъ огородниковъ, которые везли на рынки свой товаръ.

Какъ ни легкомысленны парижане, но эта катастрофа произвела глубокое впечатлѣніе, и многіе приписывали ее политическимъ kознямъ.

Достовѣрно только одно, что нѣкоторые царедворцы совѣтовали императору удалиться, пока толпа не хлынула къ выходу изъ залы, стараясь при этомъ возбудить въ его умѣ гнусныя подозрѣнія, но онъ, всегда спокойный въ опасности, не обратилъ вниманія на эти инсинуаціи, проводилъ императрицу до экипажа и, вернувшись въ горѣвшій домъ, сказалъ князю Шварценбергу, что пришелъ тушить пожаръ. Эти слова произвели громадный эффектъ. Всѣ австрійцы были въ восторгѣ и со своимъ посломъ во главѣ окружили императора, представляя въ этотъ моментъ такой же вѣрный оплотъ, какъ любой полкъ его старой гвардіи.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ РЕВЕЛЬСКОЙ СТАРИНЫ [1].

II.

ВАНГЕЛИЧЕСКО-ЛЮТЕРАНСКАЯ церковь во имя Богоматери на Вышгородѣ, соборная нѣмецкая церковь въ Ревелѣ [2]), расположена на маленькой четерехъугольной площадкѣ недалеко отъ замка, противъ сравнительно новѣйшей постройки дома эстляндскаго дворянства, и окружена старинными густолиственными деревьями, заглядывающими въ ея узкія окна.

Она выстроена въ 1240 году королемъ датскимъ Вальдемаромъ II, при учрежденіи ревельской епископіи, и содержится на средства исключительно эстляндскаго дворянства, какъ прежде поддерживалась мѣстнымъ рыцарствомъ. До 1565 года ревельскій епископъ и капитулъ вышгородскаго собора упорно держались католичества. Бывшій епископъ въ Упсалѣ Петръ Фолингъ былъ первымъ лютеранскимъ епископомъ Ревеля.

Внутренность церкви, сравнительно небольшихъ размѣровъ, украшена старинными гербами дворянскихъ рыцарскихъ родовъ, представители которыхъ нашли вѣчное успокоеніе подъ ея древними плитами. Такимъ образомъ, вышгородская церковь является усыпальницей мѣстной знати, своего рода геральдическимъ пантеономъ Эстоніи.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVIII, стр. 182.

[2]) Die Ritter-und Domkirche. См. Die Kirchen und ehemaligen Klöster Revals, von Gotthard v. Hansen. Reval. 1885.

Слѣдующія могилы въ ней обращаютъ на себя особое вниманіе.

Налѣво отъ алтаря возвышается красивый мраморный памятникъ надъ прахомъ храбраго Понтуса де-ла-Гарди (Pontus de-la-Gardie), происходившаго изъ стариннаго французскаго рода [1]). Въ молодости де-ла-Гарди былъ противъ воли предназначенъ родителями къ духовному званію и отданъ въ монастырь, откуда бѣжалъ и поступилъ въ военную службу. Онъ долго служилъ въ Пьемонтѣ подъ начальствомъ маршала Брисака, потомъ въ войскѣ, посланномъ французскимъ королемъ Генрихомъ II въ Шотландію на помощь Маріи Стюартъ противъ бунтовщиковъ, затѣмъ въ арміи Фридриха II, короля датскаго, начавшаго войну съ Эрикомъ XIV, королемъ Швеціи. Отважный воинъ былъ взятъ въ плѣнъ шведами и въ 1565 г. перешелъ на службу Швеціи. Заслуживъ расположеніе короля, онъ былъ вскорѣ отправленъ ко двору Карла IX французскаго, слабодушнаго сына Екатерины Медичи и брата романической «королевы Марго». За участіе въ дворцовомъ переворотѣ, отдавшемъ престолъ въ руки Іоанна III, брата короля, онъ получилъ мѣсто дворцоваго коменданта. Послѣ войны съ Россіей, въ 1570 году, и Даніей, въ 1571 году, де-ла-Гарди состоялъ шведскимъ посломъ при папѣ Григоріи XIII. Въ 1580 году онъ женился на Софіи Гульдегельмъ, (Guldehelm), побочной дочери короля, а три года спустя уѣхалъ въ Ингрію воевать съ русскими и затѣмъ получилъ постъ генералъ-губернатора Ингріи и Эстоніи. Возвращаясь, въ 1585 году, въ Ингрію для переговоровъ о мирѣ съ Россіей, онъ утонулъ при переправѣ чрезъ рѣку Нарову. Тѣло его было доставлено въ Ревель и погребено въ вышгородскомъ соборѣ, гдѣ надъ прахомъ его и супруги, скончавшейся въ 1593 году, поставленъ грандіозный памятникъ— саркофагъ изъ бѣлаго мрамора съ изображеніемъ города Нарвы и рѣки Наровы и соотвѣтствующей латинской епитафіей въ стихахъ. Надъ гробницей висятъ гербы де-ла-Гарди и Гульдегельмовъ.

Здѣсь также покоится тѣло графа Матьясъ фонъ-Турна (graf Mathias von Thurn), родомъ изъ Богеміи. Графъ происходилъ изъ многочисленнаго аристократическаго рода, представители котораго встрѣчаются въ разныхъ странахъ, нося во Франціи фамилію de-la-Tour, въ Италіи—de-la-Torri, въ Испаніи—de-los-Torros и въ нѣмецкихъ земляхъ — von Thurn. Графъ Турнъ служилъ нѣкогда капитаномъ въ австрійской арміи и прославился отвагой во время венгерскихъ войнъ 1592—1607 годовъ. Въ раздорѣ между императоромъ Рудольфомъ и братомъ его эрцгерцогомъ Матѳіемъ, ставшимъ королемъ Богеміи и покровителемъ протестантства, графъ, сочувствуя этому ученію, принялъ сторону эрцгерцога. Во время вспыхнувшей вскорѣ затѣмъ тридцатилѣтней войны графъ игралъ выдающуюся роль. Послѣ пораженія подъ Прагой, въ 1620 году, Турнъ потерялъ

[1]) Ibid., стр. 62.

свои земли и спасся бѣгствомъ. Онъ служилъ затѣмъ въ разныхъ странахъ и въ разныхъ арміяхъ—въ Трансильваніи, Голландіи, въ Венеціи, у Христіана IX датскаго и, наконецъ, подъ знаменами знаменитаго Густава Адольфа, участвуя, въ качествѣ генерала, въ сраженіяхъ при Лейпцигѣ, 7-го сентября 1631 года, и Люценѣ, 6-го ноября 1632 года.

Семидесятилѣтнимъ старцемъ Турнъ окончилъ свои дни въ Перновѣ, въ Ливоніи, у сына, одареннаго Густавомъ Адольфомъ землею и титуломъ графа Перновскаго. Престарѣлый рыцарь умеръ въ 1640 году и былъ погребенъ, по его желанію, въ вышгородскомъ соборѣ въ Ревелѣ.

Противъ главнаго входа въ соборъ возвышается величественный, сдѣланный въ Италіи изъ карарскаго мрамора, памятникъ, поставленный императрицею Екатериною II надъ могилой знаменитаго русскаго моряка—адмирала Самуила Грейга, отличившагося въ войнахъ со шведами и турками въ 1788 году и умершаго въ томъ же году въ Ревелѣ.

На памятникѣ слѣдующая латинская надпись:

Samueli Greigio
Scoto
Summo Russ. Class. Praefecto
nat. MDCCXXXV, denat. MDCCLXXXVIII
Hunc
Archipelagus et mare balticum
Oraque sospes ab hostium ignibus
Hunc
virtutum laudes et
Magnanimae Catharinae II
superstes dolor
perpetuo carmine celebrant [1]).

Направо отъ алтаря мраморная пирамида означаетъ мѣсто вѣчнаго успокоенія бывшаго флигель-адъютанта императора Александра I, графа Фердинанда фонъ-Тизенгаузена, убитаго подъ Аустерлицемъ 2-го декабря 1805 года. На памятникѣ короткая надпись: Der Vater dem Sohne (отецъ сыну).

Налѣво—могила бывшаго ревельскаго коменданта Карла Горна, защищавшаго, въ 1571 году, городъ отъ Іоанна Васильевича Грознаго.

Рядомъ съ могилою адмирала Грейга, покоится прахъ адмирала Крузенштерна, знаменитаго мореплавателя, родившагося 7-го ноября

---

[1]) То-есть Самуилу Грейгу, шотландцу, адмиралу русскаго флота, рожденному въ 1735 году, умершему въ 1788 году; Архипелагъ, Балтійское море и берегъ, уцѣлѣвшій отъ непріятельскихъ огней, доблестная память и пережившая его скорбь великой духомъ Екатерины II восхваляютъ его въ непрестанныхъ славословіяхъ.

1770 года и умершаго 12-го августа 1846 года. Въ 1803 — 1806 годахъ адмиралъ Крузенштернъ совершилъ кругосвѣтное плаваніе съ фрегатами «Надежда» и «Нева». Въ 1826 году онъ былъ назначенъ директоромъ морского корпуса. Надпись на памятникѣ слѣдующая:

Adam Iohann v. Krusenstern
geb. 1770 gest. 1846.
Vermählt mit Julie won Taube.
Первому русскому плавателю кругомъ свѣта.
1803 — 1806.

Въ вышгородской же лютеранской церкви погребена также и графиня Маргарита Гойа (Hoya), сестра короля Густава Вазы, которая скончалась въ Ревелѣ, гдѣ мужъ ея, генералъ-губернаторъ Финляндіи, проводилъ нѣкоторое время, путешествуя съ цѣлью поправленія здоровья. Мѣсто могилы этой царственной покойницы подъ плитами собора до сихъ поръ еще, однако, въ точности не опредѣлено, какъ и мѣста многихъ [1]) извѣстныхъ въ свое время лицъ, похороненныхъ въ этой старинной ревельской церкви.

Тамъ, гдѣ теперь возвышается скромная и небольшая католическая церковь, на Никольской улицѣ (Rusz-strasze), въ узкомъ дворѣ, надъ воротами котораго виднѣется въ нишѣ бѣлая фигура Христа Спасителя, нѣкогда находился католическій монастырь доминиканцевъ.

Монастырь этотъ, во имя св. Екатерины, былъ построенъ въ XIII вѣкѣ, при Эрикѣ V.

Въ первой четверти XVI столѣтія, въ эпоху гоненія протестантовъ на образа, монастырь сильно пострадалъ.

Въ томъ же столѣтіи магистратъ и гильдіи обвиняли монаховъ въ расхищеніи монастырскаго имущества и присвоеніи монастырскихъ денегъ, вслѣдствіе чего доминиканцамъ было предложено или покинуть монастырь или же перейти въ лютеранство. Вѣрные сыны католической церкви, конечно, предпочли первое и разошлись въ разныя стороны, исключая немногихъ престарѣлыхъ монаховъ, которымъ было разрѣшено оставаться на старомъ мѣстѣ. Что же касается монастырскаго начальства, пріора, его помощника и прокуратора, то они были задержаны и отпущены на свободу только тогда, когда возвратили часть захваченныхъ драгоцѣнностей ризницы.

Въ монастырѣ помѣщалась затѣмъ городская школа. Остававшаяся въ монастырѣ братія, не желая допускать въ стѣнахъ своей

---

[1]) Какъ, напр., могила сына шведскаго короля Карла IX — Филиппа. (См. G. v. Hansen, op. cit, стр. 65).

обители еретическаго въ ея глазахъ ученія Лютера, подожгла старинное монастырское зданіе и во время пожара скрылась.

Король шведскій Карлъ XI приказалъ возстановить зданіе и помѣстить въ одной части его арсеналъ, а въ другой городское училище. Училище это, пользуясь поддержкой магистрата и духовенства, существовало до 1807 года въ томъ самомъ зданіи, которое теперь служитъ католическою церковью во имя святыхъ Петра и Павла, и гдѣ, до основанія школы, помѣщалась монастырская пріемная (refectorium).

Прилегающіе теперь къ церкви дома (приблизительно восемь) стоятъ на мѣстѣ прежнихъ келій, сохраняя, въ видѣ подваловъ, прежніе подземные ходы доминиканской обители.

Старыя монастырскія стѣны давно разрушились, частью сами собой, частью разрушены нарочно, во избѣжаніе опасныхъ обваловъ,— какъ и большая часть городскихъ стѣнъ,— и теперь отъ прежняго монастыря осталась лишь его прежняя зала, теперешняя католическая церковь въ Ревелѣ.

На Большомъ, или такъ называемомъ Шведскомъ, рынкѣ возвышается старинное зданіе городской ратуши со стрѣльчатыми, готическаго типа, окнами и дверями и высокой башней, «на позоръ».

Направо отъ главной, посрединѣ зданія, двери еще доселѣ на старой стѣнѣ висятъ ошейники и цѣпи, въ которыхъ прежде преступники публично выставлялись предъ народомъ.

На первой площадкѣ лѣстницы, на стѣнѣ, виситъ черная доска съ латинскою позолоченною надписью, убѣждающей каждаго переступающаго порогъ магистрата члена городского совѣта сбросить съ себя лицепріятіе, вражду, гнѣвъ и приступать къ общественнымъ дѣламъ съ безпристрастіемъ, спокойствіемъ и чистою совѣстью, при чемъ дѣлается напоминаніе, что поскольку кто погрѣшитъ или сдѣлаетъ добро въ отношеніи ближняго, постольку отвѣтитъ или будетъ награжденъ на судѣ Божіемъ. Зала засѣданій городского совѣта украшена превосходной деревянной рѣзьбой XIV в.,— подарокъ городу шведскаго короля Карла XI;— и старинными картинами масляной краски работы Іогана Акена; ихъ числомъ восемь, и всѣ онѣ библейско-евангельскихъ сюжетовъ.

Ревельская ратуша обладаетъ интересными документами, какъ, напримѣръ, стариннымъ экземпляромъ кодекса Любекскаго права 1257 года, собственноручными письмами Мартина Лютера и Филиппа Меланхтона, собраньемъ актовъ, касающихся городскихъ привилегій и проч. Богатый архивъ магистрата, заключающій въ себѣ драгоцѣннѣйшіе документы, касающіеся прибалтійскаго края, не приведенъ еще донынѣ въ полный порядокъ и необходимую систему.

Время построенія ратуши въ точности неизвѣстно [1]). Его нельзя съ достовѣрностью относить къ 1219 году, эпохѣ возникновенія Ревеля, такъ какъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, было ли городу дано муниципальное устройство тотчасъ по его основаніи. Въ XIII в. маленькіе города не управлялись магистратами, а имѣли общинное устройство, съ 2—3 старшинами во главѣ. Поэтому, по всей вѣроятности, муниципальное устройство возникло въ Ревелѣ съ постепеннымъ развитіемъ въ немъ торговли и образованіемъ ремесленныхъ цеховъ, то-есть приблизительно въ 1248 году, когда король Эрикъ V даровалъ Ревелю любекское право. Такимъ образомъ ревельская ратуша была выстроена между 1248—1249 годами. Что же касается ея башни, то достовѣрно извѣстно, что она была возведена въ 1665 году на средства города подъ наблюденіемъ муниципальнаго совѣтника Іогана Мюллера [2]).

Ревельскій магистратъ имѣлъ то же устройство, что и любекскій. Постепенно пріобрѣталъ онъ всѣ необходимыя городу права и привилегіи,—между прочимъ, и право чеканить монету, что было очень важно для торговли въ то время, когда денежная цѣнность не имѣла опредѣленной нормировки. Муниципалитетъ состоялъ изъ 12 членовъ и 2 бургомистровъ, ежегодно смѣняемыхъ по выборамъ. Избранія въ муниципальный совѣтъ происходили всякое 21 декабря, въ день св. Ѳомы, и о результатѣ выборовъ объявлялось горожанамъ. Члены совѣта дѣлили между собою по соглашенію обязанности по городскому управленію, при чемъ для каждой отдѣльной отросли хозяйства было по двое наблюдательныхъ члена, съ двумя бургомистрами во главѣ, какъ сказано выше. Такъ было два казначея, два сборщика податей, два контролера, два надзирателя за торговыми погребами и складами и т. д.

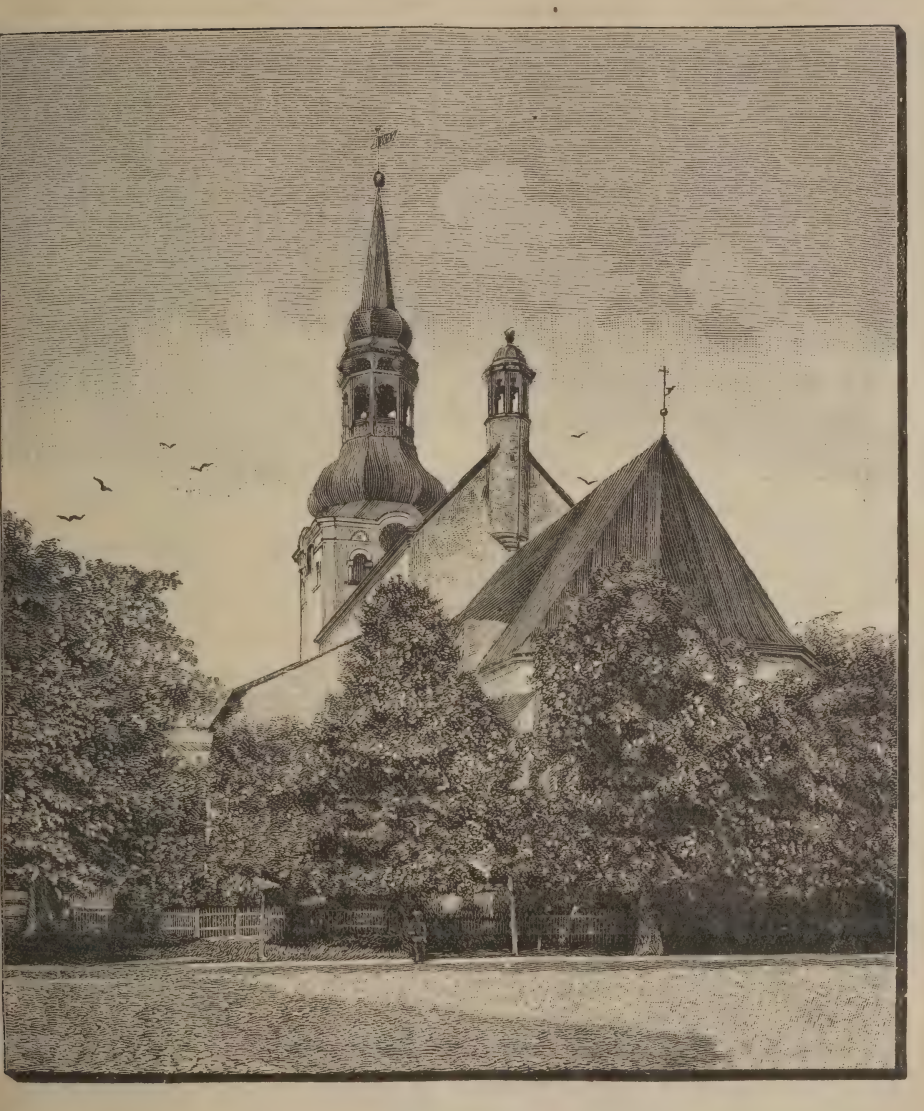
Кромѣ того, на членахъ городского совѣта лежала обязанность полицейская и сыскная, обязанность представительства на провинціальныхъ съѣздахъ, на сеймахъ ганзейскихъ городовъ и на всякаго рода совѣщаніяхъ и собраніяхъ, которыя до такой степени участились въ XVI столѣтіи, что сдѣлались, по истинѣ, тяжкимъ бременемъ для городскихъ муниципій.

Во время посольствъ и войны муниципальнымъ членамъ также доставалось на долю немало хлопотъ и расходовъ. На войну они отправлялись поочереди. Эта повинность была, однако, вскорѣ облегчена «черноголовыми» [3]), которые принимали усердное участіе въ военныхъ дѣлахъ города, но зато посольства очень тяжело

[1]) Itinéraire de Reval, par R. von Rentlinger, St. Pétersbourg, 1847.

[2]) Въ нѣкоторыхъ описаніяхъ Ревеля (напр., Führer durch Reval., 1878) утверждается, что башня эта построена Іоганомъ Мюллеромъ; по найденнымъ въ архивѣ ратуши даннымъ это невѣрно: І. Мюллеръ наблюдалъ только за ея постройкой, а не строилъ ее на свои средства.

[3]) См. выше.

Лютеранская Вышгородская церковь.

отзывались на представителяхъ муниципій. Почти каждый годъ кто нибудь изъ нихъ обязанъ былъ ѣхать въ Любекъ для присутствованія на тамошнемъ ганзейскомъ сеймѣ, что сопряжено было и съ большими расходами, и съ дальностью пути[1]), и, наконецъ, съ опасностями подвергнуться въ дорогѣ нападенію разбойниковъ, что̀ зачастую и случалось. Часто приходилось ѣздить имъ также

[1]) 210 миль.

въ Ливонію, на мѣстные съѣзды, въ Новгородъ Великій или къ русскимъ границамъ, для возобновленія трактатовъ.

Въ послы выбирали обыкновенно изъ людей помоложе, болѣе подвижныхъ и отважныхъ, и снабжали ихъ на дорогу отъ города обильными съѣстными припасами, лошадьми и цѣлымъ штатомъ кучеровъ, конюховъ, слугъ и придверниковъ.

Магистратъ въ Ревелѣ имѣлъ въ своихъ рукахъ винную монополію и получалъ отъ нея большія выгоды, благодаря обильному вывозу вина въ Россію.

Доходъ отъ налога съ лавокъ и погребовъ былъ также весьма значительный; мельницы давали еще больше. Ихъ было въ Ревелѣ три: городская, монастыря св. Михаила и королевская. Послѣднія двѣ были потомъ уступлены городу: короной, въ 1345 году, и монастыремъ, при аббатисѣ Маргаритѣ фонъ-Рикенъ.

Ежегодно закрытіе засѣданій городского совѣта предъ новыми выборами заканчивалось въ Ревелѣ очень торжественной церемоніей. Наканунѣ дня св. Ѳомы, 20-го декабря, въ 2 часа дня, магистратъ въ полномъ составѣ собирался въ церкви св. Духа, служившей капеллой ратуши, какъ уже было упомянуто выше, чтобы возблагодарить Бога за истекающій годъ. Сюда же приходили и гильдіи. По окончаніи благослуженія магистратъ шелъ въ ратушу по переполненной народомъ площади, а городскія гильдіи устанавливались въ колонны предъ зданіемъ городского совѣта. Поднявшись на крыльцо ратуши, члены магистрата останавливались, и предъ ними церемоніальнымъ маршемъ проходили городская конница и артиллерія. Затѣмъ, магистратъ отдавалъ отчетъ городу въ управленіи за годъ и назначалъ извѣстную сумму денегъ въ пособіе бѣднымъ.

Въ 6 часовъ вечера, большая гильдія купцовъ и гильдія св. Канута[1]) собирались въ ратушѣ и вносили издревле установленный налогъ по ригсдалеру за каждаго горожанина и за каждый домъ. Вечеромъ магистратъ in corpore провожалъ свой служебный годъ товарищескимъ ужиномъ.

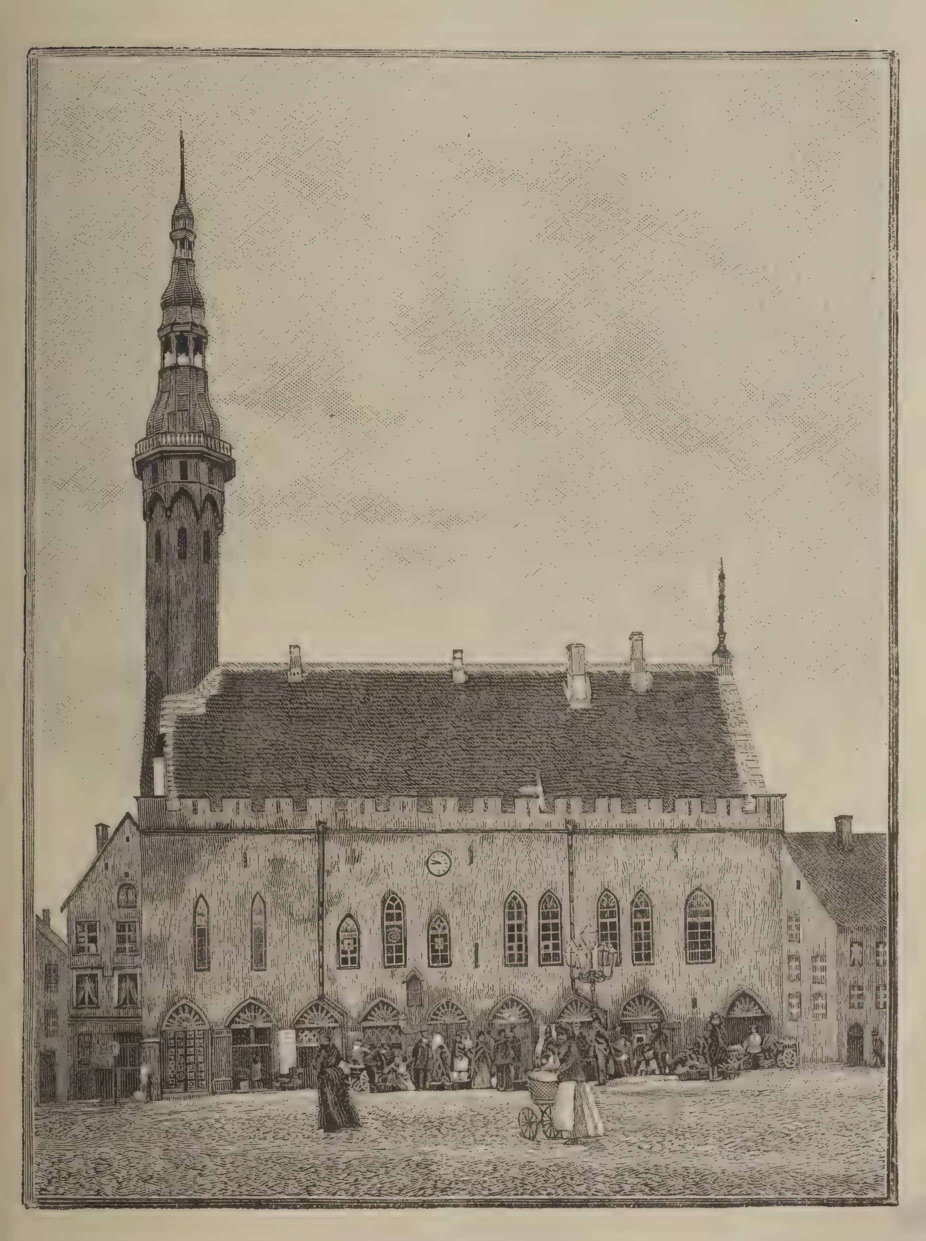
Въ настоящее время въ ревельской ратушѣ засѣдаетъ городская дума.

Надъ главною дверью ратуши, въ стѣнѣ, вдѣланы большіе часы съ боемъ (въ 1843 году), освѣщаемые изнутри ночью, работы ревельскаго часовщика Гаазе. Они отличаются большою вѣрностью.

На площади Большого рынка, предъ зданіемъ ратуши, ближе къ лавкамъ, по срединѣ которыхъ идетъ узенькій проходъ, выходящій на Длинную (Морскую) улицу, обращаютъ на себя вниманіе два камня, образующіе собою треугольникъ. По преданію, на этомъ самомъ мѣстѣ былъ нѣкогда казненъ какой-то прегрѣшившій священникъ. Въ виду сходства этого треугольника съ буквою L, въ пер-

---

[1]) См. выше.

Ревельская ратуша.

пендикулярно сложенныхъ камняхъ желали видѣть первоначальную букву фамиліи казненнаго, предполагая, что это былъ пасторъ Ланге (Lange).

Со времени реформаціи въ Ревелѣ былъ только одинъ пасторъ, носившій такое имя, который въ 1523 году былъ назначенъ священникомъ церкви св. Николая[1]) и умеръ въ этомъ санѣ 4-го августа 1531 года, во время чумной эпидеміи въ Эстоніи. Изъ деревенскихъ пасторовъ, не бывшихъ, впрочемъ, подъ властью городского магистрата, былъ только одинъ, носившій имя Ланге,— Магнусъ Эрикъ Ланге, пасторъ въ Ноле, умершій въ 1667 году въ своемъ приходѣ. Былъ епископъ д-ръ Іаковъ Ланге, послѣдній епископъ Эстоніи, который въ 1700 году, незадолго до присоединенія Эстляндіи къ Россіи, бѣжалъ въ Швецію и умеръ тамъ епископомъ линкипингскимъ (Linkoeping).

Предполагая, что интересующіе насъ камни означаютъ мѣсто казни одного изъ ревельскихъ пасторовъ, — мы находимъ одного дѣйствительно казненнаго ех-пастора въ Ревелѣ, но онъ былъ иностранецъ, фамилія его не начиналась буквой L.

Вотъ что намъ извѣстно по этому поводу. Нѣкто Эліасъ Христіанъ Панике, уроженецъ Вестфаліи, былъ, въ 1686 году, назначенъ пасторомъ въ Гангенбитенгеймѣ, въ нижнемъ Эльзасѣ, но во время похода французовъ, въ 1688 году, на Германію, окончившагося завоеваніемъ нѣмецкихъ владѣній за Рейномъ, лишился сана и, ведя скитальческую жизнь, очутился, наконецъ, въ Ревелѣ, гдѣ, въ 1693 году, для него была устроена подписка, въ виду бѣдственнаго положенія, въ которомъ онъ тогда находился. Панике былъ человѣкомъ далеко неодобрительнаго поведенія, склоннымъ къ разгулу и азартнымъ играмъ. 26-го декабря 1694 года, онъ пришелъ въ трактиръ «Рига», находившійся въ одномъ изъ форштадтовъ Ревеля, и завелъ ссору съ трактирной прислужницей, во время которой ударомъ топора положилъ ее на мѣстѣ. Панике былъ тотчасъ же заключенъ въ тюрьму, а 11-го января 1695 года ревельскій магистратъ приговорилъ его къ казни посредствомъ обезглавленія мечомъ. 14-го января, королевская консисторія, которой былъ тогда подчиненъ магистратъ въ дѣлахъ духовныхъ, утвердила приговоръ магистрата, лишила обвиненнаго всѣхъ прежнихъ правъ и преимуществъ и распорядилась снять съ него пасторскую одежду, въ которой онъ доселѣ ходилъ. 18-го января, окруженный городскими священниками, онъ былъ приведенъ на Большой (Шведскій) рынокъ, гдѣ стоитъ ратуша, и обезглавленъ, по всей вѣроятности, именно, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь мы видимъ сложенные угломъ камни, о которыхъ идетъ рѣчь[2]).

---

[1]) См. выше.

[2]) R. von Rentlinger, op. cit., стр. 161—164.

Развалины монастыря св. Бригиты близъ Ревеля.

На Длинной (Морской) улицѣ обращаетъ на себя вниманіе расположенное какъ разъ противъ уже извѣстной читателямъ кирки св. Духа и выходящее задней стороной на Широкую улицу старое, некрасивое зданіе, съ непропорціонально вытянутымъ верхомъ, на которомъ виднѣются бѣлые кресты на красномъ фонѣ въ медальонахъ датскаго ордена Данеброга. Это домъ большой гильдіи (купцовъ) въ Ревелѣ, которой упомянутый орденъ былъ пожалованъ Эрикомъ V, въ память основанія гильдіи въ 1249 году.

Зданіе гильдіи относится къ XIV вѣку. Очень оригинальны его наружныя массивныя двери, поставленныя въ 1430 году, тяжелыя кольца которыхъ вдѣланы въ выпуклыя львиныя морды, окружены надписями: «Gotde-ghebenedict-al-dat-byr-is-unde-noch-komen-sol», то-есть да благословитъ Богъ того, который здѣсь идетъ, и того, который пройдетъ, и «Anno-domini-millesimo-CCCCXXX-o-rex-gloriae-veni-in-pace-1430», то-есть «въ годъ Господа 1430-й; о царь славы, иди въ мирѣ». Большая зала гильдіи довольно обширна со сводами, поддерживаемыми красивыми колоннами. Въ малой залѣ виситъ на стѣнѣ шведскій государственный гербъ и гербъ гильдіи, портретъ во весь ростъ короля шведскаго Эрика XIV и поясной императора Александра II въ драгунскомъ мундирѣ.

Простѣнки сводовъ заняты масляными картинами болѣе поздняго времени, Леопольда Пезольда — средневѣковой народный праздникъ въ Ревелѣ, и Шпренгеля — сцена прибытія въ Ревель перваго посла Лютера.

Въ домѣ большой гильдіи происходятъ засѣданія биржи.

Верстахъ въ двухъ отъ Ревеля, за Екатериненталемъ, близъ мѣстечка Копъ, возвышаются на морскомъ берегу живописныя развалины монастыря во имя св. Бригиты, на рѣкѣ, называемой Бригитовкой.

Святая Бригита жила въ Швеціи въ XIV столѣтіи. Послѣ смерти мужа, королевскаго сенатора Ульфо Гундмара въ Упсалѣ, она, вмѣстѣ съ дѣтьми путешествуя по разнымъ странамъ, всюду стяжала себѣ славу за добрыя дѣла и широкую благотворительность. Св. Бригита долгое время жила въ Италіи, въ Римѣ, Неаполѣ и Сициліи, была также и въ Іерусалимѣ и вездѣ являлась утѣшительницей бѣдныхъ и угнетенныхъ. Послѣ ея кончины, послѣдовавшей въ 1373 году, она была причислена къ лику святыхъ, въ 1391 году, при папѣ Бонифаціи IX. Св. Бригита умерла въ Римѣ, гдѣ въ соборѣ св. Павла сохраняется распятіе, говорившее, по народному повѣрію, съ этой замѣчательной женщиной. Это распятіе работы Пьетро Каватини, славнаго ученика знаменитаго Джіотто.

Въ числѣ многихъ монастырей, основанныхъ въ честь св. Бригиты, бригитскій монастырь подъ Ревелемъ возникъ, благодаря усер-

Православная церковь св. Николая Чудотворца въ Ревелѣ.

дію трехъ горожанъ: архитектора Генриха Швальберга, Генриха Гуксера (Huxer) и Гарлаха Крузе. Лица эти пожертвовали на монастырь все свое состояніе и сами сдѣлались монахами. Постройка монастыря длилась 29 лѣтъ. Въ расходахъ на нее принимало участіе также мѣстное дворянство, городъ и шведское правительство.

Въ 1443 году монастырь былъ освященъ епископомъ Генрихомъ Икскюлемъ, и Герлахъ Крузе былъ первымъ монастырскимъ исповѣдникомъ.

Монастырь, по уставу, былъ открытъ для обоихъ половъ, монахи и монахини сходились на общей молитвѣ въ церкви. Ихъ кельи были расположены на сѣверъ отъ храма, съ которымъ соединялись сводистымъ корридоромъ.

Въ 1551 году, во время ливонской войны царя Іоанна Грознаго, русскіе сожгли и разрушили монастырь. Запрестольный образъ монастырской церкви былъ спасенъ братьями «черноголовыми», перенесенъ въ ихъ домъ, въ Ревелѣ [1]), и до сихъ поръ хранится тамъ въ числѣ прочихъ историческихъ предметовъ этого интереснаго зданія.

Въ библіотекѣ церкви св. Олая хранилась на пергаментѣ копія акта канонизаціи св. Бригиты и булла папы Мартина V, дарующая отпущеніе грѣховъ всѣмъ, совершившимъ паломничество въ монастырь св. Бригиты въ городѣ Вадстенѣ (Wadstena), въ Швеціи, мѣсто рожденія этой святой, гдѣ, какъ говорятъ, покоятся ея останки.

На монастырской бронзовой печати овальной формы изображенія св. Бригиты рядомъ со св. Дѣвой Маріей и вышеупомянутаго Крузе, возлѣ котораго стоятъ сапоги, изъ чего заключаютъ, что онъ былъ по профессіи сапожникъ. Печать эта въ 1807 году хранилась у суперинтендента Егера, въ Ревелѣ, а въ настоящее время находится въ Нарвѣ [2]).

Развалины этого стариннаго монастыря однѣ изъ живописнѣйшихъ. Обвалившіяся стѣны и фасадъ, пронизанный множествомъ узкихъ оконцевъ, красиво высятся на берегу моря, словно эффектная декорація. Кое-гдѣ виднѣются на стѣнахъ скульптурныя изображенія, наполовину поломанныя. Угловая башня сохранилась довольно хорошо, а также и обширный монастырскій склепъ. Народная молва говоритъ, что подъ монастыремъ досѣлѣ сохранилось прежнее подземелье, ведущее въ городъ подъ моремъ.

По поводу этого подземнаго хода существуетъ слѣдующая романическая легенда.

Въ 1406 году, задолго до основанія Бригитскаго монастыря, литовскій король Владиславъ V осаждалъ Ревель, и горожане дали обѣщаніе построить монастырь, если Богъ поможетъ имъ избавиться отъ враговъ. Въ это время св. Бригита приснилась во снѣ

---

[1]) См. Выше.

[2]) R. von Rentlinger, op. cit., стр. 238—239.

одному набожному горожанину Юнгингену и указала приблизительно мѣсто, гдѣ долженъ быть построенъ монастырь, обѣщая спасеніе осажденнымъ. Городскія женщины и дѣвушки пошли искать указанное святой мѣсто; въ ихъ числѣ была и дочь Юнгингена, Матильда. По несчастію, онѣ попали въ руки литовцевъ, но сынъ король Удо влюбился въ Матильду, освободилъ плѣнницъ и уговорилъ отца снять осаду. Горожане исполнили обѣщаніе и выстроили монастырь во имя св. Бригиты, а Матильда была его первой, будто бы, настоятельницей, отвергнувъ любовь королевича.

Удо удалился, но чрезъ годъ вернулся съ пятью храбрыми товарищами, съ цѣлью похитить любимую дѣвушку-монахиню. Случайно его затѣя открылась, и онъ былъ заключенъ вмѣстѣ съ путниками въ одну изъ городскихъ башенъ Ревеля, между Глиняными и Морскими воротами. Изъ окна темницы онъ издали видѣлъ монастырь, оберегавшій плѣнившую его сердце красавицу, и изнывалъ въ тоскѣ, какъ вдругъ однажды мышь, пробравшаяся къ нему въ заточеніе, навела его на мысль о существованіи подземнаго прохода по направленію къ монастырю св. Бригиты. Королевичъ и его товарищи стали рыть подземный ходъ, чтобъ пробраться въ монастырь. Имъ это удалось, и Удо достигъ до святого мѣста и говорилъ съ Матильдой въ то время, когда она роздавала милостыню, на порогѣ кельи.

Его мольбы остались тщетными. Тогда королевичъ подкупилъ стражу, бѣжалъ въ свое отечество и вскорѣ снова вернулся, на этотъ разъ уже съ враждебными замыслами противъ Ревеля. Онъ былъ, однако, взятъ въ плѣнъ и, будучи раненымъ, отданъ на попеченіе отцовъ доминиканцевъ. Матильда, узнавъ объ этомъ, рѣшила его обратить къ вѣрѣ и, воспользовавшись подземнымъ ходомъ, сдѣланнымъ ея обожателемъ, являлась всякую ночь къ его изголовью. Ей удалось это. Королевичъ постригся въ монахи и вскорѣ достигъ высокихъ духовныхъ степеней. Матильда продолжала навѣщать его до конца дней своихъ, любя его, какъ брата. При постриженіи Удо принялъ имя Доната.

Такова эта сантиментальная легенда, соединенная съ подземельемъ живописнаго монастыря св. Бригиты.

Какъ мы уже упомянули въ предыдущемъ очеркѣ, теперешній православный Преображенскій соборъ въ Ревелѣ былъ нѣкогда церковью католическаго дѣвичьяго монастыря, во имя св. архангела Михаила, цистерціанцевъ, по правиламъ св. Бенедикта, сооруженнаго датскимъ королемъ Эрикомъ IV Эйгинодомъ (жестокимъ), о чемъ тоже уже сказано было выше, въ исходѣ XI столѣтія, задолго до появленія Ревеля, годомъ основанія котораго считается 1219 годъ.

Сначала монастырь находился внѣ города, но со временемъ, когда Ревель, по повелѣнію датской королевы Маргариты, сталъ окружаться стѣнами, онъ вошелъ въ городскую черту и занималъ все пространство отъ Цистернской улицы по Соборному переулку, вплоть до Широкой улицы, включая сюда Николаевскую гимназію, съ большимъ дворомъ и гимназическими постройками, и православный соборъ. Къ монастырю было приписано нѣсколько имѣній, и отданы, по распоряженію Эрика Глиппинга, всѣ доходы Олаевской кирки.

Михайловскій монастырь отличался необыкновенною приверженностью къ папству и, благодаря упорству настоятельницы своей, Софіи Шварцгофъ, отказался наотрѣзъ принять лютерово ученіе. Лишь въ 1543 году ревельскому суперъ-интенденту удалось склонить монахинь перейти въ лютеранство, вслѣдствіе чего католическая церковь монастыря была обращена въ кирку, а въ монастырскихъ зданіяхъ учреждено было женское училище подъ наблюденіемъ бывшей аббатиссы Елизаветы фонъ-Цэгэ, принявшей лютеранство.

Позднѣе, при знаменитомъ шведскомъ королѣ Густавѣ-Адольфѣ, женское михайловское училище было упразднено и вмѣсто него, въ 1631 году, открыто мужское училище, на содержаніе котораго были назначены всѣ доходы съ прежнихъ монастырскихъ угодій.

По завоеваніи Ревеля Петромъ I, въ 1709 году, русскіе потребовали себѣ отъ города бывшую Михайловскую кирку, служившую церковью шведскому гарнизону. Магистратъ, однако, не сразу передалъ ее въ руки русскаго начальства, и только въ 1716 году она обратилась въ православный храмъ.

Первый православный образъ, поставленный въ прежней шведской киркѣ, былъ образъ св. Θеодора Стратилата, и поэтому до 1734 года русская ревельская церковь называлась Θеодоровской. Въ упомянутомъ же году былъ освященъ главный придѣлъ ея во имя Преображенія Господня, и церковь, находившаяся до сего времени въ военномъ вѣдомствѣ, передана духовному вѣдомству въ качествѣ ревельской соборной церкви.

Даже и при православномъ иконостасѣ, сооруженномъ стараніемъ императора Петра I, по внутреннему виду и устройству, ревельскій Преображенскій соборъ долгое время, однако, оставался почти вполнѣ лютеранской киркою, и только въ 1830 году, по приказанію государя Николая Павловича, соборъ, на отпущенную для сего изъ казны сумму, въ размѣрѣ 84 тысячъ рубл. ассигн., былъ передѣланъ и получилъ свой теперешній видъ. Хоры, на которыхъ прежде помѣщался органъ, уничтожены, скамьи вынесены, полъ, бывшій нѣсколько углубленнымъ, приподнятъ, а остроконечный шпиль готическаго типа замѣненъ православнымъ куполомъ надъ алтаремъ.

Такова характерная исторія собора, бывшаго въ теченіе 294 лѣтъ, до 1543 года, католической каплицей цистерціанокъ, потомъ,

до 1716 года, лютеранскою киркою и въ теченіе послѣднихъ 170 лѣтъ мѣстомъ православнаго богослуженія.

Изъ достопримѣчательностей храма интересны упомянутый иконостасъ тонкой итальянской работы, сдѣланный за границею въ 1720 году, по повелѣнію императора Петра, дубовый осьмиконечный, въ въ 14 вершковъ вышины, крестъ, принесенный въ даръ собору, какъ видно изъ надписи на немъ, императрицею Анной Іоанновной, въ 1732 году, неизвѣстно кѣмъ и когда пожертвованный образъ Успенія Пресвятой Богородицы съ вложенными въ немъ частицами мощей свв. угодниковъ,—копія съ подлинной иконы, находящейся въ Кіевопечерской лаврѣ, и древнее Евангеліе 1689 года, напечатанное въ Москвѣ, при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ.

На каждомъ изъ соборныхъ колоколовъ высѣчены особыя латинскія надписи, а именно: на одномъ изъ нихъ: «Dum trahor audite voco vos ad gaudia vitae 1575 anno fecit me Matias Beninck» (когда я звоню, слушайте,—я зову васъ къ благамъ жизни, въ 1575 сдѣлалъ меня Матіасъ Бенинкъ, а на другомъ: «Verbum Domini manet in aeternum. Anno 1623. Stoebt mich Hans Kemmer y Helschenor» (слово Божіе пребываетъ во вѣки. Въ 1623 вылилъ меня Гансъ Кеммеръ, въ Гользингорѣ) [1]).

Послѣ Преображенскаго собора въ Ревелѣ есть еще одно очень древнее мѣсто молитвы православныхъ—это церковь св. Николая, на улицѣ, въ честь ея названной Никольской или Ruszstrasze, по мѣстному наименованію.

Въ представленіяхъ ревельскаго магистрата къ ливонскому ордену, въ послѣднихъ годахъ XV столѣтія, мы уже встрѣчаемъ упоминаніе о русской церкви св. Николая, которую московское правительство требовало держать въ чистотѣ и порядкѣ, не совершать въ ней насилій и не выдавать въ ней преступниковъ [2]).

Въ 1656 году Никольская церковь сильно пострадала отъ пожара, но была ремонтирована новгородскими купцами, по контракту съ ревельскимъ бургомистромъ Паульсономъ за 760 рейхсталеровъ. Въ 1686 году цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи пожертвовали Никольской церкви новую церковную утварь и образа, какъ значится на надписи на старинномъ иконостасѣ храма.

Сначала церковь была деревянная, на каменныхъ столбахъ, очень небольшая.

Въ началѣ текущаго столѣтія храмъ пришелъ въ ветхость и требовалъ капитальной перестройки. Въ 1804 году русское купечество въ Ревелѣ ходатайствовало передъ государемъ императоромъ Александромъ Павловичемъ о правительственной субсидіи для ре-

---

[1]) Датскій городъ, при Зундѣ.

[2]) Рев. магистратскіе акты за 1491 годъ.

ставраціи Никольской церкви. Политическія событія затянули, однако, дѣло до 1818 года, когда бывшій настоятель Никольской церкви о. Іоаннъ Недешевъ энергически приступилъ къ сбору пожертвованій на построеніе новаго храма, на мѣстѣ стараго, настолько состарившагося, что угрожалъ разрушеніемъ.

Въ 1822 году было заложено новое церковное зданіе, а въ 1827 году уже освящено въ его теперешнемъ видѣ.

Отъ прежняго храма почти ничего не осталось, кромѣ стѣнъ малаго алтаря, стоящихъ понынѣ нетронутыми.

Изъ достопримѣчательностей церкви сохраняются старинныя паникадила, пожертвованныя царемъ Борисомъ Ѳедоровичемъ Годуновымъ и висящія передъ главнымъ алтаремъ, а также иконостасъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, стоящій въ маломъ придѣлѣ.

Подъ амвономъ главнаго алтаря покоится прахъ извѣстнаго митрополита ростовскаго Арсенія Мацѣевича, лишеннаго сана за противодѣйствіе отчужденію монастырскихъ имуществъ въ пользу казны, при императрицѣ Екатеринѣ II, и окончившаго дни свои въ Ревелѣ.

С. Уманецъ.

КЪ МУЛТАНСКОМУ ВОПРОСУ.

УЛТАНСКОЕ судебное дѣло окончилось, но поднятые имъ вопросы изъ области религіозныхъ вѣрованій вотяковъ далеко не всѣ еще разрѣшены и продолжаютъ вызывать споры. Представители обѣихъ группъ, говорившіе въ печати и на судѣ въ защиту или противъ мултанцевъ, не разъ пытались найти въ прошлой жизни вотяцкаго народа подтвержденія для тѣхъ или иныхъ взглядовъ на его религіозный культъ. Особенно ясно это сказалось при рѣшеніи одного изъ существенныхъ вопросовъ мултанскаго дѣла: существовали ли въ прошломъ у вотяковъ человѣческія жертвоприношенія? Чувствуя неизбѣжную необходимость дать хотя какой нибудь отвѣтъ на этотъ вопросъ, представители «обвинительнаго» направленія не нашли ничего лучшаго, какъ сослаться на разные дикіе слухи и нелѣпыя легенды о вотяцкихъ человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, при чемъ авторами этихъ слуховъ и легендъ оказывались такіе авторитетные люди, какъ страдающіе запоемъ малмыжскій священникъ, или арестантъ-каторжникъ, невѣжественный урядникъ и т. п.

Противники этого направленія не увлеклись такимъ сомнительнымъ «историческимъ источникомъ» и пошли по другой, болѣе прямой, разумной и... честной дорогѣ. Они обратились не къ слабой памяти темныхъ людей, а къ подлиннымъ историческимъ первоисточникамъ—къ архивнымъ матеріаламъ. Такъ г. Лупповъ пересмотрѣлъ въ синодальномъ архивѣ 49 вотяцкихъ дѣлъ, въ Вятскомъ консисторскомъ архивѣ 292 дѣла, кромѣ того, изучилъ въ послѣд-

немъ архивѣ описи 331 дѣла и въ архивѣ Елабужскаго духовнаго правленія описи его дѣлъ (количество не указано). Всѣ эти дѣла относятся къ XVIII вѣку и единогласно свидѣтельствуютъ, что «многочисленныя жертвенныя моленія вотяковъ сопровождались только умерщвленіемъ лошадей, барановъ, гусей и утокъ, о человѣческихъ же жертвоприношеніяхъ не было даже намека» [1]).

Чтобы окончательно закрѣпить этотъ существенный для исторической правды выводъ, я предпринялъ аналогичную работу въ одномъ изъ нашихъ историческихъ архивовъ—въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Здѣсь хранятся между прочимъ дѣла упраздненныхъ судебныхъ учрежденій Вятской губерніи, а именно: Вятской уголовной и гражданской палаты (6118 дѣлъ) и уѣздныхъ судовъ—Вятскаго (5646 дѣлъ), Глазовскаго (472 дѣла), Малмыжскаго (326 дѣлъ), Яранскаго (202 дѣла), Котельническаго (1757 дѣлъ) и Орловскаго (2336 дѣлъ). По Слободскому уѣздному суду сохранились однѣ книги, а судебныхъ дѣлъ нѣтъ. Сохранились также книги и дѣла городовыхъ магистратовъ Вятки, Нолинска, Орлова, Слободскаго и Царевосанчурска. Но магистратскіе документы не подлежали моему обозрѣнію, такъ какъ содержаніе ихъ почти исключительно административнаго и финансоваго характера.

Такимъ образомъ, мнѣ слѣдовало пересмотрѣть дѣла уголовной палаты и 6 уѣздныхъ судовъ, всего 16757 дѣлъ, относящихся къ XVIII вѣку. Задача эта была бы слишкомъ трудною, если бы не сохранились довольно удовлетворительныя описи, при которыхъ дѣла присылались изъ упраздненныхъ учрежденій въ московскій архивъ. Описи передаютъ краткое содержаніе дѣлъ, имена преступниковъ и жертвъ, ихъ званіе и проч. Когда рѣчь идетъ объ инородцахъ Вятскаго края, опись означаетъ—къ какому племени данныя лица принадлежатъ (вотяцкому, черемисскому и др.), но иногда глухо называетъ ихъ «новокрещенами» [2]), и тогда нужно обращаться къ самому дѣлу, чтобы узнать, о комъ именно говорится—о вотякѣ, или черемисинѣ и проч.

Конечно, меня интересовали только тѣ изъ уголовныхъ дѣлъ, въ которыхъ фигурируютъ вотяки. Если опись не давала яснаго понятія о преступленіи, въ которомъ обвинялся данный вотякъ, или оставляла неясными мотивы его преступленія, я обращался въ такихъ случаяхъ къ самому дѣлу и изучалъ его въ подлинникѣ.

Преступленія противъ вѣры вѣдались тогда церковнымъ судомъ (см. выше о разысканіяхъ г. Луппова), а потому между разсмотрѣнными мною дѣлами свѣтскихъ судебныхъ учрежденій не ока-

---

[1]) П. Богаевскій: «Мултанское «моленіе» вотяковъ въ свѣтѣ этнографическихъ данныхъ», стр. 5—6.

[2]) Иногда встрѣчаются и «старокрещены изъ вотяковъ» (см.. напримѣръ, уголовн. палаты опись 25, вязка 25, дѣло № 3374 и др.).

залось ни одного дѣла не только о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, но и вообще о всякихъ жертвенныхъ моленіяхъ вотяковъ. Впрочемъ, дѣла о суевѣріяхъ попадаются; напримѣръ, курьезное дѣло 1790 г. объ одномъ вотякѣ, обвинявшемся въ «подпущеніи черной курицы въ домъ» другого вотяка[1]) и т. п.

Въ виду полнаго отсутствія дѣлъ о языческихъ моленіяхъ вотяковъ, оставалось пересмотрѣть тѣ дѣла объ убійствахъ, въ которыхъ убійцами являлись именно вотяки, т. е. прослѣдить—нѣтъ ли въ этихъ убійствахъ слѣдовъ человѣческаго жертвоприношенія, не было ли здѣсь религіозныхъ убійствъ?

Дѣла о вотякахъ-убійцахъ встрѣчаются среди указанныхъ 16 тысячъ дѣлъ крайне рѣдко, сравнительно съ дѣлами объ убійствахъ, совершенныхъ русскими крестьянами, мѣщанами и др. Тогда какъ послѣднія насчитываются сотнями, дѣлъ о вотякахъ убійцахъ едва ли найдется 3—4 десятка. Точнаго подсчета нельзя было сдѣлать, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ принадлежность убійцъ къ вотяцкому племени представляется сомнительною. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнныя дѣла о вотякахъ убійцахъ такъ рѣдки, что въ этомъ обстоятельствѣ нельзя не видѣть особой мягкости вотяцкой натуры. О той же мягкости свидѣтельствуютъ и многіе другіе факты, напримѣръ, среди преступленій, совершенныхъ русскими Вятскаго края въ XVIII вѣкѣ, невольно обращаетъ вниманіе очень часто встрѣчающееся «скотоложство»—преступленіе вообще очень рѣдкое. Но изъ вотяковъ ни одинъ не обвинялся въ этомъ грубомъ преступленіи! Среди русскихъ женщинъ очень часто были умерщвленія блудно прижитыхъ младенцевъ, а среди вотяковъ эти преступленія крайне рѣдки. Въ одномъ только преступленіи вотяки не уступаютъ русскимъ—въ «членовредительствѣ», для избѣжанія рекрутчины. Но и это свидѣтельствуетъ о томъ же—о мягкости вотяцкой натуры, не переносившей военщины и разлуки съ родиною...

Это свойство вотяцкаго племени хорошо было извѣстно и русскому правительству, которое еще въ 1744 г. додумалось до учрежденія особыхъ «защитителей» вотяковъ и др. инородцевъ. Эти «защитители» существовали и позже, какъ говоритъ одно дѣло 1760 года—«о защитѣ некрещеныхъ иновѣрцевъ»[2]). Къ сожалѣнію, дѣло это очень несложное и даетъ только намеки на существованіе въ то время особыхъ попечителей надъ инородцами Вятскаго края. Приведу суть дѣла.

Въ 1760 г. назначенъ былъ въ Вятскую провинцію поручикъ Павловъ для наблюденія за «переселеніемъ некрещеныхъ иновѣрцовъ и отъ обидъ защищенія новокрещенъ». Вступивъ въ долж-

---

[1]) Вятской уголовной палаты опись 24, вязка 11, дѣло № 1924, и опись 25, вязка 63, дѣло № 5256.

[2]) Вятск. уѣздн. суда опись 5, вязка 67, дѣло № 712.

ность, Павловъ послалъ «промеморію» въ Вятскую провинціальную канцелярію, съ запросомъ: не имѣется ли въ этомъ учрежденіи «до оныхъ новокрещеныхъ какихъ дѣлъ и отъ кого имянно, къ защищенію, письменнаго извѣстія»?

При этомъ Павловъ напоминаетъ, что «указомъ» сената «къ защищенію новокрещенъ», отъ 28 іюня 1744 г., 7 пунктомъ предписано, что если новокрещенамъ будутъ нанесены кѣмъ бы то ни было какія «обиды», то губернаторы и воеводы должны разслѣдовать подобныя дѣла «обще съ опредѣленными отъ главнаго защитителя» лицами. Но Вятская провинціальная канцелярія, наведя «справки» въ своихъ отдѣленіяхъ, отвѣтила поручику Павлову, что требуемыхъ имъ дѣлъ объ инородцахъ не оказалось. Неизвѣстно, были ли у этого «защитителя» другія попытки стать ближе къ порученному ему дѣлу..

Возвращаюсь къ дѣламъ объ убійствахъ, совершенныхъ вотяками. Пересмотрѣвъ всѣ эти дѣла, долженъ сказать, что ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ признаковъ религіозныхъ убійствъ.

Мотивы и причины этихъ вотяцкихъ убійствъ общечеловѣческія, какія всегда встрѣчались и сейчасъ встрѣчаются у всѣхъ народовъ и стоятъ внѣ всякой связи съ ихъ религіей. Чтобы не быть голословнымъ, приведу перечень нѣкоторыхъ дѣлъ.

Въ 1788 г. производилось дѣло о новокрещенѣ-вотякѣ Глазовской «округи», Убытскаго «конца», починка Кепыча, Трофимѣ Ельцовѣ, обвинявшемся «въ зарѣзаніи» вотяцкаго мальчика[1]). Оказывается, что Ельцовъ—очень дряхлый и совсѣмъ слѣпой старикъ, рубилъ однажды дрова на дворѣ вотяка Поздѣева, «за слѣпотою» не замѣтилъ подошедшаго къ нему малолѣтняго хозяйскаго сына Іоны и нечаянно ударилъ его топоромъ, отъ чего Іона умеръ. И такъ это былъ только несчастный неосторожный случай, а никакъ не преднамѣренное убійство.

Въ 1783 г. вотяки Н. и Д. Агымовы убили татарина съ цѣлью грабежа[2]). Въ 1793 г. одинъ вотякъ нанесъ вотяцкому мальчику смертельныя раны во время ссоры съ родителями мальчика изъ-за имущества[3]) Въ 1797 г. вотякъ изъ-за такой же ссоры нанесъ смертельныя раны русскому крестьянину[4]). Въ томъ же году вотякъ убилъ своего брата изъ-за семейныхъ раздоровъ[5]) и т. д.

На одно «убойственное дѣло» 1792 г. пришлось обратить особенное вниманіе, благодаря его странному заголовку и тому обстоятельству, что оно возникло «по рапорту» мѣстнаго благочиннаго, т. е. давало какъ будто намекъ на религіозные мотивы происше-

---

[1]) Вятской. угол. палаты опись 23, вязка 73, д. № 1301.
[2]) Ibid., опись 13, вязка 1, дѣла №№ 211, 212.
[3]) Ibid., оп. 25, вязка 16, д. № 2945.
[4]) Ibid., оп. 25, вяз. 48, д. № 4516.
[5]) ibid., д. № 4510.

ствія. Дѣло такъ озаглавлено: «дѣло Малмыжской округи о новокрещенѣ Алексѣѣ Михайловѣ съ товарищи, въ приходѣ ихъ въ домъ новокрещена Матвѣева, якобы съ намѣреніемъ кого нибудь изъ семейства его убить»[1]). Происшествіе случилось въ 1791 г. въ деревнѣ Старой Біи и доведено до суда, благодаря вмѣшательству благочиннаго, священника села Водзимоньи, о. Ивана Васильева. Ближайшее изученіе дѣла, однако, показало, что мотивы покушенія отнюдь не религіозные, но чисто житейскіе... Дѣло это настолько любопытно въ бытовомъ отношеніи—для характеристики вотяковъ, что позволяю себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на немъ.

Въ 1790 г. сынъ вотяка Алексѣя Михайлова Никита былъ взятъ въ рекруты «безъ очереди», въ чемъ Михайловы винили вотяка Игнатья Матвѣева. Документы не объясняютъ, почему именно Матвѣевъ былъ виновникомъ незаконной отдачи Никиты въ рекруты. Но очевидно, что очередь была за сыномъ, или другимъ родственникомъ Игната, но послѣднему удалось какимъ-то незаконнымъ путемъ сложить рекрутскую очередь съ своей семьи и перенести ее на семью Михайлова. Всѣ Михайловы «имѣли злобу» на Игната и порѣшили жестоко ему отомстить—«прибить или зарѣзать» если не самого Игната, то кого нибудь другого изъ его семьи.

Однимъ позднимъ вечеромъ, семья Михайлова—самъ Алексѣй, его жена Ирина и двѣ дочери (обѣ носили имя Татьяны), вооружившись топорами и другими орудіями, пошли ко двору Игната Матвѣева. Изъ дѣла видно, что это была вся семья Михайлова, кромѣ единственнаго сына Никиты, отданнаго въ солдаты... Самъ Алексѣй и его жена были уже въ преклонномъ возростѣ. Возмутительная потеря единственнаго кормильца на старости была для нихъ вопросомъ жизни...

Войти Михайловымъ въ избу Матвѣева не удалось: тамъ знали о готовившемся покушеніи и приняли надлежащія мѣры — заперли двери, вооружились топорами и проч Михайловы ограничились только тѣмъ, что порубили двери и вышибли два окна въ избѣ. Затѣмъ они собирались поджечь избу Матвѣева, но на шумъ и крики стали собираться сосѣди, и Михайловы вынуждены были отступить.

Послѣ такой неудачи Алексѣй и Ирина съ отчаянья рѣшились «отомстить» Игнату очень оригинальнымъ образомъ: и мужъ и жена «сами намѣрены были, для подлогу, въ домѣ Матвѣева удавиться», чтобы «тѣмъ самымъ привести Матвѣева къ несчастію»...

Ночью Алексѣй и Ирина пробрались на дворъ Матвѣева и стали искать тамъ удобнаго для самоубійства мѣста... Не спавшій всю ночь Игнатъ услышалъ шорохъ на дворѣ, выскочилъ изъ избы и прогналъ со двора Михайловыхъ.

---

[1]) Ibidem, оп. 25, вязка 12, д. № 2785.

Ирина покорно пошла домой и болѣе не возобновляла попытки повѣситься. Но Алексѣй не оставилъ своего намѣренія—вторично пробрался уже на задворки усадьбы Матвѣева и тамъ на гумнѣ «повѣсился самъ собою»... Однако, и тутъ постигла его неудача: собаки подняли лай, сбѣжались сосѣди и спасли изъ петли несчастнаго вотяка...

Все это происшествіе «мірскіе люди» деревни Старой Біи рѣшили скрыть отъ начальства, чтобы избавить и безъ того уже несчастныхъ Михайловыхъ отъ судебной отвѣтственности, «только просили благочиннаго священника, дабы онъ по духовенству сдѣлалъ имъ (Михайловымъ) надлежащее увѣщаніе». Благочинный Иванъ Васильевъ увѣряетъ, что «многократно ихъ увѣщевалъ», но успѣха не имѣлъ: Михайловы продолжали угрожать Матвѣеву и всему «міру», что сожгутъ не одну избу Игната, но и все село. Тогда міръ попросилъ священника донести куда слѣдуетъ...

Любопытна еще одна мелочь изъ судебнаго разбирательства дѣла Михайловыхъ: судъ отмѣчаетъ, что вотяки «говорить порусски вовсе не могли».и допрашивались «безъ толмача» оффиціальнаго, котораго замѣнялъ какой-то частный переводчикъ...

Слѣдуетъ остановиться еще на одномъ дѣлѣ 1783—1784 годовъ, въ которомъ лица съ прокурорственными наклонностями непрочь, пожалуй, увидѣть намеки если не на человѣческое жертвоприношеніе, то по крайней мѣрѣ на убійство «съ таинственною цѣлью»... Въ виду такого характера этого малмыжскаго дѣла [1]) изложу его подробнѣе. Къ сожалѣнію, полной картины дѣла возстановить нельзя: производилось оно въ Малмыжской нижней расправѣ, а производства этого учрежденія не дошли до насъ, и сохранились одни «экстракты» изъ дѣлъ, представленные расправою «на ревизію» въ Вятскую палату уголовнаго суда. Правда, въ «экстрактахъ» приводится вся суть дѣла, но многія подробности выброшены, тогда какъ въ данномъ случаѣ именно онѣ и были бы цѣнны.

Необходимо напередъ оговориться, что какъ Малмыжская нижняя расправа, такъ и Вятская палата уголовнаго суда разсматривали это дѣло, какъ обыковенное убійство вотяка Ѳедора Тимоѳеева, «повотски Пацега», вотяками Трофимомъ и Ильею Ивановыми. Ниразу въ документахъ обоихъ судебныхъ учрежденій не проскользнуло ни одного намека на то, чтобы судебныя власти того времени видѣли въ убитомъ Пацегѣ жертву вотяцкаго религіознаго культа. А вѣдь этимъ властямъ хорошо были извѣстны какъ всѣ подробности дѣла, не дошедшія до насъ, такъ и самыя личности подсудимыхъ, ихъ отношенія къ убитому и проч., словомъ полная обстановка дѣла Пацеги.

---

[1]) Вятск. угол. палаты опись 13, вязка 1, д. № 224, и опись 16, вязка 2, д. № 314.

Какъ Пацега, такъ и Ивановы (убійцы) и свидѣтели по дѣлу были вотяки, но нѣкоторые документы дѣла забываютъ это и называютъ ихъ «новокрещенами изъ черемисъ», или просто «черемисами». Полагаю, что это случайныя ошибки писцовъ именно Вятской палаты, такъ какъ въ документахъ Малмыжскаго суда всѣ дѣйствующія лица называются обыкновенно вотяками. Дѣло происходило въ Малмыжской «округѣ», и судебныя власти Малмыжа несомнѣнно лучше вятскихъ властей могли отличить вотяка отъ черемисина.

Дѣло происходило такъ: въ октябрѣ 1782 года, исчезъ неизвѣстно куда вотякъ починка Заслудъ-Каиси (иногда пишется Заслудъ-Какси) Θедоръ Тимоθеевъ, онъ же «поvотски Пацега». Какъ увидимъ ниже, односельчане Пацеги знали о его исчезнованіи, и «сотникъ» Абросимовъ долженъ былъ донести въ Малмыжскій земскій судъ о пропажѣ человѣка, но почему-то не донесъ. Когда черезъ годъ убійство Пацеги обнаружилось, нижняя расправа стала спрашивать Абросимова и жителей починка Заслудъ, почему они не донесли въ земскій судъ объ исчезновеніи Пацеги. Абросимовъ сталъ увѣрять тогда, что въ свое время онъ послалъ донесеніе въ судъ, что подтверждали и жители Заслудъ... Сдѣлали запросъ въ земскомъ судѣ, который немедленно отвѣтилъ, что «отъ сотника Абросимова о пропажѣ Тимоθеева репорта въ подачѣ не оказалось» и никакого дѣла о Тимоθеевѣ въ судѣ не производилось.

И такъ, и Абросимовъ, и жители Заслудъ солгали... Это обстоятельство наводитъ тѣнь на ихъ отношенія къ убійству Пацеги. Если они замѣтили исчезновеніе Пацеги и скрыли это то они могли знать и обстоятельства его исчезновенія, и самую причину его убійства...

Такъ будетъ разсуждать человѣкъ, одаренный пылкою прокурорскою фантазіей... Для болѣе же спокойнаго изслѣдователя дѣло объяснится гораздо проще: односельчане потому молчали о пропажѣ Пацеги, что не видѣли въ этомъ фактѣ ничего необычайнаго. Въ то время и въ томъ глухомъ краю люди нерѣдко исчезали на нѣсколько лѣтъ и затѣмъ снова возвращались домой. Достаточно пересмотрѣть описи судебныхъ учрежденій одной Вятской губерніи, чтобы видѣть, какую массу «бѣглыхъ» давало крестьянство того времени, не исключая и инородцевъ. Пацега также могъ очутиться «въ бѣгахъ», и никого это не удивляло, всѣ молчали о томъ.

Съ другой стороны, можетъ быть, Абросимовъ и правъ, что онъ въ свое время донесъ земскому суду о пропажѣ Пацеги. Вѣдь никто не провѣрилъ показанія суда, будто рапорта Абросимова «не оказалось». Характерно это осторожное выраженіе суда: «не оказалось» еще не значитъ, что не было, а скорѣе—не нашлось, не отыскано... Земскій судъ долженъ былъ оградить себя отъ обвиненія въ полной индифферентности по дѣлу, оказавшемуся «убойственнымъ»...

Возвращаюсь къ другимъ даннымъ дѣла Пацеги. Убійство его обнаружилось совершенно случайно и черезъ годъ слишкомъ послѣ исчезновенія — въ ноябрѣ 1783 года. Двое «новокрещеновъ» одного изъ сосѣднихъ селеній, А. Ѳедоровъ и Д. Ивановъ, оказались въ лѣсу, принадлежавшемъ жителямъ починка Заслудъ. Бродя по лѣсу, они вдругъ наткнулись на «человѣческія кости съ головою» и «гнилую одежду»... Охотники бросились въ Заслуды, собрали народъ и повели его смотрѣть свою страшную находку. Въ числѣ собравшихся «мірскихъ людей» были вотяки Трофимъ и Илья Ивановы, парни 23 и 18 лѣтъ. Къ толпѣ присоединился изъ любопытства и мѣстный батюшка о. Николай Васильевъ.

Никто изъ присутствовавшихъ «при обыскѣ» въ лѣсу не могъ узнать, кому принадлежатъ найденныя кости: тѣло исчезло, вѣроятно, обглоданное звѣрями, а одежда почти истлѣла. Стали думать и — «вспомнили тогда о пропавшемъ безызвѣстно» годъ назадъ Ѳедорѣ Пацегѣ... Какъ только толпа заговорила о немъ, священнику бросилось въ глаза крайнее смущеніе вотяка Трофима Иванова... Священникъ понялъ, въ чемъ дѣло, присталъ къ Трофиму и началъ уговаривать его сознаться. Смущенный Трофимъ тотчасъ же покаялся міру, что убійство Пацеги—его и брата Ильи дѣло... Илья также не запирался.

По словамъ Трофима, убійство произошло такъ: въ октябрѣ 1782 года онъ съ Ильею отправились въ свой лѣсъ—дѣлать «борти». Здѣсь повстрѣчали они Пацегу и—«безъ всякой причины, и не по наученью чьему, а сами собою» сшибли его съ ногъ и топоромъ «отрубили голову, а тѣло спрятали» въ томъ же лѣсу, подъ колоду...

Потомъ Трофимъ добавилъ, что убійство не было безпричиннымъ: съ Пацегою они де «имѣли ссору въ перепахиваніи у нихъ земли»... Однако спрошенные о томъ старосты и «обыватели» окрестныхъ деревень подали суду «сказки», гдѣ показали, что Ивановы съ Пацегою «никакой вражды не имѣли, также и собственной ихъ Ивановыхъ земли (Пацега) никогда не перепахивалъ».

Въ этомъ разсказѣ Трофима Иванова подозрительны два обстоятельства. Первое — о причинѣ убійства Пацеги. Сначала Трофимъ сказалъ, что убили они съ братомъ Пацегу «безъ всякой причины», а потомъ объяснилъ, что мотивомъ убійства была «ссора» изъ-за земли. Жители сосѣднихъ деревень не подтвердили факта ссоры между убитымъ и убійцами.

Странно, однако, что объ этой ссорѣ допрашивались жители сосѣднихъ деревень, а ближайшіе сосѣди, жители починка Заслудъ, не были допрошены объ этомъ обстоятельствѣ. Но вѣдь въ другихъ деревняхъ не могли такъ близко знать отношеній Ивановыхъ къ Пацегѣ, какъ въ починкѣ Заслудахъ... Возможно, что Трофимъ сказалъ правду о мотивѣ убійства, а если солгалъ и скрылъ истинную при-

чину убійства—это также естественно: мало ли какіе могли быть интимные поводы къ убійству, которыхъ не могъ или не хотѣлъ разглашать Трофимъ...

Что касается подозрительной фразы Трофима, что они съ братомъ убили Пацегу «не по наученью чьему, а сами собою», то на подозрительности ея можно было бы настаивать лишь въ томъ случаѣ, если бы мы имѣли увѣренность, что фраза эта сама собою, безъ всякаго запроса со стороны, вылетѣла изъ устъ Трофима... Но на самомъ дѣлѣ этого не было.

Подлиннаго показанія Трофима мы не имѣемъ: оно хранилось въ дѣлѣ Малмыжской нижней расправы, которое до насъ не дошло. Разсказъ Трофима взятъ изъ составленнаго для Вятской уголовной палаты краткаго изъ дѣла «экстракта», гдѣ сведены вмѣстѣ факты изъ разныхъ документовъ судебнаго производства нижней расправы—изъ допросовъ подсудимаго, показаній свидѣтелей и др. Экстрактъ беретъ только суть дѣла, отбрасывая второстепенныя подробности. Такъ, излагая показанія Трофима объ убійствѣ, экстрактъ приводитъ только суть его отвѣтовъ на слѣдствіи и на судѣ, и совсѣмъ не упоминаетъ о вопросахъ судей, вызывавшихъ данные отвѣты подсудимаго. И вышеупомянутая подозрительная фраза Трофима есть отвѣтъ его на обычный судейскій вопросъ о соумышленникахъ... этотъ вопросъ обязателенъ для слѣдователей и судей, и отвѣтъ Трофима принадлежитъ къ числу судебныхъ банальностей, въ родѣ отвѣтовъ подсудимыхъ о возростѣ, вѣроисповѣданіи, прежней судимости и т. п.

Остается разобрать еще одно «подозрительное» обстоятельство въ дѣлѣ—о головѣ Пацеги... Трофимъ сказалъ, что они съ братомъ «отрубили голову, а тѣло спрятали...». Судя по конструкціи этой фразы, выходитъ, что голова Пацеги не была спрятана вмѣстѣ съ тѣломъ, а отдѣльно отъ него, и находилась гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. Гдѣ же именно? Извѣстно де, что въ жертвенномъ ритуалѣ вотяковъ голова приносимаго божеству животнаго (а слѣдовательно и человѣка, если у вотяковъ были человѣческія жертвоприношенія) играетъ существенную роль: самыя положительныя этнографическія наблюденія установили, что голова жертвеннаго животнаго обязательно отдѣляется отъ туловища и «всегда зарывается на томъ мѣстѣ, гдѣ совершено жертвоприношеніе» [1])... И Пацегу де могли убить на мѣстѣ жертвоприношенія, для котораго понадобилась его голова, «а тѣло спрятали» въ другомъ мѣстѣ — въ лѣсу, подъ колодою, какъ показывалъ Трофимъ Ивановъ.

Но и эти прокурорскія подозрѣнія легко разсѣять... Начать съ того, что конструкція фразы о головѣ и тѣлѣ Пацеги принадлежитъ отнюдь не Трофиму, а какому-то неизвѣстному намъ человѣку не

---

[1]) Богаевскій: «Мултанское «моленіе» вотяковъ», 88.

то Малмыжской расправы, не то Вятскаго уголовнаго суда. Повторяю: подлиннаго показанія Трофима мы не имѣемъ. Чиновникъ же, составлявшій экстрактъ, могъ произвольно соединить въ одной фразѣ два факта—отрубленіе головы Пацеги и сокрытіе его трупа, о которыхъ Трофимъ не могъ разсказывать такъ кратко и въ такой близкой послѣдовательности фактовъ, какъ выходитъ по экстракту. Сначала, конечно, Трофимъ распространился объ убійствѣ Пацеги, затѣмъ естественно перешелъ къ тому, гдѣ и какъ было спрятано тѣло убитаго. Авторъ же экстракта взялъ изъ подробнаго показанія Трофима только главную суть и для краткости два факта соединилъ въ одной фразѣ. Нужно также имѣть въ виду, что въ актовой рѣчи XVIII вѣка (какъ и XVII) союзъ «*а*» часто обозначаетъ не противоположеніе, а соединеніе—замѣняетъ союзъ «*и*».

Трофимъ Ивановъ, говоря о сокрытіи трупа Пацеги въ лѣсу, подъ колодою, несомнѣнно, разумѣлъ цѣлый трупъ съ головою: мы знаемъ, что охотники, А. Ѳедоровъ и Д. Ивановъ, нашли въ лѣсу «человѣческія кости съ головою...». То же самое видѣли и всѣ «мірскіе люди» починка Заслудъ и священникъ о. Н. Васильевъ, пришедшіе по зову охотниковъ смотрѣть ихъ находку.

Очевидно отсюда, что голова Пацеги все время находилась при трупѣ и не уносилась Ивановыми въ другое какое мѣсто. Одно изъ «основныхъ положеній» этнографіи, изучающей бытъ и религію вотяковъ, гласитъ: «все, что требуется религіозными представленіями правовѣрнаго вотяка, должно быть выполнено безъ малѣйшаго опущенія» [1]). А по тѣмъ же этнографическимъ наблюденіямъ мы знаемъ, что голова жертвеннаго животнаго обязательно «всегда зарывается» на мѣстѣ жертвоприношенія [2]).

Значитъ и въ данномъ случаѣ, если бы Пацега былъ принесенъ въ жертву вотяцкимъ богамъ, очень требовательнымъ, по вѣрованію вотяковъ, ко всѣмъ тонкостямъ жертвеннаго ритуала, то голова его была бы зарыта на мѣстѣ мольбища и ни въ какомъ случаѣ не очутилась бы въ одномъ мѣстѣ съ остальнымъ трупомъ, и не была бы тамъ найдена.

Увѣренъ, что спеціалисты-этнографы найдутъ въ случаѣ съ Пацегою много другихъ отклоненій отъ строгихъ требованій вотяцкаго жертвеннаго ритуала.

Можетъ явиться еще одинъ вопросъ: зачѣмъ Ивановы прибѣгли именно къ такому способу убійства, какой практикуется вотяками надъ жертвенными животными? На этотъ придирчивый запросъ легко было бы отвѣтить очевидцу сцены убійства. Только онъ могъ бы намъ объяснить, въ какомъ положеніи находился на землѣ сшибленный Ивановыми съ ногъ Пацега, въ какомъ напра-

---

[1]) Богаевскій, 54, 55 и друг.
[2]) Ibid., 88, 89.

вленіи очутился занесенный надъ головою его топоръ, и почему онъ опустился именно на шею, а не другую часть тѣла Пацеги. Ивановы потому отрубили голову у Пацеги, что это оказался самый удобный для нихъ «методъ» скорѣйшаго убійства Пацеги [1]).

Полагаю, что сдѣланный разборъ дѣла Пацеги убѣдитъ всякаго, что убійство это ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано религіознымъ. Такой выводъ не поколеблется даже отъ того обстоятельства, что дѣйствительные мотивы убійства остались въ сущности не разъясненными. Но если въ наше время слѣдственная часть нерѣдко возмутительно грѣшитъ въ этомъ направленіи—оставляетъ неразгаданными мотивы многихъ преступленій (см., напримѣръ, Мултанское дѣло), то что же говорить о темныхъ слѣдователяхъ разныхъ медвѣжьихъ угловъ въ XVIII вѣкѣ?!...

Кромѣ дѣла Пацеги, я не знаю другихъ подобныхъ среди 16-ти тысячъ дѣлъ XVIII вѣка, производившихся въ упраздненныхъ судебныхъ учрежденіяхъ Вятской губерніи.

Н. Оглоблинъ.

[1]) Трофимъ и Илья Ивановы приговорены судомъ къ тяжелому наказанію: получили по 90 ударовъ кнутомъ и, по вырваніи ноздрей, сосланы въ каторгу «на новую Днѣпровскую линію». У Ивановыхъ оказалось «имѣнія» всего на 32 рубля 85 копеекъ.

РАЗДВОИВШАЯСЯ РЕДАКЦІЯ „МОСКВИТЯНИНА“ [1].

X.

ОВЫЕ сотрудники, придавшіе блескъ и выдвинувшіе «Москвитянинъ» на журнальномъ полѣ, были: А. Н. Островскій, Т. И. Филипповъ, Е. И. Эдельсонъ, Б. Н. Алмазовъ и А. А. Григорьевъ, сплотившіеся въ журналѣ Погодина въ особую отъ редактора группу, подъ названіемъ «молодой редакціи Москвитянина». Своимъ былъ среди нихъ А. Ѳ. Писемскій, съ ними же былъ неразлученъ актеръ Малаго театра, П. М. Садовскій, и къ нимъ же позднѣе примкнулъ, скончавшійся въ концѣ 1895 г., «артистъ-народникъ», какъ онъ названъ въ некрологѣ «Историческаго Вѣстника» [2])—И. Ѳ. Горбуновъ.

Всѣ названныя лица, таившія въ себѣ въ молодыхъ еще годахъ начала крупныхъ литературныхъ дарованій, случайно встрѣтились въ водоворотѣ московской жизни, сошлись, подружились и въ концѣ концовъ составили тотъ тѣсный и яркій талантами кружокъ писателей, изъ коихъ нѣкоторымъ суждено было оказать сильное и плодотворное воздѣйствіе на развитіе русской литературы. «Кружку Островскаго»—такъ назывался онъ первоначально (до 1851 г.),—принадлежитъ въ исторіи нашей журналистики видное мѣсто и, если онъ по оставленному имъ слѣду уступаетъ въ значеніи

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVIII, стр. 233.

[2]) «Истор. Вѣстн.», 1896 г., № 1.

«кружку Станкевича», то все же и за нимъ остается громадная заслуга оживленія русской мысли пятидесятыхъ годовъ и внесенія въ нее тѣхъ началъ, которыя были чужды «теоретикамъ» сороковыхъ годовъ. Г. Барсуковъ[1]), пользуясь главнымъ образомъ свѣдѣніями, сообщенными ему благополучно здравствующимъ и понынѣ, государственнымъ контролеромъ, Т. И. Филипповымъ, бывшимъ членомъ «молодой редакціи Москвитянина», повѣствуетъ чрезвычайно обстоятельно и живо, какъ состоялось вступленіе молодежи въ журналъ Погодина, и даетъ о каждомъ изъ этой молодежи коекакія новыя свѣдѣнія, доселѣ неизвѣстныя въ исторіи нашей литературы.

Извѣстно, что преобладающимъ направленіемъ литературы сороковыхъ годовъ было западничество, давшее, благодаря горячей и талантливой проповѣди его главныхъ вожаковъ—Бѣлинскаго и Герцена, пышный ростъ на тогдашней чахлой журнальной нивѣ. Но къ началу пятидесятыхъ годовъ, о коемъ у насъ идетъ именно рѣчь, какъ это уже показано было на основаніи изслѣдованія г. Венгерова, западничество, какъ литературное направленіе или партія, претерпѣвало катастрофу и представляло изъ себя печальное зрѣлище. Славянофильство, представляемое работами Хомякова, Кирѣевскаго, К. Аксакова, пребывало также въ жалкомъ положеніи; если оно не страдало недостаткомъ даровитыхъ представителей, за то оно было, какъ лагерь, какъ литературно-общественная группа, неорганизовано, несплочено, находилось подъ полицейскимъ подозрѣніемъ и не имѣло никакого журнальнаго pied à terre. Катковъ съ своимъ ultra-западническимъ, англофильскимъ знаменемъ не представлялъ собою еще партіи и своими офиціальными «Московскими Вѣдомостями» не могъ служить тѣмъ прибѣжищемъ, куда бы стянулись народившіяся силы. Что же касается «Библіотеки для Чтенія» Сеньковскаго, то она своимъ типичнымъ, безшабашнымъ направленіемъ настолько составила себѣ печальную репутацію, что о какомъ нибудь серьезномъ союзѣ съ ней не могло ни у кого подыматься даже вопроса.

Такова была главнѣйшая группировка тогдашнихъ журнальныхъ силъ. Нельзя не признаться, что среди нихъ «Москвитянинъ» Погодина поневолѣ долженъ былъ являться подходящимъ мѣстомъ, на которое литературная молодежь могла обратить серьезное вниманіе. Правда, журналъ былъ скученъ, нескладенъ и монотоненъ, невыгоденъ для заработка, но за нимъ оставалась всегда готовность раздвинуть свои архаическіе ряды для пропуска молодыхъ силъ, въ коихъ къ тому же онъ нуждался, въ виду своего бѣдственнаго положенія на журнальномъ рынкѣ. Если Плетневъ, упрямо не желая вступать въ союзъ съ кѣмъ либо изъ новыхъ дѣятелей литературы,

---

[1]) «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. XI.

кромѣ Я. Грота и А. Ишимовой, съ самодовольствомъ спрашивалъ своего гельсингфорскаго друга: «Ужели вы, Александра Осиповна, да я не наполнимъ чѣмъ нибудь четырехъ книжекъ?»—если этотъ петербургскій журналистъ не допускалъ никакихъ компромиссовъ, то Погодинъ слишкомъ хорошо понималъ, что съ своими «допотопными стариками», какъ называлъ его постоянныхъ сотрудниковъ Гоголь, ему далеко не уйти, и что надо искать обновленія и свѣжихъ притоковъ журналу. Мы видѣли, что въ этихъ видахъ онъ пробовалъ вступить въ союзъ съ старшими славянофилами въ лицѣ И. Кирѣевскаго, велъ переговоры съ Аксаковскою молодежью, то есть каждый разъ готовъ былъ поступиться своимъ журнальнымъ знаменемъ «офиціальной народности», единствомъ и выдержанностью направленія «Москвитянина». Поэтому нѣтъ ничего мудренаго и удивительнаго, что когда на московскомъ литературномъ горизонтѣ народились выдающіяся силы, онъ поспѣшилъ сдѣлать имъ шагъ на встрѣчу, пріютить ихъ, пригрѣть у себя и раздвоить ради нихъ редакцію журнала, не вливая такимъ образомъ «новое вино въ старые мѣхи». Пріемъ, къ которому прибѣгнулъ редакторъ «Москвитянина», ни до тѣхъ поръ, ни впослѣдствіи не практиковался въ нашей журналистикѣ, но выгоды его не обманули надеждъ издателя журнала и, сумѣй онъ въ настоящемъ случаѣ совладать съ своими недостатками, онъ несомнѣнно пожалъ бы отсюда богатую жатву. Но въ Погодинѣ настолько глубоко сидѣла несуразность, взбалмошность и денежная алчность, что и тутъ дурныя начала его природы взяли верхъ надъ добрыми, и союзъ «молодой» и «старой» редакцій «Москвитянина» не оказался долговѣченъ. Но какъ бы тамъ впослѣдствіи дѣло ни выяснилось, на первыхъ порахъ Погодинъ дружески протянулъ руку поддержки молодымъ членамъ кружка Островскаго, и къ началу 1851 г. «мрачные своды Погодинскаго sui generis древнехранилища,—какъ остроумно замѣтилъ г. Венгеровъ,—вдругъ огласились взрывами молодого смѣха и юношеской задорной веселости». За старикомъ Погодинымъ остается большая заслуга, что онъ далъ въ журналѣ просторъ этому «молодому смѣху», этой «задорной веселости» и недаромъ же теоретикъ и философъ кружка, А. Григорьевъ, вспоминая черезъ четырнадцать лѣтъ тѣ дни, восклицалъ въ письмѣ къ Н. Страхову[1]): «О, какъ мы тогда пламенно вѣрили въ свое дѣло, какія пророческія рѣчи лились бывало на попойкахъ изъ устъ Островскаго, какъ безбоязненно принималъ тогда старикъ Погодинъ отвѣтственность за свою молодежь, какъ сознательно, несмотря на пьянство и безобразіе, шли мы всѣ тогда къ великой и честной цѣли!.. Пуста и гола жизнь послѣ этого сна...».

---

[1]) «Эпоха», 1864 г., № 9.

XI

Западничество, оказавшее на первыхъ порахъ такое благотворное вліяніе на русскую литературу, вмѣстѣ съ тѣмъ, при отсутствіи въ его составѣ выдающихся талантами вождей, доводило свое ученіе до нелѣпыхъ крайностей, къ числу которыхъ, напримѣръ, должно быть отнесено утвержденіе «Отечественныхъ Записокъ»[1]), что художественность русской народной поэзіи не поднимается выше стиховъ:

Танцовала рыба съ ракомъ,
А петрушка съ пастернакомъ и т. д.

Вотъ это-то отрицательное отношеніе къ русской народной дѣйствительности, съ ея пѣсеннымъ богатствомъ, съ рѣзко очерченными этнографическими особенностями, стало понемногу отталкивать отъ себя молодежь конца сороковыхъ годовъ. Оппозиція этому отрицательному направленію, безъ мѣры и границъ казнившему все національное, самобытное, стала мало-по-малу проникать и въ стѣны Московскаго университета, гдѣ нѣкоторые изъ молодыхъ людей, въ силу чисто-индивидуальныхъ особенностей, въ противность модѣ времени, начали понемногу все тѣснѣе и тѣснѣе прилѣпляться именно къ русской дѣйствительности. Здѣсь, въ этомъ влеченіи къ родному, не было ничего теоретическаго, книжнаго, идейнаго; это было скорѣе влеченіе стихійное, инстинктивное, которое невѣдомо изъ какихъ глубинъ души подымается, ростетъ и охватываетъ всего человѣка. Весьма возможно, что самою природою хорошо подготовленная почва въ настоящемъ случаѣ получала воздѣйствіе и со стороны: изъ чтенія, личныхъ знакомствъ, изъ лекцій, слуховъ и пр. и пр., но, во всякомъ случаѣ, генезисъ такого приподнятого настроенія бываетъ не столько со стороны предвходящій, сколько сокрытый въ природныхъ свойствахъ самого человѣка. Молодой Т. И. Филипповъ принадлежалъ, повидимому, къ числу именно такихъ молодыхъ людей, которымъ въ концѣ сороковыхъ годовъ стало особенно претить сухое и узко-тенденціозное западничество того времени. Природа наградила его, вдобавокъ, музыкальнымъ дарованіемъ, которое обрѣтало въ пѣсенномъ творчествѣ рускаго народа для себя богатую пищу и полное эстетическое удовлетвореніе. «Пѣснопѣніемъ онъ увлекалъ слушателей въ полузабытый или совершенно даже невѣдомый міръ, пробуждалъ новыя или по крайней мѣрѣ долго дремавшія чувства», свидѣтельствуетъ г. Барсуковъ. Филипповъ обладалъ также, продолжаетъ далѣе авторъ «Погодина»

«знаніемъ бытовыхъ особенностей русскаго народа, зналъ громадное количество пословицъ, присловій, разсказовъ изъ народнаго и вообще русскаго быта, а притомъ обладалъ еще и изящнымъ вкусомъ и даромъ художественной критики, кото-

---

[1]) «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. XI.

рые и проявилъ скоро въ статьяхъ своихъ. Пламенная любовь къ богатству формъ и реченій русскаго языка, подкрѣпляемая еще и филологическимъ образованіемъ и филологическими трудами, постоянно останавливала его вниманіе, то на художественныхъ оборотахъ народной рѣчи, еще чуждыхъ или остававшихся чуждыми для литературнаго языка, то на не менѣе художественныхъ жемчужинахъ древней письменности русской. Все это дѣлало его неоцѣнимымъ по своему вліянію членомъ кружка, расширяющимъ кругозоръ его и укрѣпляющимъ духовныя его силы. Господствовавшіе тогда въ значительнѣйшей части молодой интеллигенціи отсутствіе религіозныхъ началъ, разрывъ съ религіознымъ прошлымъ, составлявшіе своего рода гордость западническаго мірка и выражавшіеся у него съ цинической эффектностью, распространяли власть свою и на членовъ кружка. Но въ Филипповѣ прежде другихъ сверстниковъ и сотоварищей совершился переворотъ, сдѣлавшій его вполнѣ вѣрующимъ, глубоко нравственнымъ человѣкомъ и по вѣрѣ стоящимъ въ общеніи съ незатронутыми переломомъ слоями русскаго народа и со всѣмъ историческимъ его прошлымъ».

Настроеніе студента, а потомъ молодого преподавателя 1-й Московской гимназіи, Т. И. Филиппова дѣлало его черезвычайно близкимъ міросозерцанію «Москвитянина» и ближайшимъ выразителямъ этого міросозерцанія—М. П. Погодину и С. П. Шевыреву. Въ ихъ офиціальной народности онъ, повидимому, не находилъ ничего такого, что претило славянофиламъ, а еще болѣе западникамъ, и потому онъ свою стихійную, инстинктивную народность съ легкимъ сердцемъ сливалъ съ народностью стараго «Москвитянина», получившаго это начало по наслѣдію изъ бюрократическаго кабинета гр. Уварова. Т. И. Филипповъ, будучи на старшемъ курсѣ филологическаго факультета, познакомился и сошелся съ Е. Эдельсономъ и Б. Алмазовымъ, которые полюбили пѣвца русскихъ пѣсенъ и продолжали знакомство съ нимъ и за стѣнами университета. Эдельсонъ былъ поклонникомъ нѣмецкой философіи и, подъ вліяніемъ проф. М. Н. Каткова, обратился отъ изученія и преклоненія передъ Гегелемъ къ психологіи Бенеке, научный методъ котораго и оказалъ благотворное вліяніе на складъ его ума. Потерпѣвъ неудачу въ своемъ желаніи предпринять научную поѣздку за границу, Эдельсонъ возвратился въ Москву, гдѣ къ тому времени Т. И. Филипповъ уже успѣлъ сблизиться съ Островскимъ. Эдельсонъ присталъ къ этому союзу и сдѣлался членомъ «кружка Островскаго». Сюда же, черезъ посредство того же г. Филиппова, примкнулъ и Б. Алмазовъ, которому, немного спустя, пришлось играть такую шумную роль въ судьбѣ Погодинскаго «Москвитянина».

Такимъ образомъ, мы видѣли, что понемногу и постепено нѣсколько молодыхъ людей, сначала различные по роду спеціальностей, группируются вокругъ одного человѣка, который становится центромъ ихъ группировки и въ значительной степени опредѣляетъ ихъ дальнѣйшее литературное поприще. Человѣкъ этотъ—тогда еще только начинавшій свою литературную дѣятельность, впослѣдствіи знаменитый нашъ драматургъ,—А. Н. Островскій.

Островскій сталъ писать въ 1846 г., когда ему минуло 23 года, и на первыхъ же порахъ обратилъ свое дарованіе на изображеніе купеческой среды. Въ 1847 г. онъ напечаталъ въ «Московскомъ Городскомъ Листкѣ» свои первыя произведенія «Сцены изъ Замоскворѣцкой жизни» и «Очерки Замоскворѣчья». Въ это-то именно время онъ и познакомился съ Т. И. Филипповымъ, который своей пламенной любовью русскихъ пѣсенъ, своимъ выдающимся вокальнымъ дарованіемъ, сумѣлъ увлечь нашего драматурга, вызвать въ немъ громкій взрывъ дотолѣ дремавшихъ силъ народническаго романтизма и энтузіазма.

«Въ пору встрѣчи съ Филипповымъ,—повѣствуетъ г. Барсуковъ со словъ послѣдняго,—Островскій всецѣло принадлежалъ къ такъ называемому западническому направленію, подъ обаяніемъ котораго находился. Онъ весьма часто ссылался въ разговорахъ на мнѣнія «Отечественныхъ Записокъ», являвшихся для него авторитетомъ, и нисходилъ даже до цитированія статей Галахова. Однажды подобное цитированіе до такой степени разсердило Филиппова, что у него вырвались слова: «можно ли съ такимъ черепомъ ссылаться на Галахова? Вѣдь это ужъ слишкомъ обидно». Увлекаясь вышеуказаннымъ направленіемъ, Островскій доходилъ иногда до странныхъ, почти невѣроятныхъ крайностей. Такъ, завѣрялъ онъ, что ему противенъ видъ самого Кремля съ соборами. Онъ изумилъ однажды Филиппова, сказавъ: «для чего здѣсь настроены эти пагоды?» Этою подчиненностью Островскаго господствующему направленію объясняется между прочимъ и то, что первая его крупная піеса «Свои люди сочтемся» состоитъ изъ цѣлаго ряда темныхъ, отталкивающихъ, чисто отрицательныхъ типовъ русскаго народа, такъ что смягчающими впечатлѣніе являются Аграфена Кондратьевна и плутъ Ризположенскій... Со времени знакомства съ Филипповымъ это острое отношеніе къ народной жизни мало-по-малу смягчилось, чему способствовали и особенный взглядъ Филиппова на народную жизнь, и прежде всего, разумѣется, жившая въ устахъ Филиппова народная пѣсня, въ которой и русскій народный характеръ, и особенности души русской раскрывались въ привлекательномъ, чарующемъ видѣ. Въ томъ же направленіи подѣйствовало на Островскаго и на весь кружокъ и знакомство съ П. М. Садовскимъ, который тогда былъ уже по своимъ убѣжденіямъ всесовершеннѣйшимъ славянофиломъ, раздѣлявшимъ и религіозныя убѣжденія, и вѣрованія старшихъ славянофиловъ, еще чуждыя членамъ кружка Молодого Москвитянина. Съ этимъ великимъ художникомъ Островскій сблизился въ 1850 году, и въ то же время П. М. Садовскій вошелъ въ особую близость съ Филипповымъ, Эдельсономъ и Алмазовымъ. Какую цѣну имѣло это сближеніе, можетъ понять всякій».

Знакомство Островскаго съ Филипповымъ состоялось совершенно случайно въ трактирѣ Печкина, гдѣ оба сидѣли за чаемъ, за однимъ и тѣмъ же столомъ. Разговорившись, молодые люди заинтересовались другъ другомъ, проболтали тутъ цѣлый день и на разставаніи рѣшили и въ дальнѣйшемъ продолжать знакомство.

«Т. И. Филипповъ велъ тогда совершенно одинокую жизнь,—говоритъ г. Барсуковъ,—а Островскій жилъ въ домѣ отца своего, у Николы въ Воробьинѣ, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, мачихою, братьями отъ одной матери съ нимъ и дѣтьми отъ втораго брака отца. Въ этомъ-то домѣ Филипповъ и сдѣлался частымъ гостемъ, все болѣе и болѣе сближаясь съ Островскимъ, который и тогда уже былъ авторомъ повѣсти и только что закончилъ первое свое драматическое произведеніе. Повѣсть почти не представляла никакого значенія; драматическое же произведеніе: «Семейная картина», уже носило несомнѣнные признаки сильнаго та-

ланта и, между прочимъ, произвело большое впечатлѣніе на Гоголя. Филипповъ сразу позналъ размѣры огромнаго дарованія начинающаго писателя, а Островскій, съ своей стороны, пріобрѣлъ въ Филипповѣ тонкаго цѣнителя, отъ котораго не могъ укрыться ни одинъ едва замѣтный, а для иныхъ, можетъ быть, вовсе незамѣтный оттѣнокъ живаго, своебразнаго языка».

Появившіяся въ печати, въ «Городскомъ Листкѣ» произведенія Островскаго обратили на себя вниманіе Погодина, и онъ писалъ по этому предмету Шевыреву: «Есть какой-то Островскій, который хорошо пишетъ въ легкомъ родѣ, какъ я слышалъ. Спроси г. Попова [1]), и не можетъ ли онъ спросить у него трудовъ. Я посмотрѣлъ бы ихъ и потомъ объявилъ бы свои условія». Вскорѣ послѣ этого письма Шевыревъ, съ своей стороны, извѣщалъ своего стараго пріятеля: «Съ Островскимъ я знакомъ. Онъ бывалъ у меня. Это другъ Попова. Я надѣюсь отъ него Банкрота».

«Банкротъ»—это и была именно та пьеса, которую, какъ первое серьезное произведеніе, написалъ Островскій, и которая подъ именемъ «Свои люди сочтемся» появилась въ 1850 году на страницахъ «Москвитянина».

XII.

Пьеса Островскаго получила еще до печати широкую популярность въ Москвѣ и, читанная на разныхъ вечерахъ въ свѣтскихъ, купеческихъ и литературныхъ кружкахъ, вездѣ вызывала восторгъ и массу разговоровъ. Графиня Ростопчина, прослушавъ комедію въ чтеніи П. М. Садовскаго, писала Погодину: «Что за прелесть «Банкротство!» Это нашъ русскій Тартюфъ, и онъ не уступитъ своему старшему брату въ достоинствѣ правды, силы и энергіи. Ура! у насъ рождается своя театральная литература, и нынѣшній годъ былъ для нея благодатно-плодовитъ». И Погодинъ, наконецъ, устроилъ у себя чтенія, при многочисленномъ обществѣ, чтеніе этой комедіи; описаніе этого вечера сохранилось въ воспоминаніяхъ Н. В. Берга: «На вечерѣ у Погодина,—говоритъ онъ,—Островскій читалъ свою комедію Свои люди сочтемся (Банкротъ). Слушающихъ собралось довольно: актеры, молодые и старые литераторы, между прочимъ, графиня Ростопчина. Гоголь былъ званъ также, но пріѣхалъ среди чтенія; тихо подошелъ къ двери и сталъ у притолки. Такъ и простоялъ до конца, слушая, повидимому, внимательно. Послѣ чтенія онъ не проронилъ ни слова. Графиня Ростопчина подошла къ Гоголю и спросила: «Что вы скажете, Николай Васильевичъ?»—«Хорошо, но видна нѣкоторая неопытность въ пріемахъ. Вотъ этотъ актъ нужно бы подлиннѣе, а этотъ покороче. Эти законы узнаются послѣ и въ непреложность ихъ не сейчасъ начинаешь вѣрить». Больше онъ ничего не говорилъ, кажется, ни съ кѣмъ, во весь тотъ

[1]) Товарищъ Островскаго и домашній учитель у Шевырева.

вечеръ. Къ Островскому, сколько могу припомнить, не подходилъ ни разу».

Анализируя этическія мотивы пьесы «Свои люди сочтемся», покойный профессоръ А. И. Незеленовъ [1]) говоритъ:

«Изъ подробнаго разсмотрѣнія характеровъ комедіи «Свои люди сочтемся» мы можемъ, кажется, сдѣлать заключеніе, что Островскій не былъ сатирикомъ. Объективно, спокойно и безпристрастно рисовалъ онъ жизнь и людей. Онъ проводилъ свои типы передъ лицемъ высокаго идеала, и передъ свѣтомъ этого идеала обличалось само собою (безъ страсти и гнѣва со стороны поэта) все ихъ злое и темное. Но, благодушный и терпимый, поэтъ и въ низко упавшихъ людяхъ показывалъ намъ остатки добрыхъ свойствъ и стремленій. Драматизмъ пьесы и состоитъ въ борьбѣ въ душѣ Большова, а также и въ душѣ Лазаря — добра и зла. Притомъ, замѣчательно еще одно обстоятельство: борьба въ душѣ Большова готова какъ будто (правда, при посредствѣ постигшихъ Самсона Силыча несчастій) разрѣшиться побѣдой добра; въ душѣ Лазаря — побѣдою плутовства и мошенничества надъ совѣстью и сердцемъ. Собственное сердце поэта, такимъ образомъ (какъ видимъ изъ соотношенія въ пьесѣ созданныхъ имъ лицъ), больше лежитъ къ человѣку непосредственно-народному, чѣмъ къ тому, кого коснулось вліяніе внѣшней образованности».

Вотъ это-то стремленіе къ отысканію въ народной жизни, даже засыпанной мусоромъ и пороками, положительныхъ началъ, это желаніе освѣтить ее полно и безпристрастно, но любящимъ и свѣдущимъ словомъ, дѣлало молодого Островскаго особенно дорогимъ его друзьямъ, Филиппову, Алмазову, Эдельсону, переживавшимъ въ тѣ дни самыя восторженныя минуты національнаго — этнографическаго, лингвистическаго и историческаго энтузіазма. Какъ человѣкъ, наиболѣе талантливый, возвышавшійся надъ сотоварищами цѣлой головой, нашъ драматургъ по необходимости и вполнѣ естественно сталъ центромъ кружка, тѣмъ фокусомъ, въ словахъ и образахъ котораго нашли свое отраженіе шумныя рѣчи пріятелей, ихъ убѣжденія, ихъ порывы. «Явился Островскій,—писалъ впослѣдствіи А. Григорьевъ въ своемъ «Послужномъ спискѣ» [2]),— и около него, какъ центра, кружокъ, — въ которомъ нашлись всѣ мои дотолѣ смутныя вѣрованія».

Островскій, начавшій съ рѣзкаго отрицанія всего русскаго, съ насмѣшки надъ всѣмъ, что отдавало дневней Русью, какъ это часто случается съ сильными и цѣльными дарованіями, умѣющими своимъ страстнымъ умомъ созерцать «двѣ бездны», какъ говаривалъ Достоевскій, перешелъ въ крайность и сталъ самымъ пламеннымъ апостоломъ «русской самобытности», которая и сдѣлалась лозунгомъ членовъ его кружка. «Однажды Островскій, — повѣствуетъ г. Филипповъ, за пріятельской пирушкой, почувствовавъ, вѣроятно, въ себѣ притокъ силъ богатыря-художника и увѣренность въ этихъ

[1]) «Островскій въ его произведеніяхъ. Первый періодъ дѣятельности». Спб., 1888 года.

[2]) «Эпоха», 1864 г., № 9.

силахъ, проговорилъ даже, обращаясь къ друзьямъ: «Съ Тертіемъ [1]) да съ Провомъ [2]) мы все Петрово дѣло назадъ повернемъ». Насколько силенъ былъ энтузіазмъ кружка, подъ воздѣйствіемъ гипнотизирующей проповѣди Островскаго и широкой, какъ море, пѣсни Филиппова, показываетъ слѣдующая, на первый взглядъ даже комическая, сцена, разсказанная автору «Погодина» г. Филипповымъ:

«Присоединенный къ кружку Б. Н. Алмазовымъ, товарищъ его по пансіону Зедергольмъ, впослѣдствіи о. Климентъ Оптинскій, а тогда еще протестантъ, сынъ протестантскаго пастора, подъ вліяніемъ одной изъ бесѣдъ, вдругъ объявилъ, что для того, чтобы стать вполнѣ русскимъ, онъ непремѣнно приметъ православіе, если только Филипповъ согласится быть его воспріемникомъ. Въ этомъ нельзя еще усматривать религіознаго переворота въ душѣ самого говорившаго, ибо сказано это было полушутливо; но это указываетъ на то, что въ средѣ кружка исподволь выяснилось уже сознаніе тѣсной связи русской народности съ православіемъ. Во всякомъ случаѣ, отношенія къ Петру и къ Петровскому перевороту были уже вполнѣ установившимися. Тотъ же Зедергольмъ, подъ вліяніемъ случайной рюмки вина, котораго онъ вообще никогда не пилъ, такъ увлекся въ одномъ разговорѣ негодованіемъ на Петра, что объявилъ, что убьетъ его, и притомъ разорвалъ свою студенческую фуражку».

Этотъ размахъ, который намъ рисуетъ очевидецъ того времени, чрезвычайно характеренъ: одинъ собирается, при содѣйствіи двухъ товарищей, «повернуть все дѣло Петрово», другой сразу рѣшаетъ вопросъ о преимуществѣ религіознаго исповѣданія и, вдобавокъ, собирается даже на единоборство съ отошедшими въ глубь исторіи былыми дѣятелями Россіи! Разгадка этимъ легкомысленнымъ порывамъ почерпается изъ нѣсколькихъ случайно брошенныхъ словъ г. Филиппова, которыя необходимо сопоставить съ приведеннымъ уже отрывкомъ изъ воспоминаній Ап. Григорьева. Въ повѣствованіяхъ г. Филиппова, при всей ихъ осторожности о деликатномъ предметѣ, тѣмъ не менѣе, можетъ быть, даже противъ его воли, вездѣ проскальзываетъ упоминаніе о «пріятельской пирушкѣ», «случайно-выпитой рюмкѣ вина». Григорьевъ, болѣе откровенный на этотъ счетъ, прямо говоритъ о «попойкахъ», о «пьянствѣ» и «безобразіи». Сопоставляя эти и осторожныя и откровенныя признанія, мы невольно должны прійти къ заключенію, что вино и хмель сыграли въ приподнятомъ, народолюбивомъ, настроеніи кружка Островскаго немалую роль и имѣли подчасъ рѣшающее значеніе въ дѣйствіяхъ членовъ кружка. Только вліяніемъ вина можно объяснить себѣ ту эксцентрическую обстановку, при которой состоялось присоединеніе къ кружку Островскаго и старшаго изъ всѣхъ по возросту и литературной дѣятельности, слабаго до вина, Ап. Григорьева.

«Въ ту пору Григорьевъ не имѣлъ умственнаго пріюта,—повѣствуетъ г. Филипповъ,—и послѣ многихъ умственныхъ скитаній сталъ приглядываться къ Моло-

[1]) Филипповымъ.
[2]) Садовскимъ.

дому Москвитянину, куда и введенъ былъ тѣмъ же Филипповымъ [1]). Однажды у Островскаго былъ громадный литературный вечеръ, на которомъ присутствовали представители всѣхъ литературныхъ направленій того времени. Когда большая часть гостей разошлась, и остались только близкіе Островскому люди, Филиппова просили спѣть. Послѣ одушевленно пропѣтой имъ пѣсни, которая на всѣхъ произвела впечатлѣніе, Григорьевъ упалъ на колѣни и просилъ кружокъ усвоить его себѣ, такъ какъ въ его направленіи онъ видитъ правду, которой искалъ въ другихъ мѣстахъ и не находилъ, а потому былъ бы счастливъ, если бы ему позволили здѣсь бросить якорь».

Это эксцентричное «паденіе на колѣни» послѣ разъѣзда гостей и подъ вліяніемъ пѣсни, пропѣтой поздней ночью, несомнѣнно было тѣсно связано съ сильной выпивкой, до которой Григорьевъ былъ большой охотникъ. Такимъ образомъ, можно съ увѣренностью сказать, что разливное вино, на которое мы постоянно наталкиваемся въ собраніяхъ кружка Островскаго, служило вѣрнымъ средствомъ электризаціи молодыхъ сотрудниковъ Погодина, которая ихъ сплачивала въ тѣсный товарищескій кружокъ, придавала особый, опредѣленный бѣгъ мысли и держала нервы и чувства въ приподнятомъ, восторженномъ настроеніи. Во всѣхъ ихъ пылкихъ рѣчахъ, широкихъ размахахъ чувства, въ полетѣ смѣлой мысли слышатся тѣ «вакхическіе» мотивы, которые такъ прекрасно выражены геніальнымъ поэтомъ стихами

Полнѣе стаканъ наливайте!
На звонкое дно,
Въ густое вино
Завѣтныя кольца бросайте!
Поднимемъ стаканы, содвинемъ ихъ разомъ!
Да здравствуетъ муза, да здравствуетъ разумъ!
Ты, солнце святое, гори!
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!

Этимъ солнцемъ, къ которому въ своихъ московскихъ бесѣдахъ въ студенческомъ трактирѣ «Британія» или «желѣзномъ» Печкина взывали собесѣдники Островскаго, была та «народность», та національная «самостоятельность», которыя красною нитью проведены въ статьяхъ Григорьева о театрѣ и литературѣ, печатавшихся въ «Москвитянинѣ» 1851—1852 годовъ. Къ этимъ же началамъ прилѣпились въ своихъ работахъ и остальные молодые сотрудники Погодина и ихъ же, безъ всякой предвзятой мысли, совершенно инстинк-

[1]) Здѣсь какая-то неточность въ передачѣ почтеннаго автора. Григорьевъ считался сотрудникомъ «Москвитянина» еще при Вельтманѣ и состоялъ даже членомъ, хотя и заочнымъ, редакціи. Поэтому говорить объ отсутствіи у него въ тѣ дни «умственнаго пріюта» хронологически невѣрно. Скорѣе, слова г. Филиппова должны быть отнесены къ вопросу о духовномъ сліяніи съ кружкомъ Островскаго.

тивно выдвигалъ въ своихъ произведеніяхъ второй членъ кружка Островскаго, подобно послѣднему, составившій своимъ появленіемъ на страницахъ «Москвитянина» событіе въ журнальномъ мірѣ и значительно содѣйствовавшій оживленію «мрачныхъ сводовъ Погодинскаго sui generis древлехранилища». Я разумѣю А. Ѳ. Писемскаго, который еще со временъ студенчества былъ знакомъ съ Филипповымъ и Эдельсономъ и который въ октябрьской книжкѣ «Москвитянина» 1850 г. напечаталъ свой извѣстный романъ «Тюфякъ».

XIII.

«Тюфяка» привезъ Погодину Островскій, а вскорѣ послѣ этого состоялось и знакомство издателя «Москвитянина» съ молодымъ провинціальнымъ беллетристомъ. Въ тѣ дни уже установилось раздѣленіе «Москвитянина» на двѣ редакціи, и Писемскій, по всему складу своего ума, по характеру литературнаго направленія, былъ признанъ своимъ «молодой редакціей» журнала, хотя онъ, конечно, въ качествѣ иногородняго обитателя не могъ ни офиціально, ни фактически числиться въ ея составѣ. Литературная карьера его собственно началась съ 1846 г. романомъ «Боярщина», долго ходившимъ въ московскихъ кружкахъ по рукамъ и напечатаннымъ впослѣдствіи въ «Библіотекѣ для Чтенія», но впервые, въ большомъ журналѣ онъ дебютировалъ именно у Погодина, въ «Москвитянинѣ».

«Хорошо помню впечатлѣніе,—говоритъ П. В. Анненковъ въ своемъ очеркѣ «Художникъ и простой человѣкъ» [1],—произведенное на меня, въ глуши провинціальнаго города,—который если и занимался политикой и литературой, то единственно сплетнической ихъ исторіей,—первыми разсказами Писемскаго «Тюфякъ» (1850) и «Бракъ по страсти» (1851 г.) въ «Москвитянинѣ». Какой веселостью, какимъ обиліемъ комическихъ мотивовъ они отличались и притомъ безъ претензій на какой либо скороспѣлый выводъ изъ уморительныхъ типовъ и характеровъ, этими разсказами выводимыхъ. Тутъ била прямо въ глаза русская мѣщанская жизнь, вышедшая на Божій свѣтъ, торжествующая и какъ бы гордящаяся своей открытой дикостью, своимъ самостоятельнымъ безобразіемъ. Комизмъ этихъ картинъ возникалъ не изъ сличенія ихъ съ какимъ либо ученіемъ или идеаломъ, а изъ того чувства довольства собой, какое обнаруживали ихъ нелѣпые герои въ средѣ безсмыслицъ и невѣроятной распущенности».

Такимъ образомъ, даже изъ этихъ словъ Анненкова мы видимъ, что характеръ первыхъ произведеній Писемскаго какъ нельзя болѣе подходилъ къ той литературной струѣ, которая была уже внесена Островскимъ и его первой комедіей въ содержаніе книжекъ «Москвитянина». Здѣсь та же русская жизнь, въ ея неподкрашенной дѣйствительности, въ ея проявленіяхъ на событіяхъ и типахъ провинціальной жизни, освѣщенной не негодующимъ, не казнящимъ, а

1) «Вѣстникъ Европы», 1882 г., № 4.

веселымъ, беззаботнымъ смѣхомъ... Авторъ не резонируетъ, не поучаетъ, а съ добродушіемъ выхватываетъ факты и образы изъ жизни, и заливается при этомъ самымъ жизнерадостнымъ смѣхомъ, безъ всякой примѣси болѣзненнаго озлобленія. «Свои люди сочтемся» Островскаго и «Тюфякъ» Писемскаго гармонически отвѣчали другъ другу и ясно показывали читателямъ, что въ русской литературѣ дѣйствительно народились новые люди, глубоко изучившіе Россію и ея низшіе классы, тѣ самые классы, которые въ наибольшей чистотѣ хранятъ въ себѣ русскія родовыя черты и наличность исторической народности. Но если Писемскій, какъ литературный производитель, былъ подъ масть произведеніямъ молодой редакціи «Москвитянина», то онъ въ неменьшей степени, по всѣмъ своимъ замашкамъ, симпатіямъ и наклонностямъ, совершенно къ нимъ подходилъ, сливался съ ними и дѣйствительно былъ для нихъ своимъ.

«Трудно себѣ и представить болѣе полный, цѣльный типъ чрезвычайно умнаго и вмѣстѣ оригинальнаго провинціала,—говоритъ въ цитированныхъ уже воспоминаніяхъ Анненковъ,—чѣмъ тотъ, который явился въ Петербургѣ въ образѣ молодого Писемскаго, съ его крѣпкой, коренастой фигурой, большой головой, испытующими наблюдательными глазами и лѣнивой походкой. На всемъ его существѣ лежала печать какой-то усталости, пріобрѣтаемой въ провинціи отъ ея халатнаго, распущеннаго образа жизни и скораго удовлетворенія разныхъ органическихъ прихотей. Съ перваго взгляда на него рождалось убѣжденіе, что онъ ни на волосъ не измѣнилъ обычной своей физіономіи, не прикрасилъ себя никакой болѣе или менѣе интересной и хорошо придуманной чертой, не принарядился морально, какъ это обыкновенно дѣлаютъ люди, впервые являющіеся передъ незнакомыми лицами. Ясно дѣлалось, что онъ вышелъ на улицы Петербурга точно такимъ, какимъ сѣлъ въ экипажъ, отправляясь изъ своего родного гнѣзда. Онъ сохранилъ всего себя, начиная съ своего костромскаго акцента... и кончая насмѣшливыми выходками по поводу столичной утонченности жизни, языка и обращенія».

Писемскій, продолжаетъ авторъ воспоминаній, «добродушно признавался..., что испытываетъ родъ органическаго отвращенія къ иностранцамъ, котораго побѣдить въ себѣ не можетъ». «Присутствіе иностранца,—говоритъ Писемскій,—дѣйствуетъ на меня уничтожающимъ образомъ: я лишаюсь спокойствія духа и желанія мыслить и говорить. Пока онъ у меня на глазахъ, я подвергаюсь чему-то въ родѣ столбняка и рѣшительно теряю способность понимать его».

Вотъ такой-то типичный провинціалъ, съ его распущенностью, халатностью и жаждою скорѣйшаго удовлетворенія органическихъ потребностей, съ ненавистью къ порядку, европейскому благочинію и дисциплинѣ, былъ какъ нельзя болѣе подъ стать широкимъ натурамъ членовъ кружка Островскаго, среди которыхъ, онъ чувствовалъ себя совершенно въ своей сферѣ, какъ рыба въ водѣ. Поэтому и его связь съ «молодой редакціей Москвитянина» была во всѣхъ отношеніяхъ — и въ литературномъ и житейскомъ—вполнѣ естественная, органическая. Разница лишь между нимъ и остальными членами «кружка» была та, что онъ, какъ это видно будетъ далѣе, сумѣлъ поставить себя въ отношеніи старой редакціи, т.-е. са-

мого Погодина, въ болѣе выгодныя и опредѣленныя условія и сразу пресѣкъ послѣднему всякую возможность эксплоатировать себя, какъ то издатель «Москвитянина» особенно практиковалъ по отношенію Ап. Григорьева.

Григорьевъ по глубинѣ своихъ убѣжденій, по умственному развитію и литературной опытности былъ наиболѣе виднымъ и полезнымъ сотрудникомъ Погодинскаго журнала. Это былъ типичный журналистъ, котораго, по свидѣтельству Н. Страхова [1]), «ничто столько не занимало, не увлекало, не наполняло, какъ явленія въ мірѣ искусства вообще и въ мірѣ словеснаго художества въ особенности. Это былъ урожденный критикъ, для котораго критика была естественною потребностью и притомъ назначеніемъ жизни». Нѣсколько далѣе Страховъ говоритъ:

«Главное, отчего страдалъ Григорьевъ, было его постоянное стремленіе къ энтузіазму, къ тому самому энтузіазму, въ которомъ заключалась вся его сила, какъ критика и писателя. Минуты, когда онъ постигалъ самыя тайныя біенія жизни, воплощенныя искусствомъ, были настоящими живыми минутами Григорьева. Но за ними слѣдовалъ упадокъ силъ, при которомъ весь личный міръ человѣка тускнѣетъ и обезцвѣчивается; неизбѣжно слѣдовало смутное и тревожное исканіе идеала въ своей собственной жизни. Вотъ почему Григорьевъ былъ человѣкъ въ высшей степени напряженный, какъ онъ самъ выражается о своихъ первыхъ стихотвореніяхъ, хотя въ то же время совершенно искренній. Онъ ни въ чемъ не могъ помириться на серединѣ. Онъ старался возводить свои мысли и чувства до идеальной глубины и чистоты; если же обрывался въ этихъ усиліяхъ, то прямо переходилъ въ противоположную крайность и погружался въ безпорядокъ жизни съ какимъ-то сладострастіемъ цинизма. Эти безпрестанныя противоположности поражали всякаго, кто въ первый разъ узнавалъ Григорьева; онѣ сломали его жизнь и подорвали его крѣпкую натуру».

Изъ этого описанія, сдѣланнаго любящей рукой, мы ясно видимъ, что новый членъ «молодой редакціи» былъ человѣкомъ въ высшей степени нервнымъ, легко-возбуждающимся, экзальтированнымъ, съ волею, значительно пораженною «безпорядочной жизнью» и алкоголемъ. Мы уже видѣли, при какой эксцентричной обстановкѣ онъ просилъ признать себя своимъ членовъ кружка Островскаго. Понятно, что, очутившись въ приподнятой, возбужденной средѣ, Григорьевъ не нашелъ, да и не искалъ, въ себѣ средствъ къ противодѣйствію нахлынувшимъ на него новымъ впечатлѣніямъ и сдѣлался самымъ пламеннымъ апостоломъ «смутныхъ вѣяній», которыя въ своихъ статьяхъ и провозгласилъ «новымъ словомъ» русской литературы. Это «новое слово» онъ особенно наглядно узрѣлъ въ произведеніяхъ Островскаго, которыя и сдѣлались альфою и омегою всѣхъ его вѣрованій и упованій... «Я рѣшительно одинъ, безъ всякаго знамени,—писалъ онъ Страхову.—Славянофильство также не признавало и не признаетъ меня своимъ, да я и не хотѣлъ никогда этого признанія. Одинъ человѣкъ, съ кѣмъ у меня

---

[1]) «Эпоха», 1864 г., № 9.

все общее,—Островскій»... Въ творчествѣ Островскаго онъ видѣлъ проявленіе русской «умственной и нравственной самостоятельности», а этотъ вопросъ о «самостоятельности» былъ, по его собственному признанію, «глубже и обширнѣе по своему значенію всѣхъ нашихъ вопросовъ—и вопроса о крѣпостномъ состояніи и вопроса политической свободы».

Вотъ эта-то проповѣдь важности нашей самостоятельности, уже какъ будто осуществляющейся въ современной жизни и долженствуемой быть поставленной выше всѣхъ вопросовъ—и соціальныхъ и политическихъ, эта-то проповѣдь придавала Григорьеву, какъ сотруднику «Москвитянина», особенное, боевое значеніе, почему противъ него и направились главнымъ образомъ стрѣлы изъ западническаго лагеря, который по наслѣдію отъ Бѣлинскаго и Герцена, въ предѣлахъ возможности, конечно, именно развивалъ особенное значеніе вопроса о крѣпостномъ правѣ и о политической свободѣ. Что касается послѣдней категоріи вопросовъ, то въ этомъ отношеніи Григорьевъ охотно мирился съ политической формулой Погодина, котораго и признавалъ своимъ «единственнымъ политическимъ вождемъ». Съ Погодинымъ же онъ совпадалъ и въ симпатіяхъ къ лѣтописной, археологической Россіи. «Мнѣ старый соборъ нуженъ,—говорилъ онъ Страхову,—старые образа въ окладахъ съ сумрачными лицами,—слѣды исторіи нужны,—нравы нужны; хоть, пожалуй, и жестокіе, да типическіе».

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ лицѣ Григорьева «Москвитянинъ»—и молодой, и старый, пріобрѣталъ воистину цѣннаго сотрудника, который и занялъ въ журналѣ главенствующее, передовое мѣсто. Молодежь встрѣчала въ его статьяхъ наиболѣе полное отраженіе и формулировку своихъ «смутныхъ мечтаній», а Погодинъ видѣлъ въ немъ такого помощника, который, не залѣзая въ неподвѣдомственныя ему сферы политики и соціальныхъ вопросовъ, умѣетъ въ отведенной ему области быть занимательнымъ для читателей. «Господинъ Григорьевъ,—говорилъ Погодинъ,—золотой сотрудникъ, борзописецъ, много хорошаго вездѣ скажетъ онъ и съ чувствомъ, но не знаетъ ни гдѣ ему в.......я, ни гдѣ молитву прочесть. Первое исполнитъ онъ всегда въ переднемъ углу, а второе—подъ лѣстницею».

XIV.

Мы уже знаемъ, что пьеса «Свои люди сочтемся», прежде чѣмъ попасть въ «Москвитянинъ», цѣлый сезонъ ходила по рукамъ и читалась то самимъ авторомъ, то Садовскимъ, а то ими обоими вмѣстѣ на разныхъ вечерахъ. О ней много говорили въ зиму 1849—1850 годовъ, и появленіе ея въ мартовской книгѣ Погодинскаго журнала было встрѣчено всѣми любителями изящной словесности съ

радостью и большими похвалами, какъ по адресу автора комедіи, такъ и журнала, ее напечатавшаго. Однако не такъ поглядѣлъ на дѣло знаменитый «Негласный комитетъ 2 апрѣля 1848 года»: онъ обратилъ на комедію Островскаго надлежаще вниманіе министра народнаго просвѣщенія. Являясь откликомъ «комитета», графъ Уваровъ въ свою очередь предписалъ попечителю Московскаго округа пригласить къ себѣ автора комедіи и «вразумить его, что благородная и полезная цѣль таланта должна состоять не только въ живомъ изображеніи смѣшного и дурного, но и въ справедливомъ его порицаніи, не только въ каррикатурѣ, но и въ распространеніи высшаго нравственнаго чувства: слѣдовательно, въ противопоставленіи пороку добродѣтели, а картинамъ смѣшного и преступного—такихъ помысловъ и дѣяній, которыя возвышаютъ душу; наконецъ въ утвержденіи того столь важнаго для жизни общественной и частной вѣрованія, что злодѣяніе находитъ достойную кару еще на землѣ».

Вслѣдствіе такого внушенія, смахивающаго на лекцію по курсу эстетики, Островскій вынужденъ былъ оправдываться и писалъ В. И. Назимову»[1]):

«Трудъ мой, еще не оконченный, возбудилъ одинаковое сочувствіе и производилъ самыя отрадныя впечатлѣнія во всѣхъ слояхъ московскаго общества, болѣе же всего между купечествомъ. Лучшія купеческія фамиліи единодушно, гласно изъявили желаніе видѣть мою комедію въ печати и на сценѣ. Я самъ нѣсколько разъ читалъ эту комедію передъ многочисленнымъ обществомъ, состоящимъ исключительно изъ московскихъ купцовъ и, благодаря русской, правдолюбивой натурѣ, они не только не оскорбились этимъ произведеніемъ, но въ самыхъ обязательныхъ выраженіяхъ изъявили мнѣ свою признательность за вѣрное воспроизведеніе современныхъ недостатковъ и пороковъ ихъ сословія, и горячо высказывали необходимость дѣльнаго и правильнаго обличенія этихъ пороковъ (въ особенности превратнаго воспитанія) на пользу своего круга. Въ глазахъ этихъ почтенныхъ людей правда и польза, коей они отъ нея надѣялись, исключала всякую мысль объ оскорбленіи личнаго самолюбія. Все это побудило меня представить мою комедію въ цензурный комитетъ, и это же, осмѣливаюсь думать, обратило и ваше вниманіе на мой трудъ. Согласно понятіямъ моимъ объ изящномъ, считая комедію лучшею формою къ достиженію нравственныхъ цѣлей и признавая въ себѣ способность воспроизводить жизнь преимущественно въ этой формѣ, я долженъ былъ написать комедію или ничего не написать. Твердо убѣжденный, что всякій талантъ налагаетъ обязанности, которыя честно и прилежно долженъ исполнить человѣкъ, я не смѣлъ оставаться въ бездѣйствіи. Будетъ часъ, когда спросится у каждаго: гдѣ талантъ твой?».

Кромѣ этого инцидента, появленіе въ печати пьесы Островскаго сопровождалъ и другой, доставившій молодому драматургу немало горя и заботъ и о которомъ даетъ любопытныя свѣдѣнія г. Филипповъ въ книгѣ г. Барсукова.

«Громадный успѣхъ все еще продолжавшихся чтеній комедіи Островскаго,—повѣствуетъ г. Филипповъ,—и расходящаяся молва о ней скоро создали автору ея крупную непріятность... которую, такъ сказать, взлелѣяло и вскормило враждебное

[1]) Начальникъ московской цензуры.

настроеніе представителей западнаго направленія. Дѣло въ томъ, что Островскій еще смолоду любилъ дѣлить съ кѣмъ либо художественную работу, творить въ товариществѣ съ кѣмъ либо. Если въ зрѣлыхъ годахъ уже работалъ онъ съ Соловьевымъ и другими, то и въ молодости онъ неоднократно приглашалъ Филиппова къ совмѣстному художественному труду, отъ котораго Филипповъ, однако, отказывался, не чувствуя въ себѣ къ тому призванія. На бѣду такого же рода разговоры, еще до знакомства съ Филипповымъ, велъ Островскій и съ нѣкіимъ прогорѣвшимъ купцомъ Тарасенковымъ, впослѣдствіи провинціальнымъ актеромъ Горевымъ, и велъ именно тогда, когда піеса «Свои люди сочтемся» только еще замышлялась имъ. Этотъ-то Тарасенковъ и пустилъ впослѣдствіи слухъ, что производящая столько шуму комедія писана вовсе не однимъ Островскимъ, что въ сущности она принадлежитъ ему, Тарасенкову, и что Островскій напрасно приписываетъ себѣ всю честь ея созданія. Нерасположенные къ Островскому и его кружку западники радостно ухватились за этотъ слухъ и распространяли его вездѣ, гдѣ только было возможно. Москва заговорила. Слухъ пронесся въ Петербургѣ, и тамъ встрѣтилъ готовность вѣрить и распространять. Особенно порадѣлъ дѣлу распространенія Краевскій. Положеніе Островскаго стало чрезвычайно тягостнымъ, въ виду полнѣйшей невозможности опровергнуть клевету, положить предѣлъ оскорбительнымъ толкамъ. Свидѣтельство самого автора, разумѣется, ничего не значило. Филипповъ засталъ наброски комедіи въ началѣ своего знакомства съ Островскимъ, и вся комедія по частямъ разработывалась на его глазахъ: ложь была для него вполнѣ очевидною. Но онъ былъ слишкомъ близокъ и слишкомъ объединенъ въ общемъ мнѣніи съ Островскимъ, чтобы свидѣтельство его могло положить конецъ клеветѣ. Поневолѣ приходилось молчать, и ложь гуляла свободно. По счастію, на улаженіе и исправленіе всего дѣла выступилъ самъ Горевъ-Тарасенковъ, написавъ и напечатавъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» новую, вполнѣ бездарную комедію, которая сдѣлала очевиднымъ для всѣхъ, чего можно ожидать отъ его таланта, чего немыслимо ожидать отъ него. Клевета поневолѣ должна была навсегда замолкнуть».

Напечатавъ въ «Москвитянинѣ» комедію и познакомившись съ Погодинымъ, Островскій, по просьбѣ послѣдняго, сталъ уговаривать и своихъ молодыхъ пріятелей вступить въ литературныя сношенія съ редакторомъ «Москвитянина»; но это приглашеніе на первыхъ порахъ не встрѣтило ничье сочувствіе и вызвало протесты. Члены кружка были предубѣждены противъ Погодина и судили о немъ по неблагопріятнымъ слухамъ, которые ходили на его счетъ по Москвѣ. Однако, Островскому удалось сломить сопротивленіе молодежи, и они отправились на назначенное свиданіе съ Погодинымъ. Противъ всякаго ожиданія, послѣдній очаровалъ ихъ бесѣдою, увлекъ разсказами, «носившими характеръ живой лѣтописи». Этимъ свиданіемъ былъ закрѣпленъ союзъ молодежи съ ученымъ историкомъ, который и нашелъ въ нихъ нужныхъ ему лицъ, во время явившихся на смѣну ушедшему Вельтману.

Но, кромѣ членовъ своего кружка, Островскій содѣйствовалъ и сближенію издателя «Москвитянина» съ Писемскимъ, доставивъ въ редакцію извѣстный романъ послѣдняго «Тюфякъ». Однако Погодинъ не нашелъ въ провинціальномъ беллетристѣ наивной овечки, которая готова была великодушно отдать себя стричь опытному въ этомъ дѣлѣ издателю «Москвитянина». Со свойственной ему осто-

рожностью и дальновидностью Писемскій предложилъ патрону подписать договоръ, гдѣ точно выяснилъ свои отношенія къ журналу и обозначилъ условія, на коихъ согласенъ въ немъ работать.

XV.

Но если авторъ «Тюфяка» сумѣлъ поставить себя въ болѣе или менѣе сносныя матеріальныя условія въ отношеніи Погодина, то положеніе остальныхъ сотрудниковъ было воистину бѣдственное: семейные люди, каковыми были Эдельсонъ и Григорьевъ, получали всего лишь по 15 рублей за печатный листъ, Филипповъ не бралъ ничего, и одинъ только Алмазовъ, человѣкъ небрежный и беззаботный насчетъ денегъ, получилъ какую-то непонятную власть надъ Погодинымъ и въ любую минуту урывалъ изъ бумажника издателя по 20 и 30 рублей своего заработка. Погодинъ, мечтавшій въ тѣ времена продать въ казну свое древлехранилище, кормилъ сотрудниковъ будущими гонорарами, обѣщая имъ платить по 50 и по 100 рублей за листъ. «Вы мои друзья въ несчастіи, будете друзьями и въ счастіи»,—говорилъ онъ серьезнѣйшимъ образомъ въ утѣшеніе сотрудникамъ. Но вопросъ о древлехранилищѣ подвигался медленно, а тѣмъ временемъ сотрудники допекали издателя просьбами о деньгахъ. Такъ А. Григорьевъ писалъ ему:

«Посылаю вамъ Вильгельма Мейстера и съ величайшей радостью отдаю его Москитянину, гдѣ для него приличнѣе мѣсто, нежели въ Запискахъ. Хотя, работая прежде Краевскому также усердно и честно, какъ вамъ, я выполнялъ дѣло по крайнему разумѣнію, но не откажусь просмотрѣть переводъ мой и, какъ говорится, mettre la derniere main. Условія, разумѣется, обыкновенныя: при настоящемъ положеніи Москвитянина я больше шести цѣлковыхъ за листъ считаю не честнымъ и требовать. Завтра утромъ я къ вамъ заѣду и ради Бога достаньте еще пятьдесятъ цѣлковыхъ для удовлетворенія моего кредитора—ракаліи... Вы видите сами, что гарантіи за себя я могу представить».

Точно также и Алмазовъ молилъ его:

«Пришлите, сдѣлайте милость, мнѣ денегъ за статью, для поощренія моего таланта. Я бы право не сталъ васъ безпокоить (я не сребролюбецъ!), но праздникъ на дворѣ, будетъ гулянье подъ Новинскимъ, надо перчатки и все этакое. А то вѣдь теперь бѣда: статьей моей я нажилъ себѣ такихъ враговъ, что теперь, покажись-ка я на гулянье въ старой шляпѣ и безъ перчатокъ, такъ тебя просмѣютъ, что совсѣмъ погибнешь въ цвѣтѣ лѣтъ. Отецъ мнѣ денегъ не присылаетъ, потому что очень старъ... Итакъ, припадаю къ стопамъ вашимъ. Въ статьѣ моей полтора печатныхъ листа мелкой печати. Вторую статью надняхъ вамъ доставлю».

Неаккуратность платежей, затягиванье расчетовъ, стремленіе не выполнять денежныхъ условій со стороны Погодина раздражали и Писемскаго, который, не смотря на заключенный имъ контрактъ, не могъ, безъ крутыхъ мѣръ, настоять на полученіи слѣдуемаго ему заработка. Уже въ началѣ апрѣля (договоръ былъ подписанъ въ

февралѣ) шлетъ онъ въ Москву напоминаніе о срокѣ высылки ему денегъ; за этимъ письмомъ онъ шлетъ въ томъ же мѣсяцѣ другое и, наконецъ, въ концѣ мая третье:

«Двумя письмами моими просилъ васъ,—извѣщаетъ онъ скареднаго издателя,—о высылкѣ мнѣ слѣдующихъ, по условію нашему, двухсотъ пятидесяти рублей серебромъ, надѣясь на которые я до сихъ поръ остаюсь въ нуждѣ. Въ послѣднемъ письмѣ вашемъ вы обѣщали мнѣ ихъ выслать на той же недѣлѣ. Приходитъ срокъ высылки моего Комика, который у меня уже готовъ давно. Въ томъ же письмѣ вашемъ вы высказываете на меня нѣсколько претензій вашихъ, на которыя, впрочемъ, я за лучшее считаю объясниться при личномъ свиданіи съ вами, и въ настоящемъ случаѣ скажу только то, что всѣ предпринятыя мною условія сохраню свято и ненарушимо, а равнымъ образомъ прошу и Москвитянина не манкировать. Всѣ условія хороши, если они исполняются обоюдно».

Но и это письмо не подѣйствовало на Погодина, такъ что Писемскій вынужденъ былъ прибѣгнуть къ посредничеству третьяго лица, каковымъ оказался Аполлонъ Александровичъ Майковъ.

«Рукопись мою,—писалъ Писемскій издателю «Москвитянина»,—я переслалъ въ Москву къ 1-му числу, которую можетъ доставить къ вамъ братъ жены моей, Аполлонъ Александровичъ Майковъ; но прежде полученія, вновь покорнѣйше прошу выслать мнѣ, по нашему условію, двѣсти пятьдесятъ рублей серебромъ, и по полученіи—слѣдующіе двѣсти пятьдесятъ. Деньги мнѣ очень нужны: въ ожиданіи будущихъ благъ я теперь занимаю; у меня родился сынъ, наименованный Аполлономъ. Пожалуйста, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, снабдите меня деньгами, а то у меня безъ денегъ пропадаетъ совершенно вся литературная дѣятельность. Въ ожиданіи присылки вами денегъ, я третью недѣлю ничего не дѣлаю».

Мѣра, употребленная Писемскимъ, подѣйствовала. Погодинъ оказался припертымъ къ стѣнѣ и, нуждаясь въ беллетристикѣ и молодыхъ сотрудникахъ, вынужденъ былъ, скрѣпя сердце, отсчитать слѣдуемыя автору ассигнаціи. Не баловалъ издатель «Москвитянина» деньгами и козырнаго своего сотрудника, А. Н. Островскаго; по крайней мѣрѣ въ одномъ изъ его писемъ къ Погодину ясно видно, что онъ тяготится своимъ матеріальнымъ положеніемъ и желаетъ точнѣе выяснить свои отношенія къ журналу. Уже въ концѣ февраля (24-го) 1851 г. онъ обратился къ Погодину съ письмомъ, гдѣ просилъ его:

«Напишите мнѣ, можете ли вы мнѣ дать 50 руб. въ мѣсяцъ, за простое сотрудничество, съ обязательствомъ съ моей стороны, доставить въ продолженіе года статей на эту сумму, и съ правомъ, кромѣ того, давать статьи и въ другія изданія. Примите въ расчетъ то, что я, по своему характеру, все-таки всѣми силами стану стараться для «Москвитянина». Если же вы на это не согласны, то напишите, что вы отъ меня хотите, чтобы я зналъ это опредѣленно. Извините, что безпокою васъ; мнѣ самому, Михайло Петровичъ, тяжело».

Неудовольствіе сотрудниковъ, конечно, раздражало Погодина, и онъ сердито писалъ въ дневникѣ 12-го марта: «Вечеромъ сотрудники, которые надоѣдаютъ своими претензіями. Надо съ ними покрѣпче»...

Но, помимо денежныхъ неудовольствій молодыхъ сотрудниковъ на своего издателя, между ними бѣгала еще и другая черная кошка, придававшая ихъ обострившимся отношеніямъ болѣе серьезный, принципіальный характеръ. Дѣло въ томъ, что, вступая въ «Москвитянинъ», Островскій и К°, вѣроятно, не безъ основанія полагали, что они будутъ полными хозяевами дѣла, и что Погодинъ передастъ имъ свое дѣтище на тѣхъ же условіяхъ, какъ это было нѣкогда съ Кирѣевскимъ. Оказалось же, однако, что или обѣ стороны не поняли другъ друга или—и это наиболѣе правдоподобно!—Погодинъ просто провелъ своихъ неопытныхъ въ практическихъ вопросахъ сотрудниковъ и обратилъ ихъ въ журнальныхъ батраковъ. Залучивъ ихъ разными обѣщаніями въ «Москвитянинъ», онъ достигъ цѣли—поднялъ (въ 1850 г.) подписку съ 500 человѣкъ до 1100 и на этомъ успокоился, полагая, со свойственнымъ ему плутовствомъ, что нечего дѣлиться съ другими добромъ, когда имъ можно попользоваться исключительно на пользу своего кармана. Это рѣшеніе встревожило друзей Островскаго, и вотъ что послѣдній писалъ Погодину:

«Чего я опасался, то и вышло. Когда я сказалъ кой-кому, на чемъ мы порѣшили (то-есть сказалъ такъ, какъ уговорились), то получилъ вотъ какія возраженія: «Значитъ, это только на нынѣшній годъ! Значитъ, мы должны отдавать статьи все-таки Погодину! Поднять его журналъ! И какую вы роль берете на себя! Онъ можетъ и самъ обратиться ко всѣмъ литераторамъ! Не того мы ждали! Мы думали, что журналъ будетъ вашъ, а слѣдовательно и нашъ; кромѣ трудовъ, можно бы рѣшиться на пожертвованія, по крайней мѣрѣ была бы надежда на вознагражденіе! А теперь мы и вы должны служить Погодину». Хорошо еще, что я не былъ ни у кого изъ значительныхъ дѣятелей, то есть ни у Грановскаго, ни у графини Сальясъ, ни у Леонтьева и проч. Каково бы мнѣ было съ ними разговаривать! Что мнѣ дѣлать, научите меня. Напишите мнѣ поскорѣй отвѣтъ; дѣло не терпитъ отлагательства. Послѣдній нашъ разговоръ, мнѣ кажется, показалъ вамъ, какъ готовъ я на безкорыстное служеніе всякому серьезному дѣлу. Напишите мнѣ, сдѣлайте одолженіе, что мнѣ дѣлать и что говорить: сдѣлайте милость, напишите что-нибудь рѣшительное. Вы знаете, въ какомъ душевномъ состояніи я нахожусь, оно для меня невыносимо».

Въ другой разъ Островскій писалъ: «Прошу васъ по крайней мѣрѣ не препятствовать тому слуху, что «Москвитянинъ» можетъ быть подъ моимъ распоряженіемъ. Мнѣ ужъ теперь, кромѣ многихъ ученыхъ статей, обѣщано три повѣсти». Что упованія членовъ кружка Островскаго имѣли подъ собою реальное основаніе, явствуетъ также изъ письма Грановскаго къ Краевскому, гдѣ онъ сообщалъ:

«О переходѣ «Москвитянина» въ руки Островскаго, вы уже, вѣроятно, знаете. Жаль Островскаго, котораго Погодинъ посадитъ черезъ годъ въ яму, какъ несостоятельнаго должника своего, и заставитъ въ ямѣ на себя работать. Въ числѣ условій, выговоренныхъ Погодинымъ, находится слѣдующее: онъ пользуется правомъ въ каждой книжкѣ ругать Соловьева, хвалить котораго запрещено формально другимъ сотрудникамъ».

Въ слѣдующемъ же письмѣ онъ пишетъ: «А Погодинъ опять взялъ «Москвитянинъ» у Островскаго».

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ жизни «Москвитянина» опять повторилась старая исторія. Погодинъ утомлялъ до изнеможенія лицъ, ведшихъ съ нимъ переговоры о передачѣ журнала, и въ концѣ концовъ оставлялъ дѣло за собою; на этотъ разъ только ему пришелъ въ голову финалъ иного рода: онъ не порвалъ съ намѣченными союзниками, а, сознавая всю выгоду ихъ пребыванія въ журналѣ, предоставилъ имъ половинное управленіе журналомъ, то есть сформировалъ двѣ редакціи — «молодую» и «старую», изъ коихъ каждая имѣла право помѣщать въ журналѣ пріобрѣтенныя и написанныя статьи, по своему усмотрѣнію. Такъ, «молодая редакція» «Москвитянина» имѣла власть печатать ею принятую беллетристику, критическія статьи, рецензіи и фельетоны, при чемъ критикамъ дозволялось подходить къ разбираемымъ предметамъ исключительно съ «художественной стороны», не касаясь области соціальной и политической. Здѣсь царствовала «старая редакція», въ лицѣ Погодина, Шевырева и прочихъ представителей «Москвитянина» прежней формаціи, въ родѣ, напримѣръ, Стурдзы, Глинки и другихъ.

Въ редакціонномъ примѣчаніи къ обозрѣнію «Современника», сдѣланному Григорьевымъ[1]), мы читаемъ: «Москвитянинъ удерживался отъ разбора журналовъ, но въ послѣднее время книгъ вышло мало, и журналы сдѣлались какъ бы вмѣстилищемъ всей литературы; поневолѣ должно говорить о нихъ: иначе отдѣленіе критики пришлось бы, по крайней мѣрѣ, на текущее время, совершенно уничтожить. Чтобъ сохранить возможное безпристрастіе, редакція поручила разборъ журналовъ молодымъ литераторамъ, принадлежащимъ къ одному поколѣнію съ разбираемыми авторами. Второе требованіе редакціи было разбирать произведенія только съ художественной стороны». Къ той же рецензіи Григорьева на «Современникъ» Погодинъ дѣлаетъ и другое примѣчаніе: «Старая редакція не можетъ не прибавить отъ себя двухъ словъ: что за предметъ, что за положенія! Искренно сожалѣемъ, что должны, по обязанностямъ критики, отдать нѣсколько страницъ своего журнала такому предмету». Это негодованіе старой редакціи относилось къ выдержкѣ изъ романа Станицкаго «Необдуманный шагъ», которую долженъ былъ привести для иллюстраціи обозрѣватель.

Это примѣчаніе, сдѣланное со свойственной Погодину литературной откровенностью, ясно показало читателямъ, что въ журналѣ имѣются двѣ особыя другъ отъ друга редакціи, причемъ отчасти объяснены функціи одной изъ нихъ. Впрочемъ, нарушеніе редакціоннаго единства и журнальнаго стиля было отчасти раскрыто передъ

---

[1]) «Москвитянинъ», 1851 г., № 1.

читателями еще въ объявленіи подписки на 1851 г., гдѣ Погодинъ заявилъ: «Москвитянинъ» пріобрѣлъ и новыхъ сотрудниковъ, и попрежнему всегда готовъ дать мѣсто всякому новому дарованію, не стѣсняясь никакими литературными предубѣжденіями».

XVI.

Мы уже видѣли, что обѣ стороны—сотрудники и издатель «Москвитянина», не жили между собою въ полномъ согласіи, и между ними возникали сплошь и рядомъ недоразумѣнія денежнаго свойства, объясняемыя скаредностью и дѣловою нечистоплотностью Погодина. Посмотримъ теперь, что̀ литературное вносила собою каждая редакція въ журналъ и какой modus vivendi между ними установился.

Вспоминая время своего сотрудничества въ «Москвитянинѣ», Ап. Григорьевъ въ статьѣ «Литературныя и нравственныя скитальчества» [1]) такъ обрисовываетъ закулисную журнальную политику 1850 годовъ:

«Старый хламъ и старыя тряпки подрѣзывали всѣ побѣги жизни въ «Москвитянинѣ» пятидесятыхъ годовъ... Напишешь, бывало, статью о современной литературѣ, ну, положимъ, хоть о лирическихъ поэтахъ — и вдругъ, къ изумленію и ужасу, видишь, что въ нее къ именамъ Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Хомякова, Огарева, Фета, Полонскаго, Мея, втесались въ сосѣдство имена графини Ростопчиной, г-жи Каролины Павловой, г. М. Дмитріева, г. Ѳедорова... и, о ужасъ! Авдотьи Глинки! Видишь и глазамъ своимъ не вѣришь! Кажется — и послѣднюю корректуру и сверстку даже прочелъ, и вдругъ, точно по манію волшебнаго жезла, явились въ печати незваные гости! Или слѣдить, бывало, зорко и подозрительно слѣдитъ молодая редакція, чтобы какая нибудь элегія г. М. Дмитріева, или какой нибудь старческій грѣхъ какого либо другого столь же знаменитаго литератора не проскочилъ въ нумеръ журнала. Чуть немного пооослабленъ надзоръ, и г. Дмитріевъ налицо и г-жа К. Павлова что либо соорудила и, наконецъ, къ крайнѣйшему отчаянію молодой редакціи, на видномъ-то самомъ мѣстѣ какая нибудь инквизиторская статья г. Стурдзы красуется».

И дѣйствительно, даже непристально всматриваясь въ составъ книжекъ «Москвитянина» за первые два года нынѣшней половины столѣтія, мы ясно видимъ здѣсь жестокую разноголосицу. Съ одной стороны, полныя жизни, движенія, веселости и смѣха произведенія «молодой редакціи» и съ другой выдержанный архаическій стиль «старой», недовольно косящейся на безпокойное и дерзкое сосѣдство молодости. Даже открывая 1850 годъ, Погодинъ какъ бы счелъ долгомъ благословить начинающееся полстолѣтіе статьей Стурдзы — «Духовная жизнь и словесность на востокѣ», писанной въ духѣ строго-византійскомъ. «Отнимите у восточныхъ (христіанъ) кормило православія,— писалъ авторъ,— и они, пустясь слѣпо въ по-

---

[1]) «Эпоха», 1864 г., № 3.

гоню за тревожнымъ Западомъ, скоро опередили бы его по стезѣ гибельныхъ заблужденій!» и далѣе: «Нынѣ повѣялъ отъ Запада духъ новый и бурный! Будущее недоступно соображеніямъ обыкновенной мудрости человѣческой! И подлинно, въ восточномъ православіи живетъ неразрушимое начало народнаго бытія».

Но въ 1850 году разноголосица «Москвитянина» не такъ рѣзко бросается въ глаза, такъ какъ главный колоритъ на сторонѣ прежнихъ сотрудниковъ, и только «Тюфякъ» Писемскаго да «Свои люди сочтемся» и «Утро молодого человѣка» Островскаго, въ качествѣ какъ будто случайныхъ оазисовъ, нарушаютъ единство журнальной декораціи. Не то въ 1851 году, когда на «Москвитянина» со всей силой хлынули свѣжія волны молодого творчества и произвели въ чопорномъ и скучномъ хозяйствѣ Погодина полный разгромъ и безпорядокъ. «Молодая редакція» принесла съ собою обиліе новой, реалистической беллетристики, доселѣ подвергавшейся громкому анаѳематствованію Шевырева, сатиру Алмазова въ прозѣ и стихахъ, таковую же М. Михайлова, ѣдкія полемическія рецензіи Григорьева, Островскаго, Эдельсона (лит. А. Г. Е.), широкія театральныя обозрѣнія Ап. Григорьева. Страницы «Москвитянина» наполнились смѣхомъ, шуткой и острой полемикой съ «теоретиками» Петербурга, изъ «Современника» и «Отечественныхъ Записокъ», походъ и натискъ на которыхъ были произведены «молодой редакціей» шумно, сильно и съ блестящимъ успѣхомъ. Слабые въ тѣ дни руководящими силами петербургскіе журналы спасовали передъ талантливой дружиной Островскаго и поплатились въ сильной степени за свои прежнія отношенія къ «Москвитянину», котораго со временъ Бѣлинскаго, по наслѣдству, держали въ черномъ тѣлѣ и третировали самымъ презрительнымъ образомъ. Надъ «Москвитяниномъ» такимъ образомъ взошла счастливая звѣзда, и онъ хоть на короткое время вздохнулъ полной грудью журнальнаго и читательскаго успѣха. «Молодой, смѣлый, пьяный, но честный и блестящій дарованіями», по характеристикѣ Григорьева, кружокъ писателей въ одинъ годъ поднялъ журналъ на небывалую высоту и сразу удвоилъ его благосостояніе. Будь на мѣстѣ Погодина другой человѣкъ, напримѣръ, Краевскій, онъ сумѣлъ бы удержаться въ выгодномъ положеніи, сумѣлъ бы имъ воспользоваться и не упустилъ бы изъ своей обители тѣхъ, чьи имена придали ей блескъ, оживленіе и всеобщее вниманіе. Но Погодинъ, въ силу своихъ специфическихъ свойствъ, о коихъ говорено было во 3-й и 4-й главахъ настоящаго очерка, конечно, не оказался на высотѣ величія и, погнавшись за грошами, упустилъ болѣе крупное и цѣнное, то-есть уже въ 1852 году оттолкнулъ отъ себя молодыхъ сотрудниковъ скаредностью, погасилъ ихъ литературный пылъ и понудилъ искать заработка на сторонѣ. Подписка его снова стремительно упала, и счастливымъ днямъ «Москвитянина» скоро наступилъ конецъ. Но 1851 годъ былъ для

него во всякомъ случаѣ годомъ удачи и небывалаго успѣха. Мы уже видѣли изъ словъ Григорьева, что обѣ редакціи журнала пребывали постоянно въ оборонительно-наступательномъ настроеніи; въ дни перемирія дѣло ограничивалось лишь тѣмъ, что потихоньку и по секрету отъ молодежи Погодинъ пропускалъ произведенія своихъ прежнихъ сотрудниковъ, коихъ не желала видѣть въ журналѣ «молодая редакція»; въ дни же несогласій борьба принимала болѣе острый оборотъ, и Погодинъ переходилъ въ наступленіе, дѣлая колкія примѣчанія къ статьямъ товарищей Островскаго и читая имъ даже тутъ же, на страницахъ самого журнала, нотаціи и выговоры за легкомысленное поведеніе. Это, конечно, раздражало сотрудниковъ, они допекали его письмами; это же давало поводъ петербургскимъ недругамъ трунить надъ Погодинымъ и его журналомъ, упрекать его въ непослѣдовательности и отмѣчать рѣзкую разницу въ редакціонныхъ взглядахъ двухъ журнальныхъ группъ, дѣйствующихъ въ одномъ и томъ же органѣ «кто въ лѣсъ, кто по дрова».

Если произведенія Островскаго и Писемскаго проходили въ журналѣ безъ примѣчаній старой редакціи, и Погодинъ считалъ долгомъ соблюдать здѣсь осторожность, то въ отношеніи болѣе второстепенныхъ сотрудниковъ онъ не церемонился и въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ полагалъ нужнымъ какъ бы извиняться передъ читателями въ печатаніи пустяковъ и легкаго жанра. Такъ, давая мѣсто «Сатирическимъ сценамъ» М. Михайлова, онъ какъ бы проситъ снисхожденія у читателя за напечатаніе ихъ и спѣшитъ съ словомъ успокоенія: «...Нынѣ авторы, какъ живописцы, обратились къ жизни дѣйствительной, въ ея уклоненіяхъ, болѣзняхъ, недостаткахъ: господствуетъ направленіе сатирическое, журналъ долженъ быть литературнымъ отраженіемъ времени, и потому «Москвитянинъ» предлагаетъ иногда разныя статьи этого рода, требуемыя его читателями, безъ которыхъ существовать не можетъ, но вмѣстѣ считаетъ своею обязанностью помѣщать въ каждой книгѣ произведенія и изъ другихъ родовъ словесности, высшихъ, предлагать мысли и образцы изъ другихъ областей чувства: такъ въ нынѣшнемъ нумерѣ, помѣщая этотъ сатирическій отрывокъ, онъ помѣстилъ повѣсть герцогини Дарбувиль и лирическое стихотвореніе г. Мея».

Примѣчаній Погодина удостоивались и литературныя обозрѣнія журналовъ Григорьева, а также его театральныя хроники, что все вмѣстѣ взятое твердо устанавливало несоотвѣтствіе вкусовъ и воззрѣній обѣихъ редакцій журнала. Но наиболѣе рѣзко это несоотвѣтствіе выразилось по поводу сатирическаго памфлета Б. Алмазова «Сонъ по случаю одной комедіи», направленнаго противъ петербургской журналистики вообще и И. Панаева въ частности.

XVII.

Петербургская журналистика западнической фракціи крѣпко помнила трогательное сліяніе тенденцій Шевыревской статьи съ отраженнымъ блескомъ жандармской канцеляріи, о коемъ я говорилъ въ 1-й части настоящей статьи. Травля и свистки по адресу «Москвитянина» перешли по наслѣдству отъ Бѣлинскаго и Герцена къ Панаеву, Некрасову и Дружинину въ «Современникѣ» и къ другимъ западникамъ изъ «Отечественныхъ Записокъ». Оба журнала, по свидѣтельству Анненкова[1]), «старательно поддерживали послѣ смерти Бѣлинскаго полемику съ славянофилами, не давая совершенно погаснуть огоньку, который нѣкогда освѣщалъ такъ ярко положеніе литературныхъ партій и помогалъ скрытному обмѣну политическихъ идей между ними. Извѣстно, что Бѣлинскій къ концу своего поприща склонялся признать разумность нѣкоторыхъ положеній своихъ противниковъ, но продолжатели его не хотѣли и слышать о какихъ либо уступкахъ. По-своему они были правы. При томъ гнетѣ, который лежалъ на печати, единственная возможность заявить себя бодрымъ еще и дѣйствующимъ организмомъ заключалась для журналистики въ возобновленіи старой литературной полемики».

Изъ этихъ словъ Анненкова мы видимъ, что борьба партій шла подъ флагомъ борьбы съ славянофильствомъ, къ которому ради удобствъ возраженій и антитезъ былъ присоединенъ и «Москвитянинъ», не пользовавшійся, однако, уваженіемъ славянофиловъ и не вызывавшій самъ по себѣ ихъ принципіальнаго согласія. Я уже говорилъ выше, что между славянофильствомъ и партіей офиціальной народности было мало тождественнаго въ основахъ этихъ ученій. Гдѣ въ одномъ случаѣ все было основано на свободѣ, въ другомъ на принужденіи и полицейской опекѣ. Но такъ какъ спорить противъ того, что пользовалось покровительствомъ и санкціонировалось бюрократическими канцеляріями, было неудобно, то въ видахъ полемической политики обѣ школы подводились подъ одинъ знаменатель и имъ обѣимъ, однимъ разомъ, наносились нужные удары. Поэтому-то, воюя съ славянофильствомъ, заодно ужъ упоминали и «Москвитянинъ» Погодина, въ коемъ иногда, по необходимости, славянофилы помѣщали свои статьи, благо для обобщенія были во всякомъ случаѣ многочисленныя внѣшнія точки соприкосновеній. Г. Венгеровъ уже отмѣтилъ, что нападенія западниковъ начала 1850 годовъ и ихъ полемическіе выпады дѣлались съ «сектантскою тупостью» и «партійною недобросовѣстностью». Этими же свойствами отмѣчены были отзывы и уколы западниковъ по адресу «молодой редакціи Москвитянина», которой несомнѣнно мстили за одну ужъ

---

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1882 г., 1886 г.

ея причастность къ журналу Погодина и ея готовность признать соціальныя и политическія формулы московскаго профессора. Мы уже видѣли, что наиболѣе даровитый въ области теоретическаго обсужденія вопросовъ, Ап. Григорьевъ, дѣйствительно въ душѣ признавалъ Погодина своимъ «политическимъ вождемъ»; въ своихъ же статьяхъ онъ совершенно не касался сферы общественныхъ вопросовъ, но яростно нападалъ на западническій лагерь, на почвѣ вопросовъ этическихъ, философскихъ, научныхъ, безъ достаточнаго, однако, выясненія и анализа составныхъ частей западничества. Его голосу вторили и остальные члены «молодой редакціи», такъ что хоръ журнальный получался дружно-спѣвшійся, звонкій и голосистый. Западникамъ Петербурга пришлось перейти изъ положенія нападающихъ въ положеніе оборонительное и перенести споръ изъ области, гдѣ на ихъ сторонѣ была сила, то-есть изъ области общественныхъ вопросовъ въ область гдѣ они были слабѣе, то-есть на почву литературно-эстетическую и этическую. Конечно, Галахову и Зотову въ «Отечественныхъ Запискахъ» и Панаеву съ Дружининымъ въ «Современникѣ» была несовсѣмъ подъ силу борьба въ новомъ ея фазисѣ, почему и кажущаяся побѣда была на сторонѣ «Москвитянина». Петербургская литература взяла свое и отплатила московской только нѣсколько лѣтъ спустя, когда Погодину и приснымъ его пришлось жутко отъ пронзительныхъ свистковъ «рыцарей свистопляски» и остроумныхъ эпиграммъ Конрада Лиліеншвагера, но въ 1851 г. сила звуковъ была на сторонѣ «Москвитянина», и памфлеты Эраста Благонравова мѣтко били въ цѣль.

Отвѣты западниковъ были вялые, удары Погодинскому журналу слабые. Такъ «Отечественныя Записки», стремясь дискредитировать въ глазахъ читателей «Москвитянинъ», писали:

«Ясно, что у «Москвитянина» двѣ редакціи: новая, доставляющая статьи, и старая, прибавляющая къ нимъ отъ себя нѣсколько словъ, редакція примѣчаній и выносокъ. Немудрено, что при такомъ двойствѣ и мнѣнія часто двоятся. Только этимъ и можно объяснить странныя противорѣчія въ нѣдрахъ одного и того же журнала. Иначе какъ понять, что журналъ посвящаетъ четыре листа разбору «Современника» и тотъ же журналъ жалѣетъ, что долженъ отдать нѣсколько страницъ такому предмету? Какъ понять, что «Отечественныя Записки», въ которыхъ «Москвитянинъ» нашелъ не только замѣчательныя, но и прекрасныя статьи, исключается тѣмъ же «Москвитяниномъ» изъ круга русской словесности?.. Впрочемъ, противорѣчія самая обыкновенная вещь въ «Москвитянинѣ», который готовъ помѣщать все ради безпристрастія».

По поводу же «Сна» Благонравова журналъ Краевскаго замѣчалъ: «въ статьѣ нѣтъ ни складу ни ладу», «въ авторѣ при отсутствіи остроумія есть величайшее наслажденіе своимъ остроуміемъ».

Въ такомъ же меланхолическомъ духѣ иронизировалъ и «Современникъ», и главнымъ образомъ устами «новаго поэта», подъ каковымъ именемъ писали Панаевъ, Некрасовъ и Гаевскій [1]); главный

---

[1]) «Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей» В. Карцова и М. Мазаева.

тонъ давался Панаевымъ и въ полемикѣ 1851 г., кажется, онъ одинъ подписывался этимъ псевдонимомъ. Въ своемъ обозрѣніи «Москвитянина» за этотъ годъ фельетонистъ «Современника» писалъ:

«Самымъ оригинальнымъ изъ нашихъ журналовъ я считаю «Москвитянинъ», потому что онъ имѣетъ не одну редакцію, какъ это обыкновенно бываетъ, а двѣ: молодую и старую, которыя между собою не имѣютъ ничего общаго. Если, напримѣръ, молодая редакція хвалитъ какое нибудь произведеніе, то старая тутъ же сдѣлаетъ выноску и удивляется, какъ можно хвалить такое произведеніе!... Не оригинально ли это?... Старая редакція отличается лаконизмомъ и утонченною вѣжливостью, чему служатъ въ особенности доказательствомъ рецензіи ея на молодыхъ русскихъ историковъ. Она объясняется такимъ афористическимъ языкомъ: «Москвитянинъ любитъ, уважаетъ справедливость. Что дѣльно, то дѣльно. Давайте только доказательствъ. Истина прежде всего. «Москвитянинъ» готовъ помѣстить всякую похвалу хорошему сочиненію, лишь бы она не состояла изъ возгласовъ пристрастныхъ. Съ другой стороны, «Москвитянинъ» готовъ помѣстить и всякое порицаніе, лишь бы оно сопровождалось доказательствомъ». Редакціей «Москвитянина» я не дорожу, но я дорожу существеннымъ журнала, основаннаго на такихъ началахъ!... Молодая редакція отличается большою незрѣлостью. Ея важный тонъ, ничѣмъ не оправдываемый, претензія на новые взгляды въ искусствѣ, желаніе прослыть основательницей новыхъ литературныхъ понятій — все показываетъ, что эта редакція очень нова и молода. Она преимущественно занимается библіографическимъ отдѣломъ и подъ небольшими своими рецензіями подписываетъ разныя буквы: Г. О. Е... Эти господа Г. О. Е. съ важностью толкуютъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ о чемъ-то совершенно новомъ и неизвѣстномъ: о художественности произведеній, о томъ, «что въ истинно-художественныхъ произведеніяхъ мысль, лежащая въ основаніи, зачинается не въ головѣ автора, не въ видѣ отвлеченной сентенціи, а въ живыхъ образахъ», что въ этихъ живыхъ образахъ мысль должна быть ясна и прозрачна; что другое необходимое условіе художественности состоитъ въ воспроизведеніи жизни во всей ея непосредственной простотѣ и чистотѣ представленій. Всѣ эти новые взгляды и воззрѣнія слово въ слово можно найти въ одномъ изъ нашихъ журналовъ сороковыхъ годовъ»...

Отмѣтивъ далѣе фельетонъ Эраста Благонравова, признавъ, что онъ писанъ по адресу «Современника», и не найдя въ немъ желаннаго остроумія и сарказма, рецензентъ продолжаетъ:

«Старая редакція «Москвитянина», однако, не хочетъ, кажется, ни въ чемъ, уступать молодой. Молодая редакція помѣстила что-то въ родѣ фельетона, о которомъ мы сейчасъ говорили, и старая—принялась за фельетонную литератуту въ томъ же № 7. Старая редакція объявляетъ, что она живетъ уединенно, на полѣ, и только два раза бываетъ въ городѣ: 1 и 15 чиселъ; что она видѣла альбомъ Олеарія, просившаго (вѣроятно) всѣхъ начальниковъ въ странахъ, черезъ которыя проѣзжалъ онъ, писать ему на память что нибудь, и что русскіе люди вписывали въ этомъ альбомѣ одни изреченія изъ св. писанія. При видѣ этого альбома, старая редакція замѣтила: «русскій человѣкъ, я чай, получивъ такое приглашеніе, подумалъ: на что нѣмцу его рука или память, нѣтъ ли здѣсь подлогу... Подумалъ русскій человѣкъ и подмахнулъ: блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ и тому подобное». Старая редакція объясняетъ также, что у нея 11 марта былъ литературный вечеръ, на которомъ граф. Ростопчиной угодно было прочесть драму въ стихахъ, что на этомъ вечерѣ были гг. Іорданъ, Филипповъ, Садовскій и Щепкинъ, что 19 марта она была на обильномъ обѣдѣ, данномъ въ честь Айвазовскаго и Іордана»...

Этотъ сатирическій отзывъ о «Москвитянинѣ» по существу правиленъ и достаточно обстоятельно обрисовываетъ обѣ редакціи съ ихъ специфическими особенностями, но нельзя при этомъ не отмѣтить, что если существо схвачено вѣрно, то самая форма сатиры выражена слабо и вяло. Вспомнимъ, какъ тонко подсмѣивался надъ тѣмъ же «Москвитяниномъ» Герценъ, и сравнимъ съ нынѣшней сатирой Панаева; невольно чувствуешь, что изъ журнала убыла крупная сила, и на мѣстѣ ея водворилась посредственность! Посмотримъ же теперь, какимъ орудіемъ отражалъ нападки врага молодой «Москвитянинъ» и какой наступательной тактики онъ держался.

XVIII.

Молодая редакція «Москвитянина» боролась съ своими петербургскими недругами преимущественно въ отдѣлѣ обозрѣній журналовъ. Главными застрѣльщиками въ этомъ направленіи были Эдельсонъ и Григорьевъ, въ особенности послѣдній. Островскому принадлежитъ одна характерная фраза, брошенная имъ въ рецензіи на «Тюфякъ» Писемскаго [1]) въ его отдѣльномъ изданіи. Какъ бы уязвляя петербургскую критику за ея публицистическій оттѣнокъ, онъ восклицаетъ: «Богъ съ ней, съ этой политической экономіей: то ли дѣло міръ художественный съ его затѣями, съ его образами полными смысла и граціозности»...

Поднимая брошенную «Отечественными Записками» перчатку, Эдельсонъ иронизировалъ надъ петербургскимъ журналомъ:

«Въ томъ, что говоритъ критикъ о «Москвитянинѣ, намъ показалась не совсѣмъ умѣстными тонъ его и постоянное сравненіе съ собою. Если, какъ говоритъ самъ критикъ, «Москвитянинъ» хочетъ во многихъ отношеніяхъ сравниться съ толстыми журналами, т. е., по его мнѣнію, улучшиться, то какимъ образомъ это можетъ быть непріятно критику «Отечественныхъ Записокъ»? А это чувство не скрыто въ тонѣ замѣчаній. Далѣе, если «Отечественныя Записки» давно хороши, а «Москвитянинъ» только начинаетъ толстѣть, то неужели въ нормально устроенномъ человѣкѣ, или журналѣ, такое явленіе способно вызвать только сравненіе съ самимъ собою и самоудовлетвореніе. Мы поговоримъ еще при случаѣ объ этой статьѣ. Нельзя не сознаться пока въ справедливости одного замѣчанія, что «Москвитянинъ» въ послѣднее время точно удѣлялъ мало мѣста родной исторіи! Мы сознаемся, но вмѣстѣ спросимъ, а когда это было наоборотъ, почему тогда петербургскіе журналы не отдавали ему справедливости? Въ послѣдніе два года въ изданіи «Москвитянина» приняли участіе многіе новые литераторы (и число ихъ съ каждымъ мѣсяцемъ увеличивается), которымъ редакторъ уступилъ мѣсто. А касательно матеріаловъ историческихъ всякаго рода онъ можетъ снабжать ими всѣ петербургскіе журналы. При настоящемъ распространеніи «Москвитянина—русская исторія займетъ, разумѣется, прежнее мѣсто».

Эдельсонъ, по свойству своего абстрактнаго мышленія, не былъ склоненъ къ рѣзкой полемикѣ. Въ этомъ отношеніи Григорьеву

---

[1]) «Москвитянинъ», 1851 г., апрѣль.

былъ болѣе сродственъ полемическій пылъ и задоръ. Онъ во всѣхъ литературныхъ обозрѣніяхъ задѣваетъ петербургскую журналистику и не скупится на щелчки и полемическіе комплименты. Разбирая составъ книжки журнала «Библіотека для Чтенія», онъ спѣшитъ замѣтить: «Вліянія на литературу, при всѣхъ неоспоримыхъ достоинствахъ, учености, остроуміи главнаго издателя, онъ не имѣетъ никакого, по отсутствію направленія, слѣдовательно, нѣтъ особой нужды противодѣйствовать тому, что въ немъ высказывается». Съ большимъ жаромъ онъ полемизируетъ съ «Современникомъ» и дѣлаетъ рядъ сердитыхъ замѣчаній Новому Поэту.

«Въ самомъ дѣлѣ,—спрашиваетъ онъ въ 13 № «Москвитянина»,—почему повторяется постоянно одинъ и тотъ же фактъ: извѣстное направленіе вопіетъ сначала неистово противъ всего ему предшествовавшаго—во имя чего-то новаго, а потомъ, когда истощитъ все, что въ этомъ новомъ было справедливаго, пустится въ крайности,—застынетъ или, лучше сказать, окаменѣетъ въ нихъ и позоритъ все некрайнее именемъ новаго, молодого и т. д. Во-первыхъ,—что за бѣда, если положенія новы, были бы они истинны; потомъ,—зачѣмъ упрекать въ претензіи на новость то, что этой претензіи не имѣетъ».

Защищая далѣе свои излюбленныя словечки: «художественность», «искренность», и эпитетъ «новый», онъ говоритъ: «Мы уже разъ объявили, что не провозглашаемъ новаго—не потому, впрочемъ, чтобы вооружались противъ новаго дѣльнаго, а отстаиваемъ изъ стараго то, что было въ немъ справедливаго, что таковымъ остается, и что напрасно забывается. Мы рѣшились, однимъ словомъ, проходить зады съ современной критикой». Отвѣчая непосредственно новому поэту, критикъ «Москвитянина» писалъ:

«Редакція журнала, конечно, должна быть органическимъ цѣлымъ, т.-е. состоять изъ личностей, болѣе или менѣе связанныхъ убѣжденіями, но все-таки она состоитъ изъ личностей. Каждая изъ этихъ личностей имѣетъ свой оттѣнокъ и вправѣ имѣть его. Что за деспотическій уровень, нивелирующій все, стирающій всѣ различія, что за темная сила кружка, который кладетъ на все одно клеймо, что за стереотипные взгляды? Г. Новый Поэтъ не можетъ не видѣть, что если есть что либо новое въ нашихъ воззрѣніяхъ, такъ это именно старая вражда къ темной силѣ кружковъ, и точно столько же старая любовь къ правдѣ. Это старое, дѣйствительно, должно казаться новымъ г. Новому Поэту».

Слѣдя внимательно за каждымъ промахомъ «Современника», давая ему постоянно отповѣди и трепки, молодая редакція «Москвитянина» не упускала изъ виду и «Отечественныхъ Записокъ» и иногда очень удачно поднимала на смѣхъ и пришпиливала къ позорному столбу журналъ Краевскаго. Такъ, когда тамъ появилась довольно пошленькая статейка «Раекъ», гдѣ авторъ отнесся съ глумленіемъ къ посѣтителямъ дешевыхъ мѣстъ театра, рецензенты «Москвитянина» немедленно воспользовались этимъ случаемъ, чтобы обличить гнилую тенденцію петербургскихъ журналистовъ. «Трудно представить себѣ,—читаемъ мы въ апрѣльской книжкѣ московскаго журнала,—какое странное и вмѣстѣ непріятное впечатлѣніе дѣлаютъ

подобныя статьи, когда становятся ясными всѣ побужденія писавшаго... и все презрѣніе, которое питаетъ авторъ къ тому народонаселенію, которое за гривенникъ наслаждается театральными зрѣлищами... Бѣдные посѣтители райка, какъ вы раскритикованы! Мы бы, конечно, не остановились такъ долго на этомъ пустомъ разсказѣ, если бы не замѣтили въ немъ направленія крайне непріятнаго, къ несчастію, довольно распространеннаго у насъ въ литературѣ».

Но эти замѣчанія были для петербургской журналистики лишь цвѣточки полемики—ягодки появились позднѣе, а именно въ произведеніяхъ Эраста Благонравова, каковымъ именемъ подписывался Б. Алмазовъ. Приготовляясь двинуться въ бой съ западниками, онъ заранѣе счелъ нужнымъ подготовить къ этому Погодина и писалъ ему:

«Я чувствую въ себѣ непреодолимое желаніе ругаться и драться со всѣмъ, что есть пришлаго, басурманскаго въ нашей литературѣ и нашей жизни. Меня не запугаютъ никакія нападки моихъ будущихъ противниковъ. Мнѣ всегда слышится и зажигаетъ меня и раззадориваетъ великое энергическое изреченіе Ломоносова: я на борьбу съ врагами наукъ россійскихъ жизнь мою обрекаю. Вотъ кличъ, по которому должно воспрянуть младшее поколѣніе. Знаю, что ежели я объявлю войну лѣвой сторонѣ и лѣвому центру, на меня накинутся всѣ, и что даже люди, которыхъ я душевно люблю и которые мнѣ отвѣчаютъ тѣмъ же, отвернутся отъ меня... Вы видите, что я не боюсь никого. Но ежели статью мою исковеркаетъ и разводянитъ цензура—и мой первый блинъ выйдетъ комомъ, тогда прошу извинить: я ретируюсь съ поля битвы. Какъ мнѣ будетъ бороться съ врагами наукъ россійскихъ, когда мечъ мой на первыхъ порахъ притупитъ цензура, и первый ударъ его никого не обрѣжетъ».

Произведеніе, о которомъ предувѣдомлялъ Погодина его сотрудникъ, было доставлено въ редакцію и напечатано въ апрѣльской книжкѣ журнала подъ заглавіемъ: Сонъ по случаю одной комедіи. Драматическая фантазія, съ отвлеченными разсужденіями, патетическими мѣстами, хорами, танцами, торжествомъ добродѣтели, наказаніемъ порока, бенгальскимъ огнемъ и великолѣпнымъ спектаклемъ.

XIX.

Какого нибудь цѣльнаго содержанія, послѣдовательно развертывающагося дѣйствія въ памфлетѣ Алмазова собственно не было; это была нѣсколько растянутая фантазія, гдѣ во всякой строкѣ заключалась «шпилька для петербургской литературы», и гдѣ авторъ «всѣмъ нашимъ западнымъ ученымъ и литераторамъ бросалъ по перчаткѣ»; здѣсь вышучено направленіе петербургской беллетристики, свѣтскость ея, чопорность, французоманія, а также полемическіе пріемы западнической журналистики и критиковъ «Современника» и «Отечественныхъ Записокъ».

«Какой энергичный и оригинальный характеръ носитъ ихъ полемика!—восклицаетъ о петербургскихъ критикахъ авторъ. Какой прекрасный тонъ въ ней господствуетъ! Осмѣивая плохихъ писателей или своихъ литературныхъ противниковъ, они не ограничиваются тѣмъ, что безпощадно глумятся надъ ихъ произведеніями, но издѣваются также надъ ихъ личностями,—описываютъ ихъ домашній бытъ, разсказываютъ про нихъ анекдоты, вовсе не касающіеся литературы, разсказываютъ всѣ ихъ сокровенныя дѣла, и такимъ образомъ уничтожаютъ ихъ совершенно. Часто, не называя ихъ по имени, они распускали о нихъ самые оскорбительные слухи, говорили имъ такія дерзости, какихъ ни одинъ стоикъ перенести не можетъ; описывали всѣ ихъ семейныя отношенія и исчисляли всѣ ихъ домашнія и семейныя провинности».

Указавъ, что въ дѣйствующей литературѣ Петербурга имѣется пять энергическихъ личностей, дающихъ тонъ журналистикѣ, онъ иронически говоритъ, что они, вѣдь, дѣлаютъ это не изъ охоты «поглумиться и потрунить, не отъ нечего дѣлать, не отъ скуки», а изъ «глубокой, могучей ненависти къ порокамъ, не изъ непомѣрнаго желанія истребить ихъ (т. е. журналы иного направленія), а изъ безпредѣльной любви къ ближнему». Замѣтивъ въ заключеніи, что за настоящій памфлетъ «энергическія личности» Петербурга набросятся на него и его единомышленниковъ съ пѣной бѣшенства у рта, онъ бросаетъ вызовъ: «Но, нѣтъ, дѣлайте со мною, что хотите... я не боюсь васъ... я жертвую собой для общей пользы... Есть между вами одинъ господинъ, который большой мастеръ трунить надъ посѣтителями и бойко пишетъ пародіи на ихъ произведенія! Чѣмъ ему губить всѣхъ плохихъ писателей, пусть лучше губитъ одного меня. Пусть идетъ на бой со мной!

Рѣшимъ войну единоборствомъ,
Пускай одинъ изъ насъ падетъ.

«До свиданія, великія, энергическія личности! до свиданія!»

Въ слѣдующей книжкѣ журнала Погодинъ напечаталъ отъ себя редакціонное разъясненіе къ «Сну», гдѣ писалъ: «На святой недѣлѣ донеслись до меня разные толки и даже неудовольствія по поводу статьи Сонъ. Поневолѣ вспомнишь слова Гоголя: напиши у насъ что нибудь о такомъ-то коллежскомъ ассесорѣ, и тотчасъ всѣ коллежскіе ассесоры, со всей Россіи, оскорбятся, откликнутся и выразятъ свое неудовольствіе. А между тѣмъ, эти же господа кричатъ о гласности!..». Въ этой же книжкѣ напечатано «Письмо отъ неизвѣстнаго къ редактору Москвитянина», гдѣ юмористически значилось:

«М. Г.! Узналъ я отъ Михаила Васильевича, что у васъ въ Москвитянинѣ печатается статья подъ названіемъ «Сонъ», по случаю одной комедіи. Я прочелъ эту гнусную статью, и мнѣ сейчасъ же пришло въ голову, что вѣрно всѣ подумаютъ, что эту статью написалъ я. И дѣйствительно, всѣ теперь думаютъ, что эту статью написалъ я. Но, ей-Богу, эту статью не я написалъ, а написалъ ее, должно быть, кто нибудь другой, который мнѣ даже совсѣмъ и не родня. Сдѣлайте

милость, возьмите на себя трудъ объявить всѣмъ, что эту статью написалъ не я. Кто бы у васъ ни спросилъ о томъ, кто написалъ эту статью,—говорите, что не я—такъ-таки и скажите: это, молъ, не онъ,—это другой...».

Въ майскомъ № было напечатано продолженіе «Сна», написаннаго въ томъ же балаганно-полемическомъ духѣ, а въ послѣдующемъ вторичное разъясненіе Погодина, гдѣ онъ выгораживаетъ и какъ бы старается оправдать своего сотрудника, относясь лично къ нему нѣсколько свысока и милостиво-снисходительно:

«О статьяхъ Благонравова,—писалъ онъ,—все еще ходятъ разные толки въ литературныхъ кружкахъ московскихъ. Редакція объяснила, почему она напечатала первую статью: въ дополненіе скажетъ, пожалуй, нѣсколько словъ и о прочихъ. Авторъ хотѣлъ, кажется, показать шутя, что всякое мнѣніе, всякое положеніе, всякое пристрастіе, всякое направленіе, бывъ доведено до крайности, становится смѣшнымъ, каррикатурнымъ: въ этомъ смыслѣ онъ влагаетъ въ уста любителя славянскихъ древностей (гдѣ я нашелъ много своихъ мыслей и выраженій), любителя западныхъ литературъ, филолога и проч., рѣчи, коихъ первая половина похожа на правду, а вторая состоитъ почти изъ нелѣпостей. Точно такую же рѣчь говоритъ онъ и отъ себя, оканчивая утвержденіями, ни съ чѣмъ несообразными. Такихъ утвержденій никто на свой счетъ принять не можетъ,—они выдуманы,—и сердиться, слѣдовательно, за статью такого рода не только странно, но смѣшно. Статьи забавны—что же болѣе для смѣси? Статьи предостерегаютъ отъ увлеченій, отъ крайностей, отъ утрировокъ, какъ говорится поварварски, чего же болѣе для литературной морали».

Официальныя оправданія Алмазова передъ читателями и признаніе за его твореніями только смѣхотворнаго значенія вызвали со стороны послѣдняго неудовольствіе, и онъ счелъ долгомъ послать Погодину письмо, гдѣ говорилъ:

«Вы пишете, что среди рѣчи можно промолвиться, но что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ. Да! это правда, но въ половину, отъ того, что среди рѣчи можно промолвиться, я и удерживаюсь отъ крупныхъ разговоровъ словесныхъ, чтобы не сказать лишняго; но то, что написано, то удобно вырубается топоромъ цензуры и редакціи. Вы желаете мнѣ счастія въ семейной жизни. Я никогда не сомнѣвался въ вашемъ расположеніи. Вы говорите, что желаете, чтобъ дѣти мои не были такія, которыя... Я хорошенько не знаю, каковы будутъ мои дѣти, но знаю только, что они будутъ похожи на меня... Я говорю о плотскихъ дѣтяхъ, которыхъ я буду производить безъ помощи цензуры. Вѣрно не буду въ нихъ такъ несчастливъ, какъ въ моихъ духовныхъ дѣтяхъ (разумѣю мои творенія), которыхъ не признаю законными, ибо ихъ помогаетъ мнѣ дѣлать цензура, насадившая мнѣ рога. Какъ послѣ такого позора мнѣ не развестись съ музой, которая осквернила мнѣ ложе. Не знаю, съ горя или отъ простуды я боленъ: мнѣ душно здѣсь: я въ лѣсъ хочу! въ деревню, въ деревню! Я чувствую, что я серьезно боленъ: желчь разлилась, вчера меня рвало желчью. Докторъ не велитъ никуда выходить! Вотъ до чего довело меня мое краткое пребываніе въ здѣшней столицѣ!»

Испытывая непріятности отъ цензуры и редакторскаго карандаша на судьбѣ своихъ прозаическихъ произведеній, Алмазовъ еще болѣе огорчался, видя искалѣченными въ печати свои стихотворенія. Такъ, рѣшивъ напечатать въ октябрьскомъ № «Стихотворенія Эраста Благонравова», гдѣ онъ вышучивалъ пародіи Новаго

Поэта, давалъ антипародіи и въ одномъ подъ заглавіемъ «Журналистика» рисовалъ даже достаточно прозрачную каррикатуру на хозяевъ «Современника» — Панаева и Некрасова, онъ былъ немало огорченъ, увидавъ это стихотвореніе на страницахъ «Москвитянина» въ измѣненномъ видѣ. Въ рукописи значилось:

. . . .
Дорогую наймешь ты квартиру,
Съ моднымъ свѣтомъ знакомство сведешь;
Залетишь ты въ опасную сферу —
Закружишься, — морально падешь

—

И забудешь святое призванье,
Отъ науки себя отдалишь
И запустишь журнала изданье
И талантъ свой уронишь, заспишь...
. . . .
. . . .
И схоронишь въ сырую могилу,
Какъ пройдешь ты печальный свой путь,
На пирахъ истощенную силу,
Коньякомъ изсушенную грудь...

Въ печати послѣдняя строка была измѣнена, и значилось:

Бдѣніемъ изсушенную грудь.

Это нескладное бдѣніе вмѣсто коньякъ вывело изъ себя Алмазова, и онъ разразился бурнымъ письмомъ къ редактору.

«Изъ бывшаго моего стихотворенія исключено четыре стиха, и такъ ловко, что не выходитъ смысла,—писалъ онъ.—Отъ того сія статья потеряла силу. Панаевъ будетъ торжествовать: ему будетъ очень легко глумиться надъ моимъ изуродованнымъ стихотвореніемъ. Впрочемъ, я передъ нимъ стихотворенія этого защищать не стану, оно не мое: оно принадлежитъ вамъ и г. цензору Ржевскому. По-настоящему, вы бы и должны были его защищать, но, если поступите иначе,— и я увѣренъ, что въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ вы отречетесь отъ всей моей статьи (вы уже это дѣлывали съ прежними моими статьями, презрительно отзываясь о нихъ въ подстрочныхъ и неподстрочныхъ замѣчаніяхъ). Но подобныя ваши выходки меня нисколько не огорчаютъ, потому что не стѣсняютъ. Но огорчаетъ меня то, что вы такъ энергически дѣйствуете противъ меня заодно съ цензурою. Цензоръ пропускаетъ, а вы не пропускаете. Дѣлайте, какъ знаете! Досадно то, что моя дѣятельность рѣшительно должна прекратиться. Я не могу работать въ кандалахъ, которые вы съ цензоромъ на меня надѣваете... Бросаю литературу... съ первымъ путемъ ѣду въ деревню; у меня въ перспективѣ остается только семейная жизнь. Былъ у цензора. Насчетъ пиджаковъ и фраковъ онъ велѣлъ вамъ сказать, что это ваше дѣло, и предоставляетъ на вашу волю пропустить или нѣтъ. Онъ единственно потому отмѣтилъ краснымъ карандашомъ, что думалъ, что вамъ не понравится, ибо вы ему разъ жаловались на Колошина. Но я его убѣдилъ: растолковалъ, что нѣтъ ничего общаго у меня съ Колошинымъ: онъ казнилъ лица, а я направленія».

Не желая расходиться съ Алмазовымъ, который во всякомъ случаѣ своими памфлетами и пародіями создавалъ успѣхъ въ публикѣ

«Москвитянину» и заставлялъ о немъ говорить, Погодинъ обратился за содѣйствіемъ къ посредничеству Т. И. Филиппова, но и этотъ сердито отвѣчалъ ему:

«Вы пишете: растолкуйте горячкѣ, это такъ должно было. Растолковать это Алмазову никто изъ насъ не возьмется: мы всѣ, то-есть я, Островскій и Эдельсонъ, крайне недовольны вашимъ поступкомъ и оскорблены не меньше Алмазова. Горячкой нельзя назвать его досаду на ваше нерасположеніе; понятно, что человѣкъ, который вступилъ въ полемику съ такимъ жаромъ и безкорыстіемъ и потому съ желаніемъ успѣха своему дѣлу, огорченъ рѣшительнымъ искаженіемъ одной изъ лучшихъ своихъ пародій: журналистика его потеряла смыслъ, бдѣніемъ вмѣсто коньякомъ — это выше силъ».

XX.

Но если Алмазовъ и его друзья имѣли нѣкоторое основаніе жаловаться на цензурное и редакторское искаженіе произведеній сатирика, то и Погодинъ не оставался внѣ воздѣйствій и давленій со стороны цензурной власти, и уже по поводу «Письма Благонравова» цензоръ Ржевскій писалъ Погодину: «Письмо Благонравова» я сейчасъ подписалъ, хотя и удивлялся, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, что вы согласились помѣстить его въ журналѣ. Вѣдь тутъ уже просто брань! Воръ и пьяница повторяются безпрестанно. Пусть бы на петербургскихъ журналахъ однихъ лежалъ укоръ въ употребленіи такихъ выраженій. Алмазова нужно было бы поудержать». По поводу 2-й части «Сна» цензоръ писалъ редактору «Москвитянина» уже болѣе рѣшительно:

«Будучи увѣренъ, почтеннѣйшій Михаилъ Претровичъ, что вы сами столько же, сколько и я, желаете, чтобы статьи Москвитянина не подавали повода къ замѣчаніямъ и неудовольствіямъ, я буду покорнѣйше просить васъ прочесть со вниманіемъ новую статью г. Алмазова. Не смотря на данную имъ подписку, во второй статьѣ своей онъ позволилъ себѣ нѣкоторыя личности, которыя для меня были непонятны, но были очень ясны для людей, болѣе знакомыхъ съ здѣшними литераторами и профессорами. Такъ, напримѣръ, въ ней находились ясные намеки на профессора Грановскаго и проч. Вамъ легче моего будетъ видѣть, есть ли въ новой его статьѣ что нибудь, что можетъ относиться исключительно къ одному какому нибудь лицу. Послѣ статьи о Раутѣ надо быть поосторожнѣе; частыя жалобы на Москвитянина могутъ повредить ему. Успѣхъ первой статьи Алмазова, кажется, немного вскружилъ ему голову; опасно, чтобы онъ не увлекся и не вздумалъ обозначать *у* и *х* яснѣе, нежели сколько это позволительно».

Но наибольшее цензурное неудовольствіе возбудила поэтическая дѣятельность Алмазова и перепечатка извѣстной Некрасовской «Колыбельной пѣсни», приведенной имъ въ своемъ стихотворномъ фельетонѣ, какъ образецъ профанаціи литературы и грубости. Эта перепечатка не понравилась въ Петербургѣ, и министръ народнаго просвѣщенія писалъ начальнику московской цензуры:

«Въ № 19 и 20 Москвитянина перепечатано изъ изданнаго въ 1846 г. г. Некрасовымъ «С.-Петербургскаго Сборника» стихотвореніе, подъ заглавіемъ:

«Колыбельная пѣснь» (подражаніе Лермонтову). Стихотвореніе это, по предосудительности своего содержанія, обратило тогда же на себя вниманіе правительства, и вслѣдствіе того сдѣланъ былъ, за пропускъ онаго въ Сборникѣ, строгій выговоръ. Хотя о семъ обстоятельствѣ и не было сообщено Московскому цензурному комитету, но не менѣе того цензоръ Ржевскій не могъ не замѣтить крайней неприличности содержанія и выраженій упомянутаго стихотворенія, и потому при нынѣшнихъ, еще болѣе строгихъ требованіяхъ, цензоръ никакъ не долженъ былъ допустить онаго къ печати. Посему я прошу покорнѣйше поставить это на видъ цензору Ржевскому и сдѣлать ему надлежащее внушеніе, чтобы онъ былъ на будущее время къ исполненію своихъ обязанностей повнимательнѣе».

По полученіи выговора, Ржевскій писалъ Погодину: «Сегодня въ Комитетѣ получена бумага, заключающая выговоръ мнѣ за пропускъ пародіи Некрасова, и потому, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, не излишне было бы намъ съ общаго согласія удвоить предосторожность».

Тѣснимый цензурою, ругаемый и упрекаемый сотрудниками, редакторъ-издатель «Москвитянина» терялъ спокойствіе, впадалъ въ отчаяніе и однажды, въ такомъ пессимистическомъ настроеніи, послалъ чрезвычайно для него характерное письмо кн. Вяземскому.

«Дніе зли суть,—писалъ онъ,—но тѣ дни, на которыхъ (надняхъ) вы хотѣли послать вашу богатую милость Москвитянину, милостивый государь князь Петръ Андреевичъ... да умилосердятся они! По пяти статей выкидывается изъ книги, и я просто не знаю иногда, что дѣлать! и принужденъ выпускать книгу не полную и безобразную. То критики нѣтъ, то наукъ, то русской словесности! Слѣдовательно, про запасъ надо имѣть всегда помногу. И въ заключеніе всѣ эти хлопоты, вмѣстѣ съ литературными, надоѣдаютъ мнѣ столько, что я рѣшаюсь бросить все и засѣсть за одну исторію. Насъ, единомыслящихъ консерваторовъ съ прогрессами, очень мало, да и тѣ большею частію лѣнивы: Хомяковъ, Кирѣевскій, Павловъ и т. д. Шевыревъ занятъ, а молодые, очертя голову, и вовсе безъ головы напираютъ. Вы не знаете... найдется теперь множество людей, которые рады подошвы вырѣзать изъ своихъ сапоговъ, лишь бы я пересталъ быть редакторомъ Москвитянина, и чтобъ петербургскимъ журналамъ не было оппозиціи, чтобъ всѣ составляли одно. Тогда и увидятъ, что начнетъ сочиться, а gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo. Правительство наше съ этой стороны совершенно слѣпо, а эта сторона становится важнѣе и важнѣе со всякимъ днемъ. Пособія никакого я не прошу—сохрани Боже: это убьетъ журналъ, а я прошу довѣренности. Пусть разсмотрятъ двадцать пять лѣтъ моей публичной дѣятельности (что я писалъ и издавалъ), да и дадутъ мнѣ carte blanche. Тогда можно принести пользу и литературѣ, и общему дѣлу, и содѣйствовать прогрессу разумному—иначе невозможно. Все это вырвалось у меня невзначай въ письмѣ къ вамъ, потому что я знаю вашу искреннюю любовь къ просвѣщенію, я считаю все это гласомъ вопіющаго въ пустынѣ» и т. п.

Въ этомъ письмѣ, помимо всего прочаго, заключается одна чрезвычайно важная фраза—мнѣніе журналиста стараго закала о положеніи той части прессы, которая прибѣгаетъ къ «пособіямъ», или, какъ нынѣ говорится, къ субсидіямъ. «Пособія я никакого не прошу—оборони Боже: это убьетъ журналъ»,—утверждаетъ Погодинъ, человѣкъ, опытный въ журнальномъ дѣлѣ, видавшій виды на своемъ вѣку и притомъ корыстолюбивый, стремившійся всѣми

силами повыгоднѣе спустить въ казну свое древлехранилище. Онъ понималъ, что если вообще консервативная, охранительная печать никогда не пользуется сочувствіемъ читателей и общественнаго мнѣнія, то тѣмъ болѣе, если эта печать идетъ притомъ на денежномъ буксирѣ у правительства. Не то, чтобы Погодинъ былъ въ принципѣ противъ драгоцѣнной веревочки, нѣтъ, но онъ сознаетъ, что это «убьетъ журналъ», подорветъ къ нему уваженіе и довѣріе. Испытанный журналистъ-издатель почти полвѣка тому назадъ даетъ умное предостереженіе своимъ сотоварищамъ настоящимъ и будущимъ, предотвращая ихъ отъ такого шага, который дѣйствительно губилъ впослѣдствіи многихъ изъ журнальнаго міра, не бывшихъ столь дальновидными, какъ умница-московскій профессоръ. Но если Погодинъ въ данномъ случаѣ сумѣлъ избѣгнуть кривого пути, то все же онъ не сумѣлъ ступить на истинную журнальную большую дорогу, гдѣ люди всецѣло отдаютъ себя избранному дѣлу, кладутъ въ него всю душу, сродняются и съ нимъ, и съ тѣми, кто его двигаетъ. Издатель «Москвитянина» ставилъ все же свое изданіе на второй планъ, велъ его небрежно, а къ сотрудникамъ относился недоброжелательно, грубо и съ замашками эксплоататора грабителя. Сотрудники были для него тою вьючною силою, которую онъ считалъ долгомъ использовать какъ можно скорѣе и до послѣдней капли, съ тѣмъ, чтобы, по минованіи надобности, выбросить ихъ за редакціонный порогъ безъ любви и жалости. Благодаря такому отношенію къ дѣлу, «Москвитянинъ», несмотря на все интересное и прямо драгоцѣнное, что въ него вкладывали молодыя силы журнала, не имѣлъ успѣха и не завоевывалъ себѣ нужныхъ симпатій ни публики, ни писателей.

Главнѣйшею, однако, причиною его неуспѣха была неисправность выхода книжекъ и крайняя небрежность корректуръ. Старый пріятель Погодина, М. Дмитріевъ воспѣлъ даже въ стихахъ обычное запаздываніе «Москвитянина»:

Москвитянину привычно же
Вѣчно къ сроку опоздать!..

А въ другомъ стихотвореніи:

. . . . . Погодинъ
У Уварова въ гостяхъ!
Вотъ ужъ съ мѣсяцъ какъ разстался
И съ Москвой онъ, и со мной!
Москвитянинъ издавался,
Какъ умѣетъ, самъ собой!
Онъ привыкъ ужъ!—Соберется,
Въ типографію бредетъ,
Къ переплетчику плетется,
Послѣ въ лавку поползетъ!
Ждетъ, пождетъ его читатель,

Побранить, да и домой!
А почтеннѣйшій издатель,
Впрочемъ добрый мой пріятель,
Какъ ни выдалъ, съ рукъ долой!

И дѣйствительно, какъ свидѣтельствуетъ г. Барсуковъ, «Погодинъ, заживаясь въ Порѣчьѣ [1]), забывалъ о «Москвитянинѣ», передавши его на попеченіе молодой редакціи; но А. А. Григорьевъ взывалъ къ нему: «Пріѣзжайте ради Бога скорѣе. Мы здѣсь безъ васъ, какъ овцы безъ пастыря, да и притомъ ни одной овцы не доищешься. Хороши были бы мы редакторами».

Но, кромѣ грѣха запаздыванія, контора «Москвитянина» была виновна и въ крайней небрежности разсылки журнала, а также въ курьезныхъ пріемахъ выдачи его. Такъ, по этому предмету однажды Дмитріевъ писалъ Погодину:

Разсылая и выдавая Богъ вѣдаетъ по какому плану и по какой системѣ журналъ, контора не стѣснялась и съ доставкой оттисковъ сотрудникамъ, которые хоть въ этомъ одномъ видѣли себѣ маленькое вознагражденіе и удовлетвореніе за даровой трудъ на Погодина.

«За Москвитяниномъ два раза ѣздилъ, два раза посылалъ и того четыре. Что опоздалъ, я за это не въ претензіи: самъ знаю иногда причины. Но вотъ въ чемъ дѣло: отвѣчали, что выйдетъ въ пятницу, а въ среду выдали десять экземпляровъ Свѣшникову. Я поѣхалъ самъ, и сознаюсь, что задалъ нотацію вашему конторщику, потому что всѣ получатели должны быть равны: о чемъ онъ и донесетъ вамъ, а я предварительно увѣдомляю. Знаете ли, что они дѣлаютъ? Иногда лежатъ экземпляры, а они не выдаютъ; говорятъ, что это приготовлено только для знатныхъ лицъ, для Закревскаго и проч. Эти примѣры были. Я вамъ не жалуюсь, а пишу для вашего свѣдѣнія, потому, что неловко и вредно журналу».

Кромѣ неаккуратности разсылки, контора Погодина отличалась также грубостью своихъ отношеній къ сотрудникамъ, что вызывало естественный ропотъ послѣднихъ. По одному изъ такихъ инцидентовъ Ап. Григорьевъ писалъ Погодину: «Я къ вамъ съ жалобою не за себя, а за Н. В. Берга, на вашего конторщика. За какихъ жуликовъ считаетъ онъ насъ, что отказываетъ въ десяти цѣлковыхъ, нужныхъ для Мартынова—и тутъ же при словахъ о бумагѣ, вынимаетъ десять цѣлковыхъ. Согласитесь, что это крайне неприлично въ отношеніи къ намъ, какъ кажется, весьма безкорыстнымъ въ этомъ дѣлѣ. Ради Бога, избавьте насъ отъ отношеній съ подобнымъ субъектомъ—и всѣ денежныя дѣла ведите всегда съ нами лично».

Безпорядокъ и небрежность конторы доходили до того, что въ ней пропадали безслѣдно и рукописи. Такъ, Григорьевъ жаловался на исчезнованіе нѣсколькихъ главъ перевода Копперфильда. Ко всѣмъ этимъ существеннымъ издательскимъ и конторскимъ недостаткамъ «Москвитянина» присоединилось еще одно, ко-

---

[1]) Имѣніе гр. Уварова.

торое особенно отталкивало отъ него публику. Недостатокъ этотъ— колоссальныя опечатки, испещрявшія страницы журнала, которыя искажали смыслъ текста и вызывали ропотъ публики, сотрудниковъ и насмѣшки рецензентовъ. Погодинъ достаточно наивно-добродушно подшучивалъ надъ этими опечатками, называя ихъ «родимыми пятнышками» журнала, но такъ или иначе эти пятнышки рябили слишкомъ часто въ глазахъ и безобразили смыслъ содержанія. Ростопчина, напримѣръ, умоляла Погодина «не мѣнять произвольно словъ, что производитъ страшныя безсмыслицы: это чинятъ не наборщики, а грамотеи и лингвисты, прикомандированные къ редакціи»; М. Стасюлевичъ просилъ возстановить истинное свое имя, а арх. Іоаннъ протестовалъ противъ приписки ему такихъ сочиненій, коихъ онъ никогда не былъ авторомъ. Категоричнѣе всѣхъ и наиболѣе обстоятельно исчерпалъ внѣшніе дефекты «Москвитянина» въ своемъ письмѣ И. И. Березинъ, который вполнѣ справедливо и откровенно писалъ на этотъ счетъ Погодину: «У васъ,— писалъ онъ,—всегда много опечатокъ. Даже и другіе журналы стали вамъ подражать въ этомъ. Наружность Москвитянина не изящна, шрифты избитые и безобразные: вообще не худо бы вамъ подражать въ этомъ случаѣ Современнику, самому щегольскому русскому журналу. А то, что̀ у васъ за свинцовая обертка: вѣдь это только годится для чая!».

Такимъ образомъ, Погодинъ, хотя и успѣлъ, при помощи раздвоенія редакціи, внести на страницы журнала оживленіе и разнообразіе, не достававшія ему доселѣ, однако не сумѣлъ довести дѣло обновленія «Москвитянина» до конца. По скупости и несговорчивости, онъ и въ самомъ журналѣ, и за дверями редакціи чинилъ сотрудникамъ непріятности и обижалъ ихъ. Кромѣ того, по скупости же и небрежности онъ не рѣшился упорядочить внѣшній видъ журнала и придать ему нужное благообразіе, а также лучше организовать контору и экспедицію. Все это вмѣстѣ взятое не внушало симпатій къ журналу въ публикѣ и дозволяло конкуррентамъ отбивать у него и читателей и сотрудниковъ. Уже при мобилизаціи подписки на 1851 годъ мы встрѣчаемся съ многозначительными его письмами къ М. Максимовичу, гдѣ издатель пишетъ своему другу: «Москвитянинъ идетъ скверно, не знаю, что и дѣлать, и что за причина. Видишь самъ, что онъ улучшается, всѣ хвалятъ, а толку нѣтъ. До сихъ поръ (16 февраля) нѣтъ шестисотъ подписчиковъ, а деньги страшныя выдаются сотрудникамъ». А въ концѣ года, по завершеніи уже подписки (29 сентября), онъ опять пишетъ на ту же тему: «Грустно и тяжело писать къ тебѣ это письмо. Обстоятельства мои все хуже и хуже, хоть будущее и свѣтлѣетъ. Журналъ въ нынѣшнемъ году шелъ еще слабѣе: вмѣсто восьмисотъ пятидесяти не было и семисотъ пятидесяти. Я тянусь—и мочи не стаетъ. Разумѣется, это уже послѣдній опытъ». Запись же въ днев-

никѣ, при открытіи подписки (въ декабрѣ) на 1852 годъ, звучитъ полною тоскою: «Записка изъ конторы, что подписчиковъ только семь, и пріунылъ. Ну, если подписка окажется недостаточною, и я обанкручусь! Просить помощи—не приведи Богъ!».

Но въ 1852 году «Москвитянинъ» не обанкрутился и нашелъ въ себѣ силъ протянуть существованіе еще на нѣсколько лѣтъ, дѣлаясь съ каждымъ годомъ все скупѣе, экономнѣе и... скучнѣе. Петербургъ перетянулъ къ себѣ наиболѣе даровитыхъ и привлекательныхъ сотрудниковъ, какъ, напримѣръ, Писемскаго и Островскаго, и московскому профессору осталось только снова обратиться къ тѣмъ, которые составляли такой яркій контрастъ кратковременной блестящей и шумной «молодой редакціи» Москвитянина. Годъ 1856-й былъ годомъ агоніи и смерти; «Москвитянинъ» сошелъ по сцены, уступивъ въ Москвѣ первенствующее мѣсто двумъ народившимся изданіямъ—«Русскому Вѣстнику» М. Каткова и «Русской Бесѣдѣ» А. Кошелева, изъ коихъ послѣднему журналу отчасти пришлось въ исторіи полемической журналистики играть такую же роль, какую въ теченіе 16 лѣтъ исполнялъ, иногда съ бо̀льшимъ, иногда съ меньшимъ талантомъ, покойный журналъ Погодина.

Б. Глинскій.

А. И. КЛУШИНЪ.

Біографическая замѣтка.

СТОРІЯ нашей литературы прошлаго столѣтія полна загадокъ, пробѣловъ и такихъ свѣдѣній, которыя скорѣе должны быть отнесены къ области вымысла, нежели къ положительнымъ, фактическимъ даннымъ. Еще очень недалеко то время, когда и біографіи такихъ крупныхъ дѣятелей, какъ Ломоносовъ, Фонвизинъ и Державинъ, были переполнены легендарными подробностями и маловѣроятными анекдотами, и только серьезныя, обширныя изслѣдованія по документамъ такихъ добросовѣстныхъ ученыхъ, какъ Билярскій, Ламанскій, Гротъ и Сухомлиновъ,—выяснили передъ нами фактическую основу біографій этихъ корифеевъ русской литературы и науки XVIII вѣка. Мудрено ли, послѣ этого, если мелкіе, гораздо менѣе важные и менѣе замѣтные труженики литературы прошлаго вѣка остаются до сихъ поръ въ тѣни, и что многіе изъ нихъ извѣстны болѣе по названію, какъ отвлеченныя единицы, а не какъ живые дѣятели и представители литературнаго движенія своей эпохи.

Къ числу такихъ очень темныхъ и неопредѣленныхъ по очертанію литературныхъ призраковъ минувшаго принадлежитъ несомнѣнно одинъ изъ литераторовъ и журналистовъ Екатерининскаго времени Александръ Ивановичъ Клушинъ, о которомъ до настоящаго времени ничего положительнаго не было извѣстно, кромѣ заглавій нѣкоторыхъ его сочиненій. Въ «Опытѣ» Греча (на стр. 208) находимъ о Клушинѣ всего нѣсколько строкъ, не имѣющихъ никакого значенія для біографіи этого забытаго писателя. Въ «Сло-

варѣ» Евгенія (I,286) упомянутъ годъ смерти Клушина (1804 г.), и замѣчено, что онъ умеръ въ молодости; но ни о годѣ рожденія его, ни о служебной карьерѣ не упомянуто ни единымъ словомъ, хотя упомянутъ чинъ (надворнаго совѣтника), до котораго онъ успѣлъ дослужиться.

Въ «Словарѣ» Геннади біографическія свѣдѣнія о Клушинѣ ограничиваются тѣми же фактами, какіе мы находимъ у Евгенія, затѣмъ приведенъ неполный списокъ сочиненій Клушина [1]), и въ концѣ добавлено, что Клушинъ его вмѣстѣ съ И. А. Крыловымъ принималъ участіе въ «С.-Петербургскомъ Меркуріи (4 книжки, 1793 г.). «Не мудрствуя лукаво», Геннади далъ, что могъ: повторилъ о Клушинѣ то, что нашелъ въ «Опытѣ» Греча и въ «Словарѣ» Евгенія, и къ этимъ свѣдѣніямъ добавилъ по каталогамъ заглавія нѣкоторыхъ произведеній, которыя не были упомянуты ни Гречемъ ни Евгеніемъ.

Не такъ отнесся къ біографичесимъ свѣдѣніямъ о Клушинѣ А. Д. Галаховъ. Въ своей «Исторіи русской словесности древней и новой» (ч. I, изд. 1-е) онъ помѣстилъ Клушина въ оглавленіи, но въ текстѣ не далъ о немъ ни строчки и ограничился только ссылкою на свою «Историческую хрестоматію», гдѣ и привелъ чрезвычайно курьезныя свѣдѣнія о Клушинѣ. Какъ человѣкъ усердный и старательный, онъ, недовольствуясь тѣмъ, что давали другіе, рѣшился создать ничто изъ ничего и за неимѣніемъ новыхъ, фактическихъ данныхъ сталъ извлекать эти данныя по соображенію изъ тѣхъ намековъ и упоминаній о лицахъ и событіяхъ, какія нашлись въ предисловіи и посвященіи къ комедіямъ «Худо быть близорукимъ» и «Услужливый». Внимательно вчитываясь въ это предисловіе и посвященіе, А. Д. Галаховъ создалъ слѣдующее подобіе біографіи Клушина, которое и помѣстилъ въсвоей «Исторической хрестоматіи»:

«Клушинъ, Александръ Ивановичъ (родился около 1780 г., умеръ въ 1804 г.), служилъ при директорѣ С.-Петербургскихъ театровъ А. Л. (Л. А.?) Нарышкинѣ, въ которомъ видѣлъ своего благодѣтеля, и ко-

---

[1]) Геннади приводитъ слѣдующій списокъ сочиненій Клушина:

*1) 1791. Посланіе къ другу моему Василію Сергѣевичу Ефимову. Спб. 4⁰.

2) 1793. Благодарность императрицѣ Екатеринѣ II за увольненіе меня въ чужіе края съ жалованьемъ. Спб.

3) 1795. Смѣхъ и горе. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Спб. (помѣщена въ Россійскомъ Ѳеатрѣ, т. 40-й).

*4) 1800. Худо быть близорукимъ. Комедія въ одномъ дѣйствіи Спб. 12⁰.

*5) Американцы. Опера комическая, въ двухъ дѣйствіяхъ. Музыка Ѳомина. Спб. 12⁰.

*6) 1801. Услужливый. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ. (Подражаніе). Спб. 12⁰.

7) Стихи на прибытіе императора Александра изъ Москвы въ С.-Петербургъ. Спб. 8⁰.

8) 1802. Вертеровы чувствованія или несчастный. М. Оригинальный анекдотъ. Спб. 16⁰.

9) ? годъ. Ода на пожалованіе ордена св. апостола Андрея его сіятельству графу И. П. Кутайсову. Спб. 8⁰.

Всѣ произведенія, отмѣченныя звѣздочками, имѣются въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Для полноты приводимаго списка, уже и въ ту пору, какъ Геннади составлялъ свой Словарь, можно было бы еще дополнить:

10) На кончину Л. А. Нарышкина (10 дек. 1779 г.). Спб. 1799 г. 8⁰.

торому посвятилъ комедію въ одномъ дѣйствіи въ прозѣ: «Худо быть близорукимъ» (1800, Спб.). Изъ посвященія видно, что авторъ терпѣлъ многія непріятности по театру: «несмотря на блистательный успѣхъ молодой, двадцатилѣтней музы моей, я оставилъ тогда театръ, когда рукоплесканія публики меня призывали... Сердце мое отвратилось отъ похвалъ... Легко сжать все и т. д.»... Даже г. Галаховъ говоритъ: «Другимъ покровителемъ Клушина былъ Д. П. Трощинскій, которому посвящена комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ: «Услужливый». Изъ посвященія къ этой комедіи Галаховъ приводитъ слѣдующій отрывокъ, будто бы характеризующій отношенія Клушина къ Трощинскому: «Вы въ самой моей молодости были моимъ благотворителемъ, создали изъ меня поэта, создали въ тысячу разъ болѣе—честнаго человѣка». Вслѣдъ за этимъ отрывкомъ г. Галаховъ упоминаетъ о другихъ произведеніяхъ Клушина («Американцы», «Разсудительный дуракъ» и «Вертеровы чувствованія») и съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ говоритъ, что въ Словарѣ Евгенія упоминается и еще какая-то пьеса Клушина — комедія «Алхимистъ», игранная въ 1790 году.

Сомнѣніе это является прямымъ и весьма естественнымъ слѣдствіемъ того, что біографія Клушина «сочинена» Галаховымъ, и самый годъ рожденія Клушина придуманъ имъ на основаніи довольно шаткихъ соображеній... И въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ А. И. Клушинъ родиться около 1780 года, когда онъ уже въ 1791 году печаталъ «Посланіе къ другу своему В. С. Ефимьеву», а въ 1793 г. участвовалъ съ И. А. Крыловымъ въ изданіи «С.-Петербургскаго Меркурія»? Не знаемъ, какъ могъ упустить изъ виду эти факты А. Д. Галаховъ; но намъ совершенно ясна та чисто-механическая комбинація, путемъ которой онъ дошелъ до изобрѣтенія приблизительной даты рожденія Клушина—«около 1780 года». Оказывается, что и эту дату онъ извлекъ изъ предисловія къ комедіи «Худо быть близорукимъ». Г. Галаховъ, очевидно, соображалъ такъ: комедія напечатана въ 1800 г., а въ предисловіи къ ней Клушинъ говоритъ «о блистательномъ успѣхѣ своей двадцатилѣтней музы»... Слѣдовательно, автору въ 1800 г. было немного болѣе двадцати лѣтъ, а послѣ ужъ немудрено прійти къ выводу, что онъ «долженъ былъ родиться около 1780 года»...

Такимъ же механическимъ путемъ, изъ того же предисловія, выведенъ и другой фактъ: будто бы Клушинъ «терпѣлъ многія непріятности по театру»... На нашъ взглядъ, туманные намеки предисловія скорѣе могутъ относиться къ цензурнымъ затрудненіямъ, нежели къ «непріятностямъ по театру»...

Вѣроятно, однако же, всѣ наши свѣдѣнія о Клушинѣ должны были бы еще долго ограничиваться неполнымъ спискомъ его произведеній и невѣрными догадками г. Галахова, если бы неутомимому изслѣдователю нашей старины, г. Есипову, не посчастливилось открыть въ

государственномъ архивѣ подлинный докладъ Трощинскаго о Клушинѣ, заключающій въ себѣ весьма обстоятельныя біографическія свѣдѣнія о писателѣ и новыя библіографическія данныя о его сочиненіяхъ. Докладъ настолько не великъ и въ такой степени любопытенъ, что мы позволимъ себѣ привести его здѣсь цѣликомъ:

«1793 года. Подпоручикъ Александръ Клушинъ, служащій при письменныхъ дѣлахъ въ комиссіи о дорогахъ, поданнымъ вашему императорскому величеству прошеніемъ объясняя склонность свою къ наукамъ, проситъ всемилостивѣйшаго позволенія отлучиться для продолженія оныхъ на шесть лѣтъ въ Геттингенскій университетъ съ жалованьемъ, коего онъ получаетъ по 300 рублей на годъ».

По справкѣ оказалось:

«Отецъ подпоручика Клушина былъ бѣдный дворянинъ Орловскаго намѣстничества и умеръ еще въ 1774 году, оставивъ жену и въ малолѣтствѣ двухъ сыновей и одну дочь. Старшій изъ сыновей есть проситель. Онъ при открытіи Орловскаго намѣстничества вступилъ въ гражданскую службу канцеляристомъ. Въ 1780 г. перешелъ въ военную сержантомъ. Въ семъ званіи находился въ 1783 и 1784 годахъ въ походахъ въ Польшѣ и въ 1784 году произведенъ въ Смоленскій пѣхотный полкъ адъютантомъ. А въ 1786 году, по прошенію его, за болѣзнью, уволенъ изъ военной службы подпоручикомъ и того-жъ года въ маѣ мѣсяцѣ опредѣленъ въ комиссію о дорогахъ, гдѣ и теперь находится, имѣя къ дѣламъ способность и поведеніе похвальное. По склонности его къ наукамъ, въ свободное время, остающееся отъ упражненія по должности, занимается онъ разными сочиненіями; изъ нихъ извѣстны:

1) «Зритель», періодическое изданіе 1792 г.

2) «С.-Петербургскій Меркурій», періодическое же изданіе на 1793 г., которое и теперь продолжается.

3) «Смѣхъ и Горе». Комедія въ стихахъ, въ 5-ти дѣйствіяхъ. Играна нѣсколько разъ на здѣшнемъ и Московскомъ театрахъ съ похвалою для автора.

4) «Алхимистъ», комедія въ одномъ дѣйствіи.

5) «Любовь хитрѣй всего», опера въ двухъ дѣйствіяхъ, на которую дѣлается музыка.

«Младшій братъ просителя служитъ секретаремъ въ Орловскомъ намѣстническомъ правленіи. Сестра его замужемъ за тамошнимъ уѣзднымъ казначеемъ. Мать ихъ живетъ въ принадлежащей имъ деревенькѣ, въ 10-ти душахъ только состоящей».

На докладѣ рукою Трощинскаго написано:

«Докладывано октября 22-го и высочайше повелѣно: просителя для продолженія наукъ уволить въ Геттингенскій университетъ на пять лѣтъ, и всемилостивѣйше пожаловано ему изъ кабинета тысячу пятьсотъ рублей».

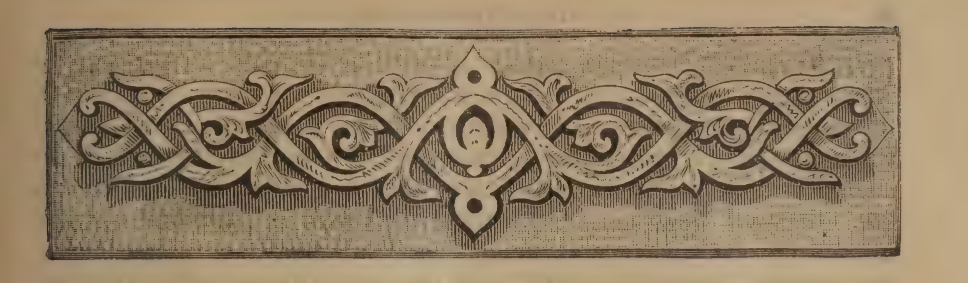
Итакъ, на основанiи этого любопытнаго документа узнаемъ, что Клушинъ уже въ 1780 г. «перешелъ въ военную службу сержантомъ», слѣдовательно, ему не могло быть въ это время менѣе 17—18 лѣтъ. Не менѣе важно и то, что узнаемъ о дальнѣйшемъ ходѣ его служебной карьеры: такъ, въ 1793 г. видимъ его еще на службѣ въ комиссiи о дорогахъ, а между 1793—1798 гг.—за границей... Когда же успѣлъ онъ служить по театру, при директорѣ театровъ Нарышкинѣ? Любопытно было бы знать, откуда почерпнулъ А. Д. Галаховъ это свѣдѣнiе? Неужели онъ также «сочинилъ» его, какъ и приблизительный годъ рожденiя Клушина, основываясь на однихъ только предисловiяхъ и посвященiяхъ, и дополнилъ ихъ своими соображенiями?

Немаловажны также свѣдѣнiя, доставляемыя вышеприведеннымъ докладомъ Трощинскаго по отношенiю къ литературной и журнальной дѣятельности Клушина. Изъ доклада узнаемъ, что онъ принималъ участiе не только въ «С.-Петербургскомъ Меркурiи», но и ранѣе этого въ «Зрителѣ»; сверхъ того, списокъ произведенiй Клушина можетъ быть съ полною достовѣрностью дополненъ и «Алхимистомъ» (пьесою, возбуждавшею сомнѣнiя А. Д. Галахова) и оперою «Любовь хитрѣй всего».

«Радуется купецъ, прикупъ сговоривъ»,—говоритъ древнiй нашъ лѣтописецъ, заканчивая свой трудъ... Но не еще ли болѣе радуется книжникъ, когда видитъ, что хоть на малую крупицу увеличился запасъ свѣдѣнiй объ одномъ изъ почившихъ собратiй?.. Тяжела плита могильная, но гораздо тяжелѣе ея бываетъ то небрежное забвенiе, съ которымъ мы относимся къ литературнымъ дѣятелямъ нашего прошлаго,—забвенiе, въ которомъ тонетъ столько именъ, столько трудовъ, столько никому неизвѣстныхъ заслугъ и подвиговъ...

П. Полевой.

ГЕРЦОГЪ РИШЕЛЬЕ И ОДЕССКАЯ ЧУМА 1812 ГОДА.

Ъ ВИДУ распространенія чумы въ Индіи, гдѣ она уже унесла въ могилу до 10.000 человѣкъ, и принятія мѣръ къ предупрежденію появленія ея у насъ, не лишне вспомнить о посѣщеніи роковой эпидеміей одного изъ уголковъ Россіи, именно Одессы, въ 1812 г. Этотъ эпизодъ успѣшной борьбы съ заразой, благодаря энергичной, разумной, самоотверженной дѣятельности тогдашняго начальника Новоросійскаго края, знаменитаго герцога Ришелье, или, какъ его всегда называли въ Россіи въ офиціальныхъ документахъ и въ частныхъ сношеніяхъ,—дюка Эмануила Осиповича де-Ришелье, кромѣ своего историческаго интереса, можетъ служить и урокомъ, какъ слѣдуетъ честно смотрящему на свой долгъ администратору относиться къ народному бѣдствію, съ которымъ ему суждено имѣть дѣло. Къ сожалѣнію, существуетъ очень мало свѣдѣній какъ въ русской, такъ и въ иностранной литературѣ, объ Одесской чумѣ 1812 г. Хотя въ только что вышедшей первой подробной біографіи Ришелье, подъ заглавіемъ «Герцогъ Ришелье во Франціи и Россіи», Леона Круза-Кретэ [1]), ей отведена особая глава, но сообщаемыя въ ней данныя основаны на старыхъ очень скудныхъ матеріалахъ, и преимущественно на 54 томѣ «Сборника Историческаго Общества», посвященномъ документамъ и бумагамъ о жизни и дѣятельности Ришелье, но въ которомъ о чумѣ говорится очень кратко, лишь въ замѣткѣ Сикара о дѣятельности Ришелье въ Одессѣ, въ біографическомъ

[1]) Le duc de Richelieu en Russie et en France, 1766—1822, par Leon de Crousaz-Cretet. Paris. 1897.

очеркѣ графа Лэнэ, въ двухъ донесеніяхъ Ришелье императору Александру, въ докладѣ санитарнаго врача о мѣрахъ, принятыхъ въ окрестностяхъ Одессы, и въ двухъ письмахъ Ришелье къ князю Куракину и къ губернатору Каменца [1]). Кромѣ того, авторъ ссылается на исторію Новороссіи Кастельно [2]), который разсказываетъ объ Одесской чумѣ на двѣнадцати страницахъ въ послѣдней главѣ третьяго тома, на воспоминанія графа Рошшуара, приводящаго три письма Ришелье о чумѣ [3]), на біографію одного изъ сотрудниковъ Ришелье въ Одессѣ аббата Николя, составленную аббатомъ Фрапацемъ, который передаетъ нѣсколько любопытныхъ анекдотовъ и отрывокъ изъ письма извѣстнаго графа де-Местра о подвигахъ Ришелье [4]). Если мы прибавимъ къ этому немногія слова, сказанныя о дѣятельности Ришелье во время Одесской чумы графомъ Сен-При въ его очеркѣ «Новороссія и герцогъ Ришелье, 1803—1814» [5]) и Леонсомъ Пинго въ его книгѣ о французахъ въ Россіи и русскихъ во Франціи [6]), то исчерпаемъ всѣ иностранные источники. Что же касается до русскихъ матеріаловъ, то, кромѣ «Сборника Имп. Русск. Историческаго Общества», можно лишь указать, насколько намъ извѣстно, на «Исторію города Одессы», К. Смольянинова [7]), «Первое тридцатипятилѣтіе исторіи города Одессы»,—А. Скальковскаго [8]) и на «Одессу, 1794—1894» [9]), юбилейное изданіе по случаю столѣтія города, но во всѣхъ этихъ книгахъ свѣдѣнія о чумѣ 1812 г. чрезвычайно кратки; еще лаконичнѣе упоминается о ней въ «Исторіи повальныхъ болѣзней», профессора Гезера [10]) и въ новѣйшихъ брошюрахъ о чумѣ—докторовъ П. Діатроптова [11]) и Я. Эйгера [12]). Какъ бы то ни было, постараемся по имѣющимся даннымъ набросать картинку Одессы во время чумы 1812 г. и борьбы съ нею дюка Эмануила Осиповича Ришелье.

---

[1]) Сборникъ И. Р. Историческаго общества, 54 томъ.

[2]) Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie, par le marquis Gabriel de Castelnau. 3 vol. Paris. 1820.

[3]) Souvenirs du comte de Rochechouart, Paris.

[4]) Vie de l'abbé Nicole, par l'abbé Frappaz. Paris.

[5]) Etudes diplomatiques et litteraires, par Alex. de Saint-Priest, tome deuxieme. La Nouvelle Russie et le duc de Richelieu. Paris.

[6]) Les français en Russie et les russes en France, par Leonce Pingaud. 1886. Paris.

[7]) Исторія города Одессы. К. Смольянинова. Одесса. 1853.

[8]) Первое тридцатипятилѣтіе исторіи города Одессы. 1799 — 1829. А. Скальковскаго. Одесса. 1897.

[9]) Одесса, 1794—1894, изданіе городскаго общественнаго управленія къ столѣтію города. Одесса. 1895.

[10]) Исторія повальныхъ болѣзней, проф. Гезера, пер. съ нѣмецкаго. Часть I. 1867.

[11]) О чумѣ, П. Діатроптова; докладъ, читанный въ обществѣ русскихъ врачей, въ Одессѣ, 27 января, 1897 г. Одесса. 1897.

[12]) Исторія и современное состояніе вопроса о бубонной чумѣ, доктора Я. Б. Эйгера. 1897.

I.

Появленіе чумы въ 1812 г. не было новинкой для Россіи вообще и для Одессы въ особенности. Еще Несторъ упоминаетъ о томъ, что въ 1090 г. въ Кіевѣ свирѣпствовалъ моръ, унесшій въ двѣ недѣли до 7.000 человѣкъ, а что въ Бѣлоруссіи эта эпидемія не пощадила ни одного дома и не оставила достаточнаго числа здоровыхъ для ухода за больными. Дальнѣйшіе лѣтописцы свидѣтельствуютъ о посѣщеніи чумой Новгорода, Смоленска, Пскова, Москвы, Владимира, Рязани и многихъ другихъ городовъ въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ, причемъ умирали не только массы простолюдиновъ, но свѣтскія и духовныя власти, какъ, напримѣръ, новгородскій архіепископъ Василій въ 1351 г., великіе князья Симеонъ Іоанновичъ Гордый въ 1386 г. и Василій Владимировичъ въ 1419 г., псковскій князь Ярославъ съ женой и сыномъ въ 1487 г. и т. д. Въ XVI вѣкѣ моръ не разъ свирѣпствовалъ все въ тѣхъ же излюбленныхъ имъ мѣстностяхъ—въ Псковѣ и Новгородѣ, а въ слѣдующемъ столѣтіи, въ эпоху самозванцевъ, чума была занесена изъ Литвы въ Смоленскъ и Москву, гдѣ погибло около 127.000 человѣкъ, но еще опустошительнѣе дѣйствовала эта эпидемія при Алексѣѣ Михайловичѣ, когда она распространилась изъ Москвы на югъ до Астрахани и Кіева. Особенно пострадала Казань, гдѣ она продолжалась съ перерывами четыре года, унося въ могилу ежедневно отъ 10 до 50 человѣкъ. Также въ Астрахани смертность достигла громадныхъ цифръ: изъ 16.000 населенія умерло болѣе 10.000 человѣкъ [1]). Начало прошедшаго столѣтія ознаменовалось появленіемъ чумы въ войскахъ Петра Великаго при осадахъ Риги, Ревеля и Нарвы, а для ея уничтоженія были приняты строжайшія мѣры: войска разставили на значительномъ между собой разстояніи, повсюду воздвигли заставы и висѣлицы, на которыхъ вѣшали безъ дальнѣйшихъ справокъ всякаго, кто обходилъ заставу, жгли дома умершихъ отъ заразы со всѣмъ скарбомъ и т. д. [2]). Впослѣдствіи, войны съ Турціей навлекли моровую язву на южную Россію и Украйну въ 1738 и 1769 гг. Не смотря на всѣ заставы, она проникла въ концѣ 1770 г. въ Москву и тамъ свирѣпствовала два года, причемъ умерло около 120.000 человѣкъ, и вспыхнулъ бунтъ, продолжавшійся три дня. Благодаря энергичнымъ мѣрамъ графа Григорія Орлова, посланнаго императрицей Екатериной съ этой цѣлью въ Москву, удалось наконецъ пресѣчь заразу, и 1-го декабря 1772 г. Москва была офиціально признана благополучной, послѣ безконечныхъ очищеній, вывѣтриваній, выкуриваній и т. д. [3]). Это была послѣдняя большая чумная

---

[1]) Исторія и современное состояніе вопроса о бубонной чумѣ, доктора Я. Б. Эйгера, Спб., 1897 г., стр. 14—17.

[2]) Тамъ же, стр. 53.

[3]) Тамъ же, стр. 18—22; 54—56.

эпидемія въ Россіи, и хотя съ тѣхъ поръ въ прошедшемъ и нынѣшнемъ столѣтіяхъ она появлялась на югѣ Россіи, но ей не давали распространяться.

Конечно, благодаря своему положенію и тому факту, что чума преимущественно шла изъ Турціи, Египта и Сиріи, Одесса подверглась болѣе всѣхъ другихъ мѣстностей Россіи гибельному дѣйствію этой эпидеміи за послѣднія сто лѣтъ, хотя въ ней и существовалъ карантинъ, какъ во всѣхъ тогдашнихъ европейскихъ портахъ, имѣвшихъ сношенія съ Востокомъ. Этотъ военный портовой карантинъ былъ устроенъ тотчасъ послѣ основанія города въ 1794 г., но спустя три года, то-есть, ровно сто лѣтъ тому назадъ, въ августѣ 1797 г. чума была занесена въ одесскій карантинъ на венеціанскомъ суднѣ, благодаря платью, привезенному изъ Константинополя; владѣлецъ судна бѣжалъ на шлюпкѣ со своей командой, а самое судно было сожжено съ товаромъ, и зараза не проникла въ городъ [1]). Но спустя пятнадцать лѣтъ, эпидемія вторично посѣтила Одессу и уже на этотъ разъ такъ свирѣпствовала и унесла столько жертвъ, что 1812 годъ составляетъ печальную страницу въ исторіи Одессы, пользовавшейся тогда мирнымъ благоденствіемъ при неусыпныхъ, разумныхъ и человѣчныхъ заботахъ своего образцоваго градоначальника. Этотъ постъ занималъ тогда уже девятый годъ дюкъ Эмануилъ Осиповичъ де-Ришелье, имя котораго неразрывно связано съ превращеніемъ ничтожнаго приморскаго мѣстечка въ богатый цвѣтущій центръ промышленной, торговой и духовной жизни южной Россіи [2]). Трудно найти человѣка, который въ продолженіе столь короткаго времени,—Ришелье всего управлялъ Новороссійскимъ краемъ одиннадцать лѣтъ,—сдѣлалъ бы столько для ввѣреннаго ему края и заслужилъ бы до такой степени общую благодарность, общее признаніе своихъ громадныхъ заслугъ. Всѣ историки Одессы единогласно отдаютъ справедливость его благотворной дѣятельности. «Соединяя въ себѣ всѣ качества правителя, благоразумнаго, добраго и просвѣщеннаго,—говоритъ Смольяниновъ,—дюкъ въ короткое время возвелъ Одессу на степень городовъ, извѣстныхъ по благоустройству и въ особенности по торговлѣ не только въ Россіи, но и Европѣ» [3]). «Трудно описать,—замѣчаетъ Скальковскій [4]),—всѣ услуги, оказанныя имъ Одессѣ, трудно изобразить всю любовь и благоговѣніе къ нему Новороссійскаго края». А по словамъ составителей историческаго очерка Одессы, городского юбилейнаго изданія [5]): «южной Россіи и въ частности Одессѣ выпало рѣдкое счастье получить такого администратора, какъ Ришелье;

---

[1]) Тамъ же, стр. 22 и 50. О чумѣ, Д. Діатроптова. Одесса. 1897, стр. 6.

[2]) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества, 54 томъ. Предисловіе А. Половцева, стр. VIII.

[3]) Исторія города Одессы, К. Смольянинова. Одесса. 1885, стр. 131.

[4]) Первое тридцатипятилѣтіе исторіи города Одессы, А. Скальковскаго, стр. 223.

[5]) Одесса, 1794—1894. Очеркъ исторіи Одессы, стр. XXI. Одесса. 1894.

едва ли исторія знаетъ человѣка, о которомъ всѣ источники отзывались бы съ такимъ единодушнымъ одобреніемъ, по крайней мѣрѣ, о томъ періодѣ его жизни, который онъ прожилъ въ Россіи. Сплошная похвала, воздаваемая и русскими и иностранцами дѣятельности Ришелье, удивляетъ всякаго, сколько нибудь искушеннаго въ жизни, человѣка, привыкшаго различать въ историческомъ дѣятелѣ и свѣтовыя и тѣневыя стороны. Въ дѣятельности же Ришелье въ Россіи нѣтъ возможности указать ни одной темной точки». Современники еще краснорѣчивѣе превозносили достоинства Ришелье, и уже не говоря о жителяхъ Одессы, которые обожали его, какъ отца, о его подчиненныхъ, питавшихъ къ нему культъ, и о высоко цѣнившихъ его русскихъ государственныхъ дѣятеляхъ, какъ, напримѣръ, графѣ Кочубеѣ, Румянцевѣ, Капо д'Истріа, Нессельроде и т. д., достоинъ вниманія тотъ фактъ, что о немъ съ одинаковымъ сочувствіемъ отзывались Александръ и Наполеонъ, изъ которыхъ перваго онъ пламенно любилъ, а послѣдняго ненавидѣлъ, считая его за узурпатора. Посѣтивъ южную Россію въ 1818 г., когда уже Ришелье былъ первымъ министромъ во Франціи, Александръ I былъ такъ пораженъ успѣхами края, ставшаго въ одиннадцатилѣтіе управленія Ришелье совершенно не узнаваемымъ, что послалъ ему андреевскую ленту съ лестнымъ рескриптомъ, на французскомъ языкѣ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «на каждомъ шагу, въ нѣкогда порученной вашимъ заботамъ странѣ, я видѣлъ съ удовольствіемъ плоды вашихъ трудовъ, вашихъ прямыхъ, чистыхъ намѣреній и вашей энергичной дѣятельности[1])». А получивъ извѣстіе о смерти Ришелье, государь сказалъ французскому посланнику, графу Ла-Фероне[2]): «Я оплакиваю герцога, какъ единственнаго друга, говорившаго мнѣ истину. Онъ былъ образцемъ чести и правдивости; заслуги его увѣковѣчиваетъ благодарность всѣхъ честныхъ людей въ Россіи». Съ своей стороны Наполеонъ сказалъ однажды на островѣ св. Елены генералу Монтолону: «Не понимаю, какъ Людовикъ XVIII могъ при всемъ своемъ умѣ взять въ министры измѣнника Фуше; вотъ Ришелье—дѣло другое. Это я понимаю, онъ не знаетъ нашей Франціи, но это олицетвореніе чести, это хорошій французъ»[3]). Наконецъ, Велингтонъ говорилъ: «Слово Ришелье стоитъ трактата»[4]).

Если къ этимъ отзывамъ современниковъ и русскихъ историковъ Одессы еще прибавить мѣткую характеристику Ришелье, вышедшую изъ-подъ пера его новѣйшаго французскаго біографа, Круза-Кретэ, то его симпатичный образъ еще болѣе выростетъ въ нашихъ гла-

---

[1]) Roi de Rome, par Henri Welschinger. Paris. 1797, p. 155.

[2]) Сборникъ Импер. Русск. Ист. общества. 54 томъ. Пред., стр. XVI, документъ № 183.

[3]) Тамъ же. Пред., стр. XVII. Документъ № 255.

[4]) Первое тридцатипятилѣтіе исторіи города Одессы, А. Скальковскаго, стр. 233.

захъ. «Конечно[1]),—говоритъ онъ,—герцогъ не былъ великимъ или геніальнымъ государственнымъ человѣкомъ, онъ не обладалъ желѣзной волей кардинала, впервые прославившаго это имя, ловкостью Мазарини, или Талейрана, смѣлостью Кавура и мѣднымъ лбомъ Бисмарка, но менѣе блестяще одаренный, чѣмъ эти знаменитые политическіе дѣятели, онъ оказалъ болѣе каждаго изъ нихъ услугъ своимъ двумъ отечествамъ. Обладая дюжинными способностями и среднимъ умомъ, не поражая толпы внѣшнимъ блескомъ, онъ представляетъ поразительный примѣръ того, что можетъ сдѣлать преданность долгу, культъ чести и любовь къ родинѣ. Молодой аристократъ, воспитанный при версальскомъ дворѣ и силой обстоятельствъ очутившійся на чужбинѣ, Ришелье не становится, какъ многіе другіе, авантюристомъ, а посвящаетъ себя служенію новой родинѣ, обнаруживая такія административныя качества, которыхъ нельзя было подозрѣвать въ виду его среды, воспитанія и юности, проведенной въ салонахъ и лагеряхъ. Своими заботами онъ превратилъ пустынную, ненаселенную страну въ плодоносную житницу великой имперіи, а рыбачье селеніе въ громадный, первоклассный, торговый портъ. Заслуживъ такимъ образомъ славу основателя Одессы, онъ вернулся въ свое старое отечество въ самую критическую минуту его національнаго униженія, когда страна была занята чужеземными войсками, и въ теченіе трехъ лѣтъ добился удаленія чужестранныхъ войскъ и возвращенія Франціи въ кругъ европейскихъ державъ, что придало ему по общему приговору титулъ освободителя территоріи».

Вотъ каковъ былъ человѣкъ, которому пришлось бороться съ Одесской чумой въ 1812 г.; на фактической же сторонѣ его прежней дѣятельности въ Россіи излишне останавливаться, такъ какъ она извѣстна читателямъ «Историческаго Вѣстника» по обстоятельному очерку, помѣщенному при появленіи 54 тома «Сборника Импер. Русскаго Истор. общества»[2]), а потому перейдемъ прямо къ грозной годинѣ, о которой въ указанной статьѣ ничего не сказано, хотя этотъ эпизодъ представляетъ послѣдній, величайшій подвигъ Ришелье въ Одессѣ и всего краснорѣчивѣе характеризируетъ, какъ его самого, такъ и его общественно-административную дѣятельность.

II.

Въ началѣ августа 1812 года начала проявляться въ Одессѣ большая смертность, но на это обстоятельство не было обращено серьезнаго вниманія, и только когда 15-го числа умерли въ театраль-

---

[1]) Le duc de Richelieu en Russie et en France, par Leon de Crousaz-Cretet. Paris. 1897. Preface, p. V—VII.

[2]) Герцогъ Э. Ришелье, ст. П. П. «Истор. Вѣстн.» 1897 г., августъ.

номъ домѣ три актрисы, которыя купили, какъ оказалось, привезенныя изъ Турціи шали, то установлено было докторами, что въ городъ занесена чума [1]). Ришелье былъ въ это время въ Крыму, такъ какъ, состоя вмѣстѣ одесскимъ градоначальникомъ, херсонскимъ военнымъ губернаторомъ, управляющимъ гражданской частью въ Екатеринославской и Таврической губерніяхъ и начальникомъ войскъ крымской инспекціи, а слѣдовательно правителемъ всей Новороссіи, онъ часто разъѣзжалъ по ввѣренному ему обширному краю. Онъ немедленно вернулся въ Одессу и, убѣдившись послѣ основательнаго медицинскаго изслѣдованія, что дѣйствительно имѣлъ дѣло съ чумной эпидеміей, приступилъ смѣло и энергично къ борьбѣ съ нею. Прежде всего онъ раздѣлилъ городъ на 12 участковъ, подчинивъ каждый достойному довѣрія мѣстному жителю, при содѣйствіи доктора. Эти двѣнадцать комиссаровъ, комендантъ, полицеймейстеръ, доктора и нѣсколько высшихъ чиновниковъ составили подъ предсѣдательствомъ герцога комитетъ, который завѣдывалъ всѣми дѣлами. Сначала удовольствовались установленіемъ карантинной линіи съ одной стороны на Бугѣ, а съ другой на Днѣстрѣ, такъ что городъ съ окрестностями былъ оцѣпленъ на сто верстъ, и уничтожена возможность распространенія эпидеміи въ остальную Россію. Что же касается до внутренныхъ мѣръ, то Ришелье боялся сразу пресѣчь всѣ гражданскія, семейныя и частныя отношенія между 40,000 жителей, а потому сталъ дѣйствовать осторожно и постепенно, надѣясь и безъ крайнихъ мѣръ справиться съ грознымъ врагомъ. Всѣ отросли общественной жизни были подвергнуты строгому надзору, всѣ публичныя учрежденія, не отвѣчавшія первымъ необходимостямъ, были закрыты, институты женской и мужской подвергнуты карантину, была организована особая больница для чумныхъ, а больнымъ со средствами дозволяли оставаться дома, но подвергали ихъ карантину. Каждый комиссаръ обходилъ два раза въ день свой участокъ и докладывалъ о результатахъ комитету, собиравшемуся каждое утро на одной изъ городскихъ площадей, подъ чистымъ небомъ. Хотя всѣ сношенія между жителями не были прекращены, но дозволялось выходить изъ домовъ только по билетамъ отъ комитета, и всякій встрѣченный на улицѣ обыватель безъ билета подвергался наказанію, а жителямъ окрестныхъ селеній разрѣшали привозить въ городъ съѣстные припасы только на одинъ рынокъ, поставленный подъ присмотръ особыхъ комиссаровъ. Небольшой гарнизонъ Одессы былъ запертъ въ казармы; 300 казаковъ, на которыхъ была возложена полицейская служба, поставлены бивакомъ внѣ городской черты. На особую продовольственную комиссію была возложена герцогомъ обязанность сдѣлать на общественныя суммы громадные запасы продовольствія, чтобъ уничтожить могущую раз-

[1]) Чума, П. Діатроптова, стр. 7.

виться среди купцовъ монополію, и въ случаѣ надобности доставить жителямъ пищу. Тѣ же санитарныя мѣры принимались въ окрестныхъ деревняхъ. Въ карантинахъ на Бугѣ, Днѣстрѣ и по соединительной между ними линіи поддерживали самый строгій надзоръ, такъ что всякій желавшій выѣхать изъ Одессы долженъ былъ провести 40 дней въ карантинѣ, а жизнь въ степи безъ всякихъ удобствъ и затрудненія при полученіи паспортовъ сильно ограничивали число бѣглецовъ. При этомъ странный фактъ, что зараза не проникала въ морской карантинъ и въ портъ, гдѣ однако стояли корабли съ 1,500 матросами, среди которыхъ не было ни одного случая заболѣванія, какъ бы указывалъ на то, что эпидемія занесена сухимъ путемъ и отнимала желаніе у одесситовъ искать спасенія внѣ предѣловъ города [1]).

О всѣхъ принятыхъ мѣрахъ Ришелье увѣдомлялъ императора. Такъ 31-го августа онъ писалъ: «Я обязанъ сообщить вашему величеству, что въ Одессѣ показалась заразная болѣзнь, грозящая значительной опасностью, и уже тридцать человѣкъ сдѣлались ея жертвами. Прилагаю при семъ сдѣланное совѣтомъ докторовъ, описаніе этой болѣзни и докладъ о принятыхъ мѣрахъ. Невозможно отгадать, откуда занесена зараза, такъ какъ всѣ матросы, пришедшіе моремъ изъ Константинополя, совершенно здоровы, однако каковы бы ни были ея причины, ужасно въ такихъ обстоятельствахъ, какъ тѣ, которыя теперь печалятъ сердце вашего величества, сообщать вамъ такія тревожныя вѣсти; хотя я надѣюсь справиться съ эпидеміей, но все-таки не могу не довести о ней до вашего свѣдѣнія» [2]). Спустя два мѣсяца, онъ также откровенно сознавался, что, несмотря на всѣ принятыя мѣры, зло росло въ ужасающихъ размѣрахъ. «Прилагаемый докладъ, говоритъ онъ въ донесеніи императору отъ 20-го октября, покажетъ вашему величеству, въ какомъ мы находимся печальномъ положеніи, и, что эпидемія усиливается. Мы дѣлаемъ все, что можемъ, не жалѣемъ усилій и приняли всевозможныя мѣры, но видя, какъ мало мы достигаемъ успѣха, я теперь рѣшился на крайнее средство, именно подвергнуть карантину всѣ дома и снабжать пищей жителей чрезъ особыхъ комиссаровъ, выбранныхъ среди достойнѣйшихъ обывателей. Если будетъ возможно строго примѣнить эту мѣру, что покажетъ опытъ, то, надо надѣяться, полное изолированіе заразы прекратитъ ея распространеніе. Надо также ожидать пользы и отъ наступающей зимы, которая можетъ ослабить болѣзнь, но вмѣстѣ съ тѣмъ она грозитъ городу новыми бѣдами, такъ какъ окрестныя селенія отказываются доставлять дрова, и будетъ недостатокъ топлива. Я долженъ признаться вашему величеству, что для предупрежденія грозящихъ золъ я вынужденъ былъ взять

---

[1]) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества. 54 т., стр. 53—56. Notice sur onze années de la vie du duc de Richelieu à Odessa, par Ch. Sicard.

[2]) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества. 54 т., стр. 345.

суммы, находящіяся въ банкѣ и другихъ мѣстахъ, съ цѣлью раздачи въ видѣ ссудъ несчастнымъ, для учиненія ими кое-какихъ запасовъ. Число этихъ несчастныхъ громадно: всѣ, которые жили ручнымъ трудомъ, дошли до крайней нищеты, и я не могъ не оказать имъ помощи, конечно, какъ можно экономнѣе. Я слишкомъ хорошо знаю сердце вашего величества, чтобы бояться осужденія. Со временемъ, если мы по счастью отдѣлаемся отъ этого бича, можно будетъ постепенно возвратить взятыя суммы. Эпидемія открылась и въ нѣкоторыхъ окрестныхъ деревняхъ, гдѣ она унесла порядочное число жертвъ; приняты мѣры къ тому, чтобы зло не распространялось, но невозможно отвѣчать за ихъ успѣхъ, такъ какъ нельзя полагаться на поселянъ. На каждомъ шагу я вижу, какъ трудно убѣдить ихъ въ принятіи предосторожностей; но лучше всего предоставить каждой деревнѣ охранять себя, не дозволяя никому входить въ нее, или уходить изъ нея. Мнѣ очень тяжело доносить вашему величеству о такомъ плачевномъ положеніи дѣлъ, и мнѣ излишне выражать свои чувства; вы сами ихъ поймете. Я призываю себѣ на помощь все свое мужество для борьбы съ столькими бѣдствіями» [1]).

Однако Ришелье медлилъ еще мѣсяцъ, не рѣшаясь на крайнія мѣры, столь стѣснительныя для города и жителей, о благѣ которыхъ онъ такъ долго заботился. Наконецъ, въ виду все усиливавшейся эпидеміи, онъ 22 ноября установилъ общій и полный карантинъ. Присутственныя мѣста, биржа, лавки, театры, бани, трактиры рынки, школы, церкви были закрыты; всѣ уплаты и сдѣлки по кантрактамъ и обязательствамъ отсрочены; обывателямъ строго воспрещено не только выходить изъ домовъ, но даже показываться на порогѣ своихъ жилищъ. Комиссары два раза въ недѣлю разносили по домамъ съѣстные припасы, для имущихъ по сходной цѣнѣ, а для бѣдныхъ, т. е. для большинства населенія, даромъ; кромѣ того, они, отличаясь удивительной гуманностью, брали на себя доставку писемъ и покупку необходимыхъ предметовъ, даже сладостей, игрушекъ для дѣтей и т. д. На случай пожара былъ сформированъ особый отрядъ добровольцевъ въ 200 человѣкъ. При заболѣваніи чумой каждый паціентъ тотчасъ отправлялся въ больницу, а жильцы зараженнаго дома подвергались самому строгому изолированію. Городъ принялъ мрачный, пустынный видъ; на улицахъ мѣстами горѣли костры, для очистки воздуха, и виднѣлись лишь патрули и телѣги съ черными флагами, означавшими мертвецовъ, или съ красными, прикрывавшими больныхъ. Наиболѣе страдалъ рабочій кварталъ города, а потому уцѣлѣвшіе его жители были выведены въ большіе сараи, построенные на окрестныхъ высотахъ [2]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 347.

[2]) Castelnau. Essai sur l'histoire de la Nouvelle Russie, t. III, p. 317 et suivantes.

Самъ Ришелье не зналъ ни усталости, ни покоя. Вмѣстѣ съ своими друзьями, аббатомъ Николемъ и Россетомъ, онъ съ утра, въ покрытой смолой одеждѣ, обходилъ зараженныя мѣстности, наблюдая за доставленіемъ продовольствія жителямъ и за тѣмъ, что дѣлалось въ больницахъ; вечеромъ онъ возвращался домой, купался въ морѣ, перемѣнялъ одежду и лично присутствовалъ при погребеніи умершихъ[1]). «Гдѣ только свирѣпствовала зараза,—говоритъ Скальковскій,—и дѣлалась опасность, гдѣ только жители падали духомъ отъ тяжкихъ потерей или бѣдности, здѣсь Ришелье, какъ ангелъ хранитель, спѣшилъ съ пособіемъ, утѣшеніемъ или словомъ надежды и всегда своимъ присутствіемъ возстановлялъ тишину и порядокъ. Онъ не только днемъ, но и ночью въ самую ненастную погоду посѣщалъ самыя опасныя мѣстности, не думая о своей безопасности»[2]). Хотя по необходимости онъ принималъ строгія мѣры для того, чтобъ точно исполнялись всѣ предосторожности, но его доброе сердце обливалось слезами при видѣ всѣхъ несчастій, и однажды, войдя во дворъ дома одного изъ комиссаровъ, онъ сѣлъ на камень и сказалъ: «Ахъ, это мнѣ не по силамъ, мое сердце надрывается при мысли, что я долженъ дѣлать пустынными тѣ самыя улицы, которыя я въ теченіе десяти лѣтъ старался населить и оживить»[3]).

Аббатъ Фраппацъ разсказываетъ въ своей біографіи друга Ришелье, аббата Николя, бывшаго директоромъ одного изъ учебныхъ заведеній Одессы, а впослѣдствіи ректоромъ Парижской академіи, какъ герцогъ во всякое время дня и ночи являлся въ больницы, ухаживалъ за чумными, утѣшалъ умирающихъ, бралъ на свое попеченіе сиротъ, а потомъ отправлялся собственноручно рыть могилы и хоронить покойниковъ. Однажды онъ вмѣстѣ съ аббатомъ Николемъ проходилъ мимо дома умирающей женщины; она подползла къ двери и, указывая на младенца, котораго держала въ рукахъ, умоляла взять его на попеченіе. Ришелье обѣщалъ помѣстить ребенка въ пріютъ, и несчастная умерла со словами на устахъ: «Слава Богу, я теперь спокойна»[4]). Конечно, примѣръ начальника благотворно дѣйствовалъ не только на его помощниковъ, но и на всѣхъ жителей. Такъ одинъ изъ санитарныхъ врачей, въ докладѣ, представленномъ Ришелье 28 декабря о своихъ дѣйствіяхъ въ окрестностяхъ города, гдѣ эпидемія не менѣе свирѣпствовала, и паника среди поселянъ достигала крайнихъ размѣровъ, передаетъ трогательный случай самоотверженія простого крестьянина. Въ одной деревнѣ заперли чумнаго въ его хижинѣ, и онъ умеръ тамъ вмѣстѣ съ женой; докторъ поспѣшилъ на мѣсто, приказалъ вытащить одинъ изъ тру-

---

[1]) Les francais en Russie, par Pingaud, p. 353.
[2]) Первое тридцатипятилѣтіе города Одессы, А. Скальковскаго, стр. 204.
[3]) Тамъ же, стр. 204.
[4]) Vie de l'abbé Nicole, par l'abbé Frappaz.

повъ длинными желѣзными крюками и убѣдившись, что смерть произошла отъ чумы, распорядился сжечь домъ, но прежде этого онъ заглянулъ въ окно и увидалъ, къ своему удивленію, что на кровати, рядомъ съ умершей матерью, сидитъ двухлѣтній ребенокъ, повидимому, здоровый, но на взглядъ умиравшій съ голода. Оставить ребенка было безчеловѣчно, но кто рѣшится войти въ хижину и взять его? Докторъ уже хотѣлъ приказать осторожно срубить стѣну, къ которой была прислонена кровать и достать ребенка съ помощью веревки, но неожиданно одинъ изъ поселянъ сказалъ: «Я пойду и принесу ребенка».—«Ты знаешь, что его родители умерли отъ чумы,—отвѣчалъ докторъ,—ты знаешь, какой ты подвергаешься опасности».—«Я не вѣрю, чтобъ они умерли отъ заразы»,—возразилъ крестьянинъ.—«Я въ этомъ ручаюсь,—продолжалъ докторъ:—и если ты войдешь въ этотъ домъ, то я подвергну тебя карантину».—«Все равно, я хочу спасти ребенка!»—воскликнулъ крестьянинъ.—«Если ты на это рѣшился, то я тебѣ дамъ 25 р.»,—сказалъ докторъ, и приказалъ ему надѣть перчатки, а также вымазать лицо масломъ. Герой бросился въ хижину и вынесъ маленькую дѣвочку, которая оказалась совершенно здоровой, и хотя ее вмѣстѣ съ ея спасителемъ подвергли карантину, она осталась невредимой, а если поселянинъ и заразился чумой, то его однако удались вылѣчить [1]).

Первый результатъ общаго карантина былъ, какъ и слѣдовало ожидать, неутѣшительный: случаи заболѣванія умножились, такъ какъ пришлось ослабить надзоръ для того, чтобъ жители могли запастись всѣмъ нужнымъ до совершеннаго заточенія въ своихъ домахъ. Но на двѣнадцатый день прекратилось распространеніе эпидеміи на новыя мѣстности, а благодаря строгимъ мѣрамъ очищенія, прокуриванія, выжиганія и т. д., на шестьдесятъ шестой день общій карантинъ былъ отмѣненъ. 15-го же февраля 1813 г. Одесса была объявлена благополучной. «Вы можете себѣ представить, что я перестрадалъ,—писалъ Ришелье своему родственнику графу Рошшуару отъ 21 февраля:—по счастью, эпидемія вездѣ прекратилась, и въ виду принятыхъ мѣръ я надѣюсь, что она не возобновится. Изъ населенія въ 36,000 душъ Одесса потеряла 2660 человѣкъ, въ томъ числѣ солдатъ и арестантовъ. Въ другихъ ввѣренныхъ мнѣ мѣстностяхъ умерло 1087 въ городахъ и 987 въ деревняхъ. Я еще не знаю, сколько погибло въ Каффѣ (Ѳеодосіи), но не болѣе 800» [2]). Тѣ же цифры сообщилъ герцогъ императору въ донесеніи отъ февраля мѣсяца, безъ помѣты числа, и въ этомъ донесеніи онъ прибавляетъ: «По милости Провидѣнія мы дожили до конца нашихъ бѣдствій; въ городѣ нѣтъ ни одного случая заболѣванія уже шесть недѣль; все спокойно, подозрительные дома и общественныя зданія дезинфектированы по но-

---

[1]) Сборникъ И. Р. Ист. общ., 54 томъ, стр. 351.

[2]) Souvenirs du comte de Rochechouart, p. 208.

вѣйшимъ химическимъ способамъ. Награды, обѣщанныя за обнаруженіе скрытыхъ вещей, имѣли прекрасный результатъ, и множество вещей, которыя могли возобновить заразу, сожжены. Согласно всѣмъ расчетамъ человѣческой предосторожности чума должна считаться уничтоженной, и я прямо не знаю, что можно было еще сдѣлать съ цѣлью ея истребленія» [1]). Но какъ отъ Рошшуара, такъ и отъ государя, прямой, искренній Ришелье не скрылъ, что причиной окончившагося, по его мнѣнію, бича было непростительное невѣжество докторовъ, которые дозволили существовать чумѣ въ Одессѣ съ первыхъ дней іюля, не подозрѣвая ея присутствія, но онъ прибавляетъ въ первомъ письмѣ: «Я приму мѣры, чтобъ это болѣе никогда не повторилось» [2]).

III.

Несмотря на всѣ надежды, Ришелье еще долго пришлось бороться съ послѣдствіями побѣжденнаго имъ общественнаго бича, и эти роковыя послѣдствія приняли двоякую форму: физическую и административную. Съ физической онъ скоро справился: она выразилась въ двухъ вспышкахъ эпидеміи—въ самой Одессѣ и въ Елизаветградѣ. Первый случай произошелъ въ маѣ мѣсяцѣ: въ Балтѣ, внѣ границъ ввѣреннаго ему края, открылась зараза, и 400 евреевъ бѣжали оттуда въ Одессу, гдѣ произвели панику. Герцогъ немедленно приказалъ удалить евреевъ изъ города и расположилъ ихъ лагеремъ, который былъ окруженъ карантинной цѣпью. Среди нихъ произошло нѣсколько заболѣваній, и одинъ еврей умеръ, но въ городѣ отдѣлались страхомъ, хотя пришлось на время возобновить карантинныя строгости. Въ іюлѣ пришло извѣстіе изъ Елизаветграда, что тамъ чума; Ришелье поспѣшилъ туда и о результатахъ своихъ энергичныхъ мѣръ писалъ графу Рошшуару: «По счастью, я остановилъ эпидемію въ зародышѣ; я теперь мастеръ по части чумы; опытъ развилъ во мнѣ талантъ къ борьбѣ съ нею; это все-таки хорошенькій талантикъ» (un joli talent de société) [3]). Но если онъ уже посмѣивался надъ своими побѣжденнымъ врагомъ, то совершенно иначе отзывался объ административныхъ послѣдствіяхъ чумы, которыя онъ считалъ болѣе опасными и гибельными для края, чѣмъ самая чума. Дѣло заключалось въ томъ, что Ришелье, самому просвѣщенному администратору, врагу всякой чиновничьей рутины, постоянно твердившему: «поменьше регламентаціи», предоставляшему обывателямъ наивозможно большую свободу въ торговлѣ, трудѣ, частной жизни и т. д., пришлось имѣть дѣло съ княземъ Куракинымъ, который былъ

---

[1]) Сборникъ И. Р. Ист. общ., 54 томъ, стр. 367—368.

[2]) Souvenirs de comte de Rochechouart, p. 208.

[3]) Etudes diplomatiques et litteraires, par Saint-Priest, pp. 380.

назначенъ какимъ-то верховнымъ санитаромъ и видѣлъ единственное спасеніе въ инструкціяхъ, ограниченіяхъ и стѣсненіяхъ; чума давно уже кончилась, а онъ все сохранялъ и даже создавалъ новые карантины, подвергая разоренію и то уже опустошенную бѣдствіями страну, такъ что его прозвали, по словамъ Сенъ-При, княземъ чумы [1]). Герцогъ всячески боролся съ его нелѣпыми распоряженіями и корыстными подчиненными, которые, пользуясь неумѣлостью князя, тайно обдѣлывали свои грязныя дѣлишки. 3 мая 1813 г. онъ писалъ самому князю Куракину: «уже четыре мѣсяца чума всюду прекратилась, и два мѣсяца тому назадъ произведена мною полная дезинфекція, а потому не къ чему дожидаться еще какой-то окончательной чистки и покуда разорять страну». По его словамъ, еслибъ остались гдѣ нибудь зародыши эпидеміи, то они должны были проявиться весной и на Пасхѣ, а онъ самъ, Ришелье, христосовался съ двумя стами лицъ всякаго сословія, и въ Одессѣ открыты церкви, театры и всѣ общественныя мѣста, а все-таки нѣтъ и слѣда болѣзни. Въ виду этого, а главное въ виду несчастнаго положенія горожанъ и поселянъ, онъ умолялъ князя снять всѣ карантинные кордоны и возстановить свободныя отношенія между всѣми мѣстностями столь много пострадавшаго края. «Прошу васъ, князь,—прибавляетъ онъ,—пожалѣть бѣдныхъ жителей, но если, по несчастью, вы не обратите вниманія на мои слова, то умоляю васъ избавьте меня отъ всякаго участья въ принятіи мѣръ, которыя я теперь считаю болѣе гибельными, чѣмъ чума [2]), унесшая въ могилу 3600 человѣкъ въ Херсонской губерніи и 1500 въ Крыму, тогда какъ ваши мѣры могутъ разорить обѣ губерніи на 10 лѣтъ». Эту борьбу съ новымъ худшимъ врагомъ, чѣмъ эпидемія, благородный дюкъ Эмануилъ Осиповичъ велъ съ такимъ пламеннымъ одушевленіемъ, что писалъ 7 мая своему другу, подольскому губернатору: «Я отправилъ очень сильное письмо кн. Куракину, и если онъ не исполнитъ моей просьбы, то я обнародую это письмо, чтобъ меня не считали причастнымъ къ мѣрамъ, которыя я считаю болѣе разорительными для края, чѣмъ четыре чумы, въ родѣ той, которую мы пережили. Вашъ разсказъ о такъ называемой чумѣ въ Званеѣ былъ бы уморителенъ, еслибъ не хотѣлось плакать при мысли, какимъ бѣдствіямъ подвергаютъ несчастную страну подобные господа. Одного изъ нихъ князь послалъ на Бугъ начальникомъ карантиннаго кордона, и онъ потребовалъ 1200 солдатъ, въ томъ числѣ 800 конныхъ, когда чумы тамъ нѣтъ уже пять мѣсяцевъ. Я полагаю, прости Господи, что они были бы очень рады, еслибъ чума вернулась и дала имъ возможность покуражиться. Я бы желалъ, чтобъ князь дозволилъ пріѣздъ сюда всѣмъ изъ вашей губерніи, а то онъ выдаетъ особыя разрѣшенія, надъ

---

[1]) Etudes diplomatiques et litteraires, par A. de Saint-Priest, pp. 380—381.
[2]) Сборникъ И. Р. Ист. Общества, 54 томъ, стр. 371—373.

которыми здѣсь смѣются, называя ихъ плакатами. Надо надѣяться, что Господь освободитъ насъ вскорѣ отъ всего этого, какъ онъ освободилъ насъ отъ чумы, прежде чѣмъ въ дѣло вмѣшались посторонніе».

Однако, Ришелье пришлось ждать этого освобожденія болѣе года, и только 14-го августа 1814 года были окончательно сняты карантинные кордоны, со всѣми ихъ стѣсненіями и непріятностями, а 26-го сентября онъ уѣхалъ навсегда изъ Одессы, получивъ отъ императора Александра давно испрашиваемое разрѣшеніе прекратить службу Россіи и вернуться на свою старую родину—Францію, гдѣ вошелъ на престолъ Людовикъ XVIII, котораго Ришелье, какъ ярый легитимистъ, считалъ своимъ законнымъ королемъ. «День отъѣзда герцога,—пишетъ одинъ современникъ:—былъ днемъ траура для Одессы; большая часть населенія провожала его за городъ, посылая ему благословенія, и болѣе 200 человѣкъ слѣдовало за нимъ до первой почтовой станціи, гдѣ приготовленъ былъ прощальный обѣдъ. Герцогъ былъ растроганъ и печаленъ, какъ и всѣ провожавшіе его. Пошли сердечныя изліянія; подняли бокалы за благополучное путешествіе и возвращеніе. Крики «ура» огласили степь; но скоро они были заглушены рыданіями; чувство печали взяло верхъ, и всѣ кинулись, такъ сказать—на герцога, собравшагося сѣсть въ экипажъ; его стали обнимать, цѣловать ему руки, края его одежды; онъ былъ окруженъ толпой, и самъ залился слезами. «Друзья мои, пощадите меня, избавьте меня отъ этой сцены»,—сказалъ онъ; нѣсколько друзей понесли его къ экипажу. Онъ уѣхалъ, и одесситы болѣе не видали человѣка, котораго справедливо цѣнили, любили и уважали».

Такъ простился Ришелье съ Одессой. Онъ переселился во Францію и оказалъ въ качествѣ перваго министра своей старой родинѣ щеэ бо̀льшія услуги, чѣмъ новой, а Одесса не разъ съ сожалѣніемъ вспоминала о немъ, въ особенности въ 1829 году и въ 1837 году, когда снова посѣтила ее чума. Впрочемъ эти обѣ эпидеміи были слабѣе; первая не вышла изъ предѣловъ морского карантина и унесла 219 жертвъ, а вторая и послѣдняя чума въ Россіи, если не считать вѣтлянской заразы 1878 года, продолжалась недолго и стоила городу 108 человѣческихъ жизней.

В. Тимирязевъ.

ИДЕАЛИЗАЦІЯ ВИЗАНТІИ.

ЕДАВНО вышла въ свѣтъ диссертація приватъ-доцента Грибовскаго: «Народъ и власть въ Византійскомъ государствѣ». Книга эта очень интересна, какъ первая попытка освѣтить политическій бытъ Восточной имперіи, но во многихъ отношеніяхъ попытка эта должна быть признана не совсѣмъ удачною, не достигающею намѣченной цѣли. Нѣкоторые пріемы изслѣдованія, выводы и положенія молодого историка никакъ нельзя назвать научными. Съ первыхъ же страницъ диссертаціи читателя поражаетъ, напримѣръ, слишкомъ рѣзкое противопоставленіе міра римскаго и греческаго. Романизмъ, по характеристикѣ г. Грибовскаго, представляется олицетвореніемъ грубаго насилія, жестокости и деспотизма, эллинизмъ же рисуется живымъ воплощеніемъ гуманности, добра, любви, красоты, идеальной справедливости, полной свободы личности, автономіи общинъ и т. д. Римлянъ и эллиновъ авторъ дѣлитъ такъ же рѣзко, какъ нѣкогда дѣлили эллиновъ и іудеевъ. Всякій фактъ насилія онъ объясняетъ вліяніемъ романскаго элемента, всякій высокій порывъ относитъ на счетъ эллинскихъ тенденцій.

Такую почти геометрическую прямолинейность классификаціи трудно признать строго научною и не зависящею отъ субъективныхъ симпатій молодого изслѣдователя. Соціологія—не математика, жизнь живаго общественнаго организма не знаетъ прямыхъ линій и рѣзкихъ дѣленій. Всѣ мы люди, слѣдовательно всѣ мы звѣри и насильники. Первобытнаго двуногаго звѣря homo дѣлаетъ человѣкомъ только медленная культура тысячелѣтій. Эллины были болѣе

гуманны, потому что были болѣе культурны, тогда какъ римляне и на вершинѣ своего могущества и въ позорѣ упадка оставались скорѣе пріобщенными къ цивилизаціи варварами, чѣмъ дѣйствительно цивилизованными людьми. Въ византійскую эпоху въ каждомъ эллинѣ были остатки варвара-римлянина, въ каждомъ римлянинѣ были зародыши цивилизованнаго эллина. Вѣчныя междоусобныя войны греческихъ городовъ изъ-за гегемоніи и господства другъ надъ другомъ, наконецъ институтъ рабства и право завоеванія—развѣ это не доказываетъ, что исторической стихіей и греческаго міра было то же насиліе, что и греческая цивилизація родилась изъ того же первобытнаго варварства? Наконецъ, куда спрятать Спарту—этотъ греческій Римъ, этотъ городъ, воплотившій во всемъ своемъ строѣ идею силы и стремленіе къ военному могуществу? Если тѣмъ не менѣе политическій идеалъ Византіи былъ несомнѣнно выше идеала римскаго государства, то объясненіе этому надо искать, кромѣ указаній на высшую культурность Греціи, главнымъ образомъ во вліянія новаго фактора исторіи—христіанства. Византія основана императоромъ-христіаниномъ, и его подданные тоже были христіанами—такъ мудрено ли, что они не смотрѣли уже на своего императора, какъ на земнаго Бога, по примѣру римлянъ, но считали его рабомъ Божіимъ, слугою народа, отвѣтственнымъ за свои дѣянія передъ Царемъ Царей? Они не могли, какъ язычники-римляне, воздавать императору божескія почести, преклонять колѣна передъ его статуями, уже по одному тому, что онъ самъ вмѣстѣ съ ними преклонялъ колѣна передъ инымъ алтаремъ.

Изъ христіанскаго пониманія идеи монарха, какъ идеально-справедливаго правителя народа и служителя его, сами собою логически вытекали особыя отношенія византійскаго народа къ своимъ правителямъ. Покорность византійцевъ была требовательной. Народъ сознавалъ за собою «право быть хорошо управляемымъ» и противъ худого правленія протестовалъ возстаніемъ и даже казнью правителей. Постепенно онъ завоевалъ себѣ право назначать и свергать своихъ монарховъ, но, получивъ власть надъ царями, ничего не могъ выдумать, кромѣ царей. Сочетаніе фактическаго народовластія съ христіанскимъ монархизмомъ сдѣлало изъ Византіи смѣшанный половинчатый типъ какой-то «вѣчевой монархіи, республики безъ представительства и безъ народнаго собранія». Свергая худыхъ монарховъ, народъ назначалъ на ихъ мѣста еще худшихъ и поступать иначе не имѣлъ никакой возможности.

Политическая жизнь Византіи представляла собою картину самоуправленія безъ органовъ самоуправленія. Они знали только кличъ: идемъ на Софію!—и послѣ сверженія одного правителя и передачи власти другому расходились по домамъ. Съ такими рессурсами византійцы не могли удовлетворить своихъ собственныхъ политическихъ требованій. Для того, чтобъ выработать органы самоупра-

вленія, они должны были отказаться отъ жившаго въ народѣ идеала абсолютнаго монарха, а неорганизованное самоуправленіе неминуемо должно было выродиться въ тиранію городской черни и привести монархію къ дезорганизаціи. Именно въ этомъ противорѣчіи монархической формы, основанной на полномъ подчиненіи народа, съ фактомъ самодержавія народнаго и въ неспособности византійцевъ создать такую форму правленія, которая соотвѣтствовала бы сущности ихъ отношенія къ правительству, слѣдуетъ видѣть одну изъ причинъ смерти и гибели Византійскаго государства, гибель котораго вообще въ изложеніи г. Грибовскаго является не разрѣшимой загадкой. Смерть Византіи онъ пытается объяснить культурнымъ вліяніемъ римскаго западничества, борьба съ которымъ и самая побѣда надъ которымъ истощила жизненныя и творческія силы византійцевъ. Но это туманное и фигуральное объясненіе никого не удовлетворяетъ, и при краснорѣчивыхъ описаніяхъ идеальныхъ гражданскихъ основъ византійскаго государственнаго строя, такихъ, повидимому, прочныхъ, такихъ здоровыхъ и нормальныхъ, читатель все время мучится вопросомъ: да отчего же, въ самомъ дѣлѣ, рухнуло такъ хорошо и прочно построенное зданіе? Такъ какъ разсматриваемая диссертація, повидимому, только начало обширной работы молодого ученаго, то желательно было бы, чтобы въ своихъ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ онъ освѣтилъ этотъ центральный вопросъ, раскрылъ бы законъ жизни и смерти Византіи. Возникновеніе, развитіе и разрушеніе государствъ имѣетъ свои причины, свою логику и послѣдовательность. Нужно только отыскать ихъ, уловить связь событій, опредѣлить ее, уловить ее, опредѣлить законы роста и распада. Это—работа соціологовъ будущаго. Въ наше время, при современномъ состояніи науки, можно только сдѣлать нѣсколько робкихъ догадокъ, нѣсколько скромныхъ гипотезъ не болѣе. Одну изъ такихъ соціологическихъ догадокъ позволимъ себѣ высказать и мы. Прежде всего, мы полагаемъ, что къ государствамъ долженъ быть примѣненъ общебіологическій законъ борьбы за существованіе. Они ростутъ путемъ борьбы и завоеваній, живутъ этою борьбою и рушатся отъ этихъ же завоеваній. Какъ при столкновеніи двухъ камней остается цѣлымъ тотъ, который былъ крѣпче, разсыпается на мелкія части тотъ, въ которомъ сцѣпленіе частицъ было слабѣе, также точно и при столкновеніи государствъ оказывается сильнѣе то, въ которомъ единеніе гражданъ больше, которое заслуживаетъ болѣе приверженности со стороны своихъ подданныхъ, а такъ какъ приверженность ихъ возростаетъ въ зависимости отъ того, что даетъ имъ управленіе верховной власти, то слѣдовательно въ концѣ концовъ прочность государствъ опредѣляется степенью благополучія гражданъ. Живымъ подтвержденіемъ этого служитъ хотя бы, напримѣръ, отпаденіе отъ Византіи гонимыхъ сектъ павликіанъ и массовый переходъ ихъ въ подданство турец-

кихъ султановъ. Византія отказывала имъ въ ихъ священнѣйшихъ интересахъ, въ правѣ исповѣдывать своего Бога, и они отказались отъ подданства ей. Какими же солдатами, какими защитниками государства могли бы они быть, если это государство только гонитъ ихъ, не даетъ имъ ничего, кромѣ преслѣдованій, и ничѣмъ не заслуживаетъ ихъ любви и преданности. Здѣсь мы сталкиваемся съ вопросомъ: что такое государство? Г. Грибовскій отвѣчаетъ: это система равновѣсія борющихся групповыхъ интересовъ — и съ этой точки зрѣнія добрую половину книги посвящаетъ изложенію борьбы между двумя главенствующими партіями Византіи: западниками—иконопоклонниками, и народниками—иконоборцами. Исторію Византіи онъ почти отождествилъ съ исторіей церковныхъ партій. Вслѣдствіе этой же односторонности опредѣленія государства онъ изолировалъ Византію отъ внѣшней среды, отъ разрушительнаго воздѣйствія новыхъ европейскихъ государствъ, сосредоточивъ все вниманіе на борьбѣ элленизма и романизма въ ея внутренней жизни. Но на полѣ историческаго изслѣдованія съ возникновеніемъ новыхъ европейскихъ и азіатскихъ государствъ, съ особой культурой, съ особымъ государственнымъ строемъ, оказавшихся болѣе прочными, чѣмъ Византія, и потому поглотившихъ ее,—старые счеты между элленизмомъ и романизмомъ утратили уже свое прежнее жизненное значеніе. Это была уже борьба за существованіе двухъ умирающихъ отъ старости и маразма культуръ. Судьба Византіи рѣшалась уже не ими, но вторженіемъ новыхъ общественныхъ силъ, новыхъ государственныхъ организацій, одновременно сложившихся на сѣверо-западѣ и на востокѣ Византіи. Такая ошибка въ планѣ историческаго изслѣдованія, котораго держался г. Грибовскій, логически вытекла изъ его опредѣленія государства. Разъ государство понимается, какъ моментъ равновѣсія групповыхъ интересовъ, то историку не остается ничего иного дѣлать, какъ слѣдить шагъ за шагомъ за борьбою внутреннихъ партій и группъ. Но вѣрно ли это опредѣленіе? Такое равновѣсіе всегда есть или, если хотите, его никогда нѣтъ, потому что одна изъ борющихся сторонъ беретъ верхъ надъ другою, и система равновѣсія борющихся интересовъ превращается такимъ образомъ въ систему угнетенія и подавленія однихъ интересовъ другими. И вѣчная борьба элементовъ и временное «замираніе» ихъ, какъ выражается г. Грибовскій, есть во всякомъ государствѣ, но не они составляютъ сущность государства. Онъ случайное и второстепенное принялъ за главное и основное. Какъ это ни странно, у насъ есть исторія государствъ, есть наука о государствѣ, есть теоріи государственнаго права, все, что хотите, нѣтъ только твердаго и общепризнаннаго опредѣленія основнаго понятія о государствѣ. Основатель школы экономическаго матеріализма опредѣлилъ государство, какъ «организацію классоваго господства», и почти всѣ его послѣдователи понимаютъ государство, какъ орга-

низацію насилія. Я бы ничего не имѣлъ противъ такого опредѣленія, еслибъ самъ Марксъ и его послѣдователи не сулили въ будущемъ образованія такого идеально-справедливаго государственнаго строя, который не имѣетъ ничего общаго съ классовымъ господствомъ. Будущій строй не будетъ ни насиліемъ, ни разбоемъ, а все же будетъ государственнымъ строемъ. Слѣдовательно насиліе и классовое господство—не основной признакъ всякаго государства, слѣдовательно Марксовское опредѣленіе государства не точно, потому что не охватываетъ всѣхъ случаевъ; нужна формула болѣе общая, болѣе широкая. Я понимаю государство, не какъ организацію классоваго господства, а какъ организацію отношеній, существующихъ въ данной средѣ между всѣми членами даннаго государственнаго союза и группами ихъ, каковы бы эти отношенія ни были. Если эти отношенія основываются на господствѣ однѣхъ группъ надъ другими, тогда и государство является организаціею господства; если всѣ группы равны, тогда оно будетъ организаціею равенства. Россійское государство до 19-го февраля 1861 года было организаціею крѣпостничества, но послѣ 19-го февраля передъ нимъ возникла другая задача: организація крестьянской свободы. Съ освобожденіемъ крестьянъ классовое господство помѣщиковъ, санкціонированное до того времени государствомъ, уничтожилось, но вѣдь государство осталось, оно пережило господство помѣщика и само же отмѣнило его, слѣдовательно и отождествлять его съ этимъ господствомъ ни въ какомъ случаѣ нельзя, логически не мыслимо. Съ развитіемъ общества взаимныя отношенія группъ мѣняются, государство же остается. Съ этой точки зрѣнія опредѣленіе г. Грибовскаго, разумѣющаго подъ государствомъ моменты равновѣсія интересовъ борющихся общественныхъ группъ, шире и вѣрнѣе Марксовскаго, такъ какъ охватываетъ не одни только неподвижные экономическіе интересы, но и всякіе другіе, которыми живетъ общество, и въ то же время предусматриваетъ возможность эволюціи государства, его приспособленія къ измѣняющемуся взаимоотношенію общественныхъ классовъ и группъ. Все дѣло здѣсь именно въ эволюціи государства и общества, въ постепенномъ переходѣ того и другого къ высшимъ формамъ, въ приближеніи къ назрѣвающимъ въ сознаніи массъ идеаламъ общественнаго благоустройства. Тѣ, кто якобы отрицаютъ государство въ принципѣ, на самомъ дѣлѣ отрицаютъ только отсталыя, пережитыя обществомъ, устарѣвшія формы его; тѣ же соціалисты, исповѣдующіе формулу Маркса, въ противоположность анархистамъ, въ принципѣ не признающимъ никакого государственнаго порядка, доводятъ государственную организацію до высшей степени развитія и распространяютъ ее даже на всю экономическую жизнь, въ которой царитъ полная свобода индивидуальности. Нѣтъ сомнѣнія, что государство исторически родилось изъ насилія, но въ развитіи своемъ оно переродилось и постепенно стало развивать цѣлый рядъ

такихъ функцій, которыя ничего не имѣютъ общаго съ насиліемъ, ну, напримѣръ, назовемъ хотя бы государственное страхованіе рабочихъ, фабричное законодательство, государственную благотворительность и проч. Въ силу упомянутаго закона борьбы за существованіе, побѣдителями въ которой могли выходить только государства, прочныя своей связью съ народомъ и любовью гражданъ, росли и развивались только такіе государственные союзы, которые лучше гарантировали благоденствіе подданныхъ, полнѣе и лучше выполняли свою прогрессивную задачу. Племена человѣчества безсознательно какъ бы искали наилучшихъ, наиболѣе удобныхъ и справедливыхъ формъ государственнаго общежитія, и то племя, тотъ народъ, государственный строй и идеалъ котораго былъ выше, оказывался побѣдителемъ, а побѣжденные народы теряли свою худшую государственную организацію и становились подданными болѣе лучшаго государства. Съ точки зрѣнія историческаго прогресса сила отождествлялась съ правомъ [1]). Подъ видомъ борьбы народовъ, мечами ихъ армій въ сущности боролись различныя государственныя идеи. Византія оказалась такъ безпредѣльно слабой и безпомощной въ борьбѣ съ крестоносцами феодальной Европы именно потому, что ея государственная идея была мертва и безсильна, потому что ея государственные порядки не заслуживали преданности народной и ничего не давали народу. Тѣ формы проявленія вѣчевой монархіи, съ абсолютнымъ монархомъ, зависящимъ онъ уличной толпы, не могли гарантировать благополучія гражданъ и не соотвѣтствовали усложнившимся требованіямъ эпохи. Во-первыхъ, всѣ древнія государства были по преимуществу государствами городовъ, въ ихъ обиходъ и въ сферу главныхъ отношеній деревня, область, провинція почти и не входила равноправнымъ членомъ. Византійскіе крестьяне, колоны, были, по описанію г. Грибовскаго, безправными крѣпостными. Въ общемъ управленіи они могли играть только страдательную роль. Объ ихъ благополучіи никто не заботился. Надъ ними властвовали императоры, надъ которыми властвовала городская толпа. Въ итогѣ страною правили какія-то цирковыя партіи синихъ и зеленыхъ. Полная безправность крестьянъ заставляла ихъ бросать деревню и переселяться въ Византію въ ряды владычествующей надъ страной черни. Хотя г. Грибовскій и утверждаетъ, что насе-

[1]) Я знаю, что мнѣ могутъ возразить примѣромъ завоеванія удѣльной Руси татарами, государственная культура которыхъ была безусловно ниже нашей. Монгольское иго, подавивъ зародыши нашей самобытной политической культуры, несомнѣнно, влило въ историческую и политическую жизнь славянства много самыхъ вредныхъ и губительныхъ началъ, но оно дало и положительный результатъ. имѣло и полезныя послѣдствія: такъ сдѣлало неизбѣжнымъ объединеніе Россіи. Съ точки зрѣнія причинной связи историческихъ событій настоящимъ собирателемъ Руси былъ не Иванъ Калита, а Батый. Какъ бы ни были дики татары, они были объединены въ громадную орду, которая покорила раздѣленную удѣльную Русь силою своего единенія и тѣмъ самымъ заставила ее соединиться для того, чтобы свергнуть монгольское иго.

леніе Византіи не было похоже на деморализованный римскій народъ, требовавшій дарового хлѣба и зрѣлищъ, тѣмъ не менѣе и византійцы, оторванные отъ земли, живущіе случайными заработками съ богачей и аристократіи, постепенно должны были деморализоваться все больше и больше. Глубоко монархическая по идеаламъ, толпа эта не могла дать никакой организаціи своей власти, она создавала узаконенный хаосъ, возводила смуту въ систему управленія и въ концѣ концовъ ея хаотическая деспотія, не открывавшая никакихъ перспективъ чего нибудь здороваго и свѣтлаго въ будущемъ, должна была привести имперію къ гибели при первомъ столкновеніи съ болѣе жизнеспособнымъ противникомъ. Такимъ оказалась феодальная Европа, а потомъ имперія османовъ, о которой мы впрочемъ не будемъ говорить, такъ какъ она тоже умираетъ уже на нашихъ глазахъ. Какъ ни страшенъ съ нашей современной точки зрѣнія средневѣковый феодализмъ, все же его государственная идея была крѣпче, жизненнѣе и прогрессивнѣе византійской. Если Византія была городскою имперіею, и деревня въ ней не значила почти ничего, то въ феодальномъ строѣ наоборотъ мы имѣемъ образчикъ спеціально деревенскаго деспотическаго государства съ чрезвычайно децентрализованной государственной властью. Города возникали, но не какъ государства, а какъ маленькія составныя части и столицы государствъ, но центръ тяжести и право гражданства было уже не въ одной точкѣ міра, не въ Римѣ, въ который вели всѣ дороги, и для котораго существовалъ весь остальной міръ, а равномѣрно разсѣивалось, разливалось по всей странѣ. Было франкское королевство съ Парижемъ, съ Реймсомъ; но не было и по условіямъ новой цивилизаціи не могло возникнуть ни новаго Рима, ни новой Византіи. Деревенское государство уже самой массой равномѣрно разсѣянныхъ по всей странѣ и объединенныхъ болѣе или менѣе равноправныхъ частицъ было сильнѣе всякаго городскаго, и уже въ одномъ этомъ преимуществѣ былъ заключенъ смертный приговоръ Византіи. Съ другой стороны въ средневѣковой Европѣ взаимныя отношенія крестьянъ къ феодаламъ, феодаловъ къ королямъ, королей къ городамъ и городовъ къ деревнямъ, постепенно измѣнялись и по прошествіи вѣковъ путемъ всяческихъ пертурбацій привели къ тому же народовластію, но организованному на началахъ представительства, которымъ равномѣрно пользуются и города и деревни. Такимъ образомъ феодальная Европа побѣдила монархически-вѣчевую Византію, и какъ болѣе сильная, и какъ болѣе богатая грядущими перспективами дальнѣйшаго общественнаго развитія. Ея оружіе было сильнѣе, потому что ея государственная идея была выше и ея общественныя формы прогрессивнѣе. У Европы было будущее, тогда какъ за Византіей было только ея прошлое. Послѣ того, какъ ея государственная идея была изжита, ей оставалось только умереть.

И. Гофштеттеръ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Оправданіе добра. Нравственная философія Владиміра Соловьева. Спб. 1897.

СѢ, ДАВШІЕ до сихъ поръ отзывы о книгѣ г. Соловьева, упоминали, въ той или другой формѣ, что въ ней 700 страницъ: очевидно, авторъ ни для кого не сумѣлъ заслонить или искупить этого обстоятельства значительностью или богатствомъ содержанія. И дѣйствительно, глубокое разочарованіе ожидаетъ того, кто повѣритъ заглавію и оглавленію семисотъ страницъ и обречетъ себя на тяжелый трудъ ихъ внимательнаго чтенія. На сорока слишкомъ печатныхъ листахъ тянется безконечный фельетонъ, жеманный, запутанный, самодовольный и совершенно безсодержательный. Дарованій, силъ и знаній автора едва ли хватило бы на удовлетворительное выполненіе даже сотой доли той задачи, которую онъ себѣ поставилъ, и потому, подавленный темой, онъ не отвѣчаетъ самымъ скромнымъ требованіямъ читателя даже въ тѣхъ частяхъ книги, которыя, строго говоря, не превышали бы его силъ при ихъ добросовѣстной монографической разработкѣ.

Можно въ виду этого сказать, что семьсотъ страницъ являются точнымъ подобіемъ всей литературной дѣятельности ихъ автора. Г. Соловьевъ, видимо, до такой степени охваченъ, проникнутъ и подавленъ заимствованной имъ у И. В. Кирѣевскаго мыслью о всеединствѣ бытія, какъ верховномъ идеалѣ духовной жизни, что, съ одной стороны, не способенъ сдѣлать ни одного шага дальше своего источника, то-есть ни оригинально обогатить эту идею индивидуальнымъ, но стройнымъ и послѣдовательнымъ ея развитіемъ,

ни оформить и довести до надлежащей законченности строгою формулировкой (у Кирѣевскаго она осталась лишь наброскомъ), а съ другой стороны, нашелъ свою погибель въ чужомъ богатствѣ и на высотѣ обобщеній Кирѣевскаго счелъ себя способнымъ къ такимъ обширнымъ задачамъ, къ какимъ вовсе не былъ призванъ. Не будучи въ состояніи создать связной и стройной философской системы даже изъ чужой мысли, онъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ ограничивался неистощимымъ и совершенно безплоднымъ трихотомическимъ схематизированіемъ отвлеченныхъ понятій; не имѣя солидныхъ и основательныхъ знаній ни въ одной научной отросли, онъ считалъ себя вправѣ «судить рѣшительно и смѣло» о любой изъ нихъ и притомъ въ ея крайнихъ выводахъ и высшихъ обобщеніяхъ; и потому, въ концѣ концевъ, исходя изъ высокой, хотя и чужой, идеи, съ величайшими претензіями и задоромъ, рѣзко и вычурно высказывалъ очень поверхностныя и мелкія мысли.

Такое же несоотвѣтствіе между затѣей и выполненіемъ встрѣчается и на каждой изъ семисотъ страницъ, на которыхъ авторъ намѣревался дать систематическій анализъ нравственныхъ идеаловъ человѣчества съ точки зрѣнія истины, какъ всеединосущаго (въ такой формѣ онъ кладетъ мысль Кирѣевскаго, хотя и не указывая на свой источникъ, въ основаніе своей философіи уже въ «Критикѣ отвлеченныхъ началъ»), и, подобно Икару, на чужихъ крыльяхъ залетѣлъ слишкомъ высоко, чтобы не упасть.

Чрезвычайная легкость багажа положительныхъ знаній, обусловившая совершенно исключительную подвижность и разносторонность его мысли, не только не отвратила, но даже ускорила это паденіе. На всѣхъ семистахъ страницахъ своего назидательнаго фельетона г. Соловьевъ старается поразить читателя энциклопедической эрудиціей, по выраженію одной изъ героинь Островскаго, «не знаетъ, какъ блеснуть очаровательнѣе», но, увы, обнаруживаетъ при этомъ лишь не болѣе, какъ фельетонную ученость. Его ссылки и выписки, не исключая даже многочисленныхъ и усердныхъ комплиментовъ по адресу различныхъ журналистовъ и профессоровъ, могущихъ сочувственно заинтересоваться семьюстами страницъ, дѣлаются съ такимъ видомъ, будто высота и ширина воззрѣній автора дозволяютъ ему все обнять умомъ, все примирить, надо всѣмъ произнести окончательный приговоръ, и притомъ, по словамъ Лейбница, «почти ничего не презирать». Эта бойкая универсальность — единственный элементъ, могущій нѣсколько развлечь и вознаградить читателя семисотъ страницъ, встрѣчающаго на нихъ рядомъ или въ близкомъ сосѣдствѣ имена свв. апостоловъ, отцовъ церкви, гг. Карѣева и Михайловскаго, Гомера, Вергилія, Я. К. Грота, М. Н. Галкина-Врасскаго, преподобнаго Исаака Сиріянина, г. Мечникова, Канта, Брема, Будды, г. Дубасова и многихъ другихъ.

Но при всей своей бойкости и туманной общности выраженій, г. Соловьевъ не могъ кое-гдѣ не коснуться конкретной стороны тѣхъ вопросовъ, которые берется рѣшать въ мутной водѣ мнимо-философскихъ умствованій, и въ этихъ случаяхъ обнаружилъ такой недостатокъ знаній, который окончательно лишаетъ всякой цѣнности и вѣса его рѣшительныя обобщенія. Такъ, напримѣръ, блистая безъ всякой надобности знакомствомъ съ языками древне-еврейскимъ, греческимъ, латинскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ, а въ при-

мѣчаніи на стр. 291 даже португальскимъ, г. Соловьевъ даетъ, однако же, свои греческія цитаты или вовсе безъ знаковъ ударенія и придыханія, или съ такою ихъ разстановкою, что несомнѣнно обнаруживается его плохое знаніе не только греческаго правописанія и грамматики, но даже и греческаго алфавита. Далѣе, напримѣръ, на стр. 470, совершенно ясный латинскій текстъ опредѣленія собственности, какъ ius utendi et abutendi, то-есть право пользованія и потребленія, переводится имъ, какъ право пользованія и злоупотребленія. Это же опредѣленіе, принадлежащее средневѣковымъ юристамъ, анализируется на стр. 475, для характеристики римскаго права, которое, будто бы, измѣнило въ немъ своему индивидуализму. На стр. 613 красуется начало весьма поучительнаго разбора опредѣленія права, даннаго Іерингомъ. Знаменитый юристъ опредѣлялъ право въ субъективномъ смыслѣ, какъ юридическую обезпеченность наслажденія, какъ юридически защищенный интересъ, то-есть признавалъ, что всякое право непремѣнно есть нѣкоторый интересъ, и что только обезпеченный интересъ есть право. Къ этому онъ прибавлялъ, что подъ интересомъ должно разумѣть отнюдь не хозяйственные только интересы, «но и другія высшія блага нравственнаго свойства; личность, свобода, честь, родственная связь—блага, безъ которыхъ внѣшнія, зримыя блага не имѣли бы никакой цѣны» (Духъ римск. права, 4, 328). Г. Соловьевъ, очевидно никогда не видавшій подлинныхъ разсужденій Іеринга, подвергаетъ ихъ прелюбопытному разбору. «Нѣтъ никакого сомнѣнія, что право защищаетъ интересы,—говоритъ онъ,—однако не всякіе». Но вѣдь Іерингъ признаетъ правомъ вовсе не защиту интересовъ, а самые интересы, и притомъ лишь тѣ, которые защитой обезпечены; притомъ это опредѣленіе Іерингъ примѣняетъ лишь къ понятію права въ субъективномъ смыслѣ, а г. Соловьевъ анализируетъ его мысль въ примѣненіи къ праву въ объективномъ смыслѣ. Да, впрочемъ, знакомъ ли и вообще г. Соловьевъ съ этимъ двойственнымъ расчлененіемъ понятія права, составляющимъ основу юриспруденціи? Всѣ данныя говорятъ, что вовсе не знакомъ, яснѣе всего—стр. 498, гдѣ авторъ даетъ слѣдующее безподобное опредѣленіе права «въ его отношеніи къ нравственности»: «Право есть принудительное требованіе реализаціи опредѣленнаго минимальнаго добра или порядка, не допускающаго извѣстныхъ проявленій зла». Это незнакомство автора съ критикуемыми имъ теоріями всего нагляднѣе сказалось въ томъ, что, отвергая опредѣленіе Іеринга и Н. М. Коркунова, признающаго право разграниченіемъ интересовъ, самъ г. Соловьевъ, на стр. 502, повторяетъ обоихъ названныхъ ученыхъ въ своемъ собственномъ опредѣленіи права, какъ «исторически-подвижнаго опредѣленія принудительнаго равновѣсія двухъ нравственныхъ интересовъ—личной свободы и общаго блага». Переводя эту запутанную фразу на научный языкъ, мы получимъ: право есть разграниченіе (=подвижное опредѣленіе равновѣсія) обезпеченныхъ (=принудительное равновѣсіе) интересовъ,—т. е. опредѣленіе Коркунова.

Мы не будемъ касаться главъ книги, посвященныхъ уголовному праву и политической экономіи, такъ какъ первая представляетъ изъ себя не важную компиляцію по учебникамъ уголовнаго права, а вторая полна такихъ промаховъ и фантастическихъ утвержденій, что даже профессоръ Гротъ въ своей

восторженной рецензіи призналъ автора семисотъ страницъ мало-компетентнымъ въ этой области; мы укажемъ лишь поразительный примѣръ недостатка историческихъ свѣдѣній у г. Соловьева: на стр. 270, у него съ неподражаемо-забавною рѣшительностью утверждается, что «произволъ мнимо-научной критики поспѣшилъ превратить въ миѳъ . . . братьевъ-изгоевъ, основывающихъ Римъ», и что «нелѣпость тѣхъ точекъ зрѣнія, на которыхъ обыкновенно становится отрицательная историческая критика, избѣгаетъ общаго осмѣянія, лишь благодаря тому «мраку временъ», въ которомъ скрываются предметы ея упражненій». Когда подумать, что представителями этихъ «нелѣпыхъ мнимо-научныхъ» проявленій «критическаго произвола» являются Нибуръ, Моммсенъ и Швеглеръ, а за ними и вся современная наука римскихъ древностей и исторіи, а выводящимъ ихъ на всеобщее посмѣяніе авторитетомъ г. Владиміръ Соловьевъ, то нельзя не вспомнить съ невольнымъ смѣхомъ того описаннаго Достоевскимъ гимназиста, который, получивъ случайно атласъ звѣзднаго неба, возвращаетъ его на слѣдующій день съ поправками.

Смущенный въ устномъ разговорѣ только что изложенными замѣчаніями, одинъ изъ почитателей г. Соловьева замѣтилъ намъ, что все это—«факты», а г. Соловьевъ разсматриваетъ предметы съ философской точки зрѣнія. На это намъ пришлось отвѣтить, что никакая точка зрѣнія (а философская—меньше всякой другой) не исключаетъ необходимости знать предметъ, о которомъ берешься писать, и читать тѣхъ писателей, съ которыми собираешься полемизировать. Это—требованія самой элементарной добросовѣстности, которымъ по преимуществу долженъ удовлетворять авторъ, пишущій въ безапелляціонномъ тонѣ и позволяющій себѣ самые рѣзкіе и рѣшительные приговоры. Сверхъ того, право на обобщенія и широкіе выводы въ научной области принадлежитъ только тому, кто имѣетъ подъ собою солидную почву дѣйствительнаго знанія; съ гимназической эрудиціей по «послѣднимъ» учебникамъ недалеко можно уйти. Да къ тому же, трудно и понять, при чемъ собственно философія въ семистахъ страницъ, кромѣ заглавія и претензій автора. Ни тѣни научнаго метода, научной постановки и формулировки вопросовъ, безпристрастной и свѣдущей критики, стройной и точной мотивировки,—словомъ, ни одного признака философскаго изслѣдованія не встрѣтитъ непредубѣжденный читатель этого сборника блѣдныхъ фельетоновъ.

Профессоръ Гротъ, въ своей хвалебной (съ немногими оговорками, очень мягко и почтительно сдѣланными) рецензіи на книгу г. Соловьева, высказалъ пожеланіе, «чтобы наша не всегда основательная и часто тенденціозная критика отнеслась къ его труду съ должнымъ вниманіемъ, безпристрастіемъ и справедливостью». Но во исполненіе этого пожеланія должно прежде всего рѣшительно возразить противъ опрометчивыхъ и непомѣрно преувеличенныхъ похвалъ Н. Я. Грота. Ни одинъ безпристрастный человѣкъ не признаетъ г. Соловьева «первенствующимъ» среди проф. Введенскаго, Каринскаго и самого Н. Я. Грота; съ другой стороны, самъ Н. Я. Гротъ, подумавъ, навѣрное возьметъ обратно свое утвержденіе, будто имя г. Соловьева «вполнѣ законно пользуется симпатіями всего русскаго образованнаго общества»: всякому извѣстно, что сторонники и поклонники г. Соловьева составляютъ въ нашемъ обществѣ

ничтожное меньшинство, убывающее при каждой новой его книгѣ, и я только удивляюсь, какъ могъ почтенный профессоръ увлечься до такого фантастическаго утвержденія. Равнымъ образомъ, когда Н. Я. Гротъ говоритъ, что главы семисотъ страницъ, «посвященныя анализу отношеній личности и общества, нравственной основы общественности, отношеній нравственности и права, указываютъ на глубокое изученіе (подразумѣвается: г. Соловьевымъ) постановки этихъ проблемъ въ современныхъ общественныхъ наукахъ», то его приговоръ, пристрастный и въ данномъ случаѣ совершенно некомпетентный, не можетъ не вызвать протеста со стороны каждаго непредвзятаго юриста, какъ мы, надѣемся, отчасти и доказали въ предшествующемъ.

Какое же впечатлѣніе производитъ въ цѣломъ разбираемая книга на непредубѣжденнаго читателя? Въ одной изъ своихъ статей г. Соловьевъ призналъ возможнымъ охарактеризовать всю русскую философскую литературу, не исключая и его собственныхъ сочиненій, словами Рабана Мавра, какъ «нѣчто столь скудное, пустое и безобразное, что нельзя пролить достаточно слезъ надъ такимъ прискорбнымъ состояніемъ». Къ русской философской литературѣ, въ ея цѣломъ, эта характеристика, разумѣется, вовсе не подходитъ; но къ нѣкоторымъ причисляемымъ къ этой литературѣ произведеніямъ,—едва ли нужно указывать, къ какимъ именно,— она примѣнима въ полной мѣрѣ и во всей силѣ.

Б. Никольскій.

Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Сезонъ 1895—1896 гг.

Это интересное изданіе съ каждымъ годомъ улучшается, главнымъ образомъ, съ внѣшней стороны. Послѣдній «Ежегодникъ» заключаетъ въ себѣ превосходные портреты артистокъ: Ермоловой, Жулевой, Сабуровой, покойной даровитой артистки Линской, портреты Шаховского, Сѣрова въ молодости. Такъ же отлично выполнены и иллюстраціи къ исполненнымъ пьесамъ; особенно выдаются изображенія московскаго исполненія драмы Л. Н. Толстого «Власть тьмы»—это словно картинки талантливаго художника, а не простая фотографія; таковы же иллюстраціи къ пьесамъ «Старый закалъ», «Нечай Погаевъ» (въ Спб.), къ петербургской оперѣ и др. Любопытны и прекрасно исполнены картинки къ коронаціонному спектаклю въ Москвѣ. Къ сожалѣнію, однако, спектакли послѣдняго сезона иллюстрированы менѣе разнообразно, чѣмъ въ предыдущемъ сезонѣ; наиболѣе же слабая сторона этихъ иллюстрацій заключается въ томъ, что редакторъ все еще никакъ не можетъ добиться ихъ систематизированія; онѣ являются не столько правильнымъ, нагляднымъ воспроизведеніемъ дѣятельности сцены, сколько какимъ-то случайнымъ подборомъ того, что подъ руку попадается. Иное, болѣе важное, интересное, пропущено, а менѣе важное проявляется въ размѣрахъ излишней роскоши. Напримѣръ: г-жа Савина изображена семь разъ въ маленькой роли Акулины драмы «Власть тьмы», хотя эта роль не была выдающейся у артистки, тогда какъ въ нѣкоторыхъ другихъ роляхъ, гдѣ особенно замѣчательно выдалось ея творчество, нѣтъ ни одного изображенія артистки («Темная сила», «Волки и овцы», «Не сошлись характерами»). Съ другой стороны, другіе артисты, игравшіе въ пьесѣ

«Власть тьмы» роли болѣе значительныя, чѣмъ г-жа Савина, совсѣмъ пропущены (Давыдовъ—Акимъ, Стрѣльская—Матрена, Васильева—Анисья). То же встрѣчается и въ иллюстраціяхъ московскихъ спектаклей: «Дворянское гнѣздо» Тургенева представлено только одною сценой (Южинъ и Лешковская); нѣтъ никакихъ другихъ дѣйствующихъ лицъ пьесы, ни Калитиной, ни Пестовой, ни Паншина, ни Лемма, ни Гедеоновскаго, никакихъ группъ и декорацій, очень живописныхъ въ этой комедіи. Пьеса Судермана «Честь» представлена только двумя отдѣльными лицами (Лешковская и Правдинъ). Между тѣмъ тутъ же является изображеніе г-жи Щепкиной въ одноактномъ водевилѣ «Лолотта», хотя у той же Щепкиной были роли лучшія въ сезонѣ, пропущенныя «Ежегодникомъ», напримѣръ, роль въ пьесѣ «Старый закалъ». Вообще, иные выдающіеся артисты, сыгравшіе съ успѣхомъ нѣсколько новыхъ интересныхъ ролей, вовсе не попали въ «Ежегодникъ»: Абаринова («Боязнь жизни», «Старый закалъ»), Мичурина («Боязнь жизни», «Темная сила», «Старый закалъ»), Ленскій петерб. («Бой бабочекъ»), Ленскій московск. («Честь», «Король Лиръ»), Комиссаржевская («Бой бабочекъ»). Изъ пьесъ нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, «Боязнь жизни», «Темная сила» и друг., вовсе не иллюстрированы. Иногда попадаются иллюстраціи, ставящія въ недоумѣніе, напримѣръ, г-жа Потоцкая въ роли «Вавы»: иллюстрація представляетъ одну головку артистки въ шляпкѣ,—при чемъ тутъ роль Вавы? что характернаго являетъ шляпа, которой при томъ же артистка впродолженіе пьесы почти вовсе не надѣваетъ? Болѣе правильно сдѣланъ подборъ декорацій, но и тутъ есть пропуски, хотя относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ сдѣланы ссылки на прошлыя книги «Ежегодника». Такимъ образомъ, отдѣлка иллюстрацій очень хороша, но выборъ ихъ оставляетъ желать многаго; отсутствіе системы выбора сказывается часто. Мы знаемъ, что добиться правильности и полноты въ этомъ дѣлѣ довольно трудно, потому что фотографированіе сценъ и лицъ находится въ зависимости отъ артистовъ, которые этимъ часто тяготятся; но въ томъ-то и заслуга редактора, чтобы умѣть достать то, что нужно, интересно и наиболѣе хорошо. Авторы такой же капризный народъ, какъ и артисты, между тѣмъ не одна только величина гонорара дѣлаетъ то, что у одного редактора, въ одномъ журналѣ, подборъ статей лучше, у другого хуже.

Въ дѣлѣ текста статистическая часть составляетъ очень сильную и солидную часть изданія. Несомнѣнно, что будущій историкъ театра можетъ широко пользоваться «Ежегодникомъ» съ этой стороны, и тутъ даже допущена роскошь, возможная только казенному изданію (напримѣръ, ежегодная перепечатка, съ какого года какой артистъ служитъ, исчисленіе, сколько разъ не только игралъ, но даже былъ занятъ на выходъ иной второстепенный артистъ). Эта тщательная статистика сказывается и въ краткихъ біографическихъ очеркахъ артистокъ Жулевой, Сабуровой, Ермоловой, что для занимающагося театромъ дѣлаетъ «Ежегодникъ» драгоцѣнной справочной книгой. Съ этой же стороны, весьма интересны и статьи трехъ книгъ приложеній къ «Ежегоднику». Хотя большая часть изъ нихъ и компилятивнаго характера, хотя мѣстами и чувствуются пробѣлы, а мѣстами, наоборотъ, нѣкоторыя детали вредятъ яркости изложенія,—тѣмъ не менѣе многое въ этихъ статьяхъ интересно, и кое-что является въ печати въ первый разъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не отнестись

сочувственно къ редактору «Ежегодника» г. Молчанову. Какъ участникъ извѣстнаго изданія «Архивъ Императорскихъ театровъ»—и потому знатокъ архивныхъ дѣлъ театра, онъ, видимо, помогаетъ авторамъ статей, предоставляя имъ документальныя бумаги. Такъ, напримѣръ, въ интересной біографіи артистки Линской напечатано ея прошеніе къ директору театровъ графу Борху о прибавкѣ жалованья, которое само по себѣ даетъ очень характерную картину театральной жизни того времени. Перепечатываемъ оглавленіе статей, помѣщенныхъ въ помянутыхъ трехъ книгахъ: 1) Краткая біографія г-жи Линской. 2) Волковъ въ Ярославлѣ. 3) Краткая біографія писателя Хмѣльницкаго. 4) Изъ памятной книжки режиссера Соловьева. 5) Краткая біографія г-жи Асенковой. 6) Театръ въ царствованіе императрицы Екатерины II. 7) Любительскій театръ при императрицѣ Екатеринѣ II. 8) Записки Щепкина (новая глава). 9) Томазо Сальвини. 10) Опытъ біографіи писателя князя Шаховского. 11) Н. А. Полевой, какъ драматургъ. 12) Любительскій театръ при Аннѣ Іоанновнѣ. 13) Краткая біографія писателя Р. М. Зотова. 14) Композиторъ Сѣровъ.

Л—овъ.

Н. М. Минскій. При свѣтѣ совѣсти. Мысли и мечты о цѣли жизни. Изданіе второе. Спб. 1897.

Книга г. Минскаго, появившаяся первымъ изданіемъ въ 1890 году, имѣла средній успѣхъ и потребовала теперь второго изданія. Въ свое время она обратила на себя вниманіе, всѣ органы печати дали о ней отзывъ, и поэтому г. Минскому грѣшно жаловаться на равнодушіе публики и критики. Но тѣмъ не менѣе онъ ими очень недоволенъ и даетъ своему недовольству выраженіе въ предисловіи ко второму изданію. Чѣмъ же онѣ провинились передъ авторомъ? Что касается до публики, то она относится «съ враждебнымъ равнодушіемъ и глухимъ недовѣріемъ къ книгѣ, посвященной идеямъ философскимъ и религіознымъ»; а критика, въ свою очередь, «не опровергнувъ ни одного вашего довода, какъ-то цѣликомъ васъ устранитъ, да уже кстати и самую философію». Этого мало: «ругая автора, критикъ какъ-то всегда при этомъ ухитрится похвалить себя и пріотворить передъ читателемъ анфиладу собственныхъ достоинствъ». Не желая послѣдовать примѣру критиковъ, возбуждающихъ неудовольствіе г. Минскаго, мы не будемъ «пріотворять передъ читателемъ анфиладу собственныхъ достоинствъ» и постараемся просто опровергнуть нѣкоторые изъ его «доводовъ». Такъ, онъ утверждаетъ, что книги, посвященныя идеямъ философскимъ и религіознымъ, встрѣчаютъ у насъ «враждебное равнодушіе и глухое недовѣріе». Не знаемъ, о какихъ собственно книгахъ этого содержанія говоритъ авторъ. Но мы можемъ констатировать фактъ, что наше общество всегда интересовалось книгами философскаго содержанія, интересуется ими очень сильно и теперь. Какой изъ иностранныхъ философовъ, напримѣръ, натолкнулся у насъ на равнодушіе? Шеллингъ, Гегель, Огюстъ Контъ, Шопенгауеръ, Спенсеръ? Или только русскіе философы имѣютъ основаніе жаловаться на равнодушіе нашего общества? Но въ такомъ случаѣ почему же у насъ возникъ спеціальный философскій журналъ: «Вопросы философіи»? Почему и общіе журналы наши

посвящаютъ такъ много мѣста философскимъ вопросамъ, знакомятъ общество со всѣми теченіями философской мысли? Или, можетъ быть, г. Вл. Соловьевъ встрѣчаетъ только равнодушіе со стороны публики? Нѣтъ, авторъ очевидно напрасно гнѣвитъ Бога. Онъ можетъ развѣ только жаловаться на то, что его собственныя философскія мысли не встрѣчаютъ сочувствія у публики или достаточнаго на его взглядъ сочувствія, хотя и эта жалоба неумѣстна, потому что и его стихотворенія, въ которыхъ такъ много философіи, и разбираемая нами здѣсь книга имѣютъ несомнѣнный успѣхъ, правда, успѣхъ только средній, но это, можетъ быть, объясняется не столько нерасположеніемъ нашего общества къ философскимъ вопросамъ, сколько совершенно другими причинами.

Возьмемъ другой «выводъ». Оказывается, что всѣ люди безъ исключенія ужасно боятся призрака смерти. Какъ только онъ появится предъ ними, они «обезумѣваютъ отъ страха и горя». Къ чему такое обобщеніе? Неужели всѣ люди такъ боятся смерти? Неужели мы не видимъ, что есть люди, которые не только не боятся, но даже ищутъ ея? Если бы этого не было, то, конечно, число самоубійствъ не увеличивалось бы такъ быстро. Значитъ, и въ этомъ «доводѣ» автора есть по меньшей мѣрѣ сильное преувеличеніе. А между тѣмъ этотъ «доводъ» имѣетъ очень тѣсную связь съ существеннымъ содержаніемъ его книги. Одно изъ основныхъ положеній г. Минскаго заключается въ томъ, что главною движущею силою человѣка является «самолюбіе» (правильнѣе было бы сказать: себялюбіе). «Безгранична, какъ небесныя пространства, неизмѣрима, какъ вѣчность, сильна, какъ тяготѣніе звѣздъ, любовь каждаго къ себѣ самому»,— патетически восклицаетъ авторъ, и о чемъ бы онъ ни заговорилъ, онъ все возвращается къ самолюбію. «Какъ надъ костромъ котелъ съ водою, человѣчество сверху до низу кипитъ на огнѣ самолюбія и стремленія къ превосходству... Только первенствуя надъ ближнимъ, мы вполнѣ сознаемъ полноту бытія и упиваемся имъ... Да будутъ благословенны безцѣльныя дѣла самолюбія». Почему? спроситъ себя читатель. Потому что они на ряду съ знаніями науки и образами искусства «высѣкаютъ изъ души спящее въ ней мистическое пламя». Это какое-то обоготвореніе самолюбія, и вы спрашиваете себя, какимъ путемъ авторъ могъ додуматься до такихъ сомнительныхъ выводовъ, что «болѣзнь, называемая въ наукѣ маніею величія, по отношенію къ нашему времени, не есть манія или болѣзнь, а всѣмъ общее естественное слѣдствіе высокой культуры-созрѣвшій плодъ самолюбія». или что «самолюбіе было, есть и будетъ не порокомъ, не болѣзнью души, но ея верховнымъ, сокровеннѣйшимъ началомъ, неизмѣннымъ закономъ управляющимъ всѣми ея движеніями?».

И такъ, авторъ не допускаетъ, чтобы человѣкъ могъ наслаждаться и страдать, временно забывая о себѣ, могъ броситься въ огонь, чтобы спасти своего ребенка, идти на вѣрную смерть, чтобы спасти свое отечество; онъ не видитъ всѣхъ дѣлъ любви самоотверженной, безкорыстной; онъ не замѣчаетъ, что ихъ совершается теперь гораздо больше, чѣмъ въ прежнее время, или, точнѣе говоря, онъ все это видитъ, но не въ состояніи уяснить себѣ все это естественнымъ путемъ, а предается по этому поводу весьма страннымъ философскимъ размышленіямъ и притомъ въ такомъ сочетаніи, которое насъ опять приводитъ къ «безграничному, какъ необъятныя пространства», самолюбію г. Минскаго.

Чтобы постигнуть всю глубину этого самолюбія, мы должны уяснить себѣ, что онъ разумѣетъ подъ совѣстью, а для этого намъ, въ свою очередь, надо вникнуть въ его теорію о «мэонахъ».

Это еще что такое?—спроситъ читатель. Мэонъ значитъ: несуществующій. Слѣдовательно, чтобы понять, что такое, по мысли г. Минскаго, совѣсть, мы должны заняться несуществующимъ, и тогда мы очень легко составимъ себѣ понятіе о совѣсти г. Минскаго.

Пространство, ограничивающее тѣла, не есть все пространство: отъ ограниченнаго пространства мы переходимъ къ неограниченному, къ понятію о вселенной; это и есть «пространственный мэонъ». Но есть и другіе мэоны, напримѣръ, мэоны времени, мэоны первопричины и верховной цѣли, мэоны познанія, мэоны бытія и небытія, мэоны нравственной дѣятельности. Но авторъ насъ строго предостерегаетъ отъ смѣшенія всѣхъ этихъ мэоновъ съ «нелѣпостями». Такъ, напримѣръ, представленія о геркулесовыхъ столпахъ или о людяхъ съ песьими головами будутъ просто нелѣпости, мэоны же г. Минскаго раскрываютъ намъ всю глубину человѣческаго познанія. Общее между ними то, что «мы отъ окружающихъ насъ предметовъ и явленій переходимъ къ понятію о несуществующемъ», и это— «единственный путь къ познанію мэоновъ». Такимъ образомъ, внутренній голосъ совѣсти повелѣваетъ намъ изучать явленія, чтобы додуматься до мэоновъ, и всякій, кто этого не понимаетъ, кого «мэонъ нравственной дѣятельности» не «поднялъ на вершину самолюбія», кто не стремится къ «отрицанію самолюбія черезъ достиженіе его высшихъ проявленій», кто занимается такими прозаическими вещами, какъ оказаніе ближнему помощи въ его самыхъ неотложныхъ потребностяхъ, кто заботится о собственномъ благополучіи, о благополучіи ближнихъ и родины, тотъ «проживетъ безслѣдно на землѣ или на другой звѣздѣ», но тотъ, кто «выстрадалъ истину о мэонахъ» или о «небытіи мэоновъ» (это все равно), только тотъ и оставляетъ слѣдъ послѣ себя, и такъ какъ этимъ единственнымъ человѣкомъ пока является авторъ книги «При свѣтѣ совѣсти», то, очевидно, онъ одинъ только оставитъ послѣ себя слѣдъ въ исторіи. При такихъ обстоятельствахъ книгу г. Минскаго правильнѣе было бы озаглавить не «при свѣтѣ совѣсти», а «при свѣтѣ... самолюбія».

С—ій.

Cecaumeni Strategicon et incerti scriptoris de officiis regiis libellus. Ediderunt B. Wassiliewsky et V. Jernstedt. Accedit exemplum codicis phototypicum. Petropoli. MDCCCLXXXXVI.

Подъ такимъ заглавіемъ академикъ В. Г. Васильевскій издалъ, при участіи профессора Ернштедта, два чрезвычайно важныхъ въ научномъ отношеніи памятника греко-византійской литературы. Ученый міръ былъ отчасти ознакомленъ съ этими памятниками, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ статьѣ г. Васильевскаго «Совѣты и разсказы византійскаго боярина XI вѣка» (Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1881 г.), а теперь они опубликованы въ греческомъ оригиналѣ.

Памятники заимствованы изъ кодекса Московской синодальной (патріаршей) библіотеки, № 436, по новѣйшему каталогу архимандрита Владимира (Москва, 1894 г.), написаннаго отчасти въ XIV, отчасти въ XV вѣкѣ. Въ этомъ кодексѣ на листахъ 140—229 помѣщено сочиненіе изъ 259 главъ, которое при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается состоящимъ изъ двухъ неравныхъ частей различнаго содержанія и назначенія. Первая и большая половина памятника (гл. 1—234) представляетъ Στρατηγικόν, т.-е. стратегію, или трактатъ о военномъ искусствѣ. Но эта Стратегія имѣетъ нѣкоторыя особенности, значительно отличающія ее отъ другихъ аналогичныхъ произведеній, написанныхъ въ византійскую эпоху или еще до ея наступленія. Отличіе заключается прежде всего въ томъ, что разсматриваемая Стратегія содержитъ въ себѣ не одни только правила военнаго искусства, но также наставленія нравственныя, правила житейской мудрости, разумнаго поведенія, добраго управленія домомъ и семьею, приличнаго свѣтскаго и придворнаго обращенія и т. п. Это не только стратегія, иначе—военное искусство, но и домострой, изложенный въ формѣ наставленія отца сыну, который принадлежалъ къ знатной византійской фамиліи и былъ близокъ къ царскому двору. Далѣе, въ Стратегіи, для поясненія военныхъ правилъ и въ качествѣ примѣровъ, разсказываются разнообразные эпизоды изъ военной, политической и дипломатической исторіи Византіи, свидѣтельствующіе то о военныхъ стратагемахъ, или хитростяхъ, византійскихъ воеводъ и объ искусномъ взятіи ими городовъ и крѣпостей, то о военныхъ ихъ промахахъ и ошибкахъ, бывшихъ причиною несчастій для Византійской имперіи, то о возстаніяхъ и бунтахъ подчиненныхъ имперіи варварскихъ племенъ и владѣтелей и т. под. Въ частности, Стратегію по содержанію можно раздѣлить на четыре части. Въ **первой** части (гл. 1—23) содержатся правила гражданской жизни; здѣсь авторъ поучаетъ своего сына, какъ ему слѣдуетъ жить въ обществѣ въ званіи вѣрнаго гражданина и въ томъ случаѣ, если онъ будетъ облеченъ властью судьи. Во **второй** части (гл. 24—87) излагаются правила военной жизни, которыми долженъ руководиться сынъ писателя, въ качествѣ начальника войска. Въ этой части Стратегіи въ видѣ примѣровъ разсказаны многіе факты изъ военно-политической исторіи Византіи отчасти X-го, а главнымъ образомъ XI-го столѣтія. Въ **третьей** и самой большой части Стратегіи (гл. 88—167) предлагаются сперва правила частной жизни, а затѣмъ слѣдуютъ совѣты обще-христіанскаго свойства вмѣстѣ съ правилами житейской мудрости, благонравія, разумнаго завѣдыванія домомъ, хорошаго управленія семьею, заботъ о здоровьѣ, причемъ рекомендуется избѣгать врачей, а изъ пищи запрещается ѣсть грибы. Въ этой своей части Стратегія представляетъ не иное что, какъ византійскій Домострой, цѣнный для ознакомленія съ образомъ жизни и нравами современной византійской эпохи, такъ какъ писатель выражаетъ здѣсь свои мысли и чувства о жизни вообще и добродѣтели, о семьѣ и человѣческомъ обществѣ, о бракѣ, о женскомъ полѣ, о дружбѣ и подобныхъ предметахъ. **Четвертая** часть Стратегіи (гл. 168—178) начинается вопросомъ о томъ, какъ долженъ держать себя сынъ писателя въ томъ случаѣ, если въ сосѣдствѣ съ нимъ вспыхнетъ возстаніе противъ царя, живущаго въ столицѣ, и что ему должно дѣлать во избѣжаніе невольнаго перехода на сто-

рону бунтовщиковъ или во избѣжаніе угрозъ и опасностей отъ послѣднихъ. Съ этимъ вопросомъ соединены нѣкоторыя наставленія касательно военнаго искусства (гл. 179—186), а въ заключеніи, въ качествѣ приложенія, идетъ рѣчь о томъ, насколько трудна и непостоянна власть топарха, который можетъ лишиться собственнаго владѣнія и присущихъ ему правъ и подчиниться власти царской. Разсужденія и этой части иллюстрируются примѣрами.

Съ 235-й главы разсматриваемаго византійскаго памятника начинаются статьи иного содержанія и назначенія. Эта половина изданія (гл. 235—259) содержитъ совѣты и нравоученія, обращенныя не къ дѣтямъ писателя, какъ въ первой части, а къ царствующему государю (πρὸς τὸν κατὰ τὴν ἡμέραν ὄντα βασιλέ). Рѣчь царскаго совѣтника отличается свободою и не лишена нѣкотораго достоинства. Онъ съ авторитетностью увѣщеваетъ императора подчиняться существующимъ законамъ и не ставить себя выше ихъ, не внимать ложнымъ доносчикамъ, избѣгать лести, заботиться о честныхъ и разумныхъ судьяхъ, а также о войскѣ и флотѣ, не возвышать иноплеменниковъ предъ ромеями (греками), въ ущербъ дѣйствительному достоинству и чести послѣднихъ и во вредъ имперіи, не допускать злоупотребленій со стороны царскихъ родственниковъ, лично знакомиться съ положеніемъ подчиненныхъ царю странъ и т. под. И въ этомъ сочиненіи, въ качествѣ примѣровъ къ различнымъ статьямъ, приводятся любопытные разсказы изъ исторіи Византіи.

Различаясь содержаніемъ, каждое изъ разсматриваемыхъ произведеній написано и отдѣльнымъ авторомъ, и лишь впослѣдствіи они были соединены въ одно цѣлое. Стратегія написана Кекавменомъ, внукомъ виднаго государственнаго дѣятеля въ Византіи, родомъ изъ армянскихъ князей или бояръ, занимавшимъ правительственную должность въ провинціи Эллады. Свое наставленіе сыну Кекавменъ написалъ при жизни византійскаго императора Михаила VII Дуки (1071—1078 г.). Второе сочиненіе—Наставленіе царю—написано внукомъ Никулицы, состоявшаго при Василіи II Болгаробойцѣ дукою (генералъ-губернаторомъ) Эллады; авторъ усердно служилъ византійскому правительству и составилъ свое произведеніе около 1080 года; подъ царемъ, котораго онъ увѣщеваетъ, слѣдуетъ разумѣть Алексѣя I Комнина, едва лишь вступившаго на престолъ (1081 г.).

Изданныя академикомъ Васильевскимъ византійскія произведенія имѣютъ громадное научное значеніе. Прежде всего, они представляютъ единственные въ своемъ родѣ памятники византійской литературы, рѣзко отличающіеся отъ аналогичныхъ сочиненій и, сколько можно судить по каталогамъ и описямъ европейскихъ библіотекъ, нигдѣ болѣе не встрѣчающіеся. Оригинальность ихъ обусловливается тѣмъ, что находящіеся здѣсь совѣты и наставленія заимствованы изъ собственнаго разумѣнія и личнаго опыта писателей, а не почерпнуты изъ какихъ либо другихъ книгъ. Поэтому разсматриваемые памятники содержатъ очень цѣнный матеріалъ для характеристики средневѣковыхъ греческихъ воззрѣній на жизнь, нравственность, семью, общество и государство. Кромѣ того, здѣсь содержится много очень важныхъ чисто историческихъ данныхъ, разсказанныхъ въ видѣ примѣровъ къ различнымъ теоретическимъ совѣтамъ и наставленіямъ. Эти разсказы касаются исторіи и Византіи, и дру-

гихъ странъ и земель, находившихся въ дружественныхъ или враждебныхъ къ ней отношеніяхъ, и пріурочиваются преимущественно къ концу X-го и ко второй половинѣ XI-го вѣка. Цѣнность разсматриваемыхъ памятниковъ повышается въ зависимости и отъ безыскусственности ихъ языка и простоты слога, въ противоположность многимъ другимъ византійскимъ произведеніямъ, написаннымъ изысканнымъ школьнымъ языкомъ и высокимъ риторическимъ слогомъ. Текстъ сочиненій, отличающійся въ московской рукописи крайнею безграмотностью, исправленъ такимъ крупнымъ знатокомъ классицизма, какъ профессоръ В. К. Ернштедтъ. Все это приводитъ къ выводу, что изданные академикомъ Васильевскимъ византійскіе памятники представляютъ рѣдкое и весьма цѣнное пріобрѣтеніе для науки и заслуживаютъ самаго добросовѣстнаго вниманія со стороны интересующихся исторіей средневѣковой Византіи.

И. С.

О соединеніи церквей. Разборъ энциклики папы Льва XIII отъ 20-го іюня 1894 г. Профессора Московской духовной академіи Александра Бѣляева. Сергіевъ посадъ. 1897.

Существуетъ немало спорныхъ вопросовъ, по которымъ защитниками противоположныхъ взглядовъ высказано уже все, что можетъ дать самый изощренный анализъ какъ спорнаго мнѣнія, такъ и разныхъ доводовъ pro и contra. Если двѣ несогласныя въ извѣстныхъ пунктахъ стороны въ теченіе многихъ вѣковъ и трудами цѣлаго ряда поколѣній не могли не только придти, но даже болѣе или менѣе близко подойти къ согласію и выработать основы единомыслія, то, конечно, трудно ожидать, чтобы «въ послѣдокъ дній сихъ» мы вдругъ услышали яркій, оригинальный поражающій новизной взглядъ какъ на причины разногласія, такъ и на возможные способы къ его устраненію. Для этого нуженъ сильный и незаурядный умъ, вдохновенная рѣчь пророка, способная жечь сердца людей, а главное нужна полная свобода отъ условностей и традицій, сообщающихъ даже внѣшнимъ пріемамъ полемики вялый и дряблый видъ. Все это ближайшимъ образомъ мы можемъ видѣть на примѣрѣ того, кажется, вѣчнаго спора, варіацію котораго представляетъ собою недавно изданная книга г. Бѣляева. Возьмите любую, самую мелкую и незначительную частность изъ общей суммы разницъ, отдѣляющихъ западную церковь отъ восточной: и въ пользу ея, и въ опроверженіе (соотвѣтственно положенію спорящей стороны) имѣется самый солидный арсеналъ аргументовъ, при чемъ на помощь призваны чуть ли не всѣ науки, составляющія область человѣческаго знанія.

Само собою разумѣется, что авторъ настоящей книги, какъ человѣкъ вполнѣ свѣдущій въ своей спеціальности, воспользовался въ полной мѣрѣ православно-полемической литературой и представилъ хотя не новый, но толковый и хорошій сводъ данныхъ, обыкновенно приводимыхъ православными полемистами, когда рѣчь касается римской церкви. Даже внѣшніе пріемы разработки вопроса, всякія мелкія детали, такъ сказать, въ выдержанномъ стилѣ: очень часто, напримѣръ, рѣчь ведется въ формѣ вопросовъ, оставляемыхъ безъ отвѣта, при чемъ, конечно, долженъ подразумѣваться отвѣтъ въ желательномъ автору смыслѣ.

«Въ ужасномъ распространеніи безбожія на Западѣ,—вопрошаетъ г. Бѣляевъ,— не виновата ли отчасти сама латинская церковь, хотя и косвенно» (стр. 163)? Да, виновата,—долженъ умозаключать читатель. «Не смѣшно ли, — говоритъ авторъ на слѣдующей страницѣ, — что папа сулитъ намъ дать такія блага, которыхъ не имѣетъ его собственная церковь, и которыя онъ постоянно усиливается пріобрѣсть для нея, но безуспѣшно?». Да, смѣшно, —долженъ полагать читатель; впрочемъ, не слишкомъ большой погрѣшностью будетъ думать и такимъ образомъ, что все это не столько смѣшно (мы, по крайней мѣрѣ, ничего смѣхотворнаго здѣсь не видимъ), сколько грустно.

Въ тонѣ изслѣдованія, вообще говоря, нѣтъ того научнаго спокойствія, которое, какъ извѣстно, лучше всякихъ реторическихъ и псевдоклассическихъ украшеній способно придать рѣчи убѣдительность и, по крайней мѣрѣ, не отнимать у доводовъ ихъ доказательности. Иногда же авторъ, выступивъ изъ законной мѣры негодованія, начинаетъ вести рѣчь въ такомъ направленіи, которое оставляетъ весьма прискорбное впечатлѣніе. Такъ, на стр. 210, гдѣ авторъ мимоходомъ касается лицъ, перешедшихъ изъ православія въ католичество, мы встрѣчаемъ такую тираду: «Таковыхъ, и явныхъ, и скрытыхъ, измѣнниковъ своей родной православной вѣрѣ, *готовыхъ съ благоговѣніемъ лизать туфлю папы*, нельзя назвать иначе, какъ *выродками* благороднаго, благочестиваго и православнаго русскаго народа». На нихъ оправдывается пословица: «во всякомъ родѣ не безъ урода». *Мало такихъ уродовъ среди русскихъ*, а все-таки грустно, что они есть» (курсивъ нашъ). Подобнаго рода полемическіе пріемы не должны имѣть мѣста въ серьезномъ богословскомъ трактатѣ, затрогивающемъ для многихъ столь дорогіе и задушевные вопросы жизни. Немало также поразило насъ нѣсколько неожиданное сравненіе извѣстнаго церковнаго дѣятеля—митрополита никейскаго Виссаріона, съ Каіафой (стр. 51). Неужели для автора представлялось неяснымъ, что излишества подобнаго рода могутъ только ронять достоинство и цѣнность какого бы то ни было изслѣдованія.

Что касается постановки и рѣшенія существенныхъ вопросовъ, то, какъ мы указали, въ этомъ пунктѣ изслѣдованіе г. Бѣляева ничѣмъ особеннымъ не отличается отъ громаднаго моря другихъ изслѣдованій, брошюръ и статей, трактующихъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ церквей. По поводу послѣдней энциклики папы Льва XIII, г. Бѣляевъ исчисляетъ разности, отдѣляющія церковь западную отъ восточной, и по всѣмъ пунктамъ опровергаетъ догматику, канонику и обряды первой. Съ формально-логической стороны трудъ г. Бѣляева раздѣляетъ коренной недостатокъ всѣхъ полемическихъ сочиненій данной области (этого недостатка,—мимоходомъ скажемъ,—не чужды и католическіе полемисты): именно, основнымъ доводомъ для опроверженія католическихъ особенностей ставится положеніе, что православная церковь—истинна, а католическая—неистинна, а это основное положеніе въ свою очередь доказывается тѣмъ, что католическія особенности—ложны, а православныя — истинны, то-есть получается idem per idem. Нѣкоторую относительную новизну могутъ представить развѣ только стр. 165—183, содержащія апологію русскаго духовенства отъ всякихъ упрековъ въ косности, необразованности, равнодушіи

и т. д. Эти страницы читаются не безъ интереса; правда, все, здѣсь сказанное имѣетъ лишь отдаленное отношеніе къ предмету изслѣдованія, но въ общемъ за то представляетъ нелишнее ceterum censeo касательно необходимыхъ улучшеній въ разныхъ частяхъ быта и юридическаго положенія нашего духовнаго сословія. К. Х.

Повѣсти и разсказы А. Н. Плещеева съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ. Спб. Томъ 1-й—1896 г., т. 2-й—1897 г.

Какой грамотный человѣкъ въ Россіи не знаетъ поэта Плещеева, кто еще на школьной скамьѣ съ любовью не твердилъ его стиховъ:

Какъ мой садикъ свѣжъ и зеленъ!
Распустилась въ немъ сирень,
Отъ черемухи душистой
И отъ липъ кудрявыхъ тѣнь...

Кому незнакомы его прелестныя стихотворенія: «Бабушка и внучка», «Шаловливыя рученки», «Былъ у Христа младенца садъ» и множество другихъ, писанныхъ и для дѣтей, и для взрослыхъ? Но многіе ли знаютъ беллетристическія произведенія покойнаго писателя, тѣ небольшіе его разсказы, очерки, повѣсти, которыя въ достаточномъ изобиліи появлялись въ свое время (1847—1868 гг.) въ лучшихъ нашихъ журналахъ! Весьма вѣроятно, что отвѣтъ на послѣдній вопросъ въ большинствѣ случаевъ получится отрицательный. Только теперь, черезъ тридцать почти лѣтъ съ того времени, какъ сломилось беллетристическое перо изящнаго представителя прозаической литературы сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, мы какъ бы заново знакомимся съ прозаическою дѣятельностью Плещеева, благодаря собраннымъ воедино сыномъ покойнаго писателя (небезызвѣстнымъ публицистомъ, драматургомъ и балетоманомъ А. А. Плещеевымъ) его «повѣстямъ и разсказамъ». Чѣмъ-то удивительно сердечнымъ, изящнымъ повѣяло на меня, когда я съ чувствомъ неподдѣльнаго удовольствія пробѣгалъ страницы двухъ томовъ его сочиненій, и весь покойный старикъ Плещеевъ, какъ живой, во весь ростъ, возсталъ передо мною въ каждомъ очеркѣ, въ каждомъ разсказѣ, и мнѣ точно на самомъ дѣлѣ слышался его тихій задушевный голосъ, видѣлись его глаза, то порой насмѣшливо улыбавшіеся, то щурившіеся на окружающее свѣтомъ любви и участія ко всякимъ проявленіямъ человѣческой жизни! Милый, незабвенный Алексѣй Николаевичъ!.. задачи краткой рецензіи не позволяютъ мнѣ отдаться всецѣло нахлынувшимъ воспоминаніямъ, возстановить передъ читателями изящный образъ сѣдовласаго старца-поэта, котораго такъ любили и уважали всѣ знавшіе его. Впрочемъ, читатели «Историческаго Вѣстника» въ этомъ отношеніи поставлены на сегодняшній разъ благопріятно: въ текущей книжкѣ имѣется интересная статья, освѣщающая любопытный и малоизвѣстный періодъ жизни покойнаго поэта во время его оренбургскаго заточенія, періодъ, составлявшій подневольный перерывъ въ его литературной дѣятельности.

Извѣстность Плещеева, какъ поэта и беллетриста, укрѣпилась еще до разразившейся надъ нимъ грозы, и тогдашніе критики, въ лицѣ Вал. Майкова и

М. Достоевскаго, привѣтствовали молодое дарованіе писателя самымъ сердечнымъ образомъ. «Въ томъ жалкомъ положеніи, въ которомъ находится наша поэзія со смерти Лермонтова, — писалъ нѣсколько преувеличенно Майковъ,— г. Плещеевъ безспорно первый нашъ поэтъ въ настоящее время», а Достоевскій далъ слѣдующую характеристику его прозаическаго творчества: «Прежде всего намъ нравится въ этихъ разсказахъ легкость и непринужденность разсказа, простота вымысла и нѣсколько насмѣшливый, вскользь брошенный, но отнюдь не злобливый взглядъ на солидную жизнь, которую ведемъ мы съ вами, почтенный читатель. Правда, его взглядъ не проникаетъ въ самую глубь этой жизни, въ разрозненныхъ ея явленіяхъ не стремится отыскивать одной полной, потрясающей своимъ паѳосомъ картины, но тѣмъ легче для насъ съ вами, читатель. Потому-то, можетъ быть, намъ такъ и нравится этотъ насмѣшливый взглядъ на нашу солидность и на солидныя слабости...». Къ категоріи этихъ произведеній, окрашенныхъ насмѣшкой и юморомъ и почерпающихъ свое содержаніе изъ жизни среднихъ классовъ, относятся, помѣщенныя въ I т. его сочиненій «Енотовая шуба», «Протекція», «Шалость». Съ 1849 по 1856 г.г. творчеству Плещеева былъ положенъ перерывъ, но за то съ большей энергіей выступилъ онъ на страницахъ передовыхъ журналовъ, по своемъ возвращеніи изъ ссылки. Небольшія его прозаическія произведенія, опять таки съ сюжетами изъ жизни тѣхъ же среднихъ классовъ русскаго общества, прекрасно обрисовали дореформенный строй нашего отечества и по изяществу своей обработки, легкости изложенія и интерессу фабулы повѣствованія снова невольно привлекли къ себѣ вниманіе читателей и критики. Однако, между произведеніями этого періода его дѣятельности и предыдущаго сказывается невольная разница. Съ нимъ исчезаетъ уже добродушно-насмѣшливое отношеніе автора къ жизни, а въ звукахъ его голоса слышится невольная скорбь, затаенная грусть и стремленіе отнести вину неурядицы жизни не столько къ оплошностямъ дѣйствующихъ лицъ, сколько къ ненормальности окружающаго эти лица строя, къ дефектамъ среды. Отмѣчая отличіе Плещеева отъ второстепенныхъ баллетристовъ пятидесятыхъ годовъ, Добролюбовъ говорилъ, что авторъ остался «въ мірѣ мелкихъ чиновниковъ, учителей, художниковъ, небольшихъ помѣщиковъ, полусвѣтскихъ барынь и барышень, и т. п. Мірокъ этотъ знакомъ ему, какъ видно, довольно хорошо, и изображается имъ съ полной откровенностью. Въ исторіи каждаго героя повѣстей г. Плещеева вы видите, какъ онъ связанъ съ своею средою, какъ этотъ мірокъ тяготѣетъ надъ нимъ своими требованіями и отношеніями, словомъ—вы видите въ героѣ животное табунное, а не уединенное. Элементъ общественности присутствуетъ въ каждой повѣсти»... Далѣе критикъ такъ опредѣляетъ положеніе беллетристики Плещеева: «Повѣсти г. Плещеева не выходятъ изъ уровня, который установился вообще для произведеній той школы беллетристовъ, которую, пожалуй, по главному ея представителю, мы можемъ назвать тургеневскаою. Постоянный мотивъ ея тотъ, что «среда заѣдаетъ человѣка». Изъ числа произведеній этой категоріи заслуживаетъ особеннаго вниманія повѣсть «Пашинцевъ» (см. 2-й т.), гдѣ авторъ предъявляетъ требованіе дѣла, а не пустыхъ лишь и безплодныхъ желаній и надеждъ.

Въ наши дни, когда многіе изъ новѣйшихъ г.г. беллетристовъ склонны къ упраздненію чуть ли не всякаго идейнаго содержанія въ своихъ произведеніяхъ, собраніе «повѣстей и разсказовъ» Плещеева появляется кстати; на нихъ легко убѣдиться, что даже, не обладая первостатейнымъ беллетристическимъ даромъ, въ родѣ Л. Толстаго, Тургенева, Достоевскаго, можно, однако, достойно послужить перомъ русской литературѣ, гармонически соединяя въ своихъ произведеніяхъ изящество формы съ разумностью, идейностью содержанія. Любители изящной словесности во всякомъ случаѣ получатъ немалое удовольствіе изъ ознакомленія съ прозаической дѣятельностью А. Плещеева, несмотря на даже на то, что она заимствуетъ свой матеріалъ изъ эпохи, отъ которой мы отдѣлены чуть ли не полстолѣтіемъ.

Изданіе выпущено г. А. А. Плещеевымъ вполнѣ изящно и сравнительно по недорогой цѣнѣ. Приложенная сюда біографическая статья П. В. Быкова—единственная въ нашей литературѣ болѣе или менѣе обстоятельная біографія покойнаго поэта, гдѣ авторъ рядомъ съ изложеніемъ событій жизни Плещеева далъ и посильную оцѣнку его прозаическаго творчества.

Б. Глинскій.

Волынскій историко-археологическій сборникъ. Выпускъ первый. Изданіе распорядительнаго комитета Волынскаго церковно-археологическаго общества. Житоміръ. 1896.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Житомірѣ возникло по иниціативѣ архіепископа Модеста церковно-археологическое древлехранилище, поставившее своей задачей собираніе и приведеніе въ порядокъ памятниковъ старины, въ изобиліи разсыпанныхъ въ предѣлахъ Волынской губерніи, а также научную разработку историко-археологическаго матеріала. Волынское духовенство очень сочувственно отнеслось къ новому учрежденію, и вскорѣ со всѣхъ концовъ Волынской губерніи начали свозиться во вновь открытый музей рукописи, старинныя и новыя книги, самые разнообразные памятники старины. Судя по обстоятельному описанію, которое сдѣлалъ этимъ поступленіямъ молодой и очень энергичный мѣстный ученый, О. А. Форинскій, музей въ самомъ непродолжительномъ времени обогатился очень цѣнными пріобрѣтеніями, которыя заставляли подумать объ опубликованіи наиболѣе любопытныхъ матеріаловъ.

Рѣшено было издавать сборникъ, первый выпускъ котораго въ настоящее время лежитъ передъ нами.

Это небольшая, въ 10 листовъ книжка, содержащая въ себѣ главнымъ образомъ сырой матеріалъ и только двѣ спеціальныхъ статьи. Одна изъ нихъ принадлежитъ г. Крыжановскому и представляетъ собою вполнѣ научное, спеціально-филологическое изслѣдованіе о рукописныхъ евангеліяхъ, хранящихся въ волынскомъ древлехранилищѣ. Изъ евангелій, изслѣдованныхъ г. Крыжановскимъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ Вичинское Тетроевангеліе, на языкѣ котораго сильно отразилось вліяніе волынскаго мѣстнаго произношенія. Другая статья принадлежитъ г. О. А. Форинскому и представляетъ собой біографію Юрія Немирича, волынскаго авантюриста XVII вѣка. Это — довольно

обстоятельный, основанный на цѣломъ рядѣ документовъ, живо написанный очеркъ, переносящій насъ въ эпоху увлеченія на Волыни социніанскими идеями. Въ своей статьѣ г. Форинскій вполнѣ возсоздалъ біографію далеко незаурядной личности Немирича.

Изъ матеріаловъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ, на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены разнаго рода апокрифическія сказанія, сообщенныя тѣмъ же г. Форинскимъ. При бѣдности нашей апокрифической литературы матеріалъ, сообщенный г. Форинскимъ, будетъ имѣть несомнѣнно немаловажное научное значеніе. Что касается документовъ, сообщенныхъ о. Трипольскимъ, то хотя они и отнесены издателемъ къ XIII—XV вѣкамъ, тѣмъ не менѣе никакого научнаго значенія имѣть не могутъ, такъ какъ представляютъ собой несомнѣнную, очень грубую и довольно позднюю поддѣлку. Объ этомъ свидѣтельствуетъ ихъ языкъ, а также цѣлый рядъ грубыхъ хронологическихъ противорѣчій, на которыхъ останавливаться не стоитъ. Документы эти поддѣланы не позже конца XVIII вѣка, а, можетъ быть, даже въ самомъ началѣ XIX вѣка съ какими нибудь совершенно не научными цѣлями. Въ Польшѣ, какъ и въ Россіи, нерѣдко бывали случаи, что поддѣлывали документы для составленія подложныхъ генеалогій, нуждавшихся въ обоснованіи, или же для разрѣшенія всякаго рода поземельныхъ споровъ. Изданные Трипольскимъ документы, повидимому, принадлежатъ къ числу поддѣлокъ въ этомъ родѣ. В. Боцяновскій.

Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго Г. Муркоса (по рукописи Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ). Выпускъ I. Отъ Алеппо до земли казаковъ. Москва. 1896.

Антіохійскій патріархъ Макарій, родомъ арабъ изъ города Алеппо, дважды пріѣзжалъ въ Россію въ царствованіе Алексѣя Михайловича, въ первый разъ для сбора пожертвованій, а во второй для суда надъ патріархомъ Никономъ. Въ первое его путешествіе въ Россію съ нимъ былъ его родной сынъ архидіаконъ Павелъ Алеппскій, который, по просьбѣ одного изъ своихъ дамасскихъ друзей, составилъ подробное и чрезвычайно интересное описаніе трехлѣтняго странствованія своего отца. До послѣдняго времени были извѣстны двѣ рукописи арабскаго подлинника этого описанія, одна—въ Лондонѣ, переведенная (неполно и не вездѣ точно) на англійскій языкъ Бельфуромъ, а другая—въ Дамаскѣ, въ библіотекѣ Шхадэ. Съ послѣдней рукописи, незадолго до рѣзни 1860 года, когда она была уничтожена пожаромъ, были сняты три копіи, которыя всѣ въ настоящее время находятся въ Россіи: одна въ библіотекѣ при Азіатскомъ департаментѣ, другая въ С.-Петербургской Публичной библіотекѣ, въ собраніи рукописей епископа Порфирія Успенскаго, и третья хранится въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Съ послѣдней рукописи профессоръ Муркосъ и перевелъ на русскій языкъ весьма интересный памятникъ арабской литературы. Въ немъ Павелъ Алеппскій касается всего, что видѣлъ и слышалъ во время своего продолжительнаго путешествія: описываетъ страны, въ ко-

торыхъ былъ, нравы и обычаи жителей, селенія и города, замѣчательныя зданія, преимущественно церкви и монастыри, торжественныя служенія, въ коихъ участвовалъ вмѣстѣ съ отцемъ, пріемы и пиры при дворахъ, политическія событія, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ или которыя зналъ по разсказамъ другихъ, и мимоходомъ даетъ яркую характеристику государей, политическихъ и церковныхъ дѣятелей, съ которыми приходилъ въ соприкосновеніе его отецъ-патріархъ. Самая значительная часть записокъ Павла занята описаніемъ долговременнаго пребыванія его отца въ Россіи и разсказами о событіяхъ, происходившихъ тогда въ ней. По полнотѣ и разнообразію содержанія это одинъ изъ самыхъ лучшихъ и цѣнныхъ письменныхъ памятниковъ о Россіи въ половинѣ XVII вѣка и во многихъ отношеніяхъ превосходитъ записки современныхъ западно-европейскихъ путешественниковъ. Но эта часть арабскаго сочиненія пока еще не опубликована проф. Муркосомъ въ его переводѣ на русскій языкъ: первый выпускъ этого перевода содержитъ только введеніе (стр. 1-3), гдѣ даются свѣдѣнія объ авторѣ и его отцѣ, о мотивахъ ихъ путешествія въ Россію и описанія этого путешествія, и три книги описанія. Въ первой книгѣ (стр. 4—43) описывается путь отъ Алеппо до Молдавіи, совершенный чрезъ Бруссу и Константинополь; здѣсь сообщается много любопытныхъ свѣдѣній о достопримѣчательностяхъ бывшей столицы византійской имперіи и нравахъ ея жителей. Во второй книгѣ (стр. 44—112) разсказывается о восьмимѣсячномъ пребываніи арабскихъ путешественниковъ въ Молдавіи, которое совпало съ однимъ изъ интереснѣйшихъ происшествій въ исторіи этой страны, именно съ паденіемъ господаря Василія Лупула, сопровождавшимся междоусобной войной, въ которой погибъ зять его, Тимоѳей Хмельницкій, сынъ гетмана Богдана Хмельницкаго; это событіе нашло себѣ живаго разсказчика въ лицѣ очевидца Павла Алеппскаго, повѣствованіе котораго, по словамъ Костомарова, представляетъ единственный источникъ для изученія тогдашнихъ отношеній Малороссіи къ Молдавіи. Кромѣ того, въ этой книгѣ сообщается о нравахъ и обычаяхъ жителей, храмахъ и монастыряхъ въ странѣ. Въ третьей книгѣ (стр. 113—154) рѣчь идетъ о пребываніи въ Валахіи, которое совпало со смертью господаря Матвѣя и избраніемъ новаго Константина.

Профессоръ Муркосъ, предложивъ переводъ путешествія по лучшему арабскому списку и съ устраненіемъ нѣкоторыхъ неправильностей и дефектовъ рукописи, въ предисловіи (стр. I—X) выяснилъ научное значеніе памятника и разсказалъ его рукописную исторію. Авторитетъ почтеннаго ученаго избавляетъ насъ отъ необходимости останавливаться на его переводѣ, а важное научное значеніе памятника, достаточно оцѣненное въ русской наукѣ и прежде, освобождаетъ насъ отъ новыхъ рекомендацій въ старомъ направленіи.

Σ.

Минье. Исторія французской революціи. Переводъ съ 9-го (1865 г.) французскаго изданія, подъ редакціей и съ предисловіемъ К. К. Арсеньева и приложеніемъ нѣсколькихъ главъ изъ «Революціи», соч. Эдгара Кине. Изданіе 3-е (изд. О. Н. Поповой: Культурно-историческая библіотека). Спб. 1897.

Вотъ одна изъ немногихъ счастливыхъ французскихъ историческихъ книгъ. Уже больше 70 лѣтъ назадъ вышла она въ свѣтъ; уже авторъ ея, доживішій до глубокой старости (род. 1796 г., ум. 1884 г.), давно скончался, и другіе труды его, гораздо болѣе солидные, покрываются пылью во вторыхъ рядахъ большихъ библіотекъ, а эта небольшая книжка, плодъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ работы 29 лѣтняго юриста, все живетъ и живетъ, и даже въ русскомъ переводѣ доживаетъ до 3-го изданія.

Первая причина такой удивительной популярности небольшой книжки по такому животрепещущему вопросу въ томъ, что работа Минье явилась чрезвычайно своевременно, и что написана она въ такомъ тонѣ, который въ 1824 г. не могъ не произвести благопріятнаго впечатлѣнія на всю передовую молодежь Франціи [1]); а преданіе и въ исторіи книгъ играетъ очень важную роль. Вторая и главная причина достоинства книги: авторъ сжато, ясно, трезво и талантливо, съ надлежащей симпатіей къ великимъ результатамъ великой трагедіи, но съ соприсутствіемъ нравственной точки зрѣнія по отношенію къ ея героямъ и отдѣльнымъ сценамъ, излагаетъ въ живомъ разсказѣ событія отъ 1789 г. по 1814 г. включительно, событія, на изображеніе которыхъ другими понадобились десятки томовъ. Историческій фатализмъ автора былъ замѣченъ кое-кѣмъ и въ моментъ появленія книги; но такъ какъ уже въ слѣдующемъ поколѣніи онъ сталъ явленіемъ почти общимъ, да и до сихъ поръ въ понятіи многихъ считается необходимымъ условіемъ исторіи, какъ науки, онъ не могъ повредить успѣху книги. Въ изображеніи же частностей юный авторъ показалъ такую почти геніальную проницательность, которая мѣшаетъ его труду состарѣться даже до настоящаго дня (онъ не зналъ, напримѣръ, о такъ называемой измѣнѣ Мирабо, о его тайныхъ сношеніяхъ съ дворомъ; но онъ совершенно вѣрно объяснилъ основную идею дѣятельности великаго конституціоналиста).

Выдающійся успѣхъ книги Минье у насъ, кромѣ ея талантливости и общедоступности, объясняется тѣмъ, что она явилась (въ 1865 г.) въ очень хорошемъ переводѣ съ обширнымъ и прекраснымъ предисловіемъ К. К. Арсеньева, въ которомъ редакторъ не только указалъ на необходимыя поправки, внесенныя новѣйшими (для того времени) работами по исторіи революціи, но и далъ рядъ блестящихъ характеристикъ этихъ работъ, начиная Тьеромъ и кончая Токвилемъ и Эдг. Кине (добавленіямъ изъ «Революціи» Кине мы, по совѣсти, не можемъ придавать большого значенія: изложеніе событій въ нихъ не особенно

---

[1]) Талантливую картинку появленія Минье и Тьера въ Парижѣ въ 1821 г. и параллель между ними см. въ книгѣ покойнаго харьковскаго профессора М. Н. Петрова «Національная исторіографія» и пр., Харьковъ, 1861 г., стр. 281 и слѣд.

талантливо, а освѣщеніе ихъ во многихъ случаяхъ скоро оказалось устарѣвшимъ).

Нельзя не поблагодарить г-жу Попову за новое, до крайности дешевое (1 р.), при полной типографской удовлетворительности, изданіе книги Минье, которое будетъ очень и очень полезно для нашей учащейся молодежи. Но въ то же время нельзя не попенять ей (а, можетъ быть, не ей, но кому нибудь другому) за то, что къ предисловію К. К. Арсеньева не прибавлена новая глава о поправкахъ и работахъ послѣднихъ 20 лѣтъ, и что приложенія изъ Кине не замѣнены чѣмъ нибудь болѣе новымъ (напримѣръ, добавленіями изъ Сореля, Вандаля и даже Тэна). Тогда мы были бы увѣрены въ появленіи 4-го изданія русскаго перевода. **А. К.**

Астраханскій сборникъ, издаваемый Петровскимъ обществомъ изслѣдователей Астраханскаго края. Выпускъ I. Астрахань. 1896.

Издавая сборникъ подъ такимъ неопредѣленнымъ заглавіемъ, Петровское общество имѣло въ виду дать всѣмъ, желающимъ заняться изученіемъ края, необходимые и притомъ составляющіе библіографическую рѣдкость матеріалы. Въ настоящій выпускъ вошли отрывки изъ довольно разнородныхъ сочиненій XVI—XVIII столѣтій. Больше всего здѣсь помѣщено описаній путешественниковъ: Контарини, Дженкинсона, Олеарія, Стрюйса, Де-Бруина, Белля, графа Потоцкаго и Измайлова. Нельзя въ большинствѣ случаевъ сказать, чтобы эти описанія являлись существенно «необходимымъ» подспорьемъ для изслѣдованія прошлаго Астрахани: въ общемъ туристы говорятъ гораздо больше о себѣ, о своихъ скорбяхъ и радостяхъ, чѣмъ о томъ, что они видѣли вокругъ себя. Наиболѣе интересное повѣствованіе даетъ де-Бруинъ—художникъ съ разностороннимъ образованіемъ, яркой картинностью образовъ и большой наблюдательностью; его описанія живы, остроумны и заключаютъ въ себѣ довольно много бытовыхъ и этнографическихъ данныхъ. Кромѣ путешествій, въ сборникѣ есть нѣсколько статей различнаго содержанія и двѣ «рукописи»: одна—Никифора Туркина — печатается цѣликомъ въ первый разъ; она содержитъ краткія хронологическія записи о покореніи Астрахани, моровой язвѣ 1692—1693 г.г., исторію Троицкаго монастыря и списокъ астраханскихъ іерарховъ за 1602—1805 г.г. Другая рукопись—Золотарева, печаталась уже нѣсколько разъ въ повременныхъ изданіяхъ губерніи; она повѣствуетъ о бунтѣ Стеньки Разина и преимущественно о взятіи и разгромѣ Астрахани. По обычаю нашихъ лѣтописцевъ, въ описаніе главнаго событія безъ всякой прагматической связи вставлены сказанія: «о татарскомъ междоусобіи», «о птичьемъ бою», «о двухъ знаменіяхъ въ Астрахани» и т. под. Рукопись подробно и живо излагаетъ факты, окрашивая ихъ сильной примѣсью религіознаго фанатизма и ненависти сословнаго оттѣнка къ «степному вору і изменнику». Вообще о Стенькѣ Разинѣ въ сборникѣ встрѣчается много свѣдѣній, и здѣсь интересно сопоставленіе нѣсколько либеральнаго любопытства просвѣщенныхъ иностранцевъ къ нашему революціонеру съ глубокимъ консерватизмомъ русскаго лѣтописца. Къ рукописи приложена статья Сахарова, въ которой нужно отмѣтить догадку автора

о томъ, что Костомаровъ въ своей монографіи: «Бунтъ Стеньки Разина», въ значительной мѣрѣ пользовался Золотаревской рукописью, хотя и не указывалъ на нее, какъ на свой источникъ... Далѣе въ сборникъ включены: 1) статистическій отчетъ Кириллова: «Цвѣтущее состояніе Россійскаго государства» (1727 г.), въ которомъ трактуется только о состояніи гарнизоновъ и канцелярій въ Астраханскомъ краѣ; 2) донесеніе въ сенатъ Волынскаго (1719 г.): это—губернаторскій отчетъ по административному вѣдомству. Къ донесенію приложена статья Руданова о Волынскомъ, взятая изъ словаря Брокгауза; 3) «Описаніе Астрахани», составленное академикомъ Озерецковскимъ (1783г). Наконецъ, есть двѣ историческія статьи о покореніи Астрахани: академика Рычкова (извлеченіе изъ «Введенія къ астраханской топографіи») и Карновича («Покореніе царства Астраханскаго»), и одна статья о Пугачевѣ (Михайловъ: «Вторженіе Пугачева въ предѣлы Астраханской губерніи»). Къ каждой изъ статей въ сборникѣ приложена краткая біографія автора; есть десять снимковъ съ картъ путешественниковъ. Вообще, изданіе выполнено довольно тщательно и соотвѣтствуетъ своей цѣли, которая состоитъ въ желаніи «избавить отъ труда отыскиванія источниковъ по разнымъ изданіямъ, изъ которыхъ нѣкоторыя вовсе не имѣются въ мѣстныхъ книгохранилищахъ». **Н. О.**

Римско-католическія епархіальныя семинаріи виленская и тельшевская. Вильна. 1897.

Сочиненіе небольшое, но въ высшей степени интересное по своему содержанію. Въ немъ изображается современное состояніе римско-католическихъ семинарій, существующихъ въ городахъ Вильнѣ и Ковно. Авторъ сочиненія затрогиваетъ собственно весьма важный вопросъ о томъ, какое воспитаніе въ названныхъ семинаріяхъ получаютъ будущіе ксендзы сѣверо-западнаго русскаго края, оказывающіе, какъ извѣстно, громадное вліяніе на своихъ прихожанъ, и съ другой стороны, насколько это воспитаніе соотвѣтствуетъ русскимъ интересамъ въ краѣ. Такое или иное рѣшеніе даннаго вопроса получаетъ особенный интересъ въ настоящее время, когда ксендзы, особенно Ковенской губерніи, начинаютъ все чаще и чаще высказывать крайнюю нетерпимость ко всему русскому православному.

Послѣ указанія на чрезвычайную трудность получить обстоятельныя и. главное, точныя свѣдѣнія о римско-католическихъ семинаріяхъ, которыя предпочитаютъ дѣйствовать втихомолку и не сообщаютъ ни правительству, ни обществу никакихъ свѣдѣній о ходѣ ихъ жизни и дѣятельности, авторъ говоритъ далѣе о кандидатахъ, которыми наполняются семинаріи и которыми являются по преимуществу аптекарскіе ученики (гл. I), о постановкѣ преподаванія въ семинаріяхъ русскаго языка, русской исторіи и русской географіи (гл. II), о составѣ богословскаго курса семинарій, въ которомъ почему-то отсутствуетъ каноническое право римской церкви (гл. III), о широкомъ употребленіи (практическомъ) польскаго языка въ семинаріяхъ, не оправдываемомъ ни интересами и нуждами народонаселенія (особенно Ковенской губерніи), ни интересами римско-католической церкви, тѣмъ болѣе, что офиціально (по уставу)

польскому языку и польской исторіи совершенно нѣтъ мѣста въ курсѣ семинарскаго образованія.

Сочиненіе заканчивается небольшимъ заключеніемъ, въ которомъ на основаніи предыдущаго документальнаго и фактическаго изложенія кратко характеризуется школьное воспитаніе будущаго ксендза русскаго сѣверо-западнаго края. «Воспитанники семинаріи,—говоритъ авторъ,—въ огромномъ большинствѣ получаютъ первоначальное образованіе подъ воздѣйствіемъ антирусскихъ началъ и руководствомъ девотокъ и тайныхъ самозванныхъ учителей, въ большинствѣ, отъ всей души ненавидящихъ русскую власть. Можетъ ли противодѣйствовать развитію въ молодыхъ людяхъ этого антирусскаго направленія семинарское образованіе? Увы, нѣтъ! Преподаваніе богословскихъ предметовъ поставлено такъ, какъ оно можетъ быть поставлено развѣ въ государствахъ, гдѣ римско-католическая вѣра есть вѣра господствующая... Въ семинаріяхъ будущіе ксендзы изучаютъ русскій языкъ, но русскій языкъ употребляется лишь на урокахъ общеобразовательныхъ предметовъ, а русская книга лишь изрѣдка попадаетъ въ руки воспитанниковъ. Этихъ книгъ почти вовсе и нѣтъ въ семинарскихъ библіотекахъ. Вмѣсто русскаго языка и въ качествѣ языка разговорнаго, и при изъясненіи богословскихъ предметовъ, употребляется языкъ польскій, царящій въ семинаріяхъ; изъ книгъ на польскомъ языкѣ, которыхъ много въ библіотекахъ, будущіе ксендзы почерпаютъ и свою духовную пищу. Они и становятся мало-по-малу поляками по духу. Такіе ли ксендзы нужны краю»?

Этими жгучими вопросами и заканчиваетъ свое сочиненіе авторъ, скрывшій свое имя подъ девизомъ «Русскій». Сочиненіе написано документально, живо ясно и убѣдительно, а потому читается съ большимъ интересомъ.

Ѳ. Титовъ.

Книга бытія моего. Дневники и автобіографическія записки епископа Порфирія Успенскаго. Часть IV. Спб. 1897.

Настоящій томъ дневника епископа Порфирія заключаетъ въ себѣ его записки, относящіяся къ 1850—1851 годамъ, когда онъ былъ въ Каирѣ, Іерусалимѣ, Кіевѣ и Одессѣ. Самъ авторъ въ одномъ мѣстѣ записокъ такъ характеризируетъ свой дневникъ. «Это,—говоритъ онъ,—сосецъ, который впитываетъ въ себя свѣтъ и мракъ, теплоту и холодъ, сладость и горечь. Это—дагерротипъ памяти, который рисуетъ съ природы; и потому въ рисункахъ его видно подлѣ великаго—малое, близъ изящнаго—безобразное, около священнаго—мірское, вмѣстѣ съ важнымъ—смѣшное». Дѣйствительно, настоящій томъ дневника епископа Порфирія такъ же, какъ и предыдущіе, о которыхъ въ свое время мы уже говорили, заключаетъ въ себѣ самый разнообразный матеріалъ. Главное мѣсто въ немъ удѣлено, конечно, православному востоку, наблюденіямъ надъ жизнью этого востока, а также спеціальнымъ археологическимъ и историческимъ розысканіямъ ученаго автора. Епископъ Порфирій, посѣщая какой нибудь древній храмъ или монастырь, всегда интересовался его исторіей, архивомъ и библіотекой. Натолкнувшись на какія нибудь интересныя рукописи, онъ немедленно же принимался за ихъ чтеніе и описаніе. Такими описаніями

разнаго рода рукописей заполнены цѣлыя страницы его дневника. Настоящій томъ, впрочемъ, нѣсколько отличается отъ предшествующихъ общимъ настроеніемъ автора. Первые томы изобиловали массой любопытнѣйшихъ этнографическихъ и бытовыхъ наблюденій епископа Порфирія. Настоящій же томъ главнымъ образомъ содержитъ въ себѣ размышленія автора, носящія мистическій характеръ. Такъ, напримѣръ, въ книгѣ много мѣста отведено разсказамъ о сновидѣніяхъ и толкованіямъ ихъ. Приведенъ цѣлый рядъ видѣній и непонятныхъ фактовъ, случившихся съ Павломъ I, шведскимъ королемъ Карломъ X, Пушкинымъ и другими извѣстными лицами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ епископъ Порфирій какъ бы пророчествуетъ. «Въ богоспасаемой Россіи,—говоритъ онъ въ октябрѣ 1851 г.,—скоро не будетъ рабства крестьянъ... Россія исполнитъ Богомъ предопредѣленное и данное ей дѣло великое, міровое: она покоритъ Кавказъ и приблизится къ англійской Индіи, ставъ твердо въ глуби средней Азіи, какъ отпоръ Англіи, освободитъ отъ турецкаго ига болгаръ, сербовъ и черногорцевъ, какъ освободила молдаванъ и валаховъ; возьметъ Константинополь и объявитъ его градомъ Божіимъ. Россія поможетъ единовѣрной Греціи овладѣть Малой Азіей и всѣми островами въ Архипелагѣ и въ моряхъ Эгейскомъ и Средиземномъ... Настанетъ новое и весьма трудное дѣло политическое — дѣлежъ всей Африки между главными государствами, кромѣ Россіи, которой нечѣмъ тамъ поживиться... Не вижу, кѣмъ и какъ онъ разверстается, но гадаю, что христіанская Абиссинія овладѣетъ Египтомъ и утвердится тутъ навсегда, наперекоръ Франціи и Англіи и на радость Россіи, съ которой она сдружится, сдѣлавшись вполнѣ православной!»..

Принимая во вниманіе, что предсказанія эти дѣлались почти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, нельзя не сознаться, что епископъ Порфирій, довольно вѣрно намѣтившій нѣкоторыя политическія отношенія, не лишенъ былъ, если не дара провидѣнія, то несомнѣннаго политическаго ума. Послѣднимъ свойствомъ автора объясняется главнымъ образомъ то, что настоящій томъ, заключающій въ себѣ мало фактическаго матеріала, все-таки интересенъ, какъ можетъ быть интересна страничка изъ біографіи умнаго и незауряднаго человѣка.

В. Б.

Библіотека экономистовъ. Ж. Симондъ де-Сисмонди. Выпускъ VIII. Москва. 1897.

Мы уже неоднократно указывали на достоинства и недостатки этого изданія г. Солдатенкова. Новый выпускъ содержитъ въ себѣ краткій біографическій очеркъ знаменитаго женевскаго экономиста, подробное извлеченіе изъ его капитальнаго труда «Новыя начала политической экономіи» и, въ отдѣльныхъ приложеніяхъ, его взгляды на равновѣсіе между потребленіемъ и производствомъ. Всѣмъ лицамъ, не сочувствующимъ такъ называемой классической политической экономіи и требующимъ изученія экономическихъ явленій въ связи съ общественными и государственными, въ частности же сочувствующимъ государственному соціализму, можно смѣло рекомендовать труды женевскаго экономиста. Онъ одинъ изъ первыхъ сознательно формулировалъ и защищалъ

ихъ воззрѣнія, доказывалъ, что политическая экономія въ значительной степени наука этическая, что хозяйственныя явленія должны изучаться въ связи съ фактами общественно-государственнаго характера, что частная земельная собственность должна быть ограничена, что государство должно заботиться объ обезпеченіи фабричныхъ рабочихъ и т. д. Вполнѣ сочувствуя роли, которую отводитъ Сисмонди государству, мы, однако, нисколько не раздѣляемъ взгляда, что необходимо смѣшивать политику съ соціологіею и политическою экономіею, и, напротивъ, полагаемъ, что только при ихъ разграниченіи возможны серьезные успѣхи науки, какъ было бы очевиднымъ регрессомъ свалить, напримѣръ, анатомію, физіологію и патологію въ одну кучу. Спеціализація отдѣльныхъ наукъ необходима въ виду все разростающагося ихъ матеріала. Методологическая ошибка, совершенная Сисмонди, была шагомъ назадъ сравнительно съ тѣмъ яснымъ разграниченіемъ политической экономіи и этики, честь котораго принадлежитъ Адаму Смиту. Но это не помѣшало Сисмонди высказать много очень вѣрныхъ и подчасъ глубокихъ взглядовъ на роль государства и общества. Какъ мы уже отмѣтили, онъ одинъ изъ первыхъ обратилъ съ должнымъ натискомъ вниманіе на злоупотребленія поземельною собственностью и капиталомъ, на необезпеченное положеніе фабричныхъ рабочихъ, на несостоятельность всеобщаго избирательнаго права и т. д. Въ этомъ большая его заслуга, которую мы отъ всей души признаемъ и предостерегаемъ только противъ основной его методологической ошибки, совершаемой, къ сожалѣнію, и многими современными экономистами въ прямой ущербъ вѣрнымъ и быстрымъ успѣхамъ науки.

Р. С.

Православное русское паломничество на западъ (въ Баръ-градъ и Римъ) и его насущныя нужды. А. А. Дмитріевскаго. Кіевъ. 1897.

Это небольшое, но превосходное сочиненіе принадлежитъ перу извѣстнаго нашего ученаго путешественника и знатока православнаго Востока, профессора А. А. Дмитріевскаго. Въ сочиненіи, на основаніи непосредственныхъ личныхъ наблюденій автора, изображается бытъ русскихъ паломниковъ, предпринимающихъ путешествіе на Западъ для поклоненія святынямъ Баръ-града и Рима. Положеніе русскихъ паломниковъ, прибывающихъ въ Баръ-градъ, рисуется самыми мрачными красками. Безъ указателя и проводника, безъ знанія итальянскаго языка и мѣстныхъ обычаевъ и условій жизни, они въ большинствѣ случаевъ, дѣлаются жертвами самой наглой эксплоатаціи, обмана, иногда даже прямого грабежа. Въ сочиненіи весьма живо и мастерски изображаются и самыя лица, которыя занимаются въ Барѣ эксплоатаціей простодушныхъ и неопытныхъ русскихъ паломниковъ. Въ нѣсколько лучшемъ положеніи оказываются русскіе паломники, направляющіеся въ Римъ. Здѣсь они, благодаря гуманности нашего посла при Квириналѣ, Н. Н. Влангали, находятъ хорошій странно-пріимный пріютъ. Но, къ сожалѣнію, и здѣсь, какъ и въ Бари, они остаются безъ всякаго указателя и опытнаго проводника-руководителя, который бы могъ показать имъ святыни, дорогія для русскаго православнаго благочестиваго поклонника.

Кромѣ описанія быта современныхъ русскихъ паломниковъ, путешествующихъ въ Баръ и Римъ, въ сочиненіи излагаются весьма интересныя и обстоятельныя историческія свѣдѣнія о баръ-градскихъ и римскихъ святыняхъ, на которыя долженъ обращать особенное вниманіе русскій паломникъ.

Въ заключеніи своего сочиненія авторъ, на основаніи личнаго опыта, указываетъ мѣры, которыя необходимо принять для улучшенія быта русскихъ паломниковъ на Западѣ.

Сочиненіе съ строго ученымъ характеромъ соединяетъ живое, ясное и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поэтически возвышенное изложеніе. Книга снабжена прекраснымъ фототипическимъ снимкомъ видовъ города Бара и базиликъ св. Николая и посвящена «незабвенной памяти профессора И. И. Малышевскаго».

Ѳ. Титовъ.

Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Московскаго университета. Подъ ред. В. А. Гольцева. Москва. 1897.

Мысль объ изданіи этой книжки возникла главнымъ образомъ «вслѣдствіе того, что обычная нужда, ежегодно грозящая оставить за порогомъ университета нѣсколько сотенъ студентовъ, въ этомъ году должна была еще болѣе обостриться», такъ какъ обычный студенческій концертъ не могъ состояться.

Эта мысль нашла сочувствіе у многихъ писателей, г. Гольцевъ принялъ на себя составленіе и редактированіе сборника, и въ результатѣ явилась книжка въ 219 страницахъ, наполненная болѣе или менѣе хорошими статьями. Максимъ Ковалевскій далъ небольшую замѣтку о направленіяхъ въ соціологіи и соціологахъ, г. Карѣевъ пространную, по своему обыкновенію, статью, посвященную разбору взглядовъ Ницше на пользу и вредъ исторіи для жизни. Гг. М. Корелинъ, Н. Иванцовъ, Вл. Ладыженскій, И. Головановъ, М. Духовской, Гр. Джаншіевъ, Д. Маминъ-Сибирякъ, В. Вахтеровъ, Ив. Ивановъ, Бальмонтъ также внесли свою лепту на доброе дѣло. Перу г. Корелина принадлежитъ одна изъ интереснѣйшихъ въ сборникѣ статей: «Что можно дать для народнаго чтенія изъ всемірной исторіи». По мнѣнію г. Корелина, ближайшая задача народной литературы по всемірной исторіи должна заключаться въ обработкѣ такихъ темъ, которыя могутъ быть доступны для читателя, лишеннаго какихъ бы то ни было свѣдѣній по этому предмету. Исходя изъ этой мысли, г. Корелинъ намѣчаетъ рядъ темъ по всѣмъ отдѣламъ исторіи, давая нѣкоторыя указанія для ихъ цѣлесообразной обработки. По этимъ темамъ г. Корелинъ предлагаетъ людямъ, обладающимъ извѣстными знаніями и желающимъ послужить на пользу родному просвѣщенію, составлять народныя книжки. Мы желали бы надѣяться, что эти люди отвѣтятъ на предложеніе г. Корелина. Спеціалистамъ же историкамъ слѣдовало бы прійти на помощь г. Корелину, разсмотрѣвъ его темы, дополнивъ ихъ новыми. Хорошо было бы, если бы эти спеціалисты историки попробовали дать и образцы народныхъ книжекъ по исторіи.

Цѣна сборника недорогая: одинъ рубль, и мы увѣрены, что онъ найдетъ и читателей и, что нужнѣе, покупателей. **П. Щ.**

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ОМПЕЕВА КОЛОННА. Въ апрѣльской книжкѣ Cosmopolis англійскій профессоръ Д. Магаффи [1]) разрѣшаетъ старую историческую загадку о происхожденіи громаднаго гранитнаго столба съ коринѳской капителью, который возвышается въ Александріи, служитъ при дневномъ свѣтѣ маякомъ для приходящихъ съ моря кораблей и носитъ, неизвѣстно почему, названіе Помпеевой колонны. Это названіе впервые встрѣчается въ средніе вѣка, но трудно прослѣдить, кто изъ путешественниковъ по Египту всего ранѣе упоминаетъ о ней, такъ какъ еще въ XVII вѣкѣ Гаклюйтъ указываетъ, что ихъ было болѣе двухъ сотъ. Во всякомъ случаѣ Генри Блантъ въ 1634 году описываетъ этотъ монументъ и поясняетъ его названіе тѣмъ, что подъ нимъ похороненъ Помпей, а это поясненіе основано на сохранившихся трехъ буквахъ Пом... на одномъ изъ камней въ обширномъ фундаментѣ колонны. Но этотъ фактъ опровергается исторіей, такъ какъ Помпей умеръ не на ю.-з., а на с.-в. Александріи, и мы не имѣемъ никакихъ свидѣтельствъ современныхъ авторовъ о томъ, чтобъ Цезарь воздвигнулъ такой памятникъ. Однако въ эпоху сарацынъ это мнѣніе господствовало съ тѣмъ различіемъ, что тогда разсказывали о нахожденіи останковъ Помпея не подъ колонной, а на ней; свѣдѣнія объ этомъ находятся въ недавно вышедшемъ трудѣ итальянскаго ученаго Джакомо Лумброзо о грекоримскомъ Египтѣ. Петрарка совѣтовалъ одному пріятелю, отправлявшемуся въ

[1]) Pompey's pillar, by professor J. Mahaffy. Cosmopolis, april.

Александрію, посмотрѣть въ Александріи гробницу Александра Великаго и останки Помпея. На одномъ видѣ Александріи, спустя сто лѣтъ, находящемся въ Ватиканской рукописи Птоломея, древній географъ рисуетъ гробъ на высокой колоннѣ съ надписью: «Гробница Помпея». Аравійскій писатель конца XII вѣка, Абдъ-Аллатифъ, говоритъ, напротивъ, что наверху колонны былъ куполъ, а въ «Путешествіяхъ въ Египетъ и на Красное море», Е. Ирвина, упоминается что партія англійскихъ матросовъ взлѣзала на колонну въ 1733 году и видѣла на вершинѣ, представлявшей углубленіе въ родѣ блюдца, ногу бронзовой статуи. Въ настоящее время Помпеева колонна состоитъ изъ трехъ громадныхъ кусковъ гранита: четыреугольнаго, слегка суживающагося къ верху, фундамента въ 10 футъ вышины и въ 14½ футовъ ширины внизу каждаго фасада,— самой колонны въ 62—6 ф. вышины и отъ 3—4 до 7 въ ея діаметрѣ,—на конецъ, капители въ 9,10 ф. вышины и значительно больше колонны; весь монументъ имѣетъ 88—6 ф., вѣроятно, вѣситъ 245 тоннъ, и вершина его, слегка вдавшаяся внутрь, совершенно пуста. Въ фундаментѣ есть большая расщелина, сдѣланная пороховымъ взрывомъ съ цѣлью грабежа, и потомъ она набита камнями изъ другихъ монументовъ съ гіероглифическими надписями. Что касается до пресловутаго камня съ надписью Пом..., то при старательномъ его изслѣдованіи докторомъ Ботти и самимъ авторомъ статьи въ «Cosmopolis» профессоромъ Магаффи, эта надпись оказывается посвященіемъ колонны Діоклеціану египетскимъ эпархомъ Пос... сидіосомъ. Послѣднее слово неполно и только возстановлено по догадкѣ. Во всякомъ случаѣ Магаффи полагаетъ, что невозможно отнести сооруженіе такого памятника къ эпохѣ упадка Египта, именно, къ 303 году по Р. X., а потому слѣдуетъ предположить, что египетскій правитель Посидіосъ, такъ какъ это имя всего болѣе подходитъ къ стертой надписи, передѣлалъ въ честь Діоклеціана старый уже существовавшій монументъ, а если такъ, то онъ могъ превратить въ колонну обелискъ, воздвигнутый Птоломеемъ II, въ честь жены своей Арсиноэ, описанный Плиніемъ и потомъ исчезнувшій неизвѣстно куда, тогда какъ другіе два обелиска, описанные имъ, сохранились и увезены изъ Александріи для украшенія европейскихъ столицъ. Эту гипотезу Магаффи обставляетъ очень вѣскими аргументами: во-первыхъ, третій обелискъ Плинія не могъ безслѣдно пропасть; во-вторыхъ, теперешняя колонна очень грубо выточена, суживается кверху, и капитель слишкомъ велика; въ-третьихъ, для превращенія обелиска въ колонну, потребовалось только скруглить углы, въ-четвертыхъ, наверху эпархъ могъ поставить статую Діоклеціана, нога отъ которой сохранилась до начала XVIII вѣка, хотя и была замѣнена впослѣдствіи куполомъ, также исчезнувшимъ со-временемъ; въ-пятыхъ, мѣстность колонны совпадаетъ съ мѣстностью, на которой, какъ извѣстно, возвышался храмъ, воздвигнутый Птоломеемъ II, въ честь Арсиноэ, и до сихъ поръ вокругъ колонны находятся остатки гранитныхъ колонадъ птоломеевскаго, но не римскаго стиля. Археологи и египтологи уже вступили въ споръ съ Магаффи послучаю высказанной имъ гипотезы; такъ Флиндерсъ Петръ въ Athenеum отъ 10 и 24 апр. опровергаютъ ее различными техническими доводами, между прочимъ тѣмъ соображеніемъ, что если эта колонна была прежде обелискомъ, то его слѣдовало много урѣзать, но въ своемъ отвѣтѣ въ томъ же

жуналѣ отъ 17 апр. Магаффи ссылается на Плинія, который именно говоритъ о снятой верхушкѣ обелиска, имѣвшаго 85 футовъ, тогда какъ въ колоннѣ только 69.

— Евреи въ Абиссиніи. Во второмъ февральскомъ номерѣ «Revue des Revues» помѣщена любопытная статья французскаго путешественника Ж. Судана [1]), долго жившаго въ Абиссиніи, о малоизвѣстномъ, по его словамъ, фактѣ, что въ продолженіе трехъ тысячъ лѣтъ въ этой странѣ господствуютъ евреи. Авторъ разсказываетъ, что, по свидѣтельству одного португальскаго іезуита, вернувшагося изъ Абиссиніи въ Европу въ 1710 году, мѣстныя лѣтописи говорятъ о цѣломъ рядѣ царей и царицъ, до знаменитой Македы, или Николы, которую въ священномъ писаніи называютъ царицей Савской; эта царица, равнявшаяся по могуществу самымъ великимъ государямъ, захотѣла узнать Соломона, о которомъ ей говорили чудеса, и она отправилась къ нему съ дорогими подарками, въ 20-мъ году своего царствованія, или въ 2779 году отъ сотворенія міра. Возвращаясь въ Африку, она родила сына отъ Соломона, котораго назвала Меneликомъ, то-есть «другой я». Аравійскіе историки, столь враждебные къ Еѳіопіи, подтверждаютъ это преданіе, но объясняютъ иначе имя Менелика, именно, по ихъ мнѣнію, оно означаетъ — Ебн-Алекъ, то-есть сынъ мудреца. Какъ бы то ни было, юный Меneликъ былъ посланъ своей матерью въ Іерусалимъ, гдѣ Соломонъ воспиталъ его въ храмѣ и по окончаніи образованія вернулъ на родину съ группой ученыхъ раввиновъ и двѣнадцатью тысячами молодыхъ представителей двѣнадцати еврейскихъ колѣнъ. Съ прибытіемъ въ Абиссинію этой палестинской эмиграціи, древняя страна, получившая, быть можетъ, отъ браминовъ Индустана свои первобытныя вѣрованія, и куда вѣками обращались египетскіе жрецы за посвященіемъ въ тайны ѳеократической философіи, отказалась отъ символическаго поклоненія солнцу и приняла культъ Іеговы. Меneликъ, наслѣдовавъ престолъ послѣ смерти матери, основалъ династію атіевъ, императоровъ и негусовъ; абиссинскія и аравійскія лѣтописи приводятъ полный списокъ государей этой династіи, прибавляя къ имени каждаго изъ нихъ: «сынъ Соломонова имени». Что касается до прибывшихъ съ Меneликомъ 12,000 юношей, то отъ нихъ произошли тѣ 400,000 евреевъ, которые въ настоящее время составляютъ высшую, господствующую касту среди 14 милліоновъ эѳіопскаго народа, состоящаго изъ нубійцевъ, галловъ, грековъ, арабовъ, негровъ и т. д. Отношенія къ Іерусалиму долго сохранялись: юноши посылались въ столицу Іудеи, какъ молодые римляне въ Аѳины, для окончательнаго образованія, и паломничество въ Соломоновъ храмъ считалось религіознымъ дѣломъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и изъ Палестины являлись по временамъ новыя значительныя эмиграціи, именно, послѣ взятія Іерусалима Навуходоносоромъ, при Салманасарѣ и, наконецъ, при Титѣ, въ моментъ паденія священнаго города. Послѣдняя колонія, однако, не смѣшалась съ туземцами Эѳіопіи, и, поселившись въ Саменскихъ горахъ, эти евреи не только сохранили свою древнюю вѣру при введеніи христіанства въ Абиссиніи, но

[1]) Notre Dame D'Israel; Israel au pays du Negus, par Jean Soudan. Revue des Revues, 15 fevrier.

пользуясь покровительствомъ негусовъ, жестоко преслѣдовавшихъ галловъ съ цѣлью ихъ крещенія; они до сихъ поръ существуютъ въ отдѣльныхъ округахъ Саменской провинціи, подъ характеристическимъ названіемъ фалласіевъ, то-есть изгнанниковъ, не несутъ военной службы, и занимаются преимущественно выработкой металловъ. За исключеніемъ этихъ вѣрныхъ сыновъ Израиля, всѣ остальные евреи, превратившіе Эѳіопію въ настоящее іудейское царство, легко перешли въ христіанство по примѣру тогдашней царицы Соломонова рода и ея главнаго евнуха, также еврейскаго происхожденія, который былъ крещенъ св. Филиппомъ во время его поѣздки въ Палестину, въ 35 году по Рождествѣ Христовѣ. Св. Фрументій, первый апостолъ Эѳіопіи, обратилъ окончательно всю страну въ новую вѣру, при чемъ все, что не было прямо уничтожено Христомъ въ законѣ Моисея осталось въ своей силѣ. Такимъ образомъ абиссинцы исторически, этнически и религіозно не что иное, какъ евреи, мирно перешедшіе отъ Моисея къ желанному Мессіи, и хотя, въ продолженіе 14-ти вѣковъ, они съ геройскимъ мужествомъ отстаивали отъ мусульманскаго наплыва свою новую вѣру, но остатки еврейства такъ упорно вкоренились, что замѣтны до сихъ поръ. Въ религіозныхъ обрядахъ, въ правительственномъ строѣ и въ національныхъ учрежденіяхъ этого еврейско-христіанскаго государства одинаково поражаютъ черты того и другого ученія. Рядомъ съ крещеніемъ существуетъ обрѣзаніе; церковныя службы происходятъ на мертвомъ древне-гезскомъ языкѣ, составляющемъ смѣсь халдейскаго и древне-еврейскаго; въ соборѣ священнаго города Аксума сохраняется скинія Моисея, которая, по преданіямъ, тайно вывезена изъ Іерусалима, и она показывается народу въ торжественныхъ случаяхъ; похороны совершаются по старинному еврейскому обычаю; абиссинцы не ѣдятъ свинины: въ законахъ сохранено много еврейскихъ постановленій, напримѣръ, избіеніе камнями жены, невѣрной мужу, хотя эта кара теперь почти вездѣ замѣнена потерей приданаго. Но всего болѣе, по словамъ Ж. Судана, еврейское происхожденіе высшихъ классовъ Абиссиніи доказывается ихъ физическимъ типомъ: по волосамъ, глазамъ, носу и губамъ, это чистокровные евреи Палестины. Символическимъ же подтвержденіемъ еврейско-христіанской двойственности Абиссиніи служитъ императорская печать Негуса: съ одной стороны ея находится греческій крестъ съ надписью «Пресвятая Дѣва», а съ другой іудейскій левъ, держащій въ правой лапѣ державу съ надписью «Царь израильскій».

— Чума въ Европѣ съ древнѣйшихъ временъ и чумная французская деревня въ XVIII вѣкѣ. Чума, свирѣпствующая въ Индіи и угрожающая проникнуть въ Европу, естественно породила цѣлую литературу. Заграничные журналы и газеты наперерывъ помѣщаютъ историческія справки о предъидущихъ посѣщеніяхъ европейскихъ странъ этой эпидеміей. Наиболѣе интересными представляются статьи докторовъ Е. Мони въ «Revue de Paris»[1]), Ж. Герикура въ «Revue Scientifique»[2]) и Ф. Пуарье въ «Revue Encyclopedique»[3]),

---

[1]) La peste, par le doct. E. Mosny. Revue de Paris. 15 fevrier,

[2]) La peste, par le doct. J. Hericourt. Revue Scientifique, 30 janvier.

[3]) La peste bubonique, par le doct. Ph. Poirier. Revue Encyclopedique. 27 mars.

а также анонимный очеркъ въ томъ же журналѣ «Чумная деревня въ 1720—1721 г.»[1]). Происхожденіе чумы очень древнее: еще Руѳъ изъ Ефеса описываетъ ея гибельные результаты въ Египтѣ, Сиріи и Ливіи въ первомъ вѣкѣ нашей эры, а Ѳукидидъ рисуетъ печальную картину упадка Аѳинъ отъ свирѣпствовавшей во II вѣкѣ аттической чумы, но впервые во всей своей силѣ эта страшная эпидемія посѣтила Европу въ 542 году при Юстиніанѣ; тогда, начавшись въ Нильской дельтѣ, она перешла на сѣверные берега Средиземнаго моря и десятки лѣтъ опустошала ихъ, въ особенности она унесла много жертвъ въ Марселѣ, гдѣ, по словамъ Григорія Турскаго, не хватало досокъ на гробы, и валили по десяти тѣлъ въ одну могилу. Затѣмъ наступаетъ долгая передышка, и только въ XIV вѣкѣ является ужасная черная смерть, которая четыре года свирѣпствовала въ Польшѣ, Германіи, Франціи, Италіи, Испаніи, Англіи, Норвегіи и стоила этимъ странамъ 25.000,000 людей изъ общаго населенія въ 105 милліоновъ. При этомъ наиболѣе пострадала Италія, гдѣ во всей странѣ погибло до половины всѣхъ жителей, а въ одной Венеціи—три четверти. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе пяти вѣковъ, чума мало-по-малу, но твердыми шагами удаляется изъ Европы, хотя по временамъ она еще гибельно опустошала нѣкоторыя страны, такъ, Данію въ 1654 г., Швецію въ 1657 г., Англію въ 1665 г., Швейцарію въ 1668 г., Нидерланды въ 1669 г. и Испанію 1681 г.; изъ этихъ локализованныхъ эпидемій наиболѣе жестокой была англійская, отъ которой умерло въ одномъ Лондонѣ 68.000 человѣкъ. Въ началѣ XVIII вѣка Европа считала себя на вѣки освобожденной отъ грознаго бича, какъ неожиданно въ 1720 г. въ Марсель была занесена чума комерческимъ кораблемъ изъ Сиріи, и въ продолженіе пятнадцати мѣсяцевъ тамъ умерло 40.000 человѣкъ. Изъ Марсели эпидемія прошла по всему Провансу, гдѣ изъ населенія въ 247.000 человѣкъ погибло 87.000 человѣкъ. Спустя двадцать лѣтъ, произошло подобное же несчастіе въ Мессинѣ, гдѣ зараза, занесенная греческимъ кораблемъ, унесла въ могилу 43.000 человѣкъ. Во второй половинѣ прошедшаго столѣтія чума проникала по временамъ изъ Константинополя въ Трансильванію, Далмацію и Грецію. Въ XIX вѣкѣ Константинополь остался долгое время заразнымъ центромъ, гдѣ почти каждый годъ возобновлялась эпидемія, унося до сотни тысячъ жертвъ, а оттуда она распространялась на сосѣднія мѣстности, именно, на восточные берега Адріатическаго моря въ 1814 г., на маленькій итальянскій городокъ Нойю близъ Бари въ 1815 г., при чемъ погибло 716 человѣкъ изъ населенія въ 5.300 человѣкъ, наконецъ, на Валахію, Албанію и Морею въ 1824 г. Въ 1842 году въ послѣдній разъ показалась чума въ Турціи и съ тѣхъ поръ Европа уже болѣе пятидесяти лѣтъ не видала грознаго бича. О появленіяхъ чумы въ Россіи говорится въ другой статьѣ настоящей книжки «Историческаго Вѣстника». Быть можетъ, всего интереснѣе изъ рисуемыхъ французскими авторами поразительныхъ картинъ тѣхъ общественныхъ бѣдствій, которыя вызывались чумой, представляется подробное описаніе одной чумной деревни во время марсельской эпидеміи 1720 г. анонимнымъ сотрудникомъ «Revue Encyclopedique» на основаніи провинціальныхъ архивовъ и любопыт-

[1]) Un village pestiferé en 1720—1721. Revue Encyclopedique. 27 mars.

кой монографіи: «Чума 1720 г. въ деревнѣ Нансъ», Ежена Журдана въ «Bulletin de la Soc. d'etudes sociales et archeologiques de la ville de Draguignan. 1888—1889 г.». Эта деревня, находящаяся въ Варскомъ департаментѣ, получила 1-го августа 1720 г. извѣстіе о чумѣ въ Марсели и объ установленномъ тамъ карантинѣ. Спустя три дня, мэръ, или какъ тогда называли, консулъ, Жоржъ Фугассъ, собралъ общинный совѣтъ, и на немъ было рѣшено: 1) образовать вооруженный пикетъ изъ 4 лицъ днемъ и 6 ночью для огражденія всѣхъ дорогъ и тропинокъ, ведущихъ въ деревню, 2) всѣ жители обязаны поочереди участвовать въ этой охранѣ подъ опасеніемъ пени въ 10 ливровъ; 3) всѣ прибывающіе должны представлять санитарные пропуски, которые поступаютъ на просмотръ доктора Пьера Фабра. Эти благоразумныя мѣры были тотчасъ примѣнены, но недостаточно строго, такъ какъ охранная стража часто спала и пропускала по недосмотру марсельскихъ бѣглецовъ, которыми были переполнены окрестности, и общинный совѣтъ выбралъ комитетъ общественной безопасности, члены котораго повѣряли всѣ посты и выдавали дежурнымъ по полфунта хлѣба и полбутылки вина на каждаго въ ночь, чтобъ отнять у нихъ предлогъ къ уклоненію строгаго исполненія своихъ обязанностей. Кромѣ предосторожностей отъ распространенія заразы общинному совѣту еще пришлось запастись хлѣбомъ, что составляло большее затрудненіе, такъ какъ зерно вздорожало и попало въ руки монополистовъ, но благодаря помощи мѣстнаго помѣщика, ссудившаго денегъ до лучшихъ дней, опасность голода успѣшно устранена. Два мѣсяца съ половиной все обстояло благополучно, но неожиданно, 20-го октября, показалась въ деревнѣ чума, вѣроятно, занесенная марсельскими бѣглецами, цѣлый мѣсяцъ ее скрывали, по невѣжеству или хитрости, такъ что лишь 23-го ноября было объявлено публично о посѣщеніи деревни страшнымъ бичемъ. Тогда произошла паника, и никто не хотѣлъ слушать деревенскихъ властей, но общинный совѣтъ не потерялъ головы, а вручилъ диктаторскія права нотаріусу, Лорану Балла, который оказался на высотѣ своего призванія. Съ удивительною энергіей и благороднымъ самопожертвованіемъ онъ отдался всецѣло порученному ему дѣлу. Онъ организовалъ прежде всего больницу, досталъ изъ сосѣдняго города необходимыя лѣкарства, отдѣлилъ чумныхъ отъ здоровыхъ, установилъ особое заразное кладбище, назначилъ четырехъ гробовщиковъ, которые за большую цѣну, по 5 ливровъ съ трупа, хоронили покойниковъ и дезинфекцировали ихъ жилища, потребовалъ солдатъ для сохраненія порядка, снесся съ марсельскимъ архіепископомъ Бельзюнсомъ, на счетъ сбора пожертвованій, роздавалъ даромъ пищу бѣднымъ, такъ какъ въ зачумленной деревнѣ открылся голодъ и т. д. Но едва только эпидемія стала ослабѣвать, какъ этотъ скромный герой палъ жертвой своего двойнаго долга; смерть его подкараулила у зачумленнаго одра Маргариты Вилькроцъ, завѣщаніе которой онъ явился свидѣтельствовать, 8-го мая 1721 года, въ качествѣ нотаріуса. Еще три мѣсяца, и зараза исчезла въ Нансѣ, но изъ 673 ея жителей—230 умерло, а остальные были совершенно разорены, такъ какъ одинъ общинный совѣтъ израсходовалъ 6193 ливра на мѣры противъ чумы, которые за исключеніемъ пожертвованныхъ 800 ливровъ легли долгомъ на несчастныхъ поселянъ. Нельзя не отмѣтить рядомъ съ высокочеловѣчными подвигами натаріуса Балла позор-

ное поведеніе владѣльца Нанса, аббата Сенъ-Виктора, естественнаго покровителя несчастной общины, который заперся въ своемъ роскошномъ аббатствѣ и, несмотря на всѣ просьбы общиннаго совѣта, не ударилъ пальцемъ о палецъ для оказанія помощи умиравшему и голодавшему населенію.

— Гортензія Богарнэ. Г-жа Д'Аржюзонъ въ только что вышедшей книжкѣ [1]) разсказываетъ исторію дочери Жозефины и матери Наполеона III, Гортензіи Богарнэ, до ея брака съ Людовикомъ, братомъ Наполеона. Этотъ разсказъ, основанный на новыхъ документахъ, въ особенности на рукописныхъ воспоминаніяхъ баронесы Ламберъ, племянницы г-жи Кампанъ, въ знаменитомъ пансіонѣ которой воспитывалась Гортензія, представляетъ любопытную картину тревожнаго дѣтства будущей королевы, ея мирнаго, образцоваго воспитанія и блестящей юности при консульскомъ дворѣ. Съ самаго начала, повидимому, злая судьба тяготѣла надъ этой женщиной, и не успѣла она родиться 10 августа 1783 года въ Парижѣ, во время отсутствія ея отца, виконта Александра Богарнэ, который уѣхалъ въ Америку съ Лафаэтомъ для участія въ борьбѣ за независимость новой республики, какъ отецъ не призналъ ее своей дочерью, а, возвратясь во Францію, разошелся съ женой, хотя и отказавшись отъ своего несправедливаго обвиненія. Гортензія осталась у матери навсегда, а ея братъ Евгеній только до пятилѣтнаго возроста; разлука съ сыномъ была такъ тягостна Жозефинѣ, не смотря на ея веселый, легкомысленный характеръ, что она съ горя уѣхала съ маленькой дочерью въ свою далекую родину, Мартинику, откуда вернулась только въ 1790 г. во время разгара революціи. Повидимому, семилѣтняя дѣвочка привезла съ собой неизгладимыя воспоминанія о тропической природѣ, которыхъ не уничтожили даже бурныя событія, повергнувшія ея родителей въ тюрьму и побудившія ее съ братомъ написать конвенту два трогательныя письма, съ просьбою освободить ихъ мать. Хотя эти мольбы не были уважены, и отецъ погибъ подъ ударами гильотины, но Жозефина была выпущена на свободу послѣ термидорскаго переворота, благодаря протекціи Тальена. Тутъ наступаетъ конецъ раннимъ горестямъ Гортензіи, и мать отдаетъ ее въ модный пансіонъ г-жи Кампанъ. До сихъ поръ ея воспитаніе было очень запущено, хотя она занималась охотно и выказывала съ дѣтства способности къ музыкѣ и рисованію, но подъ руководствомъ образцевой воспитательницы того времени Гортензія сдѣлала быстрые успѣхи. Національный Сен-Жерменскій институтъ, какъ назывался пансіонъ г-жи Кампанъ, имѣлъ 4 класса, и преподаваніе, преимущественно сосредоточенное въ рукахъ самой директрисы, отличалось смѣшеніемъ полезнаго съ пріятномъ, такъ умѣла эта замѣчательная женщина-педагогъ дѣлать интересными свои уроки, вставляя въ нихъ анекдоты и придавая имъ разговорную форму. Конечно, собственно научная часть воспитанія не стояла на высокой ногѣ, не превышала грамматики, четырехъ правилъ ариѳметики и основъ исторіи, географіи и естественной исторіи, но главное вниманіе было обращено на умственное развитіе, манеры, свѣтскій лоскъ, музыку, пѣніе, рисованіе и танцы. Однимъ словомъ г-жа Кампанъ поставила себѣ цѣлью подготовить пріятныхъ,

[1]) Hortense de Beauharnais, par C. D'Arjuson. Paris. 1897.

блестящихъ, образованныхъ свѣтскихъ дамъ, и это вполнѣ ей удалось, такъ какъ главнѣйшія свѣтила парижскихъ салоновъ имперіи и реставраціи были ея ученицами, въ томъ числѣ двѣ сестры Наполеона: Каролина и Полина, принцесса Ней, герцогиня Масса, герцогиня Даву, графиня Пажоль, герцогиня Ровиго, графиня Каяль, фаворитка Людовика XVIII и т. д. Всѣ онѣ были подругами Гортензіи, которая пользовалась большой популярностью въ школѣ и носила прозвище «маленькой добрячки». По ея собственнымъ словамъ, «поясъ и матерчатая шляпа пансіонерки напоминали ей о счастливѣйшемъ времени ея жизни». Между тѣмъ, ея мать вышла замужъ за Бонапарта, который одержалъ знаменитыя побѣды въ Италіи и предпринялъ египетскую экспедицію. Возвращеніе его изъ этой экспедиціи ознаменовалось семейной драмой, въ которой разыграла немаловажную роль семнадцатилѣтняя молодая дѣвушка. Узнавъ, что Наполеонъ высадился въ Фрежюсѣ, Жозефина полетѣла къ нему на встрѣчу, но разъѣхалась съ нимъ, и, прибывъ въ Парижъ, онъ нашелъ свой домъ пустымъ, а его семья, не любившая Жозефины, наговорила ему столько ужасовъ объ ея легкомысленномъ поведеніи во время его отсутствія, что когда она явилась, онъ заперся въ своей комнатѣ и не хотѣлъ ее видѣть. Ни мольбы, ни слезы не могли его поколебать; тогда Жозефина въ отчаяніи послала за своими дѣтьми, которыхъ Наполеонъ очень любилъ. Гортензія бросилась передъ нимъ на колѣни и, обливая его руки слезами, восклицала: «Не покидайте матери, она умретъ отъ этого». Евгеній поддерживалъ мольбы сестры, и имъ удалось растрогать Наполеона, который помирился съ Жозефиной. Спустя три недѣли послѣ этой сцены, произошелъ государственный переворотъ 18 брюмера, и Наполеонъ сдѣлался консуломъ. Когда онъ помѣстился съ женой сначала въ Маломъ Люксембургѣ, а потомъ въ Тюльери и Мальмезонѣ, то Гортензію взяли изъ пансіона: ей уже было семнадцать лѣтъ, и мать нашла, что ея воспитаніе кончено, что ей пора служить украшеніемъ консульскаго двора. Съ этого времени она уже не покидала Жозефины до своего замужества и вела самую веселую, блестящую, свѣтскую жизнь. Балы, вечера, обѣды, театры, прогулки, посѣщенія публичнаго сада Тиволи, или кондитерской Фраскати, наполняли все существованіе молодой дѣвушки, которая имѣла большой успѣхъ въ обществѣ, благодаря своему положенію и неотразимымъ чарамъ ея молодости, свѣжести, красоты. Этотъ неожиданный переходъ ея ученицы со школьной скамейки въ свѣтскій водоворотъ, пугалъ г-жу Кампанъ, и она всячески старалась побудить Гортензію продолжать дома свои занятія, но всѣ ея усилія, составляемыя ею программы и добрые совѣты остались втунѣ. Молодая дѣвушка только занималась живописью и музыкой, играя на арфѣ съ артистическимъ пыломъ и рисуя часами портреты, между прочимъ Наполеоновскаго мамелюка Рустама. Когда же однажды Жозефина не могла дозваться ея къ завтраку и, поднявшись къ ней въ комнату, стала упрекать, что она рисуетъ словно для куска хлѣба, Гортензія отвѣчала: «Мама, въ нашъ вѣкъ никто не можетъ быть увѣренъ, что ему не придется работать для куска хлѣба». Будущая королева питала большую склонность еще къ сценическому искусству и, по свидѣтельству современниковъ, между прочимъ г-жи Кампанъ, очень талантливо играла въ любительскихъ спектакляхъ въ Мальмезонѣ. Естественно, что Жозефина рано на-

чала думать о замужествѣ своей дочери, и прежде всего она остановилась на сынѣ директора Ревбеля, но Гортензія и слышать объ этомъ не хотѣла, говоря что «женщина, которая хочетъ остаться нравственной и быть счастливой, не можетъ выйти замужъ иначе, какъ по любви». Для того же, чтобъ заслужить любовь романтично настроенной дѣвушки, надо было между прочимъ, чтобъ женихъ никого прежде не любилъ, и на этомъ основаніи она на отрѣзъ отказала графу де-Мену. Наконецъ нашелся человѣкъ ей по сердцу—Дюрокъ, двадцати-девяти-лѣтній герой; она полюбила его всѣмъ сердцемъ, и Наполеонъ былъ не прочь отдать ее за одного изъ своихъ блестящихъ сподвижниковъ, но Жозефина помѣшала счастью своей дочери изъ личныхъ расчетовъ. Боясь, чтобъ Наполеонъ не развелся съ нею изъ желанія имѣть дѣтей, и надѣясь привязать къ себѣ его семью болѣе близкими узами, она задумала женить на Гортензіи брата Наполеона Людовика. Путемъ ловкихъ интригъ она побудила Дюрока отказаться отъ руки молодой дѣвушки и, пользуясь отчаяніемъ оскорбленной Гортензіи, уговорила ее на зло невѣрному жениху сдѣлать блестящую партію. Между будущими супругами не было ничего общаго, такъ какъ она поражала своей свѣтской, легкомысленной веселостью, съ примѣсью романтичной мечтательности, а онъ отталкивалъ всѣхъ своей холодной, мрачной, подозрительной суровостью, но все-таки бракъ совершился. «Никакое вѣнчанье,—говорилъ впослѣдствіи молодой,—не было грустнѣе нашего; никогда супруги не предчувствовали такъ, какъ мы, всего ужаса насильственнаго и совершенно неподходящаго союза». А спустя двадцать лѣтъ, Гортензія писала своей статсъ-дамѣ, графинѣ Аржюзонъ: «Несчастье выйти замужъ не по любви влечетъ за собой всѣ другія бѣдствія». Роковою свадьбой, блестяще сыгранной въ Тюльери, оканчивается исторія веселой, счастливой Гортензіи Богарнэ и, вѣроятно, г-жа Д'Аржюзонъ посвятитъ новый, отдѣльный трудъ несчастной жизни голландской королевы.

— Аграрныя реформы Гарденберга въ Пруссіи. Французскій депутатъ, бывшій министръ и кандидатъ въ президенты, Годфруа Каваньякъ, въ свободное время изучаетъ исторію германскихъ государственныхъ учрежденій и печатаетъ результаты своихъ литературныхъ работъ во французскихъ журналахъ. Въ первой апрѣльской книжкѣ Revue des deux Mondes помѣщено окончаніе его историческаго очерка «Министерство Гарденберга» [1]), и наибольшій интересъ въ этомъ трудѣ представляетъ мастерское сравненіе обратныхъ реформъ Штейна и Гарденберга. Нѣмецкіе историки, съ Тречке во главѣ, превозносятъ первыя и унижаютъ послѣднія съ чисто національной точки зрѣнія, но, по словамъ Каваньяка, безпристрастная исторія должна произнести иного рода приговоръ. Въ сущности аграрная система Штейна касалась только государственныхъ крестьянъ и, какъ ни важенъ фактъ созданія, благодаря этимъ реформамъ, тридцати тысячъ свободныхъ мелкихъ собственниковъ, но легенда о Штейнѣ, какъ объ освободителѣ прусскихъ поселянъ, ни на чемъ не основана. Внѣ королевскихъ доменовъ онъ ничего не сдѣлалъ, и вполнѣ не правиленъ ба-

---

[1]) Le ministere de Hardenberge. La reforme agraire et la reforme administrative (1811—1812), par Godefroy Cavaignac. Revue des deux Mondes. 1 avril.

рельефъ на его памятникѣ въ Берлинѣ, изображающій толпу освобожденныхъ поселянъ у ногъ прусскаго реформатора. Въ послѣднее время даже нѣмцы историки, напримѣръ, Гетте отказываются отъ его общепринятаго прославленія. Напротивъ, реформы Гарденберга, несмотря на всѣ ихъ недостатки, шли гораздо далѣе мѣропріятій Штейна. Въ нихъ уже дѣло идетъ не объ отказѣ короля отъ своихъ исключительныхъ правъ надъ государственными домэнами, а чисто революціонная отмѣна во имя государственныхъ интересовъ аграрныхъ привилегій крупныхъ землевладѣльцевъ, дворянъ. Гарденбергъ въ меньшихъ размѣрахъ и съ различными уступками привилегированному сословію совершилъ ту самую ликвидацію, которая произведена на бо́льшей ногѣ французской революціей. Даже Тречке признаетъ въ его дѣйствіяхъ слѣды радикальныхъ доктринъ, которыя приближаютъ этого прусскаго администратора несмотря на всѣ его авторитетныя стремленія, къ французскимъ якобинцамъ. Настоящій смыслъ узаконеній Гарденберга вполнѣ поняли съ одной стороны прусскіе аристократы помѣщики, которые всячески противодѣйствовали ихъ практическому примѣненію, а съ другой—самъ Штейнъ, сначала возстававшій во имя своихъ умѣренно-либеральныхъ принциповъ противъ насильственнаго нарушенія старинныхъ отношеній между помѣщиками и поселянами, но потомъ, въ эпоху реакціи, совѣтовавшій не отмѣнять законовъ Гарденберга, такъ какъ еще опаснѣе возвращеніе къ древнимъ порядкамъ. Такимъ образомъ, Каваньякъ приходитъ къ тому заключенію, что Штейнъ былъ представителемъ историческихъ, полулиберальныхъ, полуолигархическихъ преданій древней децентрализованной Германіи, а Гарденбергъ, не придерживаясь никакихъ опредѣленныхъ принциповъ, а дѣйствуя только, какъ практическій администраторъ, невольно провелъ, подъ вліяніемъ времени, въ своихъ мѣропріятіяхъ идею о новомъ государствѣ, основанномъ на радикальныхъ теоріяхъ соціальнаго устройства. Если же его аграрная реформы не увѣнчались полнымъ успѣхомъ и не дали тѣхъ результатовъ, которые должны были, естественно, произойти отъ нихъ, то въ этомъ виновны были, главнымъ образомъ, противодѣйствіе прусскихъ землевладѣльцевъ и патріотическая борьба съ Наполеономъ, отвратившая всеобщее вниманіе отъ правильнаго примѣненія законовъ 1811—1812 годовъ. Какъ бы то ни было, все-таки реформы Гарденберга создали новыхъ семьдесятъ тысячъ свободныхъ, мелкихъ собственниковъ земли въ Пруссіи и увеличили на милліонъ гектаровъ область мелкаго землевладѣнія въ странѣ древняго феодализма. При этомъ нельзя не замѣтить, что выработка узаконеній Гарденберга происходила не исключительно бюрократическимъ порядкомъ, а при содѣйствіи представителей націи, хотя и назначенныхъ правительствомъ. Такимъ образомъ, и по существу, и по формѣ, мѣропріятія прусскаго министра Гарденберга въ началѣ нынѣшняго столѣтія отличались, какъ бы противъ его воли, зачатками болѣе передового политическаго и соціальнаго устройства, чѣмъ пресловутыя реформы Штейна.

— Теккерей въ Веймарѣ. Нѣмецкій профессоръ Вальтеръ Вульпіусъ разсказываетъ, по новымъ даннымъ, на страницахъ Century Magazine [1]) о пребываніи знаменитаго англійскаго романиста Теккерея, во время его моло-

[1]) Thackeray in Weimar, by Walter Vulpius. Century Magazine. April.

дости, въ Веймарѣ, гдѣ тогда царилъ Гете. Девятнадцати лѣтъ и будучи студентомъ Кембриджскаго университета, будущій авторъ «Ярмарки Тщеславія», уѣхалъ тайно изъ Англіи лѣтомъ 1830 года къ своему пріятелю Летсону, служившему въ англійскомъ посольствѣ въ Веймарѣ, и провелъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, такъ понравилось ему тамошнее высоко-культурное общество. Въ лучшихъ домахъ онъ былъ принятъ самымъ радушнымъ образомъ, а въ особенности у самого Гете и у жены его сына, Оттиліи, которая, шутя, называла молодого студента британскимъ консуломъ. Въ письмѣ къ одному изъ пріятелей, отъ 20 октября, онъ самъ описываетъ свое свиданіе съ великимъ поэтомъ: «Я только что видѣлъ въ первый разъ Гете. Онъ былъ очень добръ ко мнѣ и даже выказалъ болѣе вниманія, чѣмъ къ остальнымъ здѣшнимъ англичанамъ. По временамъ старикъ приглашаетъ на чашку чая своихъ знакомыхъ и нѣкоторыхъ иностранцевъ; онъ прислалъ мнѣ приглашеніе къ двѣнадцати часамъ дня; я разговарилъ съ нимъ около получаса. Потомъ явился ***, и я отретировался. Госпожа Гете также приняла меня очень любезно, и я засталъ ее, окруженную портретами Байрона, Мура и Шелли». Впослѣдствіи, т. е. спустя двадцать пять лѣтъ, уже въ апогеѣ своей славы, Теккерей описывалъ въ письмѣ къ Джоржу Генри Люису свои веймарскія воспоминанія: «Въ то время въ Веймарѣ жило нѣсколько англійскихъ юношей съ цѣлью ученія и веселья. Великій герцогъ и его жена оказывали намъ милостивое гостепріимство, и при ихъ дворѣ мы чувствовали собя совершенно дома. Такъ какъ насъ принимали на всѣ придворные обѣды, балы и вечера, то, не имѣя мундировъ, мы должны были изобрѣсти для себя подобающій костюмъ. Впрочемъ, гофмаршалъ фонъ-Шпигель смотрѣлъ сквозь пальцы на нарушеніе нашими костюмами придворнаго этикета, и я въ особенности гордился своей шпагой, такъ какъ она когда-то принадлежала Шиллеру, котораго я тогда считалъ послѣ Шекспира первымъ поэтомъ. Кромѣ двора, мы знали все городское общество, благодаря чему имѣли случай научиться прекрасно говорить по-нѣмецки, хотя бо́льшая часть молодыхъ дамъ и дѣвушекъ хорошо говорили по-англійски. Въ каждомъ домѣ былъ свой опредѣленный пріемный день, а два или три раза въ недѣлю мы всѣ бывали въ театрѣ, въ которомъ давались прекрасныя представленія, хотя Гете уже отказался отъ мѣста директора. Въ то время онъ совершенно покинулъ свѣтъ, но любезно принималъ иностранцевъ, а домъ его невѣстки былъ всегда для насъ открытъ. Мы тамъ проводили часы за часами въ пріятной бесѣдѣ, а также занимались музыкой и чтеніемъ романовъ на французскомъ и англійскомъ языкахъ. Что касается лично до меня, то я тогда очень любилъ рисовать каррикатуры и съ гордостью могу сказать, что самъ великій Гете разсматривалъ ихъ съ удовольствіемъ». Эти каррикатуры, старательно наклеенныя на папку Оттиліей Гете и снабженныя ея собственной подписью о томъ, что ихъ рисовалъ Теккерей, перешли въ собственность внуковъ поэта, а теперь находятся у профессора Вульпіуса, который украсилъ нѣкоторыми изъ нихъ свою статью. Эти живыя изображенія искуснымъ перомъ сценъ изъ ежедневной жизни пользовались большимъ успѣхомъ, и пріятельница Оттиліи Гете, Дженни Гуттетъ, упоминаетъ о нихъ въ своихъ мемуарахъ: «мы весело разговаривали за чайнымъ столомъ, а

Теккерей, высокій юноша съ красивыми глазами и длинными курчавыми волосами, обыкновенно рисовалъ перомъ юмористическія картинки, всегда начиная съ каррикатурнаго изображенія самого себя». Однимъ изъ любимыхъ препровожденій времени гетевскаго кружка было изданіе журнала Das Chaos, который писался членами этого кружка и печатался только для нихъ. Редакторомъ была Оттилія Гете, а ея помощниками англичанинъ Парри и французъ Сорэ. Первый нумеръ вышелъ въ день рожденія Гете 28 августа 1829 г., и въ немъ, какъ и въ послѣдующихъ нумерахъ, помѣщались произведенія на разныхъ языкахъ, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ, при чемъ каждый авторъ скрывался подъ псевдонимомъ. Самъ Гете далъ нѣсколько маленькихъ поэмъ, подписанныхъ звѣздочкой, а Теккерей помѣстилъ на англійскомъ языкѣ, безъ всякой подписи, застольную пѣснь и переводъ отрывка изъ Фауста, подъ псевдонимомъ «Роза». Жизнь въ Веймарѣ такъ понравилась молодому студенту, что онъ тамъ застрялъ долго, чѣмъ произвелъ значительный промежутокъ въ своей университетской карьерѣ. Когда онъ вторично посѣтилъ Веймаръ уже со своей дочерью, то съ удовольствіемъ вспоминалъ проведенные тамъ дни молодости: «Прошло двадцать пять лѣтъ послѣ этого счастливаго времени,—писалъ онъ Люису,—и я видалъ много всевозможныхъ представителей человѣчества, но, признаюсь, никогда не встрѣчалъ такого простого, пріятнаго, благороднаго и джентельменскаго общества, какъ то, которымъ могъ, по справедливости, гордиться маленькій саксонскій городокъ, гдѣ жили добрый Шиллеръ и великій Гете».

— Распространеніе байроновскаго культа. Въ послѣднее время въ Англіи, Франціи и Германіи замѣчается возникновеніе моды на Байрона: выходятъ новыя изданія его сочиненій съ замѣчательными коментаріями, а въ журналахъ появляются статьи и очерки о различныхъ эпизодахъ его жизни, наконецъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ попадаются на каждомъ шагу его новые, неизвѣстные, портреты, или виды тѣхъ жилищъ, въ которыхъ онъ когда-то обиталъ. Напримѣръ, въ апрѣльской книжкѣ English Illustrated Magazine [1]) помѣщены рѣдкій портретъ Байрона семилѣтнимъ ребенкомъ, стрѣляющимъ въ цѣль, изображеніе часовъ, подаренныхъ Байрономъ сыну своей няньки, и видъ абердинскаго дома, въ которомъ онъ провелъ свое дѣтство и который теперь назначенъ къ сломкѣ, въ виду увеличенія сосѣдняго университета. Въ февральской книжкѣ того же журнала [2]) напечатана богато иллюстрированная статья, подъ заглавіемъ «Пилигримство въ Байроновскую страну». Авторъ ея, Меткальфъ Вудъ, описываетъ современное положеніе Нью-Стедскаго аббатства, помѣстья байроновской семьи, гдѣ поэтъ написалъ многія изъ своихъ лучшихъ произведеній, въ томъ числѣ начало Чайльдъ-Гарольда; сосѣдній городъ Нью-Варкъ, гдѣ печатались его первыя поэмы, и церковь въ Гухналь-Торкардѣ, гдѣ до сихъ поръ скромно покоится его прахъ, вдали отъ Вестминстерскаго аббатства. Надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ находится въ склепѣ его мо-

[1]) Our London Letter, by C. Shortes. English Illustrated Magazine. April.

[2]) A Pilgrimage to Byron Land. by Metcalfe Wood. English Illustrated Magazine. Fevruary.

гила, виднѣется только простая мраморная доска, положенная пятнадцать лѣтъ тому назадъ теперешнимъ греческимъ королемъ, съ лаконической надписью «Байронъ, род. 22 января 1788, ум. 19 апрѣля 1824». Въ апрѣльскомъ нумерѣ французскаго журнала Le Monde Moderne, къ статьѣ о филъеллинскомъ движеніи въ эпоху реставраціи, приложенъ портретъ Байрона въ костюмѣ греческаго архистратига, и сочувственно вспоминается геройскій подвигъ великаго поэта, пожертвовавшаго своей жизнью за освобожденіе греческаго народа. Наиболѣе серьезное значеніе въ новѣйшей байроновской литературѣ имѣютъ два полныхъ изданія его сочиненій, въ англійскомъ подлинникѣ и нѣмецкомъ переводѣ, которые оба снабжены любопытными коментаріями. Первый томъ нѣмецкаго изданія Евгенія Кольбинга, заключавшій въ себѣ осаду Коринѳа, появился четыре года тому назадъ, а недавно вышелъ второй томъ, въ которомъ напечатаны Шильонскій узникъ и другія поэмы [1]). Главное значеніе этого труда заключается въ подробныхъ историческихъ, критическихъ и библіографическихъ примѣчаніяхъ издателя, знатока Байрона, основательно изучившаго все, что касается до жизни и произведеній великаго поэта. Тѣмъ же характеромъ отличается и новое изданіе Байрона, предпринятое Вильямомъ Генлеемъ, котораго вышелъ еще только одинъ томъ, посвященный письмамъ поэта отъ 1804 по 1813 годы [2]). Хотя эти письма уже всѣ извѣстны, но они разбросаны въ различныхъ книгахъ и въ особенности въ біографическомъ трудѣ Мура, а впервые появляются въ послѣдовательной связи и хронологическомъ поря цкѣ. Поэтому они пріобрѣтаютъ большую важность для характеристики какъ таланта автора «Донъ-Жуана», такъ и для правильнаго пониманія его жизни. Но, кромѣ этой заслуги, Генлей еще оказалъ изучателямъ Байрона значительную помощь многочисленными примѣчаніями, а главное біографическими очерками всѣхъ лицъ, упоминаемыхъ въ приведенныхъ имъ письмахъ. Если и въ послѣдующихъ томахъ своего изданія онъ также основательно и добросовѣстно исполнитъ свою задачу, то его трудъ можно будетъ признать вполнѣ образцовымъ, такъ какъ всякому, желающему близко познакомиться съ Байрономъ и его эпохой, какъ въ литературномъ, такъ и въ общественномъ отношеніяхъ, будетъ совершенно достаточно удовольствоваться чтеніемъ въ этомъ изданіи подлинника байроновскихъ произведеній и комментаріевъ его новаго толкователя, не теряя времени на справки въ другихъ источникахъ.

— Филъеллинское движеніе въ первой трети XIX столѣтія. По поводу восточныхъ событій настоящей минуты западная пресса въ рядѣ многочисленныхъ статей вспоминаетъ о томъ пламенномъ сочувствіи, которое высказывалось всей Западной Европой къ борьбѣ грековъ за освобожденіе отъ турецкаго ига въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ. Быть можетъ, всего рельефнѣе рисуетъ картину этого филъеллинскаго движенія, въ особенности во Франціи, Альберъ Бабо [3]), въ апрѣльскомъ нумерѣ Le Monde Moderne. Возстаніе въ Мол-

---

[1]) Lord Byron's Werke. In kritischen Texten mit Einleintung und Anmerkungen, herausgegeben von Eugen Kölbing. Bd. II. Weimar. 1896.

[2]) The Works of Lord Byron. Edited by William Henley. Letters 1804—1813. London. 1896. Vol. I.

[3]) Le mouvement philhellène sous la Restauration, par Albert Babau. Le Monde Moderne. Avril.

давіи янинскаго паши въ 1821 году было сигналомъ къ общему подъему національнаго духа во всей Греціи. Вожаки этого, долго угнетаемаго турками, народа собрались въ Эпидаврѣ и выработали хартію своей независимости. Вслѣдъ за тѣмъ въ различныхъ углахъ классической страны стали совершаться геройскіе подвиги и жестокое избіеніе цѣлыхъ населеній безчеловѣчными мусульманами, такъ, напримѣръ, на одномъ островѣ Хіосѣ осталось въ живыхъ, послѣ долговременной борьбы, изъ 90000 душъ только 900. Съ другой стороны, распространились невѣроятныя легенды о храбрости и мужествѣ предводителей клефтовъ: геройскаго пастуха Эпира, Одиссея, который поднялъ Дориду и Этолію, три раза прогналъ турокъ отъ Ѳермопилъ и вступилъ побѣдителемъ въ Аѳины,—рыцаря и поэта, Марко Боцариса, новаго Ѳемистокла, адмирала Міаолиса, истребившаго безконечное число турецкихъ судовъ, и воспѣтаго Викторомъ Гюго отважнаго Канариса. Рядомъ съ ними отличались и греческія героини: Бобелина, командовавшая тремя кораблями и овладѣвшая Навпліей,—Модена Мавракіаносъ, предводительствовавшая отрядами въ Эвбеѣ, и юная Констанція Захаріосъ, которая, во главѣ пятисотъ поселянъ, пробудила національное движеніе въ Лаконіи. Наравнѣ съ героями и амазонками прославилъ себя Маврокордато, прозванный греческимъ Кавуромъ, который приводилъ въ единство всѣ отдѣльные подвиги своихъ соотечественниковъ, ограничивалъ ихъ чрезмѣрный, неосторожный пылъ, вербовалъ помощь Европы, если не официальной, то въ лицѣ ея передовыхъ дѣятелей, въ томъ числѣ великаго поэта Байрона, увѣнчавшаго свою скептическую жизнь самопожертвованіемъ ради угнетаемаго народа. Творецъ «Чайльдъ Гарольда» принесъ на помощь Греціи не только свое громкое имя и благородную личность, но и значительную сумму денегъ, вырученную изъ продажи своихъ помѣстій, для сформированія отряда въ четыреста человѣкъ, архистратигомъ котораго онъ былъ самъ назначенъ. Какъ извѣстно, смерть въ Мисолонги не дала ему осуществить своей возвышенной мечты, но зато она произвела во всемъ свѣтѣ, преимущественно въ Англіи и Франціи, громадное впечатлѣніе. Лучшіе французскіе поэты: Ламартинъ, Викторъ Гюго, Казиміръ Делавинь, воспѣли его геройскую кончину и всячески старались подогрѣть сочувствіе Европы къ грекамъ. То же дѣло совершали въ прозѣ извѣстные французскіе писатели Вильменъ, Форіель, Пуквиль и проч. Беранже въ своихъ пѣсняхъ иронически надсмѣхался надъ равнодушіемъ христіанскихъ королей къ избіенію христіанскихъ народовъ невѣрными. Впрочемъ въ официальномъ мірѣ находились голоса, въ родѣ Шатобріана, которые энергично упрекали Европу въ ея преступномъ хладнокровіи при видѣ всѣхъ ужасовъ такой тираніи, которой постыдился бы Тиверій. Пресса и общественное мнѣніе сочувственно откликались на просьбы о помощи, долетавшія изъ Греціи; филъеллинскіе комитеты образовались въ Англіи, въ Соединенныхъ Штатахъ, во Франціи: всюду собирались деньги, и изъ различныхъ европейскихъ портовъ отправлялись добровольцы на театръ военныхъ дѣйствій. Въ Парижѣ устроивали концерты и спектакли, даже билліардныя состязанія для сбора денегъ въ пользу грековъ. Не только въ столицахъ, но и въ провинціальныхъ городахъ Франціи: въ Марсели, Ліонѣ, Нимѣ и т. д., составлялись подписки и набирали волонтеровъ. Неудивительно, что при такомъ общемъ филъеллин-

скомъ настроеніи наконецъ встрепенулись и правительства. Наваринскій бой довершилъ то, что было начато громкимъ выраженіемъ частныхъ и общественныхъ симпатій.

— Борьба критянъ за свободу. Критскія событія возбудили цѣлую литературу въ западной журналистикѣ, и слѣдуетъ особенно обратить вниманіе на «Критскій вопросъ съ международной точки зрѣнія» Г. Стрейта въ «Revue generale du droit international public» [1]), на лекцію Психари, напечатанную въ «Revue Bleue» о Критѣ и Турціи [2]), на «Борьбу за Критъ» въ Revue des Revues [3]), на «Борьбу критянъ за свободу» Г. Генадіуса въ апрѣльской книжкѣ «Contemporary Review» [4]) и на «Критъ» Кастеллани въ Nuova Antologia [5]). Всѣ эти статьи, взятыя вмѣстѣ рисуютъ, полную картину историческихъ судебъ и современнаго положенія несчастнаго острова, который служитъ то жертвой турецкихъ звѣрствъ, то игралищемъ европейскихъ дипломатовъ. Съ древнихъ временъ критяне упорно отстаивали свою независимость и сдѣлались, по словамъ Монтескьё, послѣдней греческой добычей римлянъ, которые старались завоевать этотъ островъ еще въ 190 г. до Р. Х., но только подчинили его себѣ въ 69 г. при консулѣ Цециліи Метеллѣ, прозванномъ за означенную побѣду Критскимъ. До тѣхъ поръ критяне не подчинялись никакому чужеземному игу, а впослѣдствіи во времена Византійской имперіи они пользовались полной національной самостоятельностью, поставляя только императорамъ знаменитые отряды критскихъ стрѣлковъ. Въ IX вѣкѣ произошло первое вторженіе могометанъ, именно въ 823 году андалузскіе мавры подъ предводительствомъ Абухафы-Омара овладѣли островомъ, и Омару такъ понравился плодоносный Критъ, что онъ сжегъ свои галеры и поселился въ той мѣстности, гдѣ находился Гераклеонъ, портъ древняго Кноса. Новый мавританскій городъ былъ окруженъ двойнымъ рвомъ, поарабски кандакомъ, отчего итальянцы прозвали сначала его а, потомъ весь островъ, Кандіей. Болѣе ста лѣтъ сарацыны терзали критянъ, насильно переводили ихъ въ магометанство и превращали церкви въ мечети; наконецъ, въ 960 году Никифоръ Фока освободилъ островъ, и его жители вернулись въ лоно христіанства. Онъ входилъ въ составъ Византійской имперіи до 1204 года, когда состоялся такъ называемый четвертый крестовой походъ, бывшій въ сущности набѣгомъ западныхъ авантюристовъ, подѣлившихъ между собою Востокъ и подготовившихъ турецкое иго. Критъ достался маркизу Монфератскому, а имъ былъ проданъ за 10,000 марокъ Венеціи. «Il regnio di Candia» сдѣлалась жемчужиной среди владѣній св. Марка, но генуэзцы старались отбить его у своихъ соперниковъ, и въ продолженіе четырехсотъ пятидесяти лѣтъ владычества Венеціи критяне претерпѣли всякаго рода бѣдствія отъ внѣшнихъ войнъ и внутреннихъ преслѣдованій. Если венеціанцы не были такъ звѣрски жестоки, какъ впослѣдствіи

[1]) La question Cretoise au point de vue international, par G. Streit. Revue generale de droit international public. Fevrier.

[2]) La Crête et la Turquie, par Jean Psichari. Revue Bleue. 27 fevrier.

[3]) La lutte pour la Crête, par ***. Revue des Revues. 1 mars.

[4]) Cretan struggles for liberty, by J. Gennadius. Contemporary Review, april.

[5]) E. Castellani: Creta. Nuova Antologia. 5 fasc. 1897.

турки, то они зато выказывали на каждомъ шагу коварство, предательство и презрѣніе къ греческой вѣрѣ. Поэтому критяне возставали за свою попранную свободу двадцать семь разъ и уступали послѣ долгой, часто десятилѣтней бырьбы только могучей силѣ. Въ 1645 году впервые явились на Критъ турки при Магометѣ II и высадились близъ Канеи, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ недавно вышелъ на берегъ полковникъ Вассосъ съ своими греками. Послѣ пятидесятисемидневной защиты, Канея была взята, но Кандія выдержала двадцатилѣтнюю осаду, которая стоила съ обѣихъ сторонъ до 300,000 жертвъ и кончилась мирнымъ трактатомъ 6 сентября 1669 года, по которому Венеція уступила Портѣ островъ, оставивъ за собою два маленькіе островка и косу Спиналонгу съ неприступными фортами. Первая изъ этихъ твердынь была измѣннически передана туркамъ двумя калабрійскими офицерами, а остальныя были уступлены венеціанскимъ правительствомъ въ 1715 году послѣ неудачнаго возбужденнаго имъ же возстанія критянъ противъ Порты, перваго по счету. Затѣмъ наступаетъ самый мрачный періодъ критской исторіи: жестокости и фанатизму турокъ не было границъ, они призвали на свою помощь арабовъ и свирѣпствовали безъ всякой жалости, сохраняя жизнь, честь и собственность только тѣмъ изъ туземцевъ, преимущественно венеціанскаго происхожденія, которые обращались въ магометанство. Лишь въ неприступной Сфакіи, могучей крѣпости, которую создала сама природа на южномъ склонѣ Иды, сохранились послѣдніе остатки критской свободы, и неудивительно, что когда въ исполненіе греческаго проекта Екатерины явился въ Архипелагъ въ 1769 г. русскій флотъ, то сфакіоты подняли знамя возстанія и осадили Канею, но Орловъ, несмотря на всѣ обѣщанія о помощи критскому вождю Даскалаянису, удалился въ Россію, и сфакіоты не только были безпощадно усмирены, но и подвергнуты впервые платежу дани. Весь округъ былъ опустошенъ, тысячи бѣжали въ Италію, Одессу и т. д., а оставшіеся на родинѣ несчастные подверглись самой мученической судьбѣ. На этотъ разъ турки такъ успѣшно повели дѣло усмиренія, что въ Критѣ воцарился мертвый столбнякъ, и его мужественные обитатели не откликнулись на общее возстаніе грековъ въ 1821 году; только поголовное избіеніе хіистіанъ въ Канеѣ возвратило прежнимъ героямъ ихъ старый патріотическій пылъ. Весь островъ поднялся, и въ концѣ перваго года борьбы съ турками въ рукахъ послѣднихъ осталось только три укрѣпленныхъ береговыхъ города. Во главѣ движенія стояли братья Курмулисы, пожертвовавшіе родинѣ громадное состояніе, Анатолій Мелидони и французскій офицеръ, Бометъ, приведшій на помощь Криту отрядъ фильеллиновъ. Дѣла шли успѣшно до весны 1822 года, и уже Кандія едва не сдалась, какъ египетскій паша Мегметъ-Али наводнилъ несчастный островъ своими африканскими войсками. Населеніе уменьшилось на половину, четыре года земля оставалась безъ посѣва, но все-таки Сфакія сохранила свою независимость, и бѣжавшіе съ родины критяне устроивали отъ времени до времени экспедиціи на островъ. Спустя два года произошло новое общее возстаніе, и турки были вынуждены покинуть внутренность острова, удалиться въ три укрѣпленные береговые города и заключить перемиріе, съ установленіемъ пограничной линіи. Такимъ образомъ Критъ оказался столь же свободнымъ, какъ всѣ остальныя греческія провинціи при образованіи греческаго королевства. Но

европейскія державы Лондонскимъ протоколомъ 2 февраля 1830 г. отдали островъ уже не Портѣ, а египетскому пашѣ. Мало того, ихъ флотъ блокировалъ Критъ и выбилъ грековъ съ Грабузы, а 2000 африканскихъ солдатъ Мегмета-Али съ представителями христіанскихъ государей во главѣ нарушили установленную перемиріемъ пограничную линію, овладѣли внутренностью острова и передали критянъ по приговору Европы къ собственность египетскому пашѣ. Это несправедливое отторженье Крита отъ общаго греческаго государства побудило Леопольда, будущаго бельгійскаго короля, отказаться отъ предложенной ему греческой колоніи, такъ какъ, по словамъ его письма къ герцогу Велингтону: «исключенье Кандіи изъ греческаго королевства, обнаруживая тайные ковы, не обѣщаетъ ничего хорошаго для новаго государства, уродуетъ его нравственно и физически, дѣлаетъ его бѣднымъ и слабымъ, подвергаетъ его постоянной опасности и создаетъ безконечныя затрудненія будущему королю». Чтобъ нѣсколько прикрасить свое безцеремонное обращенье съ Критомъ, европейскіе кабинеты обѣщали ему реформы, по Мегметъ-Али и не думалъ объ ихъ введеніи, а всячески притѣснялъ жителей. Въ 1833 году передовые люди острова собрались въ Мурмисѣ близъ Канеи, для составленія протеста на имя державъ; но явились албанцы и всѣхъ перевѣшали. Въ 1840 г. Мегметъ-Али былъ удаленъ Европой изъ Сиріи, но Критъ не освобожденъ, а переданъ Турціи. Съ отчаянія, критяне снова возстали, провозгласили присоединеніе острова къ Греціи, одержали рядъ побѣдъ надъ турками, но Европа осталась непреклонной и въ третій разъ отдала несчастныхъ подъ иго Порты, конечно, щедро обѣщая пресловутыя реформы. Часть этихъ реформъ была наконецъ осуществлена послѣ новаго протеста критянъ въ 1858 г., но, спустя три года, онѣ были отмѣнены, и все пошло постарому. Въ 1866 году вспыхнуло новое возстанье и продолжалось три года; несмотря на всѣ усилія лучшихъ турецкихъ военачальниковъ, какъ Омеръ-Паши, и наплыва турецкихъ войскъ, критяне овладѣли всѣмъ островомъ и еще разъ присоединились къ Греціи. Повидимому, даже европейскіе дипломаты пошатнулись въ своей непонятной злобѣ противъ несчастнаго, геройскаго острова: французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Мутье заявилъ, что «присоединеніе Крита къ Греціи было единственнымъ средствомъ выйти изъ затрудненія»; князь Горчаковъ высказался открыто за подобную мѣру и даже Бисмаркъ полагалъ, что уступка Крита Греціи одна могла уладить восточный вопросъ. Но въ то время Англія упорно мирволила Турціи, и безконечныя дипломатическія интриги кончились какъ всегда подчиненіемъ злополучнаго острова Портѣ. Но критяне обнаружили слишкомъ много мужества, чтобъ долго подчиниться жестокой волѣ европейскихъ кабинетовъ. Въ 1878 году произошло пятое въ нынишнемъ столѣтіи возстанье, и Берлинскій трактатъ положилъ ему конецъ всегдашними обѣщаніями реформъ. Въ результатѣ получился пресловутый Галепскій актъ, нѣчто въ родѣ контитуціи, но онъ никогда не былъ добросовѣстно примѣненъ на практикѣ, и въ 1889 г. Критъ поднялъ оружіе въ шестой разъ. Какъ всегда, было объявлено присоединеніе къ Греціи и какъ всегда дѣло кончилось безчеловѣчнымъ усмиреніемъ въ потокахъ крови. Въ прошедшемъ году совершилось седьмое повторенье обычныхъ геройствъ и ужасовъ, а въ настоящее время

разыгрывается восьмой актъ трагедіи, начавшейся въ 1821 году и продолжающейся доселѣ съ краткими передышками.

— Итальянскій журналистъ во времена австрійскаго ига. Въ Италіи происходитъ энергичная работа по изслѣдованію всего, что предшествовало и болѣе или менѣе содѣйствовало ея единству; при этомъ обнаруживаются необыкновенныя литературныя находки. Напримѣръ, какъ иначе назвать реабилитацію журналиста Джозеппо Ачерби, признаннаго историкомъ Кантіо ренегатомъ, измѣнникомъ, шпіономъ Австріи, а который теперь, благодаря цѣлому ряду статей и подлинныхъ документовъ, напечатанныхъ молодымъ публицистомъ Луціо въ «Nuova Antologia» и «Rivista storica del Risorgimento»,—оказывается патріотомъ, много сдѣлавшимъ для объединенія Италіи своимъ десятилѣтнимъ редактированіемъ журнала «Biblioteca Italiana». Эту любопытную страницу изъ литературной исторіи Италіи въ первую четверть настоящаго столѣтія на основаніи трудовъ Луціо графически разсказываетъ Т. де-Визева въ первой апрѣльской книжкѣ «Revue des Deux Mondes» [1]). Джозеппо Ачерби родился близъ Мантуи, въ 1773 году, и принадлежалъ къ небогатой, чиновничьей семьѣ; молодость онъ провелъ въ постоянныхъ странствіяхъ по Скандинавіи, гдѣ онъ посѣтилъ Сѣверный Мысъ, по Англіи, гдѣ изучалъ археологію, по Германіи, гдѣ занимался философіей, и по Франціи, гдѣ понравился Наполеону и одно время занималъ мѣсто въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Сорока лѣтъ, онъ очутился въ Вѣнѣ во время конгреса 1815 года, и тамъ-то Бельгардъ, назначенный австрійскимъ генералъ-губернаторомъ Милана, поручилъ ему создать итальянскій журналъ «Biblioteca Italiana» на счетъ австрійскаго правительства и, конечно, съ цѣлью примиренія побѣжденныхъ съ побѣдителями. Замѣчательно, что, несмотря на офиціозное, нѣмецкое свое происхожденіе, этотъ журналъ сначала привлекъ въ свои сотрудники поэта Монте, беллетриста Джіордани, знаменитаго Сильвіо Пелико и многихъ другихъ патріотовъ. Кромѣ нихъ, въ немъ участвовали извѣстные иностранные писатели, какъ г-жа Сталь и Шлегель. Но вскорѣ Ачерби поссорился съ своими главными сотрудниками, Монти и Джіордани, которые стали съ тѣхъ поръ клеймить его прозвищемъ ренегата, хотя съ 1817 года онъ разошелся съ австрійскими властями, которыя требовали превращенія журнала въ переводный и всячески мѣшали ему цензурными придирками. Такимъ образомъ, въ теченіе девяти лѣтъ Ачерби издавалъ «Biblioteca Italiana» на свой счетъ и всѣми силами старался придать ему національный итальянскій характеръ. Въ этихъ-то условіяхъ, человѣкъ, считавшійся измѣнникомъ Италіи и шпіономъ Австріи, создалъ, по словамъ Луціо, органъ, имѣвшій громадное значеніе для его родины не только въ литературномъ, но и въ политическомъ отношеніяхъ. Поставивъ себѣ задачей сдѣлать свой журналъ печатнымъ центромъ всей Италіи, Ачерби бралъ себѣ въ сотрудники людей способныхъ, всѣхъ партій и направленій. Такъ у него работали рядомъ докторъ Розари, сидѣвшій въ тюрьмѣ за патріотическія убѣжденія, и австрійскій чиновникъ, хотя италь-

[1]) Un journaliste italien: Joseph Acerbi, par T. de Vyzeva. Revue des Deux Mondes. 1 avril.

янецъ по крови, Паридо Цайотто: одинъ писалъ ученыя обозрѣнія, а другой велъ живую полемику съ романтиками, и, самъ того не чувствуя, вызывалъ пробужденіе въ Италіи національнаго классическаго духа. Очень способные корреспонденты, какъ Пуженсъ въ Парижѣ и Карлъ Витте въ Германіи, сообщали постоянные отчеты о новостяхъ французской и нѣмецкой литературъ, а самъ Ачерби посвящалъ ежегодно почти цѣлую книжку журнала подробному обозрѣнію всего, что произошло въ истекшемъ году въ Италіи въ областяхъ литературной, научной, театральной, художественной и т. д. Эти искусно составленныя обозрѣнія, одушевленныя патріотической идеей, что «въ Италіи должна быть только одна душа и одна мысль», пользовались громадной популярностью не только на его родинѣ, но и во всей Европѣ; во Франціи, Англіи и Германіи они цитировались съ самымъ сочувственнымъ одобреніемъ, даже Гете переводилъ отрывки изъ нихъ; но въ 1826 году Ачерби былъ назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Египетъ, и съ тѣхъ поръ онъ исключительно посвятилъ себя археологіи. Однако его патріотическое дѣло не пропало даромъ и послужило основой для послѣдующаго возрожденія Италіи.

— Готфридъ Келлеръ. Недавно вышелъ третій и послѣдній томъ обширной біографіи швейцарско-германскаго романиста Готфрида Келлера, которая составлена профессоромъ Бехтольдомъ на основаніи его писемъ и дневника [1]). Хотя почтенный трудъ ученаго профессора, считающагося первымъ авторитетомъ по швейцарской литературѣ, представляется скорѣе собраніемъ матеріаловъ, чѣмъ настоящей біографіей, но онъ вполнѣ исчерпываетъ свой предметъ, грѣшитъ только чрезмѣрнымъ изобиліемъ мелочныхъ данныхъ, и излишнимъ украшеніемъ своего текста безконечными письмами Келлера, вообще же составляетъ драгоцѣнный вкладъ въ исторію германской литературы настоящаго столѣтія. Швейцарецъ по происхожденію и по мѣсту пребыванія, такъ какъ большую часть жизни онъ провелъ въ своемъ родномъ городѣ Цюрихѣ, гдѣ занималъ мѣсто перваго государственнаго секретаря кантона, — Готфридъ Келлеръ воспитывался въ Германіи, сначала учился живописи въ Мюнхенѣ, а потомъ слушалъ лекціи въ Гейдельбергскомъ и Берлинскомъ университетахъ, а такъ какъ онъ писалъ въ стихахъ и прозѣ на нѣмецкомъ языкѣ, то считается вполнѣ нѣмецкимъ писателемъ. Хотя изъ-подъ его пера вышли два большихъ романа: «Зеленый Генрихъ» и «Мартинъ Саландеръ», «Сборникъ стихотвореній» и даже отрывокъ изъ трагедіи, но онъ извѣстенъ, какъ авторъ разсказовъ, или такъ называемыхъ новеллъ. Въ этомъ отношеніи онъ занимаетъ достойное, если не первое мѣсто, среди своихъ соперниковъ Сторма и Гейзе, такъ какъ Ауэрбаха, написавшаго столько прелестныхъ сельскихъ разсказовъ, слѣдуетъ отнести къ особой отросли беллетристики, именно къ крестьянскому роману. Изъ общепризнанныхъ всѣми критиками столбовъ нѣмецкой современной новеллы, Стормъ представляетъ типъ сѣверо-германскаго писателя, и его разсказы, преимущественно лирическаго характера, представляются художественной элегіей въ прозѣ. Напротивъ,

---

[1]) Gottfried Kellers Leben. Seine Briefe und Tagebücher. Von Jakob Baechtold. 3 Bd. Berlin. 1892—1897.

Гейзе отличается космополитизмомъ, и его лучшіе разсказы изъ итальянской жизни представляютъ смѣсь романскаго и тевтонскаго элементовъ, классическимъ представителемъ котораго былъ Виландъ. Что касается до Келлера, то онъ, сохраняя свои національныя черты, вмѣстѣ съ тѣмъ является величайшимъ колористомъ новѣйшей германской литературы; онъ съ удивительнымъ искусствомъ соединяетъ реализмъ, даже натурализмъ, со старымъ романтизмомъ. Его разсказы, вышедшіе подъ двумя общими названіями: Die Leute von Seldwyla, Семи Легендъ и Цюрихскихъ новеллъ, мастерскія бытовыя картинки, дышащія глубокой психологической правдой, картинностью изображаемыхъ сценъ, веселымъ юморомъ и трогательнымъ паѳосомъ. Его товарищъ по художественнымъ нѣмецкимъ разсказамъ, Гейзе, врядъ ли ошибся, назвавъ его «Шекспиромъ новеллъ», а англійскій критикъ, Джонъ Робертсонъ, говоритъ, что въ справедливости этого опредѣленія можно убѣдиться, прочитавъ лучшій разсказъ Келлера: «Ромео и Джульета въ деревнѣ». Самая жизнь Келлера, родившагося въ 1819 году и умершаго въ 1890 году, не представляетъ ничего интереснаго и протекла въ самой буржуазной обстановкѣ. Литературной славы онъ достигъ поздно и то въ Германіи, а не на своей родинѣ; ведя уединенное кабинетное существованіе, онъ былъ послѣднимъ нѣмецкимъ романтикомъ и не принималъ никакого участія въ современныхъ литературныхъ движеніяхъ. Въ своемъ романѣ: «Зеленый Генрихъ», онъ написалъ нѣчто въ родѣ автобіографіи, на что впервые подробно указываетъ его біографъ Бехтольдъ, и нарисовалъ живую картину перехода романтичной души отъ искусства къ поэзіи. Онъ дѣйствительно самъ началъ жизнь, какъ живописецъ, и только послѣ долгихъ лѣтъ тяжелыхъ лишеній и труда убѣдился, что его настоящее призваніе не живопись; но и тутъ онъ не сразу напалъ на истинный путь, а долго писалъ стихи, не очень замѣчательные, и много потерялъ лѣтъ въ неудачныхъ драматическихъ попыткахъ; только въ зрѣломъ возростѣ, именно на четвертомъ десяткѣ, онъ сталъ писать свои прелестные разсказы и сразу занялъ видное мѣсто въ нѣмецкой литературѣ.

— Столѣтній юбилей Альфреда де Виньи. Надняхъ Парижъ и въ особенности парижскіе театры праздновали столѣтіе со дня рожденія Альфреда де Виньи, который долго считался четвертымъ поэтомъ во Франціи XIX столѣтія, рядомъ съ Викторомъ Гюго, Ламартиномъ и Альфредомъ де Мюссэ. Хотя въ послѣдніе годы его авторитетъ пошатнулся въ виду новыхъ поэтическихъ свѣтилъ, такъ какъ никогда даже самые рьяные его поклонники не считали его геніемъ, но юбилейныя торжества напомнили забывшимъ его молодымъ поколѣніямъ дѣйствительныя достоинства этого, во всякомъ случаѣ, замѣчательнаго поэта романтичной эпохи французской литературы. Конечно, журналистика откликнулась на общее вниманіе, обращенное на автора «Моисея» и другихъ возвышенно-философскихъ поэмъ: въ первой апрѣльской книжкѣ «Revue de Paris» помѣщены замѣтки о немъ Генри де Ренье [1]), а въ «Revue des deux Mondes» появились его письма къ виконтессѣ Плеси [2]). Аристократическаго

---

[1]) Notes sur Alfred de Vigny, pas Henri Regnier. Revue de Paris. 1-er avril.
[2]) Lettres inedites d'Alfred de Vigny. Revue des deux Mondes. 1-er janvier.

происхожденія, графъ Альфредъ де-Виньи родился въ 1797 году въ городѣ Лошь и при реставраціи служилъ болѣе десяти лѣтъ офицеромъ въ гвардейскомъ пѣхотномъ полку; затѣмъ онъ пытался, но не удачно, выступить на дипломатическую и парламентскую арены, былъ выбранъ въ члены французской академіи въ 1846 году и умеръ въ 1863 г. Отличаясь гордымъ, суровымъ характеромъ, онъ велъ одинокую, сосредоточенную жизнь со своей больной женой, англичанкой, вдали отъ шумныхъ литературныхъ и общественныхъ кружковъ Парижа. Литературная его дѣятельность была не обширна и ограничивалась въ поэзіи тремя сборниками поэмъ и стихотвореній, изъ которыхъ лучшими считаются: «Моисей», «Элоа», «Масличная Гора» и «Домъ Пастуха»; въ прозѣ историческимъ романомъ «Сенъ-Марсъ» и собраніемъ разсказовъ изъ военнаго быта, подъ заглавіемъ «Военное рабство» и «Величіе»;—наконецъ, въ драматической области двумя большими пьесами: «Чатертонъ» и «Маршальша д'Анкръ» и нѣсколькими мелкими комедіями. Какъ поэтъ, онъ отличался серьезнымъ философскимъ вдохновеніемъ и выражалъ въ своихъ лучшихъ произведеніяхъ пессимистическій стоицизмъ, а если, по примѣру всѣхъ поэтовъ, и воспѣвалъ любовь, то лишь основанную на чувствѣ жалости и проводящую къ самопожертвованію; какъ прозаикъ и драматургъ, онъ стоялъ гораздо ниже поэта, и его романы, а также драмы, представляютъ всѣ недостатки романтической школы, и только военные разсказы представляютъ поистинѣ художественныя картины соціальнаго положенія солдатъ и офицеровъ, проводящихъ всю свою жизнь въ мирное время среди одуряющей скуки, однообразія и убивающей душу дисциплиной казарменнаго существованія. Въ политическомъ отношеніи онъ держалъ себя въ сторонѣ, и въ одномъ изъ писемъ къ виконтессѣ Плесси, его дальней родственницѣ, Виньи характеристично замѣчаетъ: «я всегда былъ далеко отъ грязной политики и втеченіе восемнадцати лѣтъ упорно отказывался отъ всѣхъ соблазновъ и милостей, которыми меня хотѣли окружить Орлеаны, въ томъ числѣ отъ титула пэра. Сестра короля, принцесса Аделаида, не разъ говорила: «графъ де-Виньи не хочетъ посѣщать Тюльери, не смотря на всѣ наши приглашенія, но мы не сердимся на него за это». Но если Орлеаны не претендовали на гордую независимость поэта, то его товарищи, безсмертные французской академіи, среди которыхъ онъ никакъ не могъ акклиматизироваться со своей гордой душой, устроили ему необыкновенный скандалъ при его пріемѣ, и отвѣчавшій на его рѣчь, графъ Молэ подвергъ бѣднаго поэта самымъ неприличнымъ, ироническимъ истязаніямъ. Виньи никогда не забывалъ вынесеннаго имъ униженія и однажды отомстилъ академикамъ остроумной шуткой. Кто-то изъ нихъ жаловался, что на академическія преміи представляютъ все никуда негодныя, посредственныя произведенія, и спрашивалъ причину этого страннаго явленія? «Очень просто, — отвѣчалъ Виньи: — представляя вамъ посредственныя произведенія, авторы думаютъ выказать вамъ свое уваженіе и снискать ваше одобреніе».

— Иностранцы о Россіи. Въ апрѣльской книжкѣ «Blackwood's Magazine» помѣщена статья Д. Симпсона о сибирскихъ тюрьмахъ, посѣщенныхъ лично авторомъ. Между прочимъ, англичанинъ приводитъ легенду объ отшельникѣ Ѳедорѣ Кузьмичѣ, который умеръ въ 1864 году въ Томскѣ, 87 лѣтъ, и ко

торый будто бы былъ императоромъ Александромъ Павловичемъ, тайно скрывшимся изъ Таганрога и посвятившимъ себя на служеніе Богу[1]). Авторъ не только передаетъ извѣстный разсказъ купца Хромова, у котораго жилъ въ послѣднее время Ѳедоръ Кузьмичъ, но ссылается на близкое сходство его портретовъ съ портретами государя и приводитъ свой разговоръ съ однимъ казачьимъ офицеромъ, съ которымъ онъ встрѣтился на Уралѣ. Этотъ офицеръ, никогда не слыхавшій о Кузьмичѣ, очень хорошо помнилъ, живя въ то время въ Петербургѣ, какъ въ день похоронъ Александра I всѣ говорили, что въ его гробу находились останки не царя, а другого лица. Эти толки въ большой мѣрѣ основывались на томъ, что толпѣ не позволяли проститься въ церкви съ покойнымъ государемъ, какъ это всегда дѣлалось прежде и послѣ. Дѣйствительно, это нарушеніе обычнаго порядка при погребеніи русскихъ государей объяснялось современниками различно. Въ недавней своей статьѣ «Похоронный годъ», помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ «Русской Старины», почтенный біографъ Александра Н. К. Шильдеръ приводитъ два противоположныхъ свидѣтельства Д. К. Тарасова, сопровождавшаго тѣло государя изъ Таганрога до Петербурга, и князя П. М. Волконскаго; по словамъ перваго: «было доложено императору объ открытіи гроба для жителей столицы, но его величество не изъявилъ на то своего согласія и, кажется, единственно по той причинѣ, что цвѣтъ лица покойнаго государя былъ немного измѣненъ въ свѣтло каштановый, что произошло отъ покрытія онаго въ Таганрогѣ уксусно-древесной кислотой, которая впрочемъ нимало не измѣнила черты лица». Напротивъ князь Волконскій писалъ Виламову еще изъ Таганрога: «хотя тѣло государя и бальзамировано, но отъ здѣшняго сырого воздуха лицо почернѣло, и даже черты лица покойнаго измѣнились, почему я думаю, что въ Петербургѣ вскрывать гробъ не нужно». Эти послѣднія слова вполнѣ противорѣчатъ свидѣтельству Тарасова, который ясно говоритъ, что при открытіи гроба, для прощанія императорской семьѣ въ Царскомъ Селѣ, тѣло покойнаго было совершенно цѣло и не представляло ни малѣйшаго признака порчи. При этомъ прощаніи присутствовалъ, по словамъ генерала Герлаха, автора мемуаровъ, вышедшихъ въ Берлинѣ въ 1891 году, и принцъ Вильгельмъ Прусскій, будущій германскій императоръ, который разсказывалъ генералу, что императрица Марія Ѳеодоровна нѣсколько разъ цѣловала руку усопшаго и говорила пофранцузски: «да, это мой сынъ, мой милый Александръ, какъ онъ похудѣлъ». Конечно, всѣ эти свѣдѣнія, сообщаемыя Шильдеромъ, были не извѣстны англійскому автору, и онъ довольствовался только лично слышанными имъ толками о погребеніи Александра I и о таинственной легендѣ Ѳедора Кузьмича.

Въ концѣ прошедшаго года вышла въ Парижѣ небольшая брошюра, украшенная рисунками, подъ названіемъ «Кіевъ, мать русскихъ городовъ», французскаго археолога барона Де Бая[2]), который нѣсколько разъ бывалъ въ южной Россіи, основательно изучая русскія древности и старинное русское

---

[1]) The prisoners of Siberia: 1) On the march, by I. Simpso. Blackwood's Magazine. Avril.

[2]) Kiev, la mère des villes Russes, par le baron de Baye. Paris. 1896.

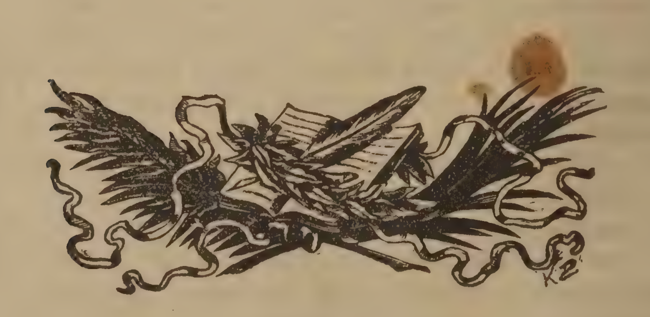
искусство. Эта брошюра состоитъ изъ лекціи, прочитанной имъ впервые въ Реймсѣ, а потомъ въ Парижѣ; хотя для насъ въ ней нѣтъ ничего ни новаго, ни интереснаго, но французовъ она знакомитъ въ живомъ разсказѣ, хотя, конечно, очень бѣгломъ, съ историческимъ прошлымъ Кіева, съ нынѣшнимъ его положеніемъ, съ его церквами, лаврой, окрестностями и т. д. О Кіевѣ же говорится въ статьѣ, подписанной псевдонимомъ Артъ Ройэ и помѣщенной во второй апрѣльской книжкѣ Revue des deux Mondes, подъ заглавіемъ «Страстная недѣля въ Кіевѣ» [1]). Авторъ ея П. В. Магонъ, офицеръ 12 французскаго пѣхотнаго полка, прикомандированный къ войскамъ Кіевскаго военнаго округа, уже написалъ нѣсколько романовъ и въ томъ числѣ одинъ изъ исторіи двѣнадцатаго года, который былъ переведенъ въ сокращенномъ видѣ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» въ прошедшемъ году. Настоящій очеркъ представляетъ картинное описаніе изо дня въ день Страстной недѣли въ Кіевѣ, но, быть можетъ, наибольшій интересъ представляютъ два анекдота объ императорѣ Николаѣ I и митрополитѣ Филаретѣ. Императору очень не понравилась реставрація мѣстными монахами живописи въ одной изъ церквей лавры, и онъ спросилъ съ неудовольствіемъ, у кого учились рисовать братья. Митрополитъ отвѣчалъ: «У Богородицы, ваше величество».— «Въ такомъ случаѣ,— замѣтилъ императоръ,—приходится молчать». Въ другой разъ Николай, съ гордостью показывая митрополиту новыя фортификаціонныя работы въ Кіевѣ, сказалъ: «Ну, владыко, хорошо мы защитили ваши иконы»?—«Нѣтъ, ваше величество,—отвѣчалъ митрополитъ:—не ваша крѣпость защитила мои иконы, а мои иконы защитятъ вашу крѣпость, въ случаѣ надобности».

— Польская историческая литература. Въ современной польской исторической литературѣ замѣчается особенный интересъ къ русской исторіи. Съ наибольшимъ усердіемъ, конечно, изучаются эпизоды взаимныхъ отношеній между Россіею и Польшею, въ эпоху самостоятельнаго существованія послѣдней. Тутъ польскимъ историкамъ приходится имѣть дѣло съ русскими источниками и матеріалами и—надо отдать имъ справедливость—они сумѣли оцѣнить значеніе какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Съ легкой руки г. Александра Краусгара, написавшаго книжку о самозванцѣ Лубѣ «Samozwaniec Ian-Faustyn Luba» (русскій переводъ ея—Григорія Воробьева—въ «Русской Старинѣ» 1894 г., кн. VIII), по русскимъ источникамъ, явились «Историческіе очерки» («Szkice historiczne») д-ра Людвига Кубали, въ двухъ томахъ. Нѣсколько очерковъ перваго тома (напримѣръ, посольство Пушкина въ Польшу въ 1650 г. и битва подъ Берестечкомъ) основаны также на русскихъ источникахъ. Гг. Адамъ Даровскій и Алькаръ пошли еще дальше. Изданные первымъ, въ сравнительно короткій промежутокъ времени (1895—1897), три тома тоже «Историческихъ очерковъ» («Szkice histor.») составлены исключительно на основаніи частію печатныхъ, частію рукописныхъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ русскихъ архивовъ. Умѣнье автора пользоваться этими матеріалами выгодно

---

[1]) Impressions de Russie. La semaine sainte à Kief, par Art Roë. Revue des deux Mondes. 15 avril.

отразилось на цѣломъ рядѣ, составленныхъ имъ, очерковъ (избраніе Владислава IV въ цари, права его на московскій престолъ, дипломатическія пререканія о самозванцахъ, поляки въ московскомъ кремлѣ въ 1610—1612 г.г., дѣло ротмистра Бальцера Хмѣлевскаго, Мальборскій плѣнникъ, т. е. митрополитъ Филаретъ Романовъ, и споры о пограничныхъ старостахъ), изъ которыхъ каждый прочтется съ большимъ интересомъ. Г. Алькаръ въ основу своего новаго труда о князѣ Н. В. Рѣпнинѣ («Książę Repnin i Polska w pierwszem czteroleciu panowania Stanisława Augusta. 1764—1768». Краковъ, 1897) положилъ соотвѣтствующіе томы «Сборника императорскаго русскаго историческаго общества», въ которыхъ опубликована обширная переписка этого дипломата, подготовившаго своею дѣятельностію раздѣлъ Польши. Но авторъ не ограничился однимъ только этимъ матеріаломъ и тщательно изучилъ вообще богатую литературу своего предмета. Ему удалось воспользоваться рѣдкими, не для каждаго доступными, источниками въ заграничныхъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ архивахъ. Къ собранному матеріалу, составившему два тома въ 780 страницъ, г. Алькаръ отнесся строго критически. Представленная имъ группировка и обработка этого матеріала значительно превосходитъ то, что мы имѣемъ по этому вопросу въ печати. На читателя пріятно дѣйствуетъ научное безпристрастіе автора и отсутствіе тенденціозности въ его сочиненіи. Личность ловкаго екатерининскаго дипломата, искусно пользовавшагося обстоятельствами, рельефно выдѣляется на фонѣ мастерскаго описанія политическаго состоянія Рѣчи Посполитой въ первое четырехлѣтіе царствованія умнаго, образованнаго, но слабохарактернаго Станислава-Августа Понятовскаго и, безъ сомнѣнія, одинаково заинтересуетъ какъ польскаго, такъ и русскаго читателя. Поэтому желательно было бы видѣть «Князя Рѣпнина» въ русскомъ переводѣ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Подарки Димитрія Самозванца Маринѣ Мнишекъ.

Ъ СОБРАНІИ называемомъ Borghesiana, находящемся въ Ватиканскомъ архивѣ, подъ № II, 449, есть переплетенный, непронумерованный, сборникъ in folio. Содержитъ онъ въ себѣ исключительно акты, касающіеся сношеній апостольской столицы съ Москвою при самозванцѣ. Кромѣ нѣсколькихъ подлинныхъ писемъ Димитрія и разныхъ «avisi» изъ Москвы, находится тутъ переписка іезуитовъ, сопровождавшихъ Димитрія. А въ ней—списки подарковъ, присланныхъ изъ Москвы Маринѣ. Доставилъ эти списки, очевидно, вмѣстѣ съ депешами Клавдій Рангони, папскій нунцій въ Польшѣ въ 1598—1606 гг.

Списки, разумѣется, на итальянскомъ языкѣ[1]). Мы передаемъ ихъ буквально, дополняя, въ своихъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, описаніе тѣхъ предметовъ, о которыхъ уже до настоящаго времени имѣлись свѣдѣнія въ русской исторической литературѣ, съ указаніемъ при этомъ и источниковъ.

Г. В.

---

[1]) Изданы въ подлинникѣ, безъ перевода, д-ромъ Людовикомъ Баратынскимъ въ V т. изд. Краковской академіи наукъ: «Sprawozdania komisyi do badania historyi sztuki w Polsce», стр. 254—255, съ приложеніемъ великолѣпнаго снимка съ портрета Марины, находящагося въ Москвѣ.

Подарки, присланные государемъ и великимъ княземъ московскимъ, дочери господина воеводы сендомірскаго, а своей невѣстѣ [1]):

Золотой перстень, съ крупнымъ — на верху, — высокой цѣны, алмазомъ [2]), который помянутая государыня имѣла при вѣнчаніи [3]).

Запона (un pundente fatto) въ видѣ птицы, украшенная алмазами и рѣдкими рубинами [4]).

Другая — еще большей величины — запона, усаженная алмазами, рубинами, и жемчужинами — величины небольшихъ грушъ.

Чаша изъ дорогаго камня, а въ серединѣ ея крылатый звѣрь — весь изъ золота, съ алмазами и рубинами [5]).

Кубокъ — въ видѣ гіацинта — весь обложенный золотомъ и разными драгоцѣнными каменьями [6]).

Волъ — довольно большой, весь золотой, украшенный разными дорогими каменьями [7]).

Чаша большая золотая, съ алмазами, рубинами и крупными жемчужинами [8]).

Пеликанъ большой серебряный, вызолоченный [9]).

Человѣкъ позолоченный, сидящій на серебряномъ оленѣ [10]).

Корабль большой, серебряный, золоченый — очень искусной работы [11]).

Павлинъ — большой, серебряный, вызолоченный, съ длиннымъ хвостомъ [12]).

Часы — искусной работы. Ихъ держали на палкахъ, на плечахъ, двѣ фигуры, установленныя на слонѣ изъ серебра. Въ нихъ, когда слонъ проходилъ

---

[1]) Съ думнымъ дьякомъ Аѳ. Ив. Васильевымъ, въ ноябрѣ 1605 г.

[2]) Величиною съ большую вишню (Костомаровъ, «Истор. моногр.», IV, 1868, 273).

[3]) Ср. «Днев. Марины», 134 (у Устрялова «Сказ. совр. о Дим. Самозв.», II, 1959 г.).

[4]) Ср. «Дневникъ Марины», 134.

[5]) Въ «Дневникѣ Марины» (134): «Крылатый звѣрь, оправленный золотомъ и дорогими каменьями»; у Костомарова («Истор. моногр.», IV) этотъ предметъ описанъ нѣсколько иначе, см. ниже примѣч. 10-е.

[6]) Ср. «Дневникъ Марины», 134. Карамзинъ: «Ист. Гос. Росс.», XI, 140.

[7]) Костомаровъ («Истор. моногр.», IV, 274) прибавляетъ, что «фигура эта раскрывалась, и въ серединѣ ея укладывался домашній приборъ».

[8]) «Дневникъ Марины», 134.

[9]) Въ дневникѣ Марины: «достающій свое сердце для птенцовъ» (134), у Костомарова: произающій клювомъ собственное сердце, чтобы кровью накормить дѣтей («Моногр.», IV, 274).

[10]) У Марины: драгоцѣнное изображеніе богини Діаны, сидящей на золотомъ оленѣ (134), а у Костомарова: серебряный позолоченный человѣкъ, сидящій на оленѣ съ коралловыми рогами, стоявшемъ на верху большого сосуда, сдѣланнаго изъ цѣльнаго дорогого камня въ видѣ птицы съ крыльями (IV, 274).

[11]) Ср. Костомарова, IV, 274, Карамзина, XI, 140. Сама Марина (134) цѣнитъ этотъ подарокъ въ 60.000 (злот.?).

[12]) У Марины (134): павлинъ съ золотыми искрами; у Костомарова (IV, 274): золотая пава съ красиво распущеннымъ хвостомъ, у ней перья дрожали, какъ у живой птицы.

передъ молодою, играла органная музыка, а фигуры ударяли въ бубны и трубили [13]).

Бархату (velito) венеціанскаго, краснаго, нѣсколько штукъ.

Атласу (raso) персидскаго, желтаго, тканаго золотомъ и разноцвѣтнымъ шелкомъ, нѣсколько штукъ.

Тоже—турецкаго атласу съ серебрянымъ отливомъ.

Тоже—турецкаго желтаго атласу съ бѣлымъ отливомъ.

Тоже—турецкаго сукна (drappo) съ краснымъ отливомъ—разныхъ цвѣтовъ, тканаго шелкомъ, подкрашеннымъ подъ золото.

Плюша (riccio sopra riccio) бѣлаго, тканаго серебромъ—нѣсколько штукъ.

Тоже—фіолетоваго, тканаго золотомъ.

Бархатъ красный, гладкій.

То же—голубой гладкій.

То же—зеленый, съ узорами [14]).

Собольихъ мѣховъ, отборныхъ три связки [15]).

Жемчуга крупнаго 4018 унцій [16]).

Подарокъ великой книгини московской, матери великаго князя Димитрія, той же невѣстѣ:

Образъ Пресвятой Троицы, изъ цѣльнаго золота, украшенный многими алмазами и очень дорогимъ жемчугомъ [17]).

Подарки посла великаго князя [18]) помянутой государынѣ:

Коверъ персидскій, большой, тканый чистѣйшимъ золотомъ, съ одинаковыми фигурами по всѣмъ сторонамъ [19]).

Собольихъ мѣховъ отборныхъ связка.

Дары великаго князя господину воеводѣ [20]), отцу невѣсты:

Конь въ яблокахъ (di varie macchie), высокой цѣны [21]).

Сбруи для коня два комплекта, т. е. сѣдла, узды и проч. принадлежности, очень богатыя и цѣнныя,—изъ золота, усаженныя драгоцѣнными камнями [22]).

---

[13]) Въ «Дневникѣ Марины»: большіе часы въ футлярѣ, удивительнаго устройства, съ трубачами и барабанщиками, которые трубили, барабанили по пробитіи каждаго часа (134). У Карамзина: какіе-то удивительные часы съ флейтами и трубами (XI, 140). По Костомарову (IV, 274) они «выдѣлывали разныя штуки московскаго обычая: били въ бубны, играли на флейтахъ и на двѣнадцати трубахъ такъ громко, что оглушили присутствовавшихъ...».

[14]) По счету Марины всего бархатовъ, атласовъ и парчи было 18 кусковъ (134).

[15]) Что составляло, по Карамзину (XI, 140), 670 рѣдкихъ соболей.

[16]) У Марины (134): «4018 мотовъ», т.-е болѣе 3 пудовъ, что вызвало сомнѣніе издателя ея «Дневника» (322, примѣч. 105). Карамзинъ (XI, 140) и Костомаровъ (IV, 274) не сомнѣваются въ этой цифрѣ: послѣдній принимаетъ ее въ фунтахъ (125-ть).

[17]) Ср. «Дневникъ Марины», 134, Карамзинъ, XI, 140, Костомаровъ, IV, 273.

[18]) Аѳ. Ив. Власьева. Были вручены 11 ноября 1605 г. («Днев. Мар.», 133).

[19]) Ср. Костомаровъ, IV, 274.

[20]) Сендомірскому, Юрію Мнишку.

[21]) Ср. «Дневникъ Марины», 133.

[22]) Вмѣсто поводовъ была золотая цѣпь («Днев. Мар.», 133).

Посохъ изъ цѣльнаго золота съ многочисленными дорогими каменьями [23].

Чарка большая, золотая, убранная вокругъ драгоцѣнными камнями [24].

Кортикъ (cortello) золотой, усаженный дорогими каменьями [25].

Два персидскіе ковра, величиною больше обыкновенныхъ, вытканные золотомъ въ разные узоры [26].

Платье изъ персидской парчи (di drappo d'oro di Persia), подбитое мѣхомъ черныхъ лисицъ, очень цѣнное.

Шапка черныхъ лисицъ [27].

Собольихъ мѣховъ отборныхъ пять связокъ [28].

Три московскіе сокола [29], обученные охотѣ, съ золотыми колокольчиками.

Перчатки турецкія, вышитыя золотомъ.

Подарокъ посла тому же господину воеводѣ:

Связка собольихъ мѣховъ, очень рѣдкихъ.

Подарки которые послалъ великій князь московскій своей невѣстѣ, достойнѣйшей государынѣ Маринѣ, и которые мы сами видѣли [30]:

Запона большая, золотая, съ крупнымъ алмазомъ въ серединѣ и именемъ Марина изъ алмазовъ и четырьмя, пониже, крупными жемчужинами, величиною съ большую грушу [31].

Золотая цѣпь, переплетенная алмазами и рубинами, величайшей цѣнности [32].

Нить крупныхъ жемчужинъ, необыкновенной величины, для ношенія на шеѣ [33].

Превосходные золотые браслеты, съ драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ [34].

Шкатулка серебряная, частію вызолоченная, наполненная драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ [35].

---

[23]) У Марины: булава... («Днев.», 133).

[24]) и жемчугомъ... («Днев. Мар.», 133).

[25]) У Марины: два ножа—одинъ, осыпанный алмазами, а другой разными дорогими каменьями (133).

[26]) Ср. «Дневникъ Марины», 133.

[27]) Ср. тамъ же.

[28]) По «Дневнику М. Ю. (133): шесть сороковъ самыхъ лучшихъ соболей, да сверхъ того—одного соболя и одну куницу живыхъ.

[29]) У Марины: 3 кречета (133).

[30]) Перечисленные ниже подарки были привезены въ Краковъ царскимъ секретаремъ Яномъ Бучинскимъ и дворяниномъ Михайломъ Толченовымъ и вручены по принадлежности 5 января 1602 г. («Днев. Мар.», 135).

[31]) Въ «Дневникѣ Марины: узорочье, съ изображеніемъ на одной сторонѣ имени Іисуса, а съ другой—Маріи въ брилліантахъ, которыхъ было на обѣихъ сторонахъ 96 (135); Карамзинъ же называетъ этотъ подарокъ алмазнымъ крестомъ «съ именемъ Марины, цѣною въ 12,000 злот.» (XI, примѣч. 432).

[32]) Такихъ брилліантовъ въ ней было отъ 130 (Костомаровъ, IV, 280) до 136 («Днев. Мар.», 135).

[33]) Ср. у Карамзина (XI, примѣч. 432): драгоцѣнное ожерелье.

[34]) Ср. у Марины: браслеты изъ алмазовъ, переплетенныхъ жемчугомъ (135).

[35]) Тамъ же.

Буфетная посуда,—золотая, большого вѣса, а именно:

бокалъ съ поддонникомъ, украшенный дорогими каменьями, превосходнѣйшей работы [36]);

три большіе стакана—прекрасной работы—съ драгоцѣнными каменьями, алмазами, рубинами etc.;

двѣнадцать тарелокъ подъ мясо, кувшины и два большія блюда, кои употребляются для украшенія стѣнъ [37]).

Три слитка золота da far (?) [38]) и прочія блюда,—каждое вѣсомъ четыре тысячи ungari (?).

Наконецъ, денежныя суммы [39]).

Сообщилъ Г. А. Воробьевъ.

---

[36]) Изъ «Дневника Марины» видно, что онъ былъ гіацинтовый (изъ желтаго яхонта), съ крышкою (135).

[37]) Ср. тамъ же.

[38]) Цѣною въ 15.000 злот. (?) тамъ же.

[39]) Сколько получила въ этотъ разъ денегъ Марина—она не пишетъ, но отецъ ея и братъ—староста саноцкій—получили значительныя суммы, первый—200,000 злот. (Собр. гос. гр. и догов., II, 227. Де-Ту—у Устрялова,—I, 342) и второй—50,000 злот. («Дневн. Мар.», 135).

Кромѣ перечисленныхъ въ приведенныхъ спискахъ подарковъ, Марина Юрьевна и ея родные получили отъ московскаго царя еще нѣсколько.

Марина: серебряный, вызолоченный сосудъ, превосходной работы, золотое перо съ рубинами—присланы съ Власьевымъ, въ ноябрѣ 1605 г. («Днев. Марины», 134, Карамзинъ, XI, 140 и Костомаровъ, IV, 274); ожерелье съ драгоцѣнными каменьями, часы—вручены Власьевымъ 12 декабря 1605 г. («Днев. Мар», 135); четки изъ жемчужинъ, величиною въ большой горохъ, гіацинтовую солонку, оправленную золотомъ, золотой рукомойникъ и тазъ съ искусственными изображеніями, перстень съ 3 алмазами—присланы съ Я. Бучинскимъ и М. Толченовымъ, въ январѣ 1606 г. («Днев. Мар.», 135); алмазную корону, бриллiантовую повязку на шляпу, алмазную запонку, 4 снурка крупнаго восточнаго жемчуга, нѣсколько десятковъ нитокъ мелкаго жемчугу, двое золотыхъ часовъ—одни въ баранѣ, а другіе въ верблюдѣ—доставлены Власьевымъ 28 апрѣля 1606 г. (тамъ же, 140); 8 драгоцѣнныхъ ожерелій и столько же кусковъ самой лучшей парчи—привезены Бучинскимъ 6 мая 1606 г. (тамъ же, 145), 12 лошадей отличной породы (Js. Massae Chron., 89) и шкатулку съ дорогими вещами, цѣнностію въ 500.000 руб.—подарены Димитріемъ 15 мая 1602 г. (тамъ же, 156).

Ея отецъ—воевода Юрій: часы въ хрусталѣ съ золотою цѣпью—привезены Власьевымъ, зимою 1605 г. («Днев. Мар.», 133), деньгами 100.000 злот., на уплату долговъ, еще—на ту же цѣль—13,324 талера и 5204 руб. (Собр. госуд. гр. и дог., II 224), богатыя сани, обитыя бархатомъ и парчею и украшенныя соболями, жемчугомъ и серебромъ, вмѣстѣ съ дорогою лошадью въ великолѣпной упряжи—получены въ Москвѣ передъ коронаціею зятя («Днев. Мар.», 156, «Днев. польскихъ пословъ»—тамъ же, 219, Костомаровъ, IV, 335), не считая тѣхъ денегъ, что́ онъ забралъ у Власьева и товаровъ, которые онъ забиралъ у московскихъ купцовъ въ Люблинѣ, на царскій счетъ (Собр. госуд. и гр. и дог., II, 242). Ея братъ—Янъ, старо́ста саноцкій: саблю и большой мечъ, оправленные въ золото съ драгоцѣнными каменьями, золотой бокалъ, дорогой ножъ, пять сороковъ соболей, 3 черныя ли-

Неизданное стихотвореніе И. С. Никитина.

Въ бумагахъ, оставшихся послѣ покойной моей бабки, княгини Елисаветы Петровны Долгорукой, супруги бывшаго воронежскаго губернатора, князя Ю. А. Долгорукаго, нашлось посвященное ей стихотвореніе поэта И. С. Никитина, доселѣ еще не изданное. Княгиня Е. П. Долгорукая, какъ видно изъ біографіи поэта, составленной М. Де-Пуле, была одною изъ ревностнѣйшехъ почитательницъ таланта И. С. Никитина (особенно нравились ей стихотворенія религіознаго содержанія—«Моленіе о Чашѣ», «Сладость молитвы» и пр.), заставляла переписывать для себя его стихотворенія, читала ихъ всѣмъ и каждому и очень любила, когда ихъ читали ей вслухъ. Она неоднократно приглашала Никитина къ себѣ по вечерамъ и вообще оказывала ему много вниманія: такъ она подарила ему прекрасный эстампъ «Моленіе о чашѣ» (съ картины Бруни) и нѣсколько книгъ. Весьма сочувственно относился къ Никитину и супругъ ея, князь Юрій Алексѣевичъ, также любитель литературы [1]).

Издаваемое нынѣ стихотвореніе «Елка», вѣроятно, относится къ 1856 году и дышитъ тою любовью къ молодому поколѣнію и вѣрою въ силу добра, которыми вообще характеризуется поэзія И. С. Никитина.

Н. Арсеньевъ.

ЕЛКА.

Посвящено кн. Е. П. Долгорукой.

Одиноко выростала
Елка стройная въ лѣсу,
Холодъ смолоду узнала,
Часто видѣла грозу.

Но, покинувъ лѣсъ родимый,
Елка бѣдная нашла
Уголокъ гостепріимный,
Новой жизнью зацвѣла.

Вся огнями освѣтилась,
Въ серебро вся убралась,
Словно вновь она родилась,
Въ лучшій міръ перенеслась.

сицы и одного кречета съ золотымъ колокольчикомъ—вручены Власовымъ, 24 ноября 1605 г. («Днев. Мар.», 134).

Наконецъ, ея мачиха (урожденная кн. Головинская) и бабушка (по матери), пани Тарлóва, также получили, черезъ того же Власьева, много соболей и жемчугу («Днев. Мар.», 134).

Судьба этихъ подарковъ извѣстна: почти всѣ они были отняты во время переворота 17 мая 1606 года (см.: Лѣтопись Бера-Буссова, 67—68 у Устрялова въ «Сказ. совр. о Дим. Самоз., т. I, «Дневн. Мар.», 170, Собр. госуд. гр. и дог., II, стр. 329—332, Костомаровъ, «Истор. моногр.», V, 1868, 11—12. «Днев. польскихъ пословъ», 246), и только одному сторóстѣ саноцкому удалось кое-что спасти («Днев. польскихъ пословъ, 241). Г. В.

[1]) См. Сочин. И. С. Никитина, изд. 3-е, Москва, 1883 г., стр. 28.

Дѣти нужды и печали!
Точно елку, васъ, сиротъ,
Матерински приласкали
И укрыли отъ невзгодъ.

—

Обогрѣли, пріютили,
Святъ и свѣтелъ вашъ пріютъ,
Здѣсь васъ рано научили
Полюбить добро и трудъ.

—

И добра живое сѣмя
Не на камень упадетъ:
Дастъ Господь, оно во время
Плодъ сторичный принесетъ.

—

Начатъ сѣвъ во имя Бога.
Подрастайте, въ добрый часъ!
Жизни тѣсная дорога
Пораздвинется для васъ.

—

Не невзгода ль васъ застанетъ
На пути, или порокъ
Сѣти хитрыя разставитъ,—
Дѣтства помните урокъ.

—

Для борьбы дана вамъ сила,
Не родное по крови
Вамъ свѣтъ истины открыло
Сердце, полное любви.

—

И о немъ воспоминанье
Да хранитъ васъ въ дни тревогъ,
Въ пору счастья и страданьѣ,
Какъ добра святой залогъ.

И. Никитинъ.

СМѢСЬ.

ИСПУТЪ В. М. Грибовскаго. 30-го марта, въ актовомъ залѣ университета приватъ-доцентъ В. М. Грибовскій защищалъ диссертацію, подъ заглавіемъ: «Народъ и власть въ Византійскомъ государствѣ», представленную имъ для полученія степени магистра государственнаго права. Интересная тема диссертаціи привлекла многочисленныхъ посѣтителей. Диспутантъ, по окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ, былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію, затѣмъ былъ командированъ за границу, гдѣ занимался въ библіотекахъ Парижа, Женевы и Кракова. Его диссертація—«Народъ и власть въ Византійскомъ государствѣ» — является первой крупной ученой работой. Кромѣ того, онъ написалъ рядъ рецензій и замѣтокъ, а также беллетристическихъ произведеній и статей по текущимъ вопросамъ, напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Послѣ вступительной рѣчи, офиціальными оппонентами В. Н. Латкинымъ и М. И. Горчаковымъ, а также и В. Г. Васильевскимъ, было высказано довольно много вѣскихъ возраженій по поводу диссертаціи. Профессоръ Латкинъ высказалъ порицаніе излишней смѣлости и необоснованности обобщеній, сдѣланныхъ авторомъ, особенно въ противопоставленіи романизма и эллинизма, неправильно имъ охарактеризованныхъ, что подтвердилъ, со своей стороны, и профессоръ Васильевскій, а также возражалъ противъ устойчивости даннаго г. Грибовскимъ опредѣленія государства. Профессоръ Горчаковъ, въ свою очередь, отмѣтилъ недостатки въ пользованіи источниками и пособіями и безусловную зависимость автора отъ авторитетовъ, что, по его словамъ, похвально лишь въ смыслѣ признательнаго отношенія къ учителямъ. Въ заключеніе предсѣдатель диспута В. И. Сергѣевичъ

объявилъ диспутанта заслуживающимъ степени магистра государственнаго права.

Археологическое общество въ С.-Петербургѣ. I. 4-го марта, состоялось засѣданіе русскаго отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго общества, подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова. Докладчиками выступили Х. М. Лопаревъ («Алексѣй Комненъ на Руси и въ Сициліи») и А. А. Спицынъ («Коллективныя могилы Минусинскаго округа»). Х. М. Лопаревъ остановилъ свое вниманіе на краткой записи въ Новгородской лѣтописи подъ 1186 г. о пріѣздѣ въ Великій Новгородъ «царя греческаго Алексѣя Мануиловича». Какъ выясняетъ сопоставленіе этого извѣстія съ сообщеніями византійскаго историка Никиты Хоніата, жившаго въ началѣ XIII вѣка, событіе, которое въ данномъ случаѣ имѣлось въ виду нашимъ лѣтописцемъ, передано неточно и датировано невѣрно. Послѣ смерти императора Мануила, въ Новгородъ дѣйствительно пріѣзжалъ двоюродный внукъ этого императора, Алексѣй Комненъ, облыжно называвшій себя сыномъ императора Мануила. У «господина Великаго Новгорода» искатель византійскаго престола просилъ поддержки деньгами и войскомъ. Обманувшись здѣсь въ своихъ расчетахъ, Алексѣй Комненъ обратился въ Сицилію. Вильгельмъ II пошелъ съ нимъ на Византію, но въ томъ же 1185 г. Алексѣй Комненъ былъ схваченъ и ослѣпленъ. А. А. Спицынъ говорилъ о коллективныхъ погребеніяхъ, обнаруженныхъ при раскопкѣ кургановъ Минусинскаго края трудами гг. Клеменца, Проскурякова и Адріанова, а также Аспелина и Радлова. Разбирая описанія открытыхъ въ данной мѣстности могилъ съ многими костяками мужскими, женскими и дѣтскими, докладчикъ усматриваетъ въ такихъ могилахъ родовое или юртовое кладбище. Могилы эти представляютъ большія четырехугольныя ямы, укрѣпленныя срубомъ съ накатомъ изъ бревенъ сверху. Все это носитъ на себѣ слѣды здѣсь же производившагося трупосожженія. Докладчикъ сопоставляетъ такія общія могилы на верховьяхъ Енисея съ русскими божедомками, которыя еще въ прошломъ столѣтіи всегда бывали въ нашихъ деревняхъ, для помѣщенія въ нихъ труповъ утопленниковъ или найденныхъ убитыми, а во время эпидемій въ такихъ божедомкахъ складывались трупы до общаго погребенія. Сдѣлать, однако, какія либо рѣшительныя обобщенія докладчикъ считаетъ преждевременнымъ, въ виду недостаточности еще разработаннаго въ данномъ направленіи матеріала. Въ томъ же засѣданіи заслушанъ былъ рядъ мелкихъ сообщеній: о матеріалахъ для русской исторіи въ послѣднемъ выпускѣ изданія: Quartalnik historiczny (сообщеніе С. Л. Пташицкаго), о химическихъ анализахъ древностей, производимыхъ г. Сабанѣевымъ, о находкѣ складного ножа въ могильникѣ XVI вѣка (сообщеніе Н. И. Веселовскаго), о географическомъ распредѣленіи древностей, добываемыхъ раскопками по всей территоріи Россіи (сообщеніе А. А. Спицына, представившаго на этотъ разъ обозрѣніе Тверской губерніи). II. 18-го марта, состоялось годовое общее собраніе императорскаго русскаго археологическаго общества, подъ предсѣдательствомъ его императорскаго высочества великаго князя Константина Константиновича. Передъ началомъ занятій собранія августѣйшій предсѣдатель Общества, отъ имени Общества, поднесъ помощнику предсѣдателя А. Ѳ. Бычкову экземпляръ сереб-

ряной медали, выбитой въ память пятидесятилѣтія общества. Разсмотрѣнію общаго собранія подлежали: отчеты о дѣятельности общества за 1895 годъ, представленные секретаремъ, казначеемъ и ревизіонной комиссіей, избраніе помощника предсѣдателя, казначея, библіотекаря и хранителя музея и присужденіе медалей общества. Отчеты собраніемъ утверждены, избраны вновь единогласно и безъ баллотировки: помощникомъ предсѣдателя А. Ѳ. Бычковъ, казначеемъ — А. К. Марковъ, библіотекаремъ А. Н. Щукаревъ и хранителемъ музея В. Г. Бокъ. Присуждены медали общества: золотая — М. В. Никольскому, за его сочиненіе: «Клинообразныя надписи Закавказья», согласно отзыву Н. А. Тураева, и серебряныя В. Т. Георгіевскому за сочиненіе: «Флорищева Пустынь» (отзывъ Н. В. Покровскаго) и о. Іоанну за сочиненіе: «Обрядникъ византійскаго двора, какъ церковно-археологическій источникъ» (отзывъ Б. М. Меліоранскаго). Въ томъ же засѣданіи Е. Ф. Шмурло прочелъ рефератъ, посвященный памяти К. Н. Бестужева-Рюмина. Докладчикъ остановился на уясненіи той воспитательной обстановки, въ которой сложились и развились научные взгляды, литературные вкусы и убѣжденія скончавшагося нашего историка, и затѣмъ далъ характеристику его воззрѣній на русскую исторію, опредѣлилъ мѣсто, занимаемое имъ въ русской исторіографіи, а равно его отношенія къ западникамъ и славянофиламъ. Ученая дѣятельность Бестужева, по мнѣнію докладчика, дала цѣнный и прочный вкладъ въ науку, и если это не была звѣзда первой величины, то все же она горѣла ярко и полнымъ блескомъ, а въ нашемъ научномъ созвѣздіи такія звѣзды на-перечетъ.

Общество любителей древней письменности. I. 7-го марта, подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева, секретарь общества сообщилъ краткія свѣдѣнія о научной дѣятельности недавно скончавшагося въ Псковѣ члена-корреспондента общества, ученаго археолога А. С. Князева, память котораго была почтена собравшимися членами общества вставаніемъ. Затѣмъ профессоръ А. И. Соболевскій сдѣлалъ докладъ о переводахъ въ древне-русской литературѣ. А. И. разсмотрѣлъ два памятника древне-русской литературы: «Повѣсть о царицѣ иверской Динорѣ» и переводъ первыхъ девяти главъ «Книги Эсѳири», и установилъ, что оба памятника переведены не позднѣе XIV вѣка на Руси, причемъ первый изъ нихъ переведенъ съ греческаго стихотворнаго подлинника, съ греческаго же языка переведенъ и второй памятникъ, хотя въ наукѣ уже сложилось твердое убѣжденіе, что переводъ этихъ главъ Эсѳири былъ сдѣланъ съ еврейскаго. Затѣмъ Х. М. Лопаревъ сдѣлалъ сообщеніе о такъ называемомъ русскомъ паломникѣ Леонтіи, упоминаемомъ Антоніемъ Новгородскимъ, ходившимъ въ Іерусалимъ въ концѣ XII вѣка. Референтъ, въ виду того, что объ этомъ Леонтіи не встрѣчается упоминанія нигдѣ, кромѣ Антонія, высказалъ предположеніе, что выраженіе «Леонтій попъ русинъ» вкралось въ «Путешествіе Антонія» по ошибкѣ вмѣсто «попъ бруссинъ», то-есть изъ Бруссы. И дѣйствительно, среди греческихъ святыхъ, ходившихъ при жизни въ Іерусалимъ, мы встрѣчаемъ инока Петра изъ Бруссы, въ мірѣ Леонтія. Факты житія послѣдняго Х. М. Лопаревъ постарался примирить съ тѣмъ, что сообщаетъ Антоній, говорящій, напримѣръ, что его Леонтій трижды ходилъ въ Іерусалимъ, между тѣмъ какъ Петръ-Леонтій туда ходилъ всего одинъ разъ.

Рефератъ Лопарева вызвалъ замѣчанія со стороны А. Ѳ. Бычкова, А. И. Соболевскаго и А. И. Кирпичникова, указавшихъ на то, что всѣ остроумные догадки и выводы референта построены на однихъ предположеніяхъ, а потому и не отличаются убѣдительностью. II. Засѣданіе 4-го апрѣля состоялось подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева, и на немъ было сдѣлано два сообщенія: С. Л. Пташицкій — «Русская редакція исторій изъ римскихъ дѣяній и ея отношеніе къ западно-европейскимъ текстамъ» и Д. Ѳ. Кобеко — «Опытъ исправленія текста бесѣды о святыняхъ Царяграда». С. Л. Пташицкій указалъ на то, что собраніе повѣстей псевдо-историческаго характера съ моралью, извѣстное у насъ подъ именемъ римскія дѣянія, было чрезвычайно распространено въ средніе вѣка по всей Западной Европѣ подъ именемъ Gesta Romanorum. Но къ намъ эти повѣсти пришли не изъ Европы, а изъ Польши; во всѣхъ редакціяхъ западно-европейскихъ число повѣстей въ сборникѣ болѣе ста, и только въ редакціяхъ русской и польской мы находимъ 39 или 40 повѣстей. Кромѣ сходства между русскимъ и польскимъ сборниками по числу повѣстей, мы встрѣчаемъ во всѣхъ русскихъ спискахъ дѣяній множество полонизмовъ. Всѣхъ русскихъ списковъ до насъ дошло 14, и по расположенію въ нихъ повѣстей они могутъ быть раздѣлены на три группы, но всѣ эти группы представляютъ одну редакцію. Судя по нѣкоторымъ ошибкамъ, прошедшимъ по всѣмъ спискамъ и явившимся вслѣдствіе плохого знанія переводчикомъ польскаго языка, мы должны допустить, что у насъ былъ извѣстенъ одинъ только переводъ, съ котораго и сдѣланы всѣ 14 списковъ. Только этимъ предположеніемъ можно объяснить встрѣчающееся во всѣхъ спискахъ непонятное «кора лѣсу», осмысленное въ одномъ позднѣйшемъ спискѣ въ «королеву», что также не имѣетъ смысла; въ польскомъ спискѣ мы имѣемъ здѣсь cora lasu (= дочь лѣса), что, очевидно, было прочтено русскимъ переводчикомъ по законамъ латинскаго языка. Д. Ѳ. Кобеко изложилъ тѣ выводы, къ которымъ онъ пришелъ послѣ тщательнаго изученія изданнаго въ 1890 году академикомъ Л. Н. Майковымъ анонимнаго памятника древнерусской литературы «Бесѣда о святыняхъ Царяграда». Въ предисловіи къ своему изданію Л. Н. Майковъ высказалъ предположеніе, что памятникъ этотъ былъ составленъ въ концѣ XIII или началѣ XIV вѣка. Изслѣдуя его со стороны содержанія, Д. Ѳ. Кобеко нашелъ возможнымъ точнѣе опредѣлить время его составленія; по мнѣнію референта, нашъ памятникъ относится къ первой четверти XIV вѣка: въ немъ, съ одной стороны, ни слова не говорится о туркахъ, поселившихся на Балканскомъ полуостровѣ въ 1356 году; съ другой стороны, нашъ паломникъ цѣловалъ въ храмѣ св. Софіи мощи патріарха Арсенія, а мощи эти могли попасть въ храмъ св. Софіи изъ монастыря св. Андрея позднѣе 1307 года. По мнѣнію референта, вся эта бесѣда сложилась въ Новгородѣ, на что, напримѣръ, указываетъ слово «куна» въ значеніи монеты, съ каковымъ значеніемъ это слово употреблялось только въ новгородской Руси. Если вѣрно предположеніе, что бесѣда составлена въ Новгородѣ въ началѣ XIV вѣка, то мы въ правѣ предполагать, что авторомъ ея былъ новгородскій епископъ Григорій Калѣка, ходившій до своего епископства, то-есть до 1329 года, въ Святую Землю. Кромѣ того, референтъ обратилъ вни-

маніе на непослѣдовательность памятника: авторъ его, начавъ описанія святынь Царьграда съ восточной стороны города, переходитъ къ юго-западной, а затѣмъ снова возвращается къ восточной. По мнѣнію Д. Ѳ. Кобеко, непослѣдовательность эта произошла при позднѣйшихъ перепискахъ памятника, и стоитъ только переставить его вторую часть на мѣсто третьей, чтобы получить стройное и послѣдовательное изложеніе описанія святынь Царьграда. Въ дополненіе къ этому Л. Н. Майковъ замѣтилъ, что наша бесѣда, гдѣ рядомъ съ историческими извѣстіями мы находимъ извѣстія легендарныя, гдѣ есть крупный анахронизмъ, представляетъ изъ себя памятникъ составной, чѣмъ можетъ быть объяснена и замѣченная Д. Ѳ. Кобко непослѣдовательность. Далѣе Л. Н. Майковъ сообщилъ, что оставшійся ему непонятнымъ и подозрительнымъ разсказъ автора бесѣды о какихъ-то жабахъ, ходившихъ ночью по городу и подметавшихъ его, находитъ себѣ подтвержденіе у Доровея Манелевасійскаго, также слышавшаго о существованіи въ Константинополѣ подобной чудесной жабы.

Географическое общество. I. Въ общемъ собраніи, 5-го марта, Н. Н. Щербина-Крамаренко сдѣлалъ сообщеніе о своихъ работахъ въ Средней Азіи въ 1895 и 1896 годахъ. Весною 1895 г. возникла мысль о необходимости обслѣдованія и обстоятельнаго изученіи древнихъ памятниковъ зодчества, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ Средней Азіи. Эта идея была сочувственно встрѣчена Императорскою академіею художествъ, которая и возложила исполненіе ея на докладчика. Для выполненія данной задачи были посѣщены: Ташкентъ, Ферганская область и разныя мѣстности Закаспійской области; при этомъ особенное вниманіе было обращено на выдающіеся по своему значенію памятники Тамерлановой эпохи въ Самаркандѣ. Въ 1896 г., продолжая начатое изслѣдованіе, докладчикъ посѣтилъ Самаркандъ и совершилъ поѣздку по восточной части Бухарскаго ханства. Къ сожалѣнію, время и другія обстоятельства уничтожили здѣсь памятники самой древней культуры; остались только обломки ихъ, начиная съ XII вѣка, при чемъ лучшіе изъ нихъ принадлежатъ къ XIV столѣтію, эпохѣ Тамерлана, послѣ которой страна постепенно опустошалась, и культура ея падала до настоящаго времени. Со дня присоединенія края къ Россіи уже много сдѣлано для изученія его во всѣхъ отношеніяхъ. Результаты своихъ работъ докладчикъ илюстрировалъ великолѣпными рисунками, чертежами и образцами туземнаго кустарнаго творчества, показывающаго присутствіе большого художественнаго вкуса среди народа. На экранѣ былъ показанъ цѣлый рядъ картинъ, изображавшихъ разныя интересныя мѣстности края и памятники зодчества средне-азіатской архитектуры. II. 1-го апрѣля, происходило соединенное засѣданіе отдѣленій математической и физической географіи. Въ засѣданіи А. Ѳ. Бухтѣевъ сдѣлалъ сообщеніе о своихъ изысканіяхъ на Новой Землѣ для устройства тамъ стоянки судовъ. Такая стоянка избрана на Бѣлужьей губѣ. По словамъ докладчика, существующія карты Новой Земли невѣрны, и ему пришлось во многомъ исправить ихъ. Затѣмъ Ѳ. К. Дриженко сообщилъ о гидрографической рекогносцировкѣ озера Байкала, произведенной имъ въ 1896 году. Рекогносцировка явилась результатомъ желанія комитета Сибирской желѣзной дороги развить пароходное сообщеніе на Байкалѣ. Въ

настоящее время тамъ перевозитъ грузы и пассажировъ компанія Нѣмчинова, имѣющая въ своемъ распоряженіи десять пароходовъ и нѣсколько парусныхъ судовъ. Плаваніе по Байкалу далеко не безопасно. Горные вѣтры, дующіе съ большою силою, туманы, стоящіе по цѣлымъ недѣлямъ, отсутствіе хорошихъ пристаней, опознавательныхъ знаковъ и маяковъ—ведутъ къ частымъ крушеніямъ судовъ. Г. Дриженко сообщилъ, между прочимъ, что морское министерство, по порученію сибирскаго комитета, рѣшило приступить къ правильнымъ работамъ по изслѣдованію Байкала, и ежегодно, начиная съ нынѣшняго года, въ смѣту министерства будетъ вноситься извѣстная сумма на этотъ предметъ. Засѣданіе окончилось сообщеніемъ В. И. Липскаго объ изслѣдованіяхъ Гиссарской экспедиціи географическаго общества въ 1896 г. Экспедиція обстоятельно изслѣдовала Гиссарскій хребетъ, находящійся близъ Памира, констатировала невѣрность существующихъ картъ и собрала интересныя зоологическія и другія коллекціи. Сообщеніе илюстрировалось туманными картинами. III. 2-го апрѣля, въ общемъ собраніи членовъ, П. П. Козловъ сдѣлалъ сообщеніе объ извѣстномъ путешествіи В. И. Роборовскаго по Средней Азіи. Экспедиція, совершавшая это путешествіе, была снаряжена географическимъ обществомъ и состояла изъ 13 человѣкъ. Она выѣхала изъ Пржевальска весною 1893 года, съ цѣлью изучить неизслѣдованныя части Средней Азіи, и направилась къ Тянь-Шаню, чтобы перерѣзать пустыню Гоби, пройти восточный Куэнь-Лунь и достигнуть рѣки Голубой. По сообщенію докладчика, бывшаго однимъ изъ видныхъ участниковъ экспедиціи, имъ пришлось перенести много опасностей и лишеній. Приходилось переходить черезъ перевалы въ 12,500 футовъ вышиною, пробираться по заброшеннымъ горнымъ проходамъ, и однажды экспедиція едва не была истреблена тангушами, напавшими во время болѣзни В. И. Роборскаго. Спасли экспедицію неустрашимость ея участниковъ и хорошее оружіе. Экспедиція двигалась по направленію къ оазису Су-Джоу, то разбиваясь на отдѣльныя части, то соединяясь. Изучивъ окрестности этого оазиса на большое разстояніе, путешественники остановились у озера Лобъ-Нора, описаннаго извѣстнымъ Свенъ-хединомъ. По изслѣдованію экспедиціи, оно оказалось бассейномъ, образовавшимся изъ нѣсколькихъ рѣкъ. Настоящее же озеро Лобъ-Норъ оказалось расположеннымъ далѣе. Экспедиція возвратилась въ предѣлы Россіи 12-го ноября 1895 года, пройдя 7.700 верстъ. Она обогатила науку новыми цѣнными свѣдѣніями въ областяхъ географіи, зоологіи, ботаники и этнографіи. Въ заключеніе своего доклада, г. Козловъ выразилъ благодарность географическому обществу и всѣмъ участникамъ экспедиціи, и заявилъ, что, благодаря содѣйствію перваго и трудамъ послѣднихъ, изученіе Средней Азіи значительно подвинулось впередъ, а это изученіе должно явиться одною изъ серьезнѣйшихъ задачъ русскихъ географовъ.

Московскій Публичный и Румянцовскій музеи, несмотря на ихъ значительныя средства, обогащались въ 1896 году главнымъ образомъ пожертвованіями частныхъ лицъ и учрежденій. Отдѣленіе рукописей и старопечатныхъ книгъ пополнилось 12 поступленіями, въ томъ числѣ извѣстная по слухамъ тетрадь бумагъ митрополита Платона (Московскаго), бумаги и статьи по дѣлу освобожденія крестьянъ изъ картоновъ С. Д. Полторацкаго и др. Въ отдѣленіи

занималось 67 посѣтителей и было выслано въ разныя заведенія для занятій 20 рукописей. Въ отдѣленіи разбирались библіотека и рукописи Н. С. Тихонравова (†). Библіотека, помимо поступленій по закону изъ цензуры, обогатилась 252 сочиненіями, въ томъ числѣ драгоцѣнными изданіями Ровинскаго, Кондакова Звенигородскаго и пр. Посѣтителей въ читальной залѣ насчитывалось 35,100, меньше противъ прошлаго года въ виду ремонта, задержавшаго открытіе до 20 сентября. Отдѣленіе искусствъ и древностей обогатилась главнымъ образомъ нѣсколькими гравюрами. Довольно много поступленій, хотя и незначительныхъ, пополнило Дашковскій этнографическій музей. Посѣтителей, обозрѣвавшихъ музеи, было 2.249 платныхъ и 20.624 безплатныхъ (по воскресеньямъ).

Нижегородская городская библіотека. Средства библіотеки составляли къ 1 января 1896 года 2,843 р. 57 к., въ отчетномъ году поступило 8,408 р. 13 к., израсходовано 7,620 р. 62 к., къ 1 января 1897 года оставалось 3,631 р. 8 к., годовой балансъ составлялъ 11,251 р. 70 к. Къ 1 января 1896 года библіотека заключала книгъ, журналовъ, газетъ и проч. 31,044 тома. Въ отчетномъ году было пріобрѣтено на средства библіотеки 353 названій въ 915 томахъ, по номинальной стоимости на 1,247 р. 85 к., пожертвовано 624 названій въ 1,128 томахъ по номинальной стоимости на 563 р. 45 к. Къ 1 января 1897 года состояло 33,074 тома, въ томъ числѣ книгъ, литографированныхъ лекцій, брошюръ 12,517 названій въ 17,984 томахъ, періодическихъ изданій 14,782 тома, картъ, атласовъ, рисунковъ и проч. 116 экземпляровъ. Стоимость библіотеки опредѣляется въ 56,572 р. 34 к., а вмѣстѣ съ движимымъ имуществомъ ея 58,735 р. 86 к. Застрахована библіотека въ 52,500 р. Посѣтителей зарегистровано за годъ 21,749 человѣкъ: 20,809 мужчинъ, 277 женщинъ и 663 дѣтей. Изъ этого числа 17,072 ограничились чтеніемъ газетъ, и только 4,676 требовали для чтенія книги и журналы. Книгъ было вытребовано въ читальню 2,439, удовлетворено 2,405 требованій, отклонено 34. Абонементовъ было 849, годовой отпускъ подписчикамъ выразился 42,263 тома.

Воронежская публичная библіотека. За 1896 годъ число абонементовъ возросло съ 1,161 человѣкъ на 1,212 человѣкъ, число посѣщеній въ абонементѣ съ 32,394 на 34,353, число требованій съ 54,929 на 59,443, число посѣтителей въ читальнѣ съ 11,130 на 12,469, за чтеніе собрано вмѣсто 2,430 р. прошлаго года 2,502 р. Къ началу отчетнаго въ кассѣ состояло 324 р. 71 к. и 1,567 р. залоговъ, въ году поступило залоговъ 2,301 р. и прочихъ доходовъ 3,565 р. 34 к., израсходовано 3,113 р. 42 к., возвращено залоговъ 2,129. Всего инвентарь составлялъ къ началу отчетнаго года 41,989 томовъ; вновь пріобрѣтено 459 названій въ 1,131 томѣ, пожертвовано 501 изданіе въ 756 томахъ, всего за годъ 960 названій въ 1887 томахъ, а всего состоитъ 43,876 томовъ.

† Н. А. Гюббенетъ. Въ первыхъ числахъ марта скончался завѣдывавшій государственнымъ главнымъ архивомъ Николай Александровичъ Гюббенетъ, извѣстный историческими трудами. Начавъ службу въ межевомъ департаментѣ сената, покойный былъ перемѣщенъ вскорѣ въ государственный архивъ

и почти въ продолженіе 50-ти лѣтъ не разставался съ этимъ учрежденіемъ, изучая дѣла и документы, находящіеся на храненіи въ архивѣ. Онъ обратилъ особенное вниманіе на документы, относящіеся до патріарха Никона, и въ 1882—1884 гг. издалъ солидный трудъ подъ заглавіемъ: «Дѣло патріарха Никона». Императорская академія наукъ присудила покойному за эту работу первую премію имени графа Уварова. Затѣмъ Н. А. составилъ для въ Бозѣ почившей императрицы Маріи Александровны описаніе писемъ покойной императрицы Маріи Ѳеодоровны къ подругѣ ея дѣтства г-жѣ Оберъ-Кирхъ. Въ качествѣ завѣдывавшаго государственнымъ архивомъ, онъ содѣйствовалъ и оказывалъ помощь своими указаніями многимъ ученымъ и профессорамъ въ ихъ архивныхъ разысканіяхъ, за что академія наукъ присудила ему въ 1895-мъ году золотую Пушкинскую медаль. Послѣдніе два года Н. А. занимался приготовленіемъ къ печати біографіи патріарха Никона; онъ собралъ много новыхъ матеріаловъ и изслѣдовалъ нѣсколько новыхъ документовъ по этому вопросу. Неожиданная болѣзнь (онъ заразился оспой при разборѣ дѣлъ Преображенскаго полка) не позволила ему закончить новый трудъ. Умеръ онъ на 71-мъ году.

† **А. Н. Егуновъ.** 15-го марта, скончался небезызвѣстный общественный дѣятель, Александръ Николаевичъ Егуновъ—экономистъ и статистикъ. Покойный родился въ 1824 г., кончилъ курсъ со степенью кандидата правъ въ Московскомъ университетѣ и началъ службу въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Когда въ «Современникѣ» появилось изслѣдованіе А. Н. Егунова о «Древнѣйшей торговлѣ Россіи» (въ 1848 г.), бывшій тогда начальникомъ городскихъ отдѣленій хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ Н. А. Милютинъ пригласилъ покойнаго заняться составленіемъ разныхъ статистическихъ изслѣдованій и отчетовъ и поручилъ ему, между прочимъ, составленіе всеподданнѣйшаго отчета министра за первое 25-ти-лѣтіе царствованія императора Николая I. Съ 1862 по 1876 г. покойный управлялъ и руководилъ дѣлами Бессарабскаго статистическаго комитета. Съ 70-хъ годовъ А. Н. служилъ въ министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій. Имъ изслѣдованы, между прочимъ, кустарная промышленность Кавказскаго края, крестьянскія хозяйства Пермской и Вятской губерній, маслодѣльныя артели Тобольской, Владимирской и Вологодской губ. Онъ составилъ также записку о необходимости измѣненій въ положеніи 19-го февраля 1861 года въ интересахъ улучшеній крестьянскаго самоуправленія. А. Н. былъ однимъ изъ давнихъ, энергичныхъ и дѣятельныхъ членовъ Вольно-Экономическаго общества. Подъ его редакціей и при его дѣятельномъ участіи составлено ходатайство императорскаго Вольно-Экономическаго общества объ измѣненіяхъ въ русскомъ таможенномъ тарифѣ. Изъ его многочисленныхъ статей и отдѣльно изданныхъ трудовъ назовемъ «О цѣнахъ на хлѣбъ», «Тридцатые и сороковые годы», «Валуевская комиссія» («Русская Мысль» 1891 г.), «Шапками забросаемъ» («Экономическій журналъ» 1893 г.), «Крестьянскія хозяйства Пермской губерніи» («Журналъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства» 1896 г.) и «Пермскій кустарный банкъ» («Наблюдатель» 1896 года). Умеръ А. Н. на 73-мъ году отъ роду, послѣ непродолжительной болѣзни (инфлуэнца и воспаленіе легкихъ).

† **И. П. Новиковъ.** 3-го апрѣля скончался въ Оренбургѣ Иванъ Петровичъ Новиковъ, основатель и бывшій антрепренеръ самарскаго городского театра. Покойный, по происхожденію изъ дворянъ Московской губерніи, получилъ образованіе въ Новгородской гимназіи, по выходѣ изъ которой поступилъ на сцену и, играя въ Старой Руссѣ, Орлѣ, Одессѣ, Вильнѣ, Москвѣ, наконецъ, Самарѣ, добился довольно широкой извѣстности среди провинціальныхъ актеровъ. Самарѣ, какъ артистъ, антрепренеръ и редакторъ-издатель «Самарской Газеты», И. П. Новиковъ извѣстенъ былъ около двадцати лѣтъ. Издавая (съ 1884 г.) газету, онъ въ то же время держалъ театръ въ Оренбургѣ и Уфѣ. Убытки по антрепризѣ, особенно въ сезонъ 1893—1894 г. въ Самарѣ, вынудили И. П. Новикова передать «Самарскую Газету» въ другія руки и покинуть Самару. Послѣдніе годы его жизни вообще были полны неудачъ и затрудненій, тягостно отразившихся на его здоровьѣ.

† **С. И. Донауровъ.** 10-го марта, въ С.-Петербургѣ скончался Сергѣй Ивановичъ Донауровъ, бывшій цензоръ драматическихъ сочиненій. Покойный посвящалъ досуги своей службы музыкальному творчеству. Будучи сыномъ извѣстнаго композитора И. М. Донаурова, онъ съ малыхъ лѣтъ проявилъ недюжинныя музыкальныя способности. Его музыкальному творчеству принадлежитъ нѣсколько извѣстныхъ романсовъ: «Пара гнѣдыхъ», «Тихо на дорогѣ, дремлетъ все вокругъ», «Ожиданіе» и др. С. И. прекрасно владѣлъ французскимъ языкомъ, что́ доставило ему возможность, при природномъ поэтическомъ дарованіи, перевести на французскій языкъ многія стихотворенія нашихъ поэтовъ, Пушкина и др. Умеръ онъ отъ крупознаго воспаленія легкихъ.

† **С. Я. Уколовъ.** Въ ночь на 7-ое марта, скончался Сергѣй Яковлевичъ Уколовъ, одинъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ «Петербургскаго Листка», помѣщавшій въ «Листкѣ», между прочимъ, фельетоны подъ псевдонимомъ «Бѣдный Іонаѳанъ». Свою журнальную карьеру покойный началъ въ 1882 году. С. Я. Уколовъ извѣстенъ также, какъ авторъ нѣсколькихъ «Обозрѣній» (revues), шедшихъ на частныхъ сценахъ, и какъ переводчикъ цѣлаго ряда опереточныхъ либретто.

годаря тому, что имѣлъ много свободнаго времени, что тетка щедро давала мнѣ денегъ и открыто поощряла на дружбу со своими веселыми пріятелями. Естественно, что я въ это время сталъ отдаляться отъ Джака, который держалъ себя красной дѣвицей, и, по правдѣ сказать, я только удивляюсь, что совершенно не пропалъ отъ такой пагубной жизни.

Хотя многіе начинали поговаривать о моемъ легкомысленномъ поведеніи, но отецъ не обращалъ на это вниманія: такъ онъ былъ занятъ своими дѣлами, не смотря на то, что, въ виду политическихъ обстоятельствъ, онъ все болѣе и болѣе суживалъ свою коммерческую дѣятельность, къ величайшему удовольствію тетки Геноры.

— Я не понимаю, Джонъ,—часто говаривала она:—изъ-за чего ты бьешься? Развѣ у тебя не довольно денегъ? Бросимъ все и удалимся на нашу ферму въ Мерьонѣ, гдѣ заживемъ счастливой, хотя скотской, жизнью.

Въ концѣ апрѣля 1773 года тетка Генора неожиданно явилась въ контору отца, гдѣ она рѣдко показывалась. Предчувствуя, что она хочетъ серьезно поговорить съ братомъ, я поспѣшно всталъ и направился къ дверямъ, но она остановила меня словами:

— Останься, я хочу, чтобы ты былъ свидѣтелемъ нашей бесѣды.

— Что такое, Генора?—спросилъ отецъ.

— Дѣло о сожженіи англійскаго корабля жителями Родъ-Айленда принимаетъ опасный характеръ. Главный судья острова, Гопкинсъ отказался арестовать своихъ соотечественниковъ.

— Жаль! Это настоящіе пираты.

— Такими пиратами мы вскорѣ будемъ всѣ.

— Если ты, Генора, пріѣхала сюда только для того, чтобы это сказать, то напрасно трудилась. Я вѣдь въ вашихъ дѣлахъ—сторона.

— Нѣтъ, вотъ въ чемъ дѣло. Мнѣ пишутъ изъ Лондона, что лордъ Нордъ только игрушка въ рукахъ короля и готовъ сдѣлать все, что ему прикажетъ король. А, право, жаль, онъ былъ славный молодой человѣкъ, когда я видѣла его въ Лондонѣ, у лорда Гильфорда, но, конечно, какой онъ министръ.

— Король знаетъ, кого выбираетъ въ министры. Тебѣ извѣстно, Генора, мое мнѣніе по этому предмету. Мы обязаны повиноваться тому, кого Богъ поставилъ надъ нами. Отдавай кесарево кесарю и живи въ мирѣ—вотъ чему учитъ насъ священное писаніе.

— Но дѣло въ томъ, какъ рѣшить вопросъ, что кесарево, а что нѣтъ. Въ Лондонѣ всѣ говорятъ, что наложатъ пошлину на нашъ чай.

— Не можетъ быть!

— Вотъ увидишь. Но такъ какъ эта мѣра будетъ принята лишь будущею осенью, когда придутъ корабли съ чаемъ изъ Китая, то ты успѣешь до тѣхъ поръ покончить всѣ свои дѣла. Поѣзжай

въ Англію. Произведи общую ликвидацію, сдѣлай въ послѣдній разъ закупки, пришли сюда во время товары и распорядись, чтобы здѣсь не принимали никакихъ заказовъ. Ты меня понимаешь, Джонъ?

Отецъ задумался. Онъ всегда уважалъ коммерческую прозорливость тетки и ясно видѣлъ всю пользу, которую онъ могъ извлечь изъ ея плановъ.

— Тебѣ будетъ довольно года на ликвидацію?—прибавила тетка, видя, что отецъ молчитъ и обдумываетъ ея слова.

— Совершенно довольно,—отвѣчалъ онъ и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, видимо подчинившись вліянію ея словъ.

— А ты что думаешь объ этомъ?—спросила она, обращаясь ко мнѣ.

— Мистеръ Вильсонъ говоритъ, что у насъ будетъ война, и генералъ-аторней Чью того же мнѣнія. Я слышалъ, какъ они говорили объ этомъ вчера у тебя въ домѣ. Офицеры также, повидимому, желаютъ войны. А я самъ, конечно, не могу ничего сказать объ этомъ.

— Еще бы!—произнесъ рѣзко отецъ.

Я замолчалъ, а тетка спросила:

— Ну, что же, Джонъ? Ты согласенъ?

— Надо поговорить съ женой: я никогда не разставался съ нею и на мѣсяцъ. А ты примешь участіе въ дѣлѣ?—прибавилъ онъ, желая испытать ея искренность.

— Еще бы. Ты можешь располагать моими пятью тысячами фунтовъ и купить на нихъ въ Лондонѣ пороху и ружей.

— Спасибо. Зачѣмъ ты, Генора, говоришь такіе пустяки?

— Ну, такъ купи голландскаго полотна.

— Противъ этого я ничего не имѣю.

— А я знаю, на что я употреблю полотно,—замѣтила тетка, подмигивая мнѣ, но отецъ не понялъ смысла ея словъ и сказалъ серьезнымъ тономъ:

— Хорошо, я поѣду.

— Я тебѣ совѣтовала бы не только ликвидировать дѣла съ Англіей и Голландіей, но совершенно закрыть лавочку,—произнесла тетка, вполнѣ довольная результатомъ своего разговора.

— Нѣтъ, я не могу совсѣмъ бросить дѣлъ. У меня вовсе не такое состояніе, какъ ты думаешь.

— Пустяки, Джонъ, у тебя не меньше, чѣмъ у Вилинга или Франкса, а они преспокойно покончили свои дѣла. Но ты просто любишь торговлю, какъ игру. Ты игрокъ, вотъ что! и твои корабли для тебя то же, что для меня картежный столъ.

— Напрасно ты говоришь такой вздоръ при мальчикѣ, Генора. Да, кстати сказать, я въ послѣднее время слышу много дурного о Гью, и это очень озабочиваетъ не только меня, но и друзей Пембертона и Вальна. Твои праздные игроки, офицеры пагубно вліяютъ

на его душу. Онъ началъ высказывать свои мнѣнія о налогахъ и принципѣ непротивленія, точно такая лѣнивая собака, какъ онъ, можетъ имѣть мнѣніе.

— Полно, полно, — промолвила тетка.

— Если я собака, то все-таки не лѣнивая, — замѣтилъ я хладнокровно.

Онъ схватилъ меня одной рукой за горло, а другой досталъ со стола палку.

— Я тебѣ покажу, какъ отвѣчать старшимъ.

Я молча посмотрѣлъ на него и улыбнулся.

— Ты еще смѣешься! — воскликнулъ онъ, выходя изъ себя, и поднялъ палку.

Но въ эту минуту тетка вырвала у него палку и, сломавъ ее о свое колѣно, бросила куски на полъ.

Отецъ отскочилъ съ злобнымъ крикомъ:

— Генора! Генора!

— Что ты съ ума сошелъ, — воскликнула она: — берегись, твоя дикая уэльская кровь не доведетъ тебя до добра. Что бы сказала моя добрая Марія? Отчего ты не могъ сдѣлать мальчика своимъ другомъ? Онъ стоитъ десяти такихъ молодцевъ, какъ ты, и держитъ себя, какъ настоящій джентльменъ. Тебѣ слѣдуетъ гордиться такимъ сыномъ. Развѣ ты не понимаешь, что твоя дьявольская строгость и скучная домашняя жизнь отдалили васъ другъ отъ друга?

— Ты меня унизила въ глазахъ моего сына, Генора, — произнесъ онъ наконецъ, овладѣвъ собою: — во всемъ ты виновата. Я вышелъ изъ себя и хотѣлъ ударить въ порывѣ злобы, когда мнѣ слѣдовало съ молитвой наказать нарушеніе домашней дисциплины. Уходите оба. Я не могу болѣе говорить съ тобою, Генора. Ты всегда раздражаешь меня.

— Пойдемъ, Гью, ты видѣлъ хорошій примѣръ квакерскаго смиренія и подставленія правой щеки, когда ударяютъ по лѣвой.

— Полно, тетя, — воскликнулъ я.

— Уходите, уходите, — повторилъ отецъ.

— Уйдемъ, но не говори никому о томъ, что я тебѣ говорила.

— Хорошо.

— Прощай. Пойдемъ, Гью.

VI

Въ эту смутную эпоху подобныя грустныя сцены случались во многихъ семействахъ, и непріятное объясненіе съ отцемъ было только предвкушеніемъ гораздо серьезнѣйшаго раздора, который долженъ былъ впослѣдствіи разлучить насъ на многіе годы.

— Ты не говори объ этомъ матери, — сказала тетка Генора, когда мы вышли изъ дому, — впрочемъ, онъ самъ ей скажетъ, такъ какъ

никогда ничего не таитъ отъ нея. Поэтому мнѣ надо тотчасъ съ ней повидаться. Твой отецъ становится просто невозможнымъ. Трудныя времена и глупые квакеры, со своими односторонними взглядами, доводятъ его до бѣшенства, какъ матадоры быковъ. Лучше ему уѣхать наврямя. Онъ никогда не бывалъ въ Англіи и пусть посмотритъ, сколько англичанъ стоятъ за насъ, подобно Питту и полковнику Баррэ. Что касается тебя, то онъ совершенно правъ. Мы съ тобой въ послѣднее время слишкомъ дурили. Пора тебѣ взяться за умъ. Ты долженъ меньше играть и пить, а въ отсутствіе отца тебѣ придется, съ моею помощью, серьезно заняться его дѣлами.

Я обѣщалъ теткѣ исправиться, а она, проходя мимо церкви св. Петра, зашла въ нее, попросивъ меня подождать ее на улицѣ.

— Я помолилась о тебѣ, Гью,—сказала тетка, возвращаясь ко мнѣ,—и смотри, сдержи свое слово,—не бери въ руки картъ.

Войдя въ нашъ огородъ, мы застали мою мать подъ персиковымъ деревомъ. Она сидѣла на скамейкѣ и чистила горохъ.

— Ахъ! Это ты, Генора?—воскликнула она, увидя насъ:—помоги мнѣ лущить горохъ, а я дамъ тебѣ за это частицу. Онъ привезенъ съ Бермудскихъ острововъ, посмотри, какой у него пріятный свѣтлозеленый цвѣтъ. Я бы желала имѣть такой передникъ.

— У меня именно есть такая матерія. Я тебѣ сошью, только, скажи, какого фасона: покрасивѣе или попроще?

— Попроще. Я вѣдь квакерша. Une amie! Пофранцузски это выходитъ смѣшно. Впрочемъ, не я одна веселая квакерша. Мнѣ ни въ чемъ не уступитъ Сара Леганъ. Только мой Джонъ считаетъ это суетой изъ суетъ. Хотя я, право, не понимаю, почему сѣрый цвѣтъ—религіознѣе краснаго? Но что съ тобою, Генора, и почему у тебя, Гью, разорванъ воротникъ? Неужели утромъ я отпустила тебя въ такомъ видѣ?

Въ отвѣтъ тетка разсказала о необходимости отцу ѣхать на годъ въ Лондонъ, но скрыла полученныя изъ Англіи извѣстія и мою непріятную сцену съ отцемъ. Мать спокойно продолжала чистить горохъ, но, видимо, внимательно слушала аргументы тетки въ пользу отъѣзда отца.

— Я вижу,—сказала она, наконецъ,—что ему надо ѣхать. Но что же мы сдѣлаемъ съ сыномъ?

— Онъ останется съ тобой дома, и все пойдетъ по-старому. Только Джонъ загуляетъ въ Лондонѣ.

— Нѣтъ!—воскликнула мать съ жаромъ,—я не такая женщина, чтобы отпустить мужа одного въ такую даль, да еще на цѣлый годъ. Я поѣду съ нимъ. Конечно, я люблю моего сына, но мужъ прежде сына, и ты напрасно хочешь разлучить меня съ нимъ.

— Я вовсе этого не хочу. Поѣзжай съ нимъ, Марія, и Христосъ

съ вами. А сына оставьте мнѣ: онъ не можетъ ѣхать я присмотрю за нимъ, съ Божьей помощью.

И обѣ женщины стали цѣловаться, обливаясь слезами. Потомъ, успокоившись, онѣ порѣшили дѣло во всѣхъ его подробностяхъ, и, къ моему большому удивленію, отецъ безпрекословно принялъ составленный ими планъ.

Послѣ ухода тетки я не вернулся въ контору, а нѣсколько часовъ катался одинъ въ лодкѣ по рѣкѣ, погруженный въ глубокую думу; мнѣ было двадцать лѣтъ, и я уже умѣлъ сознательно обсуждать не только чужіе, но и свои поступки. Вспоминая обо всемъ, что произошло между мною и отцемъ, я не могъ не признать, что онъ имѣлъ право обидѣться на тетку и на меня, а потому рѣшилъ прежде всего попросить у него прощенія, а потомъ измѣнить свою жизнь.

Хотя было уже поздно, но я прямо отправился въ контору и засталъ тамъ отца.

— Что это значитъ, — спросилъ онъ: — ты уходилъ безъ дозволенія?

— Отецъ,—отвѣчалъ я,—я былъ виноватъ сегодня утромъ и пришелъ просить у тебя прощенія.

— Пора!

— А если я ушелъ отсюда, то не изъ страха наказанія, которому я готовъ всегда подчиниться, если его заслужу.

— Хорошо! скидывай сюртукъ!

Я повиновался. И отецъ взялъ въ углу палку, но въ эту минуту послышались шаги матери.

— Твое счастье,—сказалъ поспѣшно отецъ,—надѣвай сюртукъ.

— Что это такое?—воскликнула мать со слезами на глазахъ,—у меня была Генора и говоритъ, что тебѣ надо ѣхать въ Лондонъ? Я поѣду съ тобой.

— Нѣтъ, этому не бывать,—отвѣчалъ онъ.

Но мать бросилась къ нему на шею и стала умолять взять ее съ собой. Какъ всегда, она поставила на своемъ, и тотчасъ въ домѣ начались приготовленія къ отъѣзду, хотя была весна, а имъ надо было ѣхать осенью.

Въ слѣдующее мое посѣщеніе тетки, она объявила мнѣ, что имѣла новыя объясненія съ отцемъ и матерью на счетъ меня, и что они такъ боятся ея дурного вліянія, что хотятъ поручить меня во время своего отсутствія старому сердитому квакеру, Гапворти.

— Боже, избави!—воскликнулъ я со страхомъ.

— Не безпокойся. Я все уладила, но мнѣ пришлось дать имъ обоимъ такія обязательства, которыя я не могу сдержать безъ твоей помощи. Еще отца твоего я не прочь обмануть, но передъ голубыми глазами матери я солгать не могу.

— Будьте увѣрены, тетя Генора, я исправлюсь.

— Да, это необходимо. Я была вынуждена, словно крестная мать, отречься за тебя отъ свѣта, плоти и дьявола. Ты счастливъ, что отдѣлался отъ трепки, а мнѣ задали трезвону.

— Что это значитъ?

— А вотъ что. Вчера приходили ко мнѣ двое почтенныхъ квакеровъ и задали мнѣ гонку за то, что я развратила тебя, а главное разсказали при всѣхъ гостяхъ, какъ ты надняхъ вышелъ изъ какого то дома, ночью, съ двумя офицерами, смертельно пьяный. Это было мнѣ тѣмъ болѣе непріятно, что Монтрезоръ и Этрингтонъ слушали ихъ болтовню, улыбаясь, а когда они ушли, то одна прелестная, молодая дѣвушка, только что пріѣхавшая сюда къ своей теткѣ, пожалѣла тебя. Она увѣряетъ, что знаетъ тебя, и что ты заступался за нее въ школѣ.

— Какъ ее зовутъ?

— Доротея Пенистонъ; она родственница миссъ Лансей, на которой хочетъ жениться серъ Вильямъ Дреперъ.

— Доротея Пенистонъ! — воскликнулъ я и тотчасъ вспомнилъ маленькую дѣвочку, которая плакала въ школѣ за то, что меня наказали.

— Она замѣчательная красавица, — продолжала тетка, — и всѣ сходятъ по ней съ ума, хотя у нея нѣтъ ни гроша. Приходи завтра посмотрѣть на нее, если протрезвишься.

— Что это значитъ?

— А то, что ты сегодня приглашенъ на офицерскій пуншъ, а я знаю, какой это крѣпкій напитокъ.

Я обѣщалъ, что буду вести себя прилично, и дѣйствительно вернулся домой съ твердой рѣшимостью повести лучшую жизнь.

VII.

Послѣ обѣда я надѣлъ свой лучшій костюмъ и отправился къ пріятелямъ, обѣщавъ матери не пить много и вернуться домой къ девяти часамъ.

Въ Лондонской кофейнѣ я встрѣтилъ Монтрезора, и мы поѣхали вмѣстѣ въ экипажѣ, чрезъ губернаторскій лѣсъ, въ Энгельфильдъ, гдѣ помѣщался клубъ, извѣстный подъ названіемъ Колонія на Шилькилѣ. Этотъ оригинальный клубъ арендовалъ два акра земли у мистера Ворнера и выстроилъ себѣ бревенчатый домъ. Тамъ мы застали нѣсколько членовъ клуба, старыхъ и молодыхъ, но опоздали на ежегодную церемонію подношенія трехъ рыбъ хозяину земли, который не требовалъ другой платы, но видѣли то глиняное блюдо, пожертвованное семьей Вильяма Пэна, на которомъ подносили рыбъ.

Компанія была очень странная, но веселая, и, по обычаю, младшіе члены клуба, въ бѣлыхъ передникахъ, стряпали обѣдъ и по-

давали его старшимъ, а потомъ уже всѣ вмѣстѣ пили безъ конца мадеру и пуншъ, провозглашая тосты за короля, за удачу въ торговлѣ, за дамъ и т. д.

Я былъ въ прекрасномъ расположеніи духа, но, помня предостереженіе тетки, пилъ мало и слушалъ, какъ мои собутыльники разговаривали, шутили и ссорились между собою, нимало не подозрѣвая, что нѣкоторымъ изъ нихъ суждено было вскорѣ умереть за родину. Меня особенно интересовали политическіе споры, такъ какъ, благодаря Вильсону и теткѣ Генорѣ, я уже сдѣлался ярымъ вигомъ.

Въ семь часовъ мы встали изъ-за стола и вернулись въ городъ. Я доѣхалъ до Лондонской кофейни съ Монтрезоромъ, котораго, я подозрѣваю, тетка просила присмотрѣть за мной; но тамъ меня встрѣтилъ капитанъ Смолъ, одинъ изъ самыхъ безшабашныхъ кутилъ среди англійскихъ офицеровъ.

— Еще рано возвращаться домой, мистеръ Винъ!—воскликнулъ онъ,—пойдемте съ нами ужинать. Я васъ познакомлю съ мистеромъ Артуромъ Виномъ, офицеромъ гренадерскаго полка, который говоритъ, что онъ вашъ дальній родственникъ.

Монтрезоръ совѣтовалъ мнѣ не ходить ужинать, но, съ одной стороны, мнѣ было любопытно увидѣть невѣдомаго родственника, а съ другой, меня задѣлъ за живое подошедшій офицеръ Этрингтонъ, который сказалъ своему товарищу:

— Зачѣмъ вы его приглашаете? Его ждетъ дома нянька съ соской.

Къ довершенію всего я увидѣлъ, на противоположной сторонѣ улицы, Джака Вордера, который манилъ меня къ себѣ. По всѣмъ этимъ причинамъ я пошелъ съ офицерами и объявилъ, что не стану ужинать, но выпью съ ними стаканчикъ пунша.

Въ верхней комнатѣ кофейни, за столомъ, уставленнымъ холодными закусками и крѣпкими напитками, сидѣло около десяти или двѣнадцати офицеровъ, которые обрадовались, увидавъ меня, такъ какъ я былъ общимъ любимцемъ, благодаря своему веселому характеру и умѣнью пѣть. Монтрезоръ послѣдовалъ за мной и, дружески оттолкнувъ Смола, сказалъ:

— Капитанъ Винъ, позвольте мнѣ вамъ представить мистера Гью Вина, какъ я слышалъ, вашего родственника.

При этихъ словахъ одинъ изъ офицеровъ всталъ изъ-за стола и подошелъ ко мнѣ. Онъ былъ высокаго роста, хорошо сложенъ и очень красивъ. Онъ держалъ голову высоко и отличался благородной осанкой. Одѣтъ онъ былъ богато и съ утонченнымъ вкусомъ, что на меня съ перваго раза очень подѣйствовало. Онъ посмотрѣлъ на меня такъ пристально, что мнѣ сдѣлалось неловко, но, не желая произвести на него дурнаго впечатлѣнія для перваго знакомства, я отвѣчалъ ему тѣмъ же, при чемъ замѣтилъ, что на лицѣ капитана

Вина были слѣды склонности къ спиртнымъ напиткамъ, а также, что, при правильныхъ чертахъ лица, у него подбородокъ былъ очень тонкій, что, какъ впослѣдствіи я часто замѣчалъ, было доказательствомъ слабаго характера. Вообще, онъ произвелъ на меня непріятное впечатлѣніе.

— Я дальній вашъ родственникъ,—сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку,—и очень радъ съ вами познакомиться. Вы ужасно походите на портретъ стараго сэра Роберта Вина въ Винкотѣ, гдѣ я охотился въ прошедшемъ году.

— А ты не всегда живешь въ Винкотѣ?—спросилъ я, любезно отвѣчая на его привѣтствіе.

— Нѣтъ. Я младшій сынъ, да и при томъ ваша линія старшая. Я кланяюсь вамъ, сэръ, какъ главѣ нашего стараго рода, и пью за ваше здоровье!

Произнеся эти слова удивительно привлекательнымъ образомъ, онъ положилъ мнѣ руку на плечо и прибавилъ:

— Мы должны быть друзьями, братецъ Винъ, и вы познакомьте меня съ отцемъ, а главное съ теткой, мистрисъ Винъ, о которой Монтрезоръ всегда отзывается съ такими похвалами.

Я отвѣчалъ, что, конечно, съ удовольствіемъ исполню его желаніе, и, усѣвшись за столъ рядомъ съ новымъ родственникомъ, началъ пить вино, не обращая вниманія на знаменательные взгляды, которые бросалъ на меня Монтрезоръ.

Мистеръ Артуръ Винъ былъ старше меня на десять лѣтъ, служилъ въ гвардіи, провелъ много лѣтъ въ Индіи и, какъ бывалый человѣкъ, умѣлъ разсказывать любопытные анекдоты о придворной и казарменной жизни. Естественно, я такъ заинтересовался его бесѣдой, что забылъ о Монтрезорѣ, который, видя, что ничего не подѣлаешь со мной, отошелъ въ сторону и занялся разговорами съ однимъ изъ своихъ товарищей офицеровъ.

Хотя я старался разспрашивать у Артура Вина о нашихъ родственникахъ въ Англіи, но онъ неохотно отвѣчалъ на мои вопросы и предпочиталъ распространяться о придворныхъ дамахъ, о своихъ друзьяхъ и сэрѣ Гайѣ Карльтонѣ, къ которому онъ отправлялся въ Канаду. Онъ совѣтовалъ мнѣ поступить на военную службу, какъ этого желала тетка, и съ удивленіемъ, но очень любезно выслушивалъ мои разсужденія о несправедливыхъ налогахъ и притѣсненіяхъ нашей торговли, которыя я повторялъ со словъ Вильсона.

Время шло незамѣтно, и я машинально пилъ стаканъ за стаканомъ; пуншъ замѣнилъ вино, и на столѣ появились кости да карты. Наконецъ ко мнѣ подошелъ Монтрезоръ и спросилъ, пойду ли я съ нимъ. Я молча простился со своимъ новымъ родственникомъ и пошелъ за маіоромъ. Но дверь изъ комнаты оказалась запертой, и никто не зналъ, у кого былъ ключъ. Монтрезоръ выру-

гался, но не поднялъ шума, а я въ сущности былъ очень доволенъ поводомъ остаться.

Я подошелъ къ столу, на которомъ играли въ карты, но вдругъ почувствовалъ, что въ глазахъ у меня мутится, и комната вертится вокругъ меня. Я былъ очевидно пьянъ. Что произошло потомъ до плачевной катастрофы, случившейся только спустя часъ, я не помню. Другіе разсказывали потомъ, что я подошелъ къ отворенному окну и, немного освѣжившись, вернулся къ игорному столу, завелъ крупную игру, выигралъ въ короткое время около ста фунтовъ стерлинговъ, а потомъ не только спустилъ весь выигрышъ, но и всѣ деньги, которыя мнѣ дала тетка. Присутствовавшій при этомъ позорномъ обыгрываніи пьянаго мальчишки взрослыми офицерами, полковникъ Мильвудъ старался ихъ урезонить, но тщетно, и когда капитанъ вздумалъ оттащить меня отъ зеленаго стола, то я, говорятъ, кричалъ во все горло:

— Ты не смѣешь фомильярничать со мной: я глава нашего рода, а ты принадлежишь къ младшей линіи!

Неожиданно, среди общей кутерьмы, раздался громкій стукъ въ дверь.

— Я слышу голосъ женщины!—воскликнулъ Артуръ Винъ:—вотъ и отлично. Держу пари, что она красивая.

— Идетъ!—отвѣтилъ какой-то пьяный корнетъ.

— Вотъ и ключъ. Впустимъ даму,—произнесъ пожилой офицеръ.

Полковникъ всталъ, но было уже поздно, и Винъ отперъ дверь. Въ комнату вошла моя мать въ сопровожденіи Джака Вордера и остановилась на порогѣ, пораженная открывшимся передъ нею зрѣлищемъ.

Артуръ Винъ, еле держась на ногахъ отъ многочисленныхъ возліяній, подбѣжалъ къ ней и, схвативъ ее за талію, закричалъ во все горло:

— Она могла бы быть помоложе, но все-таки я выигралъ пари. Чортъ возьми! Она квакерша. Ну, все равно, выпьемъ за ея здоровье!

Я мгновенно отрезвился и пришелъ въ себя.

— Пойдемъ, Гью,—сказала мать, отворачиваясь съ презрѣніемъ отъ пьянаго офицера.

— Сейчасъ, мама—сказалъ я спокойно:—но прежде...

И я ударилъ изо всей силы рукой по лицу капитана Вина, который зашатался и грохнулся на полъ.

Все въ комнатѣ стихло, и всѣ ждали съ трепетомъ, чѣмъ кончится эта сцена.

Черезъ минуту капитанъ всталъ, и я тотчасъ замѣтилъ, что онъ такъ же, какъ и я, отрезвился. Онъ почтительно поклонился матери и, обтирая кровь съ лица, спокойно, даже хладнокровно, произнесъ:

— Прошу извиненія у васъ, сударыня; мы всѣ вели себя, какъ

свиньи, и я достойно наказанъ. Что же касается до васъ, мистеръ Винъ, то вы ребенокъ, а вздумали тягаться съ взрослыми. Этому надо положить конецъ.

— Это не твое дѣло!—воскликнулъ я гнѣвно.

— Тише, тише, Гью,—промолвила мать.

— Мы объ этомъ переговоримъ завтра,—прибавилъ капитанъ и, обращаясь къ своимъ товарищамъ, прибавилъ:—я не желаю, господа, чтобы кто нибудь узналъ объ этой исторіи. Если кто либо со мной не согласенъ, то я всегда къ его услугамъ.

— Вы правы,—согласился полковникъ:—и если кто либо изъ господъ офицеровъ противнаго мнѣнія, то неугодно ли ему начать съ меня.

Потомъ онъ подошелъ къ моей матери, подалъ ей руку съ самымъ почтительнымъ поклономъ и любезно произнесъ:

— Позвольте мнѣ, сударыня, проводить васъ до улицы.

Джакъ и я послѣдовали за ними.

VIII.

Очутившись на свѣжемъ воздухѣ въ прекрасную, лунную, апрѣльскую ночь, мы шли до дому молча, но когда Джакъ разстался съ нами, то онъ просто спросилъ:

— Мы увидимся съ тобой завтра?

— Еще бы,—отвѣчалъ я,—да благословитъ тебя Господь, ты былъ сегодня для моей матери настоящимъ сыномъ.

Она улыбнулась, но не сказала ни слова.

Мы молча вошли въ домъ и разошлись по своимъ комнатамъ. Она не произнесла ни малѣйшаго упрека, но сказала только:

— Не цѣлуй меня сегодня вечеромъ: я не могу еще перенести твоего поцѣлуя.

Всю ночь я не сомкнулъ глазъ. Стыдъ, горе и отчаянье грызли меня. На разсвѣтѣ я всталъ, выѣхалъ въ лодкѣ на середину рѣки и выкупался въ свѣжей, холодной водѣ. Изъ воды я вышелъ совершенно новымъ человѣкомъ: голова у меня была свѣжа, и на сердцѣ какъ-то спокойно.

Я вернулся домой къ утренней молитвѣ, которую прочитала мать, такъ какъ отецъ былъ въ отсутствіи нѣсколько дней. Къ моему большому удивленію, она спокойно поцѣловала меня и спросила пофранцузски:

— Все обстоитъ благополучно, сынъ мой?

— Да,—отвѣчалъ я.

Она приступила къ молитвѣ и какъ будто нарочно прочла изъ евангелія притчу о блудномъ сынѣ. Это мнѣ очень не понравилось, такъ какъ мы были не одни, а, какъ всегда, съ нами молились всѣ слуги.

За завтракомъ я не могъ ничего ѣсть и, выйдя въ садъ, сталъ ожидать окончательнаго объясненія съ матерью, такъ какъ зналъ, что оно не можетъ миновать. Наконецъ, она явилась спокойная, нѣжная, любящая. Отчего она не сердилась на меня? А было за что! И она нерѣдко приходила въ такую ярость, что я боялся ея болѣе отца. Нѣкоторые глубокомысленные люди увѣряютъ, что они понимаютъ женское сердце, но я утверждаю, что материнскаго сердца никто не пойметъ.

— Какой прекрасный день, Гью,—сказала она весело,—и ты хорошо выкупался? Жаль, что не принято женщинамъ плавать, а то я съ удовольствіемъ предавалась бы этому полезному упражненію.

Она сѣла подлѣ меня на траву, положила мою голову къ себѣ на колѣни и прибавила съ неожиданными слезами на глазахъ:

— Я, право, не сдѣлала этого нарочно. Я прочла въ евангеліи то, что слѣдовало на сегодняшній день. Притча о блудномъ сынѣ была совершенной случайностью. Но, слава Богу, ты гораздо лучше этого гадкаго сына, къ тому же, я удивляюсь, гдѣ была его мать, когда онъ ушелъ изъ родительскаго дома? Я никогда не допустила бы до этого. По-моему, женщины созданы только для прощенія. Мы не въ состояніи предохранить отъ грѣха и только можемъ сказать: не уходи, вернись, я тебя люблю.

Я ничего не обѣщалъ ей, не клялся болѣе не мучить ее, а только заплакалъ, какъ ребенокъ, что было для нея лучшимъ залогомъ моей рѣшимости исправиться.

— Однако,—воскликнула она,—пора позаботиться объ обѣдѣ, вѣдь сегодня надо заколоть упитаннаго тельца. Удивляюсь, какъ это отецъ блуднаго сына удовольствовался однимъ тельцомъ. Я бы не пожалѣла цѣлаго стада. Ты видишь, Гью, что я счастлива и смѣюсь. Я вполнѣ увѣрена, что мнѣ нечего бояться будущаго.

Я хотѣлъ распространиться о томъ, какъ мнѣ стыдно за дружбу со свиньями, но она меня перебила:

— Нѣтъ, нѣтъ! Все это кончено. Ты больше не будешь водиться со свиньями. Забудемъ объ этомъ. Но я не могу не сказать, что ты очень силенъ, и я гордилась тобою въ ту печальную минуту. Впрочемъ, и онъ повелъ себя джентельменомъ и выказалъ замѣчательное хладнокровіе. Кто это такой?

Я объяснилъ ей, что мой противникъ былъ нашъ дальній родственникъ.

— Это очень странно и любопытно, — произнесла мать, — онъ, вѣроятно, придетъ сегодня къ намъ. Да и отецъ долженъ вернуться. Ему придется все сказать.

— Конечно, но я самъ ему все скажу.

Произнеся это, я прибавилъ, что ей была неизвѣстна еще одна непріятная сторона этой исторіи, именно, что я проигралъ сто фунтовъ, данныхъ мнѣ теткой.

— Это пустяки,—отвѣчала мать,—но я не хочу, чтобы ты былъ долженъ теткѣ. Возьми мои жемчуги, которыхъ я никогда не ношу, и отдай ихъ Генорѣ. Ну, теперь отправляйся на работу, а потомъ снеси жемчуги теткѣ. Безъ разговора,—я такъ хочу.

Я повиновался. Тетка встрѣтила меня, пылая гнѣвомъ.

— Хорошо твое раскаяніе!—воскликнула она, — чего ты вылупилъ на меня глаза? Туракъ! Я все знаю. Злая Фергюсонъ уже была у меня и разсказала, какъ ты проигралъ сто фунтовъ и едва не убилъ своего родственника. Гдѣ ты его нашелъ? Наварилъ же ты каши! Хорошъ крестникъ, нечего сказать! А мнѣ доктора не велятъ тревожиться. Мистриссъ Галовей также была тутъ и говоритъ, что у васъ будетъ дуэль, а ты, голубчикъ, не умѣешь и въ руки-то взять шпаги. Надо мнѣ тебя еще отдать въ школу къ моимъ друзьямъ офицерамъ.

— А ну ихъ къ чорту, вашихъ офицеровъ!—воскликнулъ я,— мнѣ было бы лучше, еслибъ ихъ никогда не было на свѣтѣ.

— Вотъ въ этомъ ты правъ,—произнесла она, засмѣявшись, и мгновенно прошелъ ея гнѣвъ,—ко мнѣ еще заходилъ твой Джакъ Вордеръ, и онъ мнѣ сегодня понравился, хотя все-таки онъ больше походитъ на дѣвицу, чѣмъ на мужчину. Онъ краснѣлъ, передавая мнѣ о твоихъ подвигахъ. Ну, да разсказывай же мнѣ всѣ подробности. Говорятъ, что ты даже въ пьяномъ видѣ велъ себя, какъ джентельменъ. Это я люблю!

Она съ любопытствомъ выслушала меня, но когда я досталъ изъ кармана жемчуги матери, то она снова закипѣла гнѣвомъ.

— Какіе вы всѣ стали лавочники!—воскликнула она,—а меня-то вы принимаете за ростовщика? Я тебѣ еще дамъ сто фунтовъ, и ты узнай, не осталось ли за тобой какого картежнаго долга, вѣдь въ пьяномъ видѣ ты могъ и забыть. Что же касается до этихъ жемчуговъ, то отдай ихъ матери, пусть она побережетъ ихъ для твоей жены.

Съ отцемъ мнѣ было объясниться не такъ легко, но онъ пріѣхалъ, спустя два дня, и раньше его пришелъ къ намъ въ домъ полковникъ Мильвудъ.

— Мистеръ Винъ,—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—я пришелъ сюда по просьбѣ капитана Вина, чтобы передать вашей матери вотъ это письмо, съ извиненіями. Я надѣюсь, что послѣ такого поступка съ его стороны вы выразите свое сожалѣніе, что прибѣгли къ насилію.

— Я не могу этого сдѣлать,—отвѣчалъ я,—я нимало не сожалѣю о томъ, что сдѣлалъ.

— Напрасно, мистеръ Винъ,—не забудьте, что мистеръ Артуръ Винъ не могъ знать, кто была вошедшая женщина. Ни одинъ мужчина не можетъ снести удара, но мы обсудили этотъ вопросъ съ сэромъ Вильямомъ Дреперомъ и пришли къ заключенію, что ка-

питанъ Винъ не можетъ драться на дуэли съ восемнадцати-лѣтнимъ юношей.

— Мнѣ не восемнадцать, а двадцать лѣтъ,—замѣтилъ я.

— Виноватъ, съ двадцатилѣтнимъ юношей и еще съ родственникомъ. Поэтому вы остаетесь побѣдителемъ, что и справедливо, такъ какъ вы имѣли полное право заступиться за свою мать. Но зачѣмъ вы такъ больно его побили? Онъ, бѣдный, не можетъ выйти изъ комнаты, такъ вы отработали его лице. Если бы не это обстоятельство, онъ самъ бы пришелъ къ вашей матери.

Удивительная любезность полковника очень меня смутила, и я нашелся только отвѣтить, что если Артуръ Винъ согласенъ забыть случившееся, то и я постараюсь сдѣлать то же.

— И прекрасно,—сказалъ полковникъ,—дня черезъ два повидайтесь съ нимъ и покончите это непріятное дѣло. Онъ прекрасный человѣкъ и достойный представитель вашего стараго аристократическаго рода. Ну, прощайте! Приходите когда нибудь обѣдать къ намъ за общимъ офицерскимъ столомъ, но, чуръ, больше не бить насъ.

И онъ со смѣхомъ удалился, а я отнесъ матери письмо Артура Вина. Она прочла его съ удовольствіемъ и объявила, что оно было прекрасно написано, хотя не совсѣмъ грамотно. Впрочемъ, грамотностью не отличались ни Георгъ—король, ни нашъ собственный великій Георгъ (Вашингтонъ). Но она не передала мнѣ письма. Я его увидалъ, только много лѣтъ спустя. Артуръ Винъ выражался въ немъ обо мнѣ, какъ о мальчикѣ, и, конечно, моя мать боялась, что я приму это за обиду.

Когда вернулся отецъ, я сознался ему во всемъ, но онъ, повидимому, уже зналъ о случившемся, потому что перебилъ меня, внѣ себя отъ гнѣва:

— Я, право, не знаю, что съ тобой дѣлать? Ты ударилъ своего родственника и нанесъ ему тяжелое увѣчье, а онъ не отвѣчалъ тебѣ тѣмъ же. Ты доведешь меня до могилы своими безумными поступками. Ну, да погоди! Я теперь ничего не могу сказать. Мнѣ надо подумать и посовѣтоваться.

Пока онъ думалъ и совѣтовался съ друзьями, къ намъ явился Артуръ Винъ. Я едва узналъ его.

— У васъ дверь была гостепріимно отворена,—сказалъ онъ, входя въ садъ, гдѣ я сидѣлъ съ отцемъ и матерью,—а слуга мнѣ сказалъ, что вы здѣсь. Позвольте мнѣ, прежде всего, мистриссъ Винъ, выразить вамъ мои нижайшія извиненія.

Мы всѣ встали при его появленіи, и мать шепнула мнѣ на ухо:

— Будь остороженъ, Гью, это Артуръ Винъ.

Теперь я ближе разсмотрѣлъ его, чѣмъ при первомъ знакомствѣ, и замѣтилъ, что волоса его были черные, лицо загорѣлое отъ долгаго пребыванія на востокѣ, и на лбу большой шрамъ отъ сабель-

наго удара. Кромѣ того, отъ серьезной раны онъ не владѣлъ правой рукой и лѣвой не только здоровался, но и дѣйствовалъ саблей.

— Мы очень рады тебя видѣть, капитанъ Винъ,—сказала мать.

— Садись, братецъ Артуръ, и выкури трубку,—произнесъ я, стараясь быть любезнымъ, хотя мнѣ было очень неловко смотрѣть на его правую щеку, на которой сохранились слѣды моей руки.

Онъ отвѣчалъ, что не куритъ, и, усѣвшись рядомъ съ нами, завелъ съ отцемъ разговоръ о политикѣ. Только, когда мы совершенно подпали подъ вліяніе его пріятныхъ манеръ и увлекательной рѣчи, онъ, какъ бы вскользь, сказалъ:

— Однако, вашъ сынъ не раздѣляетъ мнѣнія друзей о войнѣ.

— Мой сынъ неблагоразумный молодой человѣкъ,--произнесъ отецъ, и въ ту же минуту я почувствовалъ, что мать крѣпко схватила меня за руку.

— Нѣтъ, нѣтъ, почтенный родственникъ,—отвѣчалъ капитанъ,— вашъ сынъ молодъ, это правда, но его нельзя обвинить въ неблагоразуміи. Онъ поступилъ со мной такъ, какъ я того вполнѣ заслуживалъ. Мы, Вины, народъ горячій и не можемъ держаться квакерскихъ теорій относительно обидъ. А тутъ была еще не обида, а тяжелое оскорбленіе. Онъ былъ правъ.

— Человѣкъ не долженъ ничѣмъ оскорбляться и можетъ лишь своимъ поведеніемъ оскорбить Творца,—произнесъ торжественно отецъ,—мы не должны ни оскорблять, ни мстить--это не наше дѣло.

— Извините, но я съ вами не согласенъ,—сказалъ капитанъ и тотчасъ перемѣнилъ разговоръ,—я слышалъ, что вы осенью ѣдете въ Англію и, вѣроятно, посѣтите Винкотъ?

— Нѣтъ. Я буду слишкомъ занятъ, и къ тому же Винкотъ меня нисколько не интересуетъ.

— Можетъ быть, вы и правы. Вы очень бы разочаровались, увидавъ заброшенный домъ и разоренное помѣстье. Моему брату достанется немного, когда Винкотъ перейдетъ къ нему. Что же касается до отца, то ему и горя мало: онъ охотится, устраиваетъ пѣтушиные бои и пьетъ мертвую, какъ всѣ наши уэльскіе сквайеры.

— Нечего сказать, твои слова еще болѣе отдаляютъ меня отъ Винкота; я тамъ былъ бы вовсе не у мѣста.

— Вы правы. Какъ это ни грустно, но надо сознаться, что достойнѣйшіе и наиболѣе благоденствующіе представители нашего стараго рода живутъ по эту сторону океана.

— А я очень желалъ бы видѣть Винкотъ!—воскликнулъ я,— но ты, кажется, мнѣ говорилъ, что не живешь тамъ?

— Нѣтъ. Я воинъ, да и притомъ младшій сынъ. Значитъ, поневолѣ скитаюсь по свѣту.

— Но въ нашемъ домѣ ты всегда найдешь пріютъ и привѣтъ,— сказалъ любезно отецъ:—мы люди простые и живемъ скромно, но всякій Винъ можетъ разсчитывать на наше радушное гостепріимство.

Общій разговоръ еще продолжался нѣсколько времени, и потомъ капитанъ всталъ и, обращаясь ко мнѣ, произнесъ:

— Я съ печалью слышалъ, братецъ Гью, что вы не хотите пожалѣть о данномъ мнѣ вами урокѣ; вы видите, что я уже помирился съ вашей матерью.

— Не безпокойся. Я присмотрю, чтобы мой сынъ впредь велъ себя прилично. Ты слышишь, Гью, что говоритъ твой родственникъ?

Слова отца нимало не расположили меня къ примиренію, но, видя устремленный на меня безпокойный взглядъ матери, я удержался отъ вспышки и спокойно отвѣчалъ:

— Я только что хотѣлъ сказать, что ты сдѣлалъ со своей стороны все, что возможно.

— Ну, такъ искренно пожмемъ другъ другу руку и забудемъ о случившемся!—воскликнулъ онъ.

— Я былъ бы животнымъ, если бы не согласился на это,—отвѣчалъ я и пожалъ протянутую имъ лѣвую руку:—но все-таки я могу сожалѣть не о томъ, что сдѣлалъ, а обо всей этой исторіи.

— Въ Англіи насъ, Виновъ, называютъ упрямыми,—произнесъ капитанъ со смѣхомъ,—я вижу, что это качество они сохраняютъ и здѣсь. Но все-таки я надѣюсь, что мы будемъ съ вами друзья, если только вы не станете мнѣ поперекъ дороги. Тогда ужъ не взыщите. Ну, прощайте! Благодарю васъ за пріятно проведенное время. Я просто чувствовалъ себя, какъ дома, или лучше, чѣмъ дома.

Я проводилъ его до улицы и, когда вернулся назадъ, то, естественно, услыхалъ, что отецъ и мать разсуждали о нашемъ новомъ родственникѣ. По словамъ матери, онъ слишкомъ много говорилъ о себѣ и слишкомъ рѣзко отзывался о своемъ родителѣ, а мой отецъ находилъ, что онъ очень хорошій молодой человѣкъ.

— Къ тому же, намъ нечего быть требовательными относительно другихъ, — прибавилъ онъ,—когда за нашимъ собственнымъ сыномъ водятся такіе грѣхи.

Это сравненіе показалось мнѣ очень обиднымъ, и я хотѣлъ возразить, но мать махнула мнѣ рукой и произнесла:

— Если бы ты, Джонъ Винъ, находился на моемъ мѣстѣ, то не сказалъ бы этого.

Отецъ вышелъ изъ себя, поднялъ руки, по своему обычаю, но, видя, что мать нисколько не испугалась его, онъ мгновенно успокоился и только промолвилъ:

— Нехорошо, жена.

— Ты несправедливъ, Джонъ, къ моему сыну.

— Къ твоему сыну?

— Да. Онъ столько же мой, сколько и твой. Я увѣрена, Джонъ, что ты самъ сдѣлалъ бы то же самое на его мѣстѣ.

— Вотъ тебѣ на! На это одинъ отвѣтъ, жена: они оба повели себя скотами, но нашъ болѣе виноватъ, потому что онъ всю жизнь слы-

шалъ добрые совѣты и видѣлъ хорошіе примѣры. Въ одну минуту исчезли всѣ данные ему уроки о томъ, что надо любить враговъ и придерживаться теоріи непротивленія. За всѣ мои заботы вотъ чѣмъ онъ отплатилъ мнѣ: сдѣлалъ меня посмѣшищемъ всего города!

— О Джонъ, Джонъ! Вѣдь въ тебѣ говоритъ оскорбленная гордость и больше ничего. Не хорошо мнѣ спорить съ тобой, да еще въ присутствіи сына, но я не потерплю, чтобы его сравнивали съ этимъ грубымъ животнымъ. Если ты считаешь своимъ долгомъ говорить правду, то и я должна сказать то, что мнѣ кажется истиной. Но, право, Джонъ, я очень сожалѣю, если я тебя обидѣла.

— Ты не обидѣла меня, жена, а своей ложной добротой губишь сына. Кто же его спасетъ отъ геенны огненной, если не я?

Тутъ я не вытерпѣлъ и произнесъ:

— А развѣ я могъ дозволить, чтобы съ моей матерью обращались, какъ съ уличной женщиной, и не поднять руки въ ея защиту? Я только сожалѣю, что не убилъ его.

— Ты видишь, жена, до чего онъ дошелъ? И все-таки ты долженъ былъ все вытерпѣть.

— Нѣтъ, слуга покорный!—воскликнулъ я и выбѣжалъ изъ комнаты, чтобы не спорить болѣе.

IX.

Іюнь приближался къ концу. Чувство безпокойства и неловкости все болѣе и болѣе ощущалось въ торговлѣ и въ общественныхъ отношеніяхъ. Королевскіе офицеры ходили съ надутыми лицами и жаждали открытія военныхъ дѣйствій, разсчитывая на легкую побѣду надъ людьми, непривычными къ оружію. Торійскіе памфлеты осыпали бранью брошюры Адамса и Американскаго Фермера. Мало-по-малу организовалась правильная переписка съ колоніями, съ цѣлью единства, и противъ притѣсненій англійскаго правительства стали высказываться такіе умѣренные люди, какъ Галловеи, Чью, Аллены, Джонъ Пэнъ, и однако на бурномъ политическомъ горизонтѣ еще не показалась могучая тѣнь независимости, которая одна могла придать дѣйствительную силу нашему противодѣйствію.

Моя жизнь шла попрежнему. Я занимался сложными торговыми дѣлами отца и часто ѣздилъ въ сосѣдніе города для сбора долговъ. Моихъ прежнихъ пріятелей офицеровъ я теперь избѣгалъ и только бывалъ у тетки, да еще поддерживалъ старыя отношенія къ мистеру Вильсону. Онъ часто катался со мною въ лодкѣ и откровенно разсуждалъ со мною о политикѣ. Онъ зналъ почти всѣхъ лицъ, выдвигавшихся впередъ въ партіи дѣйствія, и, благодаря ему, я познакомился съ ихъ дѣятельностью и взглядами. Такимъ образомъ разговоры съ Вильсономъ укрѣпили во мнѣ мнѣнія, внушенныя теткой Генорой, и я началъ уже открыто ихъ выражать, не смотря на

то, что мнѣ было только двадцать лѣтъ, и они противорѣчили всѣмъ квакерскимъ теоріямъ.

Однажды, сидя въ моей лодкѣ, Вильсонъ неожиданно сказалъ:

— А что, Гью, вы думаете когда нибудь о томъ, что близка война?

Я ничего не отвѣчалъ, а онъ прибавилъ:

— Да, война неизбѣжна. Мое мѣсто не на полѣ брани, но вы, волею или неволею, а пойдете въ огонь. Вы созданы быть воиномъ, Гью, все равно, квакеръ вы или нѣтъ.

Мнѣ показалось очень странно, что такіе противоположные во всемъ люди сходились въ убѣжденіи, что война близка. Только наканунѣ онъ сказалъ мнѣ:

— Король своимъ упрямствомъ и его услужливый министръ доведутъ вскорѣ дѣло до войны, а ты, Гью, примешь въ ней участіе,— хочешь или нѣтъ.

Прошло около мѣсяца, послѣ моей злополучной исторіи съ Артуромъ Виномъ, съ которымъ мы часто и подружески видались; отецъ, долго дувшійся на меня и при всякомъ удобномъ и не удобномъ случаѣ читавшій мнѣ мораль, сталъ какъ бы забывать о случившемся, и я думалъ, что наступилъ конецъ непріятностямъ, но оказалось, что я ошибался. Мнѣ еще пришлось испить болѣе горькую чашу, прежде чѣмъ дѣло это окончательно кануло въ вѣчность.

Наканунѣ нашего переѣзда на Мерьонскую ферму, гдѣ мы всегда проводили лѣто, отецъ сказалъ, что вечеромъ произойдетъ собраніе друзей, на которомъ будутъ говорить разумныя рѣчи, которыя мнѣ было бы полезно послушать въ эти смутныя времена. Я не могъ отказаться и пошелъ съ нимъ на квакерское собраніе, нимало не подозрѣвая, что меня ожидало.

Когда мы вошли въ залу, то она была переполнена квакерами обоего пола и всѣхъ возрастовъ. Большинство мужчинъ сидѣло въ шляпахъ, по старому обычаю секты, и вообще всѣ, какъ мужчины, такъ и женщины, были одѣты скромно, безъ всякихъ украшеній.

Началось засѣданіе съ нѣсколькихъ общихъ рѣчей, въ которыхъ одинъ за другимъ почтенные старѣйшины друзей выражали горькія сѣтованія о томъ, что наступили тяжелыя времена, что многіе друзья стали забывать старинныя ученія Вильяма Пэна и погрязли въ грѣхахъ. Наконецъ Артуръ Говель, одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ старѣйшинъ, перевелъ вопросъ на болѣе практическую почву и объявилъ, что двое изъ друзей, Эдсонъ и Джемсонъ, не смотря на всѣ увѣщанія своихъ товарищей, упорствуютъ въ противодѣйствіи правительству и въ защитѣ гражданскихъ правъ, въ явное нарушеніе принципа непротивленія, а потому собранію предлагается прекратить всякое дальнѣйшее сношеніе съ этими непокорными братьями, пока они не вернутся на путь истины. Вслѣдствіе этого предложенія секретарь прочелъ соотвѣтствующую резолюцію, и она была принята единогласно, безъ малѣйшаго протеста или голосованія.

Я полагалъ, что все было кончено, но неожиданно всталъ человѣкъ, лѣтъ тридцати, небольшого роста, и началъ говорить дрожащимъ, нерѣшительнымъ голосомъ, ясно означавшимъ, что онъ былъ смущенъ и не привыкъ къ публичнымъ рѣчамъ.

— У насъ не принято,—произнесъ онъ,—чтобы лица, подвергаемыя осужденію собранія, открыто протестовали, и къ тому же ихъ здѣсь нѣтъ. Но я позволяю себѣ сказать за нихъ нѣсколько словъ, потому что, во-первыхъ, я убѣжденъ въ ихъ правотѣ, а, во-вторыхъ, я чувствую, что, рано или поздно, вы прогоните и меня изъ вашей среды. Хотя я считаю, что нѣтъ достойнѣе христіанской общины, какъ наша, но не могу не сказать, что съ нѣкоторыхъ поръ вы забыли о тѣхъ жестокихъ преслѣдованіяхъ, которымъ подвергались ваши отцы, и что быстро увеличившееся благоденствіе сдѣлало васъ слишкомъ суровыми и нетерпимыми. Пока дѣло шло о религіозныхъ убѣжденіяхъ, то никто болѣе друзей не сопротивлялся правительству, и они перебрались чрезъ океанъ только для защиты своей свободы. Теперь же когда развращенное и низкопоклонное министерство стремится урѣзать эту свободу, то что же дѣлаютъ осуждаемые вами товарищи? Они мужественно говорятъ: «надо оказать сопротивленіе, а то дѣло пойдетъ дальше; откажемся пить, ѣсть и носить то, что обложено налогомъ, въ установленіи котораго мы не участвуемъ». Тутъ нѣтъ никакого насилія, и, вѣрьте мнѣ, его и не будетъ, если всѣ колоніи будутъ дѣйствовать единодушно. Но если такіе почтенные люди, какъ вы, боясь тѣни пассивнаго сопротивленія, а главное—упадка торговли и личнаго разоренія, будете держать сторону нашихъ притѣснителей, косвенно или прямо, то, дорогіе моему сердцу друзья, явится уже не призракъ, а самая война, которая разоритъ васъ и обагритъ всю страну. Берегитесь, можно болѣе пролить крови позорнымъ равнодушіемъ, чѣмъ мужественной защитой своихъ правъ.

Чѣмъ дальше говорилъ молодой квакеръ, тѣмъ тверже становился его голосъ и пламеннѣе лилось его краснорѣчіе. Но вдругъ, его перебилъ толстый, старый кузнецъ Даніель Офлей:

— Зачѣмъ мы слушаемъ молодого дурака, когда старѣйшины высказали свое рѣшеніе, и съ нимъ согласилось собраніе? Нашъ король—добрый король, и не намъ оказывать ему сопротивленіе. Изгонимъ изъ нашей среды всѣхъ козлищъ, чтобы они не зачумили добрыхъ овецъ, и Святой Пастырь будетъ за насъ.

— Нѣтъ,—произнесъ мягкимъ, нѣжнымъ тономъ Джемсъ Пембертонъ,—у насъ, друзей, издавна существуетъ обычай давать свободу слова каждому, кто чувствуетъ наитіе свыше. Продолжай, другъ Ветериль, мы выслушаемъ тебя до конца.

Другъ Ветериль улыбнулся и, какъ ни въ чемъ не бывало, возобновилъ свою рѣчь.

— Оттого, какъ вы и другіе братья поведутъ себя, зависитъ наша

общая будущность. Не дозволяйте увлечь себя съ истиннаго пути совѣтомъ сѣдовласыхъ и богатыхъ стариковъ. Гинея всегда боится, а пенсъ смѣло идетъ въ бой, и въ настоящее время бѣдный пенсъ находится въ очень тяжеломъ положеніи. Вы укрываетесь Христовымъ закономъ, повелѣвающимъ жить въ мирѣ со всѣми людьми, но вы забываете, что апостолъ Павелъ, выражая этотъ законъ, прибавляетъ, что надо жить въ мирѣ со всѣми, по возможности, а это ограниченіе также свято, какъ самый законъ. Вы толкуете законъ Христа въ такомъ видѣ, что не слѣдуетъ противиться даже человѣку, убивающему дѣтей и оскорбляющему женщинъ, но вы забываете, что если бы всѣ люди слѣдовали вашему толкованію, то всякій гражданскій порядокъ былъ бы подорванъ, и созданное такими долгими усиліями зданіе цивилизаціи рушилось бы. Придерживаясь своихъ узкихъ взглядовъ, вы, друзья, сохнете, черствѣете и готовите гибель не только свою, но и всей страны. Я уже давно сомнѣвался въ правильности вашихъ воззрѣній, а теперь вполнѣ убѣжденъ, что вы не правы, поддерживая несправедливое дѣло. Несомнѣнно, что слѣдуетъ воздавать кесарево кесарю, но и народу слѣдуетъ воздавать то, что принадлежитъ народу. Когда король уклоняется отъ истиннаго пути справедливости, отъ той справедливости, которой должно отличаться его правленіе, то право и обязанность народа— напомнить ему объ этомъ. Конечно, я не претендую на диктаторство, но во мнѣ и въ каждомъ изъ васъ есть высшій трибуналъ— совѣсть. Я съ теплою молитвой обратился къ суду своей совѣсти, и она просвѣтила меня. Говоря то, что я вамъ сказалъ, я повиновался голосу своей совѣсти, и, умоляю васъ, сдѣлайте и вы то же, обратитесь къ совѣту своей совѣсти. Я кончу свою рѣчь словами великаго основателя нашей колоніи: «умоляю васъ,—сказалъ онъ,—ради Христа, воспретившаго подвергать страданію людей за ихъ вѣру, быть осторожными въ дѣлѣ примѣненія власти къ человѣческой совѣсти, такъ какъ совѣсть человѣка есть престолъ Божій». Это— великія слова, и всѣ мы должны ихъ помнить. Къ этому я прибавлю только, что оставите ли вы меня въ своей средѣ свободно слѣдовать голосу моей совѣсти, или прогоните меня, — я все-таки буду любить васъ, такъ какъ этой любви вы не можете ни изгнать изъ меня, ни уничтожить!

Хотя слова брата Ветериля дышали искренностью, и всѣ слушали ихъ внимательно, но они не произвели никакого впечатлѣнія на собраніе, и состоявшаяся резолюція осталась въ силѣ. Не успѣлъ его мелодичный голосъ умолкнуть, какъ одинъ изъ самыхъ старѣйшихъ друзей и закадычный пріятель моего отца, Израель Шарплесъ, преклонилъ колѣна и сталъ громко произносить импровизованную молитву. Съ самаго начала я понялъ, въ чемъ дѣло, и, побагровѣвъ отъ стыда, не зналъ, куда дѣться отъ обращенныхъ на меня взглядовъ со всѣхъ сторонъ.

— Боже милосердный,—говорилъ почтенный старикъ:—простри Твою десницу на тѣхъ юныхъ птенцовъ, которые поддались соблазну и уклонились отъ истиннаго пути. Осѣни Своей благостью тѣхъ, которые, предаваясь пьянству и нечестивой игрѣ, причинили горе своимъ родителямъ. Всеправедный Господь, наставь ихъ на путь раскаянія, или даруй намъ разумъ просвѣтить ихъ, дабы они не были соблазномъ для остальной паствы Твоей!

Я болѣе не слушалъ и бросалъ вокругъ себя безпомощные взгляды звѣря, пойманнаго въ западню. Неожиданно мои глаза встрѣтились съ глазами брата Ветериля, и я увидѣлъ на лицѣ его сочувственную улыбку.

Когда голосъ молившагося друга умолкъ, всѣ стали расходиться, и я, поникнувъ головой, послѣдовалъ за отцомъ, внутренно возставая всѣми силами своей души противъ страннаго способа, которымъ онъ думалъ спасти меня, такъ какъ было очевидно, что не безъ его участія произнесена роковая молитва, только ожесточившая меня противъ друзей, но нисколько не побудившая меня къ раскаянію.

На улицѣ я быстро отошелъ отъ отца, направился къ берегу, сѣлъ въ лодку и хотѣлъ уже отчалить, какъ услышалъ голосъ Самуила Ветериля.

— Возьми и меня съ собой, юноша. Мы поговоримъ съ тобой наединѣ.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣчалъ я,—ты одинъ человѣкъ на свѣтѣ, котораго я теперь хочу видѣть.

Долго мы сидѣли молча въ лодкѣ, которая тихо скользила по гладкой поверхности рѣки.

— Ты, можетъ быть, замѣтилъ по моему лицу,—наконецъ промолвилъ Ветериль,—что я очень сожалѣлъ о тебѣ. Я знаю все, что произошло съ тобою, и увѣренъ, что ты уже самъ пришелъ къ той рѣшимости, которую хотѣли возбудить въ тебѣ этой ненужной демонстраціей. Не правда ли?

— Да.

— Такъ не будемъ объ этомъ больше говорить. Джемсъ Вильсонъ много разсказывалъ мнѣ о тебѣ. Одинъ тотъ фактъ, что онъ расположенъ къ тебѣ, говоритъ въ твою пользу. По его словамъ, ты раздѣляешь наши мнѣнія и, не смотря на свой недавній нечестивый образъ жизни, оказываешься молодымъ человѣкомъ съ добрыми чувствами и болѣе чѣмъ разумными мыслями для твоего возраста.

Я поблагодарилъ его со слезами, а онъ прибавилъ:

— Я понимаю, что ты очень страдаешь, но это ничего, это пройдетъ, и когда ты успокоишься, то прибѣгни къ суду своей совѣсти, приговоръ которой лучше приговора собранія друзей.

Я снова поблагодарилъ его и не сказалъ болѣе ни слова, внут-

ренно сожалѣя, что мой отецъ не походилъ на этого любвеобильнаго, разумнаго и мужественнаго человѣка.

— Если бы только мы могли,—продолжалъ мой новый другъ,—сохранить все, что есть хорошаго въ ученіи друзей, и вмѣстѣ съ тѣмъ признавать, что непротивленіе нечестивымъ преслѣдованіямъ есть служеніе дьяволу, а не Богу, то достигли бы идеала. Тебѣ извѣстно, что большинство друзей считаетъ правительство въ правѣ принимать всякія мѣры противъ колоній, но, я не знаю, знаешь ли ты, что меньшинство, въ томъ числѣ Христофоръ Маршаль, Клементъ Бодль и нѣкоторые другіе, держатся противоположнаго мнѣнія и готовы, въ случаѣ крайности, обнажить мечъ за свободу? Такимъ образомъ мы съ тобой будемъ не одни. Конечно, все, что я говорилъ, должно остаться между нами. Я обращаюсь съ тобою, не какъ съ мальчикомъ, а какъ со взрослымъ человѣкомъ. Ну, теперь пора домой.

Я еще разъ поблагодарилъ его, такъ какъ дѣйствительно разговоръ съ нимъ меня значительно утѣшилъ.

Разставшись съ другомъ Ветерилемъ, я вернулся домой. Отецъ уже ушелъ спать, а мать ждала меня.

— Я все знаю!—воскликнула она, бросаясь ко мнѣ на шею со слезами,—если бы я только это предвидѣла, то никогда бы тебя не отпустила. Боже мой, какъ они жестоки!

Мнѣ пришлось ее успокоивать, что, конечно, усилило еще мое гнѣвное настроеніе. Зачѣмъ заставляли ее страдать, когда она, бѣдная, была ни въ чемъ невиновата.

Изъ дальнѣйшаго разговора съ матерью я узналъ, что отецъ, вернувшись домой, спросилъ, гдѣ я, и прибавилъ, что встрѣтилъ по дорогѣ Артура Вина, который, узнавъ, въ чемъ дѣло, сказалъ, что я, вѣроятно, пошелъ искать утѣшенія въ попойкѣ со своими пріятелями офицерами. Мать знала меня лучше, чѣмъ этотъ новый родственникъ, и отозвалась о немъ очень рѣзко, что не понравилось отцу, и онъ въ сильномъ гнѣвѣ ушелъ спать. Что касается меня, то я все болѣе и болѣе начиналъ питать недовѣріе и вражду къ Артуру Вину, а, естественно, этотъ эпизодъ только усилилъ мои непріязненныя къ нему чувства.

X.

На слѣдующій день мы переѣхали на Мерьонскую ферму. Отецъ не говорилъ мнѣ ни слова о собраніи друзей, и я также молчалъ.

Лѣто 1773 года тянулось мирно. Я ежедневно ѣздилъ въ городъ съ отцемъ, и хотя онъ постоянно разговаривалъ со мною о торговыхъ дѣлахъ, но не упоминалъ ни слова о политикѣ.

Тетка Генора переселилась въ свое помѣстье на отдаленномъ склонѣ Каштановой горы, и каждую субботу вечеромъ я ѣздилъ къ

ней, а возвращался въ понедѣльникъ. Часто меня сопровождалъ туда Джакъ, котораго она за послѣднее время очень полюбила.

Однажды въ одну изъ августовскихъ субботъ мы отправились съ нимъ верхами въ Бельмонтъ, гдѣ находился скромный деревенскій домикъ тетки. По дорогѣ, близъ Рыбачьей долины, мы увидали что-то странное. На землѣ лежалъ негръ съ разсѣченной головой, и мы, соскочивъ съ лошадей, признали въ немъ кучера моей тетки, Цезаря. Подлѣ него, съ одной стороны, стоялъ какой-то человѣкъ, державшій лошадь съ двойнымъ сѣдломъ, перепачканнымъ въ грязи, а съ другой находилась молодая дѣвушка въ дорожномъ костюмѣ.

— Это миссъ Дартея Пенистонъ,—произнесъ Джакъ.

— Миссъ Пенистонъ,—сказалъ я, обращаясь къ ней:—что случилось?

Она просто объяснила, что ѣхала къ моей теткѣ, которая прислала за нею лошадь, и спокойно сидѣла на сѣдлѣ за Цезаремъ, какъ вдругъ лошадь поскользнулась и упала, причемъ бѣдный Цезарь, кажется, сильно расшибся.

— Я не знаю, что мнѣ теперь дѣлать, — прибавила она.

Бѣдный негръ не могъ сѣсть на лошадь: такъ сильно онъ разбился, и я предложилъ оставить его въ сосѣдней фермѣ, а миссъ Пенистонъ продолжать свой путь на лошади тетки, только съ замѣной Цезаря Джакомъ, такъ какъ онъ былъ полегче меня. Джакъ молча покраснѣлъ при мысли, что красивая молодая дѣвушка будетъ смотрѣть ему въ затылокъ впродолженіе часа или болѣе, а миссъ Дартея лукаво улыбалась.

Но этотъ планъ разстроился, потому что Цезарь, пользовавшійся особымъ привилегированнымъ положеніемъ въ домѣ тетки, объявилъ, что ему необходимъ докторъ, и Джакъ выразилъ свое согласіе съѣздить за нимъ. Повидимому, онъ очень былъ доволенъ, что нашелъ предлогъ отказаться отъ чести сопровождать молодую дѣвушку, и быстро ускакалъ для исполненія взятаго на себя гуманнаго дѣла.

Миссъ Дартея засмѣялась и вынуждена была волей-неволей принять меня въ проводники. Я осмотрѣлъ лошадь Цезаря и нашелъ, что она немного повредила себѣ ногу, а потому перенесъ сѣдло на свою лошадь, которой это, повидимому, не понравилось, и она стала брыкаться. Тогда я вскочилъ на нее и пустилъ ее маршъ-маршемъ. Утомивъ ее, я вернулся и, остановившись передъ миссъ Пенистонъ, которая продолжала попрежнему стоять на дорогѣ, воскликнулъ:

— Теперь ты не боишься?

— Я боюсь, но все-таки поѣду,—отвѣчала она и ловко помѣстилась на сѣдлѣ за мной.

— Держись за меня, чтобы не упасть,—сказалъ я:—лошадь еще не совсѣмъ успокоилась: вотъ такъ... обними крѣпче... прибавилъ я, чувствуя ея руку вокругъ своей таліи:—ну, держись!

Лошадь снова понеслась и, только проскакавъ съ милю, перешла въ свою обычную спокойную рысь.

— Ну, теперь мы можемъ поговорить,—произнесъ я.

— Я жду, сэръ, вашихъ извиненій, или, можетъ быть, друзья не извиняются?

— Если я принадлежу къ твоимъ друзьямъ,—началъ я, но она меня перебила:

— Я говорю о друзьяхъ съ большимъ Д, то-есть о квакерахъ, мистеръ Винъ.

— Но вѣдь, если бы моя лошадь сбила тебя на землю, то тебѣ бы это не понравилось?

— Но мнѣ еще болѣе не понравилось, что вы приказали мнѣ обнять васъ.

— Такъ зачѣмъ же ты меня послушалась?

— У меня не было выбора.

Я ничего не отвѣчалъ, и она замолчала.

Спустя нѣсколько минутъ, она снова заговорила и стала хвалить мою лошадь, съ чѣмъ я не могъ согласиться, такъ какъ въ сущности лошадь вела себя очень дурно. Но очевидно миссъ Пенистонъ говорила только для того, чтобы сказать что нибудь. Я же не умѣлъ въ тѣ времена переливать изъ пустого въ порожнее, а потому молча слушалъ ея болтовню.

— Отчего вы все молчите, мистеръ Винъ! — воскликнула она наконецъ:—обыкновенно говорятъ: скажи мнѣ свои мысли, а я дамъ тебѣ пенсъ. Я же готова заплатить вамъ шиллингъ, чтобы узнать, о чемъ вы думаете.

— Такъ отдавай шиллингъ; за то, о чемъ я думалъ, не грѣхъ заплатить и гинею.

— Ну, о чемъ вы думали?

— Прежде шиллингъ.

— Да я отдамъ. Говорите.

— Я думалъ о маленькой дѣвочкѣ съ загорѣлымъ лицемъ, которая плакала потому, что одного мальчика наказали.

— А эта дѣвочка была хорошенькая?

— Не очень.

— У васъ слишкомъ хорошая память, сэръ. Кто же она была?

— Ея здѣсь нѣтъ.

— Неправда. Ея и нѣтъ, и она тутъ. Можетъ быть, вы никогда ея не увидите, а, можетъ быть, она явится къ вамъ завтра.

— А мой шиллингъ?

— Вы его не получите. Другая дѣвочка взяла его на память о славномъ мальчикѣ, который...

— Онъ былъ дуракъ! А ты все-таки отдавай свой долгъ.

— Не отдамъ!

Я молча пришпорилъ лошадь, и она рванула съ такой силой, что молодая дѣвушка должна была снова схватить меня за талію.

— Ваша лошадь дурно обучена,—сказала миссъ Дартея, когда я успокоилъ своего коня.

— Нѣтъ, но она не любитъ обмана.

— У меня нѣтъ денегъ.

— Такъ не надо было дѣлать долговъ.

— Я признаю свой грѣхъ, и друзья могутъ молиться о моемъ исправленіи въ первомъ своемъ собраніи.

Ея слова поразили меня, какъ громомъ. Значитъ всѣмъ было извѣстно мое униженіе. Мнѣ было и стыдно и досадно. Я молчалъ, не зная, что сказать. Но черезъ нѣсколько минутъ я услышалъ за собою голосъ тихій, нѣжный, полный слезъ:

— Простите меня, мистеръ Винъ, я васъ жестоко обидѣла, а вы были когда-то ко мнѣ очень добры. Пожалуйста, простите меня.

— Не въ чемъ васъ прощать. Я слишкомъ впечатлителенъ— вотъ и все.

Мы оба замолчали и вскорѣ доѣхали до дома тетки, стоявшаго въ самой живописной мѣстности. Насъ встрѣтило все общество, собравшееся у тетки, въ томъ числѣ она сама и Артуръ Винъ. Объяснивъ въ двухъ словахъ о случившемся, Дартея убѣжала, чтобы привести въ порядокъ свой туалетъ, и я послѣдовалъ ея примѣру.

Въ семь часовъ мы всѣ сошлись на зеленой лужайкѣ подъ деревьями, гдѣ тетка въ лѣтнее время всегда устраивала ужинъ. Артуръ Винъ, любезничавшій съ мистриссъ Фергюсонъ, подошелъ ко мнѣ и завелъ разговоръ о томъ, когда мы ожидали грузы съ чаемъ. Я отвѣчалъ, что поѣздка отца въ Англію помѣшаетъ ему быть, какъ всегда, пріемщикомъ этого товара, что, повидимому, очень удивило его, такъ какъ онъ былъ увѣренъ въ преданности отца правительству. Онъ также разспрашивалъ меня о моихъ отношеніяхъ къ мистеру Вильсону, но я изъ осторожности ничего не сообщилъ о взглядахъ этого почтеннаго вига. Тогда онъ перешелъ къ поѣздкѣ отца и выразилъ сожалѣніе, что онъ не хочетъ посѣтить Винкотъ. Мнѣ показалось, что онъ слишкомъ настаивалъ на этомъ вопросѣ, хотя его мнѣніе вполнѣ раздѣляла тетка, и впослѣдствіи я узналъ, что онъ именно такъ много говорилъ объ этомъ потому, что хотѣлъ совершенно убѣдиться въ нежеланіи отца повидать ихъ общихъ родственниковъ.

— Мнѣ очень жаль, что не я, а отецъ ѣдетъ въ Англію,—замѣтилъ я между прочимъ:—мнѣ страшно хочется повидать колыбель нашего рода, и я не разъ сожалѣлъ, что дѣдушка бросилъ ее.

— Напрасно,—отвѣчалъ Артуръ:—Винкотъ не имѣлъ тогда и не имѣетъ теперь никакого значенія. Вы здѣсь—видные и состоятельные люди, а мы—мелкіе уэльскіе сквайеры, безъ денегъ и со

старымъ, развалившимся замкомъ. Я бы съ удовольствіемъ помѣнялся съ вами.

— А я на вашемъ мѣстѣ этого бы не сдѣлалъ. Тетка Генора научила меня гордиться нашимъ родомъ.

Разговаривая такимъ образомъ, мы подошли къ аллеѣ, въ концѣ которой показалась Дартея.

— Клянусь святымъ Георгіемъ! — воскликнулъ Артуръ: — я не видалъ такой граціи! Кто эта прелестная сильфида, Гью?

Я ничего не отвѣчалъ, потому что самъ былъ пораженъ неожиданнымъ появленіемъ молодой дѣвушки, дѣйствительно производившей чарующее впечатлѣніе на всякаго, кто ее видѣлъ. На ней было шелковое платье съ розовыми цвѣтами, ея длинныя перчатки были закрѣплены на плечахъ живыми бутонами розъ, а въ волосахъ, слегка напудренныхъ, была вплетена розовая лента. Хотя дамы были правы, увѣряя, что въ лицѣ Дартеи не было ни одной правильной и красивой черты, но все ея лице дышало такой восхитительною прелестью, что мужчины, молодые и старые, невольно поддавались ея чарующей силѣ.

— Это миссъ Дартея Пенистонъ,—отвѣчалъ я послѣ минутнаго молчанія и очень довольный тѣмъ, что она издали любезно улыбнулась мнѣ.

— Какъ я радъ, что ее зовутъ Дартей, а не Эсѳирью, или другимъ библейскимъ именемъ, по вашему идіотскому обычаю.

По просьбѣ Артура тетка тотчасъ же представила его миссъ Дартеѣ, и впродолженіе двухъ дней, которые мы провели на дачѣ, онъ не отходилъ отъ нея, разсыпаясь въ любезностяхъ. Старухи подравляли молодую дѣвушку съ такой быстрой побѣдой, такъ такъ блестящій офицеръ до сихъ поръ ни за кѣмъ открыто не ухаживалъ.

Дѣйствительно, онъ влюбился въ Дартею съ перваго взгляда и немедленно приступилъ къ атакѣ. На меня же ея чары дѣйствовали медленнѣе, но не менѣе сильно. Я долго не отдавалъ себѣ отчета въ своихъ чувствахъ и только мало-по-малу пришелъ къ убѣжденію, что впервые въ жизни почувствовалъ любовь.

Въ остальные дни августа мѣсяца я часто видался съ миссъ Пенистонъ и постоянно сопровождалъ ее и тетку, когда онѣ ѣздили смотрѣть на парады и смотры англійскихъ войскъ. Сначала мнѣ казалось, что Дартея оказывала мнѣ лестное предпочтеніе, но вскорѣ мнѣ стало ясно, что въ этой игрѣ я долженъ былъ уступить преимущество своему красивому родственнику въ блестящемъ офицерскомъ мундирѣ.

XI.

1-го сентября 1773 года мой отецъ отправился съ матерью въ Лондонъ на кораблѣ «Торговецъ», и я провожалъ ихъ со многими квакерами до Люиса. Сидя на палубѣ со мной, отецъ говорилъ много о дѣлахъ и на мой вопросъ, къ кому обратиться за помощью въ случаѣ наступленія кризиса, отвѣчалъ:

— Никакого кризиса не будетъ. Король поставитъ на своемъ. Это все бредни Джемса Вильсона и Ветериля, которые хотятъ возбудить мятежъ, но этого имъ не удастся. Во всякомъ случаѣ, нашъ старшій приказчикъ Томасъ и Генора имѣютъ достаточныя уполномочія, чтобы рѣшить всякое дѣло. Къ тому же ты можешь обратиться за совѣтомъ къ нашему родственнику Артуру: онъ человѣкъ разумный.

Меня очень удивили эти слова отца, такъ какъ за исключеніемъ преданности къ королю у него съ Артуромъ не было ничего общаго въ убѣжденіяхъ.

Бесѣда съ матерью передъ разлукой на вѣки сохранилась въ моей памяти, и она такъ откровенно тогда говорила со мной, что я впервые понялъ, что она не пользовалась въ своей жизни тѣмъ полнымъ счастіемъ, котораго вполнѣ заслуживала ея добрая, благородная натура.

— Въ тебѣ много отцовскаго, Гью,— сказала она въ концѣ этой безконечной бесѣды: — ты также твердъ и настойчивъ, какъ онъ; это не дурная черта, но ты долженъ заботиться, чтобы предметъ твоего упорства всегда былъ хорошій, а главное не будь суровъ, и когда полюбишь добрую женщину, то не сдѣлай ея жизнь тяжелой борьбой.

— Я никогда никого не полюблю, кромѣ тебя, милая, милая мама!—воскликнулъ я.

— Неправда, Гью, я нисколько не обижусь, а великодушно раздѣлю твою любовь. Если что нибудь произойдетъ въ этомъ родѣ во время моего отсутствія, то напиши мнѣ. Вообще пиши мнѣ часто и много: я хочу знать обо всемъ, что тутъ дѣлается. До меня дошли слухи, что Дартея Пенистонъ часто бываетъ у тетки, и досужая сплетница, мистриссъ Фергюсонъ, увѣряла меня, что ты и Артуръ Винъ ухаживаете за нею. Я тебѣ; кажется, не говорила, что Генора надняхъ привозила ее ко мнѣ, и она просидѣла у меня съ часъ, пока тетка ѣздила на аукціонъ, гдѣ продавался какой-то китайскій божокъ. Это очень веселое и привлекательное существо. Она была со мной очень откровенна и разсказала все про себя. Скажи мнѣ, пожалуйст,а почему это всѣ такъ легко открываютъ свои сердца передо мной.

— У тебя есть ключъ, который называется добротой,— отвѣчалъ я со смѣхомъ.

— А ты всѣмъ женщинамъ умѣешь говорить такія пріятныя вещи! — воскликнула мать, цѣлуя меня: — теперь, по ея словамъ, Дартея будетъ жить у своей тетки, суровой мистриссъ Пенистонъ, которая держитъ сторону торіевъ. Но ей придется вести тяжелую игру съ племянницей. Эта молодая дѣвушка сумѣетъ всякаго провести и вывести; она сразу играетъ на двадцати струнахъ. А что, она тебѣ нравится, Гью?

— Да.

— И мнѣ она понравилась съ перваго взгляда, но если ты когда нибудь влюбишься въ нее, то, смотри, берегись Артура Вина! Онъ однажды сказалъ при мнѣ твоему отцу: «если правда, что въ этой бутылкѣ осталась одна рюмка мадеры, то я никому ее не уступлю, потому что она одна» А для влюбленныхъ женщина потому и дорога, что является единственнымъ существомъ въ мірѣ. Что задумаетъ этотъ человѣкъ, того онъ достигнетъ, и съ нимъ будетъ трудно тягаться. Вообще я его не люблю, да и ты, кажется, не расположенъ къ нему? Зачѣмъ онъ тутъ застрялъ? У него есть какая нибудь тайная причина: или онъ играетъ роль шпіона, или его удерживаетъ Дартея. А то бы онъ давно уѣхалъ съ сэромъ Гаемъ Карльтономъ въ Квебекъ. Ему рѣшительно иначе нечего дѣлать въ Филадельфіи.

Я распрощался съ родителями въ Люисѣ и съ удивленіемъ увидалъ на берегу Джака, который увѣрялъ, что собиралъ тамъ долги отца, но я былъ убѣжденъ, что онъ нарочно пріѣхалъ за мной, зная, какъ я буду огорченъ разлукой съ матерью. Какъ бы то ни было, я очень обрадовался ему, и мы вернулись въ Филадельфію на другой день. По дорогѣ мы весело разговаривали, и между прочимъ Джакъ впервые упомянулъ о Дартеѣ Пенистонъ. Я нарочно сталъ доказывать, что эта молодая дѣвушка была очень легкомысленна и любила только красные мундиры, но Джакъ вспыхнулъ и самымъ пламеннымъ образомъ защищалъ красавицу, которая, повидимому, плѣнила и его.

Тетка Генора переѣхала въ городъ въ началѣ сентября, и я поселился въ ея домѣ, гдѣ, спустя много времени, то-есть въ концѣ октября я получилъ первое письмо отъ матери. Она писала:

«Здѣсь, въ Лондонѣ, очень гнѣваются на счетъ дѣла о чаѣ. Лордъ Джерменъ называетъ насъ мятежной чернью; лордъ Нордъ посылалъ за твоимъ отцемъ, и я боюсь, что отецъ неблагоразумно говорилъ о томъ, что творится дома. Конечно, женѣ не слѣдуетъ расходиться во мнѣніяхъ съ мужемъ, но я не могу раздѣлять его мыслей о теперешнихъ печальныхъ событіяхъ. Пожалуйста, не показывай никому моего письма. На прошлой недѣлѣ былъ у насъ Веніаминъ Франклинъ. Онъ полагаетъ, что намъ лучше платить налогъ на чай, и отецъ съ нимъ въ этомъ согласился, но во всемъ

остальномъ они глубоко расходятся, такъ какъ Франклинъ порастрясъ свои квакерскія мысли. Я даже боялась, чтобы онъ не разссорился съ отцомъ. По его уходѣ отецъ сказалъ, что Франклинъ никогда не отличался преданностью квакерскимъ теоріямъ и придерживался лишь того, что соотвѣтствовало его интересамъ. Я съ этимъ не согласна, хотя, правда, онъ обладаетъ хитрымъ благоразуміемъ новой Англіи, которая, признаюсь, мнѣ не очень нравится. Но впрочемъ не мнѣ судить такого мудраго и почтеннаго человѣка.

«Генералъ Геджъ также былъ у насъ съ визитомъ; онъ, говорятъ, увѣрялъ короля, что никакая другая колонія не поддержитъ Масачузета, и что довольно четырехъ полковъ для возстановленія порядка. Я не политикъ, но всегда выхожу изъ себя, когда при мнѣ говорятъ о насъ, какъ о провинившихся дѣтяхъ. Повидимому, насъ заставятъ заплатить чайную пошлину, а иначе не допустятъ ни одного корабля въ Бостонскую гавань».

Все это было для насъ новостью. Между тѣмъ Гучинсонъ, губернаторъ возставшей колоніи, увѣрялъ лорда Норда, что сопротивленіе англійскому правительству противорѣчило нашимъ интересамъ, и что мы, будучи торгашами, никогда не рѣшимся на крайность.

— Точно,—замѣчалъ по этому случаю Вильсонъ:—націи, подобно частнымъ людямъ, не имѣютъ, кромѣ конторскихъ книгъ, чувствъ и страстей.

Съ теченіемъ времени наши частныя дѣла приводились въ порядокъ, хотя ликвидація шла довольно медленно, такъ какъ отецъ плохо получалъ долги въ Англіи и потому посылалъ купленные на эти деньги товары въ гораздо меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ мы предполагали. Поэтому у меня было много свободнаго времени, и я многіе часы проводилъ съ Артуромъ Виномъ, который то отталкивалъ меня своими манерами и разговорами, то привлекалъ къ себѣ, такъ какъ дѣйствительно было трудно найти болѣе пріятнаго и забавнаго товарища. Онъ научилъ меня между прочимъ охотиться на утокъ, и мы часто занимались съ нимъ этимъ пріятнымъ препровожденіемъ времени на Мильномъ островѣ.

По воскресеньямъ я ходилъ съ теткой въ церковь Христа, гдѣ проповѣдывалъ пасторъ Вайтъ, и болѣе никогда не заглядывалъ на квакерскія собранія, хотя меня часто туда звалъ Самуэль Ветериль, который открылъ свою общину Вольныхъ Квакеровъ только въ 1780 году. Вообще я во многомъ сталъ отставать отъ друзей и хотя болѣе никогда не игралъ въ карты, но жилъ весело и одѣвался болѣе изысканно, чѣмъ прежде, носилъ жабо, блестящія пряжки на башмакахъ и, по совѣту тетки, даже сталъ брать уроки фехтованія.

Конечно, учителя мнѣ рекомендовалъ Артуръ Винъ, и самъ присутствовалъ при этомъ урокѣ. Идя съ нимъ къ учителю, котораго звали Пайкомъ, я замѣтилъ ему со смѣхомъ:

— Что это ты въ послѣднее время сталъ очень задумчивъ, Артуръ? Вѣроятно, не даромъ дамы говорятъ, что ты влюбленъ.

— Ну, такъ чтожъ, если бы это была правда?

Его слова меня смутили, такъ какъ очевидно онъ могъ намекать только на свои чувства къ Дартеѣ Пенистонъ.

— Я боюсь, что вашъ другъ красная дѣвица обжигаетъ себѣ крылья о блестящій, извѣстный вамъ огонекъ,—прибавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія:—надо его предупредить, такъ какъ я не потерплю, чтобы мнѣ перерѣзалъ дорогу не только какой нибудь мальчишка, но и взрослый человѣкъ. Вы мой родственникъ и пріятель, а потому, уѣзжая отсюда надняхъ, я дамъ вамъ одно порученіе. Но, смотрите, держите языкъ за зубами.

— Посмотримъ,—отвѣчалъ я, удивленный его словами:—но, Артуръ, ты ошибаешься на счетъ Вордера. Онъ дѣйствительно своими мягкими манерами кажется красною дѣвицею, но нѣтъ на свѣтѣ болѣе храбраго и мужественнаго человѣка, чѣмъ онъ. Я знаю его, люблю болѣе, чѣмъ тебя, а потому...

Въ эту минуту къ намъ подошелъ Джакъ, и мы втроемъ продолжали путь къ учителю фехтованія.

Вотъ какъ онъ описываетъ то, что тамъ произошло, при чемъ онъ замѣтилъ многое, что ускользнуло отъ моего вниманія:

«Пайкъ далъ при мнѣ первый урокъ Гью и хотя, конечно, онъ дѣйствовалъ рапирой очень неловко, но снискалъ одобреніе учителя, и тотъ съ мѣста предсказалъ его будущіе успѣхи въ этомъ дѣлѣ. Мнѣ такъ понравились фехтовальные пріемы, что я громко высказалъ желаніе послѣдовать примѣру Гью. Артуръ Винъ тогда сказалъ, обращаясь къ Пайку:

— «Дайте намъ рапиры, я поучу мистера Вордера. Я люблю давать уроки молодымъ людямъ.

«Конечно, черезъ минуту онъ выбилъ у меня изъ рукъ рапиру и нанесъ мнѣ нѣсколько ударовъ, болѣе жестокихъ, чѣмъ бы слѣдовало, и у меня долго сохранялись отъ нихъ синяки. Затѣмъ мы оба съ Гью стали отдыхать, а Пайкъ и мистеръ Винъ схватились между собой, чтобы показать намъ, какъ слѣдовало фехтовать.

— «Берегитесь!—воскликнулъ неожиданно Артуръ Винъ, который фехтовалъ съ удивительнымъ искусствомъ:—я вамъ покажу незнакомый для васъ ударъ.

«И онъ коснулся своей рапирой до лѣвой груди соперника.

— «Клянусь святымъ Георгіемъ, это славный ударъ,—произнесъ Пайкъ: — но мнѣ его уже показывалъ маіоръ Монтрезоръ. По его словамъ, вы такъ убили лорда Чарльса Тревора.

— «Да,—отвѣчалъ хладнокровно Артуръ Винъ:—это была грустная исторія и, конечно, изъ-за женщины. Знаете, молодые люди, страшно имѣть такой характеръ, который не дозволяетъ уступить

тотъ лакомый кусочекъ, который тебѣ понравился. Жаль, очень жаль его, тѣмъ болѣе, что онъ былъ очень молодъ.

«Мы съ Гью ничего не отвѣчали, но были очень поражены тѣмъ, что видѣли передъ собою убійцу. Не знаю, какъ Гью, но мнѣ показалось, что Артуръ Винъ нарочно рисовался передъ нами и угрожалъ намъ».

Мы оба съ Джакомъ такъ пристрастились къ фехтованію, что часто практиковались въ своихъ комнатахъ и даже въ саду у тетки Геноры. Однажды мы съ Джакомъ занимались этимъ дѣломъ, снявъ сюртуки, въ задней аллеѣ, какъ вдругъ появилась миссъ Дартея. Мы, сконфузясь, опустили рапиры, но молодая дѣвушка воскликнула со смѣхомъ:

— Продолжайте, продолжайте!

Мы повиновались, но я не могъ отвести глазъ отъ лица Дартеи, и Джакъ, воспользовавшись этимъ, нанесъ мнѣ сильный ударъ въ грудь. Дартея захлопала въ ладоши и, подбѣжавъ къ Джаку, пришпилила ему на рукавъ рубашки бантъ, который она оторвала отъ своего платья. Юноша вспыхнулъ, а тетка произнесла, качая головой:

— Ахъ, Дартея, какая вы кокетка!

Въ свою очередь Дартея покраснѣла, быстро сорвала бантъ съ рукава Джака и бросила на землю, а когда капитанъ Винъ нагнулся, чтобы поднять его, то она наступила на бантъ ногой. Затѣмъ она повернулась и пошла домой въ сопровожденіи тетки. Мы всѣ также разошлись по разнымъ сторонамъ, а когда я вернулся спустя часъ, чтобы поискать бантъ, то онъ исчезъ. Прошло много лѣтъ, и я случайно увидалъ этотъ бантъ въ маленькомъ ящикѣ письменнаго стола Джака.

Несмотря на мою молодость, я сталъ ясно сознавать, что всѣ мы трое — капитанъ Винъ, Джакъ и я, попали въ сѣти семнадцатилѣтней кокетки. Очевидно ни я, ни мой товарищъ не могли успѣшно соперничать съ Артуромъ, который уже не разъ побѣждалъ женскія сердца. Тетка съ любопытствомъ слѣдила за нашей тройной игрой, но не думала, чтобы дѣло было серьезное со стороны моей или Джака. Напротивъ она подозрѣвала, что игра съ капитаномъ велась не на шутку, и однажды, въ концѣ ноября сказала мнѣ:

— Знаешь что, Гью, наша кошечка, кажется, совсѣмъ обворожила капитана, и если ты втюрился въ нее, то выбрось изъ головы эту дурь. Я никакъ не могу вполнѣ понять этого человѣка. Онъ недавно разсказывалъ ей о великолѣпномъ Винкотскомъ помѣстьѣ и о томъ, что оно, рано или поздно, перейдетъ къ нему, такъ какъ старшій братъ его страдаетъ чахоткой.

— Это не можетъ быть,— отвѣчалъ я:—онъ говорилъ отцу совершенно противоположное.

— Да. Я знаю, и мнѣ это очень не нравится, но глупая дѣ-

вченка сама попалась въ разставленные ею силки, а онъ собирается каждый день уѣхать въ Канаду къ сэру Гаю Карльтону. Мнѣ очень жаль, что нашъ мальчикъ-дѣвица тоже неравнодушенъ къ ней. Право, я не знаю, сколько ей надо рыбъ захватить въ свой неводъ. Правда, она прелестное, веселое созданіе, и въ сущности она хорошая дѣвушка, несмотря на все ея кокетство. Всѣ невольно влюбляются въ нее, а она сегодня думаетъ объ одномъ, а завтра о другомъ. Дѣло кончится избіеніемъ младенцевъ, и я совѣтую тебѣ или бѣжать подальше отъ нея, или ухаживать за кѣмъ нибудь другимъ, напримѣръ, за Китти Шиппень. Быть можетъ, это возбудитъ ея ревность, и она окажетъ тебѣ предпочтеніе.

Я засмѣялся, но потомъ серьезно сказалъ:

— Тетя Генора, я люблю эту дѣвушку и не уступлю ее никому другому.

— Полно, дуракъ, она сдѣлаетъ съ собой, что захочетъ, не спрашивая твоего согласія. Я, право, тебя не понимаю: развѣ въ морѣ мало рыбъ?

— Я не знаю, сколько рыбъ въ морѣ, но на землѣ нѣтъ другой Дартеи. Я уже не ребенокъ, тетя Генора. Я не хотѣлъ никому говорить о своей любви, но проговорился тебѣ и потому прибавлю, что мнѣ извѣстно объ ухаживаніи за ней нашего родственника. Онъ самъ мнѣ объ этомъ сказалъ и даже такимъ тономъ, который мнѣ не понравился. Онъ принимаетъ меня за мальчишку, о которомъ нечего тревожиться, но я ему покажу, что я человѣкъ, и она будетъ моей, если только это возможно.

— Жаль мнѣ тебя, Гью, я не подозрѣвала, что ты такъ серьезно влюбленъ. Она мнѣ нравится, и я съ удовольствіемъ тебѣ помогла бы побѣдить ея сердце, но... ты опоздалъ!

На этомъ прекратился нашъ разговоръ, а вечеромъ въ тотъ же день я получилъ два письма изъ Лондона: отъ отца и матери. Первое было написано двумя недѣлями ранѣе послѣдняго, и я началъ съ него. Оно начиналось съ жалобъ на неожиданное нездоровье, которое, однако, не должно тревожить ея сына, а оканчивалось слѣдующей припиской:

«Я видѣла на прошедшей недѣлѣ одну красивую квакершу, которая пріѣхала изъ Уэльса, и на мои разспросы о семьѣ Винъ она отвѣчала, что лично ихъ не знаетъ, но слышала, что они очень богатые люди, что домъ въ Винкотѣ роскошно отдѣланъ, что въ послѣдніе два года на ихъ землѣ найденъ уголь и желѣзо, что, наконецъ, владѣлецъ Винкота вскорѣ будетъ пожалованъ въ баронеты, хотя онъ очень боленъ, почти при смерти. Все это мнѣ показалось очень страннымъ послѣ разсказовъ Артура Вина. Твой отецъ уѣхалъ въ Голландію, и когда онъ вернется, то я разскажу ему обо всемъ, что слышала. Ты же не болтай объ этомъ, такъ какъ, признаюсь, мнѣ никогда не нравился вашъ родственникъ».

Прочитавъ письмо, я передалъ конвертъ, на которомъ узналъ почеркъ отца, теткѣ и сталъ снова перечитывать дорогія для меня строки, но вдругъ тетка вскрикнула, и я, обернувшись, увидалъ, что она, поблѣднѣвъ, дрожала всѣмъ тѣломъ.

— Что такое!—воскликнулъ я съ ужасомъ:—что случилось съ мамой?

— Бѣдный, Гью,— отвѣчала тетка: — твоя мать умерла.

Въ глазахъ у меня потемнѣло, и, упавъ на колѣни, я, какъ ребенокъ, спряталъ голову на груди у тетки.

Она долго молча гладила меня по головѣ и только, когда я не много собрался съ силами, она прочла вслухъ письмо отца:

«Милый сынъ, рука Божія тяжело опустилась на мою голову. Твоя мать умерла сегодня отъ плеврита, съ которымъ ничего не могли сдѣлать доктора. Я даже не имѣлъ утѣшенія проститься съ ней, такъ какъ, вернувшись изъ Голландіи, я уже засталъ ее въ бреду. Она все говорила о тебѣ и пофранцузски, такъ что я не понималъ ни одного слова. Тщетно стараюсь я понять, за что Богъ подвергнулъ меня такой карѣ, и утѣшаю себя только сознаніемъ, что человѣкъ, какъ бы ни велика была его потеря, долженъ попрежнему поклоняться Творцу и свято исполнять свой долгъ. Болѣе мнѣ нечего писать. Обо всемъ остальномъ поговоримъ, когда увидимся. Я кончилъ всѣ дѣла и черезъ недѣлю отправляюсь домой на томъ же кораблѣ, на которомъ я пріѣхалъ сюда».

Это письмо мнѣ показалось очень холоднымъ, даже суровымъ, и я сказалъ объ этомъ теткѣ, но она старалась объяснить это тѣмъ, что отецъ никогда не высказывалъ, даже самымъ близкимъ, то, что было у него на сердцѣ.

Я не стану описывать моего горя и отчаянія; что я ни дѣлалъ, гдѣ я ни былъ, доброе, дорогое лице матери постоянно виднѣлось передъ моими глазами.

Время шло, и къ Рождеству вернулся отецъ. Я поѣхалъ его встрѣчать въ Честерскую бухту и нашелъ, что онъ немного постарѣлъ, немного посѣдѣлъ, но вообще нисколько не измѣнился. Встрѣтивъ меня, онъ не обнаружилъ никакого волненія и спросилъ, здоровъ ли я, какъ поживала тетка Генора, какъ идутъ дѣла, и прибылъ ли корабль съ чаемъ. Я отвѣчалъ на всѣ его вопросы, а когда я дошелъ до разсказа о томъ, какъ корабль съ чаемъ отправили обратно въ море безъ всякаго насилія, онъ замѣтилъ:

— Все это очень глупо, и король положитъ конецъ всѣмъ пустякамъ.

Меня очень удивило его спокойствіе и хладнокровіе.

— Я вижу, ты носишь трауръ, — произнесъ онъ, пристально взглянувъ на мою черную одежду:—это тетка научила тебя такой глупости.

Я не могъ ничего отвѣтить: такъ душили меня слезы.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

Магазиновъ „Новаго Времени"

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ ФЕВРАЛѢ 1897 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ

№ 3-й.

Айзлеръ, Р., д-ръ. Психологія. Очеркъ основныхъ законовъ душевной дѣятельности. Перев. съ нѣмецк. Одесса. 1897 г. Ц. 30 к.

Александрова, П. Руководство къ изученію основъ кулинарнаго искусства и курсъ мясовѣдѣнія магистра ветеринарн. наукъ М. Игнатьева. Одесса. 1897 г. Ц. 3 р.

*__Алексѣевъ, В.__ Римскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Т. I. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Армашевскій, П., и Антоновичъ, Вл. Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева. Съ рисунк. Кіевъ. 1897 г. Ц. 75 к.

Арнольдовъ, Н. Гидравлическій или водяной таранъ и реомоторы. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Ахшарумовъ, Н. Смерть Слѣпцова. Кавказская быль. Спб. 1897 г. Ц. 15 к.

— Ночное. Разсказъ часового мастера. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

— Чужое имя. Романъ въ трехъ частяхъ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Бакуринскій, К. О ремонтѣ шоссе. Изд. 2-е дополн. Спб. 1897 г. Ц. 2 р. и 1 р. 25 к.

Безе, В. Теорія сопротивленія матеріаловъ безъ высшаго математическаго анализа. Съ рис. и таблиц. въ текстѣ. Спб. 1897 г. Ц. 1р.

Бекъ, С. (д-ръ), и **Браннъ, М.** (д-ръ). Еврейская исторія отъ конца библейскаго періода до настоящаго времени. Переработалъ и дополнилъ съ прибавленіемъ оригинальнаго отдѣла исторіи польско-русскихъ евреевъ С. М. Дубновъ. Т. II. Западный періодъ (отъ возникновенія еврейско-испанской культуры до нашихъ дней). Одесса. 1897 г. Ц. за 2 тома 3 р. 50 к.

Бекетова, Е. Два міра. Повѣсть изъ римской жизни первыхъ временъ христіанства. Редакція Н. А. Рубакина. Изд. 2-е. Съ картинами. М. 1897 г. Ц. 35 к.

Бѣлявскій, Н. Народное образованіе въ Швейцаріи. Юрьевъ. 1897. Ц. 25 к.

Бердниковъ, И. А. Алмазовъ. Тайная исповѣдь въ православной восточной церкви. Т. I—III. Одесса. 1894 г. (Критико-библіографическая замѣтка). Казань. 1897 г. Ц. 30 к.

— Поправка къ результатамъ полемики по вопросу о раскольническомъ бракѣ, формулированнымъ г. Заозерскимъ. Казань. 1897 г. Ц. 20 к.

Бетцъ, Ф. Практическій кондитеръ и булочникъ, или опытное руководство этихъ ремеслъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Библіофилъ. Русско-польскія отношенія. Нѣкоторыя замѣчательныя по этому предмету мысли, слова, рѣчи, узаконенія, размышленія и разсужденія. Изд. 2-е, значительно дополненное. Вильна. 1897 г. Ц. 50 к.

Бобровъ, Евг. (проф.). Этическія воззрѣнія графа Л. Н. Толстого и философская ихъ критика. Юрьевъ. 1897 г. Ц. 80 к.

*__Бомарше, П.__ Безумный день или женитьба Фигаро. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Переводъ А. Н. Чудинова. Изд. второе. (Дешевая библіотека А. С. Суворина, № 871). Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 35 к.

Борнсъ, Р. Стихотворенія. М. 1897 г. Ц. 40 к.

Боткинъ, С. и Скориченко, Г. Бубонная чума по ихъ лекціямъ. Составлено подъ ред. студ. И. Лубо и Е. Четыркинымъ. Съ фототипической таблицей. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Броуновъ, П. Метеорологія, какъ наука о вихревыхъ движеніяхъ атмосферы. Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

— Къ теоріи грозовыхъ вихрей. Съ приложеніемъ трехъ картъ. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Булгаковъ, Ѳ. А. Менцель и его произведенія. (Знаменитые художники XIX вѣка). Спб. 1897 г. Ц. 3 р. 30 к.

*__Буренинъ, В.__ Былое. Стихотворенія. Переводы изъ Барбье, Мюссе, Гюго, Аріосто, Меридита, Виньи, Гуда, Байрона, Чаттертона, Мейснера.—Военно-поэтическіе отголоски. — Пѣсни дня. — Думы. — Былины. — Поэмы. Изд. 2-е. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Бутковъ, А. Уголовные разсказы и повѣсти. М. 1897 г. Ц. 1 р.

Васильевъ, И. Псковская губернія. Историко-географическіе очерки, какъ пособіе народнымъ учителямъ по предмету родиновѣдѣнія. Съ картой губерніи. Псковъ. 1896. Ц. 1 р. 25 к.

Веберъ, К. Сыровареніе. Руководство къ производству швейцарскаго сыра, приготовленію бакштейна и маслодѣлію. Съ 87 рис. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Жнеи, молотилки, вѣялки, сѣнокосилки, сѣноворошилки, грабли, пресса, подъемныя и перевозочныя средства, двигатели, сортировки, зернодробилки, соломорѣзки и корнерѣзки. Пособіе для хозяевъ при выборѣ земледѣльческихъ машинъ и орудій и при работѣ съ ними. Съ атласомъ въ 37 таблицъ съ 282 фигурами. Спб. 1897 г. Ц. 3 р. 50 к.

Введенскій, А. (проф.). Общій смыслъ философіи Н. Н. Страхова. М. 1897 г. Ц. 40 к.

Везенковъ. Какъ различать воинскіе чины и званія по ихъ наружнымъ отличіямъ. Наглядное руководство молодымъ солдатамъ. М. 1897 г. Ц. 15 к.

Венгеровъ, С. Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ (1708—1893). Изданіе Г. В. Юдина. Вып. XII. Вальзакъ-Барсуковъ. Спб. 1897 г. Ц. 35 к.

Винклеръ, П. (фонъ). Изъ исторіи монетнаго дѣла въ Россіи. Монетное дѣло въ царствованіе Петра Великаго. Передѣлъ мѣдныхъ пушекъ нъ монету. Платиновая монета. Бородовые знаки. Фамильный рубль. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Виноградовъ, Іоаннъ. Тщетное самооправданіе старообрядцевъ-поповцевъ. М. 1897 г. Ц. 35 к.

Витевскій, В. И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Историческая монографія. Вып. V. Казань. 1897. Ц. 2 р. 50 к.

Внутреннія и дѣтскія болѣзни. Перев. съ нѣмецк. д-ра М. Ліонъ, Фридбергъ, Геселевичъ, подъ ред. д-ра Б. Окса. Т. I, вторая половина. Спб. 1897 г. Ц. 4 р.

Воеводинъ, А. Альбомъ узоровъ русскихъ полотенцевъ и прошивокъ. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Волконская, М. (княгиня). Пѣсни спѣты! Повѣсть. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Галанинъ, М., д-ръ. Бубонная чума, ея историко-географическое распространеніе, этіологія, симптоматологія и профилактика. Съ приложеніемъ бактеріологіи и терапіи чумы. Спб. 1897 г. Ц. 2 р. 25 к.

Галаховъ, Іаковъ (свящ.). Посланіе св. апостола Павла къ галатамъ. Казань. 1897 г. Ц. 2 р.

Гебель, В. Десятичная или метрическая система мѣръ и вѣсовъ. Ея происхожденіе, преимущества и польза введенія въ Россіи. Съ приложеніемъ таблицы метрич. мѣръ. Изд. 2-е. М. 1897 г. Ц. 25 к.

Гексли, Томасъ. О причинахъ явленій въ въ органическомъ мірѣ. Перев. съ англ., съ прил. біографич. очерка Н. Березина. Съ портрет. и 13 рис. Ц. 60 к.

Геникъ, Д. (Хали). Радость. Восточная повѣсть. Спб. 1897 г. Ц. 30 к.

Герценштейнъ, В. Закавказскій альманахъ. Сборникъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности населенія Закавказскаго края. Тифлисъ. 1896. Ц. 1 р.

Гершельманъ, С. Нравственный элементъ подъ Севастополемъ. Спб. 1897 г. Ц. 3 р.

Глаголевъ, С. Больной цѣлитель (о Шлаттерѣ). Сергіевъ посадъ. 1896 г. Ц. 25 к.

— Запретныя идеи. Сергіевъ посадъ. 1897 г. Ц. 40 к.

Глинскій, Б. Русское судебное краснорѣчіе. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Гогель, С. Арестантскій трудъ въ русскихъ и иностранныхъ тюрьмахъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Газеверъ. В. (врачъ). Чума. Исторія, сущность и борьба съ ней. М. 1897 г. Ц. 10 к.

Головинъ, К. Русскій романъ и русское общество. Спб. 1897 г. Ц. 3 р.

Голубевъ, В. Топографическая анатомія, ея методъ, задачи и историческое развитіе. Вступительная лекція. Казань. 1897 г. Ц. 30 к

Гомилевскій, В. Укрѣпленіе и облѣсеніе летучихъ песковъ. Руководство для земствъ и землевладѣльцевъ. Одесса. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Правильное полеводство на русскихъ песчаныхъ и супесчаныхъ почвахъ. Одесса. 1892 г. Ц. 2 р.

Гончаровъ, А. Къ съѣзду артистовъ въ Москвѣ. Проектъ организаціи театральнаго дѣла въ Россіи. М. 1897 г. Ц. 30 к.

Гофманъ, Э. Атласъ бабочекъ Европы и отчасти русско-азіатскихъ владѣній. Обработ. и дополн. примѣнительно къ русской фаунѣ Н. А. Холодковскій. Вып. 3-й Ц. 1 р. 50 к. По подпискѣ на все соч. 14 р.

Григоровичъ, А. Временныя правила о примѣненіи судебныхъ уставовъ къ губерніямъ и областямъ Сибири. Руководство для отправляющихся на службу въ Сибирь по судебному вѣдомству. Съ картой Сибирской желѣзной дороги. М. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Губаревъ, А. (проф.). Наружное акушерское изслѣдованіе. Практическій курсъ для студентовъ и врачей. Съ 39 политипажами. Юрьевъ. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гусевъ, А. Уставъ строительный. Изд. 2-е. Кіевъ. 1897 г. Ц. 1 р.

Данилло, С., д-ръ. О роли врачей въ дѣлѣ борьбы съ алкоголизмомъ. Спб. 1897 г. Ц. 20 к.

Дашкевичъ, Н. Зезенгеймская идиллія. Эпизодъ изъ исторіи юношескихъ стремленій, увлеченій и творчества Гете. Критико-біографическій очеркъ. Кіевъ. 1897 г. Ц. 60 к.

Двадцатипятилѣтіе товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ. Альбомъ. Изданіе К. А. Фишеръ. Вып. I. М. 1897 г. Ц. по подпискѣ 9 р.

Дебольскій, Г. (протоіерей). О пользѣ чтенія библіи, сирѣчь книгъ Священнаго Писанія. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Дневникъ протоіерея Іоанна Ильича Сергіева (Кронштадскаго). Спб. 1897. Ц. 25 к.

Достоевскій, для дѣтей школьнаго возраста подъ ред. А. В. Круглова. Съ біографическимъ очеркомъ, съ портретомъ Ѳ. М. Достоевскаго и снимками съ его дома и школы его имени. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Дубровинъ, Н. Георгій XII, послѣдній царь Грузіи и присоединеніе ея къ Россіи. Изд. 2-е. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дурасовъ, М. Русское изобрѣтеніе печенія хлѣба изъ зерна безъ перемола. (По способу И. Н. Зыкова). Спб. 1897 г. Ц. 20 к.

Дюрюи, В. Краткая исторія среднихъ вѣковъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Ежегодникъ пчеловодства. 1896—97 г. Ц. 1 р.

Елпатьевскій, С. Очерки Сибири. Изд. 2-е. Спб. 1897. г. Ц. 1 р.

Енгельмейеръ, П. Изобрѣтенія и привилегіи. Руководство для изобрѣтателей со вступительнымъ письмомъ графа Л. Н. Толстого. М. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Енько, П. Чему и какъ учить нашихъ дѣтей. Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Жерве, В. Памятка о Петербургѣ и его примѣчательностяхъ. Съ рис. Для войскъ и народа. Спб. 1897 г. Ц. 25 к.

Жуковскій, В. Болѣзни новорожденныхъ дѣтей. Изд. 2-е. испр. и дополн. Съ 1 хромолитографическ. таблицей, 2 таблицами кривыхъ и 3 рисунками. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 40 к.

Журналъ Юридическ. общества. Апрѣль. Ц. 2 р.

Заболотный, В. Философскій эскизъ на почвѣ субъективизма или опытъ къ раціональному разрѣшенію вопроса «Что такое счастье»? Варшава. 1897 г. Ц. 50 к.

Задушевное Слово. Сборникъ духовныхъ стихотвореній. Спб. 1897 г. Ц. 25 к.

Зальцманъ, И. (врачъ). Курортъ Усть-Нарова (Гунгербургъ) въ историческомъ, топографическомъ и санитарномъ отношеніи. Съ рисунками и картой. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Засодимскій, П. Два разсказа: 1) Ночь на Новый годъ. 1) Слѣпой изъ Данилова. М. 1897 г. Ц. 40 к.

Золя, Э. Римъ. Переводъ Тимоѳеевой. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ивановскій, В. Русское государственное право. Т. I. Верховная власть и ея органы. Вып. V. Мѣстныя установленія окраинъ. Финляндія. Царство Польское. Кавказъ. Туркестанъ. Сибирь. Казань. 1897 г. Ц. 50 к.

Изборникъ Развѣдчика 1896 г. 5 вып. Ц. каждаго 1 р.

Извѣстія русскаго астрономическаго общества. Вып. V. (1—9). Спб. 1896. Ц. 6 р.

Тоже. Вып. IV. 1895 г. Ц. 1 р.

Извѣстія общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Т. XIV, вып. I. Казань. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 1897 г. Тома II-го, книжка 1-я Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Казанскій, П. Международный союзъ для измѣренія земли. Одесса. 1897 г. Ц. 75 к.

Каллиста. Повѣсть изъ жизни карѳагенскихъ христіанъ. Спб. 1897 г. Ц. 25 к.

Карѣевъ, Н. Выборъ факультета и прохожденіе университетскаго курса. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Кацъ, Р. (д-ръ). Очки, ихъ польза и вредъ. Съ 7 рис. въ текстѣ. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Кейснеръ, Гуго. Право на свое изображеніе. Переводъ съ нѣмецкаго. Вильна. 1897 г. Ц. 50 к.

KECK, WILH. Основы расчета строительныхъ сооруженій по методамъ теоріи упругости. Перев. съ нѣм. П. Страховъ. Съ 300 чертежами. М. 1896 г. Ц. 3 р.

— Графическая статистика. Съ приложеніями къ расчету строительныхъ сооруженій. Перев. съ нѣм. П. Страховъ. Съ 83 черт. и 4 таблиц. М. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Керенскій, Вл. Старокатолическій вопросъ въ новѣйшее время. (По поводу переговоровъ между русской и старокатолической комиссіями). Казань. 1897 г. Ц. 40 к.

Кернъ, Э. Овраги, ихъ закрѣпленіе, облѣсеніе и запруживаніе. Съ 37 рис. и 6 табл. Изд. 3-е. М. 1897 г. Ц. 75 к.

Линге, А. Приготовленіе плодовыхъ и ягодныхъ винъ и прописи для приготовленія фруктовыхъ и ягодныхъ медовъ и водъ, хлѣбныхъ и фруктовыхъ квасовъ, пива, кислыхъ щей и другихъ шипучихъ напитковъ. М. 1897 г. Ц. 1 р.

Книжный Вѣстникъ. Январь, 1897 г. Цѣна 30 к.

Ковалевскій, П. (проф.). Психіатрическіе эскизы изъ исторіи. Изд. 3-е. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Коломбъ. За правое дѣло. (Разсказъ изъ среднев. жизни). Спб. 1897 г.

Кондаковъ, Н. Русскіе клады. Изслѣдованіе древностей великокняжескаго періода. Т. I. Съ 20 таблицами и 22 политипажами. Спб. 1896 г. Ц. 10 р.

Конради, Е. Черные богатыри. Жизнь рудокоповъ подъ землей. Съ 55 рис. Изд. 2-е. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Константиновичъ, К. Сборникъ охотничьихъ разсказовъ. Кіевъ. 1897 г. Ц. 50 к.

Корде, А. Теоретическая грамматика французскаго языка. Ч. I. Этимологія. Ц. 35 к. Ч. II. Синтаксисъ. М. 1897 г. Ц. 45 к.

Cosmopolis. Revue inernationale. Avril. Ц. 1 р. 50 к.

Космополисъ. Ежемѣсячный международный журналъ. Русскій отдѣлъ. Апрѣль. Ц. 60 к.

Котельниковъ, В. Объ удобреніи почвъ. Изд. 6-е, испр. и дополн. Спб. 1897 г. Ц. 30 к.

Котовичъ, И. X-лучи Рентгена и значеніе ихъ для медицины вообще и военной хирургіи въ особенности. М. 1897 г. Ц. 75 к.

Котовщиковъ, Н. (проф.). Значеніе рентгеновскихъ лучей для діагностики внутреннихъ болѣзней. Казань. 1897 г. Ц. 25 к.

Красновъ, А. (Проф.). Чайные округи субтропическихъ областей Азіи. (Культуръ-географическіе очерки дальняго востока). Съ 101 рис. и 2 картами. Вып. I. Японія. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Красногорскій, П. Синтаксимъ русскаго языка съ необходимымъ матеріаломъ для упражненій въ синтаксическомъ препинаніи. Изд. 4-е (сокращенное). Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Кривошлыкъ, М. Историческіе анекдоты изъ жизни русскихъ замѣчательныхъ людей. (Съ портретами и краткими біографіями). Изд. 2-е, дополн. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Крокеттъ, С. Клечъ-Келли. Романъ въ передѣлкѣ для дѣтей А. Н. Анненской. Спб. 1896 г. Ц. въ переплетѣ 75 к.

Кубасовъ, П., д-ръ. Что такое микробы вообще и болѣзнетворные въ частности. Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

Ламанъ, В. (д-ръ мед.). Письма объ основоначалахъ клиническаго электролиза и катализа. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лансонъ, Г. (проф.). Исторія французской литературы. Т. I. М. 1897 г. Ц. 3 р. 50 к.

— Исторія французской литературы. XIX вѣкъ. Перев. съ франц. подъ ред. П. О. Морозова. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Лапшинъ, В. О старомъ и новомъ стилѣ. Спб. 1897 г. Ц. 20 к.

Латышевъ, В. Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ. Т. I. Греческіе писатели. Вып. 2-й. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лисовскій, А. Главные мотивы въ поэзіи Т. Г. Шевченко. Полтава. 1896 г. Ц. 25 к.

Лихачевъ, Н. Русскія монеты 1741—1796 годовъ. (Критическая замѣтка). Спб. 1897 г. Ц. 4 р.

Лихачевъ, Н. Прозвища великаго князя Ивана III. Спб. 1897 г. Ц. 30 к.

— Царскій «Изографъ» Іосифъ и его иконы. Спб. 1897 г. Ц. 80 к.

Лопухинъ, А. Изъ поѣздки въ Червонную Русь и по ея окрестностямъ. Путев. впечатлѣн. во время проѣзда черезъ Галицію лѣтомъ 1895 г. Спб. 1895 г. Ц. 40 к.

Лукрейнъ, М. Конспектъ торговаго права по программѣ испытательной комиссіи юридической. Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Лункевичъ, В. Популярная біологія. Съ 208 рис. и одной хромолитографіей. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Лучицкій, И. Новыя изслѣдовнія по исторіи крестьянъ во Франціи XVIII в. Вып. I. Кіевъ. 1897 г. Ц. 50 к.

Ляховецкій, Л. Характеристика извѣстныхъ русскихъ судебныхъ ораторовъ, съ приложеніемъ избранной рѣчи каждаго изъ нихъ. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

М, М. Стихотворенія. Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Маель, П. Въ странѣ чудесъ. Путешествіе по Индіи. Перев. съ франц. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Майнъ-Ридъ. Оцеола. Вождь Семиноловъ. Романъ изъ флоридской жизни. М. 1897 г. Ц. 35 к.

— Охота за медвѣдями. Романъ. М. 1897 г. Ц. 30 к.

— Изгнанники въ лѣсу. Романъ. 1897 г. Ц. 25 к.

— Смертельный выстрѣлъ. Романъ. М. 1897 г. Ц. 35 к.

Маминъ-Сибирякъ, А. Не то... Повѣсть. М. 1897 г. Ц. 40 к.

Маслянниковъ, К. За десять лѣтъ (1886—1895). Ч. II. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Матвѣевъ, А. Уральскіе металлы 1896 г. Нижній-Новгородъ. Ц. 3 р. 50 к.

Меліоранскій, П. Краткая грамматика казакъ-киргизскаго языка. Часть II. Синтаксисъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Мечъ, С. Россія. Географическій сборникъ для чтенія въ семьѣ и школѣ. Изд. 5-е. М. 1897 г. Ц. 1 р.

Милюковъ, П. Главныя теченія русской исторической мысли. Т. I. М. 1897 г. Ц. 2 р.

Мироновъ, М. Противъ вырожденія. Шутка въ одномъ дѣйствіи. М. 1897 г. Ц. 50 к.

Модестовъ, В. Поэзія въ римской исторіи. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

* **Мольеръ.** Тартюфъ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Переводъ въ стихахъ В. С. Лихачева. Переводъ удостоенъ почетнаго отзыва императорской академіи наукъ. Изд. 2-е (Дешевая библіотека А. С. Суворина, № 233). Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 30 к.

Молодыхъ, И., и Кулаковъ, П. Иллюстрированное описаніе быта сельскаго населенія Иркутской губерніи. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Мочульскій, В. Просвѣщеніе на югѣ Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II. Одесса. 1897 г. Ц. 25 к.

Мсеріанцъ, Левонъ. Этюды по армянской діалектологіи. Часть I. Сравнительная фонетика Мушскаго діалекта въ связи съ фонетикою Грабара. М. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Нансенъ, Ф. Во мракѣ ночи и во льдахъ. Вып. III. Ц. 30 к.

— Среди льдовъ и во мракѣ полярной ночи. Подъ ред. Д. Анучина, перев. А. Крубера. Вып. IV. М. 1897 г. Ц. 80 к.

Неболсинъ, А. Организація курсовъ для взрослыхъ рабочихъ. Докладъ на торгово-промышленномъ съѣздѣ 1896 г., въ Нижнемъ-Новгородѣ. Спб. 1897 г. Ц. 25 к.

Неврологическій Вѣстникъ. Подъ ред. проф. В. М. Бехтерева и проф. Н. Попова. Т. V, вып. I, Казань, 1897 г. Ц. 2 р.

Неймайръ, М. (проф.). Исторія земли. Перев. подъ ред. проф. Иностранцева. Вып. 3—4. Ц. по подпискѣ на все сочин. (30 вып.) 11 рублей.

* **Немировичъ-Данченко, Вас.** Вѣчные миражи. Романъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 75 к.

Нибуръ, Б. Разсказы о греческихъ герояхъ. М. 1897 г. Ц. 50 к.

Никитинъ, В. Болѣзни придаточныхъ носовыхъ полостей. Лекціи. Съ 11 рис. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Новицкій, А. Передвижники и вліяніе ихъ на русское искусство. М. 1897 г. Ц. 1 р.

«Новое Слово». Журналъ научно-литературный и политическій. Апрѣль. 1897 г. Ц. 1 р.

Noorden, Carl (von), Prof. Сахарная болѣзнь и ея лѣченіе. Перев. съ нѣм. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Образованіе. Педагогическій и научно-популярный журналъ. Апрѣль. 1897 г. Ц. 60 к.

Общедоступная техническая Энциклопедія. Подъ ред. Н. Песоцкаго. Т. II. Вып. II. Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Одарченко, К. Нравственныя и правовыя основы русскаго народнаго хозяйства. М. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Оксеновъ, Ник. Къ вопросу о сибирской земельной общинѣ. Томскъ. 1897 г. Ц. 25 к.

Очерки Привислянья. В. Р. М. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Памятники древне-русской церковно-учительской литературы. Вып. 3-й. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Патріотическое стихотвореніе къ братьямъ славянамъ, прочитанное Н. В. Щербаковымъ въ торжественномъ собраніи Славянскаго Благотворительнаго общества 14-го февраля 1897 г. Спб. 1897 г. Ц. 10 к.

Penzoldt, E. (d-r), и **Stintzing** (d-r). Руководство къ частной терапіи внутреннихъ болѣзней. Т. VI. Лѣченіе венерическихъ болѣзней, болѣзней мочеполовыхъ органовъ и болѣзней кожи. Съ 53 рис. Спб. 1894 г. Ц. 6 р.

Первое дополненіе къ третьему изданію «Указаній къ устройству читаленъ, составленныхъ бывшимъ С.-Петербургскимъ Комитетомъ Грамотности Императорскаго Вольнаго Экономическаго общества». Узаконенія, касающіяся безплатныхъ народныхъ библіотекъ, и дополнительный примѣрный списокъ книгъ, вновь допущенныхъ въ народныя читальни. Спб. 1897 г. Ц. 10 к.

Петровская, Е. Что мнѣ дѣлать мама? Въ помощь матерямъ при выборѣ игръ, работъ и занятій съ малолѣтними дѣтьми. Съ 14-ю таблицами рисунковъ, нотами и отдѣльн. таблицей работъ. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1897 г. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

Пименова, Э. Голодовка у сѣвернаго полюса. Сост. по Фонвіеллю. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

— Міръ животныхъ. Въ очеркахъ и картинахъ. Сост. по Брему, Фогту и др. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Покровскій, Н. Правила русскаго правописанія. По руководству Я. К. Грота. Для начальныхъ, городскихъ школъ и младшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. М. 1896 г. Ц. 10 к.

Потѣхинъ, Л. Учебникъ пчеловодства. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Съ 91 рис. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

«Призывъ». Литературный сборникъ. Въ пользу престарѣлыхъ и лишенныхъ способности къ труду артистовъ и ихъ семействъ. М. 1897 г. Ц. 3 р. 50 к.

Проекты зданій Всероссійской выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. Спб. 1897 г. Ц. 15 р.

Пружановскій, К. Новый Моисей. Романъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Радецкій, И. За дѣтей. Скромные труды въ дѣлѣ возрожденія. Сборникъ статей и замѣтокъ по вопросу призрѣнія, воспитанія и защиты молодого поколѣнія. съ приложеніемъ отзывовъ прессы о дѣятельности автора. Чистый доходъ отъ продажи «Сборника» предназначается на устройство сельско-хозяйственной и ремесленной колоніи для уличныхъ и безпріютныхъ дѣтей. Одесса. 1896 г. Ц. 1 р. 30 к.

Рафаловичъ, Н. Орудійная ѣзда. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Рахмановъ, В. Общедоступный лѣчебникъ. Описаніе устройства человѣческаго тѣла.—Наружныя болѣзни. — Внутреннія болѣзни.—Дѣтскія болѣзни.—Уходъ за больными.—Приготовленіе лѣкарствъ. Со многими рисунками. М. 1897 г. Ц. 60 к.

Регельсбергеръ, Ф. Общее ученіе о правѣ. Пер. И Баранова подъ ред. проф. Ю. С. Гамбарова. М. 1895 г. Ц. 1 р. 40 к.

Рейнботъ, Е. Отвѣты на вопросы, какъ и изъ чего «это» дѣлается. Пособіе для изученія техническихъ производствъ. Изданіе восьмое, переработанное. Съ алфавитнымъ указателемъ и 123 рисунками. Книга предназначается: 1) для удовлетворенія любознательныхъ дѣтей въ школѣ и семьѣ, 2) какъ пособіе при преподаваніи основаній товаровѣдѣнія и технологіи въ тениченскихъ и профессіональныхъ училищахъ и 3) какъ учебникъ технологіи для низшихъ промышленныхъ и техническихъ училищъ. Съ предислов. и дополн. М. Гольдштейна. 7-е изданіе *одобрено* Ученымъ Комитетомъ М-ства Народнаго Просвѣщенія, *рекомендовано* Ученымъ Комитетомъ при Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и *одобрено* Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ. Спб. 1897 г. Ц. 2 р. 50 к.

Русская Музыкальная Газета. Мартъ. 1897 г. Ц. 50 к.

Русскій Вѣстникъ. Февраль. Ц. 1 р. 50 к.

Савваитовъ, П. Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, въ азбучномъ порядкѣ расположенное. Съ рисунками. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Савеловъ, Л. Избранная библіотека русскаго генеалога (Библіографическій опытъ). Вып. I. Изданія особенно рѣдкія и цѣнныя. М. 1897 г. Ц. 75 р.

— Родъ дворянъ Савеловыхъ (Савелковы). М. 1895 г. Ц. 1 р.

Салтыковъ (Щедринъ). Портретъ. Ц. 3 р.

Самоучитель кройки и шитья. Новѣйшее руководство для самостоятельнаго изученія кройки и шитья дамскихъ платьевъ, верхнихъ и дѣтскихъ вещей и бѣлья, составленное по франц. методѣ Н. П. Гротте. М. 1897 г. Ц. 2 р.

«Сѣверный Вѣстникъ». Апрѣль. 1897 г. Ц. 1 р.

«Сельскій Хозяинъ». № 25. Ц. 20 к.

Симоновъ, Л. Переплетное мастерство и искусство украшенія переплета, художественные стили, чистка, исправленіе и храненіе книгъ. Составлено при содѣйствіи переплетной мастерской Э. Ро. Съ 183 рисунк. въ текстѣ и 12 окрашенн. таблицъ (Библіотека практическихъ свѣдѣній д-ра Л. Н. Симонова). Спб. 1897 г. Ц. 2 р. 50 к.

Скрипка Паганини. Перев. съ нѣмец. Рига. 1897 г. Ц. 25 к.

Смирнова, А. Записки. (Изъ записныхъ книжекъ 1826—1845 гг.). Часть II. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Соколовъ, С. Положеніе о государственномъ квартирномъ налогѣ съ инструкціей о порядкѣ опредѣленія и взиманія налога и правительств. разъясненіями. М. 1897 г. Ц. 40 к.

Соколовъ, В. (врачъ). Чума, возникновеніе и сущность ея и указанія къ ея избѣжанію. М. 1897 г. Ц. 25 к.

Соловьевъ, М. По Святой Землѣ (1891 г.). Съ 34 рис. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. Съ поволжья. Родныя картинки. Съ рис. М. 1897 г. Ц. 60 к.

Старина и Новизна. Историческій сборникъ. издаваемый при Обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Книга I. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Таганцевъ, Н. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Изданіе 10-е, дополненное. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Тарновскій, Н. Иванъ Андреевичъ Крыловъ, Историческ., общественн. и литературн. его значеніе и языкъ басенъ. Воронежъ. 1896. Ц. 85 к.

Тарнопольскій, А. Охотничье дробовое ружье ценральнаго огня. Съ 20 рис. М. 1897 г. Ц. 50 к.

Тепловъ, В. Князь Алексѣй Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій. Біографическій очеркъ съ приложеніемъ портрета и вида родового дома въ Москвѣ. Спб. 1897 г. Ц. 5 р.

Тимирязевъ, К. Растеніе и солнечная энергія. М. 1897 г. Ц. 40 к.

Тихоновъ, В. «Мимо жизни». Повѣсть.— Антонъ Павл. Чеховъ. Опытъ литературной характеристики. Статья В. А. Гольцева. М. 1897 г. Ц. 30 к.

Тороповъ, С. Москва. Ея прошлое и настоящее. Къ 750-лѣтію основанія. М. 1897 г. Ц. 2 р.

Трайль. Общественная жизнь Англіи. Т. II. Отъ воцаренія Эдуарда I до смерти Генриха VII. М. 1897 г. Ц. 2 р. 50 к.

Трусманъ, Ю. Этимологія мѣстныхъ названій Псковскаго уѣзда. Ревель. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Чудскія письмена. Изслѣдованіе. Ревель. 1896 г. Ц. 60 к.

Уваровъ, А. (графъ). Сафлоръ. Новое масличное растеніе. Вольскъ. 1896 г. Ц. 15 к.

Угримовъ, Б. Многофазный токъ въ промышленности. Руководство при проектированіи и эксплоатаціи установокъ многофазнаго тока. Описаніе и критическая оцѣнка наиболѣе употребительныхъ приборовъ. М, 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Указатель къ научнымъ трудамъ Александра Николаевича Веселовскаго, профессора Спб. университета и академика императорской академіи наукъ. 1859—1895 г. Изд. 2-е, съ портретомъ профессора и фототипіей адреса учениковъ А. Н. Веселовскаго. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.

Урсыновичъ, Е. (пересказалъ). Робинзонъ Крузо, его жизнь и удивительныя приключенія. Съ 58 хромо-литографированными картинками. М, 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ушакъ, Ив. Поѣздка Глазова за границу. Разсказъ. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Халатьянцъ, Г. Армянскій эпосъ въ исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго. Опытъ критики источниковъ. Часть I. Изслѣдованіе. Часть II. Матеріалы. М. 1896 г. Ц. 3 р.

Хвольсонъ, О. Курсъ физики. Т. I. Съ 377 рис. Спб. 1897 г. Ц. 5 р.

Хэдсонъ, У. Натуралистъ на Ла-Платѣ. Перев. съ англ. Съ рисунками. Спб. 1896 г. Ц. за двѣ части 1 р.

Фирсовъ, В. Двѣ сестры. Романъ. Спб. 1897 г. Ц. 2 р,

Флеммингъ, А., д-ръ. Чума. Краткій историческій очеркъ развитія и распространенія чумы, ея симптоматологія, профилактика и лѣченіе. Спб. 1897 г. Ц. 30 к.

Флеровъ, В. Способы отученія сліянію звуковъ при обученіи грамотѣ. Спб. 1897 г. Ц. 25 к.

Ѳоминъ, С. Пчелка—золотая работница. Опытъ 34-хъ-лѣтней практики по пчеловодству. Казань. 1897 г. Ц. 25 к.

Царевскій, А., проф. Счастье человѣческое и его источники. Казань 1897 г. Ц. 35 к.

— На память о 50-ти-лѣтнемъ юбилеѣ о. протоіерея Александра Поликарповича Владимірскаго. Казань. 1897 г. Ц. 40 к.

Цвѣтникъ. Съ 56 раскр. рис. Изд. 4-е. М. 1896 г. Ц. 35 к.

Чего хочетъ Греція. Спб. 1897 г. Ц. 10 к.

***Чеховъ, Антонъ.** Пьесы. Медвѣдь. Предложеніе. Ивановъ. Лебединая пѣсня. Трагикъ въ неволѣ. Чайка. Дядя Ваня. Всѣ означенныя здѣсь пьесы безусловно дозволены къ представленію. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Чичинадзе, Д. Сборникъ узаконеній, распоряженій и разъясненій для руководства податныхъ инспекторовъ. Спб. 1894 г. Ц. 3 р.

Чуевскій, И. Физіологія человѣка (Конспектъ). Изд. второе, исправл. и дополненное, съ 32 рис. Харьковъ. 1897 г. Ц. 2 р.

Энциклопедическій словарь. Полутомъ 40-й. Наказный атаманъ.—Неясыти. Спб. 1897 г. Ц. 3 р.

Шабанова, А. (д-ръ). Къ борьбѣ съ хроническими недугами дѣтей. Въ пользу учреждаемой съ Высочайшаго соизволенія Государыни Императрицы приморской санаторіи для хронически-больныхъ дѣтей. Спб. 1897 г. Ц. 25 к.

Шаховская, Л. (кн.). Два похода за Балканы. Съ театра войны 1877—1878. Изд. 2-е. М. 1897 г. Ц. 2 р.

Шепелевичъ, А. Каѳедра исторіи всеобщей литературы въ императорскомъ Харьковскомъ университетѣ. Историч. записки. Харьковъ. 1897 г. Ц. 50 к.

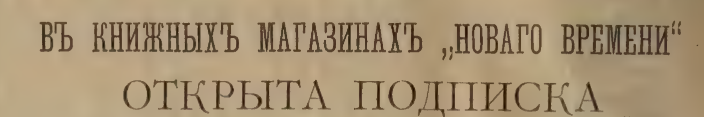
Шерръ, Г. Всеобщая исторія литературы, подъ ред. П. И. Вейнберга. Вып. XIX. Ц. по подпискѣ 7 р.

Шиппель, М. Денежное обращеніе и его общественное значеніе. Перев. съ нѣм., подъ ред. и съ предисл. Петра Струве. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

***Шпажинскій, И.** Драматическія сочиненія. Т. I. Маіорша (драма). Легкія средства (сцены). Кручина (драма). Фофанъ (комедія). Прахомъ пошло (драма). Изд. 2-е. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

---

* Изданія А. С. Суворина.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА НОВОЕ РОСКОШНОЕ ИЗДАНІЕ Ѳ. И. БУЛГАКОВА:

НОВѢЙШІЕ ШЕДЕВРЫ КРАСОТЫ

40 фотогравюръ in-folio

СЪ НАИЛУЧШИХЪ КАРТИНЪ

35 ЗНАМЕНИТѢЙШИХЪ ЖИВОПИСЦЕВЪ ЖЕНСКОЙ КРАСОТЫ.

Изъ картинныхъ галерей Европы и Америки, общественныхъ и частныхъ.

Съ пояснительнымъ описаніемъ картинъ и біографіями ихъ авторовъ: Баллавуана, Барріаса, Бегаса, Бугеро, ванъ-денъ-Боса, Грэфа, Дантана, Дастюга, Дёлли, Дюбюфа, Дюфо, Жамена, Книлле, Крауса, Кунца, Ле-Кэна, Лефевра, Лоранса, Ганса Маккарта, Мюнье, Нонненбруха, Перрэ, Перро, Поинтера, Генріетты Раэ, Ребуэ, Ройера, Рошгросса, Селье, Семирадскаго, Сэрреса, Соломона, Тулло, Фалеро, Фламенга.

ВЪ ВОСЬМИ ВЫПУСКАХЪ.

Первый выпускъ выйдетъ къ 1-му мая 1897 г., а остальные **семь** въ теченіе четырехъ слѣдующихъ мѣсяцевъ—**по два выпуска ежемѣсячно.**

Цѣна только по подпискѣ на 300 экз. **16** р., съ перес. **20** р.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: **при подпискѣ** уплачивается **2 р.** и **при полученіи каждаго выпуска—по 2 р.** Для гг. служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ разсрочка на болѣе льготныхъ условіяхъ за поручительствомъ ихъ казначеевъ. Иногородніе, уплачивая при подпискѣ **2 р.** и при полученіи каждаго изъ слѣдующихъ шести выпусковъ по **2 р. 50 к.** наложеннымъ платежемъ, а седьмой выпускъ безплатно, благоволятъ адресовать свои требованія Ѳ. И. Булгакову (Спб., Конногвардейскій бульваръ, 13).

ОБЩЕСТВО БОРЬБЫ СЪ ЗАРАЗНЫМИ БОЛѢЗНЯМИ.

Продолжающееся непрерывно и доходящее по временамъ до опустошительныхъ эпидемій, проявленіе остро-заразныхъ болѣзней, какъ дифтерія и тифъ, а также постоянно увеличивающееся число одержимыхъ хроническими, передаваемыми отъ одного къ другому, болѣзнями, какъ бугорчатка и сифилисъ, наводятъ на мысль, что для возможнаго противодѣйствія этому злу недостаточно общихъ, примѣняемыхъ у насъ земствомъ, городами и администраціей, мѣропріятій, но необходимо содѣйствіе всѣхъ просвѣщенныхъ лицъ, которымъ дороги интересы нашего отечества, столь несомнѣнно нуждающагося въ широкомъ поднятіи его санитарнаго благосостоянія.

Въ виду сказаннаго, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО принцесса Евгенія Максимиліановна Ольденбургская положила начало организаціи особаго общества для борьбы съ заразными болѣзнями, уставъ котораго, составленный подъ руководствомъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА, утвержденъ 5-го іюня 1896 года.

Общество состоитъ изъ: а) членовъ почетныхъ, оказавшихъ особыя услуги въ достиженіи преслѣдуемыхъ обществомъ цѣлей, б) членовъ-учредителей, подписавшихъ протоколъ объ учрежденіи общества и присоединившихъ свои подписи на протоколѣ до открытія дѣйствія Общества, в) членовъ-соревнователей, вносящихъ въ кассу Общества не менѣе 100 рублей единовременно или 5 рублей ежегодно, и г) членовъ-сотрудниковъ, личнымъ трудомъ принимающихъ участіе въ дѣятельности Общества.

Не могутъ быть членами Общества лица несовершеннолѣтнія, за исключеніемъ имѣющихъ классные чины, состоящіе на дѣйствительной военной службѣ нижніе чины, учащіеся въ учебныхъ заведеніяхъ и подвергшіеся ограниченію правъ по суду.

Лица, желающія быть избранными въ члены-соревнователи или члены-сотрудники Общества, приглашаются заявлять о своемъ желаніи членамъ-учредителямъ, которые снабжены квитанціонными книжками для пріема взносовъ.

Заявленія и взносы могутъ быть направляемы также въ Контору двора ЕГО ВЫСОЧЕСТВА принца Александра Петровича и супруги его ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургскихъ: С.-Петербургъ—Марсово поле, дворецъ ИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ.

ЧЛЕНЫ-УЧРЕДИТЕЛИ:

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО принцесса Евгенія Максимиліановна Ольденбургская.
ЕГО ВЫСОЧЕСТВО принцъ Петръ Александровичъ Ольденбургскій.
Палладій, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій — Александро-Невская Лавра.
Антоній, архіепископъ финляндскій и выборгскій—Кабинетская, 17.
Александръ Желобовскій, протопресвитеръ—Воскресенскій, 18.
Л. Б. Бертенсонъ—Воскресенскій, 12.
В. М. Бехтеревъ—Самарская, 9.
Баронъ О. О. Буксгевденъ—Кирочная, 48.
И. А. Воронинъ—Выборгск. наб., 27—29.
Баронесса В. Е. Врангель — Оренбургская, 4.
А. А. Герке—Владимирскій, 16.
П. И. Граціанскій—Никольская пл., 1.
Княжна М. М. Дондукова-Корсакова — Сергіевская, 10.
З. Я. Ельцина—Колокольная, 7.
Н. П. Забугинъ—В. О., 5 лин., 34.
А. А. Левенстимъ—Гагаринская, 12.
И. К. Липинскій—Фонтанка, 140.
С. М. Лукьяновъ—Лопухинская, 12.
А. А. Нарышкинъ—Милліонная, 9.
Э. Л. Нобель—Выборгская наб., 19.
Баронъ А. В. Фонъ-деръ-Паленъ — Б. Итальянская, 31.
Л. Ф. Рагозинъ—Кузнечный, 14.
К. А. Раухфусъ—Лиговская, 8.
О. Н. Рукавишникова, И. В. Рукавишниковъ — Н. Адм. наб., 10.
А. А. Руссовъ—Литейный, 53.
А. П. Саломонъ—Николаевская, 38.
С. А. Смуровъ—Гороховая, 19.
П. Н. Тарновская, В. М. Тарновскій — Мойка, 104.
Князь Э. Э. Ухтомскій—Шпалерная, 26.
Н. Е. Фриновскій—Пет. ст., Б. просп., 84.
Н. Ф. Чигаевъ—Гагаринская ул., 12.
Графъ С. Д. Шереметевъ—Фонтанка, 34.
С. А. Эллисъ—Крѣпость, квартира коменданта.

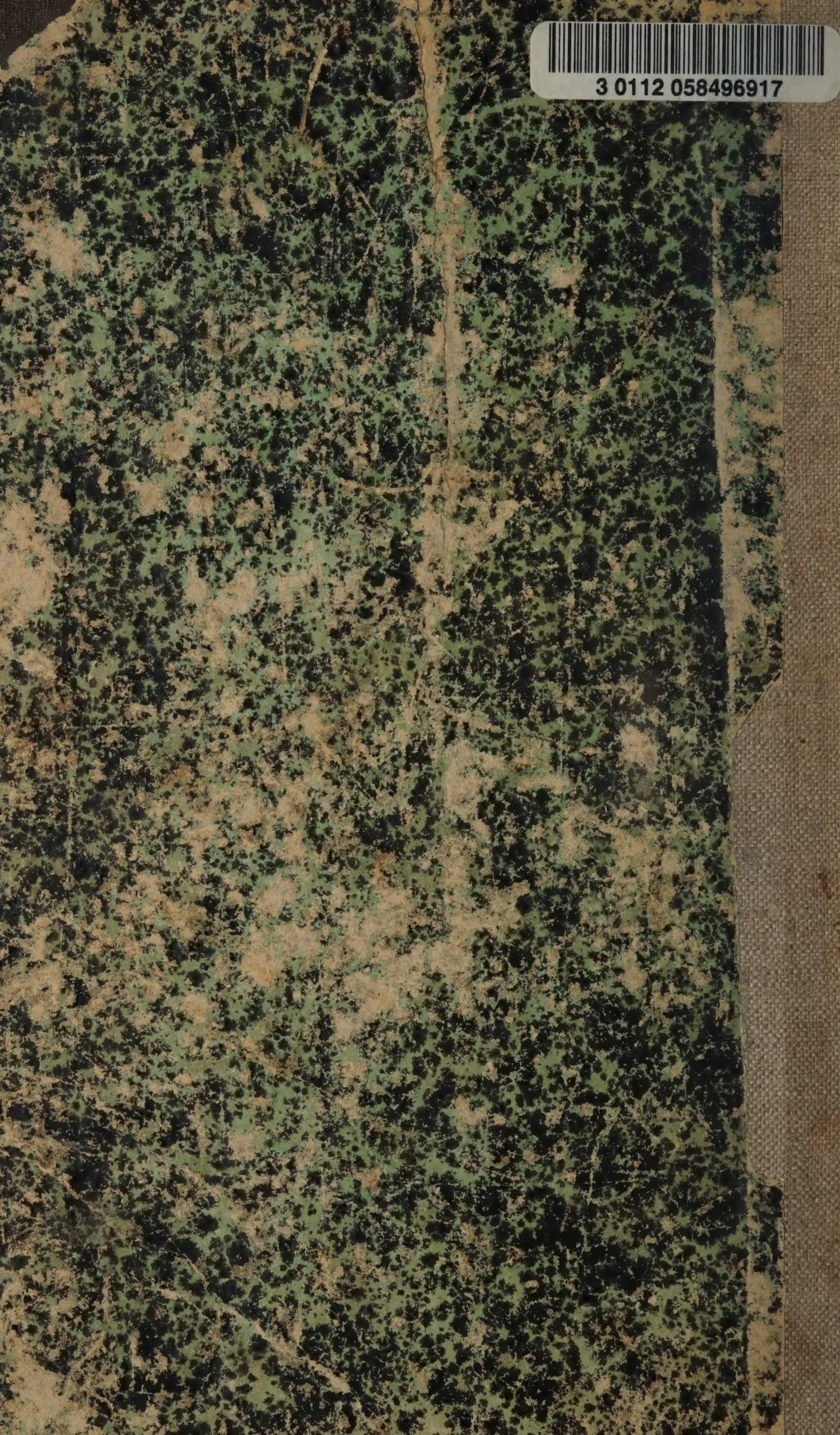
Издатель А. С. Суворинъ. Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

3 0112 058496917